

Олег ПЛАТОНОВ

Святая Русь и окаянная нерусь

Русская цивилизация
против мирового зла

Заговор против России

«ВО УМНОЖЕНИИ ЛЮБВИ К СВЯТОЙ РУСИ»

К этой книге я шел четверть века. Первые крупницы в ее основание я заложил в середине 70-х годов, когда начал путешествовать по России. От Каргополя по Онеге до Кий-острова и Соловков, по Мезени и Пинеге до родины св. Иоанна Кронштадтского, по Печоре к старообрядческим скитам – начав с севера, я пошел на юг, постепенно расширяя свои пути на запад и восток, не пропуская ни одной общерусской святыни, монастыря, достопамятного места.

Вся Великая Россия – от Приднестровья, Буковины, Закарпатской Руси, Малороссии, Белоруссии и Прибалтики до Урала, Сибири, среднеазиатских степей, Закавказья и Крыма – открывала мне свои просторы и исторические судьбы. Русский народ, осваивавший эти территории в течение четырех тысячелетий, вложивший в них свои подвиг и труд, кровь и пот, виделся мне в терновом венце страданий и унижений, но вместе с тем – в ореоле непостижимого духовного совершенства.

К главным обобщениям этой книги меня подтолкнули беседы с одним из величайших православных подвижников и мыслителей XX века митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским Иоанном.

В 1993 на заседании комиссии по канонизации святых Русской Православной Церкви, на котором я сделал доклад о Г.Е. Распутине в связи с предстоящим прославлением Николая II, владыка Иоанн мягко, но очень убедительно попенял мне за «однобокое увлечение русским вопросом». По мнению митрополита, вопрос этот носит скорее религиозный, чем национальный характер. Тяжелые испытания, обрушившиеся на русских, являются следствием того, что они в течение последних столетий были народом-Богоносцем, главным хранителем христианской веры. Поэтому именно на русских пришелся основной удар врагов рода человеческого.

В нашей стране, говорил владыка Иоанн, национальный вопрос был преимущественно только внешней формой, за которой скрывалось стремление русских сохранить свою веру. Все видимые противоречия – социальные, экономические, политические, имели второстепенное значение, а главным для коренного русского человека всегда оставался вопрос о вере, о Святой Руси, воспоминания о которой хранились в тайниках его души. Возрождение Святой Руси во всем величии и единстве Православия, Самодержавия и Народности – главный смысл жизни коренного русского человека. Эту мысль великий православный подвижник постоянно проводил в своих трудах и беседах. На последней встрече с владыкой Иоанном, которая состоялась за десять дней до его кончины, он подарил мне свою книгу «Одоление смуты», сопроводив ее напутственными словами об «умножении любви к Святой Руси», которые стали для меня его духовным завещанием.

Внимательный взгляд на русскую жизнь, по крайней мере за последнее тысячелетие, позволяет увидеть, что в нашей стране сложилась самобытная цивилизация, высокие духовно-нравственные ценности которой все больше открываются для нас в православной этике и добротолубии, русской иконе, церковном зодчестве, трудолюбию как добродетели, нестяжательстве, взаимопомощи и самоуправлении русской общины и артели – в общем, в той структуре бытия, где духовные мотивы жизни преобладали над материальными, где целью жизни была не вещь, не потребление, а совершенствование, преображение души.

Эти духовные формы существования пронизывают всю историческую жизнь русского народа, отчетливо прослеживаются по первоисточникам в течение более чем двух тысяч лет, проявляясь, конечно, не одинаково в разные периоды и в разных областях России.

Русская цивилизация – целостная совокупность духовно-нравственных и материальных форм существования русского народа, определившая его историческую судьбу и сформировавшая его национальное сознание.

Опираясь на ценности своей цивилизации, русский народ сумел создать величайшее в мировой истории государство, объединившее в гармоничной связи многие другие

народы, развить великие культуру, искусство, литературу, ставшие духовным богатством всего человечества.

Впервые к мысли о существовании русской цивилизации пришел выдающийся русский ученый Н.Я. Данилевский. Правда, он говорил не о русской, а о славянской цивилизации, однако понятия, которые он в нее вкладывал, позволяют говорить, скорее всего, о русской цивилизации. Именно Данилевский впервые в мире научно разработал теорию культурно-исторических типов, каждый из которых имеет самобытный характер.

До него господствовало представление, что человеческое общество развивается во всех странах одинаково как бы линейно, вверх, от низших форм к высшим. Сначала были Индия и Китай, потом высшие формы развития перешли в Грецию и Рим, а затем получили окончательную завершенность в Западной Европе. Эти представления были рождены на Западе и являлись западной разновидностью концепции «Третьего Рима», то есть Запад как бы принимал на себя эстафету мирового развития, объявляя себя высшим выражением мировой цивилизации. Все многообразие культурно-исторических типов рассматривалось в рамках единой цивилизации. Эти ошибочные представления Н.Я. Данилевский убедительно опроверг. Он показал, что развитие идет не линейно, а в рамках целого ряда культурно-исторических типов, каждый из которых является по отношению к другим замкнутым духовным пространством, и оценивать его можно только по его внутренним, присущим только ему критериям.

Цивилизация – главная форма человеческой организации пространства и времени, выражающаяся качественными началами, лежащими в особенностях духовной природы народов, составляющих самобытный культурно-исторический тип. Каждая цивилизация представляет собой замкнутую духовную общность, существующую одновременно в прошлом и настоящем и обращенную в будущее, обладающую совокупностью признаков, позволяющих классифицировать ее по определенным критериям. Цивилизация не равнозначна понятию «культура» (хотя они нередко ошибочно отождествляются). Так, последняя представляет собой только конкретный результат

развития внутренних духовных ценностей цивилизации, имея строгое ограничение во времени и пространстве, то есть выступает в контексте своей эпохи.

Разделение человечества на цивилизации имеет не меньшее значение, чем разделение на расы. Если расы представляют собой исторически сложившиеся разновидности человека, имеющие ряд наследственных внешних физических особенностей, которые образовались под действием географических условий и были закреплены в результате изоляции различных человеческих групп друг от друга, то принадлежность к определенной цивилизации отражала исторически сложившийся духовный тип, психологический стереотип, закрепившийся в определенной национальной общности, а также – вследствие особых исторических и географических условий жизни и генетических мутаций. Если принадлежность к расе выражалась в цвете кожи, строении волос и ряде других внешних признаков, то принадлежность к цивилизации выражалась прежде всего во внутренних, духовных, психических и психологических признаках, самодовлеющих духовных установках.

Каждая цивилизация имеет самобытный характер и развивается по собственным законам.

В целом выводы Данилевского о природе цивилизации сводятся к следующему:

– всякое племя или семейство народов, характеризующееся отдельным языком или группой языков, близких между собой, составляет самобытный культурно-исторический тип, если оно по своим духовным задаткам способно к историческому развитию;

– чтобы цивилизация, свойственная самобытному культурно-историческому типу, могла зародиться и развиваться, необходима политическая независимость ее народов;

– начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа. Каждый тип вырабатывает ее для себя при большем или меньшем влиянии чуждых ему предшествовавших или современных цивилизаций;

– цивилизация, свойственная каждому культурно-историческому типу, только тогда достигает полноты,

разнообразия и богатства, когда разнообразны этнографические элементы, его составляющие, когда они, не будучи поглощены одним политическим целым, пользуясь независимостью, составляют федерацию или политическую систему государства.

Русская цивилизация как духовно-исторический тип зарождалась почти за два тысячелетия до принятия христианства. Ее контуры вырисовываются в духовных представлениях черноморской культуры Среднего Поднепровья X–VIII вв. до н.э. Как отмечает академик Б.А. Рыбаков, уже тогда земледельческие племена восточного славянства создали союз для обороны от кочевых киммерийцев, научились ковать железное оружие и строить могучие крепости. Древние люди этих племен называли себя скотлами. В VII в. до н.э. скотлотский племенной союз вошел как автономная единица в обширную федерацию, условно называемую Скифией.

Существует целый ряд свидетельств древних историков, географов, философов о жизни земледельческих скотлотских племен Скифии. В частности, Страбон отмечает характерные черты скототов: добротолубие (любезность), справедливость и простоту. Уже тогда прослеживается поклонение добрым началам жизни, демократический уклад жизни и быта, нестяжательство и презрение к богатству. Многие источники особо подчеркивают приверженность скотлотских племен к своим традициям и обычаям.

Нашествие многочисленных сарматских племен в III в. до н.э. приостановило процесс формирования и созревания русской цивилизации. Земледельческие племена были вытеснены в глухую лесную зону, где многое приходилось начинать с начала. Зарубинецкая и выросшая из нее черняховская культуры, просуществовавшие до IV–V вв. н.э., были регрессом по сравнению со скотлотским периодом, но тем не менее они сумели сохранить главные духовные черты, которые в новых условиях сер. I-го тысячелетия позволили окончательно сформировать культурно-исторический тип русской цивилизации, создавая союзы племен, а позднее и единое государство. Весь последующий период развития русской цивилизации можно характеризовать как процесс ее естественного расширения до естествен-

ных границ. Процесс расширения русской цивилизации осуществлялся преимущественно духовным могуществом, а отнюдь не военной силой. Русская духовная мощь организовала вокруг себя другие народы, подавляя противников и соперников силой добра и справедливости. Финно-угорские, а позднее многие сибирские народы были вовлечены в русскую цивилизацию добровольно, без крови и насилия.

Великое открытие Данилевского о многообразии и самобытности цивилизаций не получило должной оценки современников, более того, его учение подвергается поношению. Продолжает преобладать мнение, что Россия развивалась и будет продолжать развиваться в русле европейской цивилизации, являющейся высшим выражением мировой.

Для многих выдающихся русских современников Н.Я. Данилевского русский мир воспринимался глазами западного человека, через западноевропейские шоры, делающие невидимыми многие выдающиеся ценности русской культуры, определяющие ее самобытность. Но чего можно было ожидать, если еще в к. XIX в. многие русские философы не знали иконописи и церковного зодчества, а если и говорили о них, то только как о заимствованиях из Византии? Может быть, самый выдающийся критик Н.Я. Данилевского В.С. Соловьев писал свои сочинения о Софии, не зная ни русской иконописи, ни древнерусской литературы. Отсюда его отпад от Православия в католичество, неверие в русскую культуру и вывод о том, что русский народ не обладает особенными талантами.

Подобные рассуждения были нередки. Так, например, историк В.О. Ключевский утверждал, что древнерусская мысль, при всей ее формальной напряженности и силе, так и не выходила никогда за пределы «церковно-нравственной казуистики». Сказать так значит расписаться в своем невежестве в области древней русской литературы, давшей огромное количество талантливых литературных произведений различных жанров. Церковный историк Голубинский, который вроде бы должен был изучить древнерусскую литературу глубже, считал, что «Древняя Русь вплоть до самого Петровского переворота не имела не то что образованности, но даже и книжности...».

Отрицательное отношение интеллигенции и правящего слоя к ценностям русской цивилизации, которым они были обязаны служить, стало одной из главных причин великой трагедии России в XX в.

В силу разных исторических обстоятельств значительная часть российского правящего слоя и интеллигенции, призванная служить развитию и совершенствованию народной жизни, освоению культурного наследия страны, изменила своему предназначению и стала орудием отторжения национального наследия, навязывания народу чуждых идей и форм жизни, заимствованных преимущественно у Запада. Низкопоклонство перед Западом стало отличительной чертой значительной части российского образованного общества и правящего слоя, что отмечалось Ломоносовым и Фонвизиным, Пушкиным и Достоевским, Чеховым и Буниним.

Развитие западноевропейского «просвещения» в России – это последовательный процесс отторжения и уничтожения национальной культуры, разрушения русской цивилизации, моральное и физическое уничтожение ее носителей, попытки построить в стране утопические формы жизни.

Отторжение ценностей русской цивилизации деформировало общественное сознание, вызывало кровавые катаклизмы, создавая все новых и новых мучеников за идеи Святой Руси. Эти мученики были всегда – от Филиппа Митрополита до оптинских старцев, от Аввакума до славянофилов. Но после большевистского переворота мученичество стало неотъемлемой духовной принадлежностью коренных русских людей. Планомерно и организованно уничтожались русские священники и национальная интеллигенция, лучшие представители крестьянства. Идеалы Святой Руси закреплялись кровью мучеников – Русь становится Святой вдвойне.

Что же разобщило русскую и западную цивилизации, делая их встречу такой трагической? Ответ на этот вопрос крайне важен для понимания ценностей русской цивилизации. Главное отличие – в разном понимании сути человеческой жизни и общественного развития. Цивилизация в России носила преимущественно духовный,

а на Западе – преимущественно экономический, потребительский, даже агрессивно-потребительский, характер. Корни западной цивилизации уходят в иудейское мировоззрение Талмуда, провозглашающего небольшую часть человечества «избранным народом», обладающим особым «правом» господствовать над другими, присваивать их труды и собственность. В течение XI–XVIII вв. бывшая христианская цивилизация Запада постепенно преобразуется в цивилизацию иудейско-масонскую, отрицающую духовные ценности Нового Завета, подменяя их иудейским поклонением золотому тельцу, культом насилия, порока, плотского наслаждения жизнью. Святая Русь не могла принять такого мировоззрения. Приоритет главных жизненных ценностей и радостей человека Древней Руси был не на экономической стороне жизни, не в стяжании материальных благ, а в духовно-нравственной сфере, воплощаясь в высокой своеобразной культуре того времени.

Без понимания Православия невозможно осознать значение русской цивилизации, Святой Руси, хотя следует помнить, что оно не сводится к чистой церковности и образцам древней русской святости, но гораздо шире и глубже их, включая всю духовно-нравственную сферу русского человека, многие элементы которой возникли еще до принятия христианства, Православие увенчало и упрочило древнее мировоззрение русского народа, придав ему более утонченный и возвышенный характер.

Говоря о преимущественно духовном характере русской цивилизации, я не собираюсь утверждать, что такая цивилизация была единственной. У русской цивилизации было много общего с индийской, китайской и японской цивилизациями. Поиск цели развития не в стяжании материальных благ, не вне человека, а в глубине его души, в стремлении к абсолютным началам бытия роднит эти великие цивилизации.

В XVI в. идейная борьба русской и западной цивилизаций, в частности, нашла выражение в концепции «Москва – Третий Рим», основой которой было утверждение ценностей русской цивилизации, противостояние западной идеологии. На Западе «просят сесветное житие», а на Руси «угождают на будущее житие». Конечно, причины

этой борьбы гораздо серьезнее, чем простое столкновение между Православием и католичеством. К XVI в. в Европе выкристаллизовались две противоположные жизненные идеологии, одна из которых, западная, развивалась в русле агрессивного потребительства, переросшего к XX в. в настоящую гонку потребления.

Противостояние русской и западной цивилизаций стало определяющим событием XX в. Даже «холодная война» между «коммунизмом» и «капитализмом» в своей основе носила характер борьбы цивилизаций, ибо многие коммунистические идеи были извращенным вариантом идей русской цивилизации.

И сегодня в этом противостоянии русской и западной цивилизаций решается судьба всего человечества, ибо, если окончательно победит западная цивилизация, мир будет превращен в гигантский концлагерь, за колючей проволокой которого 80% населения мира будут создавать ресурсы для остальных 20%. Лишенная всяких ограничений, гонка потребления западных стран приведет к истощению мировых ресурсов, деморализации и гибели человечества.

Шанс на выживание человечеству дают духовные цивилизации, одно из главных мест среди которых занимает русская цивилизация, ориентированная не на агрессивное потребление и войну всех против всех, а на разумное самоограничение и взаимопомощь.

Русская цивилизация была главным препятствием на пути Запада к мировому господству. В течение столетий задерживала она алчный напор западного потребителя на сокровища Востока. Этим она заслужила особую ненависть западного обывателя. Запад радовался любым неудачам, любому ослаблению России.

Для Западной Европы, писал И.А. Ильин, «русское инородно, беспокойно, чуждо, странно и непривлекательно. Их мертвое сердце мертво и для нас. Они горделиво смотрят на нас сверху вниз и считают нашу культуру или ничтожной, или каким-то большим и загадочным «недоразумением»... В мире есть народы, государства, правительства, церковные центры, закулисные организации и отдельные люди – враждебные России, особенно православной России, тем более императорской и не расчлененной России.

Подобно тому как есть «англофобы», «германофобы», «японофобы», так мир изобилует «руссофобами», врагами национальной России, обещающими себе от ее крушения, унижения и ослабления всяческий успех. Это надо продумать и почувствовать до конца».

Напор западной цивилизации на русскую цивилизацию осуществлялся постоянно. Это была не свободная встреча двух самобытных сторон, а постоянная попытка западной стороны утвердить свое превосходство.

Несколько раз западная цивилизация стремилась разрушить русскую цивилизацию путем военной интервенции, например, польско-католическое нашествие и поход Наполеона. Но каждый раз она терпела сокрушительное поражение, столкнувшись с могучей, непонятной ей силой, пытаясь объяснить свою неспособность одолеть Россию разными внешними факторами – русской зимой, огромной территорией и т.п.

И все же русская цивилизация разрушена, но не в результате слабости, а вследствие перерождения и национального вырождения ее образованного и правящего слоя. Люди, которые по своей национальной и социальной роли в обществе должны быть хранителями драгоценного сосуда русской цивилизации, выронили его из своих рук, и он разбился. Это совершили интеллигенция и дворянство, лишенные национального сознания, под воздействием «западного просвещения».

Хотя драгоценный сосуд русской цивилизации разбит, ее образы продолжают сохраняться на генетическом уровне в глубинах национального сознания коренных русских людей. Они как память о Граде Китеже хранятся в национальном сознании, знаменуя собой «золотой век» русского народа, век, когда русский человек оставался самим собой, жил по заветам предков в соборном единстве всех сословий.

Национальное сознание формируется в течение жизни многих поколений и вбирает в себя родовой опыт народа, обусловленный Божественным промыслом и исторической судьбой.

Национальное сознание – это не цепь умозрительных построений, а приобретенный характер бессознательного

начала духовно-нравственные ориентиры русского народа, выражающиеся в его типических поступках и реакциях, поговорах, пословицах, во всех проявлениях духовной жизни.

Национальное сознание нельзя отождествлять с национальным идеалом, хотя последний является его неотъемлемой частью. Скорее всего, это своего рода узлы народной психики, предопределяющие самый вероятный вариант практического выбора в тех или иных условиях. Это вовсе не означает, что не могут иметь места отклонения и поступки крайне противоположные.

Национальное сознание создает одну из главных предпосылок полноценной жизни. Человек, лишенный национального сознания, ущербен и слаб, он превращается в игрушку внешних сил, глубина, полнота окружающей жизни недоступна ему. Ущербность и трагедия многих русских интеллигентов и дворян состояла в том, что они были лишены русского национального сознания и стали орудием разрушения России в руках ее врагов.

Понимание духовно-нравственных ценностей русской цивилизации и глубин национального сознания имеет сегодня первостепенное значение, ибо оно позволяет открыть для нас и освободить от всяческих наслоений источник нашей силы – русское национальное ядро. Со времен славянофилов и Данилевского этот путь еще не был до конца преодолен. Ведущие русские философы и ученые к. XIX – 1-й пол. XX вв. практически не касались этой области знания, а если и рассматривали ее, то с западных позиций, трактуя российскую самобытность как наследие византизма. Голоса национально мыслящих русских ученых заглушались стандартными формулировками о вековой отсталости России и реакционности ее народа. Только немногие ученые сумели преодолеть вздорный хор западнического обличительства и показать миру, каким драгоценным духовным сокровищем была историческая Россия – Святая Русь. Вершинами русской национальной мысли стали труды Л. Тихомирова («Монархическая государственность»), И. Солоневича («Народная монархия»), И. Ильина («Наши задачи» и др.), Г. Флоровского («Пути русского богословия»).

* * *

Раскрывая духовные ценности русской цивилизации, хранящиеся в национальном сознании русского человека, я имею в виду прежде всего человека Древней Руси, для которого они были органичным мировоззрением. В более поздние времена, вплоть до н. XX в., это цельное мировоззрение русской цивилизации сохранялось в сознании православных подвижников, святых, духовных писателей, а также коренных русских крестьян и купцов, особенно в северных областях России (хотя уже далеко не у всех).

Используемое в книге понятие «русский народ» включает в себя, как это было принято до 1917, все его географические части, в том числе малороссов и белорусов. Еще в XIX в. ни у кого не возникало сомнений в принадлежности их к русской нации. Официальная статистика считала всех их русскими и подразделяла на великороссов, малороссов и белорусов по чисто географическому, а не национальному признаку. Подобно Сибири или Уралу, Украина и Белоруссия составляли единую географию русского народа, целостный братский организм. Некоторые языковые, этнографические различия Украины и Белоруссии объяснялись особенностями их исторического развития в условиях многовековой польско-литовской оккупации. Провозглашение русского народа Украины особым народом – результат подрывной работы австро-германских спецслужб (а позднее и вообще западных спецслужб) с целью расчленения и ослабления единого братского организма России.

ДОРОГА ДЛИНОЙ В ЧЕТЫРЕ ТЫСЯЧИ ЛЕТ

Историческое развитие русской цивилизации определялось прежде всего духовно-нравственными ценностями русского народа, ядром которого с принятием христианства стала Святая Русь. Однако выбор православной веры для наших предков не был случаен, ибо Православие наиболее близко отвечало их духовным и моральным потребностям.

В своем развитии русская цивилизация прошла четыре этапа. Первый этап – зарождение – продолжался примерно со II тысячелетия до н.э. до сер. I тысячелетия н.э. Второй этап – становление – с сер. I тысячелетия до 2-й пол. XIV в. Третий этап – расцвет – со 2-й пол. XIV до последней трети XVII вв. Четвертый этап – с последней трети XVII в. до наших дней – может быть охарактеризован словом «разрушение» (упадок).

ГЛАВА I. Зарождение. – Культура праславянских племен. – Сколоты- пахари. – В скифском царстве. – Свидетельства древних историков. – Появление письменности. – Любезность, справедливость и простота.

Первой археологической культурой, которую ученые связывают с восточными протославянами, является белогрудовская культура. Она была распространена в XI–VIII вв. до н.э. в лесостепной части Приднепровья. Племена, относящиеся к этой культуре, занимались земледелием и животноводством, жили в полуземляночных жилищах в поймах рек, изготавливали оружие из камня, кремня, кости и бронзы, а также тюльпановидные сосуды, украшенные гладким валиком, миски с отогнутым нару-

жу краем и др. От белогрудовской культуры происходит чернолесская культура земледельческих праславянских племен Северного Приднепровья X – сер. VII вв. до н.э.¹. Для этих племен характерно ведение земледелия и скотоводства, изготовление тюльпановидных сосудов, лощеных кубков, мисок и корчаг. Каменные и бронзовые орудия в чернолесской культуре постепенно заменяют железными (кинжалы, мечи с железными клинками, железные наконечники копий). В VIII в. до н.э. чернолесская культура стала основой развития земледельческого населения Северного Поднепровья, в котором можно видеть упоминаемые древнегреческим историком Геродотом праславянские племена сколотов-пахарей, или борисфенитов, вынужденных подчиняться этнически отличным от них кочевникам-скифам. Геродот пересказывает услышанное им древнее предание о сколотах-славянах лесостепной Восточной Европы середины II тысячелетия до н.э. Это предание о сыне Зевса и дочери реки Борисфена (Днепра), первом царе сколотов Таргитае и о его сыновьях, которые, обретя упавшие с неба плуг, ярмо (для скота), секиру и чашу, около 1512 до н.э. начали активно использовать их в хозяйственной деятельности².

Сколоты-пахари были мирным народом, жившим своим трудом под власть воинственных скифов. В VII – I вв. до н.э. по рекам южной части Восточной Европы к пристаням греческих городов двигалось множество людей и больших челнов с зерном, медом, пушниной, пенькой и другими товарами. Чтобы уберечься от врагов, они строили городища-крепости, с одной стороны омываемые водой, с другой огражденные валом с деревянным частоколом и рвом. В городищах обязательно существовали языческие капища, где возносились молитвы богам и делались жертвоприношения. Вокруг городища по речной долине сооружались селения с соломенными кровлями. Кусты селений обычно не превышали десятка отдельно стоявших дворов или групп дворов, состоявших из двух или пяти

¹ Тереножкин А.И. Предскифский период в днепровском Правобережье. Киев, 1961.

² Геродот. История в девяти книгах. Л., 1972, книга IV-5.

самостоятельных хозяйств. Погребения совершались под курганами и в групповых могилах¹.

Уже в скифский период у древних восточных славян начинают зарождаться основы духовной цивилизации, прослеживается поклонение добрым началам жизни, стремление к самоуправлению и общинности, нестяжательство и презрение к богатству. Греческий географ и историк Страбон (64/63 до н.э. – 23/24 н.э.) отмечает характерные черты скотов: добротолубие (любезность), справедливость и простоту.

Союз скифских племен, в который входили и сколоты-пахари, имел характер государственного объединения во главе с царем, власть которого была наследственной и обожествлялась. В IV в. до н.э. скифский царь Атей совершил объединение Скифии от Азовского моря до Дуная с центром в Крыму. Скифское царство, в которое входили праславяне-сколоты, просуществовало более 500 лет и было уничтожено кочевыми племенами готов и сарматов. Многие городища и селения мирных земледельцев-сколотов были разрушены, а праславянской культуре, зарождающейся древнерусской цивилизации нанесен ощутимый ущерб.

В I в. до н.э. – III в. н.э. отдельные элементы зарождающейся древнерусской цивилизации прослеживаются в зарубинецкой и черняховской культурах. В зарубинецкой культуре, просуществовавшей до I в. н.э., были небольшие поселения, расположенные в высоких и труднодоступных местах. Стены жилищ возводили из столбов, крепивших плетни, обмазанные глиной. Рядом в глубоких ямах располагались хранилища для продуктов. Главной хозяйственной отраслью было пашенное земледелие, а также скотоводство. Применялась переложная система обработки земли. Когда земля в одном месте начинала истощаться, праславянские земледельцы переходили на другие участки. Орудия труда выделялись из железа. Выращивали пшеницу, просо и ячмень, которые жали серпами и косили косами. Собранное зерно терли ручными зернотерками. На огородах сажали репу. Большое значение имели охота и

¹ Рыбаков Б.А. Геродотова Скифия. М., 1979.

рыболовство. Изготавливались челны из дуба и ивы. Хотя и в меньшем объеме, чем в прежние времена, велась торговля с греческими городами.

Черняховская культура, существовавшая во II–V вв. н.э. в лесостепях и степях от Нижнего Подунавья на западе до левых притоков Днепра на востоке, включала в себя не только древнеславянские племена, но и другие этнические общности. Собственно славянское население располагалось по берегам рек Прут, Днестр, Южный Буг, Средний Днепр с притоками: Тетерев, Рось, Тясмин, Сейм, Сула, Псёл, Ворксла – и верховьям Северского Донца. Уже в этот период отчетливо складывались первоначальные границы зарождающейся древнерусской цивилизации, которая не только удерживала за собой земли по берегам Днестра, Южного Буга и Среднего Днепра, но и расширяла их за счет территорий Северного Причерноморья.

Жилища древних славян черняховской культуры представляли собой дома, углубленные в землю. Возводились они либо в виде сруба (будущей избы), либо заглубленных столбов с промежуточными плетнями, обмазанными глиной (мазанка). Площадь некоторых домов превышала 100 кв. метров. Для защиты строились городища-крепости. Однако в то время их было немного. Специальные места отводились под капища языческих богов для моления и жертвоприношений.

Земли пахали на волах и лошадях деревянным плугом и оралом, снабженными железными наконечниками. Выращивали просо, пшеницу, рожь, ячмень, овес, лен. Жали урожай серпами, мололи цепами, перетирали зерно в муку на ручных мельницах, хранили урожай в больших глиняных сосудах.

Возникают промышленные ремесла – железоделательное, кузнечное, бронзолитейное, косторезное, камнесечное, гончарное. Продукция этих ремесел производится не столько для себя, сколько на продажу. В больших объемах осуществляется торговля с греческими городами.

В античной литературе древнеславянские племена этого периода упоминаются под именем венедов, антов, склавинов. Византийский историк Прокопий Кесарийский (между 490 и 507 – после 562) оставил описание древних

славян. «Эти племена, славяне и анты, – пишет он, – не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве (демократии), и поэтому у них счастье и несчастье в жизни считается делом общим. Равным образом и во всем остальном, можно сказать, у обоих этих вышеназванных варварских племен вся жизнь и узаконения одинаковы. Они считают, что один только Бог, творец молний, является владыкой надо всем, и ему приносят в жертву быков и совершают другие священные обряды. Судьбы они не знают и вообще не признают, что она по отношению к людям имеет какую-либо силу, и когда им вот-вот грозит смерть, охваченным ли болезнью, или на войне попавшим в опасное положение, то они дают обещания, если спасутся, тотчас же принести Богу жертву за свою душу, и, избегнув смерти, они приносят в жертву то, что обещали, и думают, что спасение ими куплено ценой этой жертвы. Они почитают и реки, и нимф, и всяких других демонов, приносят жертвы всем им и при помощи этих жертв производят и гадания. Живут они в жалких хижинах, на большом расстоянии друг от друга, и все они по большей части меняют места жительства. Вступая в битву, большинство из них идет на врагов со щитами и дротиками в руках, панцирей же они никогда не надевают; иные не носят ни рубашек (хитонов), ни плащей, а одни только штаны, доходящие до половых органов, и в таком виде идут на сражение с врагами. У тех и других один и тот же язык, довольно варварский, и по внешнему виду они не отличаются друг от друга. Они очень высокого роста и огромной силы. Цвет кожи и волос у них не очень белый или золотистый и не совсем черный, но все же они темно-красные».

Интересное описание славян оставил в своем сочинении «Стратегикон» византийский император Маврикий. «Племена склавов и антов одинаковы и по образу жизни, и по нравам; свободные, они никаким образом не склонны быть рабами, ни повиноваться, особенно в собственной земле. Они многочисленны и выносливы, легко переносят и зной, и стужу, и дождь, и наготу тела, и нехватку пищи. К прибывающим к ним иноземцам добры и дружелюбны, препровождают их поочередно с места на место, куда бы

тем ни было нужно; так что если гостю по беспечности принявшего причинен вред, против него начинает вражду тот, кто привел гостя, почитая отмщение за него своим долгом. Пребывающих у них в плену они не держат в рабстве неопределенное время, как остальные племена, но, определив для них точный срок, представляют на их усмотрение: либо они пожелают вернуться домой за некий выкуп, либо останутся там как свободные люди и друзья. У них множество разнообразного скота и злаков, сложенных в скирды, в особенности проса и полбы. Жены же их целомудренны сверх всякой человеческой природы, так что многие из них кончину своих мужей почитают собственной смертью и добровольно удушают себя, не считая жизнью существование во вдовстве.

Живут они среди лесов, рек, болот и труднопреодолимых озер, устраивая много, с разных сторон, выходов из своих жилищ из-за обычно наступающих их опасностей; все ценное из своих вещей они зарывают в тайнике, не держа открыто ничего лишнего. Ведя разбойную жизнь, они любят совершать нападения на своих врагов в местах лесистых, узких и обрывистых. С выгодой для себя пользуются засадами, внезапными нападениями и хитростями, ночью и днем, выдумывая многочисленные уловки. Они опытнее всех других людей и в переправе через реки и мужественно выдерживают пребывание в воде, так что часто некоторые из них, оставшиеся дома и внезапно застигнутые опасностью, погружаются глубоко в воду, держа рту изготовленные для этого длинные тростинки...

Каждый мужчина вооружен двумя небольшими копьями, а некоторые из них и щитами, крепкими, но труднопереносимыми. Пользуются они также деревянными луками и небольшими стрелами, намазанными отравляющим веществом... Пребывая в состоянии анархии и взаимной вражды, они ни боевого порядка не знают, ни сражаться в правильном бою не стремятся, ни показываться в местах открытых и ровных не желают. Если же и придется им отважиться при случае на сражение, они с криком все вместе понемногу продвигаются вперед. И если неприятели поддаются их крику, стремительно нападают; если же нет, прекращают крики, не стремясь испытать в рукопаш-

ной силу своих врагов, убегают в леса, имея там большое преимущество, поскольку умеют сражаться подобающим образом в теснинах.

Ведь нередко, неся добычу, они, при малейшей тревоге пренебрегая ею, убегают в леса, а когда нападающие сгрудятся вокруг добычи, они набрасываются, без труда нанося им вред. Они стремятся всеми способами и преднамеренно проделывать это с целью заманивания своих врагов.

Они вообще вероломны и ненадежны в соглашениях, уступая скорее страху, нежели дарам. Так как господствуют у них различные мнения, они либо не приходят к соглашению, либо, даже если они и соглашаются, то решение тотчас же нарушают другие, поскольку все думают противоположное друг другу и ни один не желает уступить другому...

...Поскольку у них много вождей и они не согласны друг с другом, нелишне некоторых из них прибрать к рукам с помощью речей или даров, в особенности тех, которые ближе к границам, а на других напасть, дабы враждебность ко всем не привела бы к их объединению или монархии.

...Поскольку хории склавов и антов расположены поочередно вдоль рек и соприкасаются друг с другом, так что между ними нет достойных упоминания промежутков, а лес или болота, или заросли ростника примыкают к ним, то при предпринимаемых против них нападениях обычно случается так, что со вступлением в их первую хорию там задерживается в бездействии все войско; остальные хории, поскольку они расположены по соседству и имеют близко леса, заметив это движение войск, легко, из-за близости расстояния, избегают им предназначенного».

Император Маврикий значительную часть своего царствования провел в борьбе со славянами, пытаясь подчинить их византийскому господству. Это ему не удавалось. Поэтому вряд ли правомерны его оценки в отношении разбойной жизни и вероломства славян. То, что император называл разбойной жизнью, было правомерной партизанской борьбой против захватчиков. А «вероломство» в отношении навязанных силой соглашений являлось естественной реакцией славянских сообществ против диктата грубой силы.

В общественном сознании и исторической памяти русского народа II–IV вв. получили название Трояновы века, по имени римского императора Трояна (53–117). Так, например, они называются в «Слове о полку Игореве»: «Были вечи Трояни» или «На седьмом веце Трояни връже Всеслав жребий о девицю себе любу». Период этот был для русских племен относительно спокойным, и потому упоминается как Золотой век. В исторической памяти русского народа сохранилось воспоминание об антском царе Бозе, или Боже, который, по свидетельству готского историка Иордана, в IV в. успешно воевал с германцами-остготами, а затем предательски был захвачен в плен с сыновьями и старейшинами и зверски растерзан врагами. В исторической памяти русского народа сохранились героические деяния Боза, звонившего русским золотом на берегах Черного моря, как повествуется в «Слове о полку Игореве»: «...уже врежеса Див на землю. Се бо готские красные девы воспеша на брезе синему морю; звоня рускым златом, поют время Бусово...».

К I в. следует отнести первое знакомство древних русских людей с христианством. Существует предание о миссионерской деятельности апостола Андрея Первозванного (первого из апостолов, уверовавшего в Христа и последовавшего за ним). Апостол совершил «хождение» по Русской земле из таврического Корсуна к месту, где впоследствии возник Киев, и далее к Новгороду, где удивлялся «банному истязанию». На своем пути ап. Андрей разрушал языческие капища, проповедовал древнерусским язычникам учение Христа, крестил многих и в ознаменование этого воздвигнул крест на Киевских горах, сказав: «На сих горах воссияет благодать Божия». Безусловно, такое великое событие не могло не отразиться на будущей судьбе русского народа, со временем понявшего вещей характер предсказания св. апостола и с тех пор считавшего его покровителем Русской церкви. Христианство еще не могло широко распространиться среди древневосточных славян и было уделом только избранных. В южных областях будущего Русского государства обращение к христианству имело более частный характер. Св. Иероним (IV в.) писал: «...хладная Скифия согревается огнем веры истинной».

Св. Иоанн Златоуст (IV в.) направляет в пределы будущей России миссионеров для распространения Православия среди язычников. Безусловно, такое внимание к будущей Русской земле со стороны свв. Андрея Первозванного, Иеронима и Иоанна Златоуста не могло не наделить особым благодатным свойством складывающуюся русскую цивилизацию. По-видимому, именно в это время – первой половине I тысячелетия н.э. – возникает первоначальная славянская письменность¹.

В середине I тысячелетия духовно-нравственные определяющие Русской цивилизации получают конкретные формы, выразившиеся в особых свойствах и характере древнерусского народа. Суммируя все имеющиеся письменные и археологические источники, можно утверждать, что древнеславянское население этого периода носило мирный трудовой характер, занимаясь земледелием, животноводством, охотой и рыболовством, изготавливая орудия труда и украшения. Военная деятельность была преимущественно оборонительной, направленной на защиту своих земель и селений. Самоуправление, взаимопомощь (счастье и несчастье общие), общинность сочетались с твердой властью племенных вождей и военачальников. Вера в единого главного бога сочеталась с верой во второстепенных божеств, злых и добрых духов. Причем поклонение осуществлялось добрым началам жизни, славяне верили в неизбежность победы добра, закладывались основы добротолубия. Древние славяне не были склонны к накопительству, к стяжанию богатств, закладывались основы нестяжательства. В семейной жизни ценилось целомудрие и супружеская верность жен. Природу славяне считали живым существом и поклонялись ей, особенно обожествлялись дубравы и Мать Сыра Земля.

¹ О б н о р с к и й С.П. Культура русского языка. М.–Л., 1948, с. 9.

ГЛАВА 2. Становление. – От союзов племен к государственному единению. – Новгород и Киев. – Уничтожение Хазарии. – Принятие Христианства. – Община и артель. – Хозяйство и ремесла. – Литература и искусство. – Столкновение с татаро-монголами.

В середине I тысячелетия завершается этап зарождения русской цивилизации и наступает новый – этап ее становления. Продолжался этот этап около 900 лет и характеризовался укреплением и возвышением ранее созданных духовно-нравственных ценностей, утверждением русской государственности и общественного порядка, развитием общины и артели. Становление русской цивилизации проходило в тяжелейших испытаниях, в ходе которых неоднократно ставился вопрос о самом ее существовании. Много раз русскую цивилизацию пытались разрушить враждебные силы с Запада и Востока. Неоднократно русский народ ставился перед жизненным выбором, но никогда он не сворачивал с пути Святой Руси, с вестью о которой еще в I в. приходил в будущую Россию св. апостол Андрей Первозванный. Само название «Русь» используется для обозначения восточных славян не позже IV в. «Люди росы» – «росомоны» в трудах историка Иордана (VI в.). Некоторые ученые полагают, что Русью в лесостепях Восточной Европы славян называли задолго до IV в. В древнейших летописях Русью или Русской землей именовались земли среднего Днепра, вокруг Киева, Чернигова, Переяславля. Земли севернее Днепра, занятые вятичами, кривичами, полочанами, словенами, название «Русь» получили позднее. В VI–VIII вв. славяне начали занимать Верхнее Поднепровье и выходить к Волге. Жившие там восточные балты и финноугорские племена мирно растворялись в русском этносе.

Во 2-й пол. I тысячелетия Древняя Русь достигает высокой для того времени культуры земледелия и животноводства. Русские пашни засеяны рожью, пшеницей, ячменем, овсом, просом, расширяются на север. Совершенствуются

сельскохозяйственные орудия. В VIII–IX вв. на русских просторах начинают использовать плуги с железным лемехом, позволившие значительно увеличить производительность сельскохозяйственного труда. Высокого уровня мастерства достигают ремесла: гончарное, металлообработка, ювелирное. Древнерусские ремесленники создают красивые ювелирные изделия с перегородчатой эмалью, фибулы, гривны.

Русские общины и роды управлялись славянскими князьями, имевшими собственные вооруженные дружины. Русь состояла из ряда земель-княжений. Со всех сторон Русь окружали враждебные племена и народы, стремившиеся поработить ее. С севера русским угрожали шайки варягов, с запада – аварский каганат (VI–VIII вв.), с востока – полчища иудейского хазарского каганата (VII–X вв.), со стороны южнорусских степей – печенеги (IX–XI вв.), половцы (XI–XII вв.) и, наконец, войска могущественной Византии, стремившиеся подчинить себе славян. Захваты разрушали славянские жилища, убивали мирных пахарей, остальных уводили в рабство. Чтобы защититься, славяне спланивались и объединялись не только внутри племен, но и создавая межплеменные союзы, выдвигающие общих вождей. В V–VI вв. славяне бросают вызов Византийской империи, не дожидаясь ее периодических нападений на славянские земли, совершают набеги на ее собственные территории.

Походы славян на Византию в 548–559 принесли им не только богатые трофеи, но, главное, заставили врага признать в них силу, с которой следует считаться. Обеспечивалась безопасность и славянских земель, которые стали постепенно расширяться на Балканский полуостров. Византийская история упоминает могущественных славянских правителей Мезамира, Ардагаста.

В VI–IX вв. идет напряженная работа по консолидации древнерусского народа. Родовая община сменяется территориальной. Соседские общины становятся главной формой организации сельского населения вплоть до н. XX в. На основе древних городищ возникают настоящие города. К VI в. относят известия о Киеве – центре славянского племени полян. В исторической памяти русского

народа сохранилось предание об основателях Киева, братьях-князьях Кие, Щеке, Хориве и их сестре Лыбеди. В VII–IX вв. возникают Новгород Великий (центр словен), Новгород Северский (центр северян), Переяславль, Чернигов и др. города. В IX в. восточные историки сообщают о трех крупных государственных объединениях славянских племен – Славии (в районе озера Ильмень с центром в Новгороде), Куябы, или Куявы (с центром в Киеве), и Артании (местонахождение точно не установлено), но некоторые исследователи отождествляют ее то с Тмутараканью, то с Черниговом или Рязанью.

Эти предшественники Русского государства держали в своих руках один из главных путей, связывающих Восток и Запад, – «путь из варяг в греки». На обслуживание этого пути, прежде всего охрану купцов, сопровождение торговых караванов из Скандинавии, приглашались наемные дружины варягов, некоторые из которых подвергались обрусению, женились на русских девушках и постепенно становились частью древнерусской знати.

По-видимому, именно к таким людям принадлежал легендарный Рюрик, которому начальная русская летопись «Повесть временных лет» приписывает основание первой русской великокняжеской и царской династии. Существовал ли в самом деле этот Рюрик, вопрос до сих пор остается открытым. Во всяком случае, не он принес в Россию государственные начала, которые существовали задолго до него.

В последние десятилетия новгородский князь Олег, княживший при малолетнем Игоре, сыне (?) Рюрика, впервые объединяет северные и южные славянские земли в составе общерусского государства со столицей в Киеве. Себя Олег начинает называть титулом великого князя, великого кагана, так же, как именовались владыки Аварского и Хазарского каганатов. Русское государство начинает полностью контролировать «путь из варягов в греки». Кн. Олег совершает ряд победоносных походов на хазар и Византию. Он разбивает хазарские войска и освобождает племена северян и радимичей от чужеземного гнета, присоединяя их, как и древлян, к Русскому государству. В 907 и 911 русские дружины осаждают Константинополь

и вынуждают Византию подписать выгодный для Руси торговый договор.

Продолжатели дела Олега, кнн. Игорь и Святослав, не прекращают наступательные походы на Византию, вынуждая ее платить дань и идти на уступки Руси. Вел. кн. Святослав начинает успешную войну (964–966) с Хазарским каганатом и добивается его полного разгрома, взятия и разрушения хазарских городов, освобождения славянских племен вятичей от иудейского ига и присоединения их земель к Русскому государству. Разгром Хазарского каганата имел для Руси важнейшее историческое значение, ибо иудейские владыки, возглавлявшие его, вынашивали планы захвата всей Русской земли и насаждения на ней талмудического иудаизма.

Собрав дружины со всех русских земель в один кулак, кн. Святослав в 968 завоевывает 80 городов Придунайской Болгарии, парализовав волю Византии к сопротивлению. Византийское руководство вступает в сговор с печенегами и пытается с их помощью разгромить Киев в отсутствие Святослава. Вероломные попытки Византии заканчиваются сокрушительным разгромом печенегов возле Киева и пленением печенегского князя Кури.

Отправляясь в очередной поход против Византии, вел. кн. Святослав обеспечивает будущую стабильность власти, создав механизм ее наследования и переход из рук в руки. Великим князем становится старший сын, сажаемый на киевское княжение, другие сыновья согласно старшинству занимают княжеские столы в других городах-княжествах по степени их важности. В случае смерти великого князя Киевского его сыновья поднимались на ступень вверх. Княжеская семья считала Русскую землю своей, единой и неделимой, что служило основой устойчивости и целостности государства. Такое государственное устройство просуществовало на Руси вплоть до смерти Ярослава Мудрого. Великие князья Киевской Руси – Олег, Святослав, Владимир и Ярослав заложили прочные основы русской государственности, издали первые своды русских законов, ставших государственным ориентиром на многие века вперед. В историческом сознании русского народа этот период был всегда связан с ощущением единства и могущества

Русской земли, эпической гордостью за героические деяния предков, былинных богатырей, не жалевших своей жизни за Русь. Патриотическое сознание русского народа, чувство принадлежности к Русской земле, как одно из главных составляющих национального сознания, сформировались в Киевский период и в течение многих веков раздробленности русских земель позволяли русским считать себя единым целым великой национальной общности.

Укрепление единства и могущества Русского государства позволило русскому народу совершить осозанный, а не навязанный извне, выбор своей веры. Принятие православной христианской веры являлось логическим завершением развития духовно-нравственных ценностей русского народа – добротолубия и миролюбия, самоуправления и сильной царской власти, нестяжательства и бескорыстия. Православие венчало духовно-нравственное мировоззрение русского народа, придавая ему возвышенный характер. Душа русских людей, выстрадавших свои духовные нравственные понятия, соединилась с Христом, с единственно истинной верой, которую он нес всему свету, не везде находя искренний ответ.

Долгий путь русских людей к Православию шел от благословения и покровительства св. апостола Андрея Первозванного (I в.) к свв. Кириллу и Мефодию, проповедникам христианства и создателям первой славянской азбуки (861). На юге Руси эти святые крестили несколько сотен русских людей. Церковнославянская грамотность распространяется среди русских людей.

В 957 крещение приняла супруга кн. Игоря княгиня Ольга. Первой среди великокняжеского семейства она стала православной и впоследствии была канонизирована как святая равноапостольная княгиня. При кн. Игоре в Киеве был построен соборный храм св. Илии и часть княжеской дружины состояла из христиан.

Внук кн. Ольги вел. кн. Владимир в 988 задумал принять новую веру. В разные страны были отправлены посольства для испытания различных религий. Католики, иудеи, представители других религий пытались навязать Руси свою веру, но кн. Владимир, его бояре и киевские старейшины единогласно выбрали Православие. Перво-

начально окрестили самого великого князя, его сыновей и дружину.

В Киеве кн. Владимир приказал разрушить языческие капища, а идолов сжечь или бросить в реку. Вел. князь действовал решительно, он велел киевлянам собраться на берегу Днепра, и здесь прямо в реке греческие священники крестили их. Были разсланы проповедники и по другим городам Руси. Всюду начали строить православные храмы, переписывать богослужебные книги. Уже в первые годы были подготовлены сотни русских священников, которые прошли школу опытных наставников из Греции. Язычество сопротивлялось еще долго, но было обречено, ибо после того, как Православие отняло у него мир духовно-нравственных представлений, в остатке остались только суеверия и поклонение духам. Языческие божества и персонажи стали частью христианской демонологии, выражением сатанизма, они подвергались почти всеобщему осуждению. В традиционные народные праздники, которые ранее были связаны с языческими божествами (Перуна, Дажьбога, Мокоши и др.), православная церковь вкладывала новое содержание, соотнося эти дни с празднованием христианских святых, напр., Ильи пророка, Николая Чудотворца, Параскевы Пятницы.

Церковь становится организационной силой не только духовного, но и хозяйственного процесса. Крестьянская община с ее самоуправлением увязывается с церковным приходом. Традиционные общинные праздники увязываются с церковными праздниками, а трудовой крестьянский календарь – с именами православных святых. Крестьянская община, ставшая организацией православных земледельцев, получила новое дыхание. Христианские заветы воплощались в ней во взаимопомощи и взаимоподдержке при освоении и обработке земель, строительстве домов, защите от врагов, опеке над одинокими престарелыми и сиротами. В летописях X в. упоминаются «старейшины древодельские», т.е. руководители артелей плотников. Артельная форма организации труда была главной при строительстве русских крепостей, деревянных церквей, княжеских теремов и обыкновенных городских зданий. Артель как самоуправляющийся хозяйственный коллек-

тив, как правило состоявшая из прихожан одной церкви, получала благословение на свое дело от священника.

Дело кн. Владимира продолжил его сын Ярослав по прозванию Мудрый, сосредоточившийся на внутреннем устройстве Русской земли. Русская государственность крепла, устанавливались законы, учреждался справедливый суд, что нашло свое отражение в краткой редакции «Русской Правды». Русь этого времени называли страной городов. В правление Ярослава Мудрого их насчитывалось около 30. При нем был основан город Юрьев, названный по христианскому имени Ярослава (ныне временно отторгнутый от России город Тарту). Русские города поражали иностранцев своими крупными сооружениями, каких еще нельзя было встретить в западноевропейских столицах. Неслучайно русской княжне Анне, дочери Ярослава Мудрого, вышедшей замуж за французского короля, Париж показался большой деревней. В русских городах возводятся грандиозные архитектурные сооружения – Софийские соборы в Киеве и Новгороде, Золотые ворота в Киеве. Русская церковь выделилась в отдельную митрополию, во главе ее появились русские люди, среди них выдающийся представитель русской цивилизации митрополит Иларион, мыслитель и церковный писатель. При нем сложилась первая редакция начальной русской летописи, осуществлялась широкая деятельность по переводу на русский язык иностранных книг, была создана первая в России библиотека. Митр. Иларион формулирует духовно-нравственную суть Святой Руси – поклонение Богу не в формальном следовании церковному закону и оправдании им, а в постоянном стремлении к добру, к высшему Благу, в победе благодати над душами людей.

Ко времени кн. Ярослава относится возникновение Киево-Печерского монастыря, основанного великими русскими святыми препп. Антонием и Феодосием Печерскими. При их жизни в монастыре подвизались около сотни монахов-подвижников, живших по строгому уставу. Из Киево-Печерского монастыря монашество разошлось по всей Руси.

После смерти Ярослава Мудрого русская цивилизация сталкивается с серьезными испытаниями, главными из

которых были – удельная раздробленность и нашествие татаро-монгольских орд. Во 2-й пол. XI в. Русское государство распадается на ряд отдельных княжеств, первоначально поделенных между пятью сыновьями Ярослава Мудрого: Изяслав получил Киевское княжество и Новгородскую землю, Святослав – Черниговское княжество, Всеволод – Переяславское (с разделением между ними Волжско-Окского края), Игорь – Владимиро-Волынское, Вячеслав – Смоленское. В роде Изяслава Владимировича оставалось Полоцкое княжество. Обособленно держалось Тмутараканское княжество. Удельные княжества враждуют между собой за власть и землю. Объединительным фактором, противостоящим этой вражде, была Русская церковь, всегда выступавшая против раздробленности. Против раздробленности выступали и простые русские люди. В их сознании любое из удельных княжеств воспринималось как часть единой Русской земли. Да и сами великие князья, владевшие отдельными уделами, воспринимали их в составе Русской земли, принадлежащей всей княжеской семье. Но каждый из князей стремился стать первым, объединить Русь под своей властью, что, в частности, в определенной степени удалось Владимиру Мономаху (1113–25).

Владимир Мономах представляет своего рода идеального правителя Святой Руси. «Глубоко верующий и любящий церковь – он живет по слову Божию. Очень красивый собой, сильный и ловкий, талантливый и бесстрашный полководец, он никогда не нарушал данной клятвы, всегда мирил ссорившихся князей, становился на сторону слабых и обиженных» (Н. Сахновский). В «Поучении Владимира Мономаха» раскрывается мировоззрение русской цивилизации: любовь к Богу, добротолубие, трудолюбие. Труд – высшее мерило богоугодности человека, за любой труд, за «малые дела» награждает Бог.

В селах и деревнях и на городских посадах община и артель сплачивали русских тружеников в самоуправляющийся коллектив. В XII–XIII вв. плотники и другие строительные работники, а также кузнецы, литейщики, кожевенники и др. объединялись в «братии», «братчиков» или «дружины», так в то время назывались артели.

По мере усиления княжеских междоусобиц политический центр, столица Руси, перемещается из Киева в северные земли – в город Владимир. В 1157 внук Владимира Мономаха, сын основателя Москвы Юрия Долгорукова, Андрей Боголюбский ушел на север и сел на Владимирское княжение. Туда же постепенно переходит и духовный центр, перевозятся чудотворные иконы, основываются новые монастыри. В 1155 из великокняжеской резиденции в Вышгороде под Киевом во Владимир перевозится величайшая святыня русского народа – Чудотворная икона Богородицы, впоследствии получившая название Владимирской. Перед татаро-монгольским нашествием на Руси было известно более ста русских святых, существовали тысячи церквей, сотни монастырей, свыше сорока Чудотворных икон Божией Матери прославились чудесами, совершавшимися по молитвам верующих. Православное сознание проникло в толщу русского народа, который в большинстве своем верил в то, что Русь есть «Дом Пресвятой Богородицы» и что служение «Правде Божией» – главная задача в жизни каждого православного.

Духовная цельность и твердая вера человека Святой Руси позволили ему выдержать чудовищную агрессию татаро-монголов и сохранить свою русскую цивилизацию. В 1235 татаро-монгольские полчища вторглись в русские земли и стали уничтожать русские города, поголовно убивая все население. Разрозненные русские дружины не смогли противостоять врагу, обладавшему многочисленной, хорошо организованной армией и лучшими техническими средствами войны. Тем не менее русские воины нанесли татарам ощутимый урон, ослабили вражеские войска, остановив их дальнейшее движение на Запад. Почти на полтора столетия значительная часть русских земель попала под ненавистное басурманское иго. Русские князья оказались подчинены иноземной власти и вынуждены были ездить на поклон к хану, чтобы получить от него «ярлык» на право княжения. Преступления, которые совершали на Русской земле захватчики, по словам современников, невозможно было описать – убийства, грабежи, насилие, массовый угон в рабство, поругание церквей и святынь. Ослаблением Руси воспользовались ее враги с Запада. Польша,

Литва, Швеция оккупировали ряд исторических русских территорий, организуют гонения на Православие. Однако оккупантам не удалось сломить духа русского народа. Русская церковь несла свое служение, сохраняя русских людей как православных и патриотов.

Дух Святой Руси ободряет народ, русские святые и подвижники где открыто, где подспудно организуют сопротивление врагу. Св. кн. Александр Невский в самый разгар наступления татар, в 1240–42, поднимает полки на отпор шведам, германцам и литовцам. Летом 1240 Александр Невский разбивает шведское войско, намеревавшееся захватить Новгород. Предание Святой Руси свидетельствует, как начальник сторожевого поста на Неве по имени Пелгусий, во св. крещении Филипп, видел св. кнн. Бориса и Глеба, спешивших на помощь «сроднику» Александру.

Через два года после этой победы Александр Невский остановил крестовый поход католицизма против Руси. Весною 1242 русские войска в битве на льду Чудского озера наголову разбили немецких «псов-рыцарей» – крестоносцев, заставив их на многие столетия оставить попытки поработить русский народ.

Силы сопротивления татаро-монголам собирались вокруг Москвы, которая в 1-й пол. XIV в. постепенно становится столицей Русского государства. В 1328, в правление Ивана Даниловича Калиты, великое княжение окончательно перешло к Москве. Опытный политик и дипломат, он сумел умирить других русских князей, заручиться поддержкой Золотой Орды. Иван Калита продолжил политику св. Александра Невского, сумел оградить Русь от набегов татаро-монгольских орд. «И бысть... тишина велика по всей Русской земле, и перестали татары воевати Русскую землю». Св. митр. Петр переводит митрополичью кафедру из Владимира в Москву, которая становится центром русского Православия.

Москва продолжает духовную линию русской цивилизации, укрепляя и поднимая на новую высоту ее духовные ценности. Служение правде Божией, добротолубие в частности, выражались в особом отношении к Богоматери. Русские люди укрепляются в сознании, что Русь является Домом Пресвятой Богородицы. Традиция посвящать глав-

ные храмы Божьей Матери еще более углубляется в Москве. Как и во Владимире, главный московский храм получает название Успения Пресвятой Богородицы. Его закладывает первый «московский и всяя Руси чудотворец» митр. Петр. К XIV в. Успенские храмы как главные церкви были построены в Суздале, Ростове, Ярославле, Звенигороде и ряде других городов и селений. Совершенно очевидно, событиям Успения Богородицы русские люди придавали особое значение. Образ торжества Богородицы в завершающий день ее земной жизни отождествлялся у них с собственным пониманием цели жизни через служение Богу, добротолубие, страдание и смерть – к вечной жизни.

В быту и хозяйственной жизни ценности русской цивилизации выражались в духовно-нравственных отношениях общины и артели. Человек не был одинок, он чувствовал постоянную поддержку и помощь со стороны общины и артели. И радости и горести были общие. Пирьы, свадьбы и похороны совершались совместно, обычно в прирубке церкви, именуемом трапезной. По этому случаю в трапезную вносили длинные столы и лавки. Одной из форм этого обычая были братчины, на которых не только пировали, но и обсуждали крестьянские нужды, решали общие дела.

ГЛАВА 3. Расцвет. – Сергей Радонежский и торжество Православия. – Разгром татаро-монгол. – Укрепление Русского государства. – Собрание земель. – Рост духовности. – Святые старцы. – Москва – Третий Рим. – Враждебная деятельность католиков и еретиков.

Завершение периода становления русской цивилизации и переход ее в период расцвета следует датировать 2-й пол. XIV в., точнее с момента основания св. Сергием Радонежским Троице-Сергиевой лавры (1354). Монастырь этот дал мощный духовно-нравственный толчок в развитии всей русской жизни. Сотни святых подвижников, вышедших из него, строили новые обители и храмы, разносили, сохраняли и поддерживали идеи Святой Руси по всей стране.

В 1380 св. Сергей Радонежский благословил вел. кн. Дмитрия Донского на решительную борьбу с татаро-монголами, от которой зависела дальнейшая судьба Руси. Победа русских на Куликовом поле показала, что полуторавское иго не смогло сломить их. Душа русских, сохраненная православной церковью, оказалась способной совершать великие дела. Перед началом Куликовской битвы перед войсками пронесли Чудотворный Образ Божией Матери Донской. В решительный момент татаро-монголы увидели несущихся с небес всадников. В это время во врага врезалась конница кн. Владимира Андреевича. Русские воины чувствовали небесную поддержку. Охваченный ужасом враг бежал с поля битвы.

После Куликовской битвы Дмитрий Донской перестал платить дань татарам. Однако в 1382 Золотая Орда собрала войска, напала на Русь, захватила и разграбила Москву, после чего выплата дани была возобновлена. Тем не менее после Куликовской битвы, получая дань, татары перестали вмешиваться во внутренние дела Московского княжества. Дмитрий Донской, умирая (1389), передал великое княжение своему старшему сыну Василию без согласования с ханом Золотой Орды. В 1395 общерусская святыня – икона Владимирской Божией Матери впервые перевозится в Москву, в том же году возвращается во Владимир. Уже навечно она перевозится в Москву в 1480. Знаменательно, что именно в этот год, ровно через 100 лет после победы на Куликовом поле, вел. кн. Иоанн III полностью освободился от ордынского ига, порвал ярлыки хана и выгнал ханских послов. Так закончилась попытка азиатских соседей Руси разрушить русскую цивилизацию и поработить русский народ. Русская цивилизация показала духовное и моральное превосходство над азиатскими захватчиками, интегрируя многих из них в Русское государство, подарив им свет православной веры и культуры.

Русская цивилизация сумела отстоять свою самостоятельность. Наибольшую опасность для нас представляли притязания римского папы, который в 1439 на Флорентийском соборе убедил московского митр. Исидора (грека по происхождению) предать Православие и подписать так называемую унию, согласно которой Святая Русь переходила

под главенство растленных римских пап. Русская церковь, русский народ не приняли этого позорного документа, Исидор был низложен с поста митрополита и бежал из России. Следующую попытку подчинить себе Русь паписты предпринимают после женитьбы вел. кн. Ивана III Васильевича на племяннице последнего византийского имп. Константина XI Палеолога Софье Палеолог в 1472. Однако Софья Палеолог не поддавалась на уговоры папистов повлиять на вел. князя в пользу установления в России главенства римского папы, заставить русских отказаться от идеалов Святой Руси.

Во 2-й пол. XV в., после захвата Константинополя турками (1453) и окончательного духовного разложения католицизма, Русь стала главной православной державой мира, продолжавшей в чистоте сохранять правду Христову и святоотеческие заветы. Как позднее справедливо отмечал константинопольский патр. Иеремия: «Ветхий Рим погиб от ереси; второй Рим – Константинополь в руках безбожных агарян... Русское царство, Третий Рим, – все другие превзошло своим благочестием». С 1439 русская церковь получила полную независимость от Константинопольского патриархата. Митрополиты Московские и всея Руси стали ставиться без участия иноземцев. В знак наследования православных и государственных традиций Византии Русь принимает в свой герб двуглавого орла и начинает именовать себя «богохранимым, преименитым царством, благочестием цветущим». Русь уверена в своей великой миссии служения Правде Божией. Старец Филофей пишет вел. кн. Василию III: «Два Рима убо падоша, а третий стоит, а четвертый не быти». С Ивана III и Василия III русские государи начинают именовать себя царями (от лат. «цезарь»), хотя официально этот титул вводится с 1547 Иваном Грозным.

Период с сер. XIV в. до начала Смутного времени – ярчайшая страница в истории русской духовности. Никогда ни до, ни после этого времени Россия не знала такого количества подвижников благочестия, просиявших святостью своей жизни. В их числе: св. Сергей Радонежский и св. митр. Алексей, св. Геннадий Новгородский и св. Иосиф Волоцкий, св. Нил Сорский и св. Дионисий Глушицкий,

св. Савватий Соловецкий и св. Александр Куштский, всего более двух сотен русских святых, сформировавших во всем духовном блеске и глубине русское национальное сознание, взгляд на жизнь как служение Правде Божией, государю и родной земле.

Монастыри распространились по всей Русской земле, выполняя роль не только духовных и просветительских, но и учебных, научных, издательских, художественных и хозяйственных центров. Бесчисленные чудеса совершались по молитвам русских людей при Чудотворных иконах Божьей Матери. Сохранившиеся литературные памятники эпохи, Жития святых, проповеди и государственные документы доносят до нас народный идеал православной жизни – молитва и труд, благочестие и трудолюбие, любовь к Родине и ратный подвиг, почитание Государя и духовенства, добротолубие и нестяжательство. Составленный в к. XIV в. «Летописец Великий Русский» продолжил традицию общерусского летописания, проникнутого идеей единства Русской земли в ее непрерывном развитии с древнейших времен от Киева и Новгорода.

Идея торжества русской святости и государственного единства ярко выразилась в составленном митр. Макарием полном своде древнерусской письменности, энциклопедии русских духовных знаний и литературы Четьех-Минейх. В них вошли жития всех общероссийских и местночтимых святых.

Последние, включенные в общероссийский свод, получали всеобщую известность и начинали почитаться по всей Руси. «Такая мера духовно скрепляла областную Россию с ее политическим центром и много содействовала тому, чтобы отдельные области, вчерашние уделы видели в себе членов общей семьи, а в Москве и ее Царе – свою столицу и общего всем владыку» (Е. Шмурло).

Консолидация Русской земли со 2-й пол. XIV в. отмечена мощным подъемом национальной литературы и искусства, широким развитием книгопечатания. «Сказание о Мамаевом побоище» и его эпическая передача в «Задонщине», многочисленная житийная литература, в которой особое место занимают жития Сергия Радонежского и Стефана Пермского, написанные русским писателем Епифа-

нием Премудрым, ярко отражают духовно-нравственные представления Святой Руси. В памятниках зодчества – в Московском Кремле, в Звенигороде, в Троице-Сергиевой лавре, церквах Новгорода и Пскова русская архитектура достигает высшего духовного уровня, которому соответствовали великие произведения русских живописцев: св. Андрея Рублева, Даниила Черного, Феофана Грека. Символом духовного расцвета русской цивилизации стала икона Андрея Рублева «Троица». В иконе выражены идеи совершенства, красоты и нравственного миропорядка Святой Руси. В ней видна сила той божественной красоты, о которой Ф.М. Достоевский сказал, что она спасет мир, готовность к самопожертвованию ради добра, добротолубие как высшее состояние духа воплощения Святой Руси, главных ценностей русской цивилизации.

Государственное устройство Руси к сер. XVI в. было усовершенствовано на основе древней традиции сочетания сильной центральной власти и широкого местного самоуправления («губные старосты»). Для «совета» со всей Русской землей с сер. XVI в. цари собирают Земские соборы. В «Совет всея земли» входили представители многих сословий, и прежде всех служилые и посадские люди, духовенство. В судах вводятся «целовальники», т.е. присяжные. Стоглавый собор совершенствует и церковное управление. Выпускаются своды законов – «Царский суддебник» и «Стоглав».

Границы Руси расширяются на восток, все земли по течению Волги и до Уральского хребта переходят к России, начинает осваиваться Сибирь. К России постепенно возвращаются западнорусские земли, захваченные польско-литовскими оккупантами. Русские цари формируют программу общерусского объединения: «Русская земля вся с Божьей помощью из старины от наших прародителей на отчина... Ано не то одно наша отчина, кои города и волости, ныне за нами: и вся Русская земля, Киев и Смоленск и иные города, которые он (литовский великий князь. – *О.П.*) за собой держит к Литовской земле, с Божьей помощью из старины от прародителей наша отчина».

Первым серьезным противоречием, возникшим в духовной сфере русской цивилизации, был спор между

иосифлянами и нестяжателями как выразителями двух сторон одного идеала православной жизни, которая стала терять целостность в результате вторжения в нее западных, католических и протестантских, представлений.

Наиболее четко сущность этого противоречия сформулировал Г. Флоровский: «Разногласие между иосифянством и заволжским движением можно свести к такому противопоставлению: завоевание мира на путях внешней работы в нем или преодоление мира через преображение и воспитание нового человека, через становление новой личности. Второй путь можно назвать и путем культурного творчества...»

Как мы уже видели, для первых веков Православия было характерно соединение начал внешней работы в мире и преображение души. Раскол этих начал был первым шагом к духовному кризису в обществе и, более того, грядущему расколу церкви. Западноевропейское возрождение, развитие начал абстрактного гуманизма и рационализма косвенным путем через западнорусские земли приходит и на Русь. Здесь оно задевает только умы духовных лиц и интеллектуалов того времени, внеся в них заразу сомнений в правильности духовной жизни Руси. Это был первый соблазн, который выпал этим умам, искус которого они не выдержали. Вместо целостности, которая была им передана предками, они приняли «или – или».

Противопоставляя себя друг другу, и нестяжатели, и иосифляне несли в себе только часть истины. Полная же истина, казалось, оставалась в прошлом.

Однако в то время церковь сумела преодолеть противоречия: духовный опыт нестяжателей Нила Сорского, Вассиана Патрикеева, Максима Грека и опыт последователей Иосифа Волоцкого был творчески усвоен и соборно принят, хотя и не без драматических страниц. Церковь признала истинность и праведность обеих сторон. Москва – Третий Рим строила великое и новое христианское царствие, объединенное соборной любовью.

XVI в. для России был веком упрочения национальных основ, он же подвел ее и к грядущим испытаниям. «Это было время собирания. Собирали старину, – притом именно местную, русскую старину, к греческим образ-

цам заново не обращались» (Г. Флоровский). Греческий источник заменяется своими древнерусскими навыками, обычаями и преданиями. Русское подвижничество и святость (XV–XVI вв. дали сотню подвижников) становятся высшим образцом, канонизируются святые, составляется огромный свод книг «Жития Святых», большую часть которых составляют русские.

Некоторые исследователи считают, что именно тогда происходит кризис византизма как части русской культуры, вытеснение русских традиций. Но внимательное рассмотрение вопроса не позволяет с этим согласиться. Следует говорить не о кризисе или вытеснении византизма, а о недопущении преобладания его начал над национальной традицией. За ним оставляется то же место, которое он имел в первые века русского Православия.

«В Московский охранительный синтез, – пишет Г. Флоровский (стоящий на той точке зрения, что в XVI в. произошло вытеснение византизма), – не входит лучшее и самое ценное из Византийских преданий, не входит созерцательная мистика и аскетика, наследие исихастов XIV в. Это был синтез избирательный, тенденциозный, – не столько даже собрание, сколько именно выбор или подбор, определяемый предвзятой идеею или решением воли».

Да, это был выбор, и не простой, а национальный выбор. Церковь брала из Византии то, что отвечало национальному духу народа. Пассивный аскетизм и мистика не имели широкого распространения раньше, не получили его и сейчас.

Расцвет русской цивилизации не был безоблачным. Высшая точка ее развития приходилась на этап трагического крушения западнохристианского мира. Кризис западной церкви и христианских монархий в Европе, начавшийся с отпадения Рима от Православия, перешел к середине II тысячелетия во всеобщую катастрофу западнохристианской цивилизации. С этого момента, по справедливому замечанию русского философа А.Ф. Лосева, осуществляется развертывание и оформление сатанинского духа, ступенями которого были капитализм и социализм. Западный мир вошел в полосу деградации и одичания. Этому способствовало и развитие научно-технического

прогресса, который в условиях упадка веры превращал человека в раба возрастающих материальных потребностей. Западный мир становился все более одномерным. Духовная доминанта человечества, ранее определяемая христианством, ценностями Нового Завета, перемещалась на периферию общественного сознания, а на авансцену истории выходили бездушие, эгоизм и ограниченность человека, живущего только потребительскими, плотскими интересами. Живший по Правде Божьей человек Святой Руси не мог принять эту убогую шкалу жизненных ценностей Запада. Столкновение между Русью и западными странами было не простым межгосударственным конфликтом, а борьбой двух противоположных цивилизаций – русской духовной христианской и западной потребительской антихристианской.

Разрушительное влияние западной цивилизации на Русь во 2-й пол. XVI – н. XVII вв. проявилось в поведении части правящего класса России и в событиях Смутного времени.

К сер. XVI в. на Руси сформировалась своего рода «пятая колонна» представителей правящего класса, ориентированная на Запад, явно или неявно отвергающая духовные ценности Святой Руси и готовая пойти на предательский сговор с Римом и другими историческими противниками Руси. «Пятая колонна» формировалась преимущественно из князей и связанных с ними служилых людей, выходцев из западнорусских земель, оказавшихся в составе Великого княжества Литовского, с их землями, княжествами. Так, например, в посл. четв. XV в. к Москве перешли «верховские» (т.е. владевшие землями по верховьям Оки и Десны) князья Воротыньские, Белевские, Одоевские, Вяземские, княжество в Смоленской земле, княжества по рекам Десне и Сожу до самого Днепра.

«Западники» зачастую ставили свои личные интересы превыше русских государственных интересов, а когда встречали отпор со стороны царя, бежали на Запад. Во 2-й пол. царствования Ивана Грозного в его окружении зреет измена. Для защиты государства от изменников Иван Грозный создает так называемую опричнину («опричный удел») и опричный полк. Русь разбивается на две

части – опричнину и земщину. Царь начинает «перебирать своих людишек», «искоренять крамолу». Князья и бояре, замешанные в крамоле, подвергаются казни, их земли отбираются в казну или раздаются опричным дворянам. Всего, по оценкам историков, казнено было 3–4 тыс. человек. Опричнина серьезно подорвала позиции крупной земельной аристократии, ориентированной на Запад, не позволила осуществиться многим преступным замыслам. Так, по данным польских летописцев, в 1568 приближенные к Ивану Грозному изменники-бояре устроили заговор и задумали связать царя и передать его польскому королю. Изменники были казнены. Решительные действия Ивана Грозного по искоренению крамолы имели важнейшие последствия после пресечения династии Рюриковичей и воцарения Бориса Годунова. Последствия Смутного времени были бы для России гораздо серьезнее, если бы Иван IV не ослабил влияния западников. Верхушка самых активных сторонников перехода в подданство к польскому королю была уничтожена Иваном Грозным, а оставшиеся «западники» не имели достаточно влияния, чтобы заставить русское общество отречься от Православия и идеалов Святой Руси и принять католичество. Поддержанные Римом и польскими королями антиправославные замыслы Лжедмитрия I не нашли поддержки влиятельных сил на Руси, хотя часть русского правящего класса была склонна сделать этот шаг.

Вера в Святую Русь сплотила русский народ во время польской оккупации. Патриотическое движение Козьмы Минина и кн. Дмитрия Пожарского объединило лучших людей России. Интервенты были изгнаны из России. Земский собор 1613 призвал на царство Михаила Федоровича Романова. Возникла новая династия. Первый царь из этой династии не сразу распустил Земский собор, а правил, опираясь на него, согласуя с его членами многие важные решения.

Эпоха расцвета русской цивилизации заканчивается на царствовании двух первых Романовых. Русские духовные традиции в это время углубляются и достигают своей завершенности. Примером человека Святой Руси был Алексей Михайлович, за свой благочестивый и благодушный

нрав названный Тишайшим. В его царствование Русское государство укрепляется, выпускается новый свод законов «Соборное уложение». В состав России возвращается Малороссия. Развиваются литература и искусство. Русское зодчество той поры поражает красотой и совершенством форм (например, церкви Троицы в Никитниках, Успенского собора Троице-Сергиевой лавры). К этому периоду относится также расцвет русского прикладного искусства – финифтяного и ювелирного производства, сохранившегося в многообразной ценной посуде (ковшах, братинах, чарах), в книжных переплетах и церковных окладах. Мастерство деревянной резьбы ярко сказалось в архитектурной отделке светских дворцов и церковных иконостасов, например, в Смоленском соборе Новодевичьего монастыря. Седьмым чудом света современники называли деревянный дворец Алексея Михайловича в Коломенском.

НА ПУТИ К ИСТИННОМУ БОГУ

ГЛАВА 4. Древние верования славян. – Обоготворение добрых начал. – Приближение к единобожию. – Духовно-нравственный характер религиозных представлений.

На своем пути к истинному Богу русский народ неуклонно отвергал жестокие культы и обряды древних верований, отбирая среди них только то, что было близко его душе. В стремлении к свету и добру русский народ еще до принятия христианства пришел к идее единобожия.

Первые зачатки национального сознания и философского осмысления мира несут в себе идею о том, что человек по природе добр, а зло в мире есть отклонение от нормы. В древних русских воззрениях отчетливо пробивается мысль о совершенствовании, преображении души человека на началах добра и зла. В древних языческих культах русских нравственная сторона (принцип добра) преобладала над магической. Нравственный, поэтический взгляд наших древних предков на природу отмечал А.Н. Афанасьев. В языческих божках олицетворялись нравственные основы бытия. Язычество для наших предков – скорее духовно-нравственная культура, чем религия. В основе поклонения – всесоздающие силы природы, которые для русского человека суть благо, добро и красота. Обоготворяется все, что связано с добротой и благом.

Русский человек чувствовал кровную связь с языческими божествами, олицетворяющими добро. Он считал их своими предками. Как справедливо отмечает А.Н. Афанасьев: «Со светлыми, белыми божествами славянин чувствовал свое родство, ибо от них ниспосылаются дары плодородия, которыми поддерживается существование всего живого на земле... «Слово о полку Игореве» говорит о славянах как о внуках Солнца – Дажьбога. Представители творчества и жизни, боги света, были олицетворяемы фантазией в

прекрасных и большей частью юных образах; с ними связывались идеи о высшей справедливости и благе»¹.

Крупнейший специалист по язычеству Б.А. Рыбаков полагает, что первоначально славяне «клали требы упырям и берегиням», олицетворявшим два противоположных начала – злое и доброе, враждебное человеку и оберегающее человека.

Позднее в сознании древнего русского человека высшие (по сути дела, нравственные) силы выражались в представлении о Роде. Это был не просто Бог, а скорее идея Вселенной, включавшая в себя все высшие и жизненно важные понятия существования русского человека. Б.А. Рыбаков отмечает, что с именем Рода связан широчайший круг понятий и слов, в котором корнем является «род»:

Род (семья, племя, династия) Природа

Народ

Родить, рожать

Родина

*Урожай*²

Таким образом, в народном сознании семья, народ, родина, природа, урожай воплощаются в едином символе. Представление о Роде и почитание его сохранялось и через много веков после принятия христианства. Только напрасно церковь преследовала своих чад, когда они наполняли свои кубки в честь Рода. Это было не поклонение языческому божеству, а традиционное почитание нравственного принципа мироздания, который воплощало понятие Род.

С понятием Рода были связаны представления и о его дочерях Рожаницах. Они считались небесными хозяйками мира и покровительницами человеческой судьбы. Язычники видели их в образе двух крупнейших созвездий: Большая Медведица (древнерусское название Кола, в том числе Полярная звезда – Лось) и Малая Медведица. По древним представлениям, рожаницы господствовали под небом, землей, подземными и подводными силами, порождали все поголовье животных, рыб и птиц, необходимых людям.

Расшифровав рельефы древнего памятника русской языческой культуры Збручского идола (X в.), Б.А. Рыбаков так представляет мир языческих верований русского народа:

¹ Афанасьев А.Н. Древо жизни. М., 1983, с. 48.

² Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1988, с. 246.

НЕБЕСНАЯ СФЕРА

ДАЖЬБОГ – божество света, Солнца, податель благ, мифический родоначальник русских людей – «дажьбожьих внуков».

ПЕРУН – бог грозы и молнии, покровитель воинов. Земное пространство.

МОКОШЬ – «мать урожая», хозяйка символического рога изобилия. Одна из двух рожаниц.

ЛАДА – вторая рожаница, покровительница весенней ярой вегетативной силы и браков.

ЛЮДИ – хоровод мужчин и женщин, помещенных у подножия божеств.

ПОДЗЕМНЫЙ МИР

ВЕЛЕС (ВОЛОС) – доброжелательный бог Земли, в которой покоятся предки. Бережно держит на своих плечах плоскость земного пространства с людьми на нем¹.

Рассматривая мир верований дохристианской Руси, я хочу еще раз подчеркнуть его скорее нравственный, чем религиозный характер. Боги – предки, осуществляющие постоянную нравственную опеку над живущими и требующие исполнения своих заветов. Божества – отражение добрых начал жизни, которым следует поклоняться. Культ добра и культ предков – главное содержание древнерусских верований.

Древнейший пласт верований на Руси после периода «упырей и берегинь» явно тяготеет в сторону единобожия. Языческая идея о Роде как творце вселенной, создателе всего видимого и невидимого мира приближается к христианским представлениям о Боге Саваофе – Боге Отце, Творце всего сущего. Славяне, писал в сер. VI в. Прокопий Кесарийский, считают, что «один только Бог, творец молний, является владыкой над всеми». В мире идет борьба Света и Тьмы, Добра и Зла. Главные атрибуты Бога суть Свет и Добро. Ближайшее к Богу существо есть Светло. Оно символизируется Солнцем. Существо Светло явилось на землю и воплотилось в русском народе, который, по

¹ Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1988, с. 246.

древним поверьям, происходит от Солнца. Б.А. Рыбаков дает очень убедительную схему проявлений солнечного культа в Древней Руси и связи его с судьбой и мировоззрением русского народа¹.

1. **Хорс («круглый»)** – божество Солнца как светила. В «Слове о полку Игореве» назван «Великим Хорсом». По всей вероятности, очень древнее божество, представления о котором предшествовали идее светоносного небесного бога вроде Аполлона. Культ Солнца-светила ярко проявился у земледельцев энеолита, а уже в бронзовом веке появилось представление о ночном солнце, совершающем свой подземный путь по «морю мрака». Имя Хорса сохранилось в ритуальной лексике XIX в. («хоровод», «хорошуль», «хоро»).

2. **Колаксай** – мифический царь скотов – праславян. Интерпретируется как Солнце-царь (от «коло» – круг, солнце).

3. **Сколоты** – приднепровские праславяне пахари, названные по имени своего царя Колаксай. В основе самоназвания лежит тот же корень «коло» – солнце, который есть и в имени царя. Записанная Геродотом легенда позволяет перевести слово «сколоты» как «потомки Солнца».

4. **Дажьбог** – божественный мифический царь, называемый иногда Солнцем. Бог-податель благ. В изменении имени отразилось расширение представлений о солнечном божестве.

5. «**Дажьбожьим внуком**», т.е. «**внуком Солнца**», назван русский князь из Приднепровья, что позволяет сближать отголоски языческих мифов, сохранившиеся до XII в. н.э., с древними мифами о потомках Солнца, существовавшими в этих же местах в V в. до н.э.

6. Последним дошедшим до нас отголоском древних мифологических представлений о «внуках Солнца» является раздел русских богатырских сказок «**Три царства**», или «**Золотое царство**».

В 980 кн. Владимир, придя к власти, произвел своего рода реформу язычества и приказал устроить в Киеве новый пантеон главных языческих божеств. В него вош-

¹ Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1994, с. 434.

ли Перун, Хорс, Дажьбог, Стрибог, Семарагл, Мокошь. Б.А. Рыбаков, сличивший состав пантеона Владимира и перечни богов по другим источникам, установил, что расхождение между ними касается части Рода и Сварога. По его мнению, это не различные божества, а лишь различные наименования одного божества. Небесное божество язычников могло именоваться и Родом (преобладает творческое, рождающее начало), и Сварогом («небесный»), и Стрибогом (небесным богом-отцом). Небесным божеством был и Перун, бог грозы.

Высокий нравственный характер языческих воззрений русского народа одухотворял его жизнь, создавая зачатки высокой духовной культуры. Мифы и сказания о богах и богинях воспитывали художественный, поэтический, образный взгляд на мир. В культурном смысле древнерусская языческая мифология ни в чем не уступала древнегреческой языческой мифологии, а в духовно-нравственном смысле была выше ее. В мифах Древней Греции главный акцент делался на поклонение силе, сексуальной стороне жизни, равноправии добра и зла. В мифах Древней Руси акценты были расставлены иначе – поклонение свету и добру, осуждение зла, культ производительной силы как функции плодородия и продления рода, а не эротического смакования чувственных подробностей.

Поклонение единому Богу в образе солнца, символизирующего свет и добро, Роду, Дажьбогу – одухотворяло всю жизнь предков русского народа. Мотивы этого поклонения прослеживаются в скелотский период, даже в самом названии «скелоты» – потомки Солнца. Каждая неделя начиналась с воскресенья, которое в древнейшие времена именовалось днем Солнца, а позднее Дажьбожьим днем¹. По отношению к Богу (Роду, Дажьбогу) все остальные божества были производны ему и, возможно, даже являлись разными его наименованиями и воплощениями. Во времена, когда русские люди считали себя Дажьбожьими внуками, четверг был посвящен Перуну, а пятница – Мокоши, суббота – Велесу и предкам, которые покоятся в земле.

¹ Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1988, с. 434.

ГЛАВА 5. Пантеон древнеславянских божеств. – Огонь и солнце. – Сварог. – Дажьбог. – Перун. – Велес. – Мокошь. – Добрые и злые начала.

Для язычника сила божества начиналась с огня. Его выражал бог Сварог. В языческих представлениях Сварог есть божество, дающее жизнь Солнцу – рождающее Дажьбога. В Ипатьевской летописи (1114) говорится: «Сего ради прозваша и богъ Сварогъ... и по семь царствова сын его именемъ Солнце, его же наричють Дажьбогъ... Солнце царь сынъ Свароговъ еже есть Дажьбогъ». Дажьбог считался родоначальником и покровителем русского народа, видел в нем свое наследие и богатство.

В «Слове о полку Игореве» дважды говорится о попавших в тяжелое положение русских как о внуках Дажьбога: «Погибашеть жизнь Дажь-Божа внука» и «Въстала обида въ силахъ Дажь-Божа внука».

Согласно «Повести временных лет» за 980, идол Дажьбога стоял на холме в Киеве. Здесь ему совершались поклонения и приносились жертвы. По древним преданиям, Дажьбог покровительствовал свадьбам, встречал жениха на рассвете и в день бракосочетания. Весеннее празднование Дажьбога (конец апреля) открывало лето и начало сельскохозяйственных работ, осеннее празднование (конец ноября) закрывало лето и завершало летний трудовой цикл.

После принятия христианства многие атрибуты и свойства, приписываемые Дажьбогу, перешли на св. Георгия Победоносца, а празднование осеннего и летнего Юрьевых дней (26 ноября/9 декабря, 23 апреля/6 мая) практически полностью вытеснило древний языческий культ. Как и древний Дажьбог, св. Георгий Победоносец стал покровителем, но уже не просто русского народа, а Русского государства.

В древнерусской языческой мифологии высшим богом, повелителем грозы и небесных стихий считался Перун. Особо он почитался в княжеской среде. Идолы Перуна были в Киеве и Новгороде, поклонение этому божеству

осуществляли возле древних дубов и в дубовых рощах. По древнерусским источникам, Перун имел множество ипостасей – «Перунъ есть многъ» (Перунов много), и, по-видимому, в разных местах поклонялись разным воплощениям этого божества.

Идол Перуна в Киеве был сделан из разных материалов: стан вырезан из дерева; голова вылита из серебра; уши и усы изваяны из золота; ноги выкованы из железа; в руке было закреплено нечто, напоминающее молнию, составленное из драгоценных камней. В 988 этого идола привязали к лошадям и таким образом тащили по городу до реки. По всему пути двенадцать крепких молодых мужиков били его палками, а затем бросили в реку. В Новгороде Перуна сбросили с моста.

Важным персонажем языческого пантеона был бог Семарагл (Симарагл). По мнению исследователей, имя его происходит от слова «семя». По своему смыслу божество это было связано с берегинями – олицетворением добра и сил, охраняющих человека, заботящихся о посевах, о дожде для нив.

Семарагл представлялся в виде крылатой собаки, охранявшей семена и посева, олицетворявшей вооруженное добро. Берегини виделись язычникам в образе прекрасных крылатых дев. Культ берегинь совершался возле берез – воплощения добра и света. Вместе с берегинями в словах против язычества упоминается бог Переплут –покровитель подземного царства.

Единственным женским божеством древнерусского языческого пантеона, чей идол в Киеве стоял на вершине холма рядом с кумирами Перуна, Велеса и других божеств, была Мокошь. При перечислении языческих божеств в «Повести временных лет» под 980 Мокошь замыкала список, начинавшийся с Перуна. «Обособленное место занимает она и в последующих списках языческих богов, хотя в них Мокошь, при сохранении ее противопоставлений мужским богам, может быть выдвинута на первое место»¹.

Мокошь служила олицетворением Матери Сырой Земли, символизировала собой взаимодействие сил зем-

¹ Славянская мифология. М., 1995, с. 264–265.

ли и неба, являлась богиней судьбы, женского начала, плодородия, покровительницей женщин. В разных местах – у дорог, возле колодцев для поклонения ей ставились столбы, чурбаны, вырезанные болваны, возле которых приносили жертву.

Мокошь представлялась как женщина с большой головой и длинными руками, часто воздетыми вверх. По ночам она пряла в избе, по-видимому нити человеческой судьбы, что сближало ее с образом греческих мойр, также прядущих нити судьбы. Непосредственным продолжением образа Мокоши после Крещения Руси стала сщмц. Параскева Пятница.

Важным божеством славянского языческого пантеона считался Велес – бог домашнего скота, зверей и богатства, второй по значению бог после Перуна. В «Повести временных лет» Велес соотносился с золотом, а Перун – с оружием. В Киеве идол Перуна стоял на горе, а идол Велеса – на Подоле в нижней части города.

По древним поверьям, Велес принимал обличье медведя и считался покровителем хорошей охоты.

На Велесовы дни, которые зимой праздновались вместе с Колядой (христ. Святки и Масленица), участвовавшие рядились в звериные маски и тулупы и отмечали комедицы, праздник пробуждения медведя.

После Крещения Руси образ Велеса был вытеснен св. Власием. Хотя произошло это не сразу. В Ростове Великом, например, идол Велеса был сокрушен св. Авраамием Ростовским в XI в. Следы культа Велеса под видом почитания св. Власия сохранились во многих местах России, и особенно на севере. Еще в н. XX в. русские крестьяне соблюдали древний обычай оставлять в дар Велесу нежататыми несколько стеблей хлебных злаков – волотей, называемых «Волосовой бородкой».

Култ бога Велеса тесно связан с культом Волосынь, которые согласно древним представлениям считались небесными женами Велеса¹.

¹ По другим толкованиям, Волосыни были небесными стадами Велеса. Во всех случаях они как-то были связаны с рожаницами и Родом.

Языческое название Волосыни сохранилось на Руси и через века после принятия христианства. В «Хождении» Афанасия Никитина (XV в.), в частности, говорится: «На Великий же день Волосыни да Кола в зорю вошли, а Лось головою стоит на восток» (Кола – Б. Медведица, представляемая в виде повозки, а Лось – архаичное название Полярной звезды). Исследователи В. Иванов и В. Топоров отмечают характерный факт, что в русских средневековых астрологических текстах семь планет, оказывающих влияние на судьбу людей, называются рожаницами и, следовательно, связываются с Родом, подобно тому как Волосыни, в конечном счете, связаны с другой (территориальной) формой объединения людей – волостью. Название Плеяд Волосынями соотносимо с культом Волоса-Велеса, который на Севере Руси и в Поволжье соединился с культом медведя («волосатого», в табуистическом обозначении): сияние Волосыни предвещает удачу в охоте на медведя. В день св. Власия (сменившего Велеса – христианского покровителя животных) в Тульской губ. осуществляли ритуал окликивания звезды¹. Третьим после Перуна и Велеса почитался Купало, божество лета, полевых плодов и летних цветов. Истукан его стоял в Киеве до Крещения Руси.

Ритуальный праздник ему был установлен в день летнего солнцестояния в начале жатвы, в Иванов день и в ночь, ему предшествующую. Возжигались большие костры, приносили жертвы. Участвовавшие плясали и пели возле огня в одеждах, украшенных цветами. Затем через огонь прогоняли скот, чтобы обезопасить стадо от злых духов.

Языческие ритуалы, посвященные Купале, в христианские времена были вытеснены великим праздником Рождества св. Иоанна Крестителя и предшествовали ему днем празднования св. мученицы Агриппины (Аграфены). Тем не менее отголоски древних языческих ритуалов сохранялись 23 и 24 июня вплоть до н. XX в. В народе эти дни прозывались соответственно Агриппина (Аграфена) Купальница и Иван Купала. На Троицыну неделю молодежь делала и одевала большую куклу, которую называли

¹ Славянская мифология, с. 107.

Купалой, а затем «с плясками, песнями и присвистом» бросала ее в ближайшую речку или пруд.

Богиней любви, брака, благополучия, веселья была Лада. Особые обряды почитания ей устраивались весной и летом, сочетались они обычно с праздниками Леля, Полеля и Ярилы. Отголоски их сохранились в песнях и хороводах на Троицу, Семик и Иванов день. С корнем «лад» связаны многие слова брачного значения. Лад – супружеское согласие, основанное на любви; ладить – жить любовно; ладковать – сватать; лады – помолвка; ладило – сват; ладники – уговор о приданом; ладканя – свадебная песня; ладный – хороший, красивый. В Древней Руси любимых называли Лада (напр., «Слово о полку Игореве»).

Богиня Лада имела двух сыновей Леля и Полеля. Лель в древнерусской языческой мифологии считался божеством страсти, весны и молодости. По языческим поверьям, это божество побуждает природу к оплодотворению, а человека – к созданию семьи. От имени этого божества в русском языке сохранилось слово «лелеять» – нежить, любить. Праздновался вместе с богиней Ладой.

Младший сын богини Лады Полель считался божеством брака и супружества. Изображался он в простой белой рубахе и терновом венце, такой же венец он подавал супруге. Полель благословлял людей на семейную жизнь. Праздновался он также вместе с богиней Ладой.

Культы Лады, Леля и Полеля сочетались с культом ритуального персонажа, или даже, возможно, божества, Ярилы, олицетворявшего плодородие и сексуальную мощь. Празднование Ярилы было частью культа более важных языческих богов. Первые обряды, посвященные Яриле, проводились в апреле. Они сочетались с празднованием Дажьбога, Лады и Леля на языческую Красную Горку (22 апреля).

Однако главные ритуалы посвящения Яриле начинались 4 июня и завершались в конце месяца, сочетаясь с ритуалами Мокоши, Дажьбога, Сварога, Хорса, Купалы, Лады и Леля. Ярильные ритуалы (ярилки) носили ярко выраженный эротический характер. При их проведении использовались фаллические символы. В «Слове об идолах» (н. XII в.) говорилось, что язычники «чтут срамные

уды и в Образ сотворены, и кланяются им, и требы им кладут».

После принятия христианства поклонение Яриле официально прекратилось, но неофициально продолжалось в измененном виде. Откровенно эротический характер культа Ярилы преобразовался в праздник плодородия земли.

В обрядовых песнях, которые пели Яриле еще в сер. XIX в., в частности, говорилось: «Волочился Ярила по всему свету, полю жито родил, людям детей плодил. А где он ногою, там жито копою, а куда он ни взглянет, там колос зацветает». Описание праздника Ярилы перед Петровым днем (29 июня), совершавшегося в сер. XVIII в. в Воронеже, оставил нам св. Тихон Задонский. Праздник проходил на площади за старыми воротами, куда сходились одетые в лучшие платья городские и окрестные сельские жители. Главным на празднике был «юноша в бумажном колпаке, украшенном бубенцами, лентами и цветами, с набеленным и нарумяненным лицом, изображавший собой Ярилу». После его появления начинались пляски и игры, продолжавшиеся иногда всю ночь вокруг костров, горевших на возвышенном месте. Нередко эти гуляния, называемые ярилками или ярильным днем, носили, по словам святого, «разнузданный характер», а молодые девицы приходили на них «поневеститься».

Борьба добрых и злых начал древнерусским язычникам нередко представлялась в существовании двух противоположных богов, составлявших в языческом сознании неразрывную пару, – Белобога (бога света, добра, удачи, счастья, блага, богатства) и Чернобога (бога зла, несчастья, неудачи). Наименование «Белые Боги» в течение многих веков сохранялось в названии некоторых урочищ, одно из которых существовало под Москвой. У белорусов до сих пор сохранилось предание о Белуне.

В сознании древнерусских язычников добрые боги были главными действующими персонажами, неотвратимо побеждающими злых богов. Зло представлялось в ущербном виде, оно было неравноправно с добром, его участь была предрешена. Появление зла имело эпизодический или сезонный характер. Кроме Чернобога древнерусские

язычники знали таких злых богов, как Карачун, Марена и Позвизд.

Карачун (Корочун) – в древнерусской языческой мифологии божество смерти, подземный бог, повелевающий морозами, злой дух, злое божество скотского падежа. В народе понятие «карачун» в смысле погибели, смерти используется до сих пор. Говорят, например: «Пришел ему карачун», «Жди карачуна», «Задать карачуна», «Хватил карачун».

День языческого почитания Карачуна (23 декабря) приходился на день зимнего солнцеворота, один из самых холодных дней зимы. По языческим поверьям, именно Карачун укорачивал светлую часть суток, повергая мир во тьму.

Богиня Марена (Марана, Морена) воплощала смерть и сезонное умирание и воскресение природы. В поздней русской традиции образ ее превратился в былинную ведьму Маринку. В Малороссии Мареной называли соломенное чучело, сжигавшееся на костре на Ивана Купалу.

С образом Морены сочетался образ злого духа Мары, также воплощавшей смерть. Чучело под названием «Мара» сжигали в ночь на Ивана Купалу. Считается, что Марью в купальских песнях можно отождествлять с образами Мары и Мокоши.

Злой бог Позвизд (Посвист, Похвист) считался повелителем ветров, бурь и непогоды. Неподалеку от Киева в чистом поле существовал его идол.

По представлениям язычников, этот бог имел свирепый вид, включенные волосы и бороду, крылатые распахнутые одежды. Жил высоко в горах, откуда и приносил неприятности людям. С бороды Позвизда начинались проливные дожди, изо рта исходили туманы. По мнению некоторых исследователей, язычники праздновали Позвизд в день 1 марта. После Крещения Руси культ Позвизда был вытеснен памятью св. Евдокии, которой стали приписывать некоторые свойства языческого божества.

ГЛАВА 6. Мироззрение человека дохристианской Руси. – Поэтический взгляд на природу. – Одухотворение леса и животных. – Добрые и злые духи.

Сказочные представления древнерусского человека о мире начинались с Ирья (Ирий-сада). Так в дохристианской Руси назывался рай, волшебный загадочный край, таинственное царство, блаженная теплая страна, куда на зиму уходят птицы, змеи и другие пресмыкающиеся. В «Поучении» Владимира Мономаха говорится, что «птицы небесные из ирья идут».

По древним поверьям, эта блаженная страна – солнечный край, находится по ту сторону облаков у самого моря. В ней царит вечное лето, она предназначена для будущей жизни хороших и добрых людей. Их здесь ждет вечное блаженство, а время для них перестает существовать.

Посреди ирья растет мировое дерево – береза или дуб. Над его вершиной обитают птицы и души умерших, страдающих за свою зло прожитую жизнь. Добрым же определено место внизу, возле колодцев с чистой ключевой водой, вокруг которых растут прекрасные цветы, зреют на ветках молодильные яблоки и сладко поют райские птицы.

Мировое дерево, иначе называемое древо жизни, есть мировая ось, центр мира и воплощение мироздания в целом. По преданиям, дерево это стоит на о. Буяне посреди океана на Алатырь-камне. Крона его достигает небес, корни – преисподней. В древнерусских апокрифах в виде дерева с золотыми ветвями, месяцем у вершины, нивой у корней изображается идеальное государство, где месяц – царь, нива – православное крестьянство. Мировое дерево выражало плодородие живой природы, древо жизни: в кроне свивает гнездо соловей, в стволе – пчелы, приносящие мед, у корней – горностаи, символизирующий родительскую любовь. Ветви дерева – терем, где происходит пир, и по кругу идет чаша с напитком бессмертия. Понятие древа жизни было одним из основных в народных ритуалах, прежде всего на свадьбе и строительстве дома.

В последнем случае обрядовое дерево помещалось в центре стройки. Обрядовым воплощением мирового дерева являлась также рождественская (новогодняя) елка.

Упомянутый выше Алатырь-камень имеет в языческом мироздании важное значение, ибо он, по древнерусским языческим поверьям, «всем камням камень, всем камням отец». Он упал с неба, на нем выбиты письмена с законами языческого бога Сварога. В «Голубиной книге», объясняющей происхождение мира, рассказывается, что под Алатырь-камнем берут начало источники, несущие всему миру пропитание и исцеление, т.е. живая вода. Под тем камнем сокрыта вся сила земли Русской, и той силе нет конца. На Алатырь-камне сидит красна девица Заря и пробуждает мир от ночного сна.

Древним днем Алатырь-камня считалось 14 сентября – он же языческий Ирьев день (христианское Воздвижение). По народному поверью, в этот день змеи собираются в кучи, в ямы, пещеры и прочие укывища и там лизут «бел-горюч камень Алатырь», а затем уходят в Ирье.

В Ирье также живут волшебные птицы – Жар-птица, Гамаюн, Алконост и Сирин. Жар-птица живет в саду с золотыми яблоками, возвращающими молодость. Гамаюн – вещая птица, посланница богов. Всем, кто умеет слышать тайное, она сообщает о происхождении земли и неба, богов и богинь, людей и чудовищ, птиц и зверей. Алконост – райская птица с женским лицом, пение которой настолько прекрасно, что, услышавши его, забывают обо всем, но зла от нее нет (в отличие от Сирина).

Силы мирового зла в сознании древнерусского человека, кроме веры в злых богов, выражались в вере в злых духов и демонов. Широкое распространение имели поверья о змее (Змее Горыныче), произошедшем от змеи, которая семь лет не слышала человеческого голоса, или от сорокалетней рыбы. Змей имеет вид огромного дракона, покрытого панцирем, с одной или несколькими головами и таким же количеством крыльев и когтей. Полет змея сопровождается громом и бурей, а из пасти его извергается пламя. Змей облагает людей поборами, требует ежедневно девушек и детей, поедает и убивает людей, летает к женщинам в дом, сожительствует с ними или сосет грудь, а

когда закончится молоко, сосет кровь, в результате чего женщина быстро сохнет, желтеет и умирает. В русских былинах и сказках всегда находится богатырь или герой, который храбростью и хитростью убивает змея и его зменышей и освобождает людей.

В дохристианской Руси наряду с языческими божествами люди «кляли требы» упырям, вероятно, душам мертвых. Позже под упырями стали пониматься вурдалаки, вампиры, злобные покойники, в которых через сорок дней после смерти вселяется нечистый дух. По старинным преданиям, упыри встают из могил для того, чтобы сосать кровь спящих людей.

Считалось, что упырем становится после смерти человек, рожденный от нечистой силы или испорченный ею; умерший, через гроб которого перескочил черт в образе черной кошки; самоубийца или колдун.

Иное отношение в дохристианской Руси было к дедам, душам всех умерших родственников, независимо от пола. По народным поверьям, в определенные дни года «души предков приходят «с того света» в свой дом и их живые сородичи обязаны их встретить и накормить.

Деды праздновались в доме от трех до шести раз в году. Чаще всего это происходило в субботу масленой недели («Зимние» или «Масленные деды»), после Пасхи перед Радоницей («Радоничные деды»); в Духовскую субботу перед Троицей («Троицкие деды»); в один из осенних праздников: в субботу перед Дмитриевым днем, или перед днем Кузьмы и Демьяна, или в субботу перед Михайловым днем. Наиболее известными и обязательными считались осенние, Масленные и Троицкие деды¹.

На празднике дедов собиралась вся семья, приезжали даже те, кто был далек от дома. Обязательными поминальными блюдами в этот день были – кутья, канун, сыта, а иногда блины.

Мировоззрение язычников включало веру в многочисленных добрых и злых духов, которым если не поклонялись, то старались не ссориться с ними, умилостивить их. Большая часть этих верований, особенно о ведьмах и

¹ Славянская мифология, с. 155.

ведьмаках, домовых, леших, водяных пережило языческую эпоху и сохранились вплоть до н. XX в.

Ведьмами, в языческом представлении, были обычные женщины, в которых вселялся злой дух, демон или душа умершего. Ведьмы сожительствоваали с демонами, совершали с ними сделки ради наживы. По ночам, особенно в определенные дни, ведьмы летают в ступе или на помеле на свои сборища, наводят порчу на людей. Самой страшной ведьмой считалась Баба Яга, которая живет в «избушке на курьих ножках», пожирает людей, жарит в своей печи похищенных детей. Вокруг ее избушки – забор из человеческих костей и черепов. Вместо засова на избушке – человечесья нога, вместо запоров – руки, вместо замка – рот с острыми зубами.

Еще более страшными злыми существами были ведьмаки, которые главенствовали над ведьмами, давали им задания вредить людям и требовали от них отчета. Самым известным ведьмаком, по-видимому, был Кашей Бессмертный, в древнерусской мифологии злой чародей, смерть которого спрятана в несколько вложенных друг в друга волшебных животных и предметов: «На море на океане есть остров, на том острове дуб стоит, под дубом сундук зарыт, в сундуке – заяц, в зайце – утка, в утке – яйцо, в яйце – смерть».

Домовым назывался дух дома. Считалось, что от его отношения, доброжелательного или враждебного, зависело благополучие дома и здоровье скота. Домовым приносили жертву – немного еды, оставляя ее в хлеву. При переезде в новый дом совершался особый ритуал, чтобы уговорить домового переехать вместе с хозяевами. Иначе в новом доме людей ждали несчастья.

Кроме домового, преимущественно доброго духа, в представлениях язычников существовала и кикимора (шишимора), злой дух дома, маленькая женщина-невидимка. Она беспокоила всех живущих, пугала детей, вредила скоту. Свойства кикиморы сходны с мокушей, злым духом, продолжающим образ богини Мокоши.

В представлениях язычников рядом с домом во дворе жил дворовой (дворовик), недобрый дух, по характеру близкий домовому. В Смоленской губ. дворового пред-

ставляли как змея с петушиной головой и с гребнем, а ночью он приобретал цвет волос и облик, приближенный к хозяевам дома. В основном домовый одновременно является и духом дома, и духом двора, дворовых построек. На Владимирщине местопребыванием дедушки-домового во дворе является подвешенная сосновая или еловая ветка с густо разросшейся хвоей, именуемая «матка, матошник, матерник, шапка, куриная лапа», в избе же домовый живет в подвале, клетки или подклетки¹.

Злым духом леса считался леший (лешак, лесовик), хозяин леса, воплощение враждебных сил природы. По языческим преданиям, его представляют одетым в звериную шкуру, он перегоняет стада зверей из дикого леса в другой, может менять свой рост – становиться выше деревьев или ниже травы.

Кроме лешего язычники почитали и еще одного духа леса – Дива. По мнению некоторых исследователей, он являлся одним из воплощений верховного бога Сварога. Див дважды упоминается в «Слове о полку Игореве»: сначала наверху дерева – «Див кличеть врѣху древа», а затем внизу – «уже врѣжеса дивъ на землю».

Злым духом, хозяином водных пространств в представлениях язычников был водяной, обитавший в омутах, под водяными мельницами и в глубоких местах.

Согласно народной легенде, возникшей уже в христианские времена, водяные – падшие ангелы, сброшенные Богом с небес и попавшие в воду². Водяные обнаруживают себя громким хохотом, смехом и визгом. Живут в подводных дворцах, куда стремятся утащить понравившихся им людей, особенно женщин.

Водяной, как всякая нечистая сила, способен к оборотничеству, превращениям, если нужно, в рыбу, лошадь, свинью, корову, бревно и др.

В представлениях язычников кроме водяных в реках и водоемах жили русалки, или, как их еще называли, навки, – души девушек, умерших до брака или во время русальной недели, пребывающие на земле в течение

¹ Славянская мифология, с. 155.

² Там же, с. 98.

русальной недели и возвращающиеся по ее завершении на «тот свет». Как ходячие покойницы (нежить), русалки считались очень опасными для живых людей. Рассказывали, что они, подобно ведьмам, могут принимать разные обличья, летать из дома в дом через трубу и пр. Набор оберегов от этой нежити совпадал с приемами защиты от нечистой силы (крест, молитва, магический круг). В число оберегов против русалок входили такие растения, как полынь, хрен, чеснок.

Надежным оберегом против русалок, ведьм и другой нечистой силы и злых духов считался кукиш – особо оскорбительный жест, комбинация из трех сложенных пальцев. Для язычников он значил, что и крестное знамение для христиан. После Крещения Руси кукиш приобрел значение отрицания чего-либо или отказа вообще.

ГЛАВА 7. Языческий календарь. – Годовой круг обрядов. – Смена времен года в сознании язычников.

В дохристианской Руси существовало особое божество, выражавшее смену времен года, наступление нового года, прибытка (урожая), начало весеннего солнечного цикла. Имя этому божеству было Авсень (Овсень, Усень, Таусень). Еще в н. XX в. оно часто повторялось в песнях-колядках или овсеневых песнях, распеваемых во время праздника на стыке старого и нового года. Во время пений овсеневых песен поющие обыкновенно бросали зерна разного хлеба и овса, которые затем собирали и хранили до весеннего посева.

Годовой круг языческих обрядов соотносился с солнечным календарем, и самые значительные ритуальные действия совершались в дни зимнего и летнего солнцеворота – на стыке января и декабря и в июне.

26 декабря праздновался бог Род, творец всего сущего, и сопутствующие ему рожаницы. Почти две недели, вплоть до Велесова дня (6 января), проходили веселые гулянья, так называемые колядки, или зимние русалии. С ритуальной

целью обряжали сноп или соломенную куклу, называя их Коляда. В нем воплощалось солнце-младенец, новорожденное молодое солнце, т.е. солнце будущего года. В образе Коляды, по-видимому, подразумевались ежегодно обновляющийся бог Род и неотвратимость победы светлого и доброго начала над злым.

После принятия христианства оптимизм и жизнеутверждение празднований Коляды получили новое содержание в праздновании Рождества Христова, а ритуальные языческие обычаи превратились в веселую игру на Святки. В эти дни, так же как и в древности, жгли костры, а юноши и девушки «наряжались в хари (маски)» коней, коз, коров, медведей и других животных и, ряженные, ходили по дворам, пели колядки – песни, прославляющие Коляду, приносящего всем благо. Славил хозяев, желали благополучия дому и семье, а за это требовали подарки, шуточно предрекая разорение скупым. Иногда сами подарки: печенье, каравай – назывались Колядой. Символизировали Коляду сноп или соломенная кукла, которые с песнями иногда приносили в избу на Рождество.

Колядки нередко отождествляли с зимними русалиями. В христианских источниках (начиная с XII в.) осуждались обычаи «плясати в русалиех», во время которых надевали маски животных, играли на «сопелях» и гусях, пели «бесовские песни». Однако русалии проводились не только в канун Рождества Христова и Богоявления, но и на неделе после дня Пятидесятницы или на Ивана Купалу.

Злым божеством января считался Карачун, именем которого у древних славян назывался день зимнего солнцеворота. По древним поверьям, сильные морозы и разгул злых духов и ведьм можно преодолеть веселыми гуляниями и радостными заклинаниями в честь солнечного бога. На зимние коляды приходилась самая великая пятница в честь богини Мокоши, которой особо молились женщины. 6 января язычники обращались к богу скота и богатства Велесу, прося его о плодородии, хорошем урожае и благополучии.

В начале февраля древние русские язычники отмечали Громницу – праздник в честь бога Перуна и почитания огня. 11 февраля обращались к богу скота и богатства

Велесу, умоляя его сохранить домашних животных в последний зимний месяц. Вместе с Велесом (Волосом) в этот же день праздновали Волосынь, по-видимому его жен, представлявшихся русским в виде созвездия Плеяд. Совершали особый ритуал окликания звезд. Существуют сведения, что именно в этот день женщину, заподозренную в злых умыслах и сношении со злыми духами, зарывали в землю.

1 марта праздновали Позвизда, божество ветров, бурь и непогоды.

В марте проходили т.н. Мертвые Коляды. Чтобы преодолеть мертвые силы зимы и закликать весну, выпекали из теста жаворонков, забирались с ними на деревья и крыши и просили ранней теплой погоды. Два раза в этот месяц – 9 и 25 марта праздновали богиню любви Ладу. Со дня весеннего равноденствия (25 марта) отмечали Комоедицы – медвежий праздник (в христианские времена получивший название Масленицы). Совершали обряд поклонения Перуну. Зажигали костры, прыгали через огонь для очищения себя от нечистой силы, благодарили Перуна за начало весны. В конце праздника сжигали на костре соломенную куклу, символизирующую зло и смерть.

В апреле язычники поклонялись божествам, связанным с любовью, продолжением рода и семейной жизнью, – Ладе, Яриле и Лелю. 22 апреля все вставали до рассвета и поднимались на высокие холмы, чтобы оттуда увидеть восход солнца. Это был один из ритуалов культа Дажьбога. День этот у древних славян назывался Красной Горкой. После Крещения Руси Красную Горку справляли в первое после Пасхи Фомино воскресенье. Как и в древние времена, русские поднимались на холмы перед рассветом, но славили уже не Дажьбога, а Иисуса Христа. Во вторник на Фоминой неделе (по христианскому календарю) язычники отмечали Радоницу (Радуницу), или, как еще называли, Навиев день, тризны, могилки, гробки – весенний праздник для умерших. Первоначальное понятие Радоница имело множественное значение и выражало имена языческих родовых божеств, олицетворяющих почитание усопших, хранителей душ умерших людей. Радоницам и умершим приносили жертвы на погребальных курганах,

чтобы душа покойника смогла насладиться зрелищем того уважения, которое ей оказывали живые.

Первого и второго мая язычники снова славили богиню любви Ладу. 10 мая молились о плодородии Земли, считая, что в этот день Земля – именинница. 11 мая поклонялись Перуну – Царь-Огонь, Царь-Гром, Царь-Град. В этот день, как правило, были первые майские грозы.

В июне, после завершения тяжелых сельскохозяйственных работ, русские язычники молили свои божества о сохранении семян и посевов, о теплых дождях и хорошем урожае. Плодородие земли и продолжение человеческого рода в их сознании были связаны в едином образе ритуального персонажа, а возможно даже божества, Ярилы, олицетворяющего плодородие и сексуальную мощь. Ритуалы, связанные с Ярилой, начинались 4 июня и повторялись в этом месяце еще два раза. 19–24 июня шла русальная неделя, кульминацией которой был праздник Купалы, божества лета, покровителя полевых плодов и летних цветов. На полях жгли костры, вокруг них устраивались хороводы с пением. Чтобы очистить себя от нечисти, прыгали через костры, а затем прогоняли между ними свой скот. 29 июня отмечался праздник Солнца – поклонялись Дажьбогу, Сва-рогу, Хорсу и Ладе. Перед праздником Купалы (24 июня) совершали ритуалы Мокоши.

Языческие ритуалы июня и июля были преимущественно связаны с молениями о дожде, а после начала жатвы (24 июля) – с молениями о прекращении дождей. После окончания жатвы 7 августа – праздник первых плодов и урожая. 19 июля праздновали Мокошь, а на следующий день – самого Перуна. После завершения жатвы на поле оставляли небольшой кусок неубранного хлеба – «Велесу на бородку».

24–27 июля язычники отмечали дни божества праздничных дней Паликопы (Палия). В обязанности этого божка входило наблюдение за должным исполнением праздничных торжеств и уважительным отношением к ним.

Проводы лета в сентябре начинали с обрядов, посвященных Белбогу, божеству света, добра, удачи и счастья. 8 сентября почитали Рода и рожаниц. 14 сентября, по древним поверьям, язычники считали, что птицы, змеи

отправлялись в Ирье, теплую райскую страну, где царит вечное лето и растет мировое дерево.

Октябрь в языческих ритуалах был посвящен Мокоши (Мать Сыра Земля), божеству плодородия, судьбы, женского начала. С наступлением холодов в ноябре русские язычники обращались к богу огня Перуну и богине Мокоши, моля их согреть и сохранить, а 26 ноября совершали ритуалы владыке света и добра – Дажьбогу, одновременно моля злого божка Карачуна избавить их от смерти и падежа скота.

Крещение Руси в 988 преобразило русский народ. Добротолубие, духовно-нравственные ценности, которым с древности поклонялись наши предки, нашли в русском Православии идеальное воплощение. Только в христианстве русский народ получил настоящее религиозное сознание. В свою очередь, русские святые и подвижники подняли христианство до огромных духовных высот. Ни в одной другой стране мира не было такого количества святых и подвижников, которые своей жизнью подтвердили торжество Православия. В то время как на Западе вера умирала, в России совершался религиозный подъем, в XX в. увенчанный терновым венцом миллионов мучеников за Православие. На фоне всего этого нелепостью являются утверждения о якобы существовавшем в России двоеверии – одновременном исповедании христианства и язычества. На самом деле из древних языческих обрядов русский народ сохранил только музыкальный песенный и плясовой элемент – хороводы, песни, игры. Исполняемые обряды не носили религиозного характера, а были лишь продолжением народной эстетической традиции. Имена большинства языческих богов были забыты, а оставшиеся – Купала, Лада, Ярило – воспринимались как игровые персонажи в народных обрядах.

Часть бывших языческих божеств и злых духов в народном сознании приобрели характер нечистой силы и вполне органично вписались в христианскую демонологию, рассматриваясь как воплощение сатаны. Общение с миром демонов считалось у русских людей страшным преступлением. Ведьмы и колдуны, уличенные в этом, уничтожались, крестьяне самосудом их жгли или топили в воде.

ТОРЖЕСТВО ПРАВОСЛАВИЯ

ГЛАВА 8. Святая Русь. – Благодатные свойства русского народа. – Богоизбранность. – Великая миссия добра. – Преображение души.

Святая Русь, особое благодатное свойство русского народа, сделавшее его оплотом христианской веры во всем мире. Жертвенное служение идеалам добра и справедливости, стяжание Духа Святого, устремленность к безгрешности и совершенству сделали русских новым Богом избранным народом. Осознание русским народом своего особого духовного предназначения прослеживается в «Повести временных лет» (XI в.). Причем богоизбранность понимается не как противостояние другим народам, а как особая миссия борьбы с мировым злом, миссия добротолубия.

«Святая Русь, – писал А.С. Хомяков, – создана самим христианством. Таково сознание Нестора, таково сознание святого Илариона и других. Церковь создала единство Русской земли и дала прочность случайности Олегова дела».

Русское Православие, воплощавшее ценности Святой Руси, было не только религиозной системой, но и состоянием души – духовно-нравственным движением к Богу, включающим все стороны жизни русского человека – государственную, общественную и личную. Русское Православие развивалось вместе с национальным сознанием и национальным духом русского человека. По мере возвышения национального духа возвышалось Православие, и, наоборот, разложение национального сознания вело к вырождению Православия.

К Богу русский человек испытывал особое национальное чувство. «Русский Бог велик, – говорил он. – Велик Бог русский и милосерд до нас», «Жив Бог, жива душа моя», «Жить – Богу служить», «Человек ходит – Бог водит», «Нужен путь – Бог правит», «Бог пути кажет», «Человек

гадает, а Бог совершает», «Без Бога не до порога», «С Бога начинай и Господом кончай», «Утром Бог и вечером Бог, а в полдень да в полночь никто же кроме Него», «С верой нигде не пропадешь», «Вера спасает», «Вера животворит», «Вера и гору с места сдвинет».

Это, конечно, не означало безоглядного упования на Бога. Нужно не только молиться, но и действовать. Только тогда молитва будет действенной: «На Бога надейся, а сам не плошай!», «Богу молись, а в делах не плошись!», «Богу молись, а добра ума держись!», «Богу молись, а к берегу гребись!»

Переменить веру Православную, считал русский человек, – смертный грех: «Менять веру – менять и совесть».

Каждое дело надо начинать с молитвы: «Не торопись, сперва Богу помолись», «Любое дело – благословясь не грех», «Дело спорится – углам помолись», «Что бы ни пришло, все молись», «Кто перекрестясь работает, тому Божия помощь», «С молитвой в устах, с работой в руках».

Однако и молиться надо, очистив себя от всякой скверны и греховных помыслов: «Лихо думаешь – Богу не молись».

В выборе веры сказался национальный характер народа. Красота богослужения, конечно, не главное, что определило выбор. Главное в том, что Православие отвечало характеру народа и позволяло ему сохранять свои народные традиции, обычаи и идеалы. В отличие от католичества, Православие не навязывало русскому народу чуждый язык богослужения (мертвую латынь), не пыталось поставить над Русской землей деспотическую власть римских пап. «Рим никогда не отвечал нашему духу и нашему характеру, – писал И.А. Ильин. – Его самоуверенная, властная и жестокая воля всегда отталкивала русскую совесть и русское сердце».

Святая Русь не противопоставляла власть светскую и духовную, а действовала по принципу: «Богу – богово, а кесарю – кесарево». Однако и «греческое вероисповедание мы, не искажая, восприняли настолько своеобразно, что о его «греческости» можно говорить лишь в условном, историческом смысле» (И.А. Ильин). Главное состояло в том, что новоиспеченные русские христиане внесли в новую

веру глубокие нравственные начала, рожденные еще в дохристианский период, и прежде всего мысль о приоритете добра в жизни, о неизбежности победы добра в борьбе со злом. На Руси Православное христианство стало добротолюбивым, вобрав в себя все прежние народные взгляды на добро и зло и оптимистическую веру в добро.

Крещение Руси соединило два родственных мироощущения. Так, русские внесли в Православие жизнеутверждающий оптимизм победы добра и усилили его нравственные начала, придав им более конкретный характер практического добротолюбия. Этим русское Православие отличалось от византийского, которое абсолютизировало проблему зла, его неотвратимости, преодолеть которое можно только через строгий аскетизм и мистические искания. Безусловно, Русская Православная Церковь освоила мистический и аскетический опыт Востока, особенно исихазм, но, как показывает история, в довольно узких пределах национальных традиций и обычаев. Широкой массе русского народа был чужд мистицизм в смысле «личной встречи с Богом». Путь к Богу русского народа шел не просто через бездеятельную молитву или молитвенный экстаз, хотя это тоже было, а через живое дело добротолюбия и труд, совершаемый с молитвой. Развивался на Руси и религиозный аскетизм, хотя масштабы его распространения были не столь велики. Исследователи, ищущие в русском Православии характерные особенности Восточной Церкви – аскетизм и мистицизм, – совершают серьезную ошибку, накладывая типовую схему Востока на самобытный организм Святой Руси, в котором преобладали совсем другие черты.

Аскетизм, уход от мира как средство борьбы с мировым злом в русском народном сознании допускается только для немногих монашествующих, которые пользуются огромным авторитетом. Вместе с тем отгородиться от мира высокими стенами – это еще не значит победить зло. Гораздо важнее бороться с ним повседневно в быту. Эта борьба не менее важна, чем аскетическое служение, а для большинства русских людей единственно приемлема. Первые русские христиане искали в Православии подтверждения тех духовных ценностей, которыми они жили прежде.

В отличие от Византии русское Православие смотрит на мир оптимистично. В нем нет мрачных тонов и чувства безнадежности, которыми пронизана Византийская Церковь. Русская иконопись, отражавшая мироощущение русского человека, – это жизнеутверждающий взгляд на мир, выразившийся «в высветлении палитры, обретшей необычайную яркость и жизнерадостность, в неуклонном росте значения линии, особенно столь ценимого русскими иконописцами силуэтного очерка» (В.Н. Лазарев).

Национальный характер русского Православия служит единению нации и национальному самосознанию, а значит, способствует строительству национального государства. Еще в «Повести временных лет» приводится мысль о славянском (русском) единстве и единении Руси.

Национальный характер русского Православия проявляется в создании целого ряда национальных иконографических типов: Покров, Собор Богоматери, «О тебе радуется» и др., – отсутствующих в других христианских Церквях. В иконе «Покров» выражается идея покровительства Пресвятой Богородицы над русским народом.

Национальные русские Святые – подвижники русского Православия – все без исключения патриоты Русской Земли, для них всегда предпочтительнее скорее погибнуть, чем вступить в сговор с врагами Отечества.

В «Слове о Законе и Благодати» (XI в.) первый русский митрополит Иларион излагает духовно-нравственную суть русского Православия. Писанный закон веры без благодати мало что значит. «Закон дан на «приуготовление» благодати, но он не сама благодать: закон утверждает, но не просвещает. Благодать же живит ум, а ум познает истину». Благодать у Илариона понимается не в чисто литургическом смысле, а как духовно-нравственная категория победы добра в душе человека и вытеснение зла. Закон, по мнению Илариона, разобщает народы, так как выделяет среди них один народ. Благодать дана всем народам, она объединяет их в одно целое, тождественная истине, дает оправдание земному существованию человека. Говоря о христианах, имея в виду, конечно, прежде всего русский народ, Иларион пишет: «Иудеи в законе ищут свое оправдание, христиане на благодати основывают свое спасение; и если иудейство

оправдывается тенью и законом, то христиане истиной и благодатью не оправдываются. Иудеи веселятся о земном, христиане же пекутся о небесном. И кроме того, оправдание иудейское скупое и завистливо, оно не простирается на другие народы, но остается в одной Иудее; напротив, христианское спасение щедро и благостно растекается на все земли».

Итак, Святая Русь не формальное следование закону и оправдание им, а постоянное стремление к добру, к высшему благу. Суть развития человеческой истории – во всеобщей победе благодати, добра, в отрицании прежнего формального закона, погруженного в суету земных страстей и плодящего зло.

Русский человек иначе осмысливает и само христианское благочестие: благочестивым считали не того, кто проводит время только в постах и молитвах, но того, кто добродетелен в жизни. «Слово о мытарствах» (XII в.) перечисляет нравственные преступления: ложь, клевету, зависть, гнев, гордость, насилие, воровство, блуд, скупость, немилосердие. Русский человек считал, что для спасения недостаточно одного аскетического следования заповедям Христа – необходимо, чтобы деяния человека были полезны всем, общественно значимы; лишь перед теми откроются «врата небесные», кто сознательно творит добрые дела, приносит благо ближним, ибо само неведение добра «злое есть согрешение».

По Нестору, русская история – это борьба добра со злом, вечных добрых начал человеческой души с бесовским соблазном сил зла. В этой борьбе у русского народа пробудилось национальное самосознание, проявилась его природа, «сверхвременной идеал и сверхвременное существо народа» (Л.П. Карсавин).

В «Повести временных лет» земная жизнь рассматривается как противостояние добра и зла, причем не только как борьба посланников Бога и слуг сатаны, но как противостояние добрых и злых людей. Последние опаснее бесов, ибо «беси бо Бога боятся», а злой человек ни Бога не боится, ни человека. Именно посредством их множится мировое зло. Борьба за добро, любовь к добру, добротолубие существовали как своего рода культ в дох-

ристианский период, после Крещения Руси они получают дополнительное обоснование и высшее освящение, но вступают порой и в противоречие с христианской догматикой. Так, Иаков Мних (XI в.) восхвалял добро, считая, что святость достигается не чудотворением, а добрыми делами. Критерий истинной христианской жизни и святости – добрые дела.

С самого начала принятия христианства Святая Русь, идеология русского народа-богоносца, столкнулась с иудаизмом, идеологией народа-богоубийцы. Примерно с конца первого тысячелетия от Рождества Христова начинается качественная сдвигка мировой истории – созданная Спасителем христианская цивилизация, подточенная тайными иудейскими обществами и сектами, подвергается эрозии. Христианская идеология в западноевропейских странах постепенно отравляется иудейскими воззрениями на мир. И на месте христианской цивилизации Запада в течение XI–XVIII вв. сначала почти незаметно, как страшная раковая опухоль, развивается иудейско-масонская цивилизация, отрицающая духовные ценности Нового Завета, подменяя их иудейским поклонением золотому тельцу, культом насилия, порока, плотского наслаждения жизнью.

На многие века Западное христианство превратилось в ширму, за которой велось строительство иудейско-масонской цивилизации. На первых порах, пожалуй, самой красивой частью этой ширмы был так называемый Ренессанс, который при покровительстве римских пап и кардиналов под псевдохристианской оболочкой фактически отверг духовные ценности Нового Завета, провозгласив эпоху плотского наслаждения жизнью, а главное, возрождение порочных языческих (дохристианских) традиций Древней Греции и Рима. Иудейская пропаганда объявляет всю эпоху подъема христианской духовной цивилизации периодом упадка и мракобесия, а так называемый Ренессанс – временем возрождения «лучших традиций древности», подразумевая под этим, по-видимому, неслыханный разврат и содомитство позднего античного общества, преуспеяние которого основывалось на жестокой эксплуатации рабов со всего мира.

Кризис Западной церкви и христианских монархий в Европе, начавшийся с момента отпадения Рима от Православия, перерос к середине 2-го тысячелетия во всеобщую катастрофу западнохристианской цивилизации. С этого момента, по справедливому замечанию великого русского философа А.Ф. Лосева, осуществляется развертывание и оформление сатанинского духа, ступенями которого были капитализм и социализм, победоносное шествие еврейских революций по Европе.

В самом деле, с момента складывания капитализма и колониальных захватов мир вошел в полосу деградации и одичания. Стремительное развитие научно-технического прогресса сильно способствовало этому, превращая человека в раба возрастающих материальных потребностей.

Мир становился все более одномерным. Духовная доминанта человечества, ранее определяемая христианской цивилизацией и ценностями Нового Завета, перемещалась на периферию общественного сознания, а на авансцену истории выходили бездушные, эгоизм и ограниченность человека, живущего только потребительскими интересами.

Святая Русь не приняла антихристианских идей западноевропейского Возрождения и так называемого «гуманизма», ориентированных на жадное стяжание материальных благ и плотских утех. Она отвергла западноевропейское понятие развития как преимущественно научно-технического, материального прогресса, постоянного наращивания массы товаров и услуг, обладания все большим количеством вещей, перерастающего в настоящую гонку потребления, «жадность к вещам». Этому понятию русское миропонимание противопоставляло идею совершенствования души, преображения жизни через преодоление греховной природы человека.

Для русского человека вера была главным элементом бытия, а для западного человека – «надстройкой» над материальным базисом. Архимандрит Иларион (Троицкий) писал: «Идеал православия есть не прогресс, но преображение... Новый Завет не знает прогресса в европейском смысле этого слова, в смысле движения вперед в одной и той же плоскости. Новый Завет говорит о преображении естества и о движении вследствие этого не вперед, а вверх,

к небу, к Богу». Единственный путь преображения – в искоренении греха в самом себе: «Не вне тебя правда, а в тебе самом, найди себя в себе, овладей собой, и узришь правду. Не в вещах правда эта, не вне тебя и не за морем где-нибудь, а прежде всего в твоём собственном труде над собою».

После падения Рима и захвата иноверцами Константинополя духовный центр христианской цивилизации переместился в Россию. Мистическое значение «Удерживающего» перешло к христианскому царству Святой Руси, воплощаясь в русской православной Монархии. Как писал великому князю Московскому старец Псковского Елеазаровского монастыря Филофей, «Церковь Древнего Рима пала вследствие принятия Аполлинариевой ереси. Двери Церкви Второго Рима – Константинополя – рассекли агаряне. Сия же Соборная и Апостольская Церковь Нового Рима, державного Твоего Царства, своею Христианскою верою во всех концах Вселенной, во всей поднебесной паче солнца светится. И да знает твоя держава, благочестивый царь, что все царства православно-христианской веры сошлись в одном твоём царстве, един ты во всей поднебесной христианский Царь». В XVI–XVIII вв. духовные ценности Святой Руси приобрели значение официальной государственной идеологии. Отторжение ценностей Святой Руси, начавшееся с Петра I, деформировало общественное сознание, вызывало кровавые катаклизмы, создавая все новых и новых мучеников за ее идеи. Эти мученики были всегда – от Филиппа Митрополита до оптинских старцев, от Аввакума до славянофилов.

Но после большевистского переворота мученичество стало неотъемлемой духовной принадлежностью коренных русских людей. Планомерно и организованно уничтожались русские священники и национальная интеллигенция, лучшие представители крестьянства. Идеалы Святой Руси закреплялись кровью мучеников – Русь становилась Святой вдвойне.

ГЛАВА 9. Русское Православие. – Истинная вера. – Пресвятая Троица. – Жизнь вечная. – Нагорная проповедь. – Лествица райская. – Богослужение. – Страх Божий. – Царство Небесное. – София – «Премудрость Божия».

Русское Православие – христианское вероучение, сохранившее в неизменной чистоте заветы Христа и апостолов в том виде, в каком они изложены в Свящ. Писании, Священном Предании и в древних символах Вселенской церкви. С момента отпадения западной церкви от Православия главным его хранителем становится Россия, Русская Православная Церковь.

В отличие от католицизма, омертвившего христианство и превратившего его в декоративную ширму для греха и порока, Православие вплоть до нашего времени остается живой верой, открытой каждой душе.

Краеугольным догматом Христианства является учение о Святой Троице, Боге христиан, Едином в Трех Лицах или Трех Ипостасях: Отец, Сын и Святой Дух. В Ветхом Завете триипостасность Бога выражается в явлении трех ангелов Аврааму (Быт. 18: 1–5) или «Свят, Свят, Свят, Господь Саваоф! Вся земля полна славы Его», как трижды изречено пророком Исаией (Ис. 6: 3). В Евангелии о триипостасном существе Бога сказано Христом, посылающим учеников своих на проповедь: «Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа» (Мф. 28: 19). Появление же Св. Троицы в Евангелии впервые зафиксировано при Крещении Иисуса Христа Иоанном Предтечей: «Отверзлись Ему небеса, и увидел Иоанн Духа Божия, Который сходил, как голубь, и ниспускался на Него. И се, глас с небес глаголющий: Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение» (Мф. 3: 16–17; Мк. 1: 10–11; Лк. 3: 21–22).

Главным событием вселенской истории человечества является спасительная жертва Христа. Христос воскрес, смертью смерть поправ. За весь род человеческий Иисус

Христос однажды и навсегда принес себя в жертву и тем самым создал условия для спасения людей и обретения ими жизни Вечной, которая для каждого отдельного человека начинается с Крещения, с присоединения к христианской Церкви. Мы получаем вечную жизнь через Христа, но до явления Его «мы умерли» и жизнь наша сокрыта со Христом в Боге», когда же явится Христос, жизнь наша, тогда и мы явимся с ним во славе»¹.

Вечную жизнь имеет только тот, кто находится в общении с Богом, кто пребывает в Нем, кто слушает слова Его, кто исполняет его заповеди. Одним из главных положений Нового Завета является Нагорная проповедь Иисуса Христа, содержащая изложение сущности христианской морали, ее отличия от древней иудейской. В то время как избранное общество Ветхого Завета заботилось, чтобы его члены отличались только внешними свойствами и признаками, как, например, происхождение от Авраама и обрезание, Христос, давая свой Новый Завет людям, ставит им условием достижения избранного общества только внутренние достоинства человека, определяемые десятью «блаженствами» – качествами душевного настроения.

Сравнивая Новый Завет с Ветхим Заветом в таком виде, как его толковали книжники и фарисеи, Иисус Христос находит господствующий характер блаженств в полнейшем духовном смирении и самоуничижении, которым фарисеи и книжники противопоставляют эгоизм и самовозношение. Как объяснялись Христом десять заповедей блаженства, видно из следующих примеров: заповедь «не убий» карает не только человека, совершившего убийство, но и сердце, питающее вражду, а также напрасный и внезапный гнев, который может явиться источником этой вражды и вызвать у человека унижительные действия и выражения; грех прелюбодеяния будет даже во взгляде на женщину с вождением; ветхозаветному «око за око» противопоставляется новозаветное правило: «не противься злу»; далее Христос говорит, что люди тогда только перестанут разделять себя на ближних и врагов, когда поймут, что они «сыны

¹ Полный православный богословский энциклопедический словарь (далее ПБС). СПб., б. г. Т. I, с. 886–887.

одного Отца Небесного», и найдут новую силу для восстановления потерянного богоподобия. Нагорная проповедь произвела огромное впечатление на слушателей Христа, непрестанно служила излюбленной темой проповедников слова Божия¹.

Кто живет по заповедям Христовым, тот совершает благо, в христианстве это состояние, присущее Богу и не отступившей от Него части творения. «Никто не благ, как только один Бог» (Мф. 19: 17). Отойди от зла и сотвори благо. В русской философии высшее благо понимается как единство добродетели и благополучия. Благо есть безусловно желаемое, добродетель – безусловно должное (В.С. Соловьев).

Христианская мораль, заповеданная человечеству в Нагорной проповеди, развивается в трудах многих святых и подвижников, среди которых на Руси особое значение имел игумен Синайской горы прп. Иоанн. В книге «Лествица райская» (н. XII в.) преподобного раскрывается суть пороков и добродетелей. Св. Сергей Радонежский, св. Нил Сорский, св. Иосиф Волоцкий и другие столпы русского православия считали «Лествицу» лучшей книгой для спасительного руководства:

«Христианин есть тот, кто, сколько возможно, подражает Христу в слове, деле и помышлении, право и непорочно веруя во Святую Троицу.

Адам, доколе имел простоту детскую, не видел и наготы своей; блаженна простота природная, но преславна награда той простоты, что обретена чрез многие поты и труды – она источник высочайшего смиренномудрия и кротости.

Болезнь посылается нам иногда для очищения согрешений, а иногда для того, чтобы смирить наше самовозношение.

В сердцах кротких почивает Господь, а мятежная душа – седалище диавола. Губится и уныние прилежной молитвою.

¹ ПБС. Т. II, с. 1611–1612.

Да будет вся ткань молитвы твоей немногосложна, ибо мытарь и блудный сын одним кратким словом умилоствовали Бога.

Если непрестанно опираешься о жезл молитвы, то не споткнешься, а если бы это и случилось – то не падеши совершенно.

Жизнь духовную начиная, должны мы помнить, что есть среди бесов такие, которые даже «толкуют» нам Священное Писание – они делают это обычно в сердцах тщеславных, а особенно у людей ученых (образованных), и, обольщая их постепенно, ввергают наконец в ереси и хулы.

Зная, что ближний твой укорил тебя в отсутствии или присутствии твоём, покажи свою любовь и похвали его.

Тот смиренномудрие показывает, кто, укоряемый другими, не уменьшает к ним любви своей, а не тот, кто сам себя укорил.

Не на брачный пир приглашены мы в этом мире, но на плач о самих себе.

Худые помыслы, не исповедуемые духовному отцу, переходят в дела.

Целомудрие есть всеобъемлющее название всех добродетелей.

Чистота и целомудрие есть возделенный дом Христа и земное небо для сердца.

Юности твоей труды Христу усердно принося, в старости о богатстве бесстрастия возрадуешься, ибо в юности собираемое питает и утешает изнемогающих в старости.

Язык невоздержанный в малое время плоды многих трудов расточает».

Благодатные силы для праведной жизни согласно Божественным заповедям дает человеку Богослужение, молитва и пост. Богослужение в русской православной церкви подразумевает Богопочитание или угождение Богу добрыми мыслями, словами и делами. Оно совершается преимущественно в храме и состоит из чтения и пения молитв, чтения Слова Божия и священных обрядов, совер-

шаемых в определенном порядке во главе со священнослужителем. Через Богослужение, через совершение таинств при Богослужении, а особенно таинства Св. Причащения, православные христиане входят в таинственное общение с Богом.

Молитва – благодарственное или просительное обращение к Богу, который любит Свое творение, любит каждого из нас, Он есть наш небесный Отец. Как детям свойственно видеть своих родителей и беседовать с ними, так и нам должно иметь радость беседовать с Богом и духовно общаться с Ним. Благоговейная беседа человека с Богом называется молитвой. Душа, соединяясь в молитве с Богом, одновременно соединяется и с духовным миром ангелов и праведников.

Молитва часто сопровождается благоговейными словами и внешними знаками благоговения: крестным знаменем, коленопреклонением, поклонами и другими знаками богопочитания. Но молитва может быть возносима и без слов, без внешних проявлений. Это внутренняя, или углубленная, молитва, которая знакома по опыту многим усердным христианам.

Успех молитвы полагается в силе Бога, правильной вере просящего, примиренности молящегося с другими людьми, содержанием самого прошения, которое не может быть выполнено, если будет греховным. Успех молитвы зависит не от количества и «правильности» слов, от посулов (обетов) Богу, а от личности просящего, от того, насколько он угоден Богу, и от Воли Божьей (Мф. 6: 5—15; Мк. 11: 25, 26).

«Подлинно блаженное дело, – говорит прп. Ефрем Сирин, – не грешить, а согрешающим – не отчаиваться, но плакать о том, в чем согрешили, чтобы слезами опять улучшить блаженство. Посему прекрасно всегда молиться и не стужати, как говорит Господь (Лк. 18: 1). И апостол еще говорит: непрестанно молитесь (1 Сол. 5: 11), т.е. и ночью, и днем, и всякий час. Не только входя в церковь, но и в другие часы не оставляй о сем попечения; напротив того, работаешь ли, спишь ли, или находишься в дороге, или ешь, или пьешь, или лежишь, – не прерывай молитвы: ибо не знаешь, когда придет требующий души твоей. Не

жди воскресного дня, или праздника, не разбирай различия мест, но, как сказал пророк Давид, молись на всяком месте владычества (Пс. 102: 22). Посему в церкви ли ты, или у себя дома, или в поле, пасешь ли овец, занимаешься ли постройкой, бываешь ли на пиршестве, не оставляй молитвы; и, когда можно, преклони колена, а когда невозможно, молись умом, и вечером, и утром, и в полдень. Если молитва будет предшествовать делу и, встав с ложа, первые свои движения посвятишь молитве, то грех не найдет доступа к душе. Молитва есть предохранительное средство для целомудрия, обучение сердца, укрощение кичливости, очищение от памятозлобия, истребление ненависти, исправление нечестия. Молитва – крепость телу, благоденствие дому, благоустройство городу, могущество царству, знак победы во время брани, прочность мира. Молитва – печать девства, верность брака, оружие путников, страж почивающих, благонадежность бодрствующих, плодоносие земледельцам, спасение плавающих. Молитва – заступница судимых, отрада заключенных, утешение скорбящим, веселие радующимся, ободрение плачущим, праздник в дни рождения, венец супругам, погребение умершим. Молитва – беседа с Богом, равночестие с Ангелами, преуспеяние в добром, отвращение от худого, исправление согрешающим. Молитва Ионе и кита соделала домом, а Езекию от врат смертных возвратила к жизни, и отрокам в Вавилоне превратила пламень в дух росы (Дан. 3: 50). Молитвою Илия связал небо, не одождите лета три и месяцев шесть (Иак. 5: 17). Видите, братия, как сильна молитва. В целой жизни человека нет достояния драгоценнее молитвы. Никогда не удаляйтесь от нее, никогда не оставляйте ее, но, как сказал Господь наш, будем молиться, да не вотще будет труд наш (Мф. 6: 6)».

Пост в православной церкви предполагает ограничения в питании, развлечениях и половой жизни с целью подавления чувственных желаний и усиления духовно-нравственных стремлений.

Посты бывают однодневные и многодневные. Однодневные – среда, пятница, крещенский сочельник, праздники Воздвижения Креста, Усекновения главы Иоанна Предтечи. Многодневные – Великий пост перед Пасхой,

Рождественский (Филиппов) пост перед Рождеством, Петров пост перед праздником апп. Петра и Павла, Успенский пост перед Успением.

Все лишения православный человек должен принимать со смирением – доверием к Богу. Смиранный человек подчиняется только Богу, следует Божественному Провидению. Он не может впасть в уныние, которое есть смертный грех, выражающий неверие в спасение.

Чем больше лишений и невзгод преодолевает человек, тем ближе он становится к Богу. Русские святые и подвижники всегда поощряли аскетические упражнения воли и помыслов через пост, молитву, уединение, бдение и другие подвиги и лишения. Истинное Православное христианство есть самоотвержение. Русская церковь учит, что аскетизм, хотя и в различных степенях и формах, является обязательным для всех христиан без исключения. По словам Иисуса Христа: «Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» (Мф. 11: 12). Для спасения необходимо соединение как благодати, так и свободной воли человека, который должен идти путем аскетических подвигов.

Богослужение, молитва, пост, аскетический подвиг, чтобы быть действительными всегда должны совершаться со страхом Божиим, т.е. благоговением¹ к беспредельной святости Божьей, опасением оскорбить Господа нарушением Его святой воли, боязнью потерять любовь Бога. «Начало мудрости – страх Господень» (Притч. 9: 10). Через страх Господень человек преодолевает страх животный, приобретает высшее христианское совершенство – любовь к Богу и людям. «В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение. Боящийся несовершен в любви» (1 Ин. 4: 18).

Мировая жизнь осуществляется через Промысл Божий, деятельность Бога, направляющую весь ход событий в сотворенном Им мире и миропорядке. Промысл Божий

¹ Благоговение – страх Божий, преодоленный и преображенный любовью (И. Ильин). Благоговение есть ощущение вечного идеала как истинно сущего, вызывающего стремление к действительной перемене себя в смысле приближения к высшему совершенству (В. Соловьев).

ориентирован на всеобщее благо. Он сохраняет создания, ведет их к добру, защищает добро от зла, а последнее либо уничтожает, либо направляет к добрым последствиям.

Венцом мировой жизни является Царствие Небесное – место пребывания Христа и спасенных Им людей. Царство Небесное находится в христианине (Лк. 17: 21), Церкви (Мф. 18: 20), в духовном мире (Лк. 23: 43). После конца света наступит торжество Божественной справедливости – Страшный суд. На этом суде Судьею явится Сын Божий, пришедший во славе судить живых и мертвых, после чего праведники пойдут в Царство Небесное, а грешники – на вечные муки в ад. После Страшного Суда Царство Небесное распространится на всю Вселенную (Откр. 11: 15).

На Святой Руси люди беспредельно верили в Божественное домостроительство, в Божий план спасения человеческого рода от греха, страдания и смерти. В конечном счете это воплощалось в Софии – «Премудрости Божией», одухотворяющей все сущее, придающей ему высший смысл и порядок. Главные русские храмы, построенные в Новгороде, Киеве, Полоцке в X–XI вв., назывались Софийскими.

Женское начало «Премудрости Божией» Софии в XII–XIII вв. перерастает на Руси в особое почитание Божией Матери. Милостью Божией после принятия христианства из Византии на Русь отправляются многочисленные святые чудотворные иконы Пресвятой Богородицы. Среди них находились даже несколько написанных евангелистом Лукой – Иерусалимская, Минская, Холмская, Цареградская, «Одигитрия» Смоленская, Федоровская-Костромская. История доносит многочисленные факты чудес, совершаемых от этих икон¹. Число чудотворных икон Пресвятой Богородицы и чудес, случившихся от них, множилось², что дало твердое основание православным людям называть Россию Домом Пресвятой Богородицы.

¹ Сахановский Н.И. Святая Русь. Краткая история русской православной церкви. Буэнос-Айрес, 1965, с. 9.

² См.: Хронология Святой Руси (приведена в нашей книге на стр. 111 – 148).

**ГЛАВА 10. Подвиг русского монашества. –
Пещерные монастыри. – Обитатели в
дремучих лесах. – Сергей Радонежский
и ученики. – Умное делание. – Нил
Сорский и нестяжатели. – Иосиф
Волоцкий. – Благодатное старчество.**

Подвиги русского монашества от Антония и Феодосия Печерских до Нила Сорского могут быть сравнимы только с высшими образцами аскетических достижений древней церкви. Первые русские монахи выбирали для своих подвигов темные и тесные пещеры, дремучие леса, кишашие свирепыми зверями и ядовитыми змеями. Многие из них во Славу Божию погибали, так и оставшись неизвестными. Но их трагические, но прекрасные судьбы привлекали все новых подвижников, на костях которых строилась Святая Русь.

Отцы русского монашества прпп. Антоний и Феодосий Печерские основали под Киевом монашескую общину, впоследствии ставшую Киево-Печерской лаврой. Основными чертами киево-печерских монахов были смирение, бедность, кротость и труд. Как говорил св. Феодосий: «Лепо бо бяше нам от трудов своих кормить убогия и странья, а не праздным пребывати, преходити от келии в келию».

В пещерах монастыря нашли упокоение 118 монахов, большинство из которых жили до монгольского нашествия¹. Все они были причислены к лику святых, а жития их стали одним из любимых чтений русского народа.

Для русских монахов святость была прежде всего «чистотой сердечной», стяжанием благодати Святого Духа. Русские подвижники простодушно полагали, что святость не означает безгрешность (безгрешен только Бог), но принадлежность к Богу, устремленность к безгрешности и духовному совершенству. Святой – угодник Божий, наслаждающийся вечным блаженством.

¹ Иеромонах Иоанн (Кологривов). Очерки по истории русской святости. Брюссель, 1961, с. 45.

Тяжелейшие испытания татаро-монгольского ига не подорвали русского монашества, а наоборот, усилили его духовную жизнь. Именно в период самого глухого мрака татарщины в далеких от городов лесных пустынях вызревает новое духовное качество монашества, самым ярким представителем которого стали прпп. Сергей Радонежский и его ученики. Смирение и кротость составляли главное в личности прп. Сергия. Всем монахам св. Сергей наказывал трудиться неустанно, показывая этому личный пример.

При св. Сергии существовало правило никогда не отпускать с пустыми руками ни одного человека, проходящего в монастырь. Прп. Сергей первым из русских святых удостоился явления самой Богородицы. Смирение, кротость, трудолюбие сочетались у прп. Сергия с великой духовной мудростью и глубиной мистического постижения мира.

Ученики преподобного – Симон, Исаакий и Михей – были свидетелями его мистического общения с высшими духовными силами. Еще при жизни прп. Сергия называли «игуменом всея Руси». После его упокоения на духовной службе России остались около ста святых подвижников – прямых продолжателей его дела.

С Сергия Радонежского начинается живительная струя духовной жизни, именуемая благодатным старчеством. Оно имеет древнее христианское установление на пути к духовному совершенству. Старец – это монах (священник или нет), исполненный Духа Святого и ставший для других наставником в христианской жизни.

Как писал иеромонах Иоанн (Кологривов), «Старцы приучили русский народ смотреть в небо поверх куполов и дивных соборов», то есть, отрываясь от обрядности и формализма, жить внутренней жизнью, стремиться к Богу не только во внешнем поклонении Ему. Старцы старались научить смирению, прощению и управлению своей волей.

Это были поистине учителя русского народа, а кельи их были своего рода университетскими кафедрами, где он получал свое духовное образование. Влияние этих людей, живущих как бы в стороне от обычного духовенства, было

и остается огромным. Оно значительно больше влияния простых монахов и священников»¹.

Через святых Сергия Радонежского и Кирилла Белозерского, Нила Сорского, Тихона Задонского и монахов Оптиной пустыни старчество распространилось по всей Руси. «Старчество являлось центром духовной жизни, народным источником, где каждый черпал живую воду благодати»².

Старцам было присуще умное (духовное) делание, мистическая концентрация внутренних духовных сил, «хранение ума» на созерцание Бога. Для этого используются смирение, молчание, молитва и трезвение. Постоянно повторяется Иисусова молитва: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя.

Великий старец Нил Сорский создает православную науку духовного возвышения. Она была изложена в его труде «Устав монастырский (скитский)» – выдающемся произведении русской духовной и научной мысли, воплотившем в себе основные идеалы и понятия Святой Руси, ставшем своего рода энциклопедией отечественной духовности конца XV–XVI вв. Состоит этот труд из 11 глав³.

Первая глава говорит о борьбе со страстями и о том, как необходимо им противостоять. Прп. Нил проявляет себя здесь глубоким психологом. Он разбирает страсти человеческой души и указывает различные моменты их действия: сначала семя, потом развитие, нечто вроде роста, происходящего в сердце, наконец, полное укоренение; он дает советы, как бороться со страстью и ее уничтожить на различных этапах ее развития. Следуя за византийскими писателями, Нил указывает пять таких этапов: а) «прилог»; б) «сочетание»; в) «сложение»; г) «пленение»; д) «страсть» в собственном смысле.

а) «Прилог» есть лишь некое впечатление, первое движение, проявляющееся в уме или в сердце. Иными словами, это любая мысль, любое чувство, невольно возникающие в человеческой душе. Поскольку они возникают помимо

¹ Иеромонах Иоанн (Кологривов). Указ. соч., с. 347.

² Там же.

³ Изложение «Устава монастырского» дается по книге иеромонаха Иоанна (Кологривова) (Указ. соч. с 180–185).

нашей воли, под влиянием того, что нас окружает, человек за них не ответствен. Но если он покоряется дурной мысли или дурному желанию, если он задерживается на них и их задерживает у себя добровольно, то этим он вызывает второй фазис, «сочетание». Иначе говоря:

б) «Сочетание» и есть внимание, которое человек обратил на случайно возникшую мысль или на чувство, пробудившееся без полного участия его воли. Этот второй фазис отличается от первого тем, что в нем присутствует зачаток воли. Долг человека, говорит прп. Нил, заключается в претворении в добро любой злой мысли и любого нечистого желания, как только они замечены в душе. Здесь уже перед нами начало борьбы.

в) «Сложением» делается следующий шаг. Это уже начало страстного влечения к данной мысли или желанию, определенная склонность к образу или впечатлению, возникшим в душе. Человек почти готов осуществить пришедшую ему мысль, последовать пробудившемуся в нем желанию. Но здесь, как и в первом фазисе (в «прилоге»), человек еще колеблется. Он то противится овладевающим им мыслям и желаниям, то почти готов им отдаться. Когда он будет окончательно увлечен злой мыслью или желанием, это будет «пленение».

г) «Пленение» происходит в двух случаях: 1) Если человек невольно привлекается дурными мыслями и прельщается ими вопреки своему намерению. Поскольку это происходит невольно, в этой форме «пленения» нет почти никакого греха. 2) Но если человек вполне сознательно следует своим беспорядочным мыслям и желаниям, то такое душевное состояние представляется особо вредным. Душа возбуждена, человек теряет власть над самим собой, он побежден беспорядочными мыслями и его словно носит волнами в бурю. Это происходит в особенности от слишком частых и праздных бесед.

Все эти душевные состояния – более или менее временные. Они приходят к человеку и уходят. Иное дело – «страсть».

д) «Страсть» утверждается в человеческой душе надолго, становится привычкой и превращается как бы в составную часть ее характера. То самое, чему человек

первоначально отдался свободно, по своей собственной воле, теперь настолько владеет им, что у него почти уже нет сил сопротивляться. Тогда порок укореняется в сердце человека, становится страстью, которая и господствует над человеком безраздельно, превращая его в своего раба.

Таков постепенный ход укоренения страстей в человеческой душе. Установив объект борьбы, составляющей смысл монашеского подвига, Нил указывает средства, которыми эту борьбу нужно вести. Первое из них – пресекать каждую дурную мысль, как только она появляется. Побеждать страсть нужно, когда она еще в зачатке; потом уже будет трудно бороться с ней. Второе средство – молитва. Говоря об этом значении молитвы как средстве борьбы со страстями, прп. Нил подробно останавливается на условиях и на сущности молитвы. Он понимает под молитвой не обычное произнесение слов и не богослужение в храме, а молитву особую, внутреннюю – «умную молитву».

Чтобы достичь «доброй молитвы», говорит прп. Нил, нужно сначала отогнать все мысли, чуждые Богу, даже чувственные представления духовных вещей, которые на первый взгляд кажутся хорошими.

Надо стараться «молчать мыслию». Это первое качество молитвы, заключающееся в отвлечении энергий ума от всякого чувственного предмета, Нил, согласно исихатской терминологии, называет «трезвением сердца». Но этого мало. Очистить сердце, и даже бессознательную глубину личности, может только духовное присутствие Иисуса Христа. Вот почему всю свою силу, всю свою волю надо сосредоточить на одном непрестанном возгласе: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя». «И тако глаголати прилежно, аще стоя, аще сидя или лежа... зрети присно в глубину сердечную... елико можно, да не часто дышещи». Если не можешь вполне сдерживать сердце, если дурные мысли продолжают тебя смущать, не падай духом и продолжай молиться. Если посторонние мысли вторгаются в душу и мешают молитве, это – не по нашей воле. Нельзя только допускать, чтобы это происходило намеренно. Внутренняя молитва не должна прерываться ничем внешним: ни песнопением, ни чтением псалмов. Она выше обычной внешней молитвы, которая служит

только подготовкой к ней. Если благодатью Божией человек чувствует сладость молитвы и ощущает в сердце влечение к ней, надо особенно стараться сохранить такое расположение души. Внутренняя духовная молитва – не только основное средство для очищения сердца от страстей. Она в особенности – высшая цель человеческого (монашеского) совершенства; она выше всех добродетелей. Добродетелей много и каждая из них только частица добра; а умная молитва, молитва сердцем, есть источник всякого блага. Цель, к которой стремится наш святой, это духовное «сердечное» видение света Христова, которое, очевидным образом, может быть только даром Святого Духа. Жажда этого блага и должна порождать в монахе бодрость и твердую волю. Прп. Нил ничего не говорит о своем собственном опыте и для описания этих высочайших переживаний «совершенной молитвы» прибегает к греческим мистикам, в особенности к Симеону Новому Богослову. Причина этого может быть в его смирении, а может быть в том, что сам он не сподобился таких духовных состояний.

«Кий язык изречет? Кий ум скажет? Кое слово глаголет? Страшно бо, воистину страшно, и паче слова. Зрю свет, его же мир не имать, посреди келии на одре сидя; внутрь ся зрю Творца миру, и беседую, и люблю, и ям, питаюсь добре единым боговедением, и соединяюся Ему, небеса превосхожду... Где же тогда тело, не вем».

В конце главы Нил обращается к себе самому и к своим современникам – монахам. Мы, грешные, говорит он, недостойны даже слышать эти слова. Он сам дерзнул их привести лишь для того, чтобы мы убедились, сколько мы безумны, когда гонимся за тленными благами мира и хвалимся перед другими, когда ими владеем.

Борьба со страстями, будь то подавлением дурных мыслей, будь то сердечной молитвой, есть борьба долгая и требует постоянных усилий. Как быть, чтобы упорствовать в этой борьбе?

Третья глава указывает средства для этого. Прежде всего человеку требуется его собственная энергия, твердая воля к борьбе. Кроме того, совершая подвиг внутреннего совершенствования, он должен надеяться и на прямую

помощь от Бога, на поддержку благодати, которая «несет тебя на руках своих и хранит от всякого зла».

Борьба со страстями – основной «подвиг» монашеской жизни. «Умная молитва» – ее главная цель. Вот почему распорядок дня у монаха должен быть целиком определен стремлением к высшим целям жизни. Всегда и везде, во всех своих начинаниях, словом, делом и мыслью, он должен быть при деле Божиим.

Четвертая глава описывает распорядок дня монашеской жизни. Пятая глава, наряду с той, которая говорит о молитве, составляет наиболее существенную часть всего трактата. Здесь прп. Нил широко вдохновляется греческими авторами, что не означает, однако, отказа от собственной независимости. В человеке, пишет он, восемь страстей: 1) дух чревоугодия; 2) дух нечистоты; 3) дух алчности (скупости); 4) дух гнева; 5) дух печали; 6) дух уныния; 7) дух тщеславия; 8) дух гордости. С каждой из этих страстей, которые Нил старается анализировать, нужно бороться по-разному.

Говоря о той или другой страсти, Нил Сорский рассматривает не только основной порок, но и его различные разветвления. Он учитывает ее физиологическую и психологическую основу, старается проследить самые тонкие извилины души и обнаруживает тайную связь, существующую не только между отдельными пороками, как будто даже не имеющими ничего общего, но и между кажущейся бесстрастностью и пороком; это и позволяет ему дать некоторые очень верные и психологически тонкие советы. Как мы это уже видели по поводу его отношения к посту, все взгляды Нила на отдельные частные добродетели отличаются ясностью и честностью. Вот несколько примеров: говоря о необходимости изгонять из сердца гневные мысли, он указывает, что большую победу над духом гнева одерживает тот, кто молится за обидевшего его брата. В связи с этим преподобный настаивает на «любви и милосердии».

Нил советует всеми силами, и с самого начала, бороться с печалью и подавленностью, чтобы они не превратились в черную меланхолию, в «уныние», представляющее собой страшно тяжелую страсть. Если на человека нападает уны-

ние, пусть он старается не роптать на Бога, ибо такой ропот есть то средство, которым пользуется враг, чтобы врасплох овладеть человеческой душой. Тут нужно бороться особенно решительно и молиться больше, чем когда-либо.

Лучшим средством против уныния прп. Нил называет молчание, сосредоточенность и раскрытие собственного сердца перед опытным наставником. Не менее старательно и упорно нужно бороться и со страстью тщеславия. Эта страсть весьма тонкая и крадывается в нас незаметно, побуждая нас трудиться не для Бога, а для собственного превозношения перед людьми. Она – мать «гордости» и носит различные имена, но всегда и везде она «мерзка». Бог противится гордому, говорит Писание.

Такой человек – враг и бес себе самому и носит в себе самом свою погибель.

Зачаткам гордости нужно противопоставлять смирение. Каждый должен считать себя хуже всех тварей, даже хуже демонов, ибо демоны нас побеждают. Среди братьев нужно занимать последнее место, носить убогую одежду (это опять – отголосок прпп. Феодосия и Сергия, подлинный дух русской аскезы), нужно любить смиренную «черную работу», не искать своего в беседах, не стараться во что бы то ни стало вставить в спор свое слово, даже если это слово хорошее. В особенности же не надо хвалиться своими делами и случайными заслугами.

Шестая глава говорит о том, что в этой борьбе со страстями необходима помощь Божия. При ее наличии мощным средством против всех душевных страстей является постоянное помышление о смерти и о бренности всего земного. Как для тела хлеб есть главная пища, так для добродетельной жизни помышление о смерти существенно и необходимо. Надо помнить о том, что «от древних лет вси угодивши Богу скорбьми и бедами и теснотами спасошася». Этой теме посвящена седьмая глава. Восьмая глава говорит о слезах. «Слезы покаяния» – это «слезы спасительные, слезы, очищающие мрак ума моего». И наступает момент, когда они становятся источником радости. Психическое состояние, которое Нил определяет словом «слезы», близко к тому, которое он называл внутренней «умной молитвой». Тут и там предполагается

одинаковый уровень духовной возвышенности. Нередко слезы вызываются «умной» молитвой и очень часто сопровождают ее.

После «благодатных» слез, как и после «умной» молитвы, необходимо в особенности хранить свое сердце от посторонних помыслов. Об этом «умном хранении» после мистических переживаний говорит девятая глава.

Весь этот процесс внутреннего совершенствования требует от вставшего на этот путь человека полного отречения от мира, так что он должен умереть для всего другого. Тут Нил приводит слова св. Иоанна Лествичника о трех условиях, необходимых, чтобы человек был настоящим иноком: а) отказ от всякого стремления к материальным благам; б) горячая молитва; в) постоянное «блюдение» и совершенствование сердца.

Преподобный спрашивает не без иронии: можно ли назвать «отказом от стремления ко всему земному» существующий у нас обычай владеть землей и селами? Как невозможно читать книгу и совершать богослужение, не научившись сначала грамоте, так невозможно приступить к подвигу внутреннего совершенствования, не отказавшись сначала от всего мирского. Этот подвиг требует прежде всего молчания, внутренней сосредоточенности, чего нельзя достичь без полного отказа от мира (гл. 10).

Формулируя в целом учение Нила Сорского, можно вести его к следующим положениям:

1) Основное направление мысли прп. Нила есть направление чисто аскетическое. Жизнь теперешняя – только подготовка к жизни будущей. На земле все бренно, все преходяще, судьба всех – умереть. Скорби и страдания – лучшее, что выпадает на долю человека в этой жизни. Их нужно принимать с радостью и благодарить за них Бога, т.к. они очищают душу и ведут человека к блаженству.

2) Самая «благая часть», какую человек может избрать на земле, – это монашеская жизнь. Монахи – в наиболее прямом смысле слова – служители Божии. Но монашеское состояние не должно быть только телесным: необходимо, чтобы оно было духовным. Оно требует не только умерщвления плоти, но в особенности внутреннего, духовного совершенствования человека. Аскетизм прп. Нила – ду-

ховный аскетизм. Его цель – внутреннее нравственное совершенствование человека, а не изнурение тела. Поле битвы для монаха – не его тело, а его сердце и его мысли. Монах может и должен питать и поддерживать свое тело настолько, насколько это ему требуется, и даже порою дать ему отдохнуть. Телесный пост не так существенен в монашеской жизни. Количество принимаемой пищи должно соответствовать силам и потребностям каждого. Монах должен бороться не со своим желудком, а со злыми мыслями в своей душе, со страстями своего сердца. Путь, которым всякий человек достигает спасения, – это путь нравственного перерождения, внутреннего перевоспитания, а не внешних обрядов.

3) Этот взгляд Нила на характер и цель монашеской жизни определяет отчасти и его взгляд на мир. Основа его идей, характерная черта его мировоззрения – это первенство внутреннего, духовного, идеального над внешним, обрядовым. Его исходная точка – Евангелие, и этот евангельский характер отражается во всей его духовности. «Любите врагов ваших... Истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине», – эти евангельские слова могли бы служить эпиграфом ко всем трудам прп. Нила. Он обо всем судит с точки зрения Евангелия, Евангелием определяет обязанности монаха и всякого христианина вообще, не заботясь ни о каких соображениях практического порядка, и этим он слегка напоминает князя Мышкина в «Идиоте» Достоевского.

4) То же духовное направление приводит к тому, что Нил – противник всякой роскоши в украшении церквей. Он пишет, что Бог никого еще не осудил за недостаточно богатое украшение храмов. Делать церквям дорогостоящие дары «излишне». Гораздо лучше раздать эти деньги бедным.

Духовный и идеалистический характер святого очень часто принимает мистическое направление (в смысле внутреннего созерцания). Этот последний элемент – один из самых значительных в его личности. Мы видели его учение относительно духовной молитвы и слез. В обоих случаях предполагается одно и то же душевное и молитвенное состояние.

5) «Подвиг» нравственного совершенствования человека должен быть сознательным и осмысленным. Монах должен совершать его не по приказу, а по собственному убеждению в его необходимости, с «мудрованием» и «согласующа разуму». Коротко говоря, послушание не должно быть машинальным и механическим. Монах, как и всякий другой христианин, может и должен пользоваться советами опытных людей, но для этого он должен сначала удостовериться в том, какова жизнь тех, к кому он за советом обращается, насколько они знают Писание и как они осуществляют свои знания на деле. Ярмо монашеской жизни следует принимать на себя разумно, разумно «принимать пищу», «читать Писание», бороться со страстями. Резко восставая против тех, кто хочет всегда действовать «самочинно» и не желает укрощать свою собственную волю, Нил, однако, не уничтожает разумную личную волю у монаха.

Напротив, именно эта воля должна постоянно присутствовать в деле внутреннего совершенствования. Даже тогда, когда он дает свои советы, Нил не подавляет собственную волю того, к кому он обращается. Эти советы он всегда высказывает условно: «если возможно», «если Богу угодно и полезно душе».

Это требование сознательных и разумных отношений, вместо рабского послушания, составляет очень интересную черту в системе идей прп. Нила.

7) Признавая в человеке собственную, и притом сознательную, волю, Нил полностью подчиняет ее требованиям Писания. Монах должен применять свою волю к тому, чтобы жить согласно «божественного Писания и учения Святых Отец». Но чтобы «в том иметь живот свой», нужно их знать, их «испытывать»¹.

Наиболее полно и последовательно наука духовного возвышения воплощалась в трудах заволжских старцев – монахов Кирилло-Белозерского, Ферапонтова и других монастырей, расположенных в местности между Белым и Кубенским озерами. Название получили от того, что местность по направлению от Москвы находилась за Волгой

¹ Иеромонах Иоанн (Кологривов). Указ. соч., с. 186–188.

и носила название Заволжья. Опираясь преимущественно на труды Нила Сорского, заволжские старцы стали выразителями особого церковного направления, требовавшего неукоснительного проведения в жизнь евангельских принципов. Среди заволжских старцев были особенно заметны инок Вассиан Косой, старец Герман, Гурий Тушин, епископ рязанский Кассиан, троицкий игумен Порфирий и др., действовавшие преимущественно в XVI в. Заволжские старцы являлись проповедниками христианской веры, противниками насилия в деле веры. Они отрицали право монастырей владеть (стяжать) землями и богатой собственностью, считая это несовместимым с монашеским служением, а некоторые, например Вассиан Косой, даже выступали за конфискацию церковных владений, критиковали святоотеческие предания. При некоторой моральной привлекательности воззрения заволжских старцев несли серьезную опасность нормальной жизнедеятельности Русской Церкви, ослабляли ее роль в государстве. Лишаясь земель и собственности, церкви и монастыри теряли возможность вести широкую пастырскую, благотворительную и просветительскую деятельность, оказывать благотворное влияние на общественную жизнь.

Против заволжских старцев на соборе выступила влиятельная группа русских церковных деятелей во главе с Иосифом Волоцким, стоявшая за усиление роли церкви в государстве и обществе, бережное отношение к святоотеческому преданию и сохранение церковных и монастырских владений. За последнее их политические оппоненты – заволжские старцы – присвоили этой группе обидное название «стяжатели», считая, что владение собственностью не совместимо с монашеским служением. В полемике с Иосифом Волоцким некоторые заволжские старцы даже позволили себе критиковать святоотеческие произведения, в которых содержались положения, обосновывавшие церковное и монастырское землевладение. Иосиф Волоцкий и другие «стяжатели» сумели доказать, что позиция заволжских старцев в этом вопросе ошибочна. Собираемые в руках церкви земель и собственности было не стяжанием богатств в целях ведения роскошной жизни, а средством, позволяющим церкви усиливать ее

роль в государстве и обществе посредством расширения пастырской, благотворительной и просветительской деятельности. Лишение церкви земель и собственности, как впоследствии показали реформы Петра I и Екатерины II, ослабляло возможности духовной жизни, расширяло сферу мирских, антихристианских начал. В XVI в. на Соборах 1503 и 1531 «стяжатели» сумели доказать свою правоту, отодвинув от России почти на два века опасность секуляризации и обмирщения.

ГЛАВА 11. Русское православие против иудаизма. – Стригольники. – Секта жидовствующих. – Отрицание Христианской веры и иконоборчество. – Иудей Схария. – Проникновение еретиков в духовенство и царское окружение. – Борьба русских людей против жидовства. – Геннадий Новгородский и полный перевод Библии. – Обличительные сочинения Иосифа Волоцкого. – Антиеретические сборники Нила Сорского. – Осуждение жидовствующих на Соборах 1490 и 1504 годов. – Казнь еретиков.

Разложение Западной церкви и подспудное наступление иудаизма воспринимались на Руси XIV–XVI вв. как знаки предсказанного в Библии явления антихриста. Русская держава, полнокровно осознавшая себя Третьим Римом – духовным центром Христианского мира, последовательно и убежденно боролась за чистоту Православной веры и против ее главных противников – иудеев и еретиков.

Преобразование России в духовный центр Христианской цивилизации по времени почти совпало с установлением тайного иудейского талмудического центра на западнорусских землях, оккупированных тогда Польшей и Литвой. Хотя въезд иудеев в Россию был перекрыт временной границей, их постепенное тайное наступление против оплота

Христианского мира осуществлялось неуклонно через появление разных иудейских еретических движений.

Самым значительным иудейским еретическим движением в Древней Руси была «ересь жидовствующих», распространившаяся в последней трети XV – н. XVI вв. Свое название она получила от слова «жидовство», которое является русским переводом латинского *judaism*, т.е. иудаизм, иудейская религия, и означает, таким образом, не национальность, а вероисповедание. Но «наименование религии сплошь и рядом обращается в нарицательное имя и самого народа», и иудаистов независимо от их этнического происхождения называли «иудеями», «какое имя в устах татар и турок звучит «ягуди», а в Литве и Польше произносилось и произносится «жиды»¹. Этот термин впервые появляется в древнерусских документах уже в XI в. Например, Феодосий Печерский (ск. 1074) в своем Поучении о казнях Божиих пишет: «Божии суть врази: жидове, еретици, держащее кривую веру». В славянском переводе Священного Писания слово «жидовин» используется как равнозначное слову «иудей». В славянском переводе XI в. Пандекта Антиоха читаем: «Повеле тебе духовному жидовину». У И. Срезневского «жидовитися» означает принимать веру еврейскую: «Множество люди жидовяхуся (*judaismum assipiebant*). Есф. VIII. 17 по списку XIV в.»² Старославянский перевод 29-го Правила Поместного Лаодикийского Собора звучит так: «Не подобает крестьяном жидовствити», «Аще обрящутся жидовствующе, да будут прокляти». Во Временнике Георгия Амартола по списку XIV–XV вв. есть также термин «жидовьцеумец»: «Бегая от дерзновения толикыя хулы срациноверныи к жидовьцюумцю»³.

¹ Сборник старинных грамот и узаконений Российской империи касательно прав и состояния русскоподданных караимов. СПб., 1890, с. XII.

² Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893. Т. 1, с. 870–871.

³ Там же. Со временем слова «жидовин», «жид» приобрели бранное качество. В понятие «духовное жидовство» стало входить не только отрицание Христианской веры, но и представление об отрицательных нравственных качествах в целом.

Для православного русского человека этой эпохи слово «жид» было синонимом понятиям «враг веры», «противник Христа». В случае с ересью жидовствующих именно так и было. Продолжая тысячелетние традиции тайных иудейских сект, жидовствующие выступали против христианского учения, отрицали Святую Троицу, хуля Сына Божия и Святого Духа. Они отвергали Божество Спасителя и Его Воплощение, не принимали спасительных Христовых Страстей, не верили Его преславному Воскресению, не признавали они и всеобщего воскресения мертвых, отрицали Второе славное Пришествие Христово и Его Страшный Суд. Они не признавали Духа Святого как Божественной Ипостаси.

Жидовствующие отвергали апостольские и святоотеческие писания и все христианские догматы, учили соблюдать закон Моисеев, хранить субботу и праздновать иудейскую пасху.

Они отрицали церковные установления: таинства, иерархию, посты, праздники, храмы, иконопочитание, все священные предметы, службы и обряды. Особенно ненавидели они монашество. Жидовствующие надругались над Честным Крестом, Святыми иконами и Мощами, совершая над ними бесчинства, непредставимые для человека, выросшего в Православной вере. По свидетельству св. Иосифа Волоцкого, глумясь над святынями, они говорили: «Надругаемся над этими иконами, как жида надругались над Христом».

Продолжением этого глумления над всем святым были блуд и разврат. Жидовствующие священники совершали Божественную литургию, наевшись и напившись, после блуда, кощунственно ругались над Святым Телом и Честной Кровью Христовой и совершали другие осквернения, о которых, по словам прп. Иосифа Волоцкого, «нельзя и написать».

Жидовствующие возбуждали в малодушных и маловерных сомнение в некоторых местах Священного Писания, и прежде всего Нового Завета; соблазняли и с помощью распространяемых ими отреченных, т.е. осужденных Церковью, книг – пособий по тайным наукам – и искаженных списков Священного Писания; пользовались и

всем доступным им арсеналом иудейского чернокнижия и колдовства.

В организации секты жидовствующих многое напоминало будущее масонство: строгая законспирированность, проникновение в высшие слои правительства и духовенства; ритуал, включающий «обряд» поругания святыни; формирование системы «учитель – ученик» вне традиционных православных представлений.

Являясь непримиримыми врагами Христианства, жидовствующие скрывали ненависть к нему, втайне рассчитывая постепенно разрушить его изнутри. Перед людьми, твердыми в вере, еретики представляли себя «добрыми христианами» и «образцовыми ревнителями Православия».

Начало ереси относится к 1471, когда в Новгород в свите князя Михаила Олельковича из Киева прибыл жидовин Схария («Захарья евреянин», «Захарья Скарья жидовин»), князь Таманский. Этот хорошо образованный и обладавший большими международными связями жидовин принадлежал к иудейской секте караимов, имевшей широкую сеть своих организаций в Европе и на Ближнем Востоке. Караимы относились к одному из течений иудаизма, выполнявшему почти все его установления, но признававшему Иисуса Пророком. Караимство возникло в VIII в. в Вавилонии, вобрав в себя мелкие иудейские секты и восприняв традиции саддукеев. В отличие от иудеев-раввинистов, руководствовавшихся преданием и Талмудом, караимы считали себя вправе обращаться к закону Моисея без посредников.

К числу наиболее почитаемых книг в этой секте, кроме Пятикнижия Моисея (Торы), относились сочинения Анан бен Давида, Моисея Маймонида и Аль-Газали, а также труды по каббале, астрологии и другим оккультным наукам. Как сообщал св. Иосиф Волоцкий, основатель секты Схария «изучен всякому злодейства изобретению, чародейству же и чернокнижию, звездозаконению и астрологии». Еще с X века караимы имели тесные связи с Иерусалимом и Константинополем. Как сообщает историк З. Анкори, «Иерусалим X века был связан с Троками (местечко Трокай в Литве. – *О.П.*) позднего средневековья через плодотворное

посредство караимского центра в византийском Константинополе». В XIV–XV вв. караимы активизировались в Византии, Турции, Болгарии и на Руси.

Как писал Г.М. Прохоров, «когда обнаруживается, что византийско-турецкие жидовствующие были «сионитами», ревностнейшими из караимов, большие расстояния – географические и временные – между Малой Азией и Балканами XIV в. и Великой Русью XIV–XVI вв. оказываются преодоленными цепью взаимосвязанных караимских общин – в Крыму, Литве и Западной Руси. Караимы обитали на Крымском полуострове и прилегающих к нему землях задолго до XIV в. – по крайней мере, судя по письменным данным, не позже, чем со 2-й пол. XII в. От своих ближневосточных и балканских единоверцев северо-восточные караимы получали учительную литературу и учителей». В XII–XIII вв. немецкие раввины в Регенсбурге получали сочинения караимов через Русь. Крымская и киевская общины постоянно получали религиозную литературу и сведущих в ней людей из Вавилонии, Палестины и Константинополя.

До возникновения ереси жидовствующих иудейская секта караимов уже предпринимала свое антихристианское наступление на Русь в XIV–XV вв. Это наступление можно усмотреть в секте стригольников, действовавшей в Пскове, от которого рукой подать до Трок в Литве – одного из главных центров караимов.

Создавая секту жидовствующих в Новгороде, караим Схария, по-видимому, выполнял задание одного из международных иудейских центров и учитывал опыт деятельности стригольников. В короткий срок этому иудейскому конспиратору удалось сколотить тайное общество, численностью, по меньшей мере, в 33 человека, из которых 27 составляли священники, их ближайшие родственники, дьяконы и клирики.

Быстрое распространение иудейской ереси в русской духовной среде объяснялось состоянием православного вероучения и церковной литературы в XIV–XV вв. Исторически сложилось так, что в состав служебных книг вошло немало элементов, отражающих скорее иудейскую, чем православную традицию вероучения. В русских рукописях

оказалось значительное число материалов, входивших в «круг важнейших синагогальных праздничных и будничных чтений». Псалмы, найденные у еретиков, оказались еврейским молитвенником «Махазор». Архимандрит Кирилло-Белозерского монастыря Варлаам заметил по их поводу: «Ни в одном из псалмов этого перевода нет пророчеств о Христе». Н.С. Тихонравов сделал вывод, что это не Псалтирь Давида, а молитвы иудейские, употребляемые при богослужении, в которых ярко просвечивается иудейская оппозиция (неприязнь) учению о троичности лиц Божества.

В XV в. по еврейскому тексту было исправлено Пятикнижие Моисея, в иудейской (негреческой) традиции переведена книга Пророка Даниила. Иудейский перевод «Есфири» появился вообще в конце XIV в. И.Е. Евсеев отметил, что этот перевод свидетельствует о «высоком и исключительном уважении переводчика к еврейской истине. В местах христологических пророческих выразительно внесено понимание раввинское». «Здесь мы имеем, – заключают исследователи, – вековую литературную традицию перевода с еврейского». «Шестокрыл» с иудейским летосчислением, «Логика» Моисея Маймонида, астрологические трактаты, атеистические сочинения Раймонда Луллия были широко распространены в русских рукописях XV–XVI вв.

Иудейские традиции просматривались и в так называемой хронографической редакции Толковой Палее. Представленная рядом рукописей, начиная со второй половины XV века, она содержала большое количество апокрифического материала, имеющего иудейские источники¹.

Длительное существование иудейской книжной традиции на Руси объясняет в немалой степени успех пропаганды Схарии. Посеять сомнения, основываясь якобы на канонической книге, было основным способом обратить в ересь. Этот механизм обращения показан в сочинении инок Зиновия Отенского, разоблачающем ересь Феодосия Косого.

¹ В е с е л о в с к и й А. Н. Талмудический источник одной Соломоновой легенды в Русской Палее // Журнал Министерства народного просвещения, 1880, апрель, с. 298–300.

Некие крылошане пришли к иноку Зиновию спросить, истинно ли учение Феодосия Косого. Сами же они, как видно из их рассказа, склонялись к тому, что оно истинно. «Косой посему истинна учителя сказует, понеже в руку имеет книги и тыя разгибая, комуждо писаная дая, самому прочитати и сея книги рассказывает. А попы и епископы православные – ложные учителя, потому что, когда учат, книг в руках не имеют»¹.

Использование в русских служебных книгах текстов, чуждых православной традиции, вызывало у людей сомнения в правильности их исповедания Христианской веры.

Первым внешним проявлением ереси жидовствующих уже в 1470-х стали иконоборческие демонстрации. Еретики, ссылаясь на Пятикнижие Моисеево, стали призывать к уничтожению икон. «Они, – писал Иосиф Волоцкий, – запрещали поклоняться Божественным иконам и Честному Кресту, бросали иконы в нечистые места, некоторые иконы они кусали зубами, как бешеные псы, некоторые разбивали».

Несмотря на неприличный, скандальный характер, который приобретала ересь жидовствующих, ее влияние усиливалось. Примерно в 1480 еретики проникают и в Москву. Здесь они расширяют свою организацию за счет видных государственных деятелей из окружения самого царя Ивана III.

Кроме священников главных соборов Кремля, еретики привлекли к себе многих бояр, руководителя русской внешней политики дьяка Федора Курицына² и даже ближайшее окружение наследника Русского престола. Участие в тайной организации значительного числа государственных людей во многом объяснялось хорошим отношением к жидовину Схарии самого Ивана III, вплоть до 1500 приглашавшего этого иудея к себе на службу.

¹ Зиновий Отенский. Истины показания к вопросившим о новом учении. Казань, 1863, с. 42.

² Федор Курицын стал сторонником ереси жидовствующих еще после четырехлетнего пребывания на Балканах и Ближнем Востоке. По-видимому, именно там он стал заниматься каббалой, которую исследователи усматривают в его «Лаодикийском послании» (Ф. фон Лилиенфельд).

Деятельность секты была разоблачена в 1487 архиеп. Геннадием, сообщившим о ней царю и митрополиту Геронтию. По указанию царя несколько еретиков, названных Геннадием, были арестованы и подвергнуты «градской казни» (наказание кнутом на торгу) за надругательство над иконами.

Высокопоставленные покровители жидовствующих не допустили осуждения ереси как таковой. На Соборе 1488 были объявлены только незначительные преступления, а сама секта и ее руководители названы не были. В 1490 главой Русской Церкви стал митрополит Зосима, втайне поддерживавший ересь жидовствующих, которого Иосиф Волоцкий назвал «вторым Иудой»¹. Тем не менее в этом же году, несмотря на противодействие митрополита Зосимы, Собор Русской Церкви уже публично осудил еретиков, назвав в своем приговоре дела их «жидовскими», а их самих «сущими прелестниками и отступниками веры Христовой»².

Против жидовствующих встали все русские люди. Православная Церковь в лице ее лучших представителей: Иосифа Волоцкого, Нила Сорского, архиепископа Геннадия Новгородского – дала еретикам достойный отпор.

Прежде всего были просмотрены церковные книги и из них изъяты все чуждое русской православной традиции, ликвидированы иудейские синагогальные тексты, все сомнительные места, которыми еретики прельщали православных священников. По инициативе архиепископа Геннадия была полностью переведена Библия³. Этот перевод окончательно обезоруживал еретиков, которым в своих аргументах против Христианства оставалось прибегать только к открытому обману.

Архиепископ Геннадий организовал также перевод полемических сочинений, в которых представлялось

¹ Как сообщает Иосиф Волоцкий, митрополит Зосима, в частности, разделял взгляды караимов на загробную жизнь. «А что то Царство Небесное, – заявлял этот еретик, – ничего того несть. Умерл кто ин, то умер, – по та места и был» (Послание Иосифа Волоцкого. М.–Л., 1959, с. 161). В 1494 году митрополит Зосима был смещен.

² О ереси жидовствующих. С. 13.

³ Точнее, все книги Ветхого Завета. До этого их полного перевода не было не только у русских, но и у других славянских народов.

систематическое опровержение иудейских сект. Были переведены сочинение магистра Николая Делира, «чина меньших феологии преследователя, прекраснейшие стязания, иудейское безверие в Православной вере похуляюще»; сочинение «учителя Самоила Еврейна на Богоотметные жидове, обличительно пророческими речьми» и др. сочинения против иудеев.

В открытую полемику с жидовствующими вступает Иосиф Волоцкий. В своем сочинении «Просветитель» он в целях борьбы с ересью собрал в единое целое фрагменты Священного Писания и святоотеческих творений, эпизоды из житий святых и из истории Церкви. В первом слове Иосиф Волоцкий занимается опровержением еретиков, «глаголющих, яко Бог Отец Вседержитель не имать Сына ни Святаго Духа единосущны и сопрестольны Себе и яко несть Святыя Троица». Во втором слове Иосиф опровергает еретиков, «глаголющих, яко Христос не родился есть, но еще будет время, егда имать родитися, а его же глаголют христиане Христа Бога, той простой человек есть, не Бог». Третье слово подвергает критике то мнение еретиков, по которому «закон Моисеев подобает держати и хранити и жертвы жрети и обрезыватися». В четвертом слове доказывается несновательность мнения, исходя из которого еретики говорили: «Еда не можаше Бог спасти Адама и сущих с ним, еда не имаше небесные силы, и Пророки, праведники, еже послати исполнити хотение свое, но сам сниде, яко нестяжатель и нищ, и вочеловчився, и пострада, и сим прехитри диавола, не подобает убо Богу тако творити». В восьмом слове Иосиф защищает истинность отеческих писаний против ереси новгородских еретиков, утверждавших ложность писаний Св. отцов на основании того, что 7000 лет от сотворения мира прошло, а Христос во второй раз не явился. В девятом – защищает писания апостольские, подтверждая их истинность местами из Свящ. Писания, доказывая, что они внушены Святым Духом. В десятом – защищает от нападок еретиков писания Ефрема Сирина, в которых говорится, что творения его ложны. Здесь же приводятся доказательства из Свящ. Писания, что творения св. Ефрема истинны и соответствуют тому, что говорили пророки, евангелисты

и апостолы. В двенадцатом слове Иосиф доказывает, что если святитель будет еретиком, если он не благословит или проклянет кого от православных, то его проклятие ни во что не вменится. Свои опровержения еретиков Иосиф основывает на Свящ. Писании, преимущественно Ветхом Завете, Отцах Церкви, историках Церкви и даже светских писателях. В словах его виден ум светлый, последовательность, логичность изложения. Четвертое слово особенно отличается глубиной мысли, и специалисты справедливо называют его глубоко богословским сочинением¹.

Иосиф Волоцкий не щадит красок для описания жидовствующих. Еретики для него – сквернии пси, змии, таящиеся в скважине, языки их скверны, уста мерзки и гнилы, они – люди нечистые, пьяницы и обжоры, в обществе они сеют сласти житейские, тщеславие, страсть к сребролюбию, сластолюбию и неправду. В частности, Схарию Иосиф Волоцкий называет диаволовым сосудом, протопопа Алексея – окаянным сатаниным сосудом, диаволовым вепрем, еретика Истому – стаинником диавола, адовым псом. Но особенно обличает Иосиф Волоцкий митр. Зосиму. Он называет его окаянным, сквернителем, калом блудным, прескверным сатанюю, змием стоглавым, пищей вечного огня, новым Арием, злым Манентой, сатаниным первенцем, прескверным сквернителем других содомскими сквернами, пагубным змием, обжорой и пьяницей, по жизни свиньей, гонителем православных. Иосиф удивляется, как еще терпит земля таких. Из одного этого перечня названий видно, какими глазами Иосиф Волоцкий и русские люди этого времени смотрели на жидовствующих. Это, по их понятию, самые безнравственные, самые вредные люди, которые стараются развратить общество и в религиозном, и в нравственном отношении. Иосиф удивляется, как еще терпит земля таких людей².

Преступления «жидовствующих» против христианства были раскрыты в сочинении Иосифа Волоцкого «Просветитель». Большую роль в борьбе против еретиков сыграл

¹ Грандицкий П. Геннадий, архиепископ Новгородский // Православное обозрение, 1880, №12.

² Там же.

составленный Нилом Сорским сборник житий, куда он включил, в частности, жития Феодора Студита и Иоанна Дамаскина, осуждавших иконоборчество.

Пользуясь поддержкой высокопоставленных покровителей, жидовствующие добились назначения на должность архимандрита Юрьева монастыря еретика Кассиана. Владыка Геннадий, несмотря на все старания (Юрьев монастырь входил в его епархию), не смог изгнать нечестивца. Более того, жидовствующие путем интриг и клеветы сумели свести в 1503 с Новгородской кафедры самого владыку Геннадия.

После Собора 1490, осудившего ересь жидовствующих, борьба с ними продолжалась еще почти 15 лет. Только в 1504 царь Иван III принял решение созвать новый Собор. На нем еретики еще раз подверглись решительному осуждению, а их руководители после суда казнены.

ГЛАВА 12. Почитание Русской церковью христиан, умученных иудеями в ритуальных целях. – Святой Евстратий. – Святой Дмитрий-царевич. – Святой Гавриил Белостокский.

Русская Православная Церковь признает существование ритуальных убийств, совершаемых иудеями по религиозным мотивам.

В самом древнем собрании житий русских святых – Печерском Патерике – приводится житие прп. Евстратия (умучен в 1096), постника и мученика, «который продан был евреям, распят ими на кресте и прободен копием во время Пасхи за Христа».

В этом житии раскрываются подробности ритуального преступления, совершенного иудеями при обряде поругания Христа против православного христианина. Поэтому привожу его полностью:

«Когда попущением Божиим пришел на Русскую землю злочестивый Боняк со множеством половцев и пленил Российскую землю, тогда и св. Евстратий при вторжении поганых в Печерский монастырь, где многие были ими

посечены мечами, был захвачен вместе с другими в плен и продан в Греческую землю, в город Корсунь, одному еврею, в числе других 50 христиан. Богопротивный жидовин начал понуждать пленников своих отречься от Христа и угрожал противящимся уморить их всех голодом. Но мужественный инок Евстратий, молясь, укреплял и поучал всех и так наставлял: «Братие, кто из вас крестился и веровал во Христа, не будьте изменники обету, данному при крещении. Христос возродил нас водою и Духом, Христос искупил нас от клятвы законной Своею кровью и сделал нас наследниками Своего Царства. Если живем – будем жить для Господа; если умрем – умрем во Господе и временною смертью обрящем вечную жизнь. Будем подражателями Тому, Кто сказал: Моя жизнь – Христос, а смерть – приобретение». Укрепляемые словами преподобного, пленники предпочли умереть от недостатка временной пищи и питья, чем отлучиться от Христа, Который есть Источник вечной жизни. И так в короткое время, истаивая от неядения и жажды, все пятьдесят человек умерли – одни через три дня, другие – через четыре, некоторые – через семь, самые крепкие – через десять. Только один Евстратий, томимый голодом уже 14 дней, оставался жив и невредим, ибо с юности привык к посту. Окаянный жидовин, видя, что черноризец был причиной пропажи его денег, заплаченных за пленных, которых он надеялся привести в свое зловерие, задумал месть ему. Приближался день Воскресения Христова. Жидовин начал праздновать свою пасху и ругался над св. Евстратием так же, как отцы его – над Самим Господом нашим Иисусом Христом, как написано в Евангелии.

И, как в древности распяли Христа, так и этот праведник был пригвожден ко кресту окаянным жидовином и друзьями его и благодарил за то Бога. Без питья и пищи Евстратий продолжал жить уже 15-й день. Жидовин и прочие друзья его поносили распятого и говорили ему: «Вкуси ныне, безумный, законной пасхи, чтоб остаться живым и избегнуть проклятия. Ибо Моисей передал нам закон, который принял от Бога и сказал в книгах своих: «Проклят всякий, висящий на дереве». Преподобный отвечал: «Великой благодати сподобил меня днесь Господь.

Он даровал мне милость пострадать за имя Его на кресте по образу Его Креста. Надеюсь, что и мне скажет Он, как некогда разбойнику: «Днесь будешь со Мною в раю». Не нужна мне пасха ваша, не боюсь клятвы, ибо наша Пасха был закланный за нас Христос, Который разорил наложенное за преступление закона и за древо проклятие и ввел в благословение жизни деревом крестным, на котором был пригвожден, будучи жизнью всех, как пророчествовал о том и Моисей: «Вы увидите Того, Кто есть жизнь ваша, висящим прямо перед глазами вашими». О празднике же Пасхи говорит Давид: «Сей день, Который воздвиг Господь, возрадуемся и возвеселимся». Но ты, распявший меня, и все твои евреи, плачьте и рыдайте, ибо постигнет вас отомщение за кровь мою и кровь других купленных вами христиан. Ненавидит Господь субботы ваши и предложит праздники ваши в сетование – приблизилось время убиения начальника вашего беззакония». Услышав это, жидовин распалился гневом, схватил копьё и пронзил пригвожденного. И была видна только огненная колесница и огненные кони, и они несли на небо душу ликующего победоносного мученика, и был слышен голос, говоривший греческими словами: «Вот доблестный гражданин Небесного града!»

Тело мученика жидовин, сняв с креста, свергнул в море, и там творится много чудес. Верные искали там прилежно святых мощей – и не нашли. По смотрению же Божию были обретены они в пещере, где и доныне почивают нетленно. Предсказание же святого страдальца о том, что кровь его будет отомщена, исполнилось немедленно после страдания его. Ибо в тот же день пришло повеление от царя греческого изгнать из области его всех жидов, отняв у них имущество, а старейшин их избить за мучение христиан.

Одним из первых был убит, как говорил блаженный Евстратий, епарх – причина всей той жидовской злобы, о котором известно следующее: крестился один богатый и славный еврей, и потому царь отличил его и через несколько дней сделал епархом; он же, получив сан, втайне сделался отступником от Христа и Его веры и дал разрешение жидам по всему пространству Греческого царства покупать христиан и обращать их в рабов. И тогда этот

нечестивый епарх был обличен в злой своей хитрости, и царь повелел убить его злою казнию и искоренить жидов по всему своему царству. И в то время, когда избивали жидов, живущих в греческом городе Корсуне, того окаянного жидовина, которым был убит преподобный Евстратий, повесили на дереве, и так злоба его обратилась на его голову, и он воспринял участь Иудина удавления.

Прочие же жиды, видя страшные чудеса по кончине преподобного, уверовали поистине и крестились. А поработивший их Христу и по смерти своей добрый Его воин и победоносец – св. Евстратий – сподобился с бессмертным воинством небесным воспевать победную песнь и царствовать с Самим Победителем смерти Христом, с Которым он воинствовал, прославляя Его и благодаря с Безначальным Его Отцом и Животворящим Духом в бесконечные веки. Аминь».

Ритуальный характер, по-видимому, носило убийство почитаемого Русской Церковью царевича Димитрия, наследника русского престола, последнего представителя царствующего рода Рюриковичей. Таинственная смерть Димитрия стала прологом трагических потрясений Государства Российского.

По вескому мнению митр. Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна, загадка этого убийства заключается в том, что оно никому не сулило политических выгод. «Не говоря о Годунове, – отмечает владыка Иоанн, – который, разумеется, отношения к преступлению не имел ни малейшего, боярская верхушка тоже со смертью наследника ничего не приобретала: во-первых, у Феодора вполне мог родиться сын, его законный преемник на Российском престоле, а во-вторых, даже в случае пресечения династии, что казалось весьма маловероятным (кто мог предвидеть постриг Ирины?), боярство не имело никаких шансов на власть – народные волнения 1584 в Москве это ясно доказывали». Смерть царевича, считал митрополит Иоанн, могла быть выгодна только тому, кто стремился бы уничтожить саму Россию, нанося удар в наиболее чувствительное место церковно-государственного организма, провоцируя гражданскую войну и распад страны. «В связи с этим небезосновательной выглядит версия о

религиозно-символическом характере убийства Царевича, олицетворявшего собой будущее Православной русской государственности.

Косвенными свидетельствами в ее пользу служат сегодня многочисленные доказательства ритуального характера убийства Царственных Мучеников в Екатеринбурге в 1918 году». Весьма показательно также, что одним из претендентов на Российский престол в Смутное время был Лжедмитрий II – иудей по происхождению. Да и сам Лжедмитрий I (Гришка Отрепьев) поддерживался в своих притязаниях иудейскими кругами из окружения польского короля. Именно они выделили большую часть средств для похода на Москву.

Согласно соборному решению иерархов Русской Церкви, был канонизирован ритуально умученный младенец Гавриил Белостокский, родившийся 20 марта 1684 в Волынской губернии 20 апреля 1690, в первый день православной Пасхи, он был похищен иудеями и распят ими на кресте, затем прободен в бок и исколот в различных частях тела, пока не была выпущена вся кровь. Спустя 30 лет после его погребения мощи его были найдены нетленными и перенесены в Свято-Троицкий монастырь в Слуцке Минской губернии. Мощи младенца-мученика лежали в гробике совершенно открытыми. Обе ручки младенца охватывали маленький наперсный крест. Пальцы исколоты.

После того как Гавриила причислили к лику Святых, в службе ему Православной Церковью установлено читать: «Первое бо кров твою помалу изливше, еле жива ты оставиша иудеи, да множайшим мукам предадут твое непорочное тело, еже и смерти предавше конечным кровеистоощанием, на ниву в день Святой Пасхи тое без студне извергоша, мы же, твоя безчисленные раны целующе, подвиги твоя тепле прославляем».

По всей России установилось всенародное почитание младенца-мученика. В день мученика-младенца Гавриила Белостокского – 20 апреля – повсюду собирались тысячи паломников.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА СВЯТОЙ РУСИ¹

Годы:

- Восшествия на Престол НАШИХ ГОСУДАРЕЙ
- Вступления в управление ПЕРВОСВЯТИТЕЛЕЙ НАШЕЙ ЦЕРКВИ
- Явления или прославления СВ. ЧУДОТВ. ИКОН МАТЕРИ БОЖИЕЙ
- Блаженной кончины СВЯТЫХ УГОДНИКОВ БОЖИИХ

862 **РЮРИК**

879 **ИГОРЬ**

945 **СВЯТОСЛАВ**

969 Благов[ерная] княгиня Ольга, супруга Вел. Кн. Игоря.

972 **ЯРОПОЛК** – старший сын Вел. Кн. Святослава.

980 **СВЯТОЙ И РАВНОАПОСТОЛЬНЫЙ ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМИР** – младший сын Вел. Кн. Святослава.

983 Мученик Феодор, варяг.

983 Мученик Иоанн, сын муч[еника] Феодора.

988 Св. Михаил 1-й, митрополит Киевский.

988 Чуд. Икона Божией Матери **ЗИМНЕНСКАЯ**, в Святогорском монастыре Успения Божией Матери, в Волинской губ.

988 Чуд. Икона Божией Матери **ИЗЯСЛАВСКАЯ**, в Изяславле Минск. губ.

988 Чуд. Икона Божией Матери **ИЕРУСАЛИМСКАЯ**, Еванг. Луки, похищена в 1812 году из Москвы, ныне находится в Париже.

¹ Публикуется по: Н.И. Сахновский. Святая Русь. Краткая история Русского православного царства. Буэнос-Айрес, 1965. С добавлениями.

988 Чуд. Икона Божией Матери КОРСУНСКАЯ, в Моск[овском] Успенском соб[оре].

988 Чуд. Икона Божией Матери КОРСУНСКАЯ, в Нижегородском Благовещенском монастыре.

988 Чуд. Икона Божией Матери МИНСКАЯ, Ев. Луки, в г. Минске.

988 Чуд. Икона Божией Матери СТАРОРУССКАЯ, в Старой Руссе Новгородской губ.

988 Чуд. Икона Божией Матери ХОЛМСКАЯ, Ев. Луки, в г. Холме.

988 Чуд. Икона Божией Матери ЦЕСАРСКАЯ, в Благовещенском соборе в Москве.

991 **Митрополит Леонтий.**

992 Св. Михаил, митрополит Киевский.

1015 Св. Равноап. Владимир, Вел. Кн. Киевский.

1015 **СВЯТОПОЛКОК А Я Н Н Ы Й** – старший сын Владимира Святого.

1015 **Митрополит Иоанн 1-й.**

1015 Благов. кн. Борис, сын Св. Владимира.

1015 Благов. кн. Глеб, сын Св. Владимира.

1015 Мученик Георгий.

1019 **ЯРОСЛАВМУДРЫЙ** – младший сын Владимира Святого.

1023 Св. Феодор, епископ Суздальский.

1030 Св. Иоаким, епископ Новгородский.

1037 **Митрополит Феопемпт.**

1040 Чуд. Икона Божией Матери СТЕНА НЕРУШИМАЯ, в Киевском Софийском соборе.

1043 Преподобный Моисей Угрин Печерский.

1049 **Митрополит Кирилл 1-й.**

1050 Чуд. Икона Божией Матери СОФИЯ ПРЕМУДРОСТЬ БОЖИЯ, в Новгородском соборе.

1050 Благ. Кн. Анна-Ирина Новгородская, жена Ярослава Мудр.

- 1051 Св. Иларион, митрополит Киевский.
- 1052 Благ. кн. Владимир Новгородский, внук
Равноапостольного Вел. Князя Владимира.
- 1053 Препод. Ефрем Новоторжский.
- 1054 Святой Иларион, митрополит Киевский.
- 1054 **ИЗЯСЛАВЛЬ** второй сын Ярослава Мудро-
го.
- 1055 **Митрополит Георгий 1-й.**
- 1058 Св. Лука Жидята, епископ Новгородс-
кий.
- 1060 Чуд. Икона Божией Матери ЕЛЕЦКАЯ-ЧЕРНИ-
ГОВСКАЯ, в Елецком Черниговском монастыре.
- 1065 Преп. Варлаам Печерский.
- 1071 Чуд. Икона Божией Матери ЦАРЕГРАДСКАЯ, Св.
Луки, в Елизаровск. Псковском мон.
- 1071 Преп. Дамиан, целбник печерский.
- 1073 Чуд. Икона Божией Матери КИЕВО-ПЕЧЕРСКАЯ,
в Киево-Печ. Лавре.
- 1073 Чуд. Икона Божией Матери ПЕЧЕРСКАЯ НЕРУ-
КОТВОРНАЯ, Сама изобразилась в алтаре.
- 1073 Чуд. Икона Божией Матери ЯКСИНСКАЯ, явлена
в 682 году, принесена в Лавру.
- 1073 Преп. Антоний Печерский
- 1074 Преп. Иеремия Печерский.
- 1074 Преп. Феодосий, игумен Печерский.
- 1077 Св. Иоанн 2-й, митрополит Киевский.
- 1077 Св. Леонтий, епископ Ростовский.
- 1077 Преп. Аркадий Вяземский Новоторж-
ский.
- 1078 **ВСЕВОЛОД** – четвертый сын Ярослава Муд-
рого.
- 1083 Чуд. Икона Божией Матери ВЛАДИМРСКАЯ-
РОСТОВСКАЯ, в соборе г. Ростова.
- 1083 Чуд. Икона Божией Матери ПИРОГОЩАЯ, в
храме Богоматери Пирогощей в Киеве.

1083 Чуд. Икона Божией Матери ОДИГИТРИЯ СМОЛЕНСКАЯ, Ев. Луки, в г. Смоленске.

1086 Благ. кн. Петр-Ярополк Владимиро-Волынский, правнук Св. Владимира.

1088 Преп. Матфий Печерский.

1088 Преп. Никон Печерский.

1089 **Митрополит Иоанн 3-й.**

1089 Св. Иоанн 2-й, митрополит Киевский.

1090 Преп. Исаакий Печерский.

1090 Св. Исаия, епископ Ростовский.

1091 Св. Ефрем 2-й, митрополит Киевский.

1093 **С В Я Т О П О Л К** – сын Вел. Кн. Изяслава Ярославовича.

1094 Преп. Григорий Печерский.

1094 Преп. Стефан, игумен Печерский.

1095 Преп. Агапит, печерский безмездный врач.

1096 Преп. Муч[еник] Евстратий Печерский.

1096 Св. Ефрем 2-й, епископ Переяславский, митр. Киевский.

1097 Преп. Василий Печерский.

1098 Преп. Феодор Печерский.

1098 Преп. Марк Печерский.

1103 Чуд. Икона Божией Матери УМИЛЕНИЕ, в г. Смоленске.

1105 Преп. Григорий, иконописец печерский.

1170 **Митрополит Никифор 1-й.**

1107 Преп. Авраамий Ростовский.

1107 Преп. Прохор Печерский, «Лебедник».

1108 Св. Никита, епископ Новгородский.

1110 Преп. Пимен, Многоболезный, Печерский.

1113 **В Л А Д И М И Р М О Н О М А Х** – сын Вел. Кн. Всеволода Ярославовича.

1113 Чуд. Икона Божией Матери ФЕОДОРОВСКАЯ-КОСТРОМСКАЯ Ев. Луки, в г. Костроме. При сей иконе дал свое согласие Царь Михаил Феодорович.

1113 Преп. Пимен, постник, печерский.

1113 Преп. Кукша, печерский просветитель вятичей.

1113 Преп. Никон, печерский просветитель вятичей.

1113 Преп. Анна, княжна Киевская, Всеволодовна, правнучка Равноапостольного Владимира.

1114 Преп. Алипий, иконописец печерский.

1114 Преп. Сильвестр Печерский.

1118 Св. Амфилохий, епископ Владимиро-Волынский.

1118 Преп. Нестор, летописец печерский.

1122 **Митрополит Никита.**

1123 Св. Феокист, епископ Черниговский.

1125 **СВЯТОЙ МСТИСЛАВ ВЕЛИКИЙ** – второй сын Вел. Кн. Владимира Мономаха.

1125 Благ. кн. Михаил Муромский Константинович.

1129 Чуд. Икона Божией Матери МУРОМСКАЯ, в Новой Рязани. С сею иконою Благ. кн. Константин вышел к народу. Св. епископ Василий отплыл с нею стоя на своей мантии в 1291 году.

1129 Благ. кн. Константин Муромский, Святославович.

1130 **Митрополит Михаил 2-й.**

1130 Благ. кн. Феодор Муромский Константинович.

1132 Благ. кн. Мстислав (Феодор) Владимирович Киевский.

1132 **ЯРОПОЛК 2-й** – старший сын Вел. Кн. Владимира Мономаха.

1133 **Митрополит Климент, Смолятич.**

1138 Благ. кн. Всеволод-Гавриил Мстиславович Псковский.

1139 **ВСЕВОЛОД 2-й** – сын кн. Олега Святославовича, правнук Вел. Кн. Ярослава Мудрого, незаконно захвативший великокняжеский киевский стол.

1140 Преп. Феофан, постник печерский.

1141 Преп. Пимен, игумен Печерский.

1143 Чуд. Икона Божией Матери **ВСЕХ СКОРБЯЩИХ РАДОСТЬ**, в Киево-Печерской Лавре.

1143 Преп. Никола Святоша, князь Черниговский, Давыдович, правнук Ярослава Мудрого.

1146 **ИЗЯСЛАВ 2-й** сын Святого Мстислава Великого.

1147 Чуд. Икона Божией Матери **ИГОРЕВСКАЯ**, в Киево-Печерской Лавре. Перед нею молился Благ. кн. Игорь Черниговский 19.9.1147, когда был убит злодеями.

1147 Благ. кн. Игорь Черниговский Ольгович, правнук Ярослава Мудрого.

1147 Преп. Антоний Римлянин.

1148 Преп. Онисифор Печерский.

1148 Преп. Феофил, Затворник Печерский (затворник печерский).

1148 Преп. Никодим, просфорник печерский.

1148 Преп. Макарий Печерский.

1148 Преп. Нектарий Печерский.

1150 Чуд. Икона Божией Матери **ЛЮБЕЧСКАЯ**, в Любече Черниговской губ.

1150 Преп. Никон, Сухий Печерский.

1150 Блаженный Мартин Туровский.

1150 Преп. Иоанн Печерский.

1150 Преп. Исаия Печерский.

1151 Преп. Онуфрий, Молчаливый Печерский.

1154 **ЮРИЙ ДОЛГОРУКИЙ** младший сын Вел. Кн. Владимира Мономаха.

1154 Чуд. Икона Божией Матери ВЛАДИМИРСКАЯ, Ев. Луки, в Московском Успенском соб[оре], написана на доске стола Святого Семейства.

1155 Преп. Анатолий Печерский.

1155 Преп. Тит, пресвитер печерский.

1155 Преп. Илья, Муромец, Печерский.

1155 Преп. Тит, воин печерский.

1155 Преп. Феофил, Плавчивый Печерский.

1156 Святой Константин 1-й, митрополит Киевский.

1156 Чуд. Икона Божией Матери БОГОЛЮБСКАЯ, в Боголюбове, по видению Св. кн. Андрею Боголюбскому.

1156 Св. Нифонт, архиепископ Новгородский.

1157 **СВЯТОЙ АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ** старший сын Вел. Кн. Юрия Долгорукого.

1158 Чуд. Икона Божией Матери СИЛУАМСКАЯ, бывшая при войске Св. Андрея.

1158 Преп. Авраамий Мирожский.

1159 Св. Константин, митрополит Киевский.

1160 **Митрополит Феодор.**

1160 Преп. Иоанн, Многострадальный Печерский.

1160 Преп. Еразм Печерский.

1163 Св. Аркадий, архиепископ Новгородский.

1164 **Митрополит Иоанн 4-й.**

1167 **Митрополит Константин 2-й.**

1168 Благ. кн. Ростислав-Михаил Киевский, сын Св. Мстислава.

1168 Преп. Захария Печерский.

1170 Чуд. Икона Божией Матери ЗНАМЕНИЕ, в Новгороде.

1170 Чуд. Икона Божией Матери КОРСУНСКАЯ-ЕФЕССКАЯ, Ев. Луки, в г. Торопце.

1172 Чуд. Икона Божией Матери СОКОЛЬСКАЯ, в Сокольском мон. Кобелянск. У. Полтавской губ.

1173 Преп. Евфросиния, княжна Полоцкая, дочь Георгия Всеславича (Всеславовича) Полоцкого.

1174 Благ. кн. Глеб Андреевич, сын Св. Андрея Боголюбск.

1175 Чуд. Икона Божией Матери ЗНАМЕНИЕ, в С.-Петербурге.

1175 Благ. кн. Андрей Боголюбский, сын Юрия Долгорукого.

1176 **ВСЕВОЛОД 3-й БОЛЬШОЕ ГНЕЗДО** – младший сын Вел. Кн. Юрия Долгорукого.

1176 Преп. Афанасий Печерский.

1178 Преп. Герасим Вологодский.

1180 Чуд. Икона Божией Матери КУПЯТИЦКАЯ, в Киевском соборе.

1180 Благ. кн. Мстислав-Гавриил Новгородский.

1182 **Митрополит Никифор 2-й.**

1182 Чуд. Икона Божией Матери ЛЬВОВСКАЯ, в г. Львове.

1182 Преп. Поликарп, архимандрит Печерский.

1183 Св. Кирилл, епископ Туровский.

1184 Св. Лаврентий, епископ Туровский.

1186 Св. Иоанн, архиепископ Новгородский.

1186 Преп. Никита, Столпник Переяславский.

1190 Преп. Арефа Печерский.

1192 Преп. Варлаам Хутынский.

1195 Чуд. Икона Божией Матери СВИРСКАЯ, в г. Смоленске.

1198 Чуд. Икона Божией Матери МИРОЖСКАЯ, в Спасо-Мирожском монастыре Псковской губ.

1199 Св. Мартирий, епископ Новгородский.

- 1201 **Митрополит Гавриил.**
- 1200 Чуд. Икона Божией Матери ИВЕРСКАЯ-МОЗ-ДОКСКАЯ, в г. Моздоке, от Царицы Тамары – осетинам.
- 1202 **Митрополит Дионисий.**
- 1205 **Митрополит Матфей.**
- 1210 Преп. Савва Печерский.
- 1219 **С В Я Т О Й Ю Р И Й 2-й** – второй сын Вел. Кн. Всеволода 3-го Большое Гнездо.
- 1220 Преп. Авраамий Смоленский.
- 1224 **Митрополит Кирилл 2-й.**
- 1226 Св. Симеон, епископ Суздальский.
- 1228 Благ. кн. Петр-Давид Муромский.
- 1228 Благ. княгиня Феврония Муромская.
- 1229 Муч[еник] Авраамий Болгарский.
- 1232 Св. Антоний, епископ Новгородский.
- 1233 Благ. кн. Феодор Ярославович, Новгородский.
- 1234 **Митрополит Иосиф 1-й.** Исчез при взятии Киева татарами в 1240 году.
- 1238 **Я Р О С Л А В 2-й** третий сын Вел. Кн. Всеволода 3-го Большое Гнездо.
- 1238 Муч[еник] Меркурий Смоленский.
- 1238 Благ. кн. Георгий (Юрий) Всеволодович, Киевский.
- 1238 Благ. кн. Василий Константинович Ростовский.
- 1238 Преп. Ефрем Смоленский.
- 1240 Чуд. Икона Божией Матери ЗНАМЕНИЕ, в Рождеств. мон. г. Владимира. Собственная Благ. кн. Александра Невского.
- 1240 Чуд. Икона Божией Матери ЯРОСЛАВСКАЯ, в соборе г. Ярославля.
- 1240 Священномученик Лукиан, пресвитер Печерский.

- 1240 Преп. Константин Косинский.
- 1241 Преп. Косма Косинский.
- 1243 **Митрополит Кирилл 3-й.** Пребывал в скитаниях, переезжая из города в город.
- 1243 Благ. княгиня Евпраксия Псковская.
- ... **А Н Д Р Е Й 2-й** – второй сын Вел Кн. Ярослава 2-го, незаконно захвативший Престол.
- 1246 Благ. Муч[еник] кн. Михаил Всеволодович Черниговский.
- 1246 Муч[еник] Боярин Феодор.
- 1249 Благ. кн. Василий Всеволодович Ярославский.
- 1250 Преп. Сергей Послушливый Печерский.
- 1250 Преп. Лука, эконом печерский.
- 1250 Преп. Евфросиния, Суздальская, дочь Благ. князя Михаила Черниговского.
- 1250 Преп. Алексей Печерский.
- 1252 СВ. И БЛАГОВЕРНЫЙ ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ** – старший сын Вел. Кн. Ярослава 2-го.
- 1257 Благ. кн. Константин Всеволодович Ярославский.
- 1262 Преп. Ксенофонт Робейский.
- 1263 **ЯРОСЛАВ 3-й ТВЕРСКОЙ** – третий сын Вел. Кн. Ярослава 2-го.
- 1263 Св. и Благ. Вел. Князь Александр Невский.
- 1270 Благ. кн. Роман Ольгович Рязанский.
- 1272 **ВАСИЛИЙ КОСТРОМСКОЙ** – четвертый сын Вел. Кн. Ярослава 2-го.
- 1273 Преп. Антоний Дымский.
- 1274 Чуд. Икона Божией Матери **ЗОГРАФСКАЯ-АКАФИСТНАЯ**, в Зографском мон. Чудесное предречение мучен. Кончины 26 монахов, сожженных католиками.

1275 Св. Серапион, епископ Владимирский и Нижегородский.

1276 **СВЯТОЙ ДАНИИЛ МОСКОВСКИЙ** третий сын Св. Александра Невского, князь Московский.

1276 Преп. Киприан Устюжский.

1280 Чуд. Икона Божией Матери ГРЕЧЕСКАЯ-АНДРОНИКОВА, в Казанском мон. Близ Вышнего Волочка Тверской губ.

1280 Благ. кн. Олег Романович Брянский.

1281 Преп. Харитина, княжна Литовская.

1283 Блаженный Максим, митрополит Киевский. Избрал своим местопребыванием г. Владимир.

1285 Чуд. Икона Божией Матери БЛАГОВЕЩЕНИЕ-УСТЮЖСКАЯ, в Московском Успенском соборе.

1285 Благ. кн. Роман Константинович Углицкий.

1288 Чуд. Икона Божией Матери СВЕНСКАЯ-ПЕЧЕРСКАЯ, в Свенском монастыре близ г. Брянска.

1288 Св. Игнатий, епископ Ростовский.

1289 Св. Симеон, первый епископ Тверской.

1290 Преп. Петр, царевич Ордынский.

1295 Чуд. Икона Божией Матери ЗНАМЕНИЕ-КУРСКАЯ-КОРЕННАЯ, в г. Курске, ныне в Нью-Йорке.

1295 Св. Василий, епископ Рязанский.

1299 Чуд. Икона Божией Матери МАКСИМОВСКАЯ, в г. Владимире, по видению Св. Максима, митрополита Киевского.

1299 Благ. кн. Довмон-Тимофей Псковский, литовец.

1299 Преп. Иоасаф Снетогорский.

1299 Преп. Василий Мирожский.

1299 Благ. кн. Феодор Ростиславович, Смоленский и Ярославск.

1300 Чуд. Икона Божией Матери ЧЕНСТОХОВСКАЯ, Ев. Луки, в г. Ченстохове.

1300 Чуд. Икона Божией Матери ВЗЫСКАНИЕ ПОГИБШИХ, в г. Малижене Харьковской губ.

1300 Чуд. Икона Божией Матери МОЛЧЕНСКАЯ, в Софрониевой пустыни у г. Путивля Курской губ.

1300 Благ. кн. Мария-Марфа Псковская Димитриевна, внучка Св. Александра Невского.

1301 Чуд. Икона Божией Матери НОВГОРОД-СЕВЕРСКАЯ, в Новгород-Северском Черниговской губ.

1303 Благ. Вел. Кн. Даниил Александрович Московский.

1304 С В Я Т О Й М И Х А И Л Т В Е Р С К О Й сын Вел. Кн. Ярослава 3-го Тверского.

1304 Благ. Васса, Вел. Княгиня Московская, супруга Св. Александра Невского.

1304 Благ. Прокопий Устюжский Христа ради юродивый.

1305 Чуд. Икона Божией Матери ВЛАДИМИРСКАЯ, копия Св. митр. Петра, во Владимирском соборе.

1305 Блаж[енный] Максим, митрополит Киевский.

1307 Чуд. Икона Божией Матери ПЕТРОВСКАЯ, в Успенск[ом] соб[оре] в Москве.

1308 Святой Петр, митрополит Киевский. Перенес митрополичью кафедру в Москву.

1310 Св. Феоктист, архиепископ Новгородский.

1314 Чуд. Икона Божией Матери ТОЛГСКАЯ, в Толгской обит. В 7 в. от г. Ярославля.

1314 Св. Иоанн, епископ Суздальский.

1318 Благ. князь Михаил Ярославович Тверской, племянник Св. Александра Невского.

1319 Ю Р И Й 3-й М О С К О В С К И Й – старший сын Св. Вел. Кн. Даниила Московского.

1320 Чуд. Икона Божией Матери УСЛЫШАТЕЛЬНИЦА, в Зографском мон.

1320 Чуд. Икона Божией Матери НОВОДВОРСКАЯ, Св. митрополита Петра, в Новгород-Северском монастыре Черниговской губ.

1321 Благ. кн. Давид Феодорович Ярославский.

1325 Благ. кн. Константин Феодорович Ярославский.

1326 **АЛЕКСАНДР ТВЕРСКОЙ** – старший сын Св. Вел. Кн. Михаила Тверского.

1326 Чуд. Икона Божией Матери УСПЕНИЕ, Св. митр. Петра в Успенском соборе в Москве.

1326 Св. Петр, митрополит Киевский и всея Руси.

1326 Святой Феогност, митрополит Киевский.

1328 **ИОАНН 1-й КАЛИТА** – младший сын Св. Вел. Кн. Даниила Московского.

1337 Чуд. Икона Божией Матери УМИЛЕНИЕ, в Земской слободе в Новгороде.

1337 Благ. кн. Анна Кашинская, супруга Св. кн. Михаила Тверск.

1338 Чуд. Икона Божией Матери КАМЕНЕЦ-ПОДОЛЬСКАЯ, в г. Каменец-Подольске.

1338 Чуд. Икона Божией Матери РЯДИТЕНСКАЯ, в г. Новгороде.

1341 **СЕМИОН ГОРДЫЙ** – старший сын Вел. Кн. Иоанна 1-го Калиты.

1341 Чуд. Икона Божией Матери ВИЛЕНСКАЯ, в мужском монастыре близ г. Вильны.

1341 Чуд. Икона Божией Матери ПОЧАЕВСКАЯ, в Почаевской Лавре на Волыни.

1347 Мученик Антоний Виленский.

1347 Мученик Евстафий Виленский.

1347 Мученик Иоанн Виленский.

1350 Чуд. Икона Божией Матери ДАМАСКИНСКАЯ, Св. Иоанна Дамаскина, в Троице-Сергиевой Лавре.

1350 Чуд. Икона Божией Матери ГАЛИЧСКАЯ-ЧУХЛОМСКАЯ-ГОРОДЕЦКАЯ, в г. Галиче.

1352 Св. Василий, епископ Новгородский.

1352 Преп. Сергей Валаамский.

1353 **И О А Н Н 2-й К Р А С И В Ы Й** – младший сын Вел. Кн. Иоанна 1-го Калиты

1353 Святой Алексей, митрополит Киевский.

1353 Преп. Герман Валаамский.

1353 Св. Феогност, митр. Киевский и вся Русь.

1353 Преп. Григорий, Чудотворец Печерский.

1359 **ДИМИТРИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ** – внук Вел. Кн. Святого Михаила Тверского.

1362 Святой Моисей, архиепископ Новгородский.

1362 Преп. Авраамий, Трудолюбивый, игумен Печерский.

1363 **СВЯТОЙ ДИМИТРИЙ ДОНСКОЙ** – сын Вел. Кн. Иоанна 2-го Красивого.

1363 Чуд. Икона Божией Матери ВИЛЕНСКАЯ-ОСТРОБРАМСКАЯ, в г. Вильны.

1368 Преп. Кирилл Челменский.

1375 Преп. Авраамий Чухломский.

1377 Чуд. Икона Божией Матери ВВЕДЕНИЕ ВО ХРАМ, в Серпуховском монастыре Московской губ.

1378 **Митрополит Пимен.** Удален в 1380 году. Низложен в 1388 году.

1378 Благ. кн. Феодора-Васса Нижегородская, супруга князя Андрея Константиновича.

1378 Св. Алексей, митрополит Московский и вся Русь.

1379 Преп. Сильвестр Обдорский.

1380 Чуд. Икона Божией Матери УСПЕНИЕ-ОВИНОВСКАЯ, в Успенском монастыре на берегу Галичского озера.

1380 Чуд. Икона Божией Матери ДОНСКАЯ, в Благовещенском соборе в Москве.

1380 Чуд. Икона Божией Матери ГРЕБНЕВСКАЯ, в храме на Лубянской площади в Москве.

1380 Чуд. Икона Божией Матери КИПРСКАЯ, копия, в Успенском Стромьинском монастыре. Преп. Сергей – Св. Савве

1381 Святой Киприан, митрополит Киевский. Его должен был заменить Св. Дионисий, скончавшийся на пути.

1381 Чуд. Икона Божией Матери ПИМЕНОВСКАЯ, в Благовещенском соборе в Москве.

1382 Преп. Афанасий Череповецкий.

1383 Чуд. Икона Божией Матери ТИХВИНСКАЯ, Ев. Луки, в Тихвине Новгородской губ.

1383 Чуд. Икона Божией Матери БЕСЕДНАЯ, на месте обретения Тихвинской иконы в г. Тихвине.

1383 Преп. Феодосий Череповецкий.

1384 Преп. Пахомий Нерехтенский.

1385 Чуд. Икона Божией Матери ПЕЧЕРСКАЯ, в Нижегород. Печерском монастыре. Принесена Св. Дионисием.

1385 Св. Дионисий, архиепископ Суздальский.

1385 Преп. Михей Радонежский.

1388 Чуд. Икона Божией Матери ЯВЛЕНИЕ БОЖИЕЙ МАТЕРИ СВ. ФЕОДОРУ РОСТОВСКОМУ, в г. Ростове.

1389 **ВАСИЛИЙ 1-й** сын Вел. Кн. Димитрия Донского.

1389 Чуд. Икона Божией Матери БЛАГОДАТНОЕ НЕБО, в Архангельск. соборе в Москве.

1390 Чуд. Икона Божией Матери УСПЕНИЕ, в Боровске Калужской губ. Благословение Преп. Сергия – Ферапонту.

1390 Чуд. Икона Божией Матери НЕОПАЛИМАЯ КУПИНА, в Благов [ещенском] соборе в г. Москве.

1390 Благ. кн. Андрей Смоленский.

1390 Преп. Григорий Авнежский.

1390 Преп. Кассиан Авнежский.

1390 Преп. Никита, от братьев Алфановых.

1390 Преп. Кирилл, от братьев Алфановых.

1390 Преп. Никифор, от братьев Алфановых.

1390 Преп. Климент, от братьев Алфановых.

1390 Преп. Исаакий, от братьев Алфановых.

1391 Преп. Лазарь Мурманский.

1392 Чуд. Икона Божией Матери ДЕВПЕТЕРУВСКАЯ, в селе Батюшково Московской губ.

1392 Чуд. Икона Божией Матери ДЕХТЯРОВСКАЯ, в с. Дехтяровке Новогрудского уезда Черниговской губ.

1392 Чуд. Икона Божией Матери СТРАСТНАЯ, явлена в с. Енкаеве Темниковского у. Тамбовской губ.

1392 Чуд. Икона Божией Матери БАРЛОВСКАЯ, в Благов [овещенском] соб[оре] в г. Москве.

1392 Благ. Феодор Новгородский Христа ради юродивый.

1392 Блаж. Никола Новгородский Христа ради юродивый.

1392 Св. Иаков, епископ Ростовский.

1392 Преп. Роман Киржачский.

1392 Преп. Димитрий Прилуцкий.

1392 Преп. Мефодий Пешношский.

1392 Преп. Сергей Радонежский.

1395 Преп. Андроник Московский.

1395 Преп. Афанасий Младший Высоцкий.

1395 Св. Феодор, архиепископ Ростовский.

1396 Св. Стефан, епископ Пермский.

1400 Чуд. Икона Божией Матери ВЕЛЕНСКАЯ, Ев. Луки, в Троицком монастыре, близ Вильны.

- 1401 Преп. Афанасий Старший Высоцкий.
- 1402 Преп. Кириак Каргопольский.
- 1404 Преп. Евфимий, архимандрит Суздальский.
- 1405 Чуд. Икона Божией Матери МОЛЧЕНСКАЯ, в Софр. Мон. Путивльского у. Курской губ.
- 1406 Святой Фотий, митрополит Московский.
- 1406 Благ. кн. Иулиания Вяземская, супруга кн. Симеона Мстислав.
- 1406 Преп. Стефан Мохрицкий.
- 1406 Преп. Савва Сторожевский.
- 1406 Преп. Антоний Сторожевский.
- 1406 Св. Киприан, митрополит Московский и вся Русь.
- 1407 Благ. Евфросиния, кн. Московская, супруга Димитрия Донск[ого].
- 1409 Св. Арсений, епископ Тверской.
- 1409 Преп. Феодор Ростовский.
- 1410 Преп. Павел Ростовский.
- 1410 Преп. Дионисий Щепя Печерский.
- 1412 Преп. Сергей Вологодский Нуромский.
- 1412 Преп. Иаков Лужский, брат Преп. Сергия.
- 1413 Чуд. Икона Божией Матери КОЛОЧСКАЯ, в г. Можайске.
- 1415 Преп. Савва Московский.
- 1419 Чуд. Икона Божией Матери ДВИНСКАЯ, в дер. Цыгломине Архангельской губ.
- 1420 Чуд. Икона Божией Матери ЯВЛЕНИЕ БОЖИЕЙ МАТЕРИ СВ. СЕРГИЮ на месте явления.
- 1420 Чуд. Икона Божией Матери ПРИЗРИ НА СМИРЕНИЕ, в соборе г. Пскова.
- 1420 Чуд. Икона Божией Матери ПСКОВСКАЯ-ПЕЧЕРСКАЯ в г. Пскове.

- 1420 Преп. Корнилий Палеостровский.
- 1421 Св. Симеон, архиепископ Новгородский.
- 1425 **ВАСИЛИЙ 2-й ТЕМНЫЙ** – сын Вел. Кн. Василия 1-го.
- 1426 Чуд. Икона Божией Матери КАМЕНСКАЯ, в Опоченск. у. Псковск. губ.
- 1426 Преп. Ферапонт Белозерский.
- 1427 Преп. Кирилл Белозерский.
- 1427 Преп. Никон, игумен Радонежский.
- 1429 Преп. Павел Обнорский.
- 1430 Чуд. Икона Божией Матери УСПЕНИЕ-СЕДМИГОРОДНАЯ, в Седмигородской волости Вологодской губ.
- 1430 Св. Андрей Рублёв, иконописец.
- 1430 Преп. Макарий Писемский, сподвижник Преп. Павла.
- 1430 Преп. Савватий Тверской.
- 1431 Св. Фотий, митрополит Московский и всея Руси.
- 1433 Блаж. Максим Московский Христа ради юродивый.
- 1435 **Митрополит Исидор.** Устроитель «Унии», низложен Собором.
- 1435 Преп. Савватий Соловецкий.
- 1437 Чуд. Икона Божией Матери ПОКРОВ ПРЕСВ. БОГОРОДИЦЫ, в Покровском соборе в г. Москве.
- 1437 Чуд. Икона ПОКРОВ ПРЕСВ. БОГОРОДИЦЫ, в Глушицком монастыре Вологодской губ.
- 1437 Чуд. Икона Божией Матери ЗНАМЕНИЕ, в Глушицком монастыре Вологодской губ.
- 1437 Преп. Дионисий Глушицкий.
- 1438 Преп. Игнатий, архимандрит Печерский.
- 1439 Преп. Александр Куштский.
- 1440 Чуд. Икона Божией Матери БОГОЛЮБСКАЯ, в Сретенской церкви в г. Москве.

1440 Чуд. Икона Божией Матери КОНЕВСКАЯ, на острове Коневце.

1440 Преп. Тарасий Глушицкий.

1141 Преп. Григорий, игумен на Пельшмереке.

1442 Чуд. Икона Божией Матери ОДИГИТРИЯ-МАКАРЬЕВСКАЯ, в Макарьевском мон. Галичского у. Костромской губ. Явлена с небес Преп. Макарию Унжинскому.

1442 Преп. Феодосий Печерский (кн. Феодор Острожский).

1442 Преп. Маков Железноборовский.

1442 Преп. Маков на реке Костроме.

1444 Преп. Макарий Желтоводский или Унжинский.

1445 Преп. Варнава Ветлужский.

1447 Преп. Арсений Коневский.

1447 Св. Герасим, епископ Пермский.

1448 Св. Иона, митрополит Московский. Наречен еще в 1443 году, но по интригам Исидора возведен лишь в 1448 году.

1450 Чуд. Икона Божией Матери ВАСИЛЬКОВСКАЯ, в г. Василькове в 10 в. от Белостока.

1450 Преп. Антоний Корельский.

1450 Преп. Евфимий Корельский.

1450 Преп. Афанасий Мурманский.

1450 Преп. Авраамий Палеостровский.

1450 Преп. Григорий Авнежский.

1450 Преп. Кассиан Авнежский.

1451 Преп. Михаил Клопский.

1452 Преп. Амфилохий Глушицкий.

1452 Преп. Феодосий Глушицкий.

1452 Блаж. Отрок Иаков Боровицкий.

1453 Преп. Иоасаф Каменский.

1453 Св. Питирим, епископ Пермский.

- 1457 Преп. Филипп Робангский.
- 1457 Преп. Евфимий Сянжемский.
- 1458 Св. Евфимий, епископ Новгородский.
- 1460 Преп. Паисий Галицкий.
- 1460 Преп. Савва Вишерский.
- 1461 Св. Иона, митрополит Московский и всея Руси.
- 1461 Митрополит Феодосий.
- 1462 **И О А Н Н 3-й В Е Л И К И Й** – сын Вел. Кн. Василия 2-го Темного.
- 1462 Преп. Варлаам Шенкурский.
- 1462 Блаж. Георгий Шенкурский.
- 1464 Чуд. Икона Божией Матери **ВЛАДИМИРСКАЯ**, копия, во Флорищевой пустыни Владимирской губ.
- 1467 **Митрополит Филипп 1-й.**
- 1470 Чуд. Икона Божией Матери **ЖИРОВИЦКАЯ**, на яшме, в Жировицком монастыре Гродненской губ.
- 1470 Преп. Савва Тверской.
- 1470 Св. Иона, епископ Новгородский.
- 1470 Св. Иона, епископ Пермский.
- 1472 Чуд. Икона Божией Матери **ПАХОМСКАЯ**, близ г. Москвы.
- 1472 Блаж. Василий Вологодский.
- 1472 Священномученик Исидор Юрьевский и с ним 72 убиенных.
- 1473 **Митрополит Геронтий.**
- 1473 Чуд. Икона Божией Матери **УСПЕНИЕ-ПСКОВО-ПЕЧЕРСКАЯ**, в г. Печерах Псковской губ.
- 1473 Преп. Васса Псково-Печерская.
- 1474 Блаж. Исидор Твердислов Ростовский.
- 1474 Преп. Варсонофий Тверской.
- 1476 Преп. Иларион Гдовский или Псковский.
- 1477 Преп. Пафнутий Боровский.

- 1478 Преп. Зосима Соловецкий.
- 1479 Преп. Александр Ошевенский.
- 1479 Преп. Герман Соловецкий.
- 1480 Чуд. Икона Божией Матери СИЦИЛИЙСКАЯ, в Дивногорском мон. Воронежской епархии.
- 1480 Преп. Марк Псково-Печерский.
- 1480 Преп. Евфросин Тверской.
- 1480 Преп. Макарий Глушицкий.
- 1480 Преп. Серапион Псковский.
- 1481 Преп. Евфросин Псковский.
- 1481 Преп. Антоний Краснохолмский.
- 1482 Чуд. Икона Божией Матери ВЛАХЕРНСКАЯ, копия, в Московском Вознесенском девичьем монастыре.
- 1482 Чуд. Икона Божией Матери ЯХРОМСКАЯ, в Успенском мон. Близ Юрьева-Владимирского.
- 1482 Преп. Досифей Верхнеостровский.
- 1483 Чуд. Икона Божией Матери ФЕОДОТЬЕВСКАЯ, в Усп[енском] соб[оре] в Рязани.
- 1483 Преп. Макарий Калязинский.
- 1483 Преп. Мартинаан Белозерский.
- 1490 Чуд. Икона Божией Матери УМИЛЕНИЕ-ГАЛИЧСКАЯ, в Покровской пустыни на Галичском озере.
- 1490 Чуд. Икона Божией Матери ОДИГИТРИЯ-ВЫДРОПУССКАЯ, в селе Выдропуске Новгородской губ.
- 1491 **Митрополит Зосима.**
- 1492 Чуд. Икона Божией Матери МЕЖЕЦКАЯ, близ Киева.
- 1492 Преп. Леонтий Кариховский.
- 1492 Преп. Ефрем Перекомский.
- 1492 Преп. Тихон Калужский.
- 1492 Преп. Нектарий Бежецкий.
- 1492 Преп. Онуфрий Мальский.
- 1492 Преп. Косма Яхромский.

- 1494 **Митрополит Симон.**
- 1494 Чуд. Икона Божией Матери ВЛАДИМИРО-ВОЛЫНСКАЯ, в соборе г. Владимира-Волынского.
- 1494 Блаженный Иоанн Устюжский.
- 1495 Иона Псково-Печерский.
- 1495 Преп. Савва Псковский, Крипецкий.
- 1497 Священномученик Макарий, митрополит Киевский.
- 1500 Чуд. Икона Божией Матери БЛАГОВЕЩЕНИЕ, самописно явилась на башне в г. Москве.
- 1500 Чуд. Икона Божией Матери РОЖДЕСТВО БОГОРОДИЦЫ, в Глинской пустыни в 40 в. от Путивля Курской губ.
- 1500 Чуд. Икона Божией Матери ДУБОВИЧСКАЯ, в с. Дубовичи Черниговской г.
- 1500 Чуд. Икона Божией Матери ЛЮБЧИНСКАЯ, в соборе г. Люблина. Принадлежала Свв. Кириллу и Мефодию.
- 1500 Чуд. Икона Божией Матери КОРСУНСКАЯ, копия, в г. Угличе.
- 1500 Чуд. Икона Божией Матери ДУБЕНСКАЯ, в Дубенском монастыре. Принадлежала князю Константину Острожскому.
- 1500 Чуд. Икона Божией Матери НОВО-СВЕРЖЕНСКАЯ, в Минской епархии.
- 1500 Преп. Елеазар Олонецкий.
- 1500 Преп. Назарий Олонецкий.
- 1500 Преп. Зосима Ворбозомский.
- 1500 Преп. Елисей Сумский.
- 1500 Преп. Александр Вочский.
- 1503 Чуд. Икона Божией Матери ОДИГИТРИЯ-УСТЬ-НЕДУМСКАЯ, в Устюжском у. Вологодской губ. Написал Преп. Леонид.
- 1503 Преп. Тихон Луховский.
- 1504 Преп. Кассиан, грек Углицкий

- 1504 Преп. Левкий Волоколамский.
- 1504 Преп. Паисий Углицкий.
- 1505 **ВАСИЛИЙ 3-й** – второй сын Вел. Кн. Иоанна 3-го Великого.
- 1505 Чуд. Икона Божией Матери УСПЕНИЕ, в с. Рышкове, Боровского у. Калужской губ.
- 1505 Блаженный Геннадий, архиепископ Новгородский.
- 1508 Преп. Нил Сорский.
- 1509 Преп. Харитон Сяньжемский.
- 1510 Преп. Пахомий Кенский.
- 1511 **Митрополит Варлаам.**
- 1515 Блаженный Лаврентий, юродивый Калужский.
- 1515 Преп. Иосиф, игумен Волоцкий.
- 1516 Преп. Геннадий Важеозерский.
- 1516 Св. Серапион, архиепископ Новгородский.
- 1518 Чуд. Икона Божией Матери СИОНСКАЯ, в г. Тифлисе.
- 1520 Чуд. Икона Божией Матери ВСЕХ СКОРБЯЩИХ РАДОСТЬ, копия Преп. Игнатия, в Вологодской больнице.
- 1520 Преп. Давид Серпуховский.
- 1521 **Митрополит Даниил.**
- 1521 Преп. Иннокентий Комельский.
- 1522 Праведная дева Гликерия Новгородская.
- 1522 Благ. кн. Иоанн Андреевич, Св. Игнатий Углицкий.
- 1524 Чуд. Икона Божией Матери УМИЛЕНИЕ-ПСКОВО-ПЕЧЕРСКАЯ, в Псково-Печерском монастыре.
- 1524 Чуд. Икона Божией Матери СУПРАСЛЬСКАЯ, в Благовещенском монастыре на реке Супрасле, в 16 в. от г. Белостока.

1524 Чуд. Икона Божией Матери СЯМСКАЯ, РОЖДЕСТВО БОГРОДИЦЫ, в Сямской волости Вологодской губ.

1527 Преп. Филипп Ирапский.

1528 Чуд. Икона Божией Матери ОДИГИТРИЯ-ВОРОНИНА, СМОЛЕНСКАЯ, в Воронинской обители Череповецкого у.

1528 Чуд. Икона Божией Матери СЕЛИГЕРСКАЯ, на Столбенском острове озера Селигера у Осташкова Тверской губ. Преп. Нила Сорского.

1528 Преп. Онуфрий Вологодско-Перцовский.

1528 Преп. Авксентий Вологодско-Перцовский.

1529 Мученик Иоанн Казанский.

1530 Чуд. Икона Божией Матери СУРДЕГСКАЯ, в Вилкомирском у. Ковенской губ.

1532 Преп. Макарий Ордежский.

1532 Преп. Кирилл Новоезерский.

1533 **ЦАРЬ ИОАНН 4-й ГРОЗНЫЙ** – сын Вел. Кн. Василия 3-го.

1533 Преп. Александр Свирский.

1534 Преп. Иона Климецкий.

1537 Преп. Кассиан Комельский.

1537 Преп. Корнилий Комельский.

1539 Св. Иоасаф, митрополит Московский (ск. 1555).

1539 Чуд. Икона Божией Матери ОКОВЕЦКАЯ-РЖЕВСКАЯ, в дер. Клочки Ржевского у. Тверской губ.

1540 Чуд. Икона Божией Матери УСПЕНИЕ-АДРИАНОВСКАЯ, в Адриановском мон. Близ Пошехонья Ярославской губ. Преп. Адриана Пошех[онского].

1540 Благ. княгиня Иулиания Ольшанская.

1540 Преп. Даниил Переяславский.

1540 Преп. Лонгин Коряжемский.

1541 Преп. Иродион Илоезерский.

- 1542 **Митрополит Макарий.**
- 1542 Благ. княгиня София-Соломония Москов-
ская, супруга Вел. Кн. Василия 3-го Иоанновича.
- 1542 Преп. Стефан Озерский-Комельский.
- 1542 Преп. Севастьян Пошехонский.
- 1545 Преп. Даниил Шужгорский.
- 1545 Преп. Атремий Веркольский.
- 1548 Преп. Лаврентий Комельский.
- 1549 Преп. Антоний на Черном озере.
- 1549 Преп. Адриан Андрусовский.
- 1549 Преп. Леонид Пошехонский.
- 1550 Чуд. Икона Божией Матери КРАСНОСТОКСКАЯ,
в Красностоком женском монастыре Сокольского у
Гродненской губ.
- 1550 Преп. Никифор Важеозерский.
- 1550 Преп. Афанасий Сянжемский.
- 1550 Преп. Арсений Комельский.
- 1550 Преп. Адриан Пошехонский.
- 1550 Преп. Иоанн Опочский.
- 1552 Мученик Стефан Казанский.
- 1552 Мученик Петр Казанский.
- 1552 Блаженный Василий Московский Христа
ради юродивый.
- 1554 Преп. Герасим Волдинский.
- 1554 Преп. Нил Столбенский.
- 1555 Чуд. Икона Божией Матери ОДИГИТРИЯ-ХРИС-
ТОФОРОВА, в Сольвычегодске Вологодской губ. Преп.
Христофора, ученика Преп. Лонгина.
- 1555 Св. Иоасаф, митрополит Московский.
- 1556 Преп. Антоний Сийский.
- 1556 Блаженный Максим Грек.
- 1558 Чуд. Икона Божией Матери НАРВСКАЯ, в г.
Нарве.

1560 Чуд. Икона Божией Матери ТОТЕМСКАЯ, в г. Тотеме Вологодской губ. Принес Преп. Феодосий.

1561 Преп. Иоанн Яренгский.

1561 Преп. Лонгин Яренгский.

1561 Преп. Вассиан Перетоминский.

1561 Преп. Иона Перетоминский.

1561 Преп. Симон Сойгинский.

1563 **Митрополит Афанасий.**

1563 Чуд. Икона Божией Матери УМИЛЕНИЕ, в Святогорском монастыре в 100 в. от Пскова.

1563 Чуд. Икона Божией Матери ОДИГИТРИЯ-СВЯТОГОРСКАЯ, там же.

1563 Св. Гурий, архиепископ Казанский.

1564 Св. Герман, митрополит Московский.

1565 Преп. Геннадий Костромской.

1566 Св. Филипп 2-й, митрополит Московский.

1567 Св. Герман, архиепископ Казанский (митрополит Московский).

1568 **Митрополит Кирилл 4-й.**

1569 Св. Филипп, митрополит Московский.

1570 Правед[ный] отрок Иаков Менюжский.

1570 Правед[ный] отрок Иоанн Менюжский.

1570 Преп. Феодосий Тотемский.

1570 Преп. Арсений Новгородский.

1570 Преп. Корнилий Псковский.

1570 Преп. Василий Псково-Печерский.

1571 Чуд. Икона Божией Матери ЗНАМЕНИЕ-ВОЛОГОДСКАЯ, в Дюдиновой пустыни близ г. Вологды.

1572 Чуд. Икона Божией Матери РЖАВСКАЯ, принесена запорожцами в г. Ржавец Полтавской губ.

1576 Св. Варсонофий, епископ Тверской.

1576 Блаженный Николай Псковский Салос, Христа ради юродивый.

- 1577 Блаженный Феодорит Кольский.
- 1579 **Митрополит Антоний.**
- 1579 Чуд. Икона Божией Матери КАЗАНСКАЯ, в Благовещенском соборе в Москве. Похищена в 1904 году.
- 1580 Чуд. Икона Божией Матери ЗНАМЕНИЕ, в Московском Знаменском мон.
- 1580 Чуд. Икона Божией Матери ОЗЕРЕНСКАЯ, в Куряжском монастыре, в 10 в. от г. Харькова.
- 1580 Преп. Христофор Сольвычегодский.
- 1580 Блаженный Иоанн Власатый, Ростовский.
- 1581 Чуд. Икона Божией Матери ПСКОВО-ПОКРОВСКАЯ, в Покровской церкви г. Пскова.
- 1581 Преп. Анания, иконописец Новгородский.
- 1581 Преп. Никандр Псковский.
- 1583 **Митрополит Дионисий.**
- 1583 Чуд. Икона Божией Матери ТРИФОНОВСКАЯ, в пещере у устья реки Пашича на Тихом океане.
- 1583 Преп. Трифон Печенгский.
- 1584 **ЦАРЬ ФЕОДОР 1-й ИОАННОВИЧ**— третий сын Царя Иоанна 4-го Васильевича Грозного, женат на Ирине Феодоровне Годуновой.
- 1584 Блаженный Симон Юрьевецкий.
- 1584 Преп. Агапит Маркушевский.
- 1585 Преп. Сергей Малопинежский.
- 1587 Иов 1-й, патриарх Московский. Патриаршество установлено 26.1.1598.
- 1588 Чуд. Икона Божией Матери ВЛАДИМИРСКАЯ, копия, в Заоникиевском монастыре близ Вологды. Св. митрополита Петра.
- 1588 Чуд. Икона Божией Матери КАЗАНСКАЯ, копия, в Казанском мон. в г. Ярославле.
- 1589 Чуд. Икона Божией Матери НОВГОРОДСКАЯ, РОЖДЕСТВО БОГОРОДИЦЫ, в г. Новгороде.

1589 Блаженный Иоанн Московский, Христа ради юродивый.

1590 Чуд. Икона Божией Матери КАСПЕРОВСКАЯ, в соборе г. Одессы.

1590 Чуд. Икона Божией Матери ПИСИДИЙСКАЯ-МИРОТОЧИВАЯ, в Московском Новоспасском монастыре. Матери Царя Михаила.

1591 Чуд. Икона Божией Матери БОГОЛЮБСКАЯ, копия, в церкви Св. Димитрия в Угличе.

1591 Преп. Игнатий Ломский.

1591 Св. Димитрий, Царевич.

1594 Чуд. Икона Божией Матери РОЖДЕСТВО БОГОРОДИЦЫ, в Лукьяновой пустыни в 30 в. от Переяславля-Залесского.

1594 Чуд. Икона Божией Матери КАЗАНСКАЯ ТАБЫНСКАЯ, в с. Табынском Стерлитамакского у. Уфимской губ.

1598 ЦАРЬ БОРИС ФЕОДОРОВИЧ ГОДУНОВ – брат Царицы Ирины Феодоровны, супруга Царя Феодора 1-го.

1598 Преп. Ферапонт Монзенский.

1599 Преп. Варлаам Керетский.

1599 Преп. Киприан Сторожевский.

1600 Чуд. Икона Божией Матери ВЛАДИМИРСКАЯ, копия, в Флоринской пустыни Владимирской губ.

1600 Преп. Иона Яшезерский.

1600 Преп. Василий Мнагазейский.

1602 Чуд. Икона Божией Матери ОДИГИТРИЯ-СМОЛЕНСКАЯ, копия, в г. Смоленске. На Бородинском поле перед полками.

1603 Чуд. Икона Божией Матери ВЛАДИМИРСКАЯ-ЧЕРНОГОРСКАЯ, на Черной горе близ Юролы Архангельской губ.

1603 Преп. Мартирий Зеленецкий.

1603 Преп. Никандр Городенский.

- 1604 Праведная Иулиания Лазаревская.
- 1605 **ЦАРЬ ФЕОДОР 2-й БОРИСОВИЧ** убит во время бунта самозванца Лжедмитрия.
- 1605 (Смута. Захват Престола Лжедмитрием.)
- 1605 Патриарх Игнатий. Сведен с Престола при падении Лжедмитрия.
- 1606 **ЦАРЬ ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ШУЙСКИЙ** свергнут в 1610 году.
- 1606 Св. Ермоген, патриарх Московский. Умер с голоду в польской тюрьме.
- 1609 Чуд. Икона Божией Матери УМИЛЕНИЕ, в церкви «на окопах» близ г. Смоленска. Воеводы Шеина.
- 1609 Преп. Сергей, схимник Шухтомский.
- 1610 (Смута. Претендент Владислав, королевич Польский. Попытка захвата Престола королем Сигизмундом Польским. Ополчение Минина и Пожарского.)
- 1611 Чуд. Икона Божией Матери ФЕОДОТЬЕВСКАЯ, копия, в с. Феодотьево близ г. Рязани.
- 1611 Чуд. Икона Божией Матери КАЗАНСКАЯ, копия, в крепости г. Шлиссельбурга.
- 1611 Преп. Серапион Кожеезерский.
- 1611 Преп. Антоний Леохновский.
- 1612 **Митрополит Ефрем.**
- 1612 Чуд. Икона Божией Матери КАЗАНСКАЯ, копия, в Московском Казанском соборе.
- 1612 Чуд. Икона Божией Матери КРУПЕЦКАЯ, в д. Крупица в 5 в. от г. Минска.
- 1612 Св. Ермоген, патриарх Московский.
- 1612 Преп. Галактион Вологодский.
- 1612 Преп. Евфросин Синеезерский.
- 1612 Преп. Трофим Вятский.
- 1612 Преп. Иосиф Заоникиевский.
- 1613 **ЦАРЬ МИХАИЛ ФЕОДОРОВИЧ РОМАНОВ** – внук боярина Никиты Романова, брата первой супруги Царя Иоанна 4-го Грозного, Царицы Анастасии.

1614 **Митрополит Иона.**

1614 Чуд. Икона Божией Матери ТИХВИНСКАЯ, копия, в Тихвинском мон.

1615 Чуд. Икона Божией Матери ЮГСКАЯ, в Югской Дорофеевой пустыни у г. Рыбинска.

1615 Чуд. Икона Божией Матери ПРЯЖЕВСКАЯ, в с. Пряжеве близ г. Житомира.

1615 Чуд. Икона Божией Матери БАЛЫКИНСКАЯ, в с. Балыкине Стародубского у. Черниговской губ.

1615 Чуд. Икона Божией Матери СЕДМИЕЗЕРСКАЯ-СМОЛЕНСКАЯ, в Седмиезерской пустыни близ г. Казани.

1616 Преп. Иринарх Ростовский.

1616 Преп. Иоанн Псково-Печерский.

1617 Чуд. Икона Божией Матери ТИХВИНСКАЯ, копия, в Новгородском Софиевском соборе.

1619 **Патриарх Филарет.** Наречен в 1613 году. Возведен лишь в 1619 году.

1619 Преп. Адриан Монзенский.

1620 Чуд. Икона Божией Матери СТРАСТНАЯ, в г. Москве с 1641 года по повелению Царя Михаила Федоровича.

1620 Чуд. Икона Божией Матери КОДЕНСКАЯ, в Седлецкой г. Вывезена из Рима кн. Николаем Сапегой.

1622 Чуд. Икона Божией Матери ГРУЗИНСКАЯ, в Красногорском мон. Пинежского у. Архангельской губ.

1622 Преп. Киприан Суздальский.

1622 Преп. Макарий Жабынский.

1624 Чуд. Икона Божией Матери ИГРИЦКАЯ-ПЕСОЧЕНСКАЯ, в Песоченском монастыре в 15 в. от Костромы.

1624 Преп. Вассиан Тисненский.

1628 Преп. Иов Ущельский.

1628 Преп. Иринарх Соловецкий.

1628 Преп. Прокопий Вятский.

1633 Преп. Дионисий, архимандрит Троице-Сергиевой Лавры.

1633 Преп. Диодор Юрьегорский.

1634 **Патриарх Иоасаф 1-й.**

1634 Чуд. Икона Божией Матери ВЛАДИМИРСКАЯ-ОРАНСКАЯ, копия, в Оранской пустыни у с. Бочеево Нижегородской губ.

1635 Чуд. Икона Божией Матери ВЛАДИМИРСКАЯ, копия, в г. Нерехта Костромской губ.

1635 Чуд. Икона Божией Матери ПУТИВЛЬСКАЯ, в Молченском мон. г. Путивля Курской губ.

1635 Чуд. Икона Божией Матери СЛОВЕНСКАЯ, в Макарьевском у. Костромской губ. Копия Смоленской.

1635 Чуд. Икона Божией Матери БРАИЛОВСКАЯ, в Винницком Браиловском монастыре Подольской губ.

1637 Чуд. Икона Божией Матери ЗНАМЕНИЕ-АЛАБАЦКАЯ, в Алабацком монастыре близ Тобольска.

1640 **Патриарх Иосиф.**

1640 Чуд. Икона Божией Матери УТОЛИ МОЯ ПЕЧАЛИ, в Москве.

1640 Преп. Никодим Кожеезерский.

1641 Преп. Симон Воломский.

1642 Чуд. Икона Божией Матери СМОЛЕНСКАЯ, копия, в обители на Бору в 5 в. от Ярославля.

1642 Праведный Симеон Верхотурский.

1643 Чуд. Икона Божией Матери КАЗАНСКАЯ, копия, в Нижнем Ломове Пензенской губ.

1643 Чуд. Икона Божией Матери ОРЛОВСКАЯ, в Орловской волости Вологодской губ.

1644 Чуд. Икона Божией Матери ДАЛМАТСКАЯ, в Успенском соборе монастыря Пермской губ.

1645 **Ц А Р Ь А Л Е К С Е Й М И Х А Й - Л О В И Ч**

1645 Чуд. Икона Божией Матери ЗНАМЕНИЕ-ЦАРСКО-СЕЛЬСКАЯ, в Царском Селе. Семейная Дома Романовых.

1647 Чуд. Икона Божией Матери КАЗАНСКАЯ, копия, в г. Глузове Суздальского у.

1647 Чуд. Икона Божией Матери ЦАРЕВОКОКШАЙСКАЯ, в с. Дальн. Кузнецы, у Царевококшайска Казанской губ.

1648 Чуд. Икона Божией Матери ИВЕРСКАЯ, в Москве. Прислана с Афона.

1648 Священномученик Афанасий Брестский.

1650 Чуд. Икона Божией Матери ВСЕХ СКОРБЯЩИХ РАДОСТЬ, РЕШНЕВСКАЯ, копия ИВЕРСКОЙ, в Кременецком у. Волынской губ.

1650 Чуд. Икона Божией Матери СТАРЧИЦКАЯ, в Петропавловском монастыре Слуцкого у. Минской губ.

1650 Чуд. Икона Божией Матери ОДИГИТРИЯ-ПСКОВСКАЯ, копия, в церкви Св. Сергия в г. Пскове.

1650 Чуд. Икона Божией Матери УСПЕНИЕ-ФЛОРИЩЕВСКАЯ, во Флорищевской пустыни Владимирской губ.

1650 Чуд. Икона Божией Матери МЛЕКОПИТАТЕЛЬНИЦА, в Крестогорске, в 20 в. от г. Минска.

1650 Чуд. Икона Божией Матери ЗНАМЕНИЕ, в Успенском соборе г. Владимира.

1650 Чуд. Икона Божией Матери ЗАБЕЛЬСКАЯ, в с. Забелы Слуцкого у. Минской губ.

1650 Блаженный Максим Тотемский, Христа ради юродивый.

1651 Преп. Иов, игумен Почаевский.

1652 **Патриарх Никон.**

1654 Чуд. Икона Божией Матери ТЕРЕБИНСКАЯ, в 95 в. от Вышнего Волочка Тверской губ.

1654 Чуд. Икона Божией Матери ВЛАХЕРНСКАЯ, Ев. Луки, в Московском Успенском соборе.

1654 Чуд. Икона Божией Матери ВЛАХЕРНСКАЯ, копия, во Влахернском под Москвой.

1654 Чуд. Икона Божией Матери ГРУЗИНСКАЯ, копия, в Троицкой церкви у Варваринских ворот в Москве.

1654 Чуд. Икона Божией Матери ГРУЗИНСКАЯ, копия, в Алексеевском дворце в Москве.

1654 Чуд. Икона Божией Матери КИЕВО-БРАТСКАЯ, в Братском мон. В Киеве.

1654 Чуд. Икона Божией Матери ОДИГИТРИЯ-ШУЙСКАЯ, в г. Шуе.

1654 Св. Афанасий, патриарх Цареградский.

1654 Преп. Леонид Устьнедумский.

1654 Преп. Лукиан Александровский.

1656 Преп. Елеазар Анзерский.

1657 Чуд. Икона Божией Матери КАЗАНСКАЯ, копия, в Свято-Троицком монастыре в Витебске.

1657 Чуд. Икона Божией Матери КОРСУНСКАЯ, в Изборске Псковской губ.

1659 Чуд. Икона Божией Матери РОЖДЕСТВО БОГОРОДИЦЫ, в с. Исаакиевском у Пошехонья в Ярославской губ.

1659 Чуд. Икона Божией Матери БОРКОЛАБОВСКАЯ, в Борколабовском монастыре Быховского у. Могилевской губ. – князя Пожарского.

1660 Чуд. Икона Божией Матери ВОЛЬНЯНСКАЯ, в Минской епархии.

1661 Чуд. Икона Божией Матери ГРУЗИНСКАЯ, в Раивской пустыни в 18 в. от г. Свяжска.

1661 Чуд. Икона Божией Матери КАЗАНСКАЯ, копия, в г. Тобольске.

1661 Чуд. Икона Божией Матери ТРОЕРУЧИЦА, копия, в Белобережской пустыни Брянского у. Орловской губ.

1661 Чуд. Икона Божией Матери ТРОЕРУЧИЦА, копия, в Воскресенском монастыре в новом Иерусалиме. Принадлежала патриарху Никону.

1662 Чуд. Икона Божией Матери МГЛИНСКАЯ, в г. Мглине Черниговской губ.

1662 Чуд. Икона Божией Матери ЧЕРНИГОВСКАЯ-ИЛЬИНСКАЯ, в Троицко-Ильинском монастыре под Черниговым.

- 1662 Преп. Филипп Устюжский.
- 1666 Чуд. Икона Божией Матери СЛОВО ПЛОТЬ БЫСТЬ, в Алабазине.
- 1667 **Патриарх Иоасаф 2-й.**
- 1670 Чуд. Икона Божией Матери ОДИГИТРИЯ, копия, в Густыньском мон. Близ Прилук Полтавской губ.
- 1670 Чуд. Икона Божией Матери ПОЖАЙСКАЯ, в Пожайском монастыре в 10 в. от г. Ковно.
- 1670 Св. Иосиф, митрополит Астраханский.
- 1672 Чуд. Икона Божией Матери ОДИГИТРИЯ-КОСТРОМСКАЯ, копия, в Богоявленском Костромском монастыре.
- 1673 **Патриарх Питирим.**
- 1673 **Патриарх Иоаким.**
- 1673 Блаженный Андрей Тотемский.
- 1673 **ЦАРЬ ФЕОДОР 3-й АЛЕКСЕЕВИЧ** – старший сын Царя Алексея Михайловича.
- 1677 Чуд. Икона Божией Матери ДУНИЛОВСКАЯ, в Дуниловской пустыни Сретенского собора г. Никольска Вологодской губ.
- 1677 Чуд. Икона Божией Матери ВОЛОКОЛАМСКАЯ, в Волоколамском монастыре.
- 1678 Преп. Мученик Макарий Коневский.
- 1682 **ЦАРЬ ИОАНН 5-й АЛЕКСЕЕВИЧ** второй сын Царя Алексея Михайловича.
- 1683 Чуд. Икона Божией Матери ЛЕСНЯНСКАЯ, в с. Лесны Бельского у. Гродненской губ.
- 1683 Мученик Павел, русский невольник.
- 1687 Чуд. Икона Божией Матери РУДЕНСКАЯ, в мест. Рудне в Могилевской епархии.
- 1678 Чуд. Икона Божией Матери СТОКГОЛЬМСКАЯ, в г. Тихвине Новгородской губ.
- 1687 Чуд. Икона Божией Матери НОВОДВОРСКАЯ, в Успенском мон. Новозыбковского у. Черниговской губ.

1689 Чуд. Икона Божией Матери КАПЛУНОВСКАЯ-КАЗАНСКАЯ, в с. Каплуновке в 20 в. ль Ахрырки Харьковской губ.

1689 Чуд. Икона Божией Матери ОДИГИТРИЯ-СТАРИЧСКАЯ, в Старичском монастыре Слуцкого у. Минской губ.

1689 Чуд. Икона Божией Матери КАЗАНСКАЯ, копия, в Московском Вознесенском девичьем монастыре.

1689 Чуд. Икона Божией Матери ЕЛЕЦКАЯ-ЧЕРНИГОВСКАЯ, в Харьковском соборе.

1690 **Патриарх Адриан.**

1690 Чуд. Икона Божией Матери КОСИНСКАЯ или МОДЕНСКАЯ, в с. Косино Московской губ. Дар Петра I.

1690 Преп. Афанасий Новолоцкий.

1690 Мученик младенец Гавриил Слуцкий.

1691 Чуд. Икона Божией Матери БОГОЛЮБСКАЯ, копия, в с. Юрьевском Боровского у. Калужской губ.

1691 Чуд. Икона Божией Матери БОГОЛЮБСКАЯ, копия, на Варваринских воротах в Москве.

1692 Чуд. Икона Божией Матери КАЗАНСКАЯ, копия, в Шаташинском монастыре Черниговской губ.

1692 Чуд. Икона Божией Матери РУДЕНСКАЯ, в г. Алешках Лебединского у. Харьковской губ.

1692 Чуд. Икона Божией Матери ГОВЕЗНЕНСКАЯ, в Минской епархии.

1693 Преп. Корнилий Переяславский.

1695 Чуд. Икона Божией Матери ТАМБОВСКАЯ, в соборе г. Тамбова.

1696 **ИМПЕРАТОР ПЕТР 1-й** младший сын Царя Алексея Михайловича. Провозглашение Императором Всероссийским в 1721 году.

1696 Чуд. Икона Божией Матери ЗНАМЕНИЕ, в г. Павловске Воронежской губ.

1696 Чуд. Икона Божией Матери ДОМНИЦКАЯ, копия Корсунской, в монастыре близ г. Березна Черниговской губ.

- 1696 Св. Феодосий, архиепископ Черниговский.
- 1698 Св. Питирим, епископ Тамбовский.
- 1699 Преп. Поликарп Брянский.
- 1700 **Митрополит Стефан Яворский.** Местоблюститель патриаршего престола.
- 1700 Чуд. Икона Божией Матери ВСЕХ СКОРБЯЩИХ РАДОСТЬ, в С.-Петербурге. Была в Прутском походе при армии.
- 1700 Чуд. Икона Божией Матери ГОРБАЦЕВИЦКАЯ, в мест. Горбациец Минской губ.
- 1700 Чуд. Икона Божией Матери ЧЕСТНО-КРЕСТНАЯ, в г. Грубешове Люблинской губ.
- 1700 Чуд. Икона Божией Матери ВИЗАНТИЙСКАЯ, явлена в 732 году, пребывала в Москве. Петр 1-й молился перед Нею после Полтавы.
- 1703 Чуд. Икона Божией Матери ОДИГИТРИЯ, в Белгородском у. Смоленской губ.
- 1703 Преп. Митрофан, епископ Воронежский.
- 1709 Чуд. Икона Божией Матери КАЗАНСКАЯ, копия, в Высочинском мон. Змиевского у. Харьковской губ.
- 1709 Чуд. Икона Божией Матери ИЕРУСАЛИМСКАЯ, копия, в Кривецкой пустыни Макарьевского у. Костромской губ.
- 1709 Чуд. Икона Божией Матери ПЕРЕКОПСКАЯ, в г. Варвы Лохвицкого у. Полтавской губ.
- 1709 Св. Димитрий, митрополит Ростовский.
- 1710 Чуд. Икона Божией Матери УСПЕНИЕ В КОЛОГРИВЕ, в г. Кологриве Костромской губ.
- 1712 Чуд. Икона Божией Матери ЗНАМЕНИЕ, копия, в г. Семипалатинске.
- 1714 Чуд. Икона Божией Матери КАЗАНСКАЯ, копия, в Каргополе.
- 1715 Св. Иоанн, епископ Тобольский.
- 1717 Чуд. Икона Божией Матери КАЗАНСКАЯ, копия, в соборе г. Пензы.

1720 Чуд. Икона Божией Матери КАЗИМИРОВСКАЯ, в Казимировке Минской губ.

1721 Святейший Правительствующий Синод. Учрежден 14.2.1721.

1721 Чуд. Икона Божией Матери КАЗАНСКАЯ, подлинная, в С.-Петербургском Казанском соборе.

1721 Чуд. Икона Божией Матери ЖИВОНОСНЫЙ ИСТОЧНИК, в Саровской обители. В 440 году в Царьграде.

1725 **ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА 1-я АЛЕКСЕЕВНА** супруга Императора Петра 1-го.

1725 Чуд. Икона Божией Матери ГОРБАНЕВСКАЯ, в с. Горбаневка в 5 в. от г. Полтавы.

1725 Чуд. Икона Божией Матери КОРСУНСКАЯ, копия, в Благовещенском монастыре г. Нежина. Епископа Михаила Псковского.

1727 **ИМПЕРАТОР ПЕТР 2-й АЛЕКСЕЕВИЧ** сын Царевича Алексея, внук Петра 1-го Великого.

1730 **ИМПЕРАТРИЦА АННА ИОАННОВНА** дочь Царя Иоанна 5-го.

1730 Чуд. Икона Божией Матери КАЛИГОРСКАЯ, в с. Сухая Калигорска Звенигородского у. Киевской губ.

1730 Преп. Иоанн Русский, Новый, исповедник.

1731 Чуд. Икона Божией Матери БЛАГОВЕЩЕНИЕ, в Москве.

1731 Святитель Иннокентий, первый епископ Иркутский.

1736 Чуд. Икона Божией Матери ПСКОВО-ПОКРОВСКАЯ, копия, в Московском Успенском соборе.

1737 Чуд. Икона Божией Матери РАКОВСКАЯ, близ г. Ракова Минской губ.

1739 Чуд. Икона Божией Матери АХТЫРСКАЯ, в г. Ахтырке Харьковской губ.

1739 Чуд. Икона Божией Матери КАЗАНСКАЯ, копия, в г. Арзамасе, в Спасском монастыре.

1740 ИМПЕРАТОР ИОАНН 6-й АНТОНОВИЧ сын герцога Брауншвейгского и Анны Леопольдовны, дочери герцога Мекленбургского и Царевны Екатерины Иоанновны, дочери Царя Иоанна 5-го. Свергнут с Престола в 1741 году.

1740 Чуд. Икона Божией Матери РЕПИЦКАЯ, в с. Репках близ г. Чернигова.

1741 ИМПЕРАТРИЦА ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА дочь Императора Петра 1-го.

1746 Чуд. Икона Божией Матери МЯТИНСКАЯ, копия ИВЕРСКОЙ, в с. Мятино Дубенского у. Волынской губ.

1748 Чуд. Икона Божией Матери КАЛУЖСКАЯ, в с. Калужки близ г. Калуги.

1750 Чуд. Икона Божией Матери ВЗЫСКАНИЕ ПОГИБШИХ, в с. Бор Калужской губ.

1750 Чуд. Икона Божией Матери ПЕСЧАНСКАЯ, в Вознесенской церкви в с. Пески, около г. Изюма.

1750 Чуд. Икона Божией Матери ШЕСТОКОВСКАЯ, в с. Шелтомеки Кашинского у. Тверской губ.

1750 Чуд. Икона Божией Матери ФАЛКОВИЧСКАЯ, в с. Фалковицы в 13 в. от г. Витебска.

1750 Чуд. Икона Божией Матери ЦЕЛИТЕЛЬНИЦА, в Московском Алексеевском монастыре.

1750 Чуд. Икона Божией Матери ВСЕХ СКОРБЯЩИХ РАДОСТЬ, в Нижегородском соборе.

1750 Чуд. Икона Божией Матери УТЕШИТЕЛЬНИЦА СКОРБЯЩИХ, в Тамбовском Вознесенском монастыре.

1754 Святитель Иоасаф Белгородский.

1754 Св. Софроний Иркутский.

1760 Чуд. Икона Божией Матери ВАСЬКОВСКАЯ, в с. Мелешковец Мозырского у. Минской губ.

1760 Чуд. Икона Божией Матери ТРОЕРУЧИЦА, в г. Туле.

1761 **ИМПЕРАТОР ПЕТР 3-й ФЕОДО-
РОВИЧ** сын герцога Голштинского и Царевны Анны
Петровны, дочери Императора Пера 1-го. Свергнут в
1762 году.

1762 **ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА 2-я
АЛЕКСЕЕВНА, ВЕЛИКАЯ** супруга Императора
Петра 3-го.

1770 Святитель Павел, епископ Тобольский.

1771 Чуд. Икона Божией Матери **БОГОЛЮБСКАЯ-
ЗИМАРОВСКАЯ**, в с. Зимарово, в 18 в. от Раннебурга
Рязанской губ.

1771 Чуд. Икона Божией Матери **КИПРСКАЯ**, копия,
в Нижнем Новгороде.

1779 Чуд. Икона Божией Матери **БАХЧИСАРАЙСКАЯ**,
в г. Мариуполе в Крыму.

1780 Чуд. Икона Божией Матери **БЕЖЕВСКАЯ**, явлена
в с. Бежево Волынской губ.

1781 Чуд. Икона Божией Матери **ИЕРУСАЛИМСКАЯ**,
копия, в Благовещенском монастыре г. Нежина.

1783 Святитель Тихон, епископ Воронежский.

1789 Чуд. Икона Божией Матери **ЗНАМЕНИЕ**, в Пре-
чистенской церкви в Гончарах.

1790 Чуд. Икона Божией Матери **ГЕРБОВЕЦКАЯ**, в Гер-
бовецком монастыре Оргеевского у. Бессарабской губ.

1795 Чуд. Икона Божией Матери **ВЗЫГРАНИЕ**, в Ни-
коло-Угрешском монастыре в 18 в. от Москвы.

1796 **ИМПЕРАТОР ПАВЕЛ 1-й** – сын Импе-
ратора Петра 3-го и Императрицы Екатерины 2-й. Убит
заговорщиками под влиянием Англии.

1799 Чуд. Икона Божией Матери **ВИФЛЕЕМСКАЯ**, в
Тифлисе.

1799 Чуд. Икона Божией Матери **ОДИГИТРИЯ-ФИ-
ЛЕРМСКАЯ**, Св. Луки, С.-Петербург, Зимний Дворец.
Похищена в 1941 году в Югославии.

1800 Чуд. Икона Божией Матери **ХАХУЛЬСКАЯ**, Ев.
Луки, в Гелатском монастыре в 6 в. от Кутаиси.

1800 Чуд. Икона Божией Матери ВСЕХ СКОРБЯЩИХ РАДОСТЬ, в Кирсанове.

1800 Чуд. Икона Божией Матери ГЕЛАТСКАЯ, в Гелатском монастыре в 6 в. от Кутаиси. Принесена Царем Багратом.

1800 Чуд. Икона Божией Матери АЦКУРСКАЯ, там же. Принадлежала Св. Царице Тамаре.

1800 Чуд. Икона Божией Матери ЦИКЛАНСКАЯ, в Карталинии. Принадлежала Св. Нине.

1801 **ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР 1-й ПАВЛОВИЧ, БЛАГОСЛОВЕННЫЙ** – старший сын Императора Павла 1-го Петровича.

1809 Чуд. Икона Божией Матери «ИЗБИЕНИЕ МЛАДЕНЦЕВ ОТ ИРОДА», в Вологде.

1812 Чуд. Икона Божией Матери КАЗАНСКАЯ, копия, в церкви Всех Святых в Вологде.

1819 Чуд. Икона Божией Матери ВСЕХ СКОРБЯЩИХ РАДОСТЬ, в Тобольске.

1819 Чуд. Икона Божией Матери ЧЕНСТОХОВСКАЯ, копия, в С.-Петербургском Казанском соборе.

1822 Чуд. Икона Божией Матери НЕОПАЛИМАЯ КУПИНА, в Славянске Харьковской губ.

1823 Чуд. Икона Божией Матери ЯРОСЛАВСКАЯ-ПЕЧЕРСКАЯ, в Ярославле.

1825 **ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ 1-й ПАВЛОВИЧ** – третий сын Императора Павла 1-го Петровича.

1825 Чуд. Икона Божией Матери ОНЫШКОВСКАЯ, в с. Онышковцы Дубенского у. Волынской губ.

1827 Чуд. Икона Божией Матери ПРЕЖДЕ РОЖДЕСТВА И ПО РОЖДЕСТВЕ ДЕВА, в Николаевском Песношском монастыре Дмитровского у. Московской губ.

1827 Чуд. Икона Божией Матери КАЗАНСКАЯ, копия, в с. Кузьминка Царскосельского у.

1827 Чуд. Икона Божией Матери УРЮПИНСКАЯ, в станице Урюпинской Донского войска.

1828 Чуд. Икона Божией Матери КОРСУНСКАЯ, копия, в С.-Петербургском Исаакиевском соборе.

1833 Чуд. Икона Божией Матери УМИЛЕНИЕ-ДИВЕЕВСКАЯ, в Дивеевском монастыре Нижегородской губ.

1833 Преп. Серафим Саровский.

1835 Чуд. Икона Божией Матери НЕЧАЯННАЯ РАДОСТЬ, в Москве.

1836 Чуд. Икона Божией Матери ТАМБОВСКАЯ, в г. Тамбове.

1840 Чуд. Икона Божией Матери ДУДЗИНСКАЯ, в Дудиче Игуменского у. Минской губ.

1842 Чуд. Икона Божией Матери ЧЕРНИГОВСКАЯ-ГЕФСИМАНСКАЯ, в Троице-Сергиевой Лавре.

1846 Чуд. Икона Божией Матери НЯМЕЦКАЯ, в слободе Михайловке Богучарского у. Воронежской губ.

1848 Чуд. Икона Божией Матери ВСЕХ СКОРБЯЩИХ РАДОСТЬ, в Твери.

1848 Чуд. Икона Божией Матери РЕВУЦКАЯ, в Херсонской епархии.

1848 Чуд. Икона Божией Матери НЕДРЕМЛЮЩЕЕ ОКО, в Угличе Ярославской губ.

1848 Чуд. Икона Божией Матери ЗНАМЕНИЕ, в Московском Златоустовском монастыре.

1850 Чуд. Икона Божией Матери БАХЧИСАРАЙСКАЯ, копия, в месте явления в Бахчисарае.

1850 Чуд. Икона Божией Матери СПОРУЧНИЦА ГРЕШНЫХ, в Николаевском Одринском мон. Карачевского у. Орловской губ.

1850 Чуд. Икона Божией Матери СПОРУЧНИЦА ГРЕШНЫХ, копия, в Никольской церкви в Москве.

1850 Чуд. Икона Божией Матери СПОРУЧНИЦА ГРЕШНЫХ, копия, в Троицкосевске Забайкальской области.

1851 Чуд. Икона Божией Матери ЧЕРНИГОВСКАЯ-ИЛЬИНСКАЯ, в С.-Петербургском Смольном институте.

1851 Чуд. Икона Божией Матери ГОРУЦИССКАЯ, в Минской епархии.

1852 Чуд. Икона Божией Матери БАЙБУЗСКАЯ, в с. Байбузы Чигиринского у. Киевской губ. Явлена в Киево-Печерской Лавре.

1853 Чуд. Икона Божией Матери КОЛОЖСКАЯ, в Борисо-Глебовском монастыре в Гродно. Копия Виленской.

1854 Чуд. Икона Божией Матери УТЕШЕНИЕ-ВАТОПЕДСКАЯ, копия Афонской, в СПб. Воскресенском монастыре.

1854 Чуд. Икона Божией Матери КОРСУНСКАЯ, в Усмани Тамбовской губ.

1854 Чуд. Икона Божией Матери ЗНАМЕНИЕ, в Ямской-Переяславской слободе в Москве.

1854 Чуд. Икона Божией Матери ЗНАМЕНИЕ, в Соловецком монастыре.

1855 ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР 2-й НИКОЛАЕВИЧ, ОСВОБОДИТЕЛЬ сын Императора Николая 1-го. Убит заговорщиками.

1859 Чуд. Икона Божией Матери БОРОВСКАЯ, копия ЦЕСАРСКОЙ, в Усвяте в Витебской губ.

1863 Чуд. Икона Божией Матери В СКОРБЕХ И ПЕЧАЛЕХ УТЕШЕНИЕ, в Санкт-Петербурге.

1863 Чуд. Икона Божией Матери МИЛУЮЩАЯ ДОСТОЙНО ЕСТЬ, в СПб. Галерной гавани.

1863 Чуд. Икона Божией Матери МИЛУЮЩАЯ ДОСТОЙНО ЕСТЬ, в Юрьевском мон. Котельнического у. Вятской губ.

1864 Чуд. Икона Божией Матери УСПЕНИЕ, в Аносинском мон. В Звенигородском у. Московской губ.

1866 Чуд. Икона Божией Матери ТУЧНАЯ ГОРА, на кладбище в Твери.

1868 Чуд. Икона Божией Матери СЛОВО ПЛОТЬ БЫСТЬ, копия, в Благовещенске на Амуре.

1870 Чуд. Икона Божией Матери АКСАЙСКАЯ, в станице Аксайской Кубанской области.

1873 Чуд. Икона Божией Матери ВСЕХ СКОРБЯЩИХ РАДОСТЬ, на Большой Охте в С.-Петербурге.

1873 Чуд. Икона Божией Матери СКОРОПОСЛУШНИЦА, копия, в Лютиковском мон. Близ Перемышля Калужской губ.

1876 Чуд. Икона Божией Матери ПЮХТИЦКАЯ, в Пюхтицком монастыре Эстляндской губ.

1876 Чуд. Икона Божией Матери ЯКОБШТАДТСКАЯ, в Якобштадте Курляндской губ.

1879 Чуд. Икона Божией Матери ЗНАМЕНИЕ-СЕРАФИМО-ПОНЕТАЕВСКАЯ, в 30 в. от Арзамаса Нижегородской губ.

1881 **ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР 3-й АЛЕКСАНДРОВИЧ, МИРОТВОРЕЦ** – сын Императора Александра 2-го, Освободителя.

1881 Чуд. Икона Божией Матери КОЗЕЛЬЩАНСКАЯ, в с. Козельщино Полтавской губ. Родовая икона графов Капнистов.

1887 Чуд. Икона Божией Матери СКОРОПОСЛУШНИЦА, копия, в часовне Св. Пантелеймона в Москве.

1889 Чуд. Икона Божией Матери ИЗБАВИТЕЛЬНИЦА, в Ново-Афонском монастыре на Кавказе.

1890 Чуд. Икона Божией Матери СПОРИТЕЛЬНИЦА ХЛЕБОВ, в Шамординском монастыре близ Оптиной пустыни.

1894 **ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ 2-й АЛЕКСАНДРОВИЧ, ЦАРЬ – МУЧЕНИК** – сын Императора Александра 3-го. Вынужден к отречению от Престола в 1917 году. Злодейски замучен и убит вместе со своею Семьей 4/17 июля 1918 года.

1894 Чуд. Икона Божией Матери

1908 Св. и Прав. Отец Иоанн Кронштадтский.

1911 Чуд. Икона Божией Матери СКОРОПОСЛУШНИЦА, в церкви Императорского Палестинского Общества в С.-Петербурге.

1917 Чуд. Икона Божией Матери ДЕРЖАВНАЯ, в с. Коломенском под Москвой. Явлена в день отречения Государя Императора Николая Александровича, 2 марта 1917 года.

РОССИЯ, РОДИНА, РУССКИЙ НАРОД

ГЛАВА 13. Родина. – Отечество. – Русский патриотизм.

Русь Святая, православная, богатырская, мать свято-русская земля – таков образ Родины в сознании русского человека.

Для русского народа характерно раннее осознание своего национального «я». Это осознание начинается с чувства принадлежности человека не просто к племени или месту рождения, но к государству или большой территории, которая понимается им как его земля, земля его предков, за которую он готов положить свою голову.

Уже в «Повести временных лет» отчетливо проявляется патриотическое сознание наших предков. Это осознание единства славянского народа (под которым подразумевается русский народ), стремление к единению Руси, а также провозглашение богоизбранности славянского народа (но не в плане противопоставления другим народам, а в моральном смысле первенства борьбы с мировым злом).

Русские князья в XII в. клянутся именем земли Русской. Даниил Паломник в Иерусалиме возжигает на Гробе Господнем лампаду «за всех христиан земли Русской». Лучше на Родине костями лечь, чем на чужбине быть в почете, – говорит Ипатьевская летопись.

Родина есть живой дух народа, пребывание в котором дает твердое ощущение его блага и правоты. Любить Родину – значит любить не просто «душу народа», но национальный характер его духа (И. Ильин).

Сквозь тысячу лет бытия на горестной земле, борьбы, трудов, войн, преступлений – немеркнувшее духовное ядро, живое сердце – вот интуиция Родины» (Б. Зайцев). Мать, мать родная, Родина-то наша, мы птенцы, так мы ее и сосем (Ф. Достоевский).

О Родина святая, / Какое сердце не дрожит, / Тебя благословляя? (В. Жуковский). *В минуты унынья, о Родину мать, / Я мыслью вперед улетаю, / Еще суждено тебе много страдать, / Но ты не погибнешь, я знаю* (Н. Некрасов). *Если крикнет рать святая: / «Кинь ты Русь, живи в раю!» / Я скажу: «Не надо рая, / Дайте Родину мою»* (С. Есенин). *Я на нее, / На Родину, глядела, / Я знала: это все мое – / Душа моя и тело* (А. Ахматова).

В понятиях Святой Руси Россия – страна, избранная Богом для исполнения особой миссии. В «Повести временных лет» провозглашается богоизбранность славяно-русского народа в смысле первенства в борьбе со злом.

В этой борьбе Россия выполняет волю Бога и находится под Его особым покровительством. «Земля русская вся под Богом, – говорят народные пословицы. – Русский Бог велик. Русским Богом да русским царем святорусская земля стоит. Велика святорусская земля, а везде солнышко».

В «Повести временных лет» также говорится: «Имемся во едино и блюдем Русскую землю». Не посраим земли Русской, по ляжем костями тут: только мертвые сраму не имут» (князь Киевский Святослав).

В «Слове о погибели Русской земли» (XIII в.) безымянный автор дает вдохновенную картину Руси: «О светло светлая и прекрасно украшенная земля Русская! Многими красотами удивляешь ты: реками и озерами пресветлыми, горами крутыми, холмами высокими, дубравами частыми, полями дивными, зверьми разнообразными, птицами бесчисленными, городами великими, селами дивными, садами обительными, домами и церквями, и князьями грозными, боярами честными, вельможами многими. Всем исполнена земля Русская, о правоверная вера христианская!»

Коренные русские люди верили в непостижимый ум и непобедимый дух России. «Россия, – отмечал К. Леонтьев, – не простое государство; Россия, взятая во всецелости со всеми азиатскими владениями, это целый мир особой жизни, особый государственный мир». *Умом России не понять, / Аршином общим не измерить: / У ней особенная стать – / В Россию можно только верить* (Ф. Тютчев).

В истории России каждое столкновение обращалось в преодоление. Каждое разорение оказывалось обновлением. Тяжелейшие испытания только способствовали величию России, которая лучше всего решала задачи почти невыполнимые. В Отечественную войну 1812 года Ф. Глинка писал: «Вид пылающего Отечества, бегущего народа и неизвестность о собственной судьбе сильно стеснили сердце. Уж ли, думал я, и древняя слава России угаснет в бурях как оно! Нет! Восстал дух Русской земли! Он спал богатырским сном и пробудился в величественном могуществе своем. Уже повсюду наносит он удары врагам. Нигде не сдастся: не хочет быть рабом».

«Истинный защитник России – это история; ею в течение трех столетий неустанно разрешаются в пользу России все испытания, которым подвергает она свою таинственную судьбу» (Ф. Тютчев).

*Она не погибнет – знайте!
Она не погибнет, Россия.
Они всколосятся – верьте!
Поля ее золотые.
И мы не погибнем, – верьте!
Но что нам наше спасенье:
Россия спасется – знайте!
И близко ее воскресенье.*

(З. Гиппиус)

*Россия, Русь – куда я ни взгляну,
За все твои страдания и битвы
Люблю твою, Россия, старину,
Твои леса, погосты и молитвы,
Люблю твои избышки и цветы,
И небеса, горящие от зноя,
И шепот их у омутной воды,
Люблю навек, до вечного покоя.
Россия, Русь! Храни себя, храни!*

(Н. Рубцов)

Любовь к родине, преданность ей, стремление своими действиями служить ее интересам, ощущение неразрывной связи со своим народом, с его языком, культурой, бытом и нравами – неотъемлемые черты коренного русского человека.

Основы русского патриотизма высказаны словами св. Иоанна Кронштадтского: «Отечество земное с его Церковью есть преддверие Отечества Небесного, поэтому любите его горячо и будьте готовы душу свою за него положить, чтобы наследовать жизнь вечную».

Патриотизм опирается на строгую иерархию духовных ценностей и осознание духовного самоопределения. «В основе патриотизма, – писал И.А. Ильин, – лежит акт духовного самоопределения. Патриотизм может жить и будет жить лишь в той душе, для которой есть на земле нечто священное, которая живым опытом испытала объективность и безусловное достоинство этого священного – и узнала его в святынях своего народа». Система ценностей Святой Руси создала все условия для высшего духовного самоопределения, а значит, и зрелого патриотизма русского народа. Опираясь на эту систему ценностей, русский человек осознает свою духовную силу и мощь, здоровье, чувство гордости и удовлетворения от своего образа жизни и мысли.

*«Ты должен посвятить Отечеству свой век,
Коль хочешь навсегда быть честный человек».*

(Д.И. Фонвизин).

ГЛАВА 14. Русские земли. – Великая, Малая и Белая Русь. – Закарпатская Русь. – Буковина. – Крым. – Урал и Сибирь. – Прибалтика. – Кавказ. – Аляска.

Русская земля охватывает обширные территории в Европе и Азии, заселенные и освоенные русским народом. Первые летописи и иностранные источники (например, Константин Багрянородный) свидетельствуют, что в X в. центром русской земли были города Киев, Чернигов, Переяславль в Среднем Поднепровье. В XII в. к русским землям относятся все территории расселения восточнославянских племен – полян, северян, радимичей, уличей, вятичей и др. По мере развития русского народа границы русской земли расширяются на все стороны света и особенно на

юг и восток. В XX в. границы русских земель охватили все территории Сибири и Дальнего Востока, Средней Азии, Кавказа и некоторых других, населенных нерусскими народностями.

Ядром русской земли были территории, населенные великороссами, т.е. той частью русского народа, которая избежала влияния католицизма и иудаизма. Именно на них легло главное бремя державного строительства в период татаро-монгольского нашествия, когда малороссы и белорусы оказались под польско-литовской оккупацией. В XIII в. центр русской земли перемещается в Ростово-Суздальское княжество и Новгород Великий. Дальнейшее приращение русской земли шло на восток и юг за счет территорий, освоенных преимущественно великороссами.

С XVIII в. до 1917 года в состав русской земли входили кроме собственно великороссийской территории европейской части России и Азии (включая Сибирь и Дальний Восток), Прибалтика, Малороссия, Белоруссия, Польша, Бессарабия, Северный Кавказ; с XIX в., кроме того, Финляндия, Закавказье, Средняя Азия и Памир. В 1914 территория России составляла 22,4 млн. км².

В 1914 Россия делилась на 81 губернию и 20 областей. Городов было 931. Часть губерний и областей объединены были в генерал-губернаторства (Варшавское, Иркутское, Киевское, Московское, Приамурское, Степное, Туркестанское и Финляндское). Официальными вассалами Российской империи были Бухарское ханство и Хивинское ханство. В 1914 под протекторат Российской империи был принят Урянхайский край.

С 1922 Россия стала называться Союзом Советских Социалистических республик (СССР).

Три четверти ее занимали великоросские территории. Общая площадь их составляла 17,08 млн. км². На них жили 133,7 млн. чел.

В середине XX в. на великоросских территориях кроме 49 областей и 6 краев находилось 16 крупных национальных образований, именуемых республиками (Башкирская, Бурятская, Дагестанская, Кабардино–Балкарская, Калмыцкая, Карельская, Коми, Марийская, Мордовская, Северо-Осетинская, Татарская, Тувинская, Удмуртская,

Чечено-Ингушская, Чувашская, Якутская), 5 автономных областей (Адыгейская, Горно-Алтайская, Еврейская, Карачаево-Черкесская, Хакасская), 10 национальных округов (Агинский Бурятский, Коми-Пермяцкий, Корякский, Ненецкий, Таймырский (Долгано-Ненецкий), Усть-Ордынский Бурятский, Ханты-Мансийский, Чукотский, Эвенкийский, Ямало-Ненецкий). В экономическом отношении выделяются 10 экономических районов: Северо-Западный, Центральный, Волго-Вятский, Центральночерноземный, Поволжский, Северо-Кавказский, Уральский, Западно-Сибирский, Восточно-Сибирский и Дальневосточный.

Великороссы составляли 85% населения, жившего на великоросских территориях. В 18 из 31 национальных объединениях или округах подавляющее большинство составляли великороссы (см. главу 17).

После великоросских территорий вторую по величине часть русской земли составляла Малороссия – 0,6 млн. км² (включая великоросские территории Новороссии и Крыма).

Малороссия расположена на юго-западе европейской части России. Малороссия неоднократно подвергалась оккупации со стороны Польши и Австро-Венгрии. Название «Малая Русь» появляется в XIV в. в период раздробленности Русского государства, когда оно распалось на Северо-Восточную, Юго-Западную и Западную Русь. Юго-Западная Русь стала называться Малороссией, включая в себя Галицко-Волынскую землю и Приднепровье. Название «Украина» применительно к Малороссии относилось к приграничным территориям, окраинам Русской земли. В частности, так называлась окраина Галицкой земли между реками Южный Буг и Серет, а также приграничные земли Галицко-Волынского княжества возле Западного Буга.

Польские и австро-венгерские оккупанты старались не использовать в официальном обороте названия «Русь» и «Малороссия», подчеркивающие русское происхождение территории. Вместо них ими внедряются разные искусственные названия – «Украина» (географическая нелепость, ибо название приграничных, окраинных территорий не могло распространяться на область Приднепровья),

«Герцогство Буковина», «Галиция и Лодомерия»). Оккупационные власти внушали русским (малороссам), что они особая нация – украинцы. В официальных документах запрещалось употреблять слова «малоросс», «русин». С 1904 галицийские русины (русские) стали именоваться в австрийских документах «украинцами». Готовясь к войне против России, австро-венгерские спецслужбы подготавливают планы отторжения от нее малороссийских губерний и создания под скипетром Габсбургов «Украинского королевства». С приходом к власти еврейских большевиков используемое столетиями историческое название «Малороссия» исчезает из официальных документов, заменяясь искусственно придуманным врагами русского народа понятием «Украина»¹, а малороссы начинают рассматриваться как особый народ – «украинцы».

В XVIII–XIX вв. русскими людьми осваиваются территории, получившие впоследствии название Новороссия, включающие губернии Херсонскую, Екатеринославскую и Таврическую (кроме Крыма), прорезанную нижним течением Днепра, Днестра и Буга.

Особое значение для русских людей имело освоение Крымского полуострова, имевшего большое стратегическое значение для развития Русского государства. Крым омывается на севере и юге Черным, а на востоке Азовским морями. На севере соединяется с Восточно-Европейской равниной Перекопским перешейком.

В I-м тысячелетии до н.э. в Крыму обитали племена киммерийцев, тавров и скифов (в неоднородный состав последних входили и восточнославянские племена). В III в. до н.э. в степной части Крыма возникло Скифское государство, значительная часть населения которого были славяне. В III–IV вв. на полуостров вторгаются полчища кочевых племен готов и гуннов, превративших цветущие

¹ Украина – древнерусское название окраинных, пограничных земель Русского государства между реками Южный Буг и Серет и в бассейне Западного Буга. Использовалось в значении «пограничная территория родной земли, Руси». После оккупации Малой Руси Польшей, а позднее и Австро-Венгрией название «Украина» распространяется на всю Малороссию и используется для вытеснения ее исторического названия в целях колонизации и онемечивания русских людей.

скифские поселения в руины. Плодами жестоких кочевников воспользовалась Византия, захватившая эти земли. Восточная часть Крыма с X в. входила в состав русского Тмутараканского княжества. В XIII в. в Крым вторглись монголо-татары и после ужасающей резни образовали здесь Крымский улус Золотой Орды.

После падения Золотой Орды в 1443 возникло Крымское ханство (с 1475 вассал Турции) – разбойничье государство, подавляющая часть населения которого занималась грабедом сопредельных стран, и прежде всего России. В течение нескольких столетий вооруженные отряды крымских татар проникали в глубь нашей страны, имея главной целью убийства, грабежи, насилие и захват пленников.

В борьбе с разбойниками участвовали русская армия, запорожское и донское казачество. Стремясь обеспечить безопасность южных областей и добиться выхода к Черному морю, русское государство с к. XVII в. начало борьбу за овладение Крымом. В ходе русско-турецкой войны 1768–74 русские войска овладели Крымом; по договору с ханом (1772) и Кючук-Кайнарджийскому миру 1774 Крымское ханство было объявлено независимым от Турции и переходило под покровительство России. На юге был ликвидирован очаг агрессии против русского народа. В 1783 Крым присоединен к России, в 1784 стал частью Таврической обл. (с 1787 губернии) с центром в Симферополе; в 1797–1802 входил в Новороссийскую губ., из которой вновь выделился (1802) в Таврическую губ.

Присоединение Крыма к России ускорило экономический рост Крыма, развивались овцеводство, зерновое хозяйство, садоводство, табаководство, виноградарство, ремесленные и кустарные промыслы (особенно соляной). Строились новые города. В 1783 был заложен Севастополь, ставший с н. XIX в. главным военным портом Черноморского флота. Со 2-й пол. XIX в. Южный берег Крыма использовался как курорт. Члены царской фамилии, а с 70–90-х представители знати и купечества строили там особняки и дворцы.

Во время Крымской войны 1853–1856 Крым был главным театром военных действий. В ходе войны русские войска и жители Севастополя под руководством адмиралов

В.А. Корнилова, П.С. Нахимова, В.И. Истомина в течение 11 месяцев героически обороняли город.

В 1921 декретом еврейских большевиков на полуострове была организована автономная республика Крымских татар (и это несмотря на то, что они составляли меньшинство населения). После оккупации Крыма Германией националистические организации крымских татар устроили этнические чистки, вырезав по благословению немцев не менее 60 тысяч русских людей, в большинстве своем женщин и детей. После освобождения полуострова от германских оккупантов И.В. Сталин приказывает выслать крымских татар в Среднюю Азию. В конце 1940-х на Крым претендуют еврейские националистические организации, вынашивающие замыслы устройства здесь Еврейской республики в составе СССР. Предложение это вызвало резко отрицательную реакцию Сталина, любившего этот край и часто проводившего там свой отпуск.

Через год после смерти Сталина Н.С. Хрущев совершает нелепый и незаконный политический акт: передает чисто великоросскую территорию Крыма в ведение малороссийских властей, по-видимому имея целью вызвать рознь между двумя братскими ветвями русского народа.

Особая судьба в течение многих веков была у Закарпатской Руси, Буковины и Подолии, впоследствии механически включенных в Малороссию.

Закарпатская Русь – историческое название одной из древнейших частей России, входившей в Малороссию. Население этой русской территории являлось частью восточнославянской этнической группы. В X–XI вв. входила в состав Киевской Руси. С XI в. оккупирована Венгрией, позже – Австрией и Австро-Венгрией, в 1919 – Чехословакией. Возвращена России в 1944. Центр Закарпатской Руси – город Ужгород.

Буковина – также историческая русская земля на юго-западе России. Свое название (впервые встречающееся в 1392) получила от массивов буковых лесов. Коренное население – русские племена тиверцев и уличей.

В X–XI вв. в составе Руси. В XII–XIII вв. в составе Галицко-Волынского княжества. В XVI–XVIII вв. подпала под иго турок, а затем австрийских Габсбургов. В 1812 Хотинс-

кий уезд Буковины возвращен России. Остальная же часть (кроме области Сучава) была возвращена России в 1940.

Подолія – русская земля по течению Днестра и Южного Буга. До 944 летопись упоминает о живших здесь славянских племенах, уличах и тиверцах. В древнейшие времена землю эту греки называли «Великая Скуфь». Можно утверждать, что в начале известного нам исторического времени эти племена были многочисленные и сильные, заселяли западную полосу позднейшей Подоліи, жили независимой жизнью и еще в к. XI в. обладали городскими центрами. До сер. XII в. летопись совершенно умалчивает об этом крае. Связанное общей жизнью с Киевом, население Подоліи постепенно было отрезано, благодаря натискам кочевников, – в н. X в. печенегов, в сер. XI в. половцев и др. С сер. XII в. начинают встречаться более определенные сведения о Подольской земле. Под 1144 упоминаются города, несомненно принадлежавшие Поднестровскому Подолью – Ушица и Микулин, под 1146 – города в Побужье – Божеск, Межибожье и Хотельница, 1147 – Бужск (Беляский), Шумск, Тихомль, Выгошев, Гноиница в том же Побужье. Из Подоліи делают попытки овладеть Галичем кн. Иван Берладник и сын его Ростислав. Земля эта с 1226 встречается под названием Понизья. Во время Даниила Галицкого некоторое время здесь господствовали враждебные ему галицкие бояре. При нашествии татар они овладевают сперва небольшой частью Понизья, и то после обратного движения с запада на восток. Даниил старался укрепить там города и замки. Что же касается Побужья, то в н. 2-й пол. XIII в. почти весь бассейн Южного Буга был или непосредственно занят татарами, или признавал их господство и выплачивал им дань, порвавши всякие обязательные отношения к Даниилу.

С XIII в. Подолія находится под оккупацией сначала татар, затем Литвы, а с XVI в. Польши. Возвращена России только после раздела Польши в 1793.

Одним из исторических ареалов древнерусского государства на юго-западе его территории была Молдавия. В VI в. на этих землях на многие века осели славяне (тиверцы и уличи), оказавшие большое влияние на местное население. В X–XI вв. территория Молдавии почти

целиком входила в состав Древнерусского государства. Вместе с русскими молдавские племена приняли Православие. В XII–XIII вв. Молдавия входит в состав русского Галицко-Волынского княжества. В Северной Молдавии, в Поднепровье, культура населения носила древнерусский характер. С 1456 Молдавия становится данницей Османской империи. В XV–XVII вв. население Молдавии борется с турецким игом. В этой борьбе с ним всегда был русский народ. При помощи Москвы, Киева и Львова в Молдавии в 1641 была открыта первая молдавская типография. Киеву Молдавия обязана и открытием Греко-славяно-латинской академии в Яссах (1640).

С сер. 1650-х молдаване неоднократно обращались в Москву с просьбой принять их в русское подданство. Усиление борьбы против турецких захватчиков связано с именем Петра I и молдавского князя Д. Кантемира. На пути к победе было немало поражений. Только в 1791 году турки были изгнаны из Молдавии, а ее жители приняты в русское подданство.

Нелегка была судьба Бессарабии – территории у Черного моря между реками Днестр, Прут и низовьями Дуная. В X–XI вв. входила в состав Руси. В XII–XIII вв. – в состав Галицко-Волынского княжества. В XVI–XVIII вв. оккупирована Турцией. Возвращена России в 1818. Временно отторгнута от России в 1856 (возвращена в 1878). Вновь отторгнута в 1918 (возвращена в 1940).

После Малороссии самой значительной частью русской земли является Белоруссия, расположенная в бассейнах среднего течения Днепра и Западной Двины, верхнего течения Немана и Западного Буга. Территория Белоруссии составляет 0,21 млн. км².

Белая Русь – название белорусских земель до XVIII в. Происхождение названия «Белая Русь» точно не выяснено. Возможно, оно обозначало западные земли Руси, не зависевшие в XIII–XIV вв. ни от татаро-монголов, ни от литовских оккупантов. Позже это название распространилось на все западные земли Руси.

На северо-западе болевой точкой России была Прибалтика, территория, примыкающая к Балтийскому морю, один из исторических ареалов Русского государства. В IX–XII вв. на

территории Прибалтики осели русские, оказавшие большое влияние на населявшие ее языческие племена эстов, латгал, жемайтийцев, явтяггов и др., неся им духовное просвещение и культуру. В латгальские племена, напр., Христианство пришло из Руси (почти все слова христианского культа заимствованы из русского языка), а административные округа у латгалов назывались по-русски – погостами.

В X–XII вв. территории Прибалтики фактически входили в состав Русского государства. В 1030 Ярослав Мудрый основывает здесь город Юрьев, а земли, населенные племенем эстов, принадлежат Руси. Латгальские земли входят частично в Полоцкое княжество, а частично принадлежат Пскову. К Галицко-Волынскому княжеству относятся земли будущей Литвы.

Ослабление Русского государства в результате татаро-монгольского нашествия привело к тому, что многие прибалтийские территории оказались захваченными немецкими оккупантами, осуществлявшими геноцид местного населения. Одновременно в 1240 возникло Великое княжество Литовское, языческая знать которого по культуре и вере была ниже народа, управляемого ею. Это искусственное и нежизнеспособное государственное образование не имело даже собственного государственного языка и использовало русский язык. Впоследствии оно было поглощено Польшей. На несколько веков Прибалтика оказалась под немецкой и польской оккупацией. В XVI в. Россия начинает борьбу за возвращение прибалтийских земель. В XVIII в. все они полностью вернулись в состав Русского государства, став одной из самых процветающих частей Российской Империи. Во время Первой мировой войны германский генштаб разработал план отторжения Прибалтики от России и присоединения ее к Германии. Промежуточным этапом стало создание на прибалтийских землях марионеточных республик (Эстонии, Латвии и Литвы), возглавляемых германскими агентами и политическими авантюристами.

Эти марионеточные прозападные режимы просуществовали два десятилетия и без особого труда пали в 1940. Прибалтика вернулась в состав России.

В течение пятидесяти лет в недрах западных спецслужб рассматриваются разнообразные проекты отторжения

Прибалтики от России. Они были осуществлены в период распада СССР, в 1991. Как и после Первой мировой войны, в Прибалтике создаются марионеточные государства, возглавляемые кадровыми сотрудниками ЦРУ и других западных спецслужб. США и их западноевропейские сателлиты превратили Прибалтику в военно-стратегический центр противостояния России, перевалочный пункт ее экономического ограбления. Фактически Прибалтика стала колонией Запада, одним из главных международных центров организованной преступности по торговле оружием, наркотиками, распространению проституции и содомитства. Наличие такого опасного соседа представляет серьезную угрозу национальной безопасности России.

На юге России в течение двух последних веков одним из ареалов национальных интересов русского народа был Кавказ. Он считался отдельной частью Российской Империи, расположенной между Черным и Каспийским морями, граничащей на юге с Ираном и Турцией, на севере – с Астраханской губ. и Областью войска Донского. Разделялся на Северный Кавказ, заключавший в себе Ставропольскую губ. и области Кубанскую и Терскую, и Закавказье, обнимавшее Тифлисскую, Бакинскую, Елисаветпольскую, Черноморскую, Кутаисскую, Эриванскую губернии и области Карскую и Дагестанскую; последняя располагалась по северную сторону Главного Кавказского хребта, между ним и хребтом Андийским.

Кавказ имел особое от Российской Империи управление, во главе которого с 1882 стоял «главноначальствующий гражданской частью на Кавказе»; в одном лице с ним соединялся командующий войсками Кавказского военного округа и войсковой наказной атаман всех кавказских казачьих войск. Во всех губерниях Кавказа были введены общие губернские учреждения, но казачье население этому гражданскому управлению не подчинялось, находясь всецело в ведении своего казачьего управления, в ведомстве военного министерства. В областях Дагестанской, Карской, в округах Закатальском (Тифлисская губ.), Сухумском, Батумском и Артвинском (Кутаисская губ.) еще в н. XX в. действовало временное, т. н. военно-народное, управление с местным народным судом.

Освоение Кавказа русским народом началось в XVI в., когда племена этой территории находились под игом турецких и персидских оккупантов. В 1564 кахетинский царь Леон обращался за помощью к России. Леон первым из грузинских царей был принят Иваном Грозным, обласкан им и взят «под царскую руку». В 1586 царь Федор подписал акт, установивший протекторат России над Грузией.

Смутное время в России приостановило процесс освоения Кавказа. Столетия, предшествующие возрождению Грузии под властью русских царей, представляли почти непрерывный ряд «войн, разорений, грабежей, убийств и измен». Чтобы спасти Грузию от окончательной гибели, грузинский царь Ираклий признает над собой верховную власть русского Императора. В 1783 был подписан Георгиевский договор. Другой грузинский царь Георгий в 1801 объявляет о присоединении к России и о принятии грузинами российского подданства.

Враги русского народа развязывают на Кавказе против России войну. Разбойничьи набеги диких кавказских племен на русскую армию и поселения организуют Турция и Персия, за спиной которых стояли западные страны, и прежде всего Англия, Франция и Германия.

Эту войну, названную кавказской, можно разделить на четыре периода: до А.П. Ермолова, во время Ермолова (1816–26); от удаления Ермолова до князя А.И. Барятинского (1826–56) и во время кн. А.И. Барятинского. До назначения Ермолова война велась не систематически и целью ее было оградить Грузию от набегов и охранять Военно-Грузинскую дорогу. Нежелание горцев допустить эту дорогу через их землю и их вековые счеты с христианами Закавказья делали задачу трудновыполнимой. Ермолов это вполне понял и поставил целью покорение Кавказа. Когда же ему удалось к этому склонить Александра I, он энергично взялся за дело: отказался от походов в горы с целью наказания горцев, а начал постепенно занимать линию за линией, строить укрепления, рубить просеки, прокладывать дороги. При Ермолове окончательно замирены кабардинцы и разные мелкие племена по Тереку и на окраинах Дагестана. В 1826 деятельность Ермолова была прервана, а войны, персидская и турецкая, ободрили

горцев и отвлекли русские силы. Тридцать лет затем опять вели войну по плану до Ермолова, т.е. делали трудные и опустошительные походы в горы и возвращались, разорив более или менее значительное число аулов и получив изъявление покорности. Эта покорность была только наружная, и озлобленные разорением горцы мстили новыми нападениями.

В это же время развился среди горцев мюридизм, объединивший шиитов и суннитов в борьбе за веру, а во главе движения стал имам Шамиль. Успехи Шамиля в эпоху Крымской войны и высадка Омара-паши в Абхазии и Мингрелии показали опасность неумиротворенного Кавказа.

Новый наместник Кавказа, кн. Барятинский, поставил задачу покорения Кавказа по плану Ермолова. В течение 1857–59 ему удалось покорить весь восточный Кавказ, взять в плен самого Шамиля и всех его сподвижников. В следующее пятилетие был покорен и западный Кавказ, а населявшим его черкесским племенам (абадзехи, шапсуги и убыхи) было предложено выселиться из гор в степь или переселиться в Турцию. Небольшая часть выселилась в степь; преобладающее большинство эмигрировало в Турцию.

Умиротворение Кавказа стало великим благом для населяющих его племен. В течение полувека они жили в мире и процветании. Революция 1917 расколола Кавказ, вернула его в XVIII в. Еврейские большевики, следуя принципу «разделяй и властвуй», раскроили Кавказ на целый ряд псевдосамостоятельных республик и областей, стимулируя тем самым национальное противостояние отдельных народов.

Национальные границы, созданные на Кавказе большевиками, дали о себе знать сразу же после распада СССР. Большая часть Кавказа оказалась в состоянии войны всех против всех, и в первую очередь против России. Две главные кавказские «республики» – Грузию и Азербайджан возглавили агенты влияния США, много лет сотрудничавшие с западными спецслужбами, бывшие члены Политбюро ЦК КПСС, Шеварнадзе и Алиев. Грузия и Азербайджан стали своего рода военной базой НАТО, одним из военно-политических центров противостояния России в этом регионе.

Говоря о русских землях, нельзя не упомянуть и те из них, которые в свое время были открыты и частично освоены русскими людьми, а затем перешли под юрисдикцию других государств. Речь прежде всего идет об Аляске и части Северной Калифорнии. Аляска – территория на крайнем северо-западе Северной Америки, до 1867 принадлежала России. Первые отдельные сведения об Аляске русские землепроходцы получили в к. XVII в. На карте С.У. Ремезова (1701) на основе данных В. В. Атласова и др. Аляска изображена в виде острова. Практические результаты по обследованию Аляски были достигнуты в 1732 (И. Федоров и М. Гвоздев). В итоге экспедиций В.И. Беринга и А.И. Чирикова (1728, 1729, 1741) были получены важнейшие данные о природе и населении части побережья Аляски. С экспедицией 1741 принято связывать открытие Аляски. С сер. 40-х до к. XVIII в. к берегам Америки было совершено более 80 исследовательских и торгово-промысловых экспедиций. Активное участие в них с 1770-х принимал купец-предприниматель Г.И. Шелихов, основавший в 1784 первое русское поселение на о. Кадьяк.

В марте 1867 имп. Александр II, грубо поправ законы Российской империи, установленные еще Петром I, продал Аляску США за 7,2 млн. долларов. В результате этого незаконного акта от России была отторгнута территория площадью 1519 тыс. км².

ГЛАВА 15. Русский народ. – Великороссы. – Малороссы. – Белорусы. – Национальное строительство. – Объединение более 100 народов в едином государстве. – Страна милости, а не ненависти.

Русский народ состоит из трех родственных ветвей – великороссов, малороссов и белорусов, произошедших от древнерусской народности (IX–XIII вв.), сложившейся из восточнославянских племен. В IX в. в пределах территории нынешней Европейской России жили следующие восточнославянские племена: новгородские славяне – у

озера Ильмень и по Волхову; кривичи – по Западной Двине и на верховьях Днепра; дреговичи – между Припятью и Березиной; радимичи – между Днепром и Сожью; северяне – по Днепру до Сулы; поляне – по Днепру от Припяти до Роси; древляне – по Припяти, Горыни, Случи и Тетереву; волыняне (бужане, дулебы) – по Западному Бугу; тиверцы и уличи – по нижнему течению Днепра и Днестра; вятичи – по Оке. По мнению многих исследователей, наименование «русские» восходит к названию одного из славянских племен – родиев, россов, или русов. Из их земли в Среднем Поднестровье это название распространилось на всех жителей древнерусского государства, включая и неславянские племена.

К н. XX в. русский народ насчитывал 88 млн. человек, включая великороссов, малороссов (украинцев, полещуков), русинов, или галичан (покутян, подолаков, бойков, гуцулов, горал), и белорусов. В общей численности населения российского государства русский народ составлял 67%: в Европейской России (включая 10 губерний Царства Польского) – 80%, в Сибири – 80%, на Кавказе – 34%, в Средней Азии – 9%, в 10 губерниях Царства Польского – ок. 7% населения.

Каждая из ветвей русского народа имеет свои этнографические особенности, в силу которых она разделяется на ряд этнографических групп.

Среди великороссов наиболее крупные, различающиеся по наречиям языка («окающий» и «акающий») и особенностям в постройках, одежде, некоторых обрядах и т.п., – северные и южные великорусы. Связующее звено между ними – средневеликорусская группа, занимающая центральный район – часть Волго-Окского междуречья (с Москвой) и Поволжья; она имеет в языке и культуре как северно-, так и южновеликорусские черты. Более мелкие этнографические группы великороссов – поморы (на берегу Белого моря), мещёра (в северной части Рязанской обл.), различные группы казаков и их потомков (на рр. Дон, Кубань, Урал, Терек, а также в Сибири); старообрядческие группы – «поляки» (на Алтае), «семейские» (в Забайкалье), «каменщики» (на р. Бухтарма в Казахстане); особые группы составляют великороссы на Крайнем Севере (по

рр. Анадырь, Индигирка, Колыма), воспринявшие черты окружающих народов.

Ряд этнографических групп существует и среди малороссов: центрально-восточная (юго-восточная), северная (полесы) и западная (юго-западная). Среди белорусов выделяются полешуки (полешуки) – жители полесья; наиболее своеобразны среди них пинчуки – население Пинского Полесья.

В 1-й пол. XX в. (до 1939) доля русских среди других народов России увеличилась до 87%. Рост этот прежде всего объяснялся возвращением западнорусских земель и выходом из ее состава территорий Польши и Финляндии. Однако с начала Великой Отечественной войны доля русских среди других народов России стала снижаться. Ниже приводятся данные об удельном весе русских среди других наиболее многочисленных народов России.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ – СССР¹

Годы	1939	1959	1970	1979
<i>Все население в %</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>
Русские	87,1	76,3	74	72
<i>в том числе:</i>				
великороссы	58,4	54,7	53,4	52,4
малороссы	16,6	17,8	16,9	16,1
белорусы	3,1	3,8	3,7	3,6
Узбеки	2,9	2,9	3,8	4,8
Казахи	1,8	1,7	2,2	2,5
Грузины	1,3	1,3	1,3	1,4
Азербайджанцы	1,3	1,4	1,8	2
Литовцы	0,02	1,1	1,1	1,1
Молдаване	0,1	1,1	1,1	1,1
Латыши	0,1	0,7	0,6	0,5
Киргизы	0,52	0,5	0,6	0,7

¹ Рассчитано по: Народное хозяйство СССР в 1960 г. С. 14; СССР в цифрах в 1979 г. С. 15; СССР: энциклопедический справочник. М., 1979, с. 28–29; БСЭ. СССР. М., 1947, с. 60.

Таджики	0,7	0,7	0,9	1,1
Армяне	1,3	1,3	1,5	1,6
Туркмены	0,5	0,5	0,6	0,7
Эстонцы	0,1	0,5	0,4	0,4
Татары	2,5	2,3	2,4	2,4
Евреи (без «скрытых евреев»)	1,9	1,1	0,9	0,7

Разрушение Российского государства в 1991 расчленило единый организм русского народа, для которого вся Россия – Российская Империя – СССР была исторической Родиной.

В одночасье десятки миллионов великорусов, малороссов, белорусов стали иностранцами в своей стране.

В частности, из 146 млн. великорусов такой статус получили почти 27 млн. чел., из них 6230 тыс. чел. живут в Казахстане, 1650 тыс. – в Узбекистане, 917 тыс. – в Киргизии, 905 тыс. в Латвии, 562 тыс. – в Молдавии, 475 тыс. – в Эстонии, 392 тыс. – в Азербайджане, 388 тыс. – в Таджикистане, 345 тыс. – в Литве, 341 тыс. – в Грузии, 334 тыс. – в Туркмении, 51 тыс. – в Армении. Около 2 млн. великорусов живут в Северной и Южной Америке и Европе.

В общей численности населения великорусских территорий так называемой Российской Федерации доля великороссов составляет 85%. Доля русских (без малороссов и белорусов) в среднем преобладает и среди населения национальных автономий (46%), тогда как доля титульных наций (т.е. тех народов, которые дали название автономиям) составляет 38%.

В 18 из 31 национальных территорий русские (без малороссов и белорусов) составляют более 50% (см. таблицу на след. стр.).

За более чем тысячелетнюю историю России в ее состав вошли свыше 100 больших и малых народов, различных по языку, культуре, особенностям быта. Такого интенсивного национального строительства не знала ни одна другая страна в мире.

Чтобы понять главный принцип национального строительства России, осознать, почему она выросла в великую державу, сумела объединить и сплотить вокруг себя мно-

ВЕЛИКОРОССЫ СРЕДИ ДРУГИХ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Национальная автономия	Население. Всего чел.	Доля великороссов в автономии. %	Доля титульной нации в населении автономии. %	Доля проживающих в автономии по отношению к общей численности титульной нации. %
Корякский округ	39.940	62,0	24,8	34,9
Бурятия	1.038.252	69,9	24,0	59,3
Адыгея	432.046	68,0	22,1	77,7
Таймырский округ	55.803	67,1	14,9	7,0
Эвенкийский округ	24.769	67,5	14,0	11,6
Ненецкий округ	53.912	65,8	11,9	18,3
Чукотский округ	163.934	66,1	9,5	78,5
Хакасия	556.861	80,9	11,3	80,1
Карелия	790.150	73,6	10,0	63,2
Ямало-Ненецкий округ	494.844	59,2	6,0	59,8
Еврейская	214.085	83,2	4,2	1,7
Ханты-Мансийский округ	1.282.396	66,3	1,4	60,4
Якутия	1.094.065	50,3	33,4	96,1
Усть-Ордынский округ	135.870	56,5	36,3	11,7
Башкирия	3.943.113	39,3	21,9	64,2
Мордовия	963.504	60,8	32,5	29,2
Удмуртия	1.605.663	58,9	30,9	69,5
Алтайская республика	190.831	60,4	31,0	85,2
Коми	1.250.847	57,7	23,3	86,7
Дагестан	1.802.188	9,2	75,1	77,4
Чечня	1.270.429	23,1	70,7	80,6
Чувашия	1.338.023	26,7	67,8	51,1
Тува	308.557	32,0	64,3	96,3
Кабардино-Балкария	753.531	31,9	57,6	93,5
Северная Осетия	632.428	29,9	53,0	83,2
Коми-Пермяцкий округ	158.526	36,1	60,2	64,8
Агинско-Бурятский округ	77.188	40,8	54,9	10,1
Калмыкия	322.579	37,7	45,4	88,2
Татарстан	3.641.742	43,3	48,5	32,0
Карачаево-Черкесия	414.970	42,4	40,9	84,4
Марийская	749.332	47,5	43,3	50,4
ИТОГО:	25.800.378	45,7	37,6	54,7

жество народов и племен, следует прежде всего обратиться к словам св. блгв. кн. Александра Невского: «Не в силе Бог, а в правде». Эти слова, ставшие народной пословицей, духовно пронизывают всю русскую историю, придавая положительный тонус национальному и государственному строительству.

«Россия, – писал великий русский мыслитель И.А. Ильин, – есть не случайное нагромождение территорий и племен и не искусственный слаженный «механизм» «областей», но живой, исторически выросший и культурно оправдавшийся организм, не подлежащий произвольному расчленению. Этот организм есть географическое единство, части которого связаны хозяйственным взаимопониманием; этот организм есть духовное, языковое и культурное единство, исторически связавшее русский народ с его национальными младшими братьями духовным взаимопитанием; он есть государственное и стратегическое единство, показавшее миру свою волю и свою способность к самообороне; он есть сущий оплот европейско-азиатского, а потому и вселенского мира и равновесия».

Величие России заключалось в том, что она никогда не полагалась на насилие (это, конечно, не означало полный отказ от его использования). Всем народам, входившим в Российское государство, давались права, равные с русским народом, и вместе с тем сохранялись их многие древние права. Русское государство не уничтожало правящей иерархии малых народов, а, как правило, включало ее в состав своего правящего класса. Более того, Русское государство освобождало представителей некоторых народов от обязанностей уплаты налогов и рекрутской повинности.

Российское государство строилось не на насилии, а на духовных началах русского народа, величие которых сознательно и бессознательно понималось многими малыми народами. Великая русская культура духовно подчиняла себе, заставляя служить не за страх, а за совесть.

«Русский человек всегда наслаждался естественной свободой своего пространства, вольностью безгосударственного быта и расселения и нестепенностью своей внутренней индивидуализации; он всегда «удивлялся» другим

народам, добродушно с ними уживался и ненавидел только вторгающихся поработителей; он ценил свободу духа выше формальной правовой свободы – и если бы другие народы и инородцы его не тревожили, не мешали ему жить, то он не брался бы за оружие и не добивался бы власти над ними» (И.А. Ильин).

Коренное отличие Российского государства от всех существовавших ранее империй: Римской, Византийской, Британской, Германской – состояло в том, что оно не эксплуатировало нерусские народы, входившие в его состав, а, более того, предоставляло им значительную помощь и поддержку, создавая равные для всех экономические условия существования. Если в отношении всех перечисленных выше империй можно сказать, что в них центр и имперский народ жил за счет грабежа и эксплуатации окраин и колоний, постоянно богатея за их счет, то в России многие окраины жили за счет центра и щедрости русского народа, имея равный доступ ко всем богатствам Российского государства и практически бесплатно получая военную защиту от внешнего врага.

Маловероятно, что на географической карте существовали бы сегодня такие государства, как Грузия, Армения, Азербайджан, Молдавия, если бы Россия в свое время не спасла их от разгрома Османской империей, или такие географические территории, выступающие сегодня в роли государств, как Эстония и Латвия, если бы русская нация не остановила немецкое движение, подчинившее себе все и физически уничтожившее коренные народы, как это было сделано с жителями той же Прибалтики – пруссами.

Обладая высоким чувством национального достоинства, русские никогда не считали себя выше других народов, терпимо и с пониманием относились к проявлению национальных чувств других народов.

«Православная терпимость – как и русская терпимость, происходит, может быть, просто-напросто вследствие великого оптимизма: правда все равно свое возьмет – и зачем торопить ее неправдою? Будущее все равно принадлежит дружбе и любви – зачем торопить их злобой и ненавистью? Мы все равно сильнее других – зачем культивировать чувство зависти? Ведь наша сила – это сила отца, творящая и

хранящая, а не сила разбойника, грабящего и насилующего. Весь смысл бытия русского народа, весь «Свете Тихий» православия погибли бы, если бы мы хотя бы один раз, единственный раз в нашей истории, стали бы на путь Германии и сказали бы себе и миру: мы есть высшая раса...» Совсем иначе к другим народам относятся представители западной цивилизации. «Европеец, воспитанный Римом, презирает про себя другие народы и желает властвовать над ними» (И.А. Ильин).

Русское государство спасло многие народы от уничтожения, предоставив им равные с русскими людьми права и возможности развития, которые вплоть до 1917 реализовывались безо всяких существенных ограничений. Русский центр проводил политику гармонизации отношений между отдельными народами, начисто отрицая типично имперскую политику «разделяй и властвуй», которая была бессмысленна в отношении с народами, имевшими права, равные с русскими.

В силу всего сказанного к Российскому государству неприменимо название «империя». Тот, кто использует его, видит только некоторые формальные признаки (объединение народов при одном центре), но не понимает существа дела (отсутствие эксплуатации центром народов периферии). Всю катастрофичность существования вне Российского государства отпавшим от нее народам предстоит еще испытать, чему пример – сегодняшние события в Закавказье и Средней Азии.

Разница в подходе к государственному строительству Руси и государств будущей западной цивилизации (находившейся тогда в эмбриональном состоянии) видна на примере отношений славян и германцев.

В XI в. славяне жили в самом центре Европы: от Киля до Магдебурга и Галле, за Эльбой, в «Богемском лесу», в Каринтии, Кроации и на Балканах. Как отмечает И.А. Ильин, «германцы систематически завоевывали их, вырезали их верхние сословия и, «обезглавив» их таким образом, подвергали денационализации». Такое решение национального вопроса через денационализацию и истребление германцы применяли и к другим народам. Присоединение к Руси новых земель происходило, как правило, мирно и

бескровно. Главным аргументом здесь было не оружие и террор, а осознание народами новых земель преимуществ существования в составе Руси как мощного фактора государственного порядка, помощи и защиты от внешних посягательств. Карелия и часть Прибалтики стали частью Русской земли еще в IX–X вв., а с XV в. идет массовое заселение этих земель русскими крестьянами. Земли Коми вошли в Русское государство в XI–XV вв.

Гибель разбойничьего государства Казанского ханства предопределила переход под руку России земель башкиров, марийцев, татар, удмуртов, чувашей.

Присоединение Сибири началось после победных походов Ермака и завершилось к к. XVII в. «Россия, – писал лорд Дж. Керзон, – бесспорно обладает замечательным даром добиваться верности и даже дружбы тех, кого она подчинила. Русский братается в полном смысле слова. Он совершенно свободен от того преднамеренного вида превосходства и мрачного высокомерия, который в большей степени воспламеняет злобу, чем сама жестокость».

В имперском своем могуществе Россия объединяла – в прошлом. Должна быть терпима и не исключительна в будущем – исходя именно из всего своего духовного прошлого. Истинная Россия есть страна милости, а не ненависти (Б.К. Зайцев).

ЦАРЬ И РУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПОРЯДОК

ГЛАВА 16. Сочетание сильной центральной власти с местным самоуправлением. – Царь. – Идея самодержавной власти.

Русский государственный порядок с древнейших времен строился на сочетании сильной центральной власти с местным самоуправлением городов и сельских общин. Даже в период феодальной раздробленности каждый удел воспроизводил этот принцип государственного строительства. По мере развития русской государственности племенной вождь, князь, удельный князь, великий князь и, наконец, царь, обладая огромной или даже неограниченной властью, считали своей обязанностью уважать и сохранять народные традиции местного самоуправления.

Окруженная с запада, юга и востока многочисленными ордами врагов, Россия постоянно нуждалась в могучем государственном вожде, способном объединить все силы народа на борьбу с ними. Русское государство строилось на полном подчинении личности интересам государства в лице вождя, князя, царя. «В обществе, – писал историк Н. Павлов-Сильванский, – развито было сознание о первой обязанности каждого подданного служить государству по мере сил и жертвовать собою для защиты Русской земли и Православной христианской веры. Служилый человек обязан нести ратную службу в течение всей своей жизни и «биться до смерти с нагайскими или немецкими людьми, не щадя животы». Посадские люди и волостные крестьяне должны жертвовать своим достоинством для помощи ратным людям. Все классы населения прикреплены к службе или тяглу, чтобы «каждый в своем крепостном уставе и в царском повелении стоял твердо и непоколебимо».

Царь (лат.: Caesar), в понятиях Святой Руси помазанник Божий, священное лицо, представитель Бога на земле, самодержец, стоящий над всеми сословиями, издающий законы и следящий за их исполнением, вольный казнить и миловать своих подданных.

В России титул Царя впервые принял Иван IV Грозный в 1547. С 1721 русские Цари стали официально называться Императорами. С 1815 название «Царь» снова ввели в титул в виде «Царь Польский». В народе название «император» не прижилось, и чаще всего по-прежнему использовалось слово «Царь».

Народ видел в Царе воплощение Родины и Государства и добровольно передавал ему свою жизнь на общее благо. Народ оставлял за собой нравственную общественную свободу и вручал Царю бремя государства.

«Царь для русского человека, – отмечал А.С. Хомяков, – есть представитель целого комплекса понятий, из которого само собой слагается «бытовое» Православие. В границах этих всенародных понятий Царь полновластен; но его полновластие (единовластие) – самодержавие – ничего общего не имеет с абсолютизмом западнокеесарского пошиба. Царь есть «отрицание абсолютизма» именно потому, что он связан пределами народного понимания и мировоззрения, которое служит той рамой, в пределах коей власть может и должна почитать себя свободной»¹.

Эта мысль Хомякова очень важна для понимания одного из главных принципов русской цивилизации. Самодержавие ограничено традицией и народным преданием. Царь не вмешивается в дела крестьянской общины, которые регулируются обычным крестьянским правом, он воздерживается от вторжения в дела окраинных народов, если только они не приобретают угрожающий характер, и т.п. Это, конечно, не означает, что он не может этого делать, но не делает этого, чтобы не нарушать традиционный государственный порядок, изменение которого чревато общественными потрясениями.

«Русский народ, – писал К.А. Аксаков, – государство не хочет. Он хочет оставить для себя свою не поли-

¹ Хомяков Д.А. Православие – Самодержавие – Народность. Монреаль. 1982, с.114.

тическую, свою внутреннюю общественную жизнь, свои обычаи, свой быт – жизнь мирную духа... Не ища свободы политической, он ищет свободы нравственной, свободы духа, свободы общественной – народной жизни внутри себя. Как единый, может быть, на земле народ христианский (в истинном смысле слова), он помнит слова Христа: воздайте кесарево кесареви, а Божие Богови, и другие слова Христа: Царство мое несть от мира сего; и потому, предоставив государству царство от мира сего, он, как народ христианский, избирает для себя иной путь – путь к внутренней свободе и духу, к царству Христову: Царство Божие внутри нас есть».

Идея самодержавной власти сложилась на Руси не сразу и имела своих противников, прежде всего в лице удельных князей. В «Повести временных лет» монах Нестор отвергает единодержавство как несправедливое и незаконное, считая лучшим удельное династическое княжение: «каждо да держит отчину свою», а признавая центром единства Руси только церковь. Однако такой взгляд на благо Русской земли противоречил интересам ее целостности и единства. Митр. Иларион стоит уже на точке зрения самодержавия как единственно возможной для сохранения целостности и мощи Русского государства. Самодержавие, считал он, может осуществить эту задачу, только опираясь на православную церковь; таких же взглядов придерживается его современник Иаков Мних, считавший, что чем мощнее единодержавие, тем сильнее и заступничество Бога.

Царская власть в России, справедливо отмечает И.Л. Солоневич, была функцией политического сознания народа, и народ, устанавливая и восстанавливая эту власть, совершенно сознательно ликвидировал всякие попытки ее ограничения¹.

Русская монархия, писал Л.А. Тихомиров, «представляет один из величайших видов монархии, и даже величайший. Она родилась с нацией, жила с нею, росла совместно с ней, возвеличивалась, падала, находила пути общего воскресения и во всех исторических задачах стояла неизменно во главе национальной жизни. Создать больше

¹ Солоневич И. Народная монархия. М., 1991, с. 402–409.

того, что есть в нации, она не могла, это, по существу, невозможно. Государственная власть может лишь, хорошо ли, худо, полно или неполно, реализовать то, что имеется в нации. Творить из ничего она не может. Русская монархия за ряд долгих веков исполнила эту реализацию народного содержания с энергией, искренностью и умелостью»¹.

Развитие и укрепление идеи самодержавной власти в национальном сознании диктовались требованиями жизни. Ордынский разгром Руси показал, насколько пагубна для страны раздробленность единого народа на отдельные территориальные образования. В борьбе против Орды старые идеи единодержавия приобретали новую силу, находили новое обоснование. Сама жизнь доказала преимущества самодержавия, и первый российский государь, потряхнувший ордынское иго, почувствовал себя настоящим единодержцем.

По мысли Иосифа Волоцкого, его власть от Бога, ему подчиняются все христиане, в том числе духовенство. В его руках «милость и суд, и церковное и монастырское, и всего православного христианства власть и попечение».

Коренные русские люди всегда относились к Царю с чувством глубокого почитания, высшего уважения и любви. Для них он был воплощением Родины и Государства, символом России, неразделимо связанным с именем Бога. «Русский Бог – велик», – считал русский человек. «Русским Богом да русским Царем святорусская земля стоит, русский народ – царелюбивый».

«Нельзя быть земле русской без государя», – говорят народные пословицы. «Нельзя земле без Царя стоять, без царя земля – вдова». «Грозно, страшно, а без царя нельзя». «Светится одно солнце на небе, а царь русский на земле».

А почему? А потому, что «без Бога свет не стоит, без Царя земля не правится». «Бог на небе, Царь на земле». «Один Бог, один государь». «Все во власти Божьей и Государевой».

В народном сознании: «Народ – тело, Царь – голова». «Государь – батюшка, земля – матка». «Царь города бережет». «Царь от Бога пристав».

¹ Т и х о м и р о в Л. Монархическая государственность. Мюнхен, 1923. Т. 2, с. 201.

«Сердце царево в руке Божьей».

Царь – помазанник Божий, и потому все, что он делает доброго, – Божья воля. «Кого милует Бог, того жалует Царь». «Виноватого Бог простит, а правого Царь пожалует». «Вся жизнь человеческая – служение Богу и государю». «Где ни жить – одному Царю служить». «За Богом молитва, за Царем служба не пропадет».

В народном сознании Царь обладает всеми высшими характеристиками. «Где Царь, там и правда», – говорит русский человек. «Всякая вещь перед Царем не утаится». «У Царя руки долги». «Царский глаз далече сягает». «Нет больше милосердия, как в сердце царевом». «Богат Бог милостию, а государь жалостию». «У Бога да у Царя всего много». «Все ведает Бог и государь». Да и вообще слово «Царь» выражает принцип высшего совершенства. Отсюда – «Царь-колокол», «Царь-пушка», «Царь-девица», «Царь-земля».

«Государь только Богу ответ держит», – считает русский человек. «Царский гнев и милость в руке Божьей». Но ответственность Царя перед Богом очень велика – ибо «За царское согрешение Бог всю землю казнит, за угодность милует». «Народ согрешит – Царь умолит; Царь согрешит – народ не умолит».

Все русские люди – «душою Божьи, а телом государевы».

«Царь думает, а народ ведает». «Воля царская не судима». От народа Царь требует прежде всего правды – «Царю правда нужна». «Царю правда – лучший слуга».

«Правда Божья, а суд царев». «Правда Божья, а воля царская». «Воля Царя – закон». «На все святая воля царская». «Все во власти Божьей и государевой». «Суди меня Бог и Государь!».

По мнению народа, если у Царя и случается ошибка или неправда, виноват не он, а его окружение. «Не от Царей угнетение, а от любимцев царских». «Не Царь гнетет народ, а временщик». «Не Царь грешит, а думцы наводят».

В сознании русского человека крепко держится чувство обязанности всегда молиться за Царя – «Не всяк Царя видит, а всяк за него молит». «Государь-батюшка, надежда Православный Царь».

В народном сознании образ Царя венчал сумму духовных ценностей русской цивилизации. Многие века народное сознание рассматривало Царя как связующее звено между Богом и Отечеством. Лозунг «За Бога, Царя и Отечество» выражал ядро русской национальной идеи, доступной любому русскому. Злодейское убийство царской семьи в 1918 рассматривается русскими как удар в сердце Святой Руси, намеренное уничтожение тех начал, которые были и будут всегда святы, хранятся вечно в родовом сознании и психологии народа.

ГЛАВА 17. Удерживающий. – Москва – Третий Рим. – Степенная книга.

Более глубокое осознание идеи самодержавной власти на Святой Руси связано с понятием Удерживающего и учением о Москве как Третьем Риме.

Удерживающий – христианское мистическое понятие, связанное с противостоянием действию тайны беззакония иудаизма и сатанизма, впервые использовано ап. Павлом (2 Сол. 2: 1—4, 6—8). Как отмечает русский исследователь Е. Е. Алферьев, Удерживающим здесь называется глава величайшего христианского государства, каковым была в то время Римская империя. Русская Православная Церковь с полным правом и основанием относит эти слова св. апостола к русскому Царю, наследнику православных христианских императоров Рима и Византии, возглавителю Третьего Рима – православного Самодержавного Царства. Он был священным лицом, преемственным носителем особой силы благодати Святого Духа, которая действовала через него и удерживала распространение зла. Император Николай II был глубоко проникнут сознанием этой лежащей на нем религиозно-мистической миссии. После отречения Николая II роль Удерживающего перешла к Царице Небесной, о чем русскому народу было объявлено через явление иконы Божией Матери, названной «Державной».

Идеологическое обоснование великой христианской миссии русских царей содержится в православном учении

о Третьем Риме. Наиболее последовательное его изложение содержится в трудах старца псковского Елеазарова Трехсвятительского монастыря Филофея, жившего в к. XV – 1-й пол. XVI в. В посланиях к великому кн. Василию III, царю Ивану IV, дьяку М.Г. Мисюрю-Мунехину Филофей писал, что русский царь является наследником величия римских и византийских императоров, а Москва по своему духовному значению является Третьим Римом. Обращаясь к царю, он писал, что «все царства православной веры сошлись в твое единое царство, во всей поднебесной ты один христианский царь». Но власть самодержцу нужна не сама по себе, а чтобы быть щитом «правой веры», защищать православие как добротолубие, сохранять ценности русской цивилизации от попыток разрушить их со стороны Запада, Филофей подчеркивает преемственность русского самодержавия от Владимира Святого и Ярослава Мудрого, обосновывая деятельность Ивана IV как духовного наследника государственного строительства, начатого ими.

Филофей обосновывает идеи преемственности ведущей роли Москвы, Русского государства в христианском мире после утраты ее Константинополем. *«Первый Рим, – писал Филофей, – пал от нечестия, второй (Константинополь) – от засилия агарянского (мусульманского), Третий Рим – Москва, а четвертому – не бывать».*

Русский народ принял миссию Третьего Рима не по принципу национализма, а исключительно в силу уверенности в своем Православии, в святости Руси. Все происходящее в жизни людей и народов определяется и совершается Всевышнею и Всесильною Десницею Божиею; Мощию и Промышлением Божиим возводятся на престолы цари и достигают своего величия; во всемогуществе Бога и его Промысле – источник правды на земле. Действием Промысла Божия, согласно пророческим книгам, пал старый Рим вследствие уклонения в ересь Аполлинария и служения на опресноках; за ним пал и новый Рим, т.е. Константинополь, вследствие измены православию на VIII Соборе и принятия латинства. Поэтому София Цареградская была попорана и сделалась достоянием внуков Агари. Остается невредимую только славная соборная церковь Успения Бо-

жией Матери всей новой и великой Руси – Третьего Рима. Эта общерусская святыня сияет своим благочестием во всей вселенной ярче солнца. Третий Рим есть последний в историческом бытии человечества. Четвертому Риму не бывать. Так в последовательном ходе исторической жизни народов все православные христианские царства пали и слились в одно царство русское, вследствие чего русский царь является единственным христианским царем во всем поднебесье. Царство русское есть последнее мировое царство, за которым наступит вечное царство Христа¹.

В к. XV – 1-й пол. XVI в. русская православная монархическая мысль закладывает прочный фундамент дальнейшего развития царской власти.

В послании бывшего митр. Киевского Спиридона-Саввы излагается история о легендарном происхождении великих князей Владимирских и Московских от Пруса, брата императора Августа. Оно содержало идеи, которые вошли в чин венчания на царство Ивана IV и Федора Иоанновича.

В 1563 по предложению митр. Макария царским духовником Афанасием создается Степенная книга («Книга степенная царского родословия») – официальный исторический документ, доказывающий высшее божественное происхождение власти русских государей. В книге излагается история Руси от Рюрика до Ивана Грозного, привлекается множество исторических источников. Главный летописный источник книги – Никоновская летопись. Составитель Степенной книги в своей работе опирался на «Слово похвальное о благоверном и великом князе Борисе Александровиче», на «Сказание о князьях Владимирских» и др.

Изложение событий русской истории, наиболее важных с точки зрения составителя, разбито на 17 степеней (граней) и излагается в форме жизнеописаний древнерусских правителей по степеням родства. Причем членение исторического материала делается не по великими княжениям, а по княжениям московским. Период правления каждого князя составляет определенную грань в истории, поэтому

¹ М а л и н и н В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901. Цит. по: И. А. Кириллов. Третий Рим. М., 1996, с. 34.

центральным произведением каждой степени является княжеская биография. Все князья наделяются качествами идеальных мудрых правителей, отважных воинов и благочестивых христиан. Последовательно проводится мысль о преимуществе единой государственной формы правления, установленной на Руси еще Киевскими князьями. Подчеркивается необходимость укрепления церкви, умножения ее богатств, почитания ее святынь¹.

ГЛАВА 18. Русское самоуправление. – Вече. – Дружина. – Земские соборы. – Губная организация. – Земские учреждения.

Корни русского самоуправления уходят в глубокую древность. Еще в VI в. имп. Византии Маврикий писал: «Племена славян и антов сходны по своему образу жизни, по своим нравам, по своей любви к свободе, их никоим образом нельзя склонить к рабству или подчинению... Находящихся у них в плену они не держат в рабстве, как прочие племена, но предлагают им на выбор: желают ли они за известный выкуп возвратиться в свои дома или остаться там (где они находятся) на положении свободных и друзей»². «Эти племена... – рассказывает Прокопий Кесарийский, – не управляются одним человеком, но издавна живут в народоправстве, и поэтому у них счастье и несчастье в жизни считается делом общим». Эти же черты нашего народа выразились в обычае – вече, которым в Древней Руси называлась сходка жителей одного населенного пункта для решения общих дел. В больших городах вече принимало решения о приглашении или изгнании князя. Поэтому древнерусское вече являлось народной властью, независимой от князя. Обычай вече был распространен повсеместно. В летописях вече упоминается в Белгороде под 997; в Новгороде Великом – под 1016, Киеве – 1068, Владимире-Волынском – 1097, Звенигоро-

¹ Литература и культура Древней Руси. М., 1994, с. 161.

² История СССР с древнейших времен до наших дней. В 12 т. Т. 1, М., 1966, с. 344–345.

де – 1147, Ростове – 1157, во Владимире на Клязьме – 1157, в Полоцке – 1159, в Переяславле – 1175, в Рязани – 1177, в Смоленске – 1185.

Вечевые собрания созывались обычно по звону вечевому колокола, решения принимались без голосования, путем одобрения того или иного предложения всеми присутствующими криком¹. По мере совершенствования самодержавной власти и местного всеобщего управления необходимость в вече отпала и оно постепенно сходило на нет. Последнее вече зафиксировано в Москве и Пскове в XVI в.

Зачатки самоуправления закладываются в родственном коллективе – семье. Как писал историк Н.А. Рожков, род давал территорию семье, свободно ею используемую в ее пределах; племя давало родам племенную территорию, в пределах которой роды могли также свободно передвигаться и временно использовать землю, особенно для охоты, бортничества, а также для скотоводства и отчасти для земледелия. Средний свободный человек того времени пользовался известной степенью обеспеченности, экономической самостоятельности, поскольку он был членом семейного, затем родового и племенного союзов. Это обстоятельство и вольное пользование землей глубоко отложились и прочно залегли в народном сознании.

Постепенно в русской жизни складываются такие формы самоуправления, как община, артель, дружина, губное управление. Одними из древнейших самоуправляющихся коллективов были княжеские дружины. Члены княжеской дружины неоднократно заявляли своему князю, что хотят идти в поход или, наоборот, не желают идти. И князь, по обычаю, почти всегда считался с ними.

Дружинники заключали с князем свободный договор, отношения в дружине, включая самого князя, носили товарищеский характер. Вступление в дружину и выход из нее были свободными.

Еще более широким самоуправляющимся началом обладали торговые дружины, имевшие свои транспор-

¹ Советская историческая энциклопедия (далее СИЭ). Т. 3, М., 1963, с. 411.

тные средства (лодки, лошадей), забравшиеся в очень отдаленные места.

История сохраняет свидетельства и о земледельческих самоуправляющихся организациях, которые чаще всего смыкались с общиной, но отнюдь не всегда были идентичны ей. Как правило, это была группа крестьян, объединившихся для совместной подготовки земельных участков для сельскохозяйственных работ. Такая артель рубила лес, корчевала пни, выжигала поросли, расчищала, ровняла, рыхлила почву, а впоследствии устанавливала порядок пользования расчищенными участками. Кстати говоря, эти артели под названием «обчих» встречались в отдаленных лесных местностях вплоть до н. XX в.¹.

Самоуправление было широко распространено и в духовной жизни народа. Церковные общины и братства, совместные братчины много значили в развитии народной психологии в Древней Руси.

Среди духовных артелей в России получили распространение так называемые молодежные «складки», устраиваемые в православные праздники, чтобы за общий счет в складчину повеселиться, попить, поплясать.

Традиция земского самоуправления, оформленная юридически в сер. XVI в., пронизывает общественную жизнь Древней Руси. Земские соборы – съезды всех сословий государства – проходили в то время, когда по всей Западной Европе царил холод абсолютизма.

По призыву Царя на Земские соборы созывались представители городских и областных торговых и служилых сословий. Первый Земский собор был созван Иваном Грозным для решения накопившихся за годы его юности задач.

С прекращения династии Рюриковичей значение Земских соборов усилилось. В 1598, 1606 они выбирали государей. В 1612 Земский собор, находясь при ополчении князя Дмитрия Пожарского, являлся фактически правительством Государства Российского. В 1613 Земский собор избрал на царство Михаила Федоровича Романова.

¹ С л о б о ж а н и н М. Историческое развитие идей артельного движения. Боровичи, 1919, с. 22.

В первые годы правления династии Романовых, пока государство не окрепло после Смуты, Земские соборы собирались часто. Выборные приглашались специальными царскими грамотами по городам, которые со своими уездами образовывали избирательный округ. Выборы осуществлялись по сословиям. Работа соборов носила совещательный характер. Последний полный Земский собор прошел в 1653. На нем было принято решение о воссоединении Малороссии с Россией. Как и в случае с вече, необходимость в проведении Земских соборов постепенно отпадала по мере совершенствования самодержавной власти и местного самоуправления.

Русская монархия вплоть до XVIII в. носила сословно-представительный характер. Царское правление осуществлялось по обычаям и традициям страны, согласно которым царь был обязан править совместно с боярами (Боярская дума) и советуясь с народом на Земских соборах. Попытки царя узурпировать всю власть в своих руках, попирая «синклита» и «Совета чинов», по мнению Авраамия Палицына, приводит к беспорядкам и в конечном результате к «самовластию рабов»¹. Как явствует из исторических материалов, Россия в XV–XVI вв. обладала единственной в то время среди других стран мира системой управления, основой которой было самоуправление на всесословной основе.

Изложим ее по данным, приводимым историками Л.А. Тихомировым и В.О. Ключевским. Царь обладал самодержавной властью и следил за соблюдением общественного блага и жизнью всех сословий. К нему мог обратиться с челобитной любой человек. На места царь назначал своих воевод, которые ведали всеми областями жизни вверенной им территории. Власть воеводы была велика, но возможность поборов была ограничена специальным доходным списком, определявшим доходы, кормы и пошлины. Если воевода или другое должностное лицо, назначенное царем, превышали этот список, то население имело право выставить ему по суду иск и потребовать возмещения за несправедные поборы.

¹ История политических и правовых учений XVII–XVIII вв. М., 1989, с. 280.

Свою власть воевода осуществлял с представителями общественного самоуправления. Вторым лицом после воеводы был губной староста, ведший уголовные дела и следивший за общественной безопасностью. Губной староста выбирался всем населением из профессионального служилого населения.

После губного старосты важным лицом местного самоуправления был земский староста, выбираемый городским и уездным населением. При земском старосте состояли выборные от уездных крестьян советники. Они составляли земскую избу.

Дело земского старосты и состоящих при нем советников заключалось в раскладе податей, в выборе окладчиков и целовальников. Воевода в дела земского старосты вмешиваться не имел права, не позволялось ему влиять на выборы или смещать выборных лиц и вообще пытаться воздействовать на мирские дела.

Земская изба заведовала городским хозяйством, разверсткой земли, обсуждала нужды посадских и уездных людей, сообщая о них, если не могла помочь им сама, воеводе или в Москву. Свои власти, кроме общей с городом земской избы, были и у уездных крестьян. Крестьяне выбирали своих общинных старост, «посыльщиков» (для сношения с воеводой и его приказными людьми), выбирали земского пристава «для государева дела и денежных сборов». Приходы выбирали священников и церковных дьячков, которые имели значение сельских писарей. По грамотам Ивана Грозного, монастырские крестьяне избирали у себя приказчиков, старост, целовальников, сотских, пятидесятских, десятников. Все представители центральной власти, назначенные в городе и волости, не могли решать дела без общественных представителей.

Согласно судебнику 1550, представитель центральной государственной власти (воевода и т.п.) не имел права арестовать человека, не предъявив доказательств его вины представителям местного самоуправления – старосте и целовальнику. Если этого не происходило, то староста и целовальник, по требованию родственников арестованного, могли освободить его и взыскать с представителя администрации штраф за «бесчестье».

Таким образом, первый закон о неприкосновенности личности впервые был принят в Древней Руси, а не в Западной Европе, где он появился только 120 лет спустя¹.

Местное самоуправление получило свое развитие в системе земских учреждений XIX – н. XX в. И даже для того времени это была одна из самых передовых в мире форм самоуправления.

«Мы со смелостью, беспримерной в летописях мира, – писал кн. А.И. Васильчиков о развитии в России учреждения земского самоуправления, – выступили на поприще общественной жизни... ни одному современному народу Европейского континента не предоставлено такого широкого участия во внутреннем управлении, как русскому».

Земские учреждения существовали на уровне губерний, уездов и волостей, сами избирали свои руководящие органы, формировали структуру управления, определяли основные направления своей деятельности, подбирали и обучали специалистов. Земства существовали на началах самофинансирования, имели право для покрытия своих расходов вводить специальные налоги. Источником средств земств служили поступления от сборов на недвижимое имущество: земель, лесов, фабрик, заводов, доходных домов.

Главный упор в деятельности земских учреждений был на школы, библиотеки, здравоохранение, ветеринарное дело, статистику.

В Положении о земских учреждениях подчеркивалось, что «заведование земскими делами уездов и губерний предоставлено самому населению уезда и губернии на том же основании, как хозяйство частное предоставляется распоряжению частного лица, хозяйство общественное – распоряжению общества». Идея земского самоуправления была непосредственно связана с идеей общинного самоуправления и была близка и понятна русскому человеку.

Можно было бы еще долго перечислять формы самоуправления, существовавшие в дореволюционной России, – достаточно назвать самоуправление казачьих земель, самоуправление университетов, самоуправление

¹ Солонович И. Народная монархия. М., 1990, с. 334.

национальных территорий, например Финляндии и Средней Азии.

Было у самоуправления органический недостаток – изолированность, обособленность друг от друга самоуправляющихся обществ и трудовых единиц, делающих их беззащитными от узурпации прав со стороны центральной власти. Пока соотношение прав местного самоуправления и центральной власти определялись традиционными, патриархальными представлениями о роли центра и мест, пока центральная власть носила в известном смысле отеческий характер, противоречия между центром и местами были невелики. Однако по мере усиления центральной власти и вытеснения традиционных правительственных форм заимствованными с Запада бюрократическими учреждениями происходит постепенное лишение прав местного самоуправления в пользу центра. Процесс этот имел характер национальной катастрофы, так как подрывал стержневую основу народного уклада жизни.

ГЛАВА 19. Закон по правде и справедливости. – Русская Правда. – От Судебника 1497 до Соборного уложения 1649. – Отношение к смертной казни. – Герб государства Российского.

В понятиях Святой Руси право, закон должны носить прежде всего нравственный, а не формальный характер, соответствовать правде и справедливости.

Нравственный закон считался выше закона писаного, формального. Но и формальный закон зачастую отождествлялся со словом «правда», стремясь, по-видимому, подчеркнуть, что идеалом исполнения закона является правда. Слово «правда» вошло в название первого русского сборника законов Русская Правда.

Как справедливо отмечал И.Л. Солоневич, русский склад мышления ставит человека, человечность, душу выше закона и закону отводит только то место, какое ему и надлежит занимать: место правил уличного движения.

Когда закон вступает в противоречие с человечностью – русское сознание отказывает ему в повиновении.

В народном сознании понятие «закон» противопоставляется понятиям «правда» и «справедливость», причем в таком же духе, как в «Слове о Законе и Благодати» митр. Илариона. Формальному закону противостоит жизнь по душе, по правде.

«Хотя бы все законы пропали, только бы люди правдой жили», – говорит народная поговорка. «Все бы законы потонули да и судей бы перетопили».

Правда – это нравственные принципы, по которым живет народ, закон – это нечто навязанное ему со стороны и не всегда справедливое для него. Закон, сочиненный правящим классом для простых людей, – средство их утеснения. Он провоцирует грех, обиду и преступления.

Народные поговорки так и говорят: «Не будь закона, не стало б и греха». «Где закон, там и обида». «Где закон, там и преступление». «Закон, что дышло, куда пошел, туда и вышло», или: «Закон – дышло, куда захочешь, туда и воротишь», «Закон, что паутина: шмель проскочит, а муха увязнет».

Впрочем, русские люди понимали, что законы нужны и полезны, но не уважали их потому, что они служили средством их утеснения.

«Законы святы, да законники супостаты». «Не бойся закона – бойся судьи». «Законы – миротворцы, да законники – крючкотворцы». В общем – «Кто законы пишет, тот их и ломает». «Что мне законы, были бы судьи знакомы».

Многие русские отношения регулировались не правом, а совестью и обычаем (прежде всего жизнь крестьянской общины). Русское правосознание было ориентировано на жизнь по совести, а не по формальным правилам. «Никогда русский человек не верил и не будет верить в возможности устройства жизни на юридических началах» (Л.А. Тихомиров). Этим он отличался от западного человека. «Европейское правосознание формально, черство и уравнительно; русское – бесформенно, добродушно и справедливо», – писал И.А. Ильин. Для западного обывателя любой преступник – злодей, а для русского человека – жертва обстоятельств.

Наказанный по суду преступник в народном сознании – несчастный, ему сочувствуют, ему нужно помогать милостью. «Несчастному милость творить – с Господом Богом говорить». «Милость – подпора правосудию». «Милость и на суде хвалится».

Правосознание совести вовсе не означало анархии в народной жизни. В России сложились достаточно жесткие и строгие нормы поведения в среде коренных русских людей, прежде всего крестьян, которые регулировались не юридическими установлениями, а силой общественного мнения. Пренебрежение законом в XVIII–XIX вв., неверие в него среди простых людей объяснялись тем, что они чувствовали в нем навязанную извне силу, противоречащую традиции и обычаю.

Древнейший памятник русского права – «Закон судный людям». Он сохранился в рукописях русского происхождения («Кормчая летопись»). Датируется к. IX – н. X вв. Многие статьи его были направлены против язычества.

В XI в. появляется свод древнерусского права, получивший название «Русская Правда», вобравший в себя более древние русские установления, и в частности отдельные нормы «Закона Русского», Правду Ярослава Мудрого (т. н. Древнейшая Правда), Правду Ярославичей, Устав Владимира Мономаха и др. Посвящена защите жизни и имущества княжеских дружинников, слуг; свободных сельских общинников и горожан; регламентировала положение зависимых людей; излагала нормы обязательственного и наследственного права и др.

Русская Правда, сложившаяся еще на основе законов, существовавших в X в., включила в себя нормы правового регулирования, возникшие из обычного права, то есть народных традиций и обычаев.

Содержание Русской Правды свидетельствует о высоком уровне развития экономических отношений, богатых хозяйственных связей, регулируемых законом. «Правда, – писал историк В.О. Ключевский, – строго отличает отдачу имущества на хранение – «поклажу» от «займа», простой заем, одолжение по дружбе, от отдачи денег в рост из определенного условленного процента, процентный заем краткосрочный от долгосрочного и,

наконец, заем – от торговой комиссии и вклада в торговое компанейское предприятие из неопределенного барыша или дивиденда. Правда дает далее определенный порядок взыскания долгов с несостоятельного должника при ликвидации его дел, умеет различать несостоятельность злостную от несчастной. Что такое торговый кредит и операции в кредит – хорошо известно Русской Правде. Гости, иногородние, или иноземные купцы, «запускали товар» за купцов туземных, т.е. продавали им в долг. Купец давал гостю, купцу-земляку, торговавшему с другими городами или землями, «куны в куплю», на комиссию для закупки ему товара на стороне; капиталист вверял купцу «куны и гостьбу», для оборота из барыша».

Вместе с тем, как видно из прочтения экономических статей Русской Правды, нажива, погоня за прибылью не являются целью древнерусского общества. Главная экономическая мысль Русской Правды – стремление к обеспечению справедливой компенсации, вознаграждения за нанесенный ущерб в условиях самоуправляемых коллективов. Сама правда понимается как справедливость, а ее осуществление гарантируется общиной и другими самоуправляемыми коллективами.

Главная функция Русской Правды – обеспечить справедливое с точки зрения народной традиции решение проблем, возникавших в жизни, обеспечить баланс между общинами и государством, осуществить регулирование организации и оплаты труда по выполнению общественных функций (сбор виры, строительство укреплений, дорог и мостов).

Русская Правда имела огромное значение в дальнейшем развитии русского права. Она легла в основу многих норм международного договора Новгорода и Смоленска (XII–XIII вв.), Новгородской и Псковской судных грамот, Судебника 1497 и др.

На Земском соборе 1649 было одобрено Уложение (Кодекс) русских законов, выработанных общественным правосознанием за последние века.

Непрекращающаяся борьба с внешним врагом заставляла русских законодателей консолидировать всех по призыву неукоснительного служения Отечеству, Государству

на строго обозначенном месте. Каждый русский человек прикреплялся к определенному месту: служилые сословия прикреплялись к столицам и поместьям, посадские – к городам, крестьяне – к тем землям, где их застали писцовые книги 1626, и переход запрещался им окончательно. За нарушения законов предполагались строгие наказания «безо всякой пощады, чтобы на то смотря, иным не повадно было так делать».

Смертная казнь в русском праве носила исключительный характер. В Русской Правде смертная казнь как наказание отсутствует, вместо нее с виновного взималась тяжелая вира (штраф). Вопрос о недопустимости смертной казни был впервые поднят именно в России еще кн. Владимиром Святтым, который считал ее грехом перед Богом. Та же мысль проводится в «Поучении» Владимира Мономаха, который считал, что каждый человек имеет право на тот срок жизни, который отпущен Богом, казнь же человека – грех перед Богом. Отмена смертной казни при Елизавете Петровне была вполне в духе русской цивилизации, как и редкое ее применение в XIX – н. XX в. (кроме государственных преступников).

Однако исторические источники свидетельствуют, что русская власть не могла избежать применения смертной казни. Известия о смертной казни встречаются в Двинской уставной и Псковской судной грамотах. По Судебнику Ивана III смертной казнью карались 10 преступлений, по Царскому Судебнику – 15. Виды казни не назывались. На практике было распространено обезглавливание. Согласно Уложению Алексея Михайловича смертной казни заслуживали до 60 преступных деяний и было установлено 5 видов ее: сожжение, закапывание по горло в землю, залитие горла расплавленным металлом, повешение и отсечение головы. На практике первые три вида казни почти не применялись, а последние использовались редко. Распространение смертной казни резко расширяется при Петре I, который, кроме уже перечисленных видов казни, вводит колесование и расстрел.

В царствование Елизаветы Петровны не было совершенно ни одной смертной казни. В последующие царствования случаи их были редки.

В отличие от Запада, где смертная казнь использовалась повсеместно и в широких масштабах, в России массовые казни известны только в правление Ивана Грозного, в течение которого погибло 5 тыс. человек.

Для сравнения следует заметить, что в Западной Европе только по приговорам «святейшей» католической инквизиции были казнены сотни тысяч человек. По приговору католической церкви были осуждены на смерть все жители Голландии, которых герцог Альба вырезал целыми городами.

В XVIII в. один саксонский судья Карпцоф казнил 20 тыс. чел., а Елизавета Английская приговорила к смерти 90 тыс. чел. Робеспьер за один год своего правления подписал 17 тыс. смертных приговоров.

Герб государства Российского утвердился на Руси после падения татаро-монгольского ига и осознания русскими царями Святой Руси как Третьего Рима (преемницы Византии). Первоначально он состоял из двух основных изображений: всадника («ездца») с копьем, поражающим змия (с к. XIV в.), и двуглавого орла (с к. XV в.), которые помещались на печатях великих московских князей и царей и стали считаться гербом во 2-й пол. XVII в. Эти изображения в XVII–XIX вв. подвергались незначительным изменениям.

Со времени царя Алексея Михайловича крылья у орла изображались поднятыми вверх, в лапах появились скипетр и держава. С утверждением в 1699 ордена Андрея Первозванного щит с изображением всадника почти всегда окружался цепью ордена. В XVIII в. при Екатерине I установлены цвета герба – черный орел на желтом поле, всадник на красном поле. В 1730 утвержден рисунок герба, в описании его всадник впервые назван св. Георгием Победоносцем. Этот святой символизировал небесные силы, защищающие родную землю от врагов. Змий, поражаемый копьем всадника, символизировал обобщенный образ врагов русской земли (объяснение находится в соответствии с образами русских былин). В образе всадника также видели князя и царя – предводителя войска.

Со 2-й четв. XIX в двуглавого орла стали изображать с широко распростертыми крыльями, в правой лапе орла

появились перевитые лентами громовые стрелы и факел, в левой – лавровый венок. По указу 1832 на крыльях орла стали помещать гербы царств (Казанского, Астраханского, Сибирского, Польского и Таврического) и одного княжества (Финляндского). В 1856 утверждены проекты гербов большого, среднего и малого. Герб был заново перерисован в соответствии с правилами геральдики (всадник стал смотреть в левую сторону от зрителя).

В Большом гербе Российской империи щиты вокруг основного герба несли изображения гербов российских царств, княжеств и местностей, а также родовой герб дома Романовых.

ГЛАВА 20. Война и мир. – Христолюбивое воинство.

История России – это история войн русского народа с сонмом многочисленных захватчиков, посягавших на свободу, независимость и территориальную целостность Российской державы. Ни один другой народ в мире не понес таких жертв в результате агрессий с запада, юга и востока, как русский народ. Потери русских во всех войнах второго тысячелетия от Рождества Христова до 1917 составляют не менее 50 млн. человек¹.

В понятиях Святой Руси война есть противоестественное состояние между государствами, раздор, международная брань. «Войной и огнем не шути, – говорил русский человек. – Всякая война от супостата (дьявола), а не от Бога». Во время войны совершается страшный грех – убийство. Войны без мертвых не бывает (Ипатьевская летопись). «Война есть убийство, и сколько бы людей ни собрались вместе, чтобы совершить убийство, и как бы они себя ни называли, – убийство все же остается худшим грехом в мире» (Л.Н. Толстой).

В народном сознании только одна война считалась справедливой – против захватчиков, освободительная.

¹ Подсчитано по: Б. Ц. Урранис. Войны и народонаселение Европы.

В своей истории Россия не вела наступательных, агрессивных войн. Все ее войны были либо против захватчиков (поляки, французы, немцы), либо за освобождение ранее захваченных врагами русских территорий. Войны против захватчиков считались у русских людей народными, отечественными войнами, например Отечественная война 1812, Великая Отечественная война. «Кто с мечом к нам придет, – провозгласил св. Александр Невский, – тот от меча и погибнет. На том стоит и стоять будет Русская земля».

Русскому царю сщмч. Николаю II принадлежит идея о всеобщем и полном разоружении. С этим в 1898 он обратился ко всем странам мира, чтобы «великая идея всеобщего мира восторжествовала над областью смуты и раздора». Однако идеология Запада, основывающаяся на утверждении, что «война есть естественное состояние человечества», сделала невозможным претворение в жизнь предложений русского царя.

Русская армия существовала на православно-монархических началах, и ее солдаты и офицеры именовались христолюбивым воинством. Как писал И.А. Ильин, «воин именуется «христолюбивым» не только потому, что он член христианского государства, что его родина возрастает в христианском духе и что сам он призван оборонять христианскую веру; а еще и потому, что в любви к Христу и к преподанной им полноте совершенства он имеет живую основу своего личного духа, ею утверждает святыню своего личного Кремля, в ней почерпывает необходимую ему силу подвига и очищения. Здесь нет того внутреннего противоречия, которое пытаются усмотреть сентиментальные моралисты; напротив: меч духовно необходим человеку в земной борьбе за дело Божье; но принять бремя связанных с ним душевных и телесных опасностей и страданий может лишь тот, кто утверждает свою любовь, свою жизнь и деятельность в луче Божьего света и совершенства.

И вот если объединить все государственное начало понуждения и пресечения в образе воина, а начало религиозного очищения, молитвы и праведности в образе монаха, – то решение проблемы выразится в усмотрении их взаимной необходимости друг для друга.

Воин, как носитель меча и мироприемлющего компромисса, нуждается в монахе как в духовнике, в источнике живой чистоты, религиозной умудренности, нравственной плеромы: здесь он приобщается благодати в таинстве и получает силу подвига; здесь он укрепляет свою совесть, проверяет цель своего служения и очищает свою душу. И самый меч его становится огненной молитвою. Таков Димитрий Донской у св. Сергия перед Куликовской битвой»¹.

¹ Христоролюбивое воинство. Православные традиции русской армии. М., 1997, с. 59–60.

СОБОРНОСТЬ, ОБЩИНА, АРТЕЛЬ

ГЛАВА 21. Соборность. – Единение в любви, вере и жизни. – Основа духовной цельности.

Соборность является одним из краеугольных понятий русской цивилизации. Оно имеет основу в христианском учении о Церкви, которое присутствует в Никейском Символе веры: «Верую во святую, соборную и апостольскую церковь». Соборность в христианской традиции понимается как церковное единение христиан в любви, вере и жизни.

Святая Русь в своем развитии придала идее соборности особое значение и универсальность. Наиболее полно это понятие раскрыто в трудах А.С. и Д.А. Хомяковых. «В вопросах веры, – писал А.С. Хомяков, – нет различия между ученым и невеждой, церковником и мирянином, мужчиной и женщиной, государем и подданным, рабовладельцем и рабом, где, когда это нужно, по усмотрению Божию, отрок получает дар видения, младенцу дается слово премудрости, ересь ученого епископа опровергается безграмотным пастухом, дабы все было едино в свободном единстве живой веры, которое есть проявление Духа Божия. Таков догмат, лежащий в глубине идеи собора». Соборность – это цельность, внутренняя полнота, множество, собранное силой любви в свободное и органическое единство. Развивая идеи И.В. Киреевского о духовной цельности, Хомяков пишет об особом соборном состоянии человека, истинной вере, когда все многообразие духовных и душевных сил человека объединено в живую и стройную цельность его соборной волей, нравственным самосознанием, устремленностью к творчеству.

Д.А. Хомяков дает определение соборности, которое продолжает идейную линию русской мысли еще с дохристианских времен. Соборность, по его учению, – целостное сочетание свободы и единства многих людей на основе их общей любви к одним и тем же абсолютным ценностям.

Такое понимание соборности соответствовало древнерусскому понятию «лад» и было неразрывно связано с общинной жизнью русского народа.

Основной принцип православной церкви, писал Д.А. Хомяков, состоит не в повиновении внешней власти, а в соборности. «Соборность – это свободное единство основ церкви в деле совместного понимания ими правды и совместного отыскания ими пути к спасению, единство, основанное на единокорной любви к Христу и божественной праведности». Главное усилие постижения истин веры состоит в соединении с церковью на основе любви, так как полная истина принадлежит всей церкви в целом. В православии человек находит «самого себя, но себя не в бессилии своего духовного одиночества, а в силе своего духовного, искреннего единения со своими братьями, со своим Спасителем. Он находит себя в своем совершенстве, или, точнее, находит то, что есть совершенного в нем самом, – Божественное вдохновение, постоянно испаряющееся в грубой нечистоте каждого отдельного личного существования.

Это очищение совершается непобедимой силой взаимной любви христиан в Иисусе Христе, ибо эта любовь есть Дух Божий». Хомяков совершенно справедливо отождествляет принципы соборности и общинности как «сочетание единства и свободы, опирающееся на любовь к Богу и Его истине и на взаимную любовь ко всем, кто любит Бога».

Соборность есть, на самом деле, единство и, на самом деле, во множестве, поэтому и в церковь входят все, и в то же время она едина; каждый, кто воистину в церкви, имеет в себе всех, сам есть вся церковь, но и обладаем всеми (С.Н. Булгаков).

Соборность противоположна и католической авторитарности, и протестантскому индивидуализму, она означает коммунитарность (общинность), не знающую внешнего над собой авторитета, но не знающую и индивидуалистического уединения и замкнутости (Н.А. Бердяев).

Соборность – одно из главных духовных условий национального единства и создания мощной державы, какой была Россия.

Запад не сумел создать такого мощного государства, как Россия, объединенного на духовных началах, потому что он не достиг соборности, а для объединения народов вынужден был использовать прежде всего насилие. Католические страны, справедливо считал Хомяков, обладали единством без свободы, а протестантские – свободой без единства.

Россия сумела создать органичное сочетание единства и свободы, в условиях которого почти каждый русский был строителем великой державы не за страх, а за совесть. Абсолютные ценности, на любви к которым объединялись русские люди, – Бог, Царь, Родина, или, как это звучало в массе, за Бога, Царя и Отечество.

Таким образом, известная формула «Православие, Самодержавие, Народность» возникла не на пустом месте, а отражала соборные ценности русского народа, возникшие еще в глубокой древности.

ГЛАВА 22. Община. – Духовное и общественно-производственное объединение. – Мир как одна семья. – Сходка. – Соблюдение справедливости. – Взаимопомощь. – Помочи.

Община – духовное и общественно-производственное объединение крестьян на началах самоуправления, самоорганизации, взаимопомощи и совместного владения землей.

Слово «община» позднего происхождения. Оно возникло путем точного перевода аналогичных иностранных понятий. Русские же крестьяне говорили «мир» или «общество».

Основы существования общины (во всех ее разнообразных видах – вервь, задруга, печище и др.) лежали в «самом духе народа, в складе русского ума, который не любит и не понимает жизни вне общины и даже в своей кровной семье хочет видеть общину, товарищество», – писал видный исследователь русской общины И.Н. Миклашевский. Народное сознание выработало бесчисленное количество

пословиц, так или иначе связанных с общиной (миром), которые отражали господствующее значение ее в жизни и судьбах народа. «Никакой мирянин от мира не прочь, от мира прочь не мирянин», «Миром все снесем», «Мирская слава сильна», «Мир, община столбом стоит», «Мира не перетянешь, мир за себя постоит», «На мир и суда нет», «На мир ничего не сменяют», «В миру виноватого нет», «Дружно – не грузно, а врозь – хоть брось».

Понятие «мир» для крестьянина отражало всю глубину его духовно-нравственного сознания, олицетворяя не просто арифметическое соединение крестьян, а нечто большее – соборное соединение, имеющее характер высшего закона.

Крестьянин говорил так: «мир собирался», «мир порешил», «мир руки давал», «мир выбрал», вкладывая сюда значение высшей духовно-нравственной инстанции – «мир крещеный», «мир христианский».

Экономический принцип общины, отмечал А.И. Герцен, – полная противоположность знаменитому положению Мальтуса: она предоставляет каждому без исключения место за своим столом. Земля принадлежит общине, а не отдельным ее членам; последние же обладают неотъемлемым правом иметь столько земли, сколько ее имеет каждый другой член той же общины¹.

Мальтус считал, что право на жизнь имеет только сильнейший, победивший в острой конкурентной борьбе; побежденный в ней не имеет таких прав. Нет! – решительно говорил русский крестьянин. Право на жизнь имеет всякий родившийся на этот свет – гарантией чего является взаимопомощь и взаимная поддержка в общине.

Община, писал русский историк и этнограф И.Г. Прыжов, основана на вечном законе о братской любви, на законе, что «Веревка крепка с повивкой, а человек с помощью», «Друг о друге, а Бог обо всех». Мир как одна семья, мнение которой нередко стоит выше писаного закона: «Деритесь, да не расходитесь», «Все за одного и один за всех», «Вперед не забегай, от своих не отставай», «Отстал – сиротой стал», «Хоть назади, да в том же стаде». Сила, связующая

¹ Герцен А. И. Собр. соч. в 30 т. М., 1956, т. 7, с. 259.

мысль, по мнению Прыжова, – общая выгода, общая беда: «Люди – Иван, и я – Иван, люди в воду, и я в воду», «На миру и смерть красна». Личность в общине всецело предана ее интересам: «Где у мира руки, там моя голова», «К миру приложился – головой заложился». Мир являет собой высшую инстанцию для крестьянина, выше которой только царь да Бог: «Мир – велик человек», «Мир – великое дело», «Сто голов – сто умов». В преданности миру – залог благополучия и преуспевания, поэтому решения мира подчиняются беспрекословно: «Где мир да люди – там божья благодать», «Глас народа – глас Божий», «Что мир порядил, то Бог рассудил», «Что миром положено, так тому и быть», «Мир один Бог судит», «Мир с ума сойдет – на цепь не посадишь»¹.

В народном сознании мир (община) – могучий богатырь: «Коли всем миром вздохнут, и до царя слухи дойдут», «Как мир вздохнет, и временщик издохнет», «Мирская шея толста» (то есть многих спасти может), «Мирская шея туга: тянется да не рвется. Мирская шея жилиста», «Мир по слюнке плюнет – так и море», «Мир сразу не похоронишь».

«Мир силен, – отмечает Прыжов. – Ему нипочем никакое несчастье, никакая нищета: «Вали на мир – все снесет», «Мир – золота гора», «С миром и беда не убыток». Мир силен и несокрушим: «С миром не поспоришь», – говорит народ и при этом гордо спрашивает: – «Кто больше мира будет?», «Мир не перетянешь», «Мир заревет, так лесы стонут», «Мирская слава звонка», «Мир запоет, так камень треснет», «Собором и черта поборем», потому что «Одному страшно, а миру не страшно», «Не то страх, что вместях, а сунься – на один»².

Самоуправление русских крестьян возникло в процессе освоения огромной территории нашей страны. Множество рек и озер, непроходимые леса и сравнительно малочисленное население, селившееся здесь мелкими деревеньками, между которыми порой пролегли пространства

¹ Прыжов А.И. Очерки. Статьи. Письма. М.–Л., 1934, с. 176–177.

² Там же, с. 177.

в 100–200 верст. Территория с центром в сравнительно большом населенном пункте называлась крестьянами волостью, а население волости – миром. Волость на своих собраниях-сходах выбирала старосту и некоторых других руководящих лиц, решала вопросы о принятии в общину новых членов и выделении им земель. «В деревне, – писал Н.П. Павлов-Сильванский, – действительная власть принадлежит не представителям царской администрации, а волостным и сельским сходам и их уполномоченным старшинам и сельским старостам...»

Волостная община самостоятельно ведала сбор подаей, низший суд и полицию. Тиун и доводчик являлись в волость, только когда в ней возникало уголовное дело и начинался спор о границах ее территории с соседними или крупными землевладельцами.

«...Значение мирского самоуправления усиливалось высшей выборной должностью сотского, общего представителя этих волостных общин стана. Сотский связывал эти общины в одно целое, в один земской мир стана. Он являлся посредником между волостным старостой и чиновниками наместника... Свои кормы и поборы чиновничество могло получать только... от высшего мирского представителя – сотского»¹.

В более поздние времена выборный сотский выполняет полицейские функции: наблюдает за чистотой в селеньях, за чистотой воды в речках, за пожарной безопасностью, за порядком во время торгов, базаров, за продажей доброкачественных продуктов, за проведением торговли с надлежащими свидетельствами и др.

Сход был далеко не единственной формой общественных собраний крестьян. Историк Л.В. Черепнин рассказывает, как еще в XIV–XV вв. существовал обычай «пиров» и «братчины», представлявших собой «коллективные торжественные собрания, во время которых съехавшиеся угощались за праздничным столом. В этих формах проявлялась деятельность сельской крестьянской общины. Во время «пиров» и «братчин» могли обсуждаться крестьян-

¹ Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. М., 1988, с. 210–211.

ские нужды, решаться мирские дела. «Пиры» и «братчины» были одним из средств сплочения крестьянства по отдельным, мало связанным еще между собой селениям, разбросанным на огромной территории»¹.

Все дани и платежи, разные трудовые повинности налагались княжеской властью на всю волость, а она уж на своих сходах сама решала, как разверстать эти тяготы среди крестьян: «по животам и промыслам», «по силе» каждого хозяйства, а может быть, отбывали те или иные повинности сообща, с круговой порукой всех за каждого, имущего за неимущего, хозяйственных жильцов-волощан за пустые заброшенные участки.

«Кто за сколько душ тянет, столько земли берет», – говорили крестьяне. «По тяге и поле», «В восемнадцать лет жениться, чтобы на тягло садиться», «На мир баран прибыл» (то есть налог, тягота), «Постылое тягло на мир полегло» (при раскладке тягла, которое никто на себя не принимает).

На первых этапах существования волостной общины крестьяне были заинтересованы в привлечении новых членов: земли много, а чем больше людей, тем податей на одного человека будет меньше. Волость имела свой выборный крестьянский суд, и только важнейшие преступления рассматривались княжеской властью, и то материалы по ним готовились выборными крестьянами волости. Волость обеспечивала удовлетворение духовных потребностей населения: строила церкви, подыскивала для них священника, определяла их содержание, иногда заводила школы для подготовки грамотеев.

По мере роста населения и числа населенных пунктов волость дробилась на отдельные самоуправляемые общины, избиравшие в волостное управление своих выборных и принимавшие активное участие в разработке «волостной политики».

Проходили столетия, но русская деревня продолжала сохранять сложившиеся в глубокой древности традиционные формы общественной жизни. Еще в н. XX в. можно

¹ Черепнин Л. Образование русского централизованного государства в XIV–XV веках. М., 1960, с. 309.

было встретить социальные структуры, существовавшие пятьсот и более лет назад.

Прежде всего, как и в старину, одна или несколько деревень составляли мир, сельское общество обязательно со своим демократическим собранием – сходом – и своим выборным управлением – старостой, десятским, сотским.

На сходах демократическим путем обсуждались дела по общинному владению землей, раскладу податей, приселению новых членов общины, проведению выборов, вопросы пользования лесом, строительства плотин, сдачи в аренду рыболовных угодий и общественных мельниц, отлучки и удаления из общины, пополнения общественных запасов на случай стихийных бедствий и неурожая.

На сходах отдельных селений (чаще составлявших только часть общины) демократически регулировались все стороны трудовой жизни села – сроки начала и окончания с.-х. работ; дела, связанные с лугами («заказы» лугов, выделение вытей, жеребьевки, аукционы); починка дорог, чистка колодцев, строительство изгородей, наем пастухов и сторожей; штрафы за самовольные порубки, неявку на сход, нарушение общинных запретов; семейные разделы и выделы, мелкие преступления; назначение опекунов; конфликты между членами общины и некоторые внутрисемейные конфликты; сборы денег на общие расходы селения¹.

Крестьянские сходки, их гласность, независимый характер выступлений поражали наших интеллигентов. Вот как описывал одну из таких сходок писатель Н.Н. Златовратский:

«Сходка была полная. Большая толпа колыхалась против моей избы. Тут собралась, кажется, вся деревня: старики, обстоятельные хозяева, молодые сыновья, вернувшиеся с заработков в страдное время, бабы и ребятишки. В тот момент, когда я пришел, ораторские прения достигли уже своего апогея. Прежде всего меня поразила замечательная откровенность: тут никто ни перед кем не стеснялся, тут нет и признака дипломатии. Мало того что всякий рас-

¹ Г р о м ы к о М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX века. М., 1986, с. 94.

кроет здесь свою душу, он еще расскажет и про вас все, что только когда-либо знал, и не только про вас, но и про вашего отца, деда, прадеда... Здесь все идет начистоту, все становится ребром; если кто-либо по малодушию или из расчета вздумает отделаться умолчанием, его безжалостно выведут на чистую воду. Да и малодушных этих на особенно важных сходах бывает очень мало. Я видел самых смиренных, самых безответных мужиков, которые в другое время слова не заикнутся сказать против кого-нибудь, на сходах, в минуты общего возбуждения, совершенно преображались и, веруя пословице: «На людях и смерть красна», – набирались такой храбрости, что успевали перещеголять заведомо храбрых мужиков. В такие минуты сход делается просто открытою взаимною исповедью и взаимным разоблачением, проявлением самой широкой гласности. В эти же минуты, когда, по-видимому, частные интересы каждого достигают высшей степени напряжения, в свою очередь, общественные интересы и справедливость достигают высшей степени контроля. Эта замечательная черта общественных сходов особенно поражала меня».

Важное значение на сходах принадлежало старосте, который организовывал сходы, наблюдал за порядком, заведовал мирскими делами, а в случае необходимости даже обладал правом арестовать виноватого. «И мир не без начальника», – говаривали крестьяне. «Мир всех старше, а и миру урядчик есть», «Сноп без перевязи – солома» (о старосте).

Своих выборных крестьяне уважали и подчинялись им, но и подходили к ним довольно строго. Кого попало и просто так крестьяне не выбирали. «Сидишь на ряду (в начальниках), не молви «не могу», «Коли сидеть на ряду, так не играть в дуду», «На старосту не челобитчик, а от миру не прочь».

Несколько сельских общин образовывали волость, которая также управлялась демократическим путем. Высшим органом волости был волостной сход, собиравшийся в большом торговом селе и состоявший из сельских старост и выборных крестьян (по одному из десяти дворов). Но это совсем не означало, что на сход не могли прийти и другие крестьяне, желавшие участвовать в волостном

собрании. Волостной сход выбирал волостного старшину (как правило, на три года), волостное правление (собственно, это были старшины и все старосты волости) и волостной суд.

Волостное правление вело книги для записывания решений схода, а также сделок и договоров (в том числе трудовых), заключенных крестьянами как между собою, так и с посторонними для волости лицами. Вся бумажная работа велась волостным писарем, который, конечно, был важным лицом в деревне, но крестьянского схода побаивался, ибо всегда мог быть с позором изгнан. Да и волостного старшину крестьяне не больно боялись. Знали, коль старшина начнет злоупотреблять доверием общества, то его в следующий раз не выберут или убавят жалованье.

Кроме руководителей, на крестьянских сходах по мере необходимости выбирали ходатаев по общественным делам, челобитчиков в губернский или столичный город. Такие ходатаи звались мироедами (негативный смысл у этого слова появился позже, а тогда это означало людей, живших на мирской счет во время своей командировки по общественным делам) и каштанами. «Мироед, каштан, а без него не проживешь», ибо «от мира челобитчик, а сам никому не обидчик».

В каждой волости на крестьянском сходе избирался волостной суд из четырех судей – крестьян-домохозяев, достигших 35 лет, грамотных, пользующихся уважением среди односельчан. В волостном суде, руководствуясь местными крестьянскими обычаями, дела разбирались по совести, склонить спорящих старались к примирению. Конечно, права волостного суда ограничивались мелкими спорами и тяжбами, хотя они могли разбирать дела по мелким кражам, о мотовстве, дела, связанные с наказанием пьяниц и других нарушителей общественной нравственности. Волостные суды имели право приговаривать виновных к денежным взысканиям до 30 рублей и к аресту на хлебе и воде до 30 дней.

Бывали случаи, когда народный сход в общине превращался в настоящий суд, а порой просто в самосуд над ворами и конокрадами. Известны случаи, когда виновных немедля предавали смерти.

Общинные формы жизни существовали даже в тюрьме, что было даже признано тюремным начальством. Здесь присутствовали все характеристики общины – сход, выборы, общественное мнение, общий суд и наказание, иногда даже в форме смертных приговоров острожного самосуда.

Наряду с самоуправлением, краеугольным основанием общины служила общественная взаимопомощь и взаимоподдержка. Осуществлялась она прежде всего посредством древней формы совместного труда – помочей, капусток, супрядок и др.

Помочи (толока) – совместный неоплачиваемый труд крестьян, имевший добровольный характер, зачастую принимавший форму настоящего ритуального праздника. В помочах отражалось традиционное чувство взаимопомощи русских крестьян на основе взаимности, без эксплуатации одного крестьянина другим.

Прежде всего посредством помочей выполнялись работы, необходимые для всего общества (хотя и не все общественные работы считались помочами).

Строились мирские мельницы, школы, общественные магазины, склады, амбары, ремонтировались дороги. Возводились церкви, часовни, колокольни, церковные ограды, рубились дома для священников.

Помочами осуществлялись заготовки дров для церквей, сельских больниц, а также для нетрудоспособных членов общины, вдов и сирот. Помочами же строились дома погорельцам, распахивались поля сельчанам, у которых пала лошадь или у кого мужчины были в рекрутах.

Самой распространенной формой помочей было выполнение срочного этапа работ у отдельного хозяина. Такие помочи часто проводились в воскресенье или в праздник и заканчивались угощением.

Помочи были очень многообразны как по форме их организации, так и по видам выполняемых работ. Были помочи, на которые обязательно по решению схода являлись все члены общины, как правило, на общественные работы и помощь нетрудоспособным. Другие помочи, называемые поочередными, являлись формой организации совместного труда, согласно которой пригласивший помо-

гать обязан прийти, в свою очередь, на помощь к каждому у него работавшему и «отрабатывать им по очереди на подобных же помочах». И, наконец, были помочи, которые организовывались отдельным хозяином по личной инициативе. Очередность здесь не устанавливалась, хотя предполагалось обязательное участие хозяина в работах помочан, если в том возникнет необходимость.

В Данковском у. Рязанской губ., отмечает П.П. Семенов-Тянь-Шанский, «для получения помощи крестьянин... обращается к сельскому сходу, который и постановляет приговоры о помочи. Но иногда по невозможности или по неудобству собрания мира крестьянин обходит своих односельчан, приглашая на помощь, и тогда выезжают на помощь только те домохозяева, которые сами того желают. Охотников выехать бывает достаточно, потому что помочь без угощения не обходится, да и всякий домохозяин помнит, что и он когда-нибудь сам будет нуждаться в помочи»¹.

Хозяин был любезен и приветлив с помочанами. Он не мог принуждать, указывать, как и сколько кто-либо должен работать. Крестьянская этика исключала также замечание хозяина, если чья-либо работа ему не нравилась. В следующий раз он его просто не приглашал. После работы устраивалось угощение, которое организовывал сам хозяин или кто-то из его семьи; иначе односельчане могли обидеться².

Самыми распространенными помочами были помочи для завершения жатвы, которые имели множество разных названий – дожинки, выжинки, отжинки, борода, бородные, каша, саламата³.

Широкою известность имели помочи по вывозке навоза на поле, которые производились по очереди у каждого хозяина.

На вывозку навоза на Псковщине собиралась вся деревня, целыми семьями, с женами и детьми. У каждого хозяина была лошадь со специальной телегой для вывоза

¹ Г р о м ы к о М.М. Традиционные нормы..., с. 33.

² См.: там же

³ См.: там же, с. 38.

навоза. Труд распределялся по полу и возрасту: мужчины группами в 5–6 человек грузили большие пласты навоза, сообща поднимали их двузубыми вилами; дети-повозники, сидя верхом на лошади, доставляли груз в поле; там женщины вилами сваливали навоз, равномерно распределяя его по участку. «В полдень оживленная работа прерывается, все собираются в избу к тому хозяину, чей в данное время возят навоз, и приступают в угощению, которое выставлено хозяином». Подавали пироги, блины, щи с говядиной или сметками и квас. Затем следовал часовой отдых, и снова принимались за работу – пока не заканчивали. В описании отмечалось приподнятое настроение помочан – смех, шутки, остроты. «Хотя толокою (помочью. – *О.П.*) производится работа тяжелая и не особенно приятная, но между тем толока – чистый праздник для всех участников, в особенности для ребят и молодежи»¹.

Помочи нередко собирались, чтобы заготовить лес для строительства дома. Очевидец их, Г.И. Куликовский, в очерке «Олонецкие помочи» рассказывал, что «ехали на 20–30, а то и более лошадях с дровнями. Рубили лес и совместно грузили на дровни. За 2–4 ездки «на деревенской улице воздвигались целые горы бревен, привезенных помочью».

Но и дальнейшая работа по возведению дома не обходилась без помочи. Сруб хозяин рубил самостоятельно, а для подъема сруба на фундамент собирались помочи, называвшиеся вздымки и сдымки. Это был самый ответственный момент в возведении дома. Помочане разбирали готовый сруб, перекладывали его на фундамент, конопатили и получали затем от хозяина угощение – обложейное.

Самый ответственный и завершающий момент работ на этих помочах, отмечал В.И. Даль, – подъем матицы на черепной венец. Поднятую матицу обсеивали: хозяин варил кашу, кутал горшок в полушубок и подвешивал к матице. Севец шел по последнему венцу, рассевая зерно и хмель с пожеланиями хозяевам, затем заходил на матицу и рубил веревку; участники работы садились есть кашу и пили за здоровье хозяина матичное.

¹ Г р о м ы к о М.М. Традиционные нормы..., с. 54.

Куликовский также рассказывал, как устраивались массовые помочи по строительству глинобитной печи – печebитье, куда приглашалась, как правило, молодежь. Хозяин ходил по избам, а также встречал сельчан на улице, приглашая всех желающих: «Прошу, пожалуй, на печebитье!» Молодежь привозила глину, мяла ее, укладывала и утрамбовывала – била досками, молотками, утаптывала ногами. Работа шла под песню, а по окончании начиналась пляска и вечеринка. Хозяин угощал парней водкой, а девиц пряниками; это угощение называлось печное.

За многие столетия существования самоуправляемых волостных и простых общин (в отдельных случаях состоявших только из одного селения) навык к самоуправлению и взаимопомощи стал национальной чертой и общественной потребностью русских крестьян, с которыми центральной власти и отдельным феодалам приходилось считаться.

В XIV–XVI вв. происходит широкая раздача князем тяглых волостных земель вместе с крестьянским населением в поместье в виде платы за службу, а то и вотчины обладания боярам, детям боярским и дворянам. В этих условиях волостная община погибает, так как ее функции переходят к владельцам вотчин и поместий, но, как правило, продолжает существовать обыкновенная община. Вотчинники и помещики, с одной стороны, вынуждены были считаться со сложившейся за многие столетия этой формой крестьянской жизни, а с другой стороны, сохранение обыкновенной общины им было выгодно организационно. Община с помощью круговой поруки выплачивала все повинности и организовывала выполнение барщинных работ. Таким образом, помещик имел готовую организацию труда, производства и распределения, а крестьянин продолжал существовать в привычных ему формах общественного самоуправления. Вместе с тем волостная община погибла не повсеместно, но продолжала существовать на государственных землях, выполняя вплоть до н. XX в. те же самые функции, что и много веков назад.

Как справедливо отмечал М.И. Семевский, попытки уничтожить общинные формы землевладения и общественной жизни крестьян были сравнительно редки даже на помещичьих землях. Во 2-й пол. XVIII в. большинство

имений состояло на оброке, а в таких вотчинах крестьяне, обыкновенно, совершенно свободно пользовались землей на излюбленных ими общинных началах, почти без всякого вмешательства со стороны помещика. В этом отношении наш крепостной крестьянин находился в несравненно более выгодном положении, чем такой же крестьянин в Западной Европе¹.

В крупных крепостных вотчинах владелец крепостных и назначенный им управляющий, вотчинная канцелярия или контора, состоявшая нередко из нескольких отделов, были лишь верхним этажом вотчинного управления; по древней традиции, нарушать которую боялись многие помещики, находился нижний этаж управления – крестьянское самоуправление – староста, выборные, десятские, сотские и общий сход, который самостоятельно решал внутренние вопросы общины. Конечно, были и злоупотребления. Помещики часто пытались покровительствовать определенным крестьянам при выборах их на определенные выборные должности, хотя сами в сходах участия не принимали.

Пока земли и угодий было много в крестьянской общине, переделы не производились. Но вот в XVII–XVIII вв. в связи с ростом населения землю стали регулярно переделывать между членами общины.

Земля и все другие крестьянские угодья (покосы, луга, леса) раздавались крестьянам поровну. Сначала все угодья делили на равные куски по качеству и степени удаленности от селения – хорошие, средние и плохие. Потом каждый крестьянин, согласно жребию, получал по куску угодий каждого качества и удаленности от селения.

«Дело в шляпе», – говаривали крестьяне, так как жребий тянули из шляпы. Но: «Жребий метать, после не пенять», «Жребий – Божий суд». Переделы угодий осуществлялись раз в 5–20 лет, обычно в зависимости от «размножения народа». Распределение осуществлялось либо по семействам, либо по тяглам (работающие муж и жена). Таким же образом распределялись между крестья-

¹ Семевский М. Очерки из истории крепостного права // Русская мысль. 1880, № 5, с. 119.

нами и повинности – налоги, а у помещичьих крестьян также барщина или оброк.

Раздел земли в общине носил ярко выраженный трудовой характер. Земля принадлежит только тому, кто может ее обработать.

В самой процедуре раздела земли был настоящий ритуал. Для разделов выбирали своего рода комиссию из старожил и земельного старосту, которому давали несколько тяглых помощников. «Комиссия» внимательно следила за тем, чтобы участки были одинакового достоинства, уравнивая худшее качество или неудобство большим количеством земли или компенсацией в другом месте. Обычно начинали раздел с ближайшей земли от гумен: первое, яровое, поле – весной до посева, второе, паровое, – в так называемом междупарье и третье – осенью по уборке ржаного хлеба. На такой раздел каждого поля употреблялось не более трех дней. Порой каждое поле разбивалось на десять и более участков. При разбивке учитывалось важное трудовое правило. Величину участка или полосы земли назначают, «сколько работник одним днем обработать может, что составляет примерно третью долю десятины». Общинная «комиссия» по разделу земли, как правило, делала все сама, не привлекая казенных землемеров. Общинный лад и искусство крестьян производить измерение и передел земли без помощи межевых инструментов определяли ненужность землемеров, потому что крестьяне, по словам тверского помещика Зубова, «между себя учинят раздел» и «в безобидном от одного к другому равенстве, употребляя на то сажени, аршины и даже ступни ног своих»¹.

Между официальными переделами крестьяне могли обмениваться участками, снимать непосильный труд с немощных, передавать землю способным ее обработать. Вот, к примеру, в д. Ямы после смерти мужа его вдове с пятью малыми детьми и с двухдушевым наделом сход решает оставить надел умершего мужа. Вдова отказывается и от надела мужа, и от своего, так как ей это не по силам, даже при коллективной помощи общинников. На

¹ Русская мысль. 1880, № 5, с. 105.

освободившийся надел вдовы претендует безземельный Наум Шмонин. А так как с пользованием наделом связана уплата податей, то среди общинников возникает вопрос, сможет ли Наум Шмонин платить подать, в противном случае пришлось бы платить общине. Кроме бедного общинника Наума Шмонины, в деревне были и богатые, которые, живя в городе и занимаясь торговлей, особо не нуждались в земле. Поменявшись с другими членами общины, они имели наименьший надел, а следовательно, платили и меньше податей. На одном из сходов многие из общинников высказали мысль о том, что неплохо бы отдать богачам большой надел. А те, в свою очередь, обиделись и прислали посыльного с ответом, что они пересядут только на свои наделы, больше же наваливать мир не имеет права. Возникшее разногласие грозило неприятностями тем крестьянам, которые сидели на чужих наделах, и мир порешил следующее: землю, от которой отказалась вдова, передать Науму Шмонину – все два надела полностью; самой вдове помочь сжать хлеб нынешнего посева, богачей же оставить в покое до другого случая (изложено по рассказу очевидца, писателя Н. Златовратского).

В получении всех повинностей помещик имел дело не с отдельными крестьянами, а со всей общиной, которая ежегодно платила ему определенно установленную сумму денег. «Всю раскладку сию, – писал помещик XVIII в., – делают крестьяне сами по себе, ведая каждый о другом, сколько может заплатить без тягостей перед другими и по общему мирскому приговору»¹.

Как все это происходило в деревне, хорошо рассказал русский историк Иван Никитич Болтин. «Положение, – говорит он, – что в селе или в деревне 250 душ мужского люда, кои составляют 100 тягол, что оброку платит вся деревня помещику 1000 руб., да государственных податей, яко-то подушных, рекрутских и разных мелочных расходов сходит с них 500, итого всего 1500 руб., и что вся земля той деревни разделена на 120 паев. Из них 100 паев земли раздают они на каждое тягло по одному, достальные 20 разделяют по себе те, кои семьянистее или зажиточнее

¹ Русская мысль. 1880, № 5, с. 114.

других, по добровольному согласию или по жеребью, какая часть пая кому достанется. Имеющие по одному паю земли платят в год по 12 руб. 60 коп.; те же, кои разберут по себе достальные 20 паев, каждый платит расчисленно, т.е. кто полная возьмет, тот платит 6 руб. 30 коп., а за четверть пая – 3 руб. 15 коп. сверх 12 руб. 60 коп., которые каждый за владение целого пая должен»¹.

При всех расчетах с государством и помещиком крестьяне учитывали стариков, неспособных работать, инвалидов и вдов. Для них либо делались послабления, либо они вообще не платили повинностей, которые за них вносила община, перекладывая тяготу на плечи тех, кто был способен работать.

Например, если по смерти крестьянина оставалась вдова, то за ней нередко сохранялся надел, который она могла бы обработать с помощью батраков; если же она не могла это сделать, то община платила за нее подати и если и забирала у нее землю, то только на время, до тех пор, пока не подрастут дети.

Для бедняков устраивали запасные участки, из которых им выделяли землю без обязанности вносить общинные повинности.

Из этого же запасного участка выделялось поле для общего посева, жатва и уборка его осуществлялись совместно всеми крестьянами, а хлеб шел в общее гумно. Из мирского хлеба оказывалась помощь старикам, сиротам, остальное же продавалось для уплаты государственных податей.

Из хлеба, собранного миром из общественной запашки, «общество назначает месячину за службу мужей солдаткам с их детьми, буде родственники держать его откажутся, также престарелым и одиноким, пережившим свои семейства, дабы оные не скитались по миру».

Воистину справедливы были пословицы: «На Руси никто с голоду не помирал» (имелось в виду, что в случае чего мир поможет). «Да и за голодного Бог заплатит», – считал крестьянин. Общественная защита бедных, нетрудоспособных, вдов, стариков, сирот гарантировалась всем крестьянским миром.

¹ Русская мысль. 1880, № 5, с. 100–101.

История доносит до нас голоса очевидцев разных губерний России.

«Когда же какого-либо крестьянина постигает несчастье, например выгорит у него дом, то крестьяне из сострадания к нему помогают в свободное от своих работ время, возят ему задаром дрова, с катища – бревна на новый дом и пр., преимущественно в воскресенье» (Вологодская губ.).

«В случае постигшего домохозяина несчастья, например пожара, мир дает бесплатно лес для постройки, если кто заболет, то мир бесплатно исправляет его хозяйственные работы: убирает хлеб, сено и т.п.» (Новгородская губ.).

«Обработать поле и убрать его у одинокого больного, а также привезти лес на постройку мир считает нравственной обязанностью; в тех редких случаях, когда кто-нибудь из однодеревенцев под предлогом недостатка лошадей отказывается участвовать в помощи, мир не приступает ни к каким карательным мерам, но общественное мнение осуждает его, а идти против мира редко кто решается» (Тульская губ.).

«...Каждый член общества трудится, выходя на работу для вспашки поля или уборки урожая у захворавшего домохозяина или бедной вдовы, вывозит лес на постройку сгоревшей у кого-либо из своих членов избы, платит за участки, отведенные беднякам, больным, старым, сирым, за отпускаемые им бесплатно: лес на починку избы, материал на изгороди и отопление, хоронит их за свой счет, вносит подати за разорившихся, поставляет лошадей для обработки поля хозяину, у которого они пали или украдены, несет хлеб, холст и прочее погорельцу, поит, кормит, одевает сирот, поселенных в его избе, и мн. др.» (Тверская губ.).

Крестьянская община была одной из главных стабилизирующих основ русской жизни. О необходимости ее сохранения говорили лучшие умы России.

«Общинное крестьянское землевладение, господствующее в России, – писал Д.И. Менделеев, – заключает в себе начала, могущие в будущем иметь большое экономическое значение, так как общинники могут, при известных условиях, вести крупное хозяйство, допускающее множество

улучшений... а потому я считаю весьма важным сохранение крестьянской общины, которая со временем, когда образование и накопление капиталов придут, может тем же общинным началом воспользоваться для устройства (особенно для зимнего периода) своих заводов и фабрик. Вообще, в общинном и артельном началах, свойственных нашему народу, я вижу зародыш возможности правильного решения в будущем многих из тех задач, которые предстоит на пути при развитии промышленности и должны затруднять те страны, в которых индивидуализму отдано окончательное предпочтение, так как, по моему мнению, после известного периода предварительного роста скорее и легче совершать все крупные улучшения, исходя из исторически крепкого общинного начала, чем идя от развитого индивидуализма к началу общественному»¹.

Курс на разрушение общины, принятый российским правительством в 1906, стал первым решительным шагом в сторону революции, так как разрушал основной оплот устойчивой крестьянской жизни. Столыпинская реформа разорвала связь времен, перечеркнула вековую крестьянскую традицию. После нее община в уже агонизирующем состоянии просуществовала до к. 1920–30-х годов, когда была официально ликвидирована при введении советской колхозной системы.

ГЛАВА 23. Артель. – Складничество. – Братства. – Ватага. – Дружины. – Товарищества. – Справедливость. – Круговая порука.

Воплощением соборности в труде была артель – добровольный союз (товарищество) равноправных работников, решавший производственные и хозяйственные задачи на основе самоуправления, взаимопомощи и взаимовыручки. Объединение людей в артель не только не ограничивало духа самостоятельности и предприимчивости каждого

¹ Менделеев Д.И. Собр. соч. М., 1952, т. 20, с. 326.

артельщика, а, напротив, поощряло его. Артель позволяла сочетать склонность русского человека к самостоятельному и даже обособленному труду с коллективными усилиями.

Началом равноправности артели резко отличались от капиталистических предприятий; попытки эксплуатации одних членов артели другими, как правило, жестко пресекались (в этом плане артель была антикапиталистической организацией). Причем равноправность не нарушалась предоставлением одному из членов распорядительной функции, так как каждый из членов мог быть назначен товарищами на ее выполнение. В некоторых артелях распорядительная функция выполнялась поочередно каждым из артельщиков. Равноправие, конечно, не означало уравниловки – распределение дохода осуществлялось по труду.

Чисто русской особенностью этой формы труда было также то, что члены артели связывались круговой порукой, то есть каждый из них ручался солидарно за всех остальных, все же вместе – за каждого отдельно. Этот признак вытекал из самого понятия об артели как о самостоятельной общественной единице. Эта ответственность друг за друга есть искони отличительный признак артели, доказательством чего служат дошедшие до нас исторические памятники, договоры с артелями, заканчивающиеся указаниями, что ответственность за ущерб и убытки, нанесенные артелью, должны падать на того, «кто будет в лицах», то есть на каждого конкретного члена артели. Все это лишний раз подчеркивало общинное происхождение артели, их кровное родство. Недаром А.И. Герцен считал артели передвижными общинами.

Общинные и артельные формы народной жизни и хозяйствования тесно переплетались между собой. Известны случаи, когда целые общины организовывали артель. В Вологодской и Архангельской губ. были часты случаи, когда деревни-общины образовывали артель по обслуживанию почты и переводов. Такие артели сами распределяли работу между своими членами, устанавливали норму выработки и оплату труда по гонке и перевозу.

Артелью, писал историк И.Г. Прыжов, называется братство, которое устроилось для какого-нибудь общего

дела. Русская артель имеет своего рода семейный характер: «Артель – своя семья». Про большую семью говорят: «Экая артель». Товарищеская взаимопомощь и общее согласие – главное в артели: «Артельная каша гуще живет», «Одному и у каши не спору», «В семье и каша гуще». Поэтому, справедливо утверждает Прыжов, у русского человека большое скопление людей получает смысл артели: «Народ по улицам артелями бродит»¹.

«Артельная система, – отмечал исследователь артели М. Слобожанин, – есть не классовая, а общечеловеческая система, форма же проявления ее – артель – есть союз личностей»².

В артели человек должен был проявить свои лучшие способности, а не просто приложить труд. Самоуправляемый характер артели был не в примитивном равенстве, а в равном праве для всех выразить свои способности вне зависимости от социального положения. В самых типичных артелях Древней Руси могли участвовать все без исключения при одном условии – признания ими артельных основ. В складочные пиры, в пустынные монастыри, в братства и в вольные дружины могли входить и «лучшие» и «молодые» люди, и смерды, и бояре, и духовные лица, и даже князя.

Артель – самоуправляемый трудовой коллектив. «Артель суймом крепка», – гласит древняя пословица. Суйм, или суем, – сейм, сходка, общее собрание. Люди объединяются для совместной слаженной работы, где каждый отвечает перед всеми другими. «Артель – своя семья», «Артель – круговая порука», «У артели брюхо да руки – нет другой поруки», «Что было в артели – все свертели».

Самоуправляемость артели вовсе не означала, что у нее нет начальника. «По ватаге – атаман, по овцам – пастух». Артель выбирает его из самых авторитетных членов, понимая, что есть вопросы, которые арифметическим сложением мнений не решишь. «Без атамана дуван не дуванят».

¹ Прыжов И.Г. Указ. соч., с. 175.

² Слобожанин М. Указ. соч., с. 69.

Нужна твердая воля, выражающая конечные интересы членов артели, но, конечно, не подавляющая их самостоятельности. «Артели думой не владети», ибо «сколько в артели голов – столько умов». Поэтому «один горюет, а один воюет». «Артель атаманом крепка». Руководители артели, кроме атаманов, назывались еще старостами и большаками.

Артель нередко предоставляет своему руководителю широкие права (если она ему доверяет), но и при всех обстоятельствах осуществляет за ним контроль, которого практически не избежнешь.

Профессор Г. Шульце-Геверниц, побывавший в России к. XIX в., отмечает принципиальные отличия русской артели от западноевропейских промышленно-ремесленных объединений. Если последние основаны на индивидуалистических началах, отмечает он, то русские артели охватывают всего человека, связывая его с остальными членами артели, заказчиками и государством круговой порукой. Еще одно важное отличие русской артели от западного кооперативного движения в том, что она ставит во главу угла не только материальный интерес (хотя он, конечно, не отрицается), но и духовно-нравственные потребности личности.

М. Слобожанин считает слово «артель» одного происхождения с древним словом «рота», «ротиться». Образовалось оно, по его мнению, путем перестановки букв по так называемому закону полногласия, все равно как от слова «рожь» производится слово «аржаной». Слово «рота» означает: божба, клятва, заклинание, а «ротиться» – божиться, клясться, заклинать, обетовать, присягать. Военская часть, принявшая присягу, обозначается по-русски и по-немецки тем же словом, только с переменной ударения – «рота». У тюркских народов от того же корня производилось и другое слово – «орта», или арта, что уже совсем близко к слову «артель». «Орта» означает община, союз людей¹. Такое объяснение происхождения слова «артель», на наш взгляд, вполне удовлетворительно, ибо подчеркивает особый характер ее возникновения путем общественного

¹ Слобожанин М. Указ соч., с. 6.

договора, взаимного согласия, выработки общих условий сосуществования, а также задач и целей. Все это скреплялось клятвой по христианскому обычаю на иконе, то есть своего рода присягой.

Древняя артель – добровольный союз нескольких лиц, согласных, то есть солидарных, между собой, доверяющих друг другу и скрепивших свои договорные отношения обетом или клятвой содружественных людей, преследующих общую цель свободного проявления каждым своей индивидуальности.

Многие ученые отмечают нравственный характер артелей, развитие которых объяснялось не столько погоней за прибылью, наживой, сколько более высокими духовно-нравственными соображениями взаимопомощи, взаимоподдержки, справедливости в распределении благ, извечной склонностью к самоуправлению и трудовой демократии.

Артели были не только деловыми объединениями, но и общественными организациями. По мнению русского человека, артель, как и община, – великая сила. «Артелью города берут». Русские артели возникали с самыми разнообразными целями. Кроме хозяйственных артелей (земледельческих, промысловых, ремесленных, торговых) существовали артели религиозные (братства), образовательные, воспитательные, общежительские, политические, уголовные и т.д.

Широкое развитие артели объясняется соответствием артельных форм жизни народному духу, «соответствием основных начал нравственности и справедливости, заложенных в артели, духу народа и тем непосредственным участием народных масс в артельном строительстве, которое сделало артели действительно русскими, бытовыми, чисто народными союзными организациями»¹.

Артельный характер жизни, выросший из общинных начал, принимал самые разнообразные формы и названия – складничество, братства, ватаги, дружины, товарищества и собственно артели.

Складничество в Древней Руси являлось одной из форм объединения людей для совместного ведения сельского

¹ Слобожанин М. Указ соч., с. 14.

хозяйства, промысла и торговли. Складничество среди купечества, связанного с внешним рынком, упоминается в источниках с XIII в. Купцы-складники (часто ими были родственники) организационно выступали как единое торговое предприятие, но доход они делили из расчета внесенных каждым из них паев (товаров). Они заменяли друг друга в поездках, неся материальную ответственность за доверенный чужой товар.

У В.И. Даля слово «ватага» обозначает дружную толпу, шайку, артель, временное или случайное товарищество для осуществления разных дел. В X–XV вв. летописи упоминают «старейшин древодельских», т.е. руководителей артелей плотников. В XII в. строительные рабочие объединяются в «братии», или «братчины», так в то время назывались товарищества, артели. В XII–XIII вв. «братии» («братчины») являются производственными и одновременно общественными организациями различных групп городских ремесленников – кузнецов, литейщиков, кожевников и т.д. Иногда артели назывались дружинами. Так, в 1420 псковичи «наняша мастера Федора и дружину его побивати церковь»¹. Здесь мастер – руководитель артели, пользующийся авторитетом как хороший специалист, получавший заказ под свою ответственность. Оплата распределялась между членами артели в зависимости от трудового вклада, осуществляясь частично натурой, частично деньгами.

Древняя русская артель складывалась на началах товарищества, как правило, из людей, хорошо знавших друг друга, односельчан, уличан.

Сохранились несколько артельных договоров. В XVII в. плотники Карп Федоров и Иван Гордеев «с товарищи» подрядились «зделать 3 дубины длиною 4-х саженьях, а в двух дубинах сделать 8 ступ 2-х аршинных, а третью дубину выгранить в 3 грани и растереть пилами да и кряж зделать по ступе и тех всех будет 10 ступ»². Выполнив эту работу, артель получала определенную договором сумму, которую делила между собой согласно трудовому

¹ Архив истории труда о России (АИТР). Пг., 1922. Кн. 4, с. 55.

² Труд в России. Исторический сборник. Пг., 1924, с. 37.

вкладу. Хочется особенно подчеркнуть одну «типичную формулировку договора «с товарищи», или «со товарищи». Она подчеркивала равноправный товарищеский характер деятельности членов артели.

Артели носников (лоцманов) и кормщиков (капитанов) известны были на Сухоне и Двине. Товарищеская солидарность, взаимопомощь определялась в специальных договорах – «одинашных» записях, которых сохранилось очень мало. Интересно привести одну из «одинашных» артельных записей 15 марта 1653 (заверено афанасьевским попом и подписано многими подписями).

«Се аз Тотьяна (тотемские – г. Тотья на р. Сухоне, ныне Вологодская обл.) посадские люди, а нижнесухонские носники, Юрия Тихонова сын Баев, да яз, Клим Михея сын, да Яз, Василий Иванов сын Попов (далее перечисляются еще 17 фамилий. – *О.П.*) ... и все нижнесухонские носники уговорились мы промеж собою мы полюбовно в том, что промеж собою, нам, носникам, в судовом деле друг за друга стоять и не подавать ни в чем. Буде от Тотемских и от Устюжских воевод какая обида будет, не по делу станут в тюрьму садить на Тотье и на Устюге, а буде которово нас, носников, в тюрьму посадят оне, воеводы, на Тотье и на Устюге, и нам, носникам, друг за друга стоять и стоять за един человек, и в обиду не давать, и государю бить челом, и нам, носникам, докахместь не выпустят ис тюрьмы, на судах не ходить, ни плавать. А буде тех носников не выпустят ис тюрьмы, и нам, носникам, из своеи братьи с совету выбрать ходока к Москве бити челом государю в воеводских обидах. А буде который из нас, носников, не станет друг за друга стоять и в тоя поры почнет на судах ходить и плавать, в кою пору носники в тюрьме сидят, и на нем взять в братью пятьдесят рублей денег. А в те поры государевых казенных судов нам, носникам, не держать ни вниз, ни вверх, и своих братьи носников отпущати на те казенные суды на Меженские на осенные, oprичь внешних сплавов, людей и дощаников, которые лодьи и дощаники с хлебом и с иным товаром поплуют в весну. В том мы промеж собою, носники, одиначную написали»¹.

¹ АИТР. Кн. 2, с. 58.

Русь долгое время была страной преимущественно деревянных построек, созданных руками многочисленных плотничьих артелей. Артельные древодельцы были искуснейшими мастерами по обработке дерева. Виртуозные создания их – настоящее искусство. Оно сохранялось в первозданном виде еще в довоенный период на Севере. Страшные события, прошедшие в нашей стране, уничтожили искусство плотничьей артели, почти не стало его живых носителей, и только редкие постройки и храмы, одинокие и забытые, как пирамиды фараонов, рассказывают нам о великих возможностях русской артели.

Строительные плотничьи артели являлись классическим образцом деятельности русской артели. Все члены плотничной артели были равноправны, но по степени искусства разбивались на три группы и получали свой заработок в зависимости от принадлежности к каждой из них. Меньше всего зарабатывали ученики, пока не получали должной квалификации. Для этого артель приставляла к ним опытного наставника.

Мелкие артели часто не выбирали старосту (не было необходимости). Зато в крупных артелях, особенно работавших в городах, выбирали даже двух старост. Один отвечал за хозяйство артели. Другой руководил работами, координировал их. Старосты, выполняя свои руководящие функции, не освобождались и от общей работы, выполняя ее наравне с другими артельщиками. Чаще всего плотничьи старосты за свою руководящую работу специальной платы не получали, а только в конце работы им могли по решению артели выделить небольшую премию – «на сапоги».

Другой распространенной областью строительных артелей были каменщики, строившие удивительные сооружения, ставшие образцами высокого искусства для последующих поколений.

История доносит до нас имя старосты каменщиков Василия Дмитриевича Ермолина, работавшего в сер. XV в., осуществившего ряд замечательных построек в Москве и других городах России. Артелей каменного дела на Руси известно бесчисленное множество, и были они «духовной силой, которая в течение столетий оказывалась способ-

ной воспитывать в недрах своих такие могучие таланты, какими являются эти зодчие, или они в иных отношениях – общественных и экономических – представляли собой такие влиятельные организации, без помощи которых даже могучие таланты не могли пробить себе пути в жизни. ...Строительная артель является перед нами, как большая общественная сила, оставляющая после себя, даже в то отдаленное время, столь заметную борозду в социальной жизни»¹.

Яркой иллюстрацией высокой продуктивности артелей является строительство каналов и железных дорог. При помощи самых простых орудий – тачка, лопата, топор, пила – было построено 893 км каналов и 1317 км шлюзованных участков рек. С 1838 по 1917 строительные артели, также безо всяких механических средств, провели более 90 тыс. км железных дорог. Великая Сибирская дорога протяженностью 7,5 тыс. км была построена за десять лет со средней численностью рабочих 7–8 тыс. человек.

Возьмем, к примеру, рабочих-строителей Петербургско-Московской железной дороги в сер. XIX в. Все они работали, объединяясь в артели человек по 80. С каждой артелью подрядчик заключал отдельный контракт, в котором оговаривались нормы выработки, продолжительность рабочего дня, условия питания, быта и отдыха. Работали с 1 мая по 1 ноября «если погода не воспрепятствует», в противном случае подрядчики имели право рассчитать и ранее, не производя плату за остальные дни до срока, по расчету. За дождливые дни плата рабочим не производилась, но продовольствие выдавалось. В артели соблюдалась круговая порука друг за друга. За неявку к началу работ, прогулы, пьянство, самовольную отлучку во время работ на артель накладывался штраф за каждого виновного по 50 коп. серебром в день, а за умерших в пути и не явившихся из-за болезни с артели вычитался задаток.

«Рабочие обязаны выходить на работы с рассвета дня и производить оные поурочно... (Им) полагается со вступлением в работу до 15 августа на обед и отдых времени два

¹ Николаев А.А. Теория и практика кооперативного движения. 2-е изд. Т. 1. М., 1919, с. 78.

часа; при завтраке и на ужине отдых не иметь, с половины же августа и после обеда отдыха не полагается».

Работа была очень тяжелая, ее тяжесть усугублялась злоупотреблениями подрядчиков, стремившихся сорвать куш с рабочих путем различных обчетов и недоплат. Ежедневно рабочий должен был выкопать и перевезти на тачке от 5 до 10, а то и больше тонн грунта. За перевыполнение нормы рабочим полагалась повышенная плата.

Жили артели в балаганах, бараках или землянках. За утерянный инструмент вычиталась его стоимость. Нетрезвое состояние и «непослушание» штрафовалось по 50 коп. серебром. Пьянство во время работ было крайне редким явлением.

Особо в артельных договорах определялись условия питания. «Продовольствие, или харчи, рабочим людям без различия вероисповеданий назначаются следующие. Постные дни: каша и каша с постным маслом, полагая то и другое круп 10 фунтов и масла 1 фунт на 10 человек; в скоромные дни каша с говядиной свежей или соленою на каждого человека в сыром ее весе более 300 грамм в день и каша с постным маслом. Хлеба ржаного досыта; но продавать и разбрасывать хлеб, оставшийся от стола, рабочим воспрещается, под опасением взыскания по 10 коп. серебром за фунт и в штраф за каждый раз по рублю серебром».

За сезон артельщики (кроме питания) получали 35 руб. серебром, из которых 6 руб. отдавали в виде казенных податей, стоимость дороги на работу и обратно – 3 руб., паспорт и разные вычеты – еще около 3 руб. Оставалось на руках около 23 руб. Конечно, за свой счет рабочий покупал сапоги, одежду, рукавицы, белье. Но даже с учетом этих личных надобностей у него оставалось чистыми около 19 руб. На эти деньги можно было купить две коровы или лошадь, стоимость пары сапог была 70 коп., а овчинный полушубок (дубленка) – 2 руб.

По мнению современников, за такой тяжелый труд плата была недостаточна, хотя и удовлетворяла многих артельщиков. Однако нередко подрядчики, стремившиеся нажиться за счет рабочих, обсчитывали их и не выплачивали денег. В таких случаях артель снималась с места

и уходила, призывая поступать так же и другие артели. Вот что, например, случилось в июле 1850. Материалы официального рапорта стоят того, чтобы привести их полностью, так как они отражают артельный дух, артельное стремление к справедливости, артельную ярость по отношению к эксплуататорам, которыми здесь выступают подрядчик Кузьмин и его приказчик Мошенский вкупе с царскими жандармами: «5 числа сего месяца сбежали с пункта работ... (артель) ... в числе 80 человек по невыдаче им подрядчиком Кузьминым и К^о 1 числа июля заработной платы... корпуса жандармов поручик Анисимов с унтер-офицером Семенцом и приказчиком подрядчиков Мошенским отправился за ними в погоню, настигнув их в 15 верстах, где они расположились отдыхать, начал убеждать их возвратиться на место работ, объявив при этом, что деньги будут им тотчас выданы, но все рабочие, вооруженные дубинками, крикнув «ура», двинулись вперед, увидев же, что Анисимов их преследует, свернули в болото. Между тем поручик Анисимов, оставшись на дороге в лесу, успел остановить старосту артели, уговаривая его убедить рабочих возвратиться, но они, увидев своего старосту, стоявшего у тарантаса, закричали ему: ты нам изменил – и, бросясь к нему, сбили с ног и начали его жестоко бить. Когда Анисимов, видя такое ожесточение рабочих, хотел остановить это буйство, то в это время один из них нанес ему столь сильный удар дубиной, что он упал без чувств, и вся артель закричала: выпрячь лошадей, побьем всех их... (но жандармам удалось бежать) ... О происшествии известили местного станового пристава для принятия нужных мер к удержанию артели. Один из рабочих, пойманный приказчиком Мошенским, показал, что он был послан от артели к другой, находящейся близ деревни Кузнецовой, для объявления его, что они уже бежали и чтобы они также не мешкали, но как они не приняли этого предложения, то он, возвратясь на работу и не застав уже своей артели, отправился их догонять, и что бежавшая артель должна идти на г. Осташков, почему полковник Виланд приказал Мошенскому ехать туда для удержания артели... Сообщив вместе с сим г.г. гражданским губернаторам: Новгородскому, Тверскому, Псковскому и Витебскому – о приоста-

новлении означенной артели рабочих и о возвращении их на место работы... с задержанием зачинщика в остроге... Для отвращения же на будущее время подобного буйства, имею честь покорнейше просить Ваше Сиятельство о производстве над преступником, посягавшим на жизнь поручика Анисимова, военного суда и о наказании его на линии железной дороги, при собрании рабочих с каждой артели по несколько человек». Начавшееся по этому делу расследование подтвердило серьезные злоупотребления со стороны подрядчиков.

Перед открытием судоходного и рыболовного сезона начиналась борьба между предпринимателями за рабочие руки. Подражались целыми партиями-артелями и на весь сезон. Если рабочих рук не хватало, артель могла включить в договор плату, в 2–3 раза большую, чем обычно. Нанимались, как правило, на хозяйских харчах, заключались письменные договоры, выдавались задатки, и все это при круговой поруке – ответственности всех членов за каждого и каждого за всех.

Старообрядцы, продолжая сохранять трудовые традиции и идеалы Древней Руси, внесли огромный вклад в развитие промышленных промыслов на артельной основе. Все их предприятия строились на артельных началах и скреплялись круговой порукой. В свои артели они старались привлекать единоверцев; административные должности принадлежали также им; во главе предприятий стояли самые заслуженные старообрядцы, выбившиеся из низов, обладавшие сильным природным умом.

И недаром исследователи считают, что в «течение долгого времени лучшая часть населения и рабочих на фабриках и заводах состояла из старообрядцев». В Москве в руках старообрядцев находилась большая часть ткацких мануфактур – льняных, хлопчатобумажных, шелковых и шерстяных, басонных и позументных. Яркий пример – фабрики Гучковых в Лефортове, со всех сторон окруженные поселками рабочих, преимущественно старообрядцев. Один из попечителей московского Рогожского кладбища Кузнецов организовал производство фарфора, приобретшего общероссийскую и даже мировую известность. Основатель московского Преображенского кладбища Ковылин в к. XVIII в.

создал ряд кирпичных заводов, хорошее качество продукции которых стало нарицательным по всей стране. Знаменитые морозовские фабрики начались в Москве и перебрались в Зуево и Иваново-Вознесенск. В Богородском, Бронницком, Егорьевском и Покровском уездах по течению р. Гуслицы, как раз на стыке Московской, Рязанской и Владимирской губ., образовались целые старообрядческие регионы, сохранявшие преимущественно артельную организацию труда и трудовые идеалы Древней Руси. Жители-старообрядцы этих местностей создали разветвленные кустарные промыслы. А как не вспомнить, что мукомольное дело во всем Поволжье организовали старообрядец Бугров и некоторые другие его единоверцы. Старообрядец Сапожников организовал на Волге тысячи рыболовных артелей. В Семеновском и смежном с ним уездах Нижегородской губ. производство всей так называемой «горящины», то есть точеных и резных изделий из дерева, осуществлялось преимущественно артелями старообрядцев или небольшими частными фабриками, но с артельной организацией труда¹.

Конечно, развитие ремесленного производства на артельной основе было распространено не только среди старообрядческого, но и среди всего русского населения.

Очень часто российские ремесленники объединялись в артели для пользования общими сооружениями, орудиями труда, кузницами и другими техническими средствами. Гончары объединялись, чтобы иметь общий горн, кузнецы – общую кузницу, ткачи – большое светлое помещение, все они, да и другие ремесленники, – склад для сырья, материалов и готовой продукции. Такие артели обычно назывались подсобными, или вспомогательными.

Например, в губерниях, где был распространен гвоздарный промысел, кустари образовывали артельные кузницы, куда входили от 5 до 18 гвоздарей.

Ремесленники-бочары Алатырского у. Симбирской губ. образовывали артели по 80–90 домохозяев, каждый из которых вносил в артельную кассу до 200 рублей. На эти деньги покупался лес. Артель переселялась на купленный участок, нанимала там квартиру, заводила общий стол.

¹ АИТР. Кн. 5, с. 30–31.

И общими силами начинала валить лес, подготавливать его к производству бочек. непригодный для бочарного промысла лес продавался на месте, а пригодный погружался на баржи и отправлялся в Самару, Хвалынский, Саратов и другие места, где артельщики изготовляли бочки¹.

В г. Сурки Лебедянского у. Тамбовской губ. существовала артель по производству каменных жерновов из 48 человек. Жили члены артели недалеко от каменоломни в землянках, имели общий стол. Были у них свои инструменты, а также специальная кузница для ремонта сломанных инструментов. Работу и все хозяйство артели координировали два выборных старосты, работавшие наравне с прочими артельщиками. Изготавливаемые жернова собирались в общем складе и прямо оттуда продавались окрестным крестьянам.

Артельный дух русских работников всегда принимался правительством как реальность, с которой надо считаться, хотя отношение к нему у разных царей и правителей было неодинаковое. Одни только мирились с ним, другие, их было мало (такие, как Анна Иоанновна и Бирон), пытались даже бороться, третьи (Петр I, Екатерина II) стремились поддерживать его.

Правительству приходилось считаться с крестьянскими традициями трудовой демократии и самоуправления. Петр I, а за ним и Екатерина II создали и развивали ремесленные цехи на основах, рожденных еще средневековыми ремесленными артелями, дружинами и братиями. В тех случаях, когда на заводы привлекались крестьяне, труд организовывался с учетом их общинных и артельных представлений. Характерный пример – организация внутреннего самоуправления приписных крестьян во время исполнения ими вспомогательных работ на заводах, впервые выработанная кн. Вяземским для Ижевского и Воткинских заводов (1763), а затем распространившаяся на другие заводы. Приписные крестьяне, работавшие на заводах, делились на сотни, которые должны были выбирать ежегодно с общего согласия сотника, выборного, старост и по два писчика. Протоколы о выборах за подписью крестьян

¹ АИТР. Кн. 5, с. 25.

отсылались в заводскую контору, чтобы она могла знать, с кого требовать исполнения ее распоряжений. Все выборные, по желанию крестьян, могли переизбираться и на следующий год. Крестьянские выборные занимались разбором всяких ссор между крестьянами, назначением работников на определенные виды работ по требованию руководства завода, выбором и отсылкой на завод здоровых, годных людей, если контора будет нуждаться в мастеровых, а также наблюдением за порядком выполнения работ крестьянами. То есть крестьянам давалось полное самоуправление. Если в какой-нибудь сотне явится ослушник, который не только сам не будет повиноваться, но и других станет подговаривать к неповиновению или к какому-либо другому «злу», то таких, не давая им усиливаться, брать под караул, и «ежели злость не велика», то при мирском сходе высечь нещадно; если же окажется какое-либо «злое намерение», то, «прописав непорядки», означенного человека отсылать вместе со свидетелями в заводскую контору, которая производит расследование и, если определяет, что «злодейство гораздо велико», отправляет дело виновного в государственный суд. Если при решении какого-либо дела между выборными происходило разногласие, то его решали все крестьяне на сходе. Если на сходе не было достигнуто единодушия, то представитель управителя вместе с двумя выборными или сотниками из других сотен должны были вынести решение. Точно так же если случался спор между разными сотнями или между сотней и ее выборными органами, то его решает управитель вместе с двумя сотниками или выборными других сотен.

При Екатерине II дело дошло до того, что даже рабочих из беглых крестьян и беспаспортных организовывали в артели. Указ гласил, что всех их следует «разделить на десятки и к каждому десятку выбрать десятника, к пятидесяти – пятидесятника, а ко всем – одного выборного, опоручить их кругом, а буде из них по десяткам или порознь будут в состоянии поставить порук и не из между себя, а из посторонних людей, мещан или крестьян... людей надежных, то и сих поручительства принять»¹.

¹ АИТР. Кн. 8, с. 99–100.

В XVIII – н. XIX в. артельные формы труда широко применялись на заводах и фабриках, что явилось одной из главных причин бурного развития крупной железодельной промышленности, которая уже с 1730-х обогнала Англию. К 1782 выплавка чугуна на всех заводах России достигла 7,5–8 млн. пудов, то есть была значительно выше, чем в Англии, Швеции, Франции, Пруссии или Америке. Не мы ввозили железо из-за границы, а наоборот, Запад потреблял ежегодно до 4 млн. пудов русского железа. А это доказывает, что у нас железо производилось дешевле и лучшего качества¹. Хорошие результаты наблюдались и в других отраслях. Однако в н. XIX в. Россия начинает сильно отставать экономически от западных стран. Одна из главных причин отставания, наряду с тормозящим влиянием крепостного права, – механическое копирование в российской практике западноевропейских форм организации труда, отказ от артельности, ставка на несвойственный русскому народу индивидуализм, превращение работника в «винтик» производства.

Артели, работавшие на российских заводах, выбирали из своего состава старост, старшин и других выборных, а также нередко и писарей для ведения общих дел. По обычаю заводские артели могли решать вопрос наказания своих членов. Виновные в лености, нерадении, небрежности, недобросовестности, пьянстве наказывались своими же товарищами весьма сурово. По словесному приговору артели за перечисленные выше проступки член артели мог быть наказан розгами, а часть причитающейся ему платы удерживалась в пользу артели. Конечно, такие суровые меры, как наказание розгами, артели вынуждены были применять в крайнем случае. В ряде других промышленных регионов случаи наказания розгами были редки. В очерке олонецких заводов сер. XIX в. рассказывается, что быт мастеровых в них отличается довольством. «Неиспорченная нравственность и трезвость – преобладающие в них достоинства»².

¹ АИТР. Кн. 5, с. 101.

² Струмилин С.Г. Очерки экономической истории России. М., 1960, с. 132.

На Кувшинском заводе на Урале артельные формы организации труда существовали в кричном, листокатальном и ударно-трубочном цехах. Ежегодно артели заключали договор, которым определялись отношения как членов артели между собой, так и самой артели к администрации завода. Члены артели получали все необходимые материалы от администрации завода по установленным ценам, производили по своему усмотрению (но под наблюдением заводского мастера) оговоренные объемы работ, а за них получали плату через выборных доверенных. Заработок делился между членами артели соразмерно количеству и качеству их труда.

Вот договор, который заключался артелью с администрацией завода:

«1) Артель обязуется содержать полный состав людей, необходимых для управления доменными печами; 2) содержать сторожей для охраны зданий и машин; 3) припасы получать из заводских запасов по установленной цене; 4) содержание всех машин и поправку их, равно и других заводских сооружений (железных дорог, ворот), принимает на свой счет, кроме капитальных исправлений; 5) инструменты, существующие в наличности, артель получает от завода, в случае же недостатка покупает на свой счет; 6) артель получает по истечении каждого месяца плату... (далее идут установленные расценки); 7) артель обязуется вести счета и расчеты по шнуровным книгам, которые должны быть всегда открыты для заводоуправления. Из заработка артели поверенный ее на основании рабочего журнала удовлетворяет рабочих платой в установленном размере, а остальные хранятся как запасный капитал, который делится по окончании всех расчетов пропорционально назначенным платам за вычетом двух процентов в кассу горнозаводского товарищества; 8) артель обязуется выплавлять чугун под руководством управления завода и вообще выполнять все его требования; 9) мастер обязуется наблюдать, чтобы все работы производились своевременно и надлежащим образом; каждый рабочий исправным выполнением своих обязанностей должен помогать мастеру; 10) каждый рабочий, член артели, обязуется служить делу честно и добросовестно, быть

почтительным, вести себя добропорядочно, совестливо исполнять и в свое время оканчивать работу и вообще всеми средствами содействовать пользам завода; в случае каких-нибудь несправедливых и незаконных требований со стороны служащих по заводу обязывается сообщать через доверенного мастера или лично для должного разбирательства управителю завода».

В договоре перечисляли наказания для членов артели, нарушавших договор и относившихся к работе недобросовестно.

«...11) за каждый день неявки на работу рабочий подвергается взысканию двухсуточного жалования; в случае повторной же неявки до 3-х раз в месяц виновный может быть исключен из артели; кто явится на работу в нетрезвом виде, тот подвергается тем же взысканиям; вообще за всякое небрежное исполнение своих обязанностей, смотря по важности проступка, виновный подвергается взысканию от 1- до 7-суточного содержания; 12) за неправильное расходование (руды, флюсов, угля) полагается исключение виновного из артели и штраф артели от 3 до 10 рублей, за неправильную сдачу чугуна – исключение виновного из артели и штраф от 5 до 20... рублей, за отливку вещей для себя и для продажи – исключение виновного из артели и штраф артели от 5 до 25 рублей... 14) исключение из артели может быть произведено по приговору 2/3 членов или по предложению управителя, с утверждением горного начальника». Артель обладала широкими правами, однако ее деятельность строжайшим образом контролировалась, а в случае необходимости штрафовалась администрацией. В артельных договорах можно встретить даже в XX в. древнюю русскую формулу труда – «служить делу честно, добропорядочно, совестливо»¹.

Незадолго до революции на Архангельско-Патийском заводе образовалась артель углекопов человек в восемьдесят. Все они были связаны круговой порукой, принимали участие в работе по восемь часов в трехсменной очереди. Доходы распределялись между членами по количеству обработанной поденщины два раза в месяц. Если кто из

¹ АИТР. Кн. 5, с. 101.

членов хотел добровольно выйти из артели, то был обязан предупредить ее за две недели. Но даже выбывший из артели член оставался ответственным по ее делам в течение трех месяцев со дня выхода. Для руководства артелью была избрана комиссия из тринадцати членов-учредителей¹.

Еще больше примеров артельных форм организации труда мы находим в XIX в. В 1861 к начальнику Гороблагодатских заводов на Урале Грамматчикову пришли представители артели и предложили артельным способом взяться за изготовление ударных трубок для артиллерийского ведомства. Первый такой подряд был выполнен успешно, и более того, трубки, стоившие казне ранее 50–70 коп., обошлись по 45 коп. Членами артели были сделаны многие усовершенствования, ручные работы выполнялись механическими средствами. Число членов артели выросло с 60 до 150 человек, кроме того, наняли еще 100 человек. Позднее начальство стало препятствовать самоуправлению рабочих, казенные заказы передали в Петербург, и артель заглохла по не зависящим от нее причинам. Аналогичная артель возникла на Екатеринбургском механическом заводе, где тот же начальник Грамматчиков сам предложил рабочим организовать артель по производству лафетов. Название она получила знаменательное – «Братство» – и вошли в нее 87 человек. Артель должна была брать дрова и уголь из запасов Монетного двора по заготовительной цене, материал же для производства и припасы иметь свои; кроме казенных заказов, артель могла работать и по частным заказам, с платой в казну за пользование машинами 6% с суммы заказа².

В 1860-х и посл. годах на Сибирских золотых промыслах широкое развитие получили артели золотодобытчиков. Это было время, когда происходило объединение и измельчание золотых приисков. Поэтому использование артельных форм пришлось как нельзя кстати, оно позволяло экономить на содержании многочисленной администрации, создавая у рабочих особую заинтересованность в результатах своего труда. Артели золотодобытчиков коле-

¹ АИТР. Кн. 10, с. 67.

² Там же, с. 71.

бались от четырех до восьми человек (иногда в них было только два человека). Общими делами артели заведовали выборные старосты, на обязанности которых была забота о нуждах артели, распределение работ между членами, сдача золота, наблюдение за правильной записью забираемых в приисковой лавке припасов, передача артели распоряжения приискового управления. Авторы, изучавшие эти артели, отмечали их высокую привлекательность для рабочих. «Кто стал ходить на золотники, тот уже редко возвращается на общие работы, каковы бы ни были превратности золотничной работы. Работая самостоятельно, рабочий чувствует себя свободнее, изменяется даже его способ держать себя и говорить с начальством»¹.

Древний навык к артельным формам труда и хозяйствования служил предпосылкой к передаче предприятий в руки рабочего самоуправления: коллективам предприятий, объединенных в рабочую артель. Об этом неоднократно говорилось во 2-й пол. XIX в. По мнению Д.И. Менделеева, побывавшего в к. XIX в. на Уральских металлургических заводах, многие из них могли бы быть переданы артельно-кооперативному хозяйству.

В 1908 артель из 100 человек взяла в аренду на 25 лет Дедюхинский солеваренный завод. Завод состоял из четырех варниц, нескольких рассоло-извлекательных труб, амбаров и парового двигателя. «Но завод был сдан в жалком, полуразрушенном виде, так что оказался необходимым крупный ремонт. После энергичных строительных работ летом 1909 была пущена в ход первая варница, затем вторая и третья, и в течение первого же года своей деятельности артельный завод выпустил около полумиллиона пудов соли высокого качества»².

Попытки рабочих взять заводы в аренду и работать там на артельных началах неоднократно отмечались и перед самой революцией. В 1905 400 семей рабочих обратились в правительство с просьбой передать им в аренду Нижне-Исетский железодобывательный завод возле Екатеринбурга,

¹ АИТР. Кн. 10, с. 69.

² Там же, с. 23.

который государство хотело закрыть из-за его убыточности. Рабочие заявили, что если завод будет сдан им в аренду, то они образуют товарищескую артель по уставу, утвержденному правительством, и займется производством сортового, листового и кричного железа, механических и кузнечных изделий. Сделать завод из убыточного прибыльным рабочие полагали путем удешевления материалов и уменьшения накладных расходов, чтобы таким образом понизить цену вырабатываемого железа до возможности успешной конкуренции с изделиями частных заводов¹. Министерство земледелия и государственных имуществ, на имя которого пришло прошение рабочих, отнеслось к нему весьма скептически, считая, что рабочие не смогут создать прибыльного производства. Попытки создать артельное ведение хозяйства на Нижне-Исетском заводе уже были в 1890 и не увенчались успехом. Министерство также вспомнило неудачный опыт организации артельного хозяйства рабочих механического цеха Воткинского казенного механического завода. Причина неудач развития артельного способа ведения хозяйства крылась в отсутствии действенной поддержки. Товарищеские артели не могли в полной мере получить кредита, им препятствовали в перевозке их продукции, путем различных махинаций негласно бойкотировали ее на рынке. Да и вообще, могли ли развиваться артельные товарищества в условиях господства таких монополистических объединений, как Продамет, словно щупальца спрута схвативший в свои руки почти весь металлический рынок России? Государство же вместо активной поддержки артельных товариществ в этой отрасли ставило их в одинаковые условия с частными предприятиями, действующими путем сговора и закулисных махинаций, и тем самым предопределяло их неуспех.

Земства по мере возможности оказывали артелям помощь в аренде предприятий. Так, Саратовское губернское земство в 1903 арендовало для артели кустарей-кожевников завод, находящийся в с. Базарный-Карбулак. Объем продукции, выпускаемой этим заводом в месяц, – 2 тыс. руб. Необходимый оборотный капитал в 7 тыс. руб. был от-

¹ АИТР. Кн. 10, с. 70.

пущен губернской управой. Земство же вносило арендную плату за завод, ремонтировало его, отапливало и освещало. Сырье также поставлялось земством. Получаемая чистая прибыль за отчислением 3% на капитал, выданный земством, распределялась между членами артели. За целостность имущества, принадлежащего земству, артель отвечала круговой порукой¹.

Наряду с традиционными формами артелей в предреволюционной России существовала их видоизмененная форма – кредитные товарищества. В 1910 в России существовало свыше 9 тыс. кредитных товариществ (помимо ссудо-сберегательных, которых было 3486), свыше 8 тыс. потребительских обществ и лавок, свыше 4 тыс. крестьянских обществ и товариществ, насчитывалось свыше 10 млн. членов кооперативов, что вместе с их семьями составляло около 50 млн. человек.

Кредитные товарищества и кооперативы были заняты не только кредитными, но и хозяйственными операциями – закупками и сбытом, арендой земли, мелиорацией, организацией производства и т.п. Эти кооперативы выросли главным образом на средства казны. В 1914 она вложила в них в виде ссуд свыше 100 млн. рублей.

Целый ряд кредитных кооперативов был создан специально как артельные предприятия с промысловыми и сельскохозяйственными целями: по металлическим производствам (в Нижегородской, Ярославской, Пермской губ.), столяров, мебельщиков, корзинщиков, производителей сельскохозяйственных машин и орудий, сапожников, кожевников, гончаров, огородников, хмелеводов, виноделов, маслоделов, табаководов, рыболовов, хлопководов и мн. др. Среди артелей-производителей сельскохозяйственных машин и орудий особенно прославились Благовещенское кредитное товарищество, снабжавшее своими веялками Европейскую Россию и Сибирь, и Саранское кредитное товарищество Пензенской губ., известное своими дешевыми, но качественными молотилками.

В Петербурге возник целый ряд кредитных товариществ, состоявших почти исключительно из «пролета-

¹ АИТР. Кн. 10, с. 12–14.

риев», работавших по найму у хозяев-ремесленников. Это были артели кроватщиков, слесарей, сапожников, столяров.

Конечно, не всем кредитным артелям удавалось выжить в конкурентной борьбе с капиталистическими предприятиями, особенно в условиях крупных городов. Так, лопнуло самое крупное по оборотам и числу членов Петербургское кредитное товарищество кроватщиков, оставив после себя значительные долги.

Особое место среди российских кооперативов занимали с.-х. общества – садоводства, огородничества, виноградарства, хмелеводства, пчеловодства, молочного хозяйства.

Сельскохозяйственные общества нельзя путать с сельскохозяйственными товариществами, которые создавались для организации производства, подсобных промыслов, организации сбыта и закупок, земельных покупок, аренды земли, мелиорации (903 товарищества в 1913). Как сельскохозяйственные общества, так и сельскохозяйственные товарищества в России широкого распространения не получили (всего их было около 4 тыс.).

Это объясняется тем, что по всей России существовала самая массовая артель в сельском хозяйстве – община, которая выполняла многие из этих функций.

Сельскохозяйственные общества создавались преимущественно с целью подъема земледельческой культуры. С инициативой их создания, как правило, выступали не сами крестьяне, а «земские агрономы, благожелательные земцы, помещики и разного рода деревенские интеллигенты, не чуждые агрономической жилки». Кредита эти общества не имели, коммерческие операции почти не вели.

Характерным примером развития артельного движения в предреволюционный период стал стремительный рост маслодельных артелей Сибири. В отличие от кредитных товариществ, имевших мало корней в истории России, маслодельные артели являлись в чистом виде традиционными формами хозяйствования.

Толчок широкому росту сибирских маслодельных артелей дала Великая сибирская дорога, связавшая Сибирь с крупнейшими центрами страны и Западной Европы.

О масштабах этого роста можно судить по таким цифрам: в 1894 по сибирской железной дороге вывезено 400 пудов масла, а в 1910 – 3789,7 тыс. пудов на сумму 52 млн. руб. Новое сибирское маслоделие стало давать золота вдвое больше, чем вся сибирская золотопромышленность. Нельзя не отметить, что сибирские артели стали источником наживы для западноевропейских капиталистов. «Сибирское «артельное масло», – писал в 1914 исследователь российской кооперации Н. Катаев, – побывавшее в руках датских контор, является потом на английский рынок под наименованием «датского» масла, причем разница в ценах «артельного» масла и «датского» масла весьма-таки значительна и, конечно, дает солидный плюс к обычному коммерческому барышу. Дорого стоит сибирским «артелям» и пресловутый Лондонский акционерный «Унион», за которым скрывается крупная лондонская фирма Лонсдэйль. Таким образом, сибирские кооперативы все же достаточно изрядно «обрабатываются» капиталистами»¹.

Сибирские маслодельные артели принадлежали, как правило, зажиточным крестьянам. Деятельность их основывалась на договорах, подписанных всеми участниками и занесенных в книгу сделок и договоров крестьянской волости. Каждый член артели отвечал всем своим имуществом за обязательства артели. В артелях была создана сплоченная организация с жестким внутренним распорядком, строгим учетом и контролем, со штрафами и исключениями из числа членов артели за нарушение условий договора. Разбогатев, маслодельные артели стали проявлять предприимчивость и в других областях деятельности – открывать потребительские лавки для собственных нужд, склады молочных машин и материалов, сельскохозяйственных машин, орудий, семян, удобрений. Так постепенно на базе маслодельных артелей возникали универсальные производственные, снабженческие и сбытовые кооперативы.

Артельное движение пронизывало все социально-экономические поры России, концентрируя вокруг себя силы, активно противостоящие системе паразитизма и

¹ Русская мысль. 1914. Кн. 7, с. 16–18.

капитализма. Чтобы вполне представить его многообразие, разветвленность и переплетения, воспользуемся схемой, составленной М. Слобожаниным в его книге «Историческое развитие идей артельного движения (1919)». Все российские артели составляют четыре основные группы: I. Духовные. II. Правовые. III. Хозяйственные, или экономические. IV. Общежительские.

I. Бытовые артели духовного характера. Они принимали характер:

- а) религиозный,
- б) развлечений и увеселений,
- в) удовлетворения умственных потребностей (совместная выписка газет, книг, совместный наем учителя и т.п.).

II. Бытовые артели правового характера для поддержания уровня заработной платы, условий труда. По сути дела, эти артели содержали в себе задатки рабочих профессиональных союзов.

III. Бытовые артели с хозяйственными экономическими задачами. Сюда относились две самые большие группы российских артелей – промысловые и сельскохозяйственные.

IV. Общежительские товарищества и артели объединяли лиц, как занятых производительной трудовой деятельностью, так и не занятых ею.

В дополнение к приведенной картине российских артелей следовало бы выделить то, что М. Слобожанин, по-видимому, считал само собой разумеющимся выделить артельные формы организации труда на государственных и частных предприятиях. Как мы видели выше, они широко распространились на российских заводах и фабриках одновременно с сугубо индивидуалистическими формами организации производства и труда, насаждаемыми сторонниками «западноевропейской цивилизации». Таким образом, необходимо все время разделять понятие «артель» как предприятие и артель как форма организации труда и производства в государственных или частных заведениях. Поэтому в схему артельного движения Слобожанина вводим еще один, пятый раздел.

V. Артельные формы организации труда и производства на государственных и частных предприятиях (артельный подряд).

В 1915 Российское министерство торговли и промышленности опубликовало далеко не полный «Справочник об артелях трудовых». Сюда входили сведения об артелях как организациях, но отнюдь не о числе предприятий, применявших артельные формы организации труда. Причем это были артели с утвержденным официальным органом уставом, а у абсолютного большинства российских артелей никаких уставов не было. Так уж повелось.

В этом справочнике значилось 507 артелей, из которых первое место занимали артели грузчиков и крючников – 53, затем шли посыльные и носильщики – 31, далее строительные рабочие – 25, маляры и живописцы – 24, ночные сторожа и караульные – 15, чертежники, техники, землемеры и т.п. – 13, монтеры и водопроводчики – 8.

Были в этом справочнике 7 артелей газетчиков и продавцов произведений печати, 6 артелей театральных капельдинеров, 6 артелей бухгалтеров и конторщиков, 4 артели парикмахеров, 3 – комиссионных и по поставкам служащих, 3 артели дворников и домовой прислуги, 3 артели по убою скота, 3 артели полотеров, 2 артели печников. Кроме того, в этом справочнике числится по одной артели банщиков, водолазов, якорщиков, музыкантов, стенографов и интеллигентных тружеников.

Отдельно в указанном справочнике значились кредитные товарищества (кооперативы). Среди них – союзы лиц, занятых в транспортной промышленности, – 29, по обработке металлов и изготовлению орудий и машин – 29, официантов, поваров, кондитеров – 29, по изготовлению предметов одежды – 28, по обработке дерева – 27, ювелирные – 19, сапожные – 15, переплетные и типографские – 8, кожевенные и скорняжные – 8, кирпичные – 4, мраморные – 4, ткацкие – 3.

Большое место в справочнике занимали кустарные артели, среди которых чаще всего встречались сапожные – 19, кузнечно-слесарные и по изготовлению различного рода орудий – 9; а потом шли столярные – 6, ткацкие и кружевные – 3, рогожные – 3, портняжные – 2¹.

¹ Русская мысль, 1914. Кн. 7, стр. 16–18.

Все чаще и чаще артели объединяются в союзы для того, чтобы противостоять системе частного предпринимательства. В 1914 возникает Московский Артельсоюз, объединивший 13 артелей, в 1915-м – Боровичско-Валдайский союз из 28 артелей¹.

Очерк о русской артели уместно закончить словами проникновенного исследователя народных форм жизни М. Слобожанина: «Жизнь, конечно, далеко не всегда осуществляла во всей полноте такие именно основы артельных организаций, какие были отмечены нами выше: такими они были в отвлечении, в идеале, созданном народным творчеством, к таким он стремился в своих исканиях правды жизни и, ради этой правды, не мог отказаться от них. В этих идеалах воплощал он не только стремление к улучшению своего материального положения, но и стремление личности к освобождению... к равноправию, к народоправию и сознательности, к уважению человеческого достоинства в себе и других, к дружбе, братству и т.д. Все эти прогрессивные течения, оставшиеся таковыми до сих пор, народ облек без посторонней помощи в понятие об идеальной артели, и, естественно, крепко держался за нее, и, несомненно, будет неуклонно идти к ней до тех пор, пока она не станет для него действительностью, реальностью. Стремление к лучшему не только в экономическом, но и в нравственном отношении – неистребимо в человечестве, и Русский народ, издавна создавший себе идеал этого лучшего, несомненно, никогда не изменит ему»².

¹ АИТР. Кн. 10, с. 71–72.

² Слобожанин М. Указ. соч., с. 14.

ДУХОВНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СВЯТОЙ РУСИ

ГЛАВА 24. Душа. – Сердечность. – Совесть. – Стыд.

С древнейших времен главным понятием в жизни русского человека была душа. Представление о ней глубоко разработано русскими мыслителями и мудрецами, святыми и подвижниками. В понятиях Святой Руси душа – божественная основа человека, его жизненное начало, вместилище духовной потенции и способности к духовно-нравственному совершенствованию, по учению Нового Завета. Душа бессмертна и не умирает вместе с телом. Душа есть сам человек, его личность, но эта личность может быть бессмертна, только если душа будет спасена. Забота о спасении души – главное в жизни человека. От того как человек прожил свою жизнь, душа либо спасается, либо обрекается на вечную погибель и соответственно идет либо в рай, либо в ад. После Страшного Суда душа соединяется с воскресшим телом.

В понятиях Святой Руси душа резко противопоставляется телу: «Чистота духовная паче телесной», «Телу простор – душе теснота», «Что телу любо, то душе грубо», «Душа прохладу любит, а плоть пар», «Плоть грешна, да душа хороша», «Грешное тело и душу съело», «Душе с телом мука».

Для русского человека душа, душевные качества – главное в жизни. Об этом свидетельствуют народные пословицы: «Душа всему мера», «Душа меру знает», «Душа не принимает; с души прет, скидывает», «Душа душу знает», «Душа с душою беседует», «От души рад», «Мы с ним живем душа в душу», «Душа заветное дело». О человеке, который совершил неблагоприятный поступок, говорили: «Покривил ты душой. Не пожалел ты души своей», «У него тело без души, бездушное тело, бездушный

человек». Понятие души у русского человека тесно связано с понятием сердца. Сердце, в понимании человека Святой Руси, – способность чувствовать, любить и делать добро. «Верь тому, что сердце скажет, бойся думать без участия сердца, – говорили русские люди. – Жизнь есть рай, когда любовью сердце сердцу весть дает».

Однако сердечное чувство нуждается в духовном наставлении. Как пишет Феофан Затворник: «Сердце надо держать на привязи, а то оно много глупостей городит. Правда, что и без сердца дурно: ибо где сердца нет, там что за жизнь; но все же волю давать ему не следует. Слепо оно, и без строгого руководства тотчас в ров попадает». «Лучше иметь слепые глаза, чем слепое сердце» («Повесть об Акире Премудром»).

Согласно народным пословицам: «Сердце чует (слышит). У сердца уши есть». Соотношение сердца и души в народном сознании таково: «Сердце вещун, а душа мера. Сердце пестун, душа дядька», «Сердце душу бережет и душу мутит», «Душа душу знает, а сердце сердцу весть подает».

Одухотворение души видно во всех сторонах ее жизни – мысленной, деятельной и чувствующей (Феофан Затворник). Душа человека есть недоступное хранилище его помыслов: если сам он таит их, то ни коварный глаз, ни предупредительный взор дружбы не помогут проникнуть в сие хранилище (А.С. Пушкин). Сущность души есть творчество (Б.П. Вышеславцев). Душа или покоряется природным склонностям, или борется с ними, или побеждает их. От этого – злодей, толпа и люди высокой добродетели (М.Ю. Лермонтов).

Народные представления о душе имели отчетливо духовно-нравственный характер и были органично связаны с понятиями совести и стыда. Бессовестный, бесстыдный человек считался у русских бездуховным. В народе о таком говорили: «У него души нет».

Совесьть – внутренний духовно-нравственный закон русского православного человека. Является особой формой выражения таких основополагающих понятий православного христианства, как любовь к ближним, нестяжательство, добротолубие, правда и справедливость. Совесьть

свидетельствует о богоподобии человека и необходимости исполнения заповедей Божьих. По словам премудрого Сираха, Бог положил око Свое на сердца людей (Сир. 17: 7). Как внутреннее божественное состояние, совесть неподкупна, с ней нельзя договориться. После совершения дурного дела совесть немедленно мучает и карает человека, преступившего нравственный закон. «Совесть с молоточком, – говорят русские пословицы, – и постукивает, и подслушивает», «Совесть без зубов, а загрызет», «Как ни мудри, а совесть не перемудришь», «За совесть и за честь хоть голову снести», «Береги платье снову, а честь смолоду», «Добрая совесть – глаз Божий», «Добрая совесть любит обличение», «Есть совесть, есть и стыд, а стыда нет, и совести нет», «В ком стыд, в том и совесть», «Пора и совесть знать».

О бессовестных людях в народе говорили: «У него совесть дырявое решето», «Закоузлой совести не проймешь», «У него совесть в кулаке», «Душа христианская, да совесть цыганская», «У него совесть, что розвальни: садись да катись (просторно)», «С его совестью и помирать не надо», «С его совестью жить хорошо, да умирать плохо».

В древнерусском сборнике к. XII – н. XIII в. высказывается такая мысль: «Спрошенный, что в жизни свободно от страха, ответит: чистая совесть», «В совести начертана норма святой, доброй и праведной жизни» (Феофан Затворник).

Совесть есть голос целостной духовности человека, в которой инстинкт принял закон Божий как свой собственный, а дух приобрел силу инстинктивного влечения. Совесть есть инстинктивная потребность в нравственном совершенстве и неколебимая воля к нему (И.А. Ильин). Совесть есть тот высший закон всех живущих, который каждый сознает в себе не только признанием прав этого живущего, но и любовью к нему. Указания совести безошибочны, когда они требуют от нас не утверждения своей животной личности, а жертвы ее. Если жизнь не приходится по совести, то одурманиванием совесть сгибается по жизни. Берегись всего того, что не одобряется твоею совестью (Л.Н. Толстой). В идеале общественная совесть должна сказать: пусть погибнем мы все, если спасение

наше зависит лишь от замученного ребенка – и не принять этого спасения (Ф.М. Достоевский). Под свободой совести обыкновенно понимается свобода от совести (В.О. Ключевский).

Стыд, в понятиях Святой Руси, – способность человека взвешивать свои поступки и помыслы в соответствии с совестью. На Руси говорили: «В ком есть Бог, в том есть и стыд». «Убей Бог стыд, все пойдет нипочем». «Без стыда лица не износишь». «В ком стыд, в том и совесть». «Пора и стыд знать». «Стыд та же смерть».

Такое народное понимание стыда полностью основывается на православном вероучении. Господь поставил стыд одним из стражей Своего закона в душе, чтобы он предотвращал повторение греха и призывал покаянно устремляться к потерянной благодати Божией. Свящ. Писание свидетельствует, что стыд возникает в нашей душе в каждом случае, когда мы противимся милосердию Божью к нам, забываем Бога (Иов. 8: 13), радуемся несчастью ближнего или величаемся перед ним (Пс. 34: 26). Стыдно бывает человеку, когда он ненавидит праведника (Иов. 8: 22) или дерзает притеснять брата своего (Авд. 1: 10). Наша духовная природа пытается растопить холод сердца чувством стыда, то есть сильного смущения от осознания своей неправости. Стыд, таким образом, заставляет нас осознать духовно-нравственную беду, в которую мы попадаем, совершив грех. Он влечет наше сердце к осознанию причины этой беды, самоукорению, раскаянию в соделанном – внутренней исповеди перед совестью, к исправлению греховной жизни, к ревности о славе и благодати Божией. Падший Адам неверно отозвался на проявление этого чувства в своей душе, когда «скрылся» от Бога, для него стыд не послужил к принятию спасительной благодати покаяния, а утвердил его в непослушании Богу. По мудрому замечанию Иисуса, сына Сирахова, каждому человеку следует наблюдать время и хранить себя от зла, чтобы не постыдиться за душу свою, ибо «есть стыд, ведущий ко греху, и есть стыд – слава и благодать» (Сир. 4: 23—25). Согласно этому замечанию, при появлении стыда нам следует не прятаться от Бога, а идти к Нему за прощением и благодатью для исправления (прот. Г. Нефедов).

«Стыд, – по мнению В.С. Соловьева, – природная совесть, а совесть – общественный стыд». Для того чтобы преодолеть чувство стыда, требуется иногда не менее героизма, как и для того чтобы преодолеть чувство страха (К.Д. Ушинский). Стыд – хорошее и здоровое чувство. Стыд животворит (М.Е. Салтыков-Щедрин).

У русского народа существует множество пословиц о стыде. Кроме уже приведенных выше, следует назвать: «Лучше понести на гривну убытку, нежели на алтын стыда»; «За стыд голова гинет»; «Сгорел со стыда»; «Чего боимся, того и стыдимся».

Народные пословицы осуждают бесстыжих людей: «Ни стыда, ни сорому ни в котору сторону»; «Стыд под каблук, а совесть под подошву»; «Стал сыт (богат), так взял стыд»; «Стыдненько, да сытненько»; «Первый дар на роду, коли нет в глазах стыду»; «Жили, жили, а стыда не нажили»; «Бесстыжих глаз и дым неймет».

ГЛАВА 25. Добро. – Доброта. – Добротолюбие.

В понятии Святой Руси добро – божественная норма жизни, все то, что получает бытие от Бога, благо, что честно и полезно, все, чего требует от нас долг православного человека, гражданина, семьянина. «Добро делай, никого не бойся», «От добра худа не бывает», «За добро добром и платят», «В ком добра нет, в том и правды мало».

Добрый человек – прямой, простой, бесхитростный, нескрытый и доброжелательный.

«Не пропустите человека, не приветив его, и доброе слово ему молвите», – говорил Владимир Мономах. Получив добро – помни, а сделав – забудь («Мудрость мудрого Менандра»).

Добро – одухотворенная любовь, любящая сила духа (И. Ильин). «Добро есть жизнь» (Н. Федоров). «Делай добро, будь благодарен за это... Сознание своей доброй жизни – достаточная за нее награда. Научись радости творить добро. Делай добро тайно и красней, когда про него узнают... Чтобы поверить в добро, надо начать делать добро» (Л. Толстой).

Для человека Святой Руси, всякого коренного русского человека добро было не абстрактным понятием, а выражалось в конкретных добрых поступках, в движении к Богу, в добротолубии.

У русского человека всегда было сильно развито чувство благодарности, признательности за сделанное добро. «За добро добром и платят», «Добро добром покрывают». Благодарность не есть простое признание чужого благодеяния. Испытывать благодарность – значит радоваться не только полученному дару, но и доброте дарящего (И.А. Ильин). Благодарность не есть право того, кого благодарят, а есть долг того, кто благодарит; требовать благодарности – глупость; не быть благодарным – подлость. Кто не любит просить, тот не любит обязываться, то есть боится быть благодарным (В.О. Ключевский).

Доброта, добродушие, доброжелательность, склонность к добру есть высшее качество православного человека. Доброта как деятельная способность делать добро – высшее совершенство человека. «Доброта украшает жизнь, разрешая все противоречия, запутанное делает ясным, трудное – легким, мрачное – радостным... Думай хорошо, и мысли созреют в добрые поступки» (Л. Толстой).

Добротолубие – одно из основополагающих понятий русского Православия и Святой Руси. Основы добротолубия излагаются еще в «Изборнике» 1076. Его составитель Иоанн Грешный вопрошает: «Что есть воля Божия, что требует Небесный Царь от земных людей? « И отвечает: милостыни и добра. Благочестив не тот, кто проводит время в постах и молитвах, но кто добродетелен в жизни, творит благо ближнему, праведная вера обязывает прежде всего служить людям. Это и есть милостыня Богу, исполнение его просьбы. Это противопоставление обрядовой стороны Православия и его сущности несло в себе известный соблазн, бывший следствием языческого периода, когда те же самые идеи воплощались вне христианского обряда. Православие укрепило культ добротолубия, освятив и усилив лучшие черты русского народа.

В сборнике житейской мудрости «Пчела», одной из любимых книг русского человека с XII по XVIII век, идеи добротолубия занимают также главное место. Человек

должен стремиться к совершению благих дел. Православный, не совершивший при жизни добра, умирает не только телом, но и душой. Пагубен не только грех, но и отсутствие добрых дел. Человек должен быть добродетельным и праведным, а не лукавым и злым, постоянно проводить границу между добром и злом, вытесняя зло, и таким образом он становится равным Богу (конечно, в моральном смысле).

На Руси православное христианство стало добротоприем, вобрав в себя все прежние народные взгляды на добро и зло и оптимистическую веру в добро. Соединив нравственную силу дохристианских народных воззрений с мощью христианства, русское Православие обрело невиданное нравственное могущество в сердцах и душах русских людей. Вера в Бога как в Добро и путь к Богу через Добро пронизывают русское национальное сознание, отражаясь, в частности, в сотнях народных пословиц и поговорок, посвященных теме добра: «Без добрых дел вера мертва пред Богом», «С Богом пойдешь – к добру путь найдешь», «Кто добро творит, тому Бог отплатит», «За добро Бог плательщик», «Кто добро творит, того Бог благословит», «Не хвались родителями, хвались добродетельми», «Богу – хвала, а добрым людям – честь и слава», «Не стоит город без святого, селение без праведника», «Добрым путем Бог правит», «Доброму Бог помогает», «Доброхотна деятеля любит Бог», «Добро добро покрывает», «Любящих и Бог любит», «Кто любит Бога, добра получит много».

Понятия добра и зла, что хорошо, что плохо, составляют жизненный кодекс русского человека. «Жизнь дана на добрые дела», – говорит он. «Живи так, чтоб ни от Бога греха, ни от людей стыда», «Доброе дело и в воде не тает», «Доброе дело крепко», «Доброе дело навек», «Доброму делу не кайся», «Добро не умрет, а зло пропадет», «Добрые умирают, да дела их не пропадают», «Все любят добро, да не всех любит оно», «Все хвалят добро, да не всех хвалит оно», «Добро наживай, а худо избывай», «Доброго держись, а от худого удались», «К добру гребись, а от худа отпихивайся», «Доброго не бегай, а худого не делай», «За добро постоим, а на зло настоим», «Молись, да злых дел бере-

гись», «Кто зла отлучится, тот никого не боится», «Отыди от зла и сотвори благо», «Сей добро, посыпай добром, жни добро, одеяй добром», «Кто доброе творит, того зло не вредит», «Дей добро и жди добра», «Нам добро, никому зло – то законное житье», «Нам добро – и всем таково – то законное житье», «Люблю того, кто не обидит никого».

На Руси существовал настоящий культ доброго человека. «В них вера крепка», – говорили о людях, делающих добро.

«Доброму везде добро», «Праведен муж весь день ликует», «За доброго человека сто рук», «Добрый человек надежнее каменного моста», «Добрый человек добру и учит», «Доброму человеку – что день, то и праздник», «Доброму человеку и чужая болезнь к сердцу», «Добрый скорее дело сделает, чем сердитый», «Добрый человек в добре проживет век», «Сам потерпи, а другого не обидь», «Лучше в обиде быть, нежели в обидчиках», «Лучше самому терпеть, чем других обижать», «Лучше мучиться, чем мучить», «С добрым жить хорошо», «С доброхотом всякому в охотку», «Доброму – добрая память», «Добрим путем Бог правит», «Доброму Бог помогает», «Добро Богу приятно, а Царю угодно», «Доброму ангелу небесные радуются», «Кто добро творит, тому Бог оплатит» (или «того Бог благословит»), «Кто добрых людей не слушает, тот Богу спорник», «Злой не верит, что есть добрые люди», «Тьма свету не любит – злой доброго не терпит», «Злому человеку не прибавит Бог веку», «Худо тому, кто добра не делает никому», «Кто за худым пойдет, тот добра не найдет», «За худом пойдешь – не добро найдешь».

Говоря о Православии как о добротолубии, мы были бы неправы, закрывая глаза на струю формального понимания Православия через соблюдение внешней обрядовости. Эту струю на Русь несли византийские митрополиты и приезжавший с ними служилый аппарат, возвращенный в атмосфере разложения Византийской империи с падением нравов и пренебрежением к человеческой личности. Культ добра, путь добротолубия как средство приближения к Богу был для этих пришельцев не вполне ясен. В их церковном служении преобладала внешняя обрядовость. Для русского человека этого было мало, и он стремился

следовать не букве, а сути Православия, так созвучного его древним верованиям, даже усиливавшим его. Для пришельца такое живое понимание христианской жизни казалось языческой ересью, в которой они нередко обвиняли русский народ.

Добротолубие как моральное ядро Православия и Святой Руси в условиях сохранения пережитков язычества имело и отрицательную сторону. Она заключалась в соблазне отказа от литургической стороны Церкви и замене его чисто моральной стороной. Такой взгляд вел к подрыву Православия, так как истинной верой провозглашалось только моральное совершенствование, отрицались таинства и обрядовая сторона. На этой основе возникали разные еретические учения, например Феодосия Косого.

Однако это были крайние точки зрения, не получившие широкого распространения. Столбовая дорога русского Православия и Святой Руси прошла далеко от них. Для истинно православного добротолубие и труд были источником благочестия и средством приближения к Богу, но через Церковь, а не вне ее.

ГЛАВА 26. Добродетели. – Блаженство. – Благодать. – Боголюбие. – Благочестие.

В сознании русского православного человека добротолубие было основой всех человеческих добродетелей, которые воспринимались в органичной связи с православными понятиями блаженства, благодати, являясь конкретным воплощением высших чувств Боголюбия и благочестия.

В понятиях Святой Руси добродетель есть направленность разума и воли человека к добру, внутреннее желание творить добро. В православном сознании обычно существуют семь основных добродетелей – вера, надежда, любовь, мудрость, мужество, справедливость и воздержанье. Добродетель ведет к спасению и блаженству. Высшая добродетель – в полном самоотречении ради спасения ближних. «Не место может украсить добродетель, но

добродетель место» («Пчела», XII–XIII). «Беспорочность поставляет себе правилом не делать того другому, чего бы не пожелал себе. Добродетель распространяет это правило гораздо далее и велит делать то другим, чего бы пожелал себе» (Д.И. Фонвизин).

Если стремление к спасению души – высшая духовная ценность, то блаженство понимается в православии как высшее счастье, высшая моральная ценность. Если дохристианский мир ценил силу, богатство и чувственные удовольствия, более ценил внешнее в человеке, чем внутреннее, то Христос указывает на внутреннее состояние человека как на необходимое условие блаженства, которое состоит в свободе от привязанностей к земным благам, постоянном движении к духовному совершенству, кротости, поиске правды и справедливости, милосердии, миротворчестве, чистоте сердца (а не чувственности), готовности пострадать за истину (Нагорная проповедь. Мф. 5: 3—12). Высшая степень блаженства – совершенное единение с Богом, Царство Божие. Для человека Святой Руси нет блаженства в безнравственности; в нравственности и добродетели только и достигает он высшего блаженства.

В стремлении к спасению души и блаженству человек приближается к совершенству. В понятиях Святой Руси это качество присуще только Богу. Для человека совершенство означает нравственное возвышение, преодоление плоти, греха, слабости, стремление к недостижимому в целом идеалу.

Понятие это означает путь Святой Руси. Как отмечал архиеп. Иларион (Троицкий): «Не вне тебя правда, а в тебе самом, найди себя в себе, подними себя в себе, овладей собой и узришь правду. Не в вещах правда эта, не вне тебя и не за морем где-нибудь, а прежде всего в твоём собственном труде над собою».

«Совершенствование человека измеряется степенью его освобождения от личности. Чем больше человек свободен от своего «я», тем он совершеннее. Совершенствоваться – значит все более и более переносить свое «я» из жизни телесной в жизнь духовную, для которой нет времени, нет смерти и для которой все благо. Ничто вернее того, чего человек стыдится и чего не стыдится, не показывает

ту степень нравственного совершенства, на которой он находится» (Л.Н. Толстой).

Духовно-нравственное совершенствование, возвышение человека мыслилось только благодатным путем в церковной жизни. Благодать, в русском Православии, – милость и сила Божия, проявляющиеся в отношении к человеку и выражающиеся в даровании ему спасения. Благодать даруется человеку через церковные Таинства. Существенный признак благодати как свойства Божия есть то, что она изливается на человека как дар Божий, независимо от каких-либо заслуг со стороны человека, по вере в Иисуса Христа. Благодатию совершается весь земной подвиг человека. Через нее познается Бог и даруется все необходимое «к животу и благочестию». Тем не менее милость получения благодати является только одной стороной спасения. Непременным условием спасения служат покаяние и вера, зависящие от свободной воли человека. По учению православной церкви, существует два вида благодати – предваряющая (просвещающая) и особенная (оправдывающая). Первая «доставляет человеку познание божественной истины» и указывает «повеления, необходимо нужные для спасения». Вторая создает условия очищения человека от грехов, освящения его посредством таинств и возведения на высшую ступень нравственного совершенства.

Благодать есть «полнота Божественной воли как всеединого, всецелого Добра, открывающаяся силой ее собственного внутреннего действия в душе человека» (В.С. Соловьев).

Любовь к Богу есть начало, корень и утверждение всему. «Любить Бога, – писал Н.В. Гоголь, – следует так, чтобы все другое, кроме Него, считать второстепенным и неглавным, чтобы законы Его были выше для нас всех постановлений человеческих, Его советы выше всех советов, чтобы огорчить Его считать гораздо важнейшим, чем огорчить какого-нибудь человека. Любить Бога значит любить Его в несколько раз более, чем отца, мать, детей, жену, мужа, брата и друга; и мы даже и так Его не любим, как любим их. Кто любит Бога, тот уже гораздо более любит и отца, и мать, и детей, и брата, чем тот, кто привязывается

к ним более, чем к Самому Богу. Любовь последнего есть один оптический обман, плотская чувственная любовь, одно страстное обаяние. Такая любовь не может поступать разумно, потому что очи ее слепы. Любовь же есть свет, а не мрак. В любви заключается Бог, а не дух тьмы: где свет, там и спокойствие, где тьма, там и возмущение. И потому любовь, происшедшая от Бога, тверда и вносит твердость в наш характер и самих нас делает твердыми; а любовь не от Бога шатка и мятежна и самих нас делает шаткими, боязливými и нетвердыми. И потому прямо от Божьей любви происходит всякая другая любовь на земле.

Любовь земная, происшед от Божией, становится чрез то возвышенной и обширней, ибо она велит нам гораздо больше любить ближнего и брата, чем мы любим: она велит нам оказывать не только одну вещественную помощь, но и душевную, не только заботиться о его теле, но и о душе, скорбеть на него не за то, что он наносит нам неприятности, но за то, что он сим поступком наносит несчастье душе своей. Никто да не приходит от того в уныние, если Бог не исполняет тот же час вслед за молитвою нашего желания и если даяние не вдруг снисходит на прошение; но напротив, тогда-то бодрей и веселей духом да молимся и действуем! Тогда-то именно да возрастает сильней наша надежда. Ибо Бог, руководясь великим смыслом, дает иному в конце то, что другому в начале. Но блажен и в несколько раз блаженней тот, которому назначено вкусить за долгие и большие труды то, что другому за меньшие: душа его больше будет приготовлена, больше достойна и может более обнять и вместить в себе блаженства, чем душа другого. «Претерпевый до конца спасется», – сказал Спаситель – и сим же открыл нам всю тайну жизни, на которую не хотим мы даже взглянуть очами, не только проразуметь.

Не омрачаться, но стараться светлеть душой должны мы непрерывно. Бог есть свет, а потому и мы должны стремиться к свету. Бог есть верховное веселие, а потому и мы должны быть также светлы и веселы. Веселы именно тогда, когда все воздвигается противу нас, чтобы нас смутить и опечалить. Иначе и заслуги нет никакой: нетрудно быть веселу, когда вокруг нас весело; тогда всякий умеет веселиться: и не просвещенный верою, и не

имеющий никакой твердости человек, и не христианин, и язычник тогда умеют быть спокойными и веселиться. Но достоинство христианина в том, чтобы и в печали быть беспечальну духом.

Все да управляется у нас любовью к Богу. И на всякую земную любовь нашу, как бы чиста и прекрасна она ни была, мы должны взирать как на одни видимые и недостаточные знаки бесконечной любви Божией. Это только одни искры, одни края той великолепной ризы, в которую облеклась безмерная и безграничная любовь Божия, которую ничто не вместит, как ничто не может вместить Самого Бога».

Благочестие, в понятиях Святой Руси, – неукоснительное соблюдение правил веры, соединенное с добрым и хорошим поведением. «Не ведаю, – писал в XVII в. Павел Алеппский, – какие люди на свете благочестивее русских чтут имя Божие».

Воспитанные с детства с любовью к Богу, русские считали духовным и общественным центром своей жизни Божии храмы, повсюду строили их, благолепно украшали и со всем усердием посещали. Как было записано в «Домострое»: «По вся дни муж с женою и детьми и с домочадцами, кто умеет грамоте, должны отпеть вечерню, повечерие, полунощницу, с молчанием и со вниманием, и с краткостоянием, и с молитвою, и с поклонами... Ложася спать, всякому христианину по три поклона в землю пред Богом положить, а в полунощи всегда, тайно встав, со слезами, прилежно, к Богу молитися, елико вместимо, о своих согрешениях, а утром отпети заутреню и часы, а в неделю и в праздник – молебен... А где некому пети, молитися довольно вечером и утром, а мужам отнюдь не отпускати церковного пения: вечерни, заутрени, обедни... А женам ходити в церковь Божию, как вместимо, по совету с мужем. А в церкви стояти – ни с кем не беседовати, с молчанием слушати, никуда не обзиратися, ни на стену не приклонятися, ни к столпу, ни с посохом не стояти, ни с ноги на ногу переступати, и до отпуста из церкви не уходитьи, а приходити к началу... И дома, и везде, всякому человеку всякое дело начинати, рукодельничати, или ясти, или пити, или пищу варити, прежде святым поклонитися трижды в

землю; а по нужде до пояса, кто умеет – «Достойно» – проговорити до конца, да молитву Иисусову проговоря, да перекрестяся, молвя: «Господи, благослови, Отче», и тако начинати всякое дело: тогда Божия милость поспешествует, ангел невидимо помогает, а бесы отбегают».

ГЛАВА 27. Главные православные добродетели. – Вера. – Надежда. – Любовь. – Дружба. – Мудрость. – Мужество. – Воздержание. – Справедливость.

Вера – в Православии главная добродетель, всецелое доверие Богу, убежденность в его доброте, вера в спасительную силу Христа. Такая вера дает человеку жизнь, оправдывает его существование, указывает образ поведения. По определению апостола Павла: «Вера... есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом» (Евр. 11: 1). В более широком понимании сущность веры состоит в том, что она придает жизни такой смысл, который не уничтожается смертью. «Вера – согласие воли с совестью» (Л.Н. Толстой). Вера – мать терпения, подательница надежды, лестница к престолу любви (Свт. Игнатий Брянчанинов), главное и ведущее тяготение человека, определяющее его жизнь, воззрения, стремления и поступки (И.А. Ильин). Как писал И.В. Киреевский: «Необходимо связать направление своей жизни со своим коренным убеждением веры. Без того жизнь человека не будет иметь никакого смысла, ум его будет счетной машиной, сердце – собранием бездушных струн, в которых свищет случайный ветер; никакое действие не будет иметь нравственного характера, и человек, собственно, не будет. Ибо человек это его вера».

Другая христианская добродетель, надежда, укрепляет веру, дает упование, уверенность в исполнении желаний. В православной символике представляется зеленым цветом, с XVI – якорем, в искусстве надежда аллегорически представляется в виде молящейся, часто крылатой фигуры в зеленом одеянии, с якорем; до XVI в. – с патриаршим крестом.

В русских пословицах надежда связывается с Богом, терять надежду – грех перед Богом, хотя упованием на Него не ограничивается и требует приложить свой труд: Полагай надежду на Бога; На Бога надейся, но сам не плошай; На чужое надейся, а свое паси; Колотися, бейся, а все надейся; Век живи, век надейся; Надейся добра, а жди худа; Жить надейся, а умирать готовься; Надеючись и живут и мрут; Счастье скоро покинет, а добрая надежда – никогда.

Ядром православных добродетелей является любовь, в понятиях Святой Руси главная добродетель православного человека, ибо христианство – религия любви. Бог есть любовь. «Любовь есть таинство» (Блж. Августин). «Одна любовь соединяет создания и с Богом, и друг с другом» (Авва Фалассий). «Любовь ко Христу является внутренним солнцем жизни, к которому она поворачивается во всех своих проявлениях» (С.Н. Булгаков). «Дело истинной любви прежде всего основывается на вере» (В.С. Соловьев). «Любовь изменяет само существо вещей» (Иоанн Златоуст). «Православие признает только любовь, готовую на неограниченные жертвы, только любовь, готовую положить душу за брата, за друга» (Ин. 15: 13; 1 Ин. 3: 16) ибо только через такую любовь человек возвышается до таинственной вышечной жизни Св. Троицы и Церкви» (С.В. Троицкий).

Смысл и достоинство любви как чувства состоит в том, что она заставляет нас действительно всем нашим существом признать за другим то безусловное центральное значение, которое в силу эгоизма мы ощущаем только в самих себе. Любовь важна не как одно из наших чувств, а как перенесение всего нашего жизненного интереса из себя в другое, как перестановка самого центра нашей личной жизни. Это свойственно всякой любви. Только эта любовь может вести к действительному и неразрывному соединению двух жизней в одну, только про нее и в слове Божьем сказано: будут два в плоть едину, то есть станут одним реальным существом (В.С. Соловьев).

«Кто искренне любит Бога, тот не может не любить и ближнего, который есть образ Божий» (Тихон Задонский). Для православного русского человека любовь – высшее

чувство, в любви он находит самого себя, свою личность. «Где любовь, тут и Бог», «Бог – любовь» – говорят народные пословицы. «Нет ценности супротив любви». «Ум истиной просветляется, сердце любовью согревается». «Совет да любовь, на этом свет стоит». «Где любовь, там и совет». «Где советно, там и любовно». «Где любовь, там и свет». «Милее всего, кто любит кого». «Нет того любее, как люди людям любы». «Мило, как людям люди милы». «Для милого не жаль потерять и многого». «Ради милого и себя не жаль». «За милого и на себя поступлюсь». «Равные обычаи – крепкая любовь». «Одна думка, одно и сердце». «Сердце сердце чует». «Сердце сердцу весть подает».

«Любовь – златница великая», высшее чувство, данное Богом, поэтому в сознании русского человека оно было связано с понятиями целомудрия, стыда, греха.

«Любовь благородна только тогда, когда она стыдлива. Любовь – самое интимное и неприкосновенное чувство. Берегите тайны любви» (В.А. Сухомлинский).

Совсем иначе чувство любви воспринималось в сознании западного человека. Здесь оно носило преимущественно чувственный, плотский характер, характер сладкой страсти, приносящей глубокое физическое удовлетворение. Главная цель любви в сознании западного человека – физическое обладание, русский же человек видел в любви не просто обладание, а высшее духовное единение. Причем чисто физическая сторона любви, конечно, не отрицалась, но считалась глубоко интимным делом двоих, всяческая огласка которого неприлична. Любовь мужчины и женщины в народной культуре России венчалась не просто обладанием, а прежде всего браком.

Логика развития западной цивилизации и товарных отношений определила вырождение любви из высокого чувства в механизм получения полового удовлетворения. В сегодняшнем западном мире женщина и женское тело рассматриваются как объект потребления и товар. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть ряд наиболее популярных западных фильмов. Как признают западные исследователи, в общей шкале потребительских ценностей американского мужчины обладание красивым женским телом находится на одном из престижных мест, наряду с

обладанием машиной, квартирой или загородным домом. Отношение к женщине – один из критериев доброкачества любой цивилизации. Взгляд на женщину как на объект потребления – верный признак вырождения и злокачественной духовной болезни.

Я недаром подчеркиваю эти черты западной цивилизации. Отталкиваясь от них, легче понять, как воспринимал любовь русский человек. Нет, он совсем не отрицает плотской любви и всех ее радостей, но он осуждает торговлю любовью, превращение тела в товар, выставление его на арену как зрелища для похотливых глаз.

Половая любовь и физическое обладание любимым в народной культуре России мыслились только в браке, конечно, были и исключения, но крайне редко. Физическое обладание не может быть выше духовного элемента любви – считал коренной русский человек. Это вытекало из всех его жизненных ценностей, рассмотренных нами ранее.

Любовь для русского человека не только и не столько наслаждение, но и подвиг, духовное возвышение, самозабвение. Любить истинно можно только душу. Любовь сильнее смерти и страха смерти. «Знать и любить, – писал А.Ф. Лосев, – это значит бороться с тем плохим, что ты находишь в любимом. А так как жизнь сложна и трудна, то бороться с недостатками – значит неуклонно идти по пути жизненного подвига».

В понятиях Святой Руси половая любовь признавалась только в браке. Половые сношения вне его считались тяжелейшим грехом. О тех, кто еще не вступал в эти сношения, в народе так и говорили: «Он (она) еще греха не знает». Лишить невинности девушку без намерений стать ее мужем в народной этике – страшный грех, за который придется строго отвечать перед Богом «мученьем души». Вместе с тем девушка, которая не сумела «соблюсти себя» по своему хотению, считалась падшей, и к ней относились как к блуднице, презирали, с ней водились только ей подобные.

В России вплоть до XVIII в. отсутствовал литературный жанр скабрёзных историй о любовных отношениях между мужчиной и женщиной – западноевропейские фаб-

ль, пошлые анекдоты. Причем на Западе в создании этих скабрзных историй принимали участие все слои общества от рыцарей и монахов до ремесленников и крестьян.

В России же подобные рассказы появились только в XVIII в., их сочинителями и распространителями были деклассированные, денационализированные элементы. Но что закономерно – потребителями подобной литературы (я имею в виду «сочинения» Баркова, Кострова и т.п.) стали представители образованных слоев, ориентированных на западную культуру.

В толще коренных русских людей этот жанр воспринимался как непотребство вплоть до к. XIX в. Еще в н. XX в. в большинстве деревень Русского Севера не только такие рассказы, но и употребление матерных словечек считалось грехом и бесстыдством. Поголовную матерщину в русскую деревню принесли большевики с их опорой на деклассированные элементы, ставшие ядром начальствующего состава большевистского режима в деревне. Похабщина и мат для этих элементов были выражением «народности». В полной мере этот элемент «народности» был развит советской интеллигенцией, для которой похабные анекдоты и матерщина стали неотъемлемой частью лексикона – от инженера и профессора до министра.

Взгляд на любовь как на средство наслаждения, а на женщину, женское тело – как на объект потребления и товар, который сегодня стал общим местом во многих российских телепередачах, особенно в западных фильмах и клипах, еще в к. XIX в. в России был невозможен и воспринимался как плод развращенного ума.

Половая любовь и все связанное с ней в традиционной русской культуре не отрицались, но воспринимались только в браке, целью которого является создание семьи, рождение и воспитание детей. В народных песнях и сказках счастливая любовь венчается браком по закону и веселой свадьбой. Сыграть свадьбу для русского человека – «закон принять», «идти на суд Божий» (т.е. венчаться).

В понятиях Святой Руси любви родственно чувство дружбы – способность на неограниченную жертву, готовность положить душу, принять смерть за друга (Ин. 15: 13; 1 Ин. 3: 16).

Дружбу рождает родство душ. В древнерусском сборнике к. XII – н. XIII вв. говорится: «Того считай другом, кто любит тебя, а не тех, кто вокруг тебя. Золото огнем испытывается, а друг – жизненными напастями. Рана от верного друга достойнее, чем поцелуй врага».

Русские пословицы: «Друг денег дороже»; «Не держи сто рублей, держи сто друзей»; «Кто друг прямой, тот брат родной»; «Друг и брат великое дело: не скоро добудешь»; «Будь друг, да не вдруг»; «Без беды друга не узнаешь»; «Друг познается в несчастье»; «Коня в рати узнаешь, а друга в беде»; «Нет друга, так ищи, а нашел, так береги»; «Не дорога гостьба, дорога дружба»; «Был я у друга, пил воду слаще меду»; «Для друга все не туго (не тяжело и не скудно)»; «Для друга нет круга»; «Для друга семь верст не околица»; «Для друга и пост разрешается».

В твердости веры, надежды, любви рождается следующая православная добродетель – мудрость – соединение истины и блага, высшая правда, слияние любви и истины, высшее состояние умственного и нравственного совершенства, знание добра и зла.

В византийской книге «Стефанит и Ихнилат», появившейся на Руси в XIII в. и полюбившейся русским людям, говорится: «Мудрому следует держаться трех вещей: во-первых, пострадав, хорошее углядеть и дурное в том, что явилось причиной, – и за добрым следовать, дурного же избегать; затем осознать, что действительно зло, что добро, и, наконец, рассчитать, что случится потом».

«Мудрый муж, – говорится в «Поучении отца сыну» (XI в.), – разумным и мудрым друг, а неразумным Бог; большое это богатство – добрый ум». Эта же мысль проводится в «Молении» Даниила Заточника. «Мудрый человек – умный друг, а неразумный – недруг. Лучше мне слышать угрозы мудрых, нежели наставления глупых... Нищий мудрый – как золото в грязном сосуде, а богатый человек глупый – как шелковая наволочка, соломой набитая».

Понятие мудрости хорошо освещено в сочинениях Л.Н. Толстого. Мудрость, считает он, есть знание вечных истин, приложимых к жизни. Не думай, что мудрость представляет собой свойство только особенных людей.

Мудрость необходима всем людям и поэтому свойственна всем людям. Мудрость в том, чтобы знать свое назначение и средства исполнять его. Нет таких положений и нет таких незначительных дел, в которых не могла бы проявиться мудрость.

Свойство мудрого человека состоит в трех вещах: первое – делать самому то, что он советует делать другим, второе – никогда не поступать против справедливости. И третье – терпеливо переносить слабости людей, окружающих его. Мудрость в том, чтобы знать, какие знания самые нужные. Из всех же знаний самое нужное – знание того, как жить хорошо, то есть жить так, чтобы делать как можно меньше зла и как можно больше добра.

Одной из семи главных добродетелей русских людей считалось мужество, означающее стойкость в беде и борьбе, духовную крепость, доблесть, храбрость, отвагу, спокойную смелость в бою и опасностях, терпение и постоянство.

Мужество особо почиталось на Руси. Это качество было крайне необходимо русским людям в тех тяжелейших условиях, в которых им чаще всего приходилось жить. В понимании коренного русского человека лучше умереть, чем погрешить против мужества. Смерть не страшна, если ты стоишь за праведное дело, и, уповая на Бога, не погибнешь. В древнерусском сборнике «Пожелание праведного спасения» говорится: «Сын, избегай и распри, но, коль поединок случится, не заслужи позора в мужестве своем: ни жизнь и ни смерть не бывают без пользы, а выйдешь с честью из боя – честь и обретешь». Та же мысль проводится и в поучении Владимира Мономаха: «Смерти, дети мои, не страшась, ни войны, ни зверя, дело исполняйте мужское, какое вам Бог пошлет; никто из вас не повредится и не убьется, пока не будет от Бога повеления».

«Мужество есть великое свойство души; народ, им отмеченный, должен гордиться собой», – писал Н.М. Карамзин, а М.В. Ломоносов восклицал: «Держайте Отчизну мужеством прославить!»

Многим коренным русским людям мужественность была врожденна, закаляясь в тяжелейших испытаниях. Мужество воспитывалось изо дня в день в упорном сопро-

тивлении трудностям. «Самое трудное, – писал В.А. Сухомлинский, – мужество повседневности, многолетнего труда. Найди себе идеал мужества и неотступно следуй ему».

Истинное мужество немногоречиво: ему так мало стоит показать себя, что самое геройство оно считает за долг, не за подвиг (А.А. Бестужев-Марлинский). Природная смелость есть та глыба драгоценного мрамора, из которой страх выработывает величественную статую мужества. Не тот мужественен, кто лезет на опасность, не чувствуя страха, а тот, кто может подавить самый сильный страх и думать об опасности, не подчиняясь страху (К.Д. Ушинский).

К числу семи главных добродетелей наши предки также относили справедливость – сложное моральное понятие, означающее совершение поступков по правде, по совести, по правоте, по закону.

В православном понимании справедливость – прежде всего совершенное следование заповедям Божиим. В «Изборнике 1076 г.» справедливость объясняется так: «Творящим добро воздай почет, творящих зло наказывай. Не оправдывай виновного, даже если он и друг тебе, не обижай правого, даже если он и враг тебе». Справедливость в понятиях Св. Руси осуществляется не просто стремлением к справедливости, а любовью. Для того чтобы быть справедливым, надо быть самоотверженным, то есть как бы несправедливым к себе. В сборнике «Пчела» (к. XII – н. XIII) говорится: «Человек справедливый не тот, кто не обидит, а который мог бы обидеть и не захотел».

Это же понимание справедливости проводится у русских мыслителей и более позднего времени. «Справедливость в нравственном смысле, – пишет В.С. Соловьев, – есть некоторое самопожертвование; ограничение своих притязаний в пользу чужих прав. Справедливость не есть простое равенство, а равенство в исполнении должного».

Справедливость – доблесть избранных натур, правдивость – долг каждого порядочного человека (В.О. Ключевский). Справедливость есть моральная уверенность. Следовать в физическом мире правилу – ничего лишнего – есть умеренность, в моральном – справедливость.

Справедливость есть крайняя мера добродетели, к которой обязан всякий. Выше ее – ступени к совершенству, ниже – порок (Л.Н. Толстой)

Седмицу главных добродетелей Святой Руси обычно заключало воздержание. Оно означало способность удерживать свои страсти нравственной силою, не давать им волю, не предаваться излишествам, ограничивать себя, исходя из заповедей Божьих.

Моральный характер воздержания, по мнению В.С. Соловьева, проявляется в том, что воздержание является добродетелью лишь в отношении действий постыдных. Добродетель не требует, чтобы человек был воздержан вообще и во всем, но чтобы он воздерживался от того, что ниже человеческого достоинства. «Воздержание, – писал Л.Н. Толстой, – не достигается сразу. Жизнь всякого человека идет не к усилению страстей, а к ослаблению их. Время помогает усилиям и воздержанию».

ГЛАВА 28. Нестяжательство. – Преобладание духовно-нравственных мотивов над материальными интересами. – Идеалы скромного достатка. – Осуждение богатства.

Нестяжательство – одна из главных духовно-нравственных основ Святой Руси. Суть его заключалась в преобладании духовно-нравственных мотивов жизненного поведения над материальными интересами, в свободе духа от привязанности к материальным благам.

В душе наших предков, прежде всего крестьян, жило чувство справедливости, причем не просто материального воздаяния, компенсации, а чувство высшей справедливости – жить по душе достойно, вознаграждать по совести. К XIX в. сформировался народный идеал справедливости, который был для русского крестьянина своего рода компасом. Не следует гнаться за богатством, за наживой, преследовать корыстные интересы. Как цель жизни, это считалось недостойным. Главное же – прожить жизнь по доброду, по правде, достойно.

Человек не должен стремиться ни к богатству, ни к накопительству, человек должен довольствоваться малым.

«Лишние деньги – лишние заботы», «Деньги – забота, мешок – тягота», «Без хлеба не жить, да и не от хлеба (не о хлебе, материальном интересе) жить», «Не о хлебе едином жив будешь», «Хлеб за живот – и без денег живет». Действительно, «зачем душу тужить, кому есть чем жить» (есть хлеб). «Без денег проживу, лишь бы хлеб был», «Без денег сон крепче», «Лучше хлеб с водою, чем пирог с бедою».

«Напитай, Господи, малым кусом», – молит крестьянин. «Ешь вполсыта, пей вполпьяна, проживешь век доплетна». Нечего завидовать другим, говорит русский крестьянин и подчеркивает: «На людей глядя жить (то есть не по недостатку) – на себя плакаться».

Отвергая стяжательство и накопительство, осторожно и с достоинством принимая богатство и деньги, трудовой человек выдвигает свой идеал – идеал скромного достатка, при котором можно и самому жить сносно, и помогать своим близким. «Тот и богат, кто нужды не знает», «Богаты не будем, а сыты будем».

В сознании русского человека понятие достатка, сытости связано только с трудом, работой, личными заслугами. «Как поработаешь, так и поешь», «Каковы сами (как работаем), таковы и сани», «Каков Пахом, такова и шапка на нем», «По Сеньке и шапка», «Каков Мартын, таков у него алтын» (столько заработал).

Русский человек твердо считает, что: «От трудов своих сыт будешь, а богат не будешь». Нажива такому человеку не нужна. «Сыта душа не берет барыша», «Лучше жить в жалости, чем в зависти», «Кто сырых питает, тот Бога знает», «Одной рукой собирай, другой – раздавай», «Рука дающего не оскудеет».

«Не тем богат, что есть, а тем богат, чем рад» (то есть поделись с ближним), «Не богат, да гостям рад», «Не надо мне богатого, подай тороватого» (нежадного), «Держи девку в темноте, а деньги – в тесноте».

Особо вопрос ставится об отношении к чужому имуществу, результатам чужого труда. Посягнуть на них – страшный грех. «Лучше по миру собирать, чем чужое брать». «Лучше попросить ради Христа, чем отнять из-за

куста». «Заработанный ломоть лучше краденого каравая». «Хоть в латаном, да не в хватаном».

Для западноевропейского бургера, наверное, чудовищной бессмыслицей показались бы русские народные пословицы, призывающие жалеть чужое добро. «Не береги свое, береги чужое». «Береги чужое, а свое – как знаешь». А ведь в самом деле было так: чужое добро берегли с большей ретивостью, чем свое.

«В чужом кармане денег не считай». «Пожалей чужое, Бог даст свое». «Кто чужого желает, тот свое утратит». Впрочем, русский труженик говорит и так: «Своего не забывай, а чужого не замай». «За свое постою, а чужого не возьму».

А.И. Герцен в книге «Былое и думы» рассказывает о крестьянине, который категорически отказался взять с него лишнее. В избе, где Герцен остановился ночевать по пути в ссылку, крестьянин накормил его ужином. Когда утром надо было рассчитываться за трапезу, хозяин запросил со ссыльного пять копеек, а у того самой мелкой монетой оказался двугривенный. Крестьянин отказался принять эту монету, потому что считал великим грехом взять за ужин больше, чем он того стоит.

Писатель В.И. Белов справедливо отмечает: «В старину многие люди считали Божьим наказанием не бедность, а богатство. Представление о счастье связывалось у них с нравственной чистотой и душевной гармонией, которым, по их мнению, не способствовало стремление к богатству. Гордились не богатством, а умом и смекалкой. Тех, кто гордился богатством, особенно не нажитым, а доставшимся по наследству, крестьянская среда недолюбливала».

Среди крестьянских мудрецов и бывалых людей бытовали истины, идейно-нравственное содержание которых в переводе на современный язык было примерно таково: «Богатство человека состоит не в деньгах и комфорте, не в дорогих и удобных вещах и предметах, а в глубине и многообразии постижения сущности бытия, стяжании красоты и гармонии мира, создании высокого нравственного порядка».

Человек, который думает только о своих личных материальных интересах, неприятен душе крестьянина. Его

симпатии – на стороне живущих по совести, справедливости, простоте душевной.

Классическая русская сказка о трех братьях – двух умных и третьем дураке – кончается моральной победой бесребренника, нестяжателя, простодушного младшего брата – «дурака» над материализмом и практической мудростью старших братьев.

Русский человек осуждает несправедливое богатство, как и любую другую форму паразитизма.

С его идеалом скромного достатка больше согласуются бережливость и запасливость. «Бережливость, – говорит он, – лучше богатства», «Запасливый лучше богатого», «Береж – половина спасения», «Запас мешка не дерет», «Запас беды не чинит».

«Маленькая добычка, да большой береж – век проживешь», «Копейка к копейке – проживет и семейка», «Домашняя копейка рубль бережет», «Лучше свое побережь, чем чужое прожить».

«Держи обиход по промыслу и добытку», «Не приходом люди богатеют, а расходом», «Кинь добро позади, очутится впереди», «Кто мотает, в том пути не бывает».

«Не о том, кума, речь, а надо взять и беречь», – поучает рассудительный хозяин. «Собирай по ягодке – наберешь кузовок», «Пушинка к пушинке, и выйдет перинка», «В общем, запас мешку не порча», «Подальше положишь – поближе возьмешь».

Бережливость всячески поощряется. Но накопительство, жадное стяжание материальных предметов рассматривается как грех, ибо, считает народ, «скупому душа дешевле гроша».

Скупые и скряги, так же как и богачи, подозреваются в сговоре с чертом. «Скупой копит – черт мошну тачает», «Черт мошну тачает – скряга ее набивает», «Кто до денег охоч, тот не спит всю ночь», «Скупые что пчелы: мед собирают, да сами умирают».

О таких народ говорил: «У него от скупости зубы смерзлись», «У него в Крещение льду займы не выпросишь», «У него всякая копейка рублевым гвоздем прибита». А общий приговор таков: «Скупому человеку убавит Бог веку».

Осуждая стяжательство, накопительство, жадность, скупость и несправедливое богатство, народное сознание снисходительно относится к беднякам и, более того, симпатизирует им. По-видимому, образ бедняка больше согласуется с народными идеалами, чем образ богача.

«Бедность – святое дело», «У голыша та же душа», «Гол, да не вор; беден, да честен», «Богат, да крив; беден, да прям», «Лучше нищий праведный, чем богач ябедный».

«Бедность не порок, а несчастье», «Хоть мошна пуста, да душа чиста», «Гол да наг – перед Богом прав», «Бедность учит, а счастье портит», «Убожество учит, богатство пучит».

ГЛАВА 29. Смирение. – Кротость. – Долг. – Верность. – Честь. – Честность.

Одним из наиболее почитаемых качеств человека Святой Руси было смирение – доверие и покорность Богу. Понятие это достаточно точно реконструировано русскими философами н. XX в. «Смирение, – писал В. Соловьев, – умаление себя или признание своего ничтожества, когда оно относится к предметам высшего достоинства». Развитие в себе христианского смирения есть радикальное лечение души, потому что оно устраняет первопричину ее заболеваний – самолюбие, гордость, тщеславие, вообще все те страсти, которые связаны с преувеличением значения своего «я» (Н.О. Лосский). Смирение есть проявление духовной мощи в победе над самостью (Н.А. Бердяев). В понятиях Святой Руси смирение – одна из главных духовно-нравственных ценностей: «Смиренью – Богу угожденье, уму просвещенье, душе спасенье, дому благословенье и людям утешенье». «Смиренью девичье (молодцу) ожерелье». «Конь налогом берет, человек – смиреньем». «Аще обрящещи кротость, одолеши мудрость». «Не ищи мудрости, ищи кротости!» «Смирное дитя одну руку, а блажное обе отымает». «Смиранных Господь духом спасает». «Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его!» «Напитай, Господи, душу малым кусом!»

В обыденной жизни смирение чаще всего отождествлялось с понятием кротость. По определению святого Игнатия Брянчанинова кротость – смиренная преданность Богу, соединенная с верой и осененная Божественной благодатью, покорность сердца уму.

Св. Кирилл Туровский произнес слова, ставшие народной пословицей: «Не ищи мудрости, а ищи кротости». «Кроткое слово гнев побеждает, – говорили русские люди. – Лютость бедит (приводит к беде), кротость побеждает. Духом кротости, а не палкой по кости».

Смирение и кротость в характере человека Святой Руси, конечно, не означало покорности перед врагами и трудностями жизни. Русский человек считал своей необходимостью обязательное исполнение нравственного долга перед Богом, Царем, государством, обществом, семьей, родственниками, друзьями. Долг свой человек обязан исполнять не формально, а старательно и с любовью. Исполнить свой долг считалось делом чести и достоинства коренного русского человека. Нарушившего свой долг презирали.

Твердое сознание долга, считали русские люди, есть основа характера. Мудрость долга в том, чтобы наилучшим образом исполнить то дело, на которое человек поставлен жизнью. «У нас у всех, – писал И.С. Тургенев, – есть один якорь, с которого, если сам не захочешь, никогда не сорвешься: чувство долга». «Свободные установления, – считал Ф.М. Достоевский, – тогда хороши, когда они у людей, себя уважающих, а стало быть, уважающих и долг свой, долг гражданина».

Чувство долга сочеталось в русском человеке с верностью – полной преданностью, правдивостью, твердостью в слове, стойкостью в деле (В.И. Даль). На Святой Руси верность считалась одним из главных духовных качеств, «украшением человека». В русской литературе верность прославляется как особый благой дар, просветляющий душу человека. «Верному другу нет цены, ничто на свете не сравнится с верностью дружбе» («Поучение отца сыну», XI в.). «Верными считай не тех, кто по твоему слову говорит, но кто противится сказанному тобою неверно» («Пчела», XII–XIII вв.). «Будь верен человеку, и Бог ничто

тебе не поставит в неверность. Будь верен в дружбе и верен в любви» (В.В. Розанов).

Смирение и кротость в сочетании с чувством долга и верностью делали русского человека человеком чести. В понятиях Святой Руси честь выражала достоинство человека, его «право уважать себя перед лицом Божиим и право быть уважаемым духовно зрячими людьми» (И.А. Ильин). В этом смысле в понятиях Святой Руси «честь превыше всего». «Честь ум рождает, а бесчестье отнимает», «За честь голова гинет», «Честь головою оберегают», «Честь тверда, в слове стойка». За честь можно принять и смерть, ибо «бесчестье хуже смерти».

Человек чести на Святой Руси – прежде всего честный человек. Его главные качества – прямота, правдивость, неуклонность по совести своей и долгу, отрицание обмана и воровства, надежность в исполнении обещаний (В.И. Даль). Честность особенно ценилась коренными русскими людьми. В древнерусских наставлениях отцов своим сыновьям это качество стоит на первом месте – «жить по совести, честно и без обмана», «честно исполнять свой долг», «лучше жить в честной бедности, чем в богатстве неправедном».

В доказательство честности своих намерений русские целовали Честной Животворящий Крест. У русских бытовали такие выражения: «Даю честное слово», «Честные господа», «Честные гости», «Его честно принимали и провожали с почестями», «Честная смерть (благородная, доблестная)».

Народные пословицы: «Честное здравствование сердцу на радость», «Честный отказ лучше затяжки», «Честное дело не таится», «Честному мужу честен и поклон», «Доброю (честною) женою и муж честен».

*Будь честен и правду люби всей душой,
Страшись преступленья, но бед не страшись!
С правдивой душою будь тверд, как гранит,
Под громом при гневе кипящих людей!*

(Ф.Н. Глинка)

Не сильные лучше, а честные. Честь и собственное достоинство – сильнее всего. У честных всегда бывает больше врагов, чем у бесчестных. Честный человек с тем и живет, чтобы иметь врагов (Ф.М. Достоевский).

ГЛАВА 30. Ум и нрав. – Нравственность. – Истина и Правда. – Свобода и воля к действию.

В представлениях Святой Руси духовная сфера человека состоит из двух взаимодополняющих половин – ума и нрава.

В сферу ума входит способность мыслить, рассуждать, познавать. Ум – дар Божий. «Бог ума дает», – говорит русский человек. В древнерусском сборнике «Мудрость мудрого Менаандра» (XIV в.) говорится: «Ум – большое богатство для человека. Человеческому уму время – учитель». «Послушать умного человека – как при жажде холодной воды напиться. Лучше с умным камень поднимать, чем с глупым вино пить» («Повесть об Акире Премудром»). «Принимающему большую власть подобает большой ум иметь» («Пчела»).

Умный человек, кому Бог дал ясный, пронизательный ум, пользуется всеобщим уважением. «По платью встречают, по уму провожают, – говорят русские пословицы. – Богу молись, а добра ума держись. Ум на деньги не купишь. Не пером пишут, умом. Доходит ум и до Бога. Пускай ум наперед. Счастье без ума – дырявая сума».

О неумном, глупом человеке говорили: «Не твоего ума дело. Пора бы за ум взяться. Учись доброму, худое на ум не пойдет. Ум за разум заходит. Пора на ум наводить. Дурак закинет, а умный доставай. Не дал Бог ума, найдется сума».

Самый дорогой дар природы – веселый, насмешливый и добрый ум. Уважение к чужому мнению, уму – признак своего (В.О. Ключевский).

Старайся дать уму как можно больше пищи. Хочешь быть умным, научись разумно спрашивать, внимательно слушать, спокойно отвечать и переставать говорить, когда нечего больше сказать (Л.Н. Толстой).

Чем выше человек по умственному и нравственному развитию, тем он свободнее, тем больше удовольствия доставляет ему жизнь (А.П. Чехов).

В сознании человека Святой Руси к сфере ума относятся понятия об истине и правде. Истина (слав.: настоящий) – соответствие знания вечным, неизменным основам бытия и возникающим из него вещам и явлениям. Для православного высшая истина – Иисус Христос, воплощенный Бог. Познание истины требует не только ума, но и всего существа человека. В христианстве истина постигается верой. Христос говорит: «Я есмь путь и истина и жизнь» (Ин. 14: 6). Христианин верит, чтобы знать. «Познайте истину, и истина сделает вас свободными» (Ин. 8: 32). Ценность истины в представлениях Святой Руси в том, что она несет спасение. «Истина не дается нравственно ущербному человеку» (И.В. Киреевский). «Гаснет любовь и гаснет истина. Поэтому «истинствовать» на земле – значит постоянно и искренно любить» (В.В. Розанов). «Правда требует стойкости: за правду надо стоять или висеть на кресте, к истине человек движется. Правды надо держаться – истину надо искать» (М.М. Пришвин). «Всякий, кто искренне захотел истины, тот уже страшно силен» (Ф.М. Достоевский).

У русского народа, писал тот же Ф.М. Достоевский, существует неутоленная жажда правды. Русский понимает правду как истину на деле, истину во образе, во благе; правосудие, справедливость. «Не в силе Бог, а в правде», – говорил русский человек, подразумевая под ней меру добра и совести, абсолютную истину души.

«Без веры Господь не избавит, без правды Господь не исправит». «Всякая неправда – грех». «Делай не ложью – все выйдет по Божью». «И Мамай правды не съел». «Бог тому дает, кто правдой живет». «Кто правды ищет, того Бог сыщет». «Живи не ложью – будет по Божью». «Кто неправдой живет, того Бог убьет». «Оправь Бог правого, выдай виноватого! « «За правого Бог и добрые люди». «Бог на правду призрит».

«В неправде Бог карает». «В правде Бог помогает, а в неправде запинаят (карает)». «В Боге нет неправды». «Вся неправда от лукавого». «Нечего Бога гневить, надо правду говорить».

«Бог правду видит». «Правда живет у Бога, а кривда на земле».

«Правда груба, да Богу любя». «Правда гневна, да Богу мила».

Правда и добро связаны между собой. «В ком правды нет, в том добра мало», или другая пословица: «В ком добра нет, в том и правды мало».

«Лжей много, а правда одна». «Ложью как хошь верти, а правде путь один». «Правда глаза колет». «Правда уши дерет». «Правда рогатиной торчит».

«Правда на огне не горит, на воде не тонет». «Правда тяжелее золота, а на воде всплывает».

«Правда сама себя очистит». «Правда сама себя хвалит и величает». «Придет пора, что правда скажется». «Правды некуда девать». «Правота – что лихота: всегда наружу выйдет».

«Правда шутки не любит». «С правдой не шути!» «С правдой шутить – что с огнем».

«Не ищи правды в других, коль ее в тебе нет».

«Правда светлее солнца». «Правда чище ясного солнца». «Правда дороже золота». «Правда – свет разума». «Свет плоти – солнце, свет духа – истина». «Истина от земли, а правда с небеси».

«От правды некуда деваться». «Без правды не житье, а вытье». «Без правды житье – вставши да за вытье». «Без правды не живут люди, а только маются». «Без правды жить – с бела света бежать». «Без правды веку не изживешь».

«Дело знай, а правду помни!» «Дело делай, а правды не забывай!»

«Доброе дело правду говорить смело». «Правда суда не боится». «Правда бессудна. На правду нет суда». «Правда из воды, из огня спасает».

«Правды не переспоришь». «Правда есть, так правда и будет». «Как ни хитри, а правды не перехитришь». «Правда прямо идет, с нею не разминешься, не обойти ее, не объехать». «Правда, что шило – в мешке не утаишь». «Все минется, одна правда останется».

Жизнь прожить следует только по-доброму, по правде, достойно. Народная мудрость проводит эту мысль

постоянно. А.Н. Афанасьев в предисловии ко 2-му изд. «Народных русских сказок» (1873) отмечает: «...всегда сказка, как создание целого народа, не терпит ни малейшего намеренного уклонения от добра и правды. Она требует наказания всякой неправды и представляет добро торжествующим над злобою, например, сказка о правде и кривде задает практический вопрос: как лучше жить – правдою или кривдою? Выведены два лица, из которых каждый держится противоположного мнения:

Правдивый и криводушный. Правдивый – терпелив, любит труд, без ропота подвергается несчастию, которое обрушилось на него по злобе криводушного, а впоследствии, когда выпадают на его долю и почести, и богатство, он забывает обиду, какую причинил ему криводушный, вспоминает, что некогда они были товарищами, и готов помочь ему. Но чувство нравственное требует для своего успокоения полного торжества правды – и криводушный погибает жертвою собственных расчетов».

«Основная болезнь народная, – писал в свое время Ф.М. Достоевский, – жажда правды, но неутоленная». С к. XVII в. на глазах у простого русского человека рушили его основы, глумились над его святынями. Он видел непонимание и враждебность к нему со стороны «господ» и так называемой интеллигенции. Русский человек понимал, что по отношению к нему творится несправедливость, неправда, но в душе остро верил в торжество справедливости и правды.

Правда – воздух, без которого нельзя дышать (И.С. Тургенев). Никакой туман не устоит против лучей правды (Ф.М. Достоевский). Правда, хотя бы и жестоко выраженная, не должна быть страшна никому (Н.И. Пирогов). Только правда, как бы она ни была тяжела, – легка (А.А. Блок).

Правда – это победа совести в человеке, общая совесть людей. Не всякая сила стоит за правду, но всякая правда заявляет о себе силой. Правда приближается к человеку в чувстве силы и является в момент решения бороться: бороться за правду, стоять за правду, но всегда правда о себе докладывает силой. Правда требует стойкости: за правду надо стоять или висеть на кресте, к истине человек

движется. Правды надо держаться – истину надо искать (М.М. Пришвин).

Нрав – вторая половина сферы духа человека (другая – ум), включающая волю, любовь, милосердие, хотение, страсти. От слова «нрав» происходит слово «нравиться», то есть «соответствовать нраву, духу человека».

Народные пословицы: «Что кому нравно, то и любо. Не то хорошо, что хорошо, а то, что нравно. Нравное дело не спор. Нрав на нрав не приходится. Всяк своему нраву работает». Народный идеал состоит в том, чтобы нрав был добрый, а человек – нравственный.

Понятие нравственности носит положительный характер и противопоставляется телесному, плотскому. Нравственно то, что согласуется с совестью, с законами правды, с достоинством человека, с долгом честного и чистого сердцем гражданина своего Отечества.

Для коренного русского человека нравственный быт важнее быта материального. А это означает способность к самоотверженности. «Всякое самоотвержение есть поступок нравственный, доброй нравственности, доблести. Православная вера заключает в себе правила самой высокой нравственности. Нравственность веры нашей выше нравственности гражданской: первая требует только строгого исполнения законов, вторая же ставит судьей совесть и Бога» (В.И. Даль).

Каждая сила духовная, создавшаяся внутри одного человека, невидимо влечет к себе и подвигает силы всего нравственного мира. Мир свободной воли имеет свою правду в мире вечной нравственности (И.В. Киреевский).

Чем соедините вы людей для достижения ваших гражданских целей, если нет у вас основы в первоначальной великой идее нравственной? Созидается общество началами нравственными (Ф.М. Достоевский).

Жизнь без нравственного усилия – это сон. Ценность нравственности определяется не вещественным значением дела и его возможными последствиями, а степенью доброго усилия (Л.Н. Толстой).

Умно и нравственно стремиться к истине и правде жизни может только свободный волевой человек. Русские понимали свободу (вольность) не только как условие совершать

поступки по своему личному произволу, а прежде всего как возможность жить полноценной национальной жизнью во всем богатстве ее проявления. «Свобода праведна только через любовь, но и любовь возможна только в свободе – через любовь к свободе ближнего. Несвободная любовь вырождается неминуемо в страсть, оборачивается насилием» (Г.В. Флоровский). Главным условием свободы русского человека была соборность – свободное единение в любви к общим духовным идеалам, одинаково близким и родным и в царском дворце, и в самой бедной курной избе.

Свобода для русского человека претворялась через любовь и братство. Всякий иной путь ведет к своеволию и выпадению из национальной жизни.

Свобода носила коллективный характер и определялась принадлежностью человека к самоуправляющейся общине, которая создавала условия для свободы и самостоятельного развития каждого отдельного человека (в городах подобную роль играли самоуправляемые объединения, артели, дружины, черные сотни), ограждая его от феодальных поборов и произвола центральной власти. Распространенное заблуждение наших современников понимать свободу как абсолютную независимость человека от установленных веками традиций и обычаев национальной жизни не было бы понято нашими предками, смотревшими на такую независимость как на разнузданность и своеволие, ничего общего со свободой не имеющих.

Неограниченная свобода (воля) человека в понятиях Святой Руси оценивается отрицательно. «Своя воля страшнее неволи», «Воля губит, неволя изводит», «Боле воли – хуже доля».

Свобода в представлениях Святой Руси носит высокий духовный характер. Как справедливо отмечал В.В. Колесов: «Стремление к гармонии выражается по древнему образцу: свободен тот, кто живет в пределах собственного мира, в своем кругу, руководствуясь своим мерилom ценности и красоты, пусть даже этот мир и будет в каком-то отношении не очень хорош, но этот мир мой, знаком мне, и признаки этого мира выражают именно мое существо».

Особым образом у русского человека развивалась и воля к действию, способность к выбору цели деятельности и

внутренним усилиям, необходимым для ее осуществления. В течение веков многим русским людям приходилось жить на пределе духовных сил, опираясь в выборе цели деятельности на высшие духовные ценности – Вера, Родина, Царь, которые были для них превыше личных желаний. В этих условиях волевые качества русского человека приобретали державный характер. Отсюда возвышенный максимализм в выборе идеалов и деятельности. По справедливому замечанию Л.П. Карсавина, «русские всегда хотят действовать во имя некоторого абсолюта или подняться на уровень абсолюта». Если русский сомневался в абсолютном идеале, он мог потерять волю к действию, впасть в полное безразличие ко всему.

В понимании человека Святой Руси на все существует Воля Божья, а человеческий выбор зависит только от нее и должен определяться величию Божественного. В этом смысле воля есть попытка претворить в жизнь Божественный Идеал.

Русская наука воспитания воли строилась на достижении высоких духовных целей. Воля наша, как и наши мускулы, крепнет от постоянно усиливающейся деятельности; не давая им упражнения, вы непременно будете иметь слабые мускулы и слабую волю (К.Д. Ушинский). Большая воля – это не только умение чего-то пожелать и добиться, но умение заставить себя и отказаться от чего-то, когда это нужно. Воля – это не просто желание и его удовлетворение, а это и желание и остановка, и желание и отказ (А.С. Макаренко). Нет ничего выше сильной и разумной воли, направленной к высоким целям (К.Э. Циолковский).

ГЛАВА 31. Познание добра и зла. – Страдание. – Беда. – Страх. – Жалость.

Единственный путь познания Добра и Зла можно найти только в Свящ. Писании и у христианских мыслителей. Православная мысль рассматривает добро как норму и должное, а зло – как отклонение от нормы и недолжное.

При определении должного и недолжного православный человек руководствуется указанием воли Божией, как она выразилась в естественном и сверхъестественном откровении. Зло есть отрицание добра, приносимого в мир Богом, противостояние истине, добру и благу. Всякое зло противно Божественному порядку, в православном сознании зло олицетворяется с духом тьмы, дьяволом, сатаной. В Библии под добром понимается все то, что получает свое бытие от Бога. Исходя из этого, зло, как противоположность Божественной норме добра, есть явление случайное, то, чему не следовало быть и что не согласно с волей Божией, так как не входило в план мироздания. Зло проявляется в разрушении, беспорядке, уничтожении бытия и разделяется на зло физическое – все, что разрушает развитие физического бытия (болезни и пр.), – и зло нравственное – все, что противоречит в нравственной жизни воле Божией и что обыкновенно называется грехом.

Русский человек Св. Руси был уверен, что в мире идет борьба добра и зла. Добро и зло совершаются прежде всего в душе, вне времени и пространства. Ареной борьбы становится человеческая совесть. Пытаясь побороть зло злом, ты губишь собственную душу. «Не плати злом за зло, – говорят народные пословицы. – Нам добро, никому зло – то законное житье! Дружбу помни, а зло забывай. Зла за зло не воздавай. Назло да наперекор, да людям в укор. На зло молящего Бог не слушает. Во зле жить, по миру ходить».

Веря в добро, русский человек вместе с тем считает, что «мир во зле лежит». «Злой не верит, что есть добрые люди». «И доброе слово не уймет злого». Но все равно – «Молись, а злых дел берегись».

Понятие зла подробно исследовано русскими мыслителями. «Зло не есть просто вражда, ибо вражда ко злу не есть зло. Зло есть противодуховная вражда. Только для лицемера или слепца равноправны Георгий Победоносец и закалываемый им дракон» (И.А. Ильин). «Лицо всякого зла, всякого отрицательного явления, в конце концов, всегда только искаженное лицо отрицаемого им добра» (Ф.А. Степун).

«Если ты спрашиваешь, зачем зло, – писал Л.Н. Толстой, – я отвечаю вопросом: зачем жизнь? Зло затем, чтобы

была жизнь. Жизнь проявляется в освобождении от зла. Борьба со злом в том, что стараться переменить мысли человека, делающего зло. Борьба со злом плодотворна только в собственной душе».

Зло должно искореняться непрестанно, считал Ф.М. Достоевский. «Я хочу, – заявлял он, – не такого общества, где бы я не мог делать зла, а такого именно, чтобы я мог делать всякое зло, но не хотел его делать сам. Оправдайте, не карайте, но назовите зло злом».

В России зло очень редко творится умышленно, гораздо чаще – по недоразумению и недомыслию (Ф.И. Тютчев). Борьба со злом возможна лишь путем творчества жизни. Зло в творчестве выступает как самопобуждение к высшему напряжению творческих сил (М.М. Пришвин).

Зло приносит человеку страдание, чувство муки, мучение, ощущение беды, боли, скорби, тоски. Но страдание, которое человек претерпел в борьбе за добро, преображает его личность. В представлении человека Святой Руси страдание – возвышенное чувство, приближающее его к Богу. Такое отношение к страданию красной нитью проходит через всю жизнь русского народа. «Страдание, – писал Ф.М. Достоевский, – это и есть жизнь. Без страдания какое бы было в ней удовольствие!» В понятиях Святой Руси горе, страдание – высокое очистительное чувство, возвышающее истинно православного человека. «Больше горя, ближе к Богу, – говорит народная пословица. – Горе с тобой, беда без тебя», «Дальше горе, меньше слез». «Злато плавится огнем, а человек напастями» («Моление Даниила Заточника», XII в). «Только горе открывает нам великое и святое, – писал В.В. Розанов. – До горя – прекрасное, доброе, даже большое. Но никогда именно великого, именно святого».

Человек начинается там, где, радостный вокруг себя, он внутри принимает страдания (М.М. Пришвин). Хочешь быть счастливым? Выучись сперва страдать (И.С. Тургенев).

Христос страдал и нам велел, – говорили русские люди, – пострадаем Бога ради, выстрадаем небесное царство. Рады страдать за Веру, за Русь, за Царя. Все перстрадаем.

Такого отношения к страданию, пожалуй, не существует ни у одного другого народа. Русские благодарят Бога за те страдания и испытания, которые они претерпевают, выходя каждый раз из них очищенными и более возвышенными. «Малые страдания выводят нас из себя, великие же – возвращают нас самим себе. Треснувший колокол издает глухой звук: разбейте его на две части – он снова издаст чистый звук» (Л.Н. Толстой).

Даже в советское время – время упадка русского духа, благодарственное отношение к страданию сохранялось не только между православными, но и в среде русских, далеких от церкви. «Там, где растет печаль, – признавался писатель М.М. Зощенко, – там и мое наслаждение. Ибо как я могу наслаждаться радостью, если радость никогда не бывает величественной, а страдание – всегда таково? «

В сознании русского человека зло часто представлялось в образе злого существа, связанного с нечистой силой, именуемого бедой, которое странствует по свету, выискивая себе жертвы.

«Пришла беда – отворяй ворота! – говорят русские пословицы. – Беда спит, а по людям ходит. Беда ходит не по лесу, а по людям. Где беда ни голодала, а к нам на пирушку попала».

В борьбе со злом и бедой нельзя поддаваться страху. В понятиях Святой Руси страх – унижительное для православного человека чувство, принижающее его веру в милость Божью и часто связанное с нечистой совестью. В древнерусском сборнике «Пчела» (XII–XIII вв.) говорится: «Спрошенный, что в жизни свободно от страха, ответит: чистая совесть».

Страх – самое угнетающее из человеческих чувств и самый сильный источник пороков (К.Д. Ушинский). Самые страшные люди – это люди, одержимые страхом (Н.А. Бердяев). Страх ради люди теряют высшие понятия чести, достоинства, преданности, любви, подвига. Страх прилипчивее чумы и сообщается вмиг (Н.В. Гоголь).

Одно из характерных качеств человека Святой Руси – жалость к людям, попавшим в беду. Это не отстраненное равнодушное сочувствие, а сопереживание, грусть, скорбь, сокрушение.

«Человек жалью живет, – говорят русские пословицы. – От жали (жалости) не плакать стать. Встретил с радостью, а проводил с жалостью. Жаль берет, жалость одолевает, глядя на этого бедовика». Вместе с тем русский человек считает: «Жалью море не переедешь, веку не изживешь».

Истинная сущность жалости не есть простое отождествление себя и другого, но признание за другим собственного значения – права на существование и наибольшее благополучие (В.С. Соловьев). Жалость есть разделение богооставленности твари, соединение с нею в этой богооставленности (Н.А. Бердяев).

ГЛАВА 32. Смертные грехи. – Человеческие пороки. – Гордость. – Гнев. – Жадность. – Ложь. – Предательство. – Лесть. – Осуждение. – Мечь. – Самоубийство.

Хорошие или плохие свойства человеческой души раскрываются в искушениях, с которыми сталкивается человек. В искушениях происходит испытание души, проверка ее случайными, нарочитыми обстоятельствами или жизненными ситуациями. Разум и воля порочного человека склоняются ко злу и греху.

Грех (слав.: грети; первоначальное значение: «то, что жжет, мучает, вызывает сомнение») – моральная вина человека перед Богом и другим человеком. Грешить можно словом, делом, помышлением или бездействием (неоказанием помощи), бессловесием, бессмысленностью (глупостью, немолитвенностью). По понятиям русского народа, грех – болезнь души. Как тело чувствует боль, пока человек жив, так и душа чувствует боль от греха, пока душа жива. О грехе человеку свидетельствует совесть. Человек сам не может избавиться от греха. Только Христос освобождает от него ценой Своей Крови.

В православном учении существуют также понятия смертных грехов, которые в случае нераскаянности ведут к вечной гибели. Смертные грехи происходят от корня

всякого зла – гордыни. Григорий Великий называет семь смертных грехов: тщеславие, зависть, гнев, уныние (неверие в спасение), чревоугодие, расточительность, скупость. Эти грехи порождают другие: зависть – ненависть, тщеславие – непослушание и чванство и т.д. Другие святые отцы называют восемь смертных грехов: гордыня, убийство, уныние, воровство, блуд, пьянство, кощунство и ложь.

Грех всегда соединен с необузданными желаниями. В сознании коренного русского человека желание связано со стремлением к материальному стяжанию и получению физического удовольствия. Христианское мировоззрение требует от человека обуздания своих желаний, духовной власти над ними.

Тот, кто не знает границ своим желаниям, никогда не станет хорошим христианином.

Самые захватывающие нас желания – это желания похотливые, такие желания, которые никогда не удовлетворяются, и чем больше удовлетворяются, тем больше разрастаются. Вспомни, как страстно желал ты в прошедшем много, что теперь вызывает в тебе если не отвращение, то пренебрежение. То же будет и с теми желаниями, которые теперь волнуют тебя. Вспомни, как много ты потерял, стараясь удовлетворить их. То же будет и теперь. Смирись, утишай их, это всегда самое выгодное и всегда возможное (Л.Н. Толстой).

Народное сознание обостренно ощущает греховную природу человека: «Мир во зле (лжи) лежит», «Мир в суетах, человек во грехах», «Один Бог безгрешен (Един Бог без греха)», «Нет такого человека, чтобы без греха прожил», «Грех сладок – человек падок», «Рожденные во плоти причастны греху», «Невольно грех живет на всех», «Нет такого человека, чтобы без греха прожил», «И первый человек греха не миновал и последний не избудет», «Все одного отца дети», «Все адамовы детки», «Адам плотию наделил, Ева грехом», «Адам согрешил, а мы воздыхаем», «Ева Адама прельстила, весь род погубила», «Ева прельстила деревом, простонала чревом», «Адам грех сотворил – рай затворил».

Православный русский человек твердо считает: «Все на свете по грехам нашим деется», «Что ни творится над

нами – все по грехам нашим», «Грешна душа, во что Бог поставит». И отсюда делает вывод: «Супротив греха и покаяние», «В чем грех, в том и спасение», «Грешники, да Божьи», «С грехом ссорься, с грешником мирись», «Ненавидь дурное в человеке, а человека люби». «Согрешить – дело человеческое, но упорствовать во грехе – дело дьявольское» (Тихон Задонский).

Гордость (общеслав.: глупость, дурь) – смертный грех, превознесение над другими, спесь, чванство. Первая ступень гордости – тщеславие, когда гордец еще нуждается в похвале и одобрении других. Развитая гордость презирует чье-либо мнение. Гордость – грех сатаны. «Гордость, – писал Н.О. Лосский, – есть себялюбие, не допускающее никакого превосходства других существ над собою, никакого подчинения чужой воле». В понятиях Святой Руси гордец воспринимался как глупый, недалекий человек, его не любили и даже презирали: «Гордым быть – глупым слыть», «Спесь не ум», «Спесь в добро не вводит». «Спесь не к добру ведет», «Во всякой гордости черту много радости», «Чванство не ум, а недоумье», «Гордый покичился да во прах скатился».

Святая Русь противопоставляет гордости понятия чести (достоинства) и смирения. «Гордым Бог противится, а смиренным дает благодать», «Честь превыше всего», «Бесчестье хуже смерти».

Гнев – страстная, порывистая досада, запальчивый порыв, злоба. В понятиях Святой Руси – грешное действие, ослабление православного человека. «Ослабит муж ум, во гнев впадая» («Мудрость мудрого Менандра», XIV в.).

«Господин гневу своему – господин всему, – говорят русские пословицы. – Переложи гнев на милость. Гневен Бог Моисеев, милосерд Христос».

Вместе с тем русский человек использовал выражение «гнев Божий», означающее бедствие, постигающее человека (напр., пожар, гроза). «Нечего Бога гневить, надо правду говорить».

«Не карай во гневу», «Не во гневе сказать», «Покорное слово гнев укрощает», «Гневайся, да не согрешай», «Гневаться – дело человеческое, а зло помнить – дьявольское».

К спорам прислушивайся, но в споры не вмешивайся. Храни тебя Бог от запальчивости и горячки, хотя бы даже в малейшем выражении. Гнев везде неуместен, а больше всего в деле правом, потому что затемняет и мутит его (Н.В. Гоголь).

Как не неприятен для других гнев, он более тяжел для того, кто его испытывает. То, что начато в гневе, кончится в стыде (Л.Н. Толстой).

Состояние bestолкового, необузданного гнева гибельно. Под влиянием гнева мы возводим такие обвинения на человека, возбудившего в нас гнев, какие показались бы нам забавными в спокойную минуту (К.Д. Ушинский).

В представлении человека Святой Руси одним из главных корней порока является жадность – алчное материальное стяжание, страстное и ненасытное желание присваивать все себе одному, увлекаться корыстью – человеческое качество, строго порицаемое на Руси.

В «Книге премудрости Иисуса, сына Сирахова» говорится: «Око лихоимца не насытится частью, а обида лукавого иссушает душу его», «Взятки и мзды ослепляют и очи мудрых, так что и зрячие уже не видят». В «Наставлении отца сыну»: «Дом скупца – как туманная ночь, что скрывает звезды и свет от многих очей». «Горе лихоимцу, ибо богатство покинет его, огонь же примет его» («Изречения Исихия и Варнавы» из «Изборника 1076 г.»).

«Много желать, – говорится в русских пословицах, – добра не видать. Много хватать – свое потерять. Жадностью ничего не возьмешь. У жадного кадык перетянуло. Жадные глаза не знают стыда. Сытый волк смиреннее ненасытного (жадного) человека. Нет пропасти супротив жадных глаз».

Одним из смертных грехов на Руси считались ложь и обман – преступление против Истины, а значит, и против Бога. В народном сознании ложь видится как тяжелый грех, присущий падшей природе человека: «Всяк человек ложь – и я тож» или «Все люди ложь и мы тож». «Люди солгали, да и мы правды не сказали». «Люди лгут, а нам веры не имут». В «Поучении сыновьям» Владимир Мономах говорит: «Лжи остерегайтесь, и пьянства, и блуда, от того ведь душа погибает и тело».

Ложь так же живуча, как и истина, если не более (И.С. Тургенев). Тля ест траву, ржа – железо, а лжа – душу (А.П. Чехов). Ложь перед самым собою – это наиболее распространенная и самая сильная форма порабощения человека жизнью (Л.Н. Андреев). Ложь ложью спасается (Ф.М. Достоевский).

Одной из разновидностей лжи всегда была лесть – похвала с корыстной целью, лукавая угодливость, притворное одобрение, униженное потворство. В понятиях Св. Руси лесть, как и ложь, считались грехом против истины, правды и справедливости, а значит, против Бога.

Из «Изборника 1076 г.»: «Отвращайся лъстивых слов льстецов, они точно вороны: выключот очи и мудрых. Прерви нашептывающего тебе в уши – и не погибнешь с ним вместе».

Русские народные пословицы: «Встречай не с лестью, а с честью. Лесть да месть дружны. Он падок на лесть. В глаза льстят, за глаза ругают. Лестью и душу вынимают. Лесть словно зубами съест».

Лъстивый человек мед на языке, яд в сердце имеет (М.В. Ломоносов). Лесть есть наижесточайший яд для государей, а льстецы должны считаться, яко погубляющие их душу и славу (М.М. Щербатов). Лъстец льстит только потому, что он невысокого мнения о себе и о других (Л.Н. Толстой). Льстят тем, кого боятся (А.П. Чехов).

Нет ничего в мире труднее прямодушия и нет ничего легче лести. Если в прямодушии только одна сотая доля нотки фальшивая, то происходит тотчас диссонанс, а за ним – скандал. Если же в лести даже все до последней нотки фальшивое, и тогда она приятна и слушается не без удовольствия; хотя бы и с грубым удовольствием, но все же с удовольствием. И как бы ни груба была лесть, в ней непременно по крайней мере половина кажется правдою. И это для всех развитий и слоев общества. Даже весталку можно соблазнить лестью. А уж про обыкновенных людей и говорить нечего (Ф.М. Достоевский).

Ложь всегда связана с предательством и изменой. В понятиях Святой Руси это страшнейшие деяния. Предательство и измена не прощаются. Совершивший их достоин смерти.

Предательство состоит в том, что человек внутренне (в своих сокровенных помыслах, чувствах, решениях) или внешне (на словах или на деле) изменяет своему духовному принципу, не имея для того предметных оснований (И.А. Ильин). Причин предательства существует много, но главная из них – пристрастие к деньгам, вещам и комфорту. Как писал русский мыслитель кн. Е.Н. Трубецкой: «Комфорт родит предателей. Продажа собственной души и родины за тридцать сребреников, явные сделки с сатаной из-за выгод – вот куда, в конце концов, ведет мещанский идеал сытого довольства».

Смертными грехами на Святой Руси считались зависть и осуждение. Досада по чужому добру или благу, нежелание добра другому, а одному лишь себе разрушает душу человека.

В древнерусском сборнике «Пчела» зависть называется «язвой на истине».

Зависть, как «печаль о благополучии другого» (Я.Б. Княжнин), резко осуждается в народных пословицах: «Лихоманка да зависть – иродовы сестры. Завистью ничего не сделаешь. Злой плачет от зависти, добрый – от жалости. Зависть прежде нас родилась. Где счастье, там и зависть. Завистливый своих двух глаз не пожалеет. Завистливо око видит далеко». И как вывод из этого: «С доброго будет, а завистливому шиш! Привет за привет и любовь за любовь: а завистливому – хрен да перец, и то не с нашего стола!»

Осуждение, моральное порицание, хула, опорочивание человека на Святой Руси чаще всего воспринимались отрицательно, как грех, согласно слову Божию: «Не судите да не судимы будете».

В «Изборнике 1076 г.» говорится: «Вглядимся в себя, не осуждая других, ведь много и в нас такого, за что осуждаем иных». Тому же учит и св. Дмитрий Ростовский: «Не суди другого за грех, но избавь себя самого от греха осуждения».

Русские пословицы: «Не осуждай и не осужден будешь. Глупый осудит, а умный рассудит. Сперва рассуди, а там осуди. Не суди других, не осудишься от них».

Когда мы бываем недовольны собой, то осуждаем не самих себя, не свою душу, а свои поступки; точно так же

надо относиться и к другим людям: осуждать их поступки, а не их самих, не их душу (Л.Н. Толстой).

Человек Святой Руси твердо верил, что за все совершенные грехи наступает неотвратимое возмездие. В представлениях русского народа воздаяние рассматривалось как неотвратимая расплата перед Богом за совершенный грех против Бога и людей. Причем возмездие у русских воспринималось не только как справедливая физическая кара, но и как духовно-нравственное наказание по совести. «Мы ищем возмездия совершенного нами добра и зла во времени и часто не находим его. Но добро и зло совершаются в душе, вне времени, и истинное возмездие осуществляется в нашей совести» (Л.Н. Толстой).

Признавая неотвратимое возмездие за совершенные грехи и преступления, русские люди не были сторонниками мстить своим недругам злом за зло, обидой за обиду. Как отмечал в к. XIX в. русский этнограф С.Я. Дерунов, «мщения русский народ почти не понимает». Правда, совсем по-другому этот вопрос ставился о воздаянии за зло, нанесенное врагами Веры, Царя и Отечества. Здесь злоумышленников ждала неотвратимая справедливая кара.

Страшным грехом на Руси считалось самоубийство. По народным поверьям, душа самоубийцы отходит к дьяволу. Самоубийцы считались детьми дьявола, их дома разрушали. Место, где произошло самоубийство, объявлялось нечистым, дерево, на котором повесился самоубийца, срубали.

ГЛАВА 33.

Счастье. – Радость. – Веселье. – Смех.

Представление русского человека о счастье – это предвкушение земного блаженства, желанной насущной жизни без горя, смут, тревоги. По мнению В. И. Даля, это все, что покоит и доводит человека, по убеждениям, вкусам и привычкам его.

Счастье человеку дается от Бога и обязывает душу человеческую благодарить Его. «Счастлив твой Бог, – го-

ворит русский человек. – Счастлив, что Бог тебя любит. Не родись красивым, а родись счастливым». «Вся жизнь человеческая, – говорил К.П. Победоносцев, – искание счастья. Неутолимая жажда счастья вселяется в человека с той минуты, как он начинает себя чувствовать, и не исощается, не умирает до последнего издыхания. Надежда на счастье не имеет конца, не знает предела и меры».

У русского народа существует множество пословиц о счастье: «Счастье в нас, а не вокруг да около. Домашнее счастье – совет да любовь. Лады в семье – большое счастье! Даст Бог здоровья, даст и счастья. Счастье – мать, счастье – мачеха, счастье – бешеный волк. Со счастьем на клад набредешь, без счастья и гриба не найдешь. Счастье, что палка: о двух концах. Счастье дороже богатства».

Счастье есть дело судьбы, ума и характера (Н.М. Карамзин). Что такое счастье? Это возможность напрячь свой ум и сердце до последней степени, когда они готовы разорваться (В.О. Ключевский).

*Живи и жить давай другим,
Но только не за счет другого;
Всегда доволен будь своим
Не трогай ничего чужого;
Вот правило, стезя прямая
Для счастья каждого и всех.*

(Г.Р. Державин)

Счастье есть совпадение линии жизни с линией идеала, удовольствие без раскаяния. Есть два желания, исполнение которых может составить истинное счастье человека – быть полезным и иметь спокойную совесть. Счастье – это быть с природой, видеть ее, говорить с ней. Несомненное условие счастья есть труд: во-первых, любимый и свободный труд; во-вторых, труд телесный, дающий аппетит и крепкий успокаивающий сон. Счастлив тот, кто счастлив у себя дома. Счастье не в том, чтобы делать всегда, что хочешь, а в том, чтобы всегда хотеть того, что делаешь (Л.Н. Толстой).

Счастье – как здоровье: когда его не замечаешь, значит, оно есть. У счастья нет завтрашнего дня, у него нет

и вчерашнего, оно не помнит прошедшего, не думает о будущем, у него есть настоящее – и то не день, а мгновение (И.С. Тургенев).

Счастье приносит радость, чувство приподнятости, веселого настроения и удовольствия. В понятиях Святой Руси радость связана с Верой, Надеждой, Любовью и рассматривается как особая мудрость. «Любовь, обладающая своим предметом, есть радость» (Блж. Августин). «Радость – это ощущение полноты жизни, не знающей никаких изъянов и недостатков. Радость – это мир совести, не смущаемой и не колеблемой никаким страхом или чувством горького раскаяния» (митр. Николай Ярушевич). «Надо быть всегда радостным. Если радость кончается, ищи в чем ошибка» (Л.Н. Толстой). «Кто не любит радости человека – не любит и самого человека» (В.В. Розанов).

Русские пословицы: «Бог и плач в радость претворяет»; «Кто в радости живет, того кручина неймет»; «От радости голова вскружилась, дух сперся»; «Отвести душу, нарадоваться»; «Сердце сердцу радуется».

«Веселость, – говорил св. Серафим Саровский, – не грех, она отгоняет усталость, а от усталости ведь уныние бывает, и хуже его нет». Русский народ всегда ценил веселье, смех, шутку. «Веселье, – сообщают русские пословицы, – лучше богатства. Веселого нрава не купишь. Сердце веселится, и лицо цветет. Есть нечего, да жить весело. Мешай дело с бездельем, проводи время с весельем. Кто людей веселит, за того весь свет стоит. В веселый час и смерть не страшна».

Веселое слово поднимает дух человека. Русский народ любит шутить: «Шутку шутить – всех веселить». «Шутка в пазуху не лезет». «За шутку не сердись, а в обиду не вдавайся». «За хлебом-солью всякая шутка хороша». «Нет лучше шутки как над собою». «Шутка – ряд (подмога) делу».

Вместе с тем русский человек говорит: «Шути, да оглядывайся». «Умей пошутить, умей и перестать». «Умей шутить, умей и отшучиваться». «Чем черт не шутит». «Шутить бы черту со своим братом». «Шутку любишь над Фомой, так люби и над собой».

Существует множество пословиц, выражающих смеховой мир и добродушие русского человека: «Надорваться со

смеху; «Смехом бока надсадили»; «Все со смеху покатились»; «Со смеху не лопнуть статью»; «Надорвать животы (животики) от смеха»; «Лопнуть, покатиться, повалиться со смеху»; «Помирать, надсесться со смеху»; «За бока держаться от смеху»; «Смех тридцать лет у ворот стоит, а свое возьмет».

«Если хотите рассмотреть человека и узнать его душу, смотрите на него, когда он смеется. Хорошо смеется человек – значит, хороший человек» (Ф.М. Достоевский). «Ничего более не боится человек так, как смеха. Боясь смеха, человек удержится от того, от чего бы не удержала его никакая сила» (Н.В. Гоголь). «В смехе есть примиряющая и искупляющая сила – и если недаром сказано «чему посмеешься, тому послужишь», то можно прибавить что над кем посмеялся, тому уже простил, того даже полюбить готов» (И.С. Тургенев). «Кто смеется, тот все прощает» (В.А. Жуковский).

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ.

ГЛАВА 34. Вселенная. – Земля. – Вода.– Воздух. – Огонь.

В сознании человека русской цивилизации вселенная – это все, что сотворил Бог, духовный и материальный мир в целом, мир Божий. Вселенная ограничена в пространстве (Быт. 1: 6—8) и времени, которое некогда началось и кончится (Откр. 10: 6). Русское народное представление о Вселенной раскрывается в пословицах:

Мудрено сотворено. Премудры дела твои, Господи.

На семи поясах Бог поставил звездное течение.

Над семью поясами небесными сам Бог, превыше его покров.

На 1-м поясе небесные ангелы, на 2-м архангелы, на 3-м начала, на 4-м власти, на 5-м силы, на 6-м господства, на 7-м херувимы, серафимы и многочестия.

Мир – нетленная риза. Небо – нетленная риза Господня.

Небо – престол Бога, земля – подножие.

Небо – терем Божий; звезды – окна, откуда ангелы смотрят.

Земля на трех китах (рыбах) стоит.

Кит-рыба под землей дрожит (или: на другой бок переваливается; о землетрясении).

Солнце – князь земли, луна – княжна.

Месяц – казачье солнышко.

Хорошо солнышко: летом печет, а зимой не греет.

Старый месяц Бог на звезды крошит.

Светит, да не греет; только напрасно у Бога хлеб ест.

По звездам корабли ходят.

Метлы (кометы) небо подметают перед Божьими стопами.

Земля-мать – подает клад.

Мир, что огород: в нем все растет.

Земля, вода – останутся, а нас не будет.

Иерусалим есть пуп земли.

Всем рекам река Ерат (Евфрат). Всем горам гора Авор (Фавор). Всем древам древо кипарис. Лев-зверь всем зверям царь. Всем птицам птица орел.

По народным представлениям, существуют четыре главные основы мироздания – Земля, Вода, Воздух, Огонь. Но главной среди главных считалась земля.

Русские люди считали свою землю святой, боготворили ее как всеобщий источник жизни, мать всего живого – Мать Сыру Землю. «Гой еси сырая, Земля матерая! Матерь нам еси родная, всех еси нас породила». В некоторых духовных стихах земля отождествлялась одновременно и с матерью, и с отцом: «Земля – мать сырая! Всем, Земля, ты нам отец и мать».

Еще в языческие времена понятие земля для русских людей было равнозначно понятию «своего рода-племена», малой и большой Родины, Отечества, государства. Более того, образ земли выражал для русских единство и преемственность всех мертвых и живых. Поминальные ритуалы на могилах предков как бы декларировали связь всех ушедших и живущих поколений.

Самой страшной клятвой на Руси считалась клятва, при которой целовали или ели землю. Уезжая на чужбину, русский человек брал с собой горсть родной земли и держал ее на груди до конца своей жизни, унося ее вместе с собой в могилу. Возвращаясь на Родину, русские вставали на колени и целовали свою землю. Провожая в последний путь своих близких, русские брали с могилы горсть земли и растирали ее около сердца. Считалось, что таким образом можно преодолеть тоску по покойнику.

По древнерусским поверьям, земля страдает от человека и одновременно сострадает к нему. Люди виновны перед землей хотя бы потому, что «рвут ее грудь сохой, царапают в кровь бороной». Считалось, что земля – своего рода одушевленное существо и ей нужно устраивать отдых и именины. В Вятской губ., например, земля считалась именинницей в Духов день, в других местах именины земли праздновали в день св. Симона Зилота.

После Крещения Руси многие ритуалы, связанные с языческим культом Матери Сырой Земли, преобразова-

лись в христианские обряды, связанные с почитанием Пресвятой Богородицы.

Не в меньшей степени, чем землю, русские люди обоготворяли воду, называли ее «царицей», «матушкой». В Древней Руси существовало множество священных источников и колодцев, которые в языческие времена связывались с культом богини Мокоши, а после принятия христианства перешли под покровительство св. Параскевы Пятницы. Другим могучим христианским покровителем водной стихии стал св. Николай Чудотворец.

В языческие времена верили, что в воде обитают злые духи, русалки, водяные. Состояние воды связывали с состоянием здоровья. Одним из обычных приветствий в Древней Руси было: «Будь здоров, как вода».

В православных ритуалах воду освящали, чтобы изгнать из нее бесов и всяческую скверну. Освященная вода использовалась русскими людьми для лечения больных, поднятия здорового духа, изгнания нечистой силы. Главным праздником в году, включавшим обряд водосвятия, было Крещение. Освященная в этот день вода называлась святой, иорданской, богоявленской. Ее хранили весь год до следующего Крещения, верили в ее чудодейственную силу. Иногда освящение воды происходило и в другие праздники – накануне Пасхи, Ивана Купалы, в первый день августа (Мокрый Спас).

Чудодейственной считалась также вода из источников и колодцев, набранная на Рождество, Новый год, Сретение, в Страстной четверг или пятницу, на Ивана Купалу.

С трепетным чувством русские относились к воздуху. Считалось, что в воздухе обитают души, невидимые духи и бесы. Таким образом, через воздух, дуновение ветра и человеческое дыхание люди соединяются с миром духов, которые могут влиять на них, наводить порчу, болезнь и, наконец, убить. В воздух уходит и душа умершего человека. Спасти от дурного влияния воздуха можно только молитвой и крестным знаменем.

Как и многие другие народы, русские долгое время поклонялись огню. Обоготворение огня в языческой Руси проявлялось в поклонении неугасимому огню, который русские язычники разжигали перед своими идолами, и

прежде всего Перуном. Огонь тогда называли Сварожичем, т.е. сыном Сварога. Сыном Сварога считался также родоначальник и покровитель русского народа Дажьбог. По языческим представлениям, через огонь пролегла дорога на небо. В дохристианской Руси покойников сжигали на кострах, веря, что с их пламенем они переносятся в рай. Когда у женщины умирал муж, она стремилась к самосожжению, чтобы вместе с ним войти в рай.

Огонь считался средством очищения от злых духов, болезней, всяческой скверны. Через костер, зажженный от живого огня (при помощи трения), проводили заболевших людей, между двух костров прогоняли скот. Обычай этот сохранялся в русских деревнях вплоть до XX в.

ГЛАВА 35. Время. – Жизнь. – Вечность. – Бессмертие. – Смерть.

Время – свойство божественного миропорядка, заключающееся в закономерной координации сменяющих друг друга явлений и событий. В понимании Святой Руси время – отрезок вечности, имеющий начало и конец и во всех своих характеристиках – длительность, продолжительность, последовательность – связанный с развитием Божественного Начала. Время есть выражение силы и могущества Бога, принимающего в реку времени всю историческую последовательность земной жизни человека. «Время – сила в своих развитиях; пространство – в ее сочетаниях» (А.С. Хомяков). «Сила во времени» (народная пословица).

«У Бога дней много»; «У Бога дней не решето»; «Время принадлежит Богу»; «Время летит»; «Время за нами, время перед нами, а при нас его нет»; «День мой – век мой»; «Что до нас дошло, то и к нам пришло»; «Век мой впереди, век мой позади, а на руке нет ничего».

«Всему свое время», – говорит русский человек. – «Всякой вещи час»; «Во времени подождать: у Бога есть что подать»; «Придет время, будет и нам черед». Все надо делать в свой черед, в свою пору. На этом в народном сознании делается особый акцент: «Не время дорого, пора»; «Не

впору не впрок, а ко времени спорье»; «Пора, что железо: куй, поколе кипит!» Петр I переложил эту пословицу по-своему, но в том же народном духе: «Время подобно железу горящему, которое, ежели остынет, неудобно к кованию будет». В этом же духе и пословица: «Куй железо пока горячо».

О человеке, который терял чувство времени, говорили: «Дурак время не знает»; «Дурак, что время, то пора».

«Доля во времени живет, бездолье в безвременье»; «Время времени не работает (не работник)»; «Не человек гонит, а время»; «Бедный времени не ищет», «Время разум дает»; «Время деньги дает, а на деньги времени не купишь».

В сознании русского человека время имело характер непрерывного цикла, календарными вехами которого были православные праздники, неразрывно связанные с временами года и природными явлениями. Христианские ритуалы перевоплощали древние верования русских людей, хотя и не могли полностью уничтожить прежних языческих суеверий. Календарем времени у русских людей служил месяцеслов, в котором православные праздники и дни святых сочетались с народными приметами и хозяйственными представлениями. В таком сочетании священного и мирского русский человек ощущал себя неразрывной частью Божественного мироздания и соответственным образом представлял свое место во времени и пространстве. В народном месяцеслове чуть ли не каждый день года расписывался по делам, и «расписание» это было главным ориентиром во времени. Чаще всего русский человек не говорил просто, что он должен сделать то-то и то-то, а связывал это с высшими понятиями, именами святых: Илья жинает жито, с Петрова дня пожня (покос), Петровна – навозница, Ирина – рассадница. Время приобретает конкретность и особый священный смысл. Понятия бытовые и понятия священные сплетаются воедино, создавая неповторимое ощущение времени, при котором обыденная жизнь становится своеобразным священнодействием, служением высшим силам, а простой человек – действующим лицом священной истории, торжественно несущим свое высокое предназначение.

По русскому православному календарю, каждый день недели знаменует священное событие, и икона с изображением этих событий, в соответствии с каждым днем, должна помочь проводить их сознательно и с должным благоговением.

Икона с изображением дней недели именовалась «Седмицей». На ней неделя начиналась с воскресения и день этот отмечен Воскресением Христовым, т.е. Сошествием во Ад. (Великим постом неделя кончается воскресением). В понедельник поминаются Силы Небесные, потому следующий образ – «Собор архангела Михаила». Вторник – день, посвященный св. Иоанну Крестителю и обозначенный Крещением Христа. Среда, день Богоматери, – Благовещение. Во втором ряду слева – четверг, день, который готовит ко дню печали, – изображено Омовение Ног. День горести и поста – пятница – Распятие Христа Спасителя. Между четвергом и пятницей – светлый и радостный день субботний, канун Светлого Воскресения, Праздника Праздников и Торжества из Торжеств. Новозаветный «день приготовления» – суббота, заменившая ветхозаветную пятницу. В радостный день субботний Христос в ореоле славы, с предстоящими Богоматерью, св. Иоанном Крестителем и ангелами. Все окружающие Его в белых одеждах, даже св. Иоанн Креститель сменил свое обычное одеяние из верблюжьей шерсти на белые ризы. Русское крестьянство, которое сохраняло в чистоте обычаи Православной Церкви, надевало в субботу чистые рубахи и зажигало лампы у икон.

Время и каждый день его принадлежит Богу и должен быть посвящен служению Ему. У русских существовал магический ритуал в течение одного дня (от восхода до захода солнца) или одной ночи (от захода до восхода солнца) по обету перед Богом совершить определенное действие – возвести церковь, срубить крест, выткать холст, полотенце, рубаху.

На Руси издревле существовал обычай в случае голода, мора, войны строить обыденные церкви. Возведение их начиналось с рубки деревьев в лесу и завершалось освящением церкви и службы в тот же день. Во многих городах России до сих пор стоят церкви, в названиях которых

присутствует слово «обыденный». Обыденные холст или полотенце ткали как можно длиннее, а вытканное полотно жертвовали в церковь, вешали на икону или несли на придорожный крест, опоясывали им церковь, дом, обходили село. Изготовление обыденного полотна сопровождалось подобным же мужским ритуалом – рубкой и установкой обыденного креста, обычно очень большого. В совершении обыденного обряда принимали участие почти все жители деревни или определенного городского прихода. Русские люди верили, что таким образом Бог откликнется на их молитвы и спасет от голода, мора и вражеского нашествия¹.

Обычай связывать каждый день недели с высшими силами русские люди имели еще до принятия христианства. В языческие времена в четверг поклонялись Перуну. У христиан это поклонение было замещено четверговой службой Николаю Чудотворцу.

В пятницу язычники клали требы Мокоши. В христианстве ее заменила служба Параскеве Пятнице.

В субботу поклонялись Велесу как божеству земли, в которой покоятся предки. Воскресенье считалось Дажь-божьим днем.

Время образует жизнь, которая включает все человеческие возраста времени – детство, юность, зрелость, старость. Переходя из одного возраста в другой, человек на своем личном опыте ощущает меру времени.

Жизнь – дар Божий, результат творческого акта Бога, обладающего неизбывной жизненной силой. Жизнь принадлежит Богу и поэтому посягательство на любую жизнь – страшный грех. Исключение существует только в отношении врагов Бога и Отечества. В понятиях Святой Руси «жить нужно не для себя (эгоизм) и не для других

¹ В русской деревне вплоть до XIX в. был широко распространен обычай ткать обыденное полотенце. По народному поверью, это делалось для предотвращения падежа лошадей. Для этой работы девушки села собирались до восхода солнца и принимались за работу в полном молчании. К заходу солнца полотенце было готово и девушки, в сопровождении всей деревни, шли неся над головами развернутое полотенце в виде покрова. На границе села полотенце вешалось на заранее водворенный крест. Обыденное полотенце должно было защитить табун от черной силы. В иных случаях полотенце клали на землю и через него гнали табун.

(альтруизм), а со всеми и для всех» (Н.Ф. Федоров). «Вся мудрость жизни – в сосредоточении мысли и силы, все зло – в их рассеянии» (К.П. Победоносцев). «Цель и смысл жизни – любовь» (Н.А. Некрасов). «Жизнь требует верного глаза и твердой руки. Жизнь не слезы, не вздохи, а борьба, и страшная борьба. Слезы – «дома», «внутри». Снаружи железо. И только тот дом крепок, который окружен железом» (В.В. Розанов). «Как жить? С ощущением последнего дня и всегда с ощущением вечности» (Ф.А. Абрамов).

Самым уважаемым человеческим возрастом на Святой Руси считалась старость, которая всегда связывалась с мудростью и приближением к Богу. Уважение к старине, старости, старикам было всегда присуще коренным русским людям, особенно крестьянам. Еще в XI в. в сборнике «Поучение отца сыну» неизвестный русский автор говорит: «Все новое хорошо, но старое – и лучше всего, и сильней».

У русских существовало неискоренимое чувство связи с предками, почитание их, преклонение перед старинными традициями и опытом стариков. «Добрая старина, святая», – говорили они. «Что старина, то и деяние», «Старина что диво», «Старина с мозгом».

«Наши отцы и деды того не делали, да и нам не велели», «Старики, чай, не меньше нашего знали», «Как жили деды и прадеды, так и нам жить велели», «Не сегодняшнее, вчерашнее, да и не нами случилось», «Не нами установлено, не нами и переставится», «Как отцы и деды наши, так и мы», «Отцы и деды не знали этого, да жили не хуже нашего», «Спокон веку, как свет стоит, так исстари повелось», «Пускай будет по старинному, как мать поставила».

Лучшей аттестацией для русского человека еще в XVIII–XX вв. было сказать: «старинного закалу». А если уж что-то сделать хорошо, то это «тряхнуть стариной», «повытрясти старинушку», ибо «старина посдобнее была».

Русский этнограф М.М. Громыко, подробно изучившая вопрос об отношении к старикам у русских крестьян, пишет: «В семейном застолье лицам пожилым, а тем более престарелым, предоставлялось почетное место. Их с почтением приветствовали при встречах на улице. Детям прививалось понятие об уважении к старшим с ранних лет.

Существенную роль в этом играли сказки и бывальщины религиозно-поучительного характера, до которых так охочи были сельские жители. В сказке «Иван, крестьянский сын», например, герой, нагрубивший старухе, терпит неудачи; а когда, одумавшись, просит у нее прощенья, то получает от нее очень важный совет. Часто такие назидательные истории рассказывались как реальные происшествия с указанием на тех, кто видел это своими глазами». С особым почтением к старикам относились на собраниях общины. Например, в Бобровском у. Воронежской губ. в сер. XIX в. общинные дела нередко решались одними стариками. Как отмечает М.М. Громыко, «они обстоятельно обсуждали каждый вопрос; если расходились во мнениях – решали большинством. В частности, при семейных разделах, если кто-то обращался к миру, староста созывал «несколько стариков, отличающихся от других беспристрастием». О влиятельности на сходках общин стариков, «пользующихся особым уважением», рассказывалось и в записях из другого уезда Воронежской губ. – Валуйского. Если сходка приговаривала виновного просить прощения, он просил его у стариков и у обиженного. В д. Мешковой (Орловский у. Орловской губ.) был «общественный суд» стариков. Автор корреспонденции сообщает, что такие же суды есть «и в других деревнях нашей местности». «Общественный суд» выбирали тогда, когда всем сходом сразу нельзя было решить дело, нередко он предшествовал сходке. Суд этот состоял из четырех крестьян с хорошей репутацией, не моложе 45–50 лет и старосты. Задача суда была в том, чтобы не допустить по возможности односельчан с жалобой друг на друга к начальству, рассудить спор своими силами, внутри общины. Суд стариков рассматривал здесь, как и в других местах, спорные случаи семейных разделов, драки, потравы, оскорбления, нарушения запретов работать в праздничные дни.

Чувствуя себя неразрывной частью вселенской истории, русский человек любил рассуждать о вечности, бессмертии и смерти.

Вечность – свойство Бога, не имеющего начала и конца, не допускающего в себе никаких изменений. Здесь оно противоположено понятию времени.

Бессмертие – состояние вечности, присущее Богу и причастным к Нему верующим людям. Бессмертие достигается благочестивой жизнью во Христе, который даровал его своим ученикам и последователям Своею смертью. Душа праведника не умирает со смертью тела. Если верующий заслуживает бессмертия, то вначале он воскреснет духом, а в конце времен Бог даст душам верующих новые бессмертные тела. Иная участь ждет грешников. Бесконечность адских мук не есть бессмертие, а постоянное умирание.

И наконец, смерть – завершение земной, плотской жизни, разлучение души с телом, воскресение, переход к вечной духовной жизни.

Русский человек не боялся смерти. По вере его «человек родится на смерть, а умирает на живот, на жизнь». Для Бога мертвых нет. Воскресение человека для будущей вечной жизни неизбежно. «Смерть на живот дана». «Бога прогневишь – и смерти не даст».

Русские пословицы говорят: «Не бойтесь смерти тела, бойтесь смерти духа (т.е. смерти духовной, греха, зла, худа). На смерть, что на солнце, во все глаза не взглянешь! Лучше смерть, чем злая жизнь. От смерти не посторонишься. Страхов много, а смерть одна. Смерть да жена – Богом суждена. Смерти воля дана. Хам пшеницу сеет, Афет власть имеет, смерть всем владеет. Двух смертей не бывать, а одной не миновать. Горя много, а смерть одна. В семье и смерть красна».

В древнерусской книге «Повесть об Акире Премудром» говорится, что «для человека лучше славная смерть, чем постыдная жизнь». «Стыд та же смерть», – проводит эту же мысль народная пословица.

Сегодня – Бог, а завтра – прах (Г.Р. Державин). А мы что такое, люди грешные и худые? Сегодня живы, а завтра мертвы, сегодня в славе и в чести, а завтра в гробу и забыты. Другие собранное нами разделят (Владимир Мономах). Чтобы иметь право жить, надобно приобрести готовность умереть (В.О. Ключевский).

Все мысли о смерти нужны для жизни. Если жизнь – благо, то благо и смерть, составляющая необходимое условие жизни. Страх смерти в человеке есть сознание

греха. Надо свести жизнь со смертью так, чтобы жизнь имела часть торжественности и непонятности смерти, а смерть – часть простоты и обыденности жизни. Плохо, если у человека нет чего-нибудь такого, за что он готов умереть (Л.Н. Толстой).

Русские считали, что перед кончиной возле умирающего стоит смерть в виде женщины в белом – Белой бабы. В некоторых местах России существовали суеверные обычаи с помощью специальных ритуальных действий не допустить Белую бабу в свой дом. Для этого под крыльцом зарывали кобылью голову, вешали косу над воротами или на верхнем косяке дверей, втыкали под матицей можжевелевую ветку, приколачивали к порогу подкову.

Святой обязанностью православного считалось предать земле, похоронить любого умершего. Для погребения самоубийцы на Руси существовали общие могилы – скудельницы. При них были устроены часовни или даже церкви, в которых раз в год в Дмитриеву субботу служили панихиды и читали молитвы. Погребение и поминовение убитых странников или умерших в убогих домах в Древней Руси совершалось в Семик.

ГЛАВА 36. Русский календарь. – От сотворения мира до Рождества Христова. – Двенадцать месяцев. – Народные приметы на каждый месяц.

До принятия христианства исчисление времени на Руси велось по лунно-солнечному календарю, опираясь на смену природных явлений. В к. X в. вместе с христианством был установлен юлианский календарь с римским наименованием месяцев, 7-дневной неделей и византийской эрой (от сотворения мира). До 1492 год начинался и с 1 сентября, и с 1 марта. С 1492 новый год начинался с 1 сентября. В декабре 1699 Петр I издает указ, согласно которому начало года устанавливается с 1 января. Вместо византийской эры – от сотворения мира – вводилась эра от Рождества Христова. Вслед за 31 декабря 7208 от сотворения мира наступило 1 января 1700 от Рождества Христова.

Первым месяцем в году стал январь, древнее название его – «сечень» – время вырубki леса. В древнейших месяцесловах и святцах январь назывался «просинец», как полагают, от начинающей показываться в это время синевы неба, «просияния», от усиления с прибавлением дня солнечного света. О январе в народе говорили: «Васильев месяц, перелом зимы. Году начало, зиме середина. Январь два часа дня прибавит. Васильев день, авсень, таусень».

Первого января празднуется день св. Василия Велико-го¹. Васильев вечер. На Васильев вечер день прибавляется на куриный шаг. В этот вечер девушки гадают о замужестве; 6. Богоявление Господне. Крещенские морозы. Трещи, трещи, пока не пришли водохрещи; 10. Св. Григория Нисского. Григория Летоуказателя. Если в этот день на скирдах хлеба ляжет иней, то лето будет дождливое; 12. Св. мц. Татианы. Татьяна Крещенской. Крещенские морозы. Если в этот день идет снег, то лето будет дождливое; 16. Поклонение веригам ап. Петра. Петра Полукорма. Коль есть метла до костра, то будет хлеба до Петра, а синец и звонец доведут хлебу конец; 18. Свв. Афанасия и Кирилла, архиепп. Александрийских. Афанасия Ломоноса. Афанасьевские морозы. Афанасий и Кирилло забирают за рыло; 22. Ап. Тимофея. Тимофея Полузимника. Тимофеевские морозы; 24. Прп. матери Ксении. Аксиньи Полухлебницы. Если в этот день на рынках хлеб подешевеет, то и новый хлеб будет дешев. Если в этот день погода хорошая, то и весна будет красная; 28. Прп. Ефрема Сирина. Ефремов день. Полагают, что в эту ночь домовый глумится на дворах, для него ставят на загнетке кашу.

Февраль – второй месяц в году, древнее название его – «лютый», так как в это время стояли сильные (лютые) морозы. Известно также название февраля «снежень». Иногда в русских летописях месяц февраль назывался «свадьбами», так как это время на Руси посвящалось разыгрыванию свадеб. Так, под 1402 Псковской летописи читаем: «... явился звезда хвоститая на западной стороне,

¹ Здесь и далее используются материалы, приведенные в книгах В.И. Даля "Пословицы Русского народа" (М., 1997) и И.П. Калинского "Церковно-народный месяцеслов на Руси" (М., 1997).

и восхождаше с прочими звездами от свадеб до Вербной субботы». Крестьяне северных и средних губерний называли февраль бокогреем, так как в это время скот выходил из хлевов и обогревал себе бока на солнце.

В народе о феврале говорили так: «Февраль три часа дня прибавит. Февраль воду подпустит, март подберет. На Сретенье (2 февраля) зима с летом встретилась. Солнце на лето поворотило, зима на мороз. Сшиби рог с зимы. Вьюги, метели под февраль полетели». Основные народные приметы по дням этого месяца были таковы: 1. Мч. Трифона. Трифонов день. В этот день заклинают мышей, чтобы не портили скирды с хлебом; 2. Сретение Господне. Встретение. Встретенские морозы. На Сретение зима с летом встретились. Коли на Сретение метель дорогу заметет, то корм весь подберет; 3. Свв. Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы. Полагают, что в эту ночь домовый заезжает лошадей; 5. Мц. Агафии. Агафии Коровницы. Полагают, что в этот день по городам и селам бегают Коровья Смерть; 6. Св. Вукола, еп. Смирнского. Вукола Телятника. На день Вуколы телятся жуколы (т.е. черные коровы); 11. Св. мч. Власия, еп. Севастийского. Власьев день. Пришел Власьев день, пришли и Власьевские морозы; 15. Ап. Онисима. Онисима Овчарника. В эту ночь овчари окликают звезды для обильного плодородия овец; 25. Св. Тарасия, архиеп. Константинопольского. Тараса Кумашника. Полагают, что в этот день опасно ложиться спать: можно наспать кумаху (лихорадку); 28. Прп. Василия исповедника. Василия Капельника. Полагают, что в этот день бывает всегда оттепель; 29. Прп. Кассиана Римлянина. Касьяна Грозного. Зинул Касьян на крестьян. Наш Касьян на что ни взглянет – все вянет.

Март – третий месяц в году, древнерусское название – «березозол». По поводу этого названия существовало несколько толкований: начинает пускать почки береза, брали сок из берез, жгли березу на уголь. В Следованной Псалтири под 1 марта говорится: «Сей первый есть в месяцех месяц, зане в онь началобытный свет сей видимый и Адам сотворен бысть, и вся тварь его ради, и в рай введен, преслушания же ради изгнан». В житии св. Стефана Пермского читаем: «Март месяц начало всем месяцам, иже

и первый наречется в месяцах, ему же свидетельствует Моисей законодавец, глаголя: месяц же вам первый в месяцах да будет март... Марта бо месяца начало бытия – вся тварь Богом сотворена бысть от небытия в бытие, марта же месяца в 21 (25) день и первозванный человек, родоначальник Адам, рукою Божиею создан бысть».

На севере России март назывался «сухой», или «сухий», от весенней теплоты, осушающей всякую влагу. В древнейших месяцесловах и святцах встречается еще одно название марта – «пролетный», так как им начиналась весна, предвестница лета, и вместе со следующими месяцами – апрелем и маем он составлял т.н. «пролетье».

1 марта отмечался день прмц. Евдокии. Авдотьи Весновки. В этот день встречают весну и поют: «Весна красна, что ты нам принесла? – Красное летечко!»; 4. Прп. Герасима. Герасима Грачевника. Полагают, что в этот день прилетают из-за моря грачи; 5. Мч. Конона Градаря. Конона Огородника. Полагают, что с этого дня должно начинать копать огород; 7. Сщмч. Василия, еп. Херсонского. Василия Капительника или Капельника; 9. Святых сорока мучеников, в Севастийском озере мучившихся. Полагают, что в этот день прилетают из-за моря жаворонки. На 40 мучеников день с ночью меряется, зима кончается, весна начинается; 17. Прп. Алексия, человека Божия. Алексея – с гор потоки. Сани покинь, а телегу подвинь; 19. Мчч. Хрисанфа и Дарии. Дарьи – грязные проруби; 22. Св. мч. Василия Анкирского. Василия Солнечника. Если в этот день при восходе солнца будут видны на небе красные круги, то этот год обещает плодородие; 25. Благовещение Пресвятой Богородицы. Благовещенье – птиц на волю отпущенье. На Благовещенье весна зиму поборола. На Благовещенье под дымом не сидят (перебираются в сени и клетки). На Благовещенье медведь встает. Покров – не лето, Благовещенье – не зима. Каково Благовещенье, такова и Святая. На Благовещенье птица гнезда не вьет, а завьет – станет на все лето пешею, как кукушка (что на Благовещенье гнездо завилала). На Благовещенье воры заворовывают для счастья на весь год. Если на Благовещенье красный день, то год будет грозный и пожарный; 26. Собор Архангела Гавриила и прп. Василия Нового. Что ни родится на день Гавриила – уродливо и не-

споро. Василия – выверни оглобли. Пряжа после Васильева дня не идет впрок; 27. Мц. Матроны Солунской. Матрены Полулепицы, Настовицы (наст – окрепый снег). Шука хвостом лед разбивает, а овсянка поет: «Покинь санки, возьми воз!»; 30. Прп. Иоанна, писателя Лествицы. Ивана Лествичника. В этот день пекут из теста лестницы для восхождения в будущей жизни на небо и полагают, что в то время домовый начинает беситься до полуночи, как запоят петухи.

Апрель – четвертый месяц в году, древнерусское название – «цветень» – цветение садов. В.И. Даль в «Толковом словаре» приводит еще два названия этого месяца – «брe-день» и «кветень».

Русские крестьяне говорили об этом месяце так: «В апреле земля преет. Апрель всех напоит. Апрель сипит и дует, бабе тепло сулит, а мужик глядит: что-то еще будет».

Первого апреля праздновался день прп. Марии Египетской. Марьи – пустые щи (запас капусты вышел). Захотел в апреле кислых щей! Если в этот день вскроется вода, то будет большая трава и ранний покос. Полагают, что в этот день просыпается домовый, и для того нужно обманывать друг друга; 3. Прп. Никиты исповедника. Никитин день. Водяной просыпается. Если у кого скотина не ко двору или не ведется, то полагают, что в этот день нужно водяному принести на жертву лошадь (утопить), чтобы умиловать его: «Вот тебе, дедушка, гостинец на новоселье, люби да жалуй нас!»; 5. Мц. Феодула. Феодула Ветренника. Пришел Феодул – теплый ветер подул. На Феодула пораньше вставай да оконницу отворяй (т.е. рамы выставляй)! Феодул губы надул (ненастье). На Феодула сверчки просыпаются; 8. Ап. Иродиона. Родивона Ледолома. Родивон воды принес, уставь соху перепахать овес. Полагают, что в этот день солнце встречается с месяцем и реки вскрываются. Коли встреча добрая – хорошее лето, а худая – плохое; 11. Сщмч. Антипы. Антипы Водопола. Полагают, что в это время реки очищаются ото льда; 12. Св. Василия, еп. Парийского. Василий Парийский землю парит. Весна землю парит. Выверни оглобли, а сани на повесть; 23. Вмч. Георгия Победоносца. Юрьев день весенний. Егория вешнего. Егорий с теплом, а Никола с кормом. Егорий с водой

(росой), а Никола с травой. Егорий с мостом, а Никола с гвоздем. Егорий с ношей (с кузовом), а Никола с возом. Не хвались на Егорьев день посевом, а на Николин день травой! В Егорьев день разве ленивая соха не выезжает. На Егория прилет ласточкам. На Юрия роса – не надо коням овса. Юрий запасает коров, Никола коней. Юрий – праздник пастухов (так как в его день выгоняют в первый раз скот в поле вербою с Вербного воскресения). Юрьева роса от сглаза, от семи недугов. Будь здоров, как Юрьева роса! Коли на Юрья березовый лист в полушку – к Успению клади хлеб в кадушку. Яровой сей до Егорья или с Егорья. Богатый сыт и в Егорьев день, а бедный терпит до Спаса. Под Егорья вешнего не работают, чтоб волк овец не поел. На Юрья св. Егорий разъезжает по лесам на белом коне и зверям раздает наказы. Всяк зверь у Егорья под рукой. Что у волка в зубах, то Юрий дал. Егорий весну начинает, Илья лето кончает. Юрий работы починает, Юрий и кончает. На Руси два Егорья: холодный (26 ноября) и голодный (23 апреля). С Егорья хороводы, с Дмитрия посиделки. С Юрья по Семен день, Покров (сроки сделкам и наймам); 25. Святых жен-мироносиц и св. ап. и евангелиста Марка. Бабий праздник. На Марка прилет певчих птиц стаями; 27. Ап. и щмч. Симеона, сродника Господня. Семена Ранопашца; 28. Ап. Ясона и мч. Максима. На Ясона ветер тепляк – здоровяк. На Максима больных отпаивают березовым соком; 30. Ап. Иакова. Теплая ночь и звездная – к урожаю, а ясный восход солнца – ведрое лето.

Май – пятый месяц в году, древнерусское название – «травень» или травный – зеленеет трава. В древности май считался третьим пролетным месяцем. Русские люди говорили об этом месяце: «Май смаит. Месяц май не холоден, так голоден. В мае жениться – век маяться. Май холодный – год хлебородный. Майская трава и голодного кормит».

Основные народные приметы по дням этого месяца были таковы: 10. Ап. Симона Зилота. На Симона Зилота земля-именинница, грех пахать, собирают зелья у болота, копают корни на зелья; 11. Щмч. Мокия. Мокия Мокрого. Если этот день мокрый, то и лето будет мокрое. В этот день не работают, боясь, чтобы град не побил полей;

13. Мц. Гликерии девы. Лукерьи Комарницы. Полагают, что в этот день прилетают комары; 14. Мч. Исидора. Сидора Огуречника. На Сидора еще сиверко (северно). Придут Сидоры, минуют и сиверы (заморозки), прилетят стрижи и касаточки, принесут тепло. Полагают, что в этот день должно сажать огурцы и сеять лен; 15. Прп. Пахомия Великаго. Пахома Теплового, Бокогрея. Пришел Пахом – запахло теплом. На Пахома поздний посев овса и пшеницы; 16. Прп. Феодора Освященного. Феодора Житника. Кто сеет после Фита, прост будет жита. Полагают, что в этот день должно непременно сеять хлеба; 18. Мч. Феодота Анкирского и св. мцц. семи дев. Федота Овсянника. Коли на Федота на дубу макушка с опушкой, то будешь мерить овес кадушкой. Если на Федота дубовый лист развернулся, то земля принялась за свой род. Семь дев сеют лен; 20. Мч. Фалалея. Фалалея Огуречника; 21. Свв. равноап. царей Константина и Елены. Алены Леносейки. Алены – длинные льны. На Алену сей лен, также ярицу, гречу, ячмень и позднюю пшеницу; тоже сажай огурцы. Алене льны, Константину огурцы; 23. Обретение мощей св. Леонтия, еп. Ростовского. Левона Огуречника; 25. Третье обретение главы св. пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна. Ивана – медвяны (вредные) росы. Если в этот день на рябине много цветов, то будет хороший урожай хлеба. Лечебные зелья кладут под Иванову росу; 28. Прп. Никиты, еп. Халкидонского. Никиты Гусятника; 29. Мц. Феодосии, девы Гирской. Федосьи Колосницы. Полагают, что с этого дня рожь начинает колоситься. День Федосьи стоит всех понедельников (несчастный); 30. Прп. Исаакия Далматского. Исакия Змеевника. Полагают, что в этот день змеи станицами ходят по лесам. На Исакия сажают бобы; 31. Ап. Ерма и мч. Ермия. Ермия Распрягальника. Как Еремия (1 мая) запрягальника, потому что на Еремия подыми сетевое (севалку), так и на Ермея же (Ермия, 31 мая) распрягальника, потому что опусти сетевое (т.е. начало и конец посевов).

Июнь – шестой месяц в году, древнерусское название – «червень», т.к. краснеют вишни. В некоторых церковных месяцесловах и святцах встречалось другое название этого месяца – «изок» (кузнечик). В это время кузнечиков

было особенно много. Существовало и еще одно название июня – «кресник», от «креса» (огня) и вместе с тем от дня Иоанна Крестителя (Ивана Купалы) – важнейшего древнерусского летнего праздника. Об июне говорили: «Конец пролетия (весны), начало лета».

Основные народные приметы по дням этого месяца были таковы: 1. Мч. Иустина Философа. Устинов день. Если в этот день чист восход солнца, будет хороший налив ржи. Если же этот день дождливый и мрачный, то будет хорош урожай льна и конопли; 3. Мч. Лукиллиана. Лукьяна Ветреника. В этот день гадают по ветрам; 8. Вмч. Феодора Стратилата. Федора Колодезника. Праздник колодезников, которые опрокидывают сковороды, чтобы узнать, где есть водяная жила, и коли сковорода сыра, тут и вода. Гроза на Федора летнего – плохая уборка сена; 9. Св. Кирилл, архиеп. Александрийского, и свв. мучениц Феклы, Марфы и Марии. На Кирилу конец весны, почин лету. Марфы Рассадницы; 10. Сщмч. Тимофея. Коли на Тимофея знамения – будет голод; 12. Прпп. Онуфрия и Петра Афонского. Петра Поворота, Солоноворота, Капустника. Солнце на зиму, а лето на жары, солнце укорачивает ход, а месяц идет на прибыль; 13. Мц. Акилины. Акулины Гречишницы. Акулины-задери хвосты (скот бесится от оводов, строчится). Полагают, что с этого дня должно начинать сеять гречиху, а по другим источникам – либо за неделю до Акулины, либо спустя неделю. В этот день – мирская каша для нищих. Праздник каш. 15. Мч. Вита. Кто сеет после Вита, прост бывает жита; 16. Св. Тихона, еп. Амафунтского. На Тихона и птицы затихают (кроме соловья); 17. Св. мч. Мануила. На св. Мануила солнце застаивается; 20. Сщмч. Мефодия, еп. Патарского. Праздник перепелятников; 23. Мц. Агриппины. Аграфены Купальницы. Начало купанья (на севере), закупываются. Травы в соку, и потому – сбор лечебных корней и зелий накануне Ивана Купала. Моются и парятся в банях. Общее купанье с песнями и т.п.; 24. Рождество св. пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна. Ивана Купала. Иванов день пришел, траву собирать пошел. В этот день тоже собирают травы. В Иванов день, как и накануне его, раскладывают костры, зажигают, прыгают через них, а также купаются

в воде и росе, пляшут вокруг дерева, а ведьмы собираются на лысой Киевской горе: этот день их, ведунов, колдунов и т.п., проказы домовых, водяных, русалок, леших и т.п. Папоротник расцветает в полночь на Ивана Купала, и им открывают клады. На Ивана Купала кого побьют (на игрищах), пиши пропало. Просите, детки (либо попы), дождя от Ивана, а после Ивана и сам я упрошу; 26. Явление иконы Пресвятой Богородицы Тихвинской. Прп. Давида Тихвинской Ягодочницы. Давида Земляничника. Полагают, что в этот день поспеваает земляника; 27. Прп. Самсона Странноприимца. Самсона Сеногноя (сено загнивает). Коли на Самсона будет дождь, то и летом будет то ж. На Самсона дождь – семь недель дождь, до бабьего лета мокро; 29. Св. верховных апп. Петра и Павла. С Петрова дня красное лето, зеленый покос. Женское лето по Петров день. В Петров день барашка в лоб. В Петра зарница хлеб зорит. С Петрова дня в поле пожня (покос). Прошла Петровка – опало по листу, прошел Илья – опало два. Соловьи поют до Петра, а кукушка кукует. Петр и Павел полчаса сбавил. Не хвались бабка, что зелено, а смотри, каков Петров. Петровка – голодовка. Утешили бабку Петровские жары голодухой. Лады косы и серпы к Петрову дню; 30. Собор славных и всехвальных 12 апостолов. Полупетра. В этот день, собираясь на покос, провожают весну.

Июль – седьмой месяц в году, древнерусское название – «липец», цветение липы. Русские крестьяне называли этот месяц макушкою лета, так как он считался последним летним месяцем, или еще страдником – от страдных летних работ, грозником – от сильных гроз; говорили: «Месяц июль страдник (от страды при жниве). В нем хоть раздешься – легче нет. Макушка лета. Плясала б бабка, да макушка лета настала».

Основные народные приметы по дням этого месяца были таковы: 1. Св. мч., чудотворцев и бессрр. Космы и Дамиана. Кузьмы и Демьяны пришли – на покос пошли; 4. Св. Андрея, архиеп. Критского. Озими в наливах, а греча в исходе, т.е. на выходе; или: и рубахи нет, а овес до половины дорос; 5. Прп. Афанасия Афонского. Если в этот день вечером играет месяц, то обещает хороший урожай; 6. Мч. Ермия. Всякий Еремей про себя разумей: когда се-

жать, когда жать и когда в скирды убирать. Полагают, что в этот день непременно нужно окончить посев; 8. Явление образа Пресвятой Богородицы Казанской и вмч. Прокопия. Казанская. Прокофья Жатвеника (зажинают рожь); 11. Мц. Евфимии. Афимьи Стожарницы; 12. Мч. Прокла. Прокла – великие росы; 15. Св. мчч. Кирика и Иуллиты. Не жни на Кирика и Улиты – маньяки (видения) увидишь; 16. Сщмч. Афиногена. Финогена Володки. В этот день, когда начинают жать, оставляют на ниве несколько колосьев на корню, и этот несжатый клочок называется «володка на бородку». На Афиногена пташки задумываются; 19. Прп. Макрины. Макрида мокра – и осень мокра. Смотри осень по Макриде; 20. Славного прор. Илии. Илья зажинает, лето кончает; первый сноп – первый осенний праздник. Петр с колоском, Илья с колобком (круглым хлебом из новой ржи; колоб – шар, ком). Новая новина на Ильин день. Сеять на Ильинской поляне. На Илью лето до обеда, осень после обеда. До Ильи тучи по ветру, после Ильи против ветру. Придет Илья – принесет гнилья (дождей). Ильинским дождем умываются от призора, окачиваются. До Ильи и под кустом сушит, а после Ильи и на кусту не сохнет. На Ильин день дождь – мало пожаров, ведро – много. Илья грозы держит, на огненной колеснице ездит. Вознесенье с дождем, Илья с грозой, потому скот не выгоняют на поле. На Ильин день где-нибудь да загорается от грозы. На Ильин день перегоняют пчел, подчищают улья, подрезывают первые соты, которые, впрочем, не в корысть; оттого говорят: богат как Ильинский сот (беден). Муха до Ильи кусается, а после запасается. С Ильина дня ночь длинна, а вода холодна. До Ильи мужик купается, а с Ильи с рекой прощается. На Илью зверь и гад бродят по воле. В Ильин день собак и кошек в избы не выпускают (боясь грозы). Во что Илья, в то и Воздвиженье; 22. Св. Марии Магдалины. Марья – добрый день. Коли на Марьян день росы, то льны будут серы и косы; 24. Блгв. кнн. Бориса и Глеба. Бориса и Глеба – грозных паликопов. На Глеба и Бориса за хлеб не берися (за жнитво – не жни); 25. Успенье св. Анны, матери Пресвятой Богородицы. Анны – холодные утренники. Если утренник холодный – и зима холодная; 27. Св. вмч. Пантелеимона и блж. Николая. Пантелеимо-

на целителя, Палея, Паликопы (т.е. кто на него работает, гроза спалит того хлеб). Николая Кочанника. Полагают, что в этот день капуста свертывается в кочаны; 29. Мч. Каллиника. Калиник день. Коли на Калиника туманы, то припасай косы (или закрома) на овес с ячменем. Пронеси, Господи, Калиника мороком, а не морозом; 30. Св. апп. Силы и Силуана. Силин день. На Силы и Селуяна рожь бывает пьяна (т.е. полна зерном и клонится к земле). На Силу рожь посеянная родится сильно, а ведьмы обмирают, опившись молока.

Август – восьмой месяц в году, древнерусское название – «серпень», от слова «серп», время жатвы. На Севере России он именовался «зарев», от сияния зарницы. В крестьянском быту август нередко носил название «зорничника», в котором нельзя не видеть измененного названия «зарев». Русские крестьяне говорили: «Август крушит и круглит. В августе каторга, т.е. три заботы мужику: косить, пахать да сеять. Овсы да льны в августе смотри! В августе серпы греют, вода холодит. Бабам и в августе праздник».

Основные народные приметы по дням августа были таковы: 1. Происхождение честных древ Животворящего Креста Господня. Первый, мокрый, медовый Спас. Пчелиный праздник. На Маковея собирают мак. Дождь на Маковея – мало пожаров. Во что Маковея, в то и разговенье. На первый Спас святые колодцы, венки! С первого Спаса отцветают розы, падают хорошие росы. На мокрый Спас лошадей купают, а пчелы перестают носить медовую взятку; 2. Перенесение мощей первомученика архидиак. Стефана. Степана Сеновала. Каково второе число августа, таков и сентябрь. На Степана поят лошадей через серебро; 3. Прп. Исаакия. Исакия Малинника. Каково третье число августа, таков и октябрь. На Исакия вихри – крутая зима; 4. Св. семи отроков в Ефесе и прмц. Евдокии. Семь отроков сено гноят. Авдотьи Сеногнойки. Каково четвертое число августа, таков и ноябрь; 5. Мч. Евсигния. Евсигнея Житника. Каково пятое число августа, таков и декабрь. В этот день заклинают жито, обращаясь на все четыре стороны и призывая Мать Сыру Землю; 6. Преображение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Яблочный Спас. Второй Спас всему час (плоды зреют), шубу припас; или:

бери рукавицы про запас (на второго Спаса освящают плоды и мед, едят яблоки, а до него только огурцы). Встреча осени, осенины, проводы заката солнца в поле с песнями; подрезывают соты и снимают плоды. Каково шестое число августа, таков и январь; 10. Мч. архидиак. Лаврентия. Коли на Лаврентья вода тиха, то и осень будет тиха и зима не вьюжная; 11. Мч. архидиак. Евпла. Полагают, что в эту ночь на могилах ходят разные привидения, слышны свист, вой и песни и бегают белый конь; 15. Успение Пресвятой Богородицы. Успенье. С Успенья солнце засыпает. Успеница, Госпожинки (Оспожинки), Спожинки, Вспожинки, Дожинки, Обжинки. Жнивка, жнивка, отдай мою силку на пест, на колотило, на молотило, на кривое веретено (приговаривают жницы, катаясь по ниве). Конец жатвы; складчины, братское пиво, последний, именной сноп. До Успенья пахать – копну лишнюю сажать. На Успенье огурцы солить, на Сергия капусту рубить. Молодое бабье лето с Успенья по Семен день; 16. Праздник Нерукотворному образу Господа нашего, Иисуса Христа. Спас на полотне, третий Спас, хлебный Спас. Третий Спас хлеба припас. Первый Спас на воде стоят, второй яблоки едят, третий полотна продают, хлеб припасают. Ласточки отлетают в три раза, в три Спаса; 18. Мчч. Флора и Лавра. Лошадиный праздник, кропят их на Флора и Лавра. На лошадях не работают, чтоб падежа не было. Сей озимь от Преображения до Флора, чтоб не было флоровых цветиков. С Флора и Лавра осенние утренники. С Флорова дня засиживают ретивые, а с Семена – ленивые; 19. Мч. Андрея Стратилата. Стратила Тепляка. Стратилатов день приспел, овес поспел; 22. Мч. Агафоника. Агафона Огуменника. Полагают, что в эту ночь леший выходит из лесу и бегают по селам и деревням, дурит и раскидывает снопы по гумнам. Поэтому его стерегут, тулуп надев навыворот и с кочергой в руках; 23. Мч. Луппа. Лупа Брусничника. Луповские морозы. На Лупа мороз лупит овес. Первые заморозки; 25. Пренесение мощей св. ап. Варфоломея. Варфоломеев день. Пришел Варфоломей, жито на зиму сей; 26. Мчч. Адриана и Наталии. Натальи Овсянницы. Полагают, что в этот день должно начинать косить овес; 28. Св. Анны. Анны Скирдницы (хлеб складывают в скирды, одонья и

т.п.); 29. Усекновение главы Крестителя Господня Иоанна. Ивана Постного. На Ивана Постного собирают корни рослые, а на Ивана Купала собирают травы. В этот день не едят ничего круглого: яблок, картофеля и т.п. (что напоминает голову), щей не варят, не рубят капусты, не срезают мака, не рвут яблок, не копают картофеля, не берут в руки косаря, топора и т.п.

Сентябрь – девятый месяц в году. Старославянские названия сентября – «вресень» (вересень) и «рюинь». Среди русских крестьян этот месяц часто назывался ревуном. О сентябре говорили: «Сиверко, да сытно. Холоден сентябрь, да сыт. В сентябре одна ягода, и та горькая рябина. В сентябре огонь и в поле, и в избе».

Основные народные приметы по дням сентября были таковы: 1. Прп. Симеона Столпника. Семена Летопроводца. Семен день. Грыбье, бабье, старое бабье лето. Бабье лето две недели. С бабьего лета севалка с плеч. На Семен день до обеда паши, а после обеда руками маши! Под Семен день вечером гасят старый огонь, а утром вытирают новый из дерева. Начало посиделок, засидок, супрядок, досветок. Переходи в Семен день на новоселье – счастье и веселье. На Семена постригай и на коня сажай (дитя), на ловлю в поле выезжай! Первый праздник охотников с псами. На Семена ласточки ложатся вереницами в колодцы и т.п., мух и тараканов хоронят. Коли бабье лето ненастно – осень сухая, а коли на Семена ясно – осень ведренная, много тенетника – к ясной осени, к холодной зиме; дикие гуси садятся, а скворцы не летят; 2. Мч. Мамонта. Мамонта Овчарника; 6. Чудо архистратига Михаила в Хонех. Михайлов день. Михайловские морозы; 8. Рождество Пресвятой Богородицы. Малая Пречистая (На Успенье – большая), Аспасов день. В этот день женщины встречают осень у воды (вторая встреча осени). Убирают пчел, собирают лук, оттого – пасиков, луков день; 11. Прп. Феодоры Александрийской. Федоры – замочи хвосты. Полагают, что в этот день осень ездит на гнедой кобыле. На Федору лето кончается, осень начинается. И бабье лето до Федоры не всегда дотянет; 12. Щмч. Автонома. Полагают, что в этот день змеи в лесах уходят в землю; 14. Воздвижение Честнаго и Животворящаго Креста Господня. Сдвижение.

На Сдвижение кафтан с шубой сдвигаются. На Сдвижение у доброго молодца капуста у крыльца. Капустенские вичорки на две недели. На Вздвиженье хлеб с поля двинулся (последняя копка с поля), птица в отлет двинулась, гад не движется; 15. Вмч. Никиты. Никиты Репореза, Гусятника, Гусепролета. Никитин день. Не дремли, баба, на репорезов день! Отлет диких гусей. Стрижка овец; 18. Прп. Евмения. Отлет журавлей на Евмена – на Покров мороз. «Колесом дорога!» – кричат журавлям, чтоб их воротить (чтоб подольше остались и зима попозже пришла); 20. Сщмч. Евстафия. Астафьев день. В этот день гадают по ветрам о погоде: северный – к стуже, южный – к теплу, западный – к ненастью, а восточный – к ведру; 24. Св. первомученицы и равноапостольной Феклы. Феклы Заревницы (зарева от осенних огней). Именинник овин (замолотки). Хозяину хлеба ворошок, а молотильщикам каши горшок; 25. Преставление прп. Сергия, Радонежского чудотворца. Сергиев день. Сергия Курятника, Капустника. Если в этот день выпадет первый снег, то зима устанется на Михайлов день. Путь зимний устанавливается в четыре семини (седмицы) от Сергия; 27. Прп. Савватия, Соловецкого чудотворца. Саватей Пчельника. Полагают, что в этот день должно убирать улья в омшаник.

Октябрь (октоврий) – десятый месяц в году, в древних месяцесловах и святцах именовался «листопад», от осеннего опадения листьев. С XV в. в южнорусских месяцесловах используется также его название «поздерник», от паздерни, кострики, так как в этом месяце мяли лен, коноплю, замашки. Среди русских крестьян вплоть до н. XX в. бытовало название октября как «грязник», «свадебник», «зализье». В народе говорили: «Пора справлять свадьбы. Срок всем наймам и сделкам. Октябрь ни колеса, ни полоза не любит. Мни и топчи льны с половины грязника».

Первого октября праздновался Покров Пресвятой Богородицы. Покров, натопи избу без дров! Покров не лето, Встретенье не зима. Первое зазимье. На Покров ветер с востока к холодной зиме. Покров землю покроет то листом, то снежком. Покров – конец хоровам, начало посиделкам. Батюшка Покров, покрой землю и меня, молоду! Снег на Покров – к счастью молодым. Не покрыв

Покров, не покроет и Рождество. Спереди – Покров, сзади – Рождество. Захвати тепла до Покрова (вычини избу), а не захватишь до Покрова – не будет такова. Успенье засеваает, а Покров собирает (сбор последних плодов). Между Покрова и Родительской субботы зима не становится; 4. Мч. Иерофея. Ерофеев день. Полагают, что в этот день лешие дураят по лесам: бродят и кричат, хлопают в ладоши и хохочут, а к утру, после пения первых петухов, проваливаются сквозь землю. Поэтому люди в лес не ходят: леший бесится; 6. Ап. Фомы. Фома – большая крома; 7. Мч. Сергия. С Сергия зима починается, с Матроны устанавливается; 9. Ап. Иакова Алфеева. Иаков, брат Божий, крупицу пошлет (град, крупу); 10. Мч. Евлампия. В этот день гадают по месяцу о погоде; 12. Праздник образу Пресвятой Богородицы Иерусалимской. В этот день гадают по звездам о погоде и урожае; 14. Прп. Параскевы. Прасковьи Трепальницы. Полагают, что с этого дня должно трепать лен. Прасковьи Льянницы. Прасковьи Грязнихи, Порошихи. На Грязниху грязь – четыре смены до зимы. Прасковья пятница, Христовым страстям причастница; 22. Праздник иконе Пресвятой Богородицы Казанской. Казанская. Коли на Казанскую дождь пойдет и все луночки нальет, то зиму скоро приведет. На Казанскую добрые люди вдаль не ездят. Кто на Казанской женится, счастлив будет; 26. Вмч. Димитрия Солунского. Дмитров день. Дмитров день перевоза не ждет. Коли Дмитров день будет по голу, то и Святая, а по снегу – и Святая по снегу. Дмитрова суббота – кутейникам работа; 28. Вмц. Параскевы, нареченной Пятницею. Прасковей Пятницы, Прасковей Льянницы (мнут лен и приносят первинку в церковь). На Прасковей молятся о хороших женихах; 29. Прп. мц. Анастасии Римляныни и Авраамия Затворника. Настасьи Стригальницы. Овчарный праздник. Полагают, что с этого дня должно стричь овец. Авраамия Овчара, Настасьи Овечницы; 30. Сщмч. Зиновия. Юровая. Праздник рыбаков и охотников. Коли на Юровую волки стаями ходят, будет голод, мор либо война.

Ноябрь – одиннадцатый месяц в году, древнерусское название «грудень» – от слова «груда», мерзлая колея на дороге. В Древней Руси замерзшая дорога называлась

грудным путем. В «Повести временных лет» говорится: «Поидоша на колех (колесах) и по грудну пути, бе бо тогда месяц грудень, рекше ноябрь».

Основные народные приметы по дням этого месяца были таковы: 1. Св. бессрр. Космы и Дамиана. Кузьмы и Демьяны. Курячий праздник. На Кузьму и Дамьяна курячи именины, куриная смерть. На Козьму и Демьяна курицу на стол, цыпленка попу. Если Кузьма и Демьян с мостом, то Никола с гвоздем, а то и сам с гвоздем (начало зимы). Коли Кузьма и Демьян закует, то Михаил (8-го) раскует (оттепели). На Кузьму и Демьяна лист на дереве – через год мороз; 8. Собор Архистратига Михаила и пр. бесплотных Небесных Сил. Михайлов день. Михайловские заморозки. День Архистратига с полумостом. С Михаила зима не стоит, земля не мерзнет. Михайловские оттепели, грязи. Во что Михайла, в то и Никола. С Михайла зима морозы кует; 9. Прп. Матроны. Матренин день. С зимней Матрены зима встает на ноги, налетают морозы. С Сергия (25 сентября) зима починается, с Матрены устанавливается. Иней на Матрену на деревьях – к морозам, туман – к оттепелям; 11. Прп. Феодора Студита. Со дня Федора Студита стало холодно и сердито. Федор Студит землю студит; 12. Иоанна Милостивого. Дождь на Милостивого – оттепели до Введения; 14. Ап. Филиппа. Иней на Филиппа – урожай на овес; 15. Мч. Гурия. Гурий на пегой кобыле (грязь либо снег); 16. Ап. и евангелиста Матфея. На Матвея земля потеет, прет; 17. Св. Григория Неокесарийского. Приехала зима на пегой кобыле; 18. Мчч. Платона и Романа. Каков Платон да Роман, такова и зима; 21. Введение во храм Пресвятой Богородицы. На Введение – леденье. Введение ломает леденье. Введение пришло – зиму привело. Введение не ставит зимы; 24. Вмц. Екатерины. Катерины Женодавицы. Катеринин день. Первое катание на санях; 26. Освящение храма вмч. Георгия в Киеве. Юрьев день осенний. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Срок перехода крестьян при царе Борисе. Крепки ряды Юрьевым днем. Мужик и болит, и сохнет по Юрьев день. Мужик не тужит, знает, когда Юрья. Юрий холодный оброк собирает. Юрьевский оброк. Осенью Юрий с мостом, Никола с Гвоздем; 30. Ап. Андрея Первозванного. Андрею молятся о хороших

женихах. Наслушивают воду: коли тиха – хорошая зима, коли шумна – морозы, бури и вьюги.

Декабрь – двенадцатый месяц в году, в древнерусских месяцесловах и святцах назывался «студень», или «студный», от стужи и морозов, обыкновенных в эту пору. Об этом месяце русские люди говорили: «Год кончается, зима начинается. Студень».

Основные народные приметы по дням этого месяца были таковы: 1. Св. прор. Наума. Наума грамотника. Батюшка Наум, наведи на ум! В этот день начинают учить детей грамоте; 4. Вмц. Варвары. Варварин день. Варварины морозы. Трещит Варуха, береги нос да ухо! Варвара заварит, Сава засалит, Никола загвоздит. Варвара ночи урвала, украла, день приточила; 5. Прп. Саввы Освященного. Савин день. Сава стелет, гвозди острит, засалит; 6. Свт. Николая, Чудотворца Мирликийского. Никола зимний, морозный. Два Николы: один травный, другой морозный; или: один с травой, другой с зимой. Никола зимний лошадей на двор загонит, а летний откормит. Егорий с мостом, а Никола с гвоздем. Егорий мостит, Никола гвоздит. Никольские морозы. Зима на Николу замедает – дороги не бывает. Хвались зимой по Николе! Красна Никольшина пивом да пирогами. Никольскую брагу пьют, а за похмелье бьют. Никола строит цену на хлеб. Благому Чудотворцу два праздника в год, а Касьяну Немилостивому – в четыре года один. Всем богам по сапогам, а Николе боле, за тем, что ходит доле, а это потому, что от Холмогор до Колы тридцать три Николы; 9. Зачатие прав. Анны. На Зачатие Анны беременным бабам пост. На Зачатие волки сходятся, а после Крещенья разбегаются; 12. Прп. Спиридона, еп. Тримифунтского. Спиридона Поворота. Солнце на лето, а зима на мороз. Полагают, что в этот день медведь повернется на другой бок и корова на солнце нагреет один бок. С Солнцеворота дня прибудет хоть на воробьиный скок. Кормят кур гречихой из правого рукава, чтоб раньше неслись они. Спиридонов день, подымайся вверх! – приговаривают садовники, встряхивая яблоки; 24. Мц. Евгении. В этот день с вечера поют коляду; 25. Рождество Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Святки. На Святки Христа славят с вертепами, со звездой, гадают, колядуют.

Темные Святки – молочные коровы, светлые – ноские куры. Небо звездисто – к гороху, метель – пчелы роиться будут, иней – к урожаю хлеба, путь хорош – к урожаю гречи. На Рождество не надевай чистой рубахи, а то жди неурожая. На Святой рубаха хоть плохонька да беленька, а к Рождеству хоть сурова да нова: суровую и можно обновить. Пост холодный (Рождественский), пост голодный (Петровский), пост Великий (к Святой) да пост Малый-лакомка (Успенский). Пять раз солнышко в году играет: на Рождество, Богоявление, Благовещенье, Воскресенье (Светлое) и Иваново рожденье; 26. Собор Пресвятой Богородицы. Бабы каши; 30. Мц. Анисии. Анисьи Желудочницы: в этот день гадают по свиной печени о зиме; 31. Прп. Мелании Римляныни. Меланки. Щедрый вечер, Васильев вечер. Свинку да боров для Васильева вечерка. Авсень. Таусень. Гадания. Васильева ночь звездиста – лето ягодисто. Под Василья ведьмы крадут месяц.

МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА

ГЛАВА 37. Мужское и женское начала. – Слово и дело. – Положение русской женщины.

Представления о мужчине и женщине на Святой Руси мало созвучно их современному пониманию. Мужчиной наши предки считали женатого, зрелого человека. Главное его качество – мужество, стойкость в беде, борьбе, духовная крепость, доблесть, храбрость, отвага, готовность положить свою жизнь за Веру, Царя и Отечество.

«Домострой» требует от мужчины быть строгим, справедливым, честным, любить свою жену, но не давать ей власти над собой. Без жены мужчина не считался настоящим мужчиной, не мог заводить своего дома, иметь права голоса на общинном сходе или вече. Неженатый оставался в доме родителей и мог быть всегда наказан розгами отцом.

Женатый мужчина считался полным государем в своем доме, ему принадлежало последнее слово во всех делах, хотя самым домашним делом управляла государыня, его жена.

В своем личном «государстве» мужчина-домохозяин, по словам историка В.В. Колесова, был носителем духовного чина, то есть порядка, обеспечивая дом экономически и воспитывая его обитателей нравственно, согласно заповедям Нового Завета. Право мужчины было обеспечено его христианским долгом: воспитание не только буквально как питание, но и как общее духовное руководство. При этом главным основанием и решений, и действий мужчины-государя являлась его совесть. Мужчина-домохозяин отвечал за души своей жены и детей перед самим Богом на Страшном суде («Домострой»).

Женщина, в понятиях Святой Руси, рассматривается двойственно. С одной стороны, совершенно очевиден культ возвышенного женского начала – матери-Земли, Богоматери, человеческой матери и материнства, уважение

к женщине как хранительнице семейного очага. С другой – отрицательное отношение к чувственности, которую выражает собой женщина. В этом смысле женщина рассматривается как один из главных источников греха и орудие сатаны. «Начало грехам – от женщины, и от нее ж – умираем мы» («Изборник 1076 г.»). «Зло есть женская прелесть» («Повесть временных лет»). Мотивы подобного отношения к женщине, как потенциальной «пособнице дьявола», заметны даже в «Домострое» (XVI). В сознании коренного русского человека главное предназначение женщины – служить хранительницей очага. «Домострой» требует от женщины чистоты и послушания, дает ей большие права в ведении домашнего хозяйства. Историк русского быта И.Е. Забелин рассматривает место женщины в семье по известной правовой формуле Руси: «слово и дело». Последнее слово всегда остается за «государем», хозяином дома, мужчиной, но делом в доме занимается «государыня», хозяйка дома, женщина («делодержец дому»), так что многим из женщин были присущи «крепкое мужество и непреложный разум – качества безусловно мужские».

«В «Домострое», – писал Забелин, – дается идеал семейной жизни, как он был создан древним русским обществом. Женщина поставлена здесь на видном месте, ее деятельность обширна... Необходимого для восстановления нравственных сил развлечения, перемены занятия, перемены предмета для разговора нет и быть не должно по общественным условиям... Повторяю, что мы не имеем никакого права упрекать «Домострой» в жестокости к женщине: у него нет приличных невинных удовольствий, которые бы он мог предложить ей, и потому он принужден отказать ей во всяком удовольствии, принужден требовать, чтобы она не имела минуты свободной, которая может породить в ней желание удовольствия неприличного или, что еще хуже, желание развлекать себя хмелем. Сколько женщин по доброй воле могло приближаться к идеалу, начертанному «Домостроем», скольких надобно было заставлять приближаться к нему силою, и скольких нельзя было заставить приблизиться к нему никакою силою, сколько женщин предавалось названным неприличным удовольствиям? На этот вопрос мы отвечать не решимся».

Положение женщины в русском обществе было не приниженным, а соответственным христианскому пониманию ее как домодержщицы и хранительницы семейного очага. Роль женщины в Древней Руси, писал историк В.В. Колесов, была исключительно велика, «поскольку для большинства, для младших членов коллектива, она – мать. Русская история показывает твердый характер русской «матерью вдовы» – от княгини Ольги до былинной Амелфы Тимофеевны; под их рукой ходили такие мужчины, как князь Святослав или Васька Буслаев».

Приниженное положение женщины характерно для Запада, где с эпохи т. н. Возрождения происходит эстетизация чувственного начала женщины и всего того, что в понятиях Святой Руси считалось греховным. Запад отказывается от христианского отношения к женщине и начинает видеть в ней преимущественно любовницу или своего рода механизм для получения удовольствия, имеющий денежную ценность. С XVIII в. такое отношение к женщине распространяется и среди русского дворянства и образованных слоев. Выпадение женщины из христианского миропорядка, освобождение ее от заповедей Нового Завета в корне изменило всю человеческую жизнь, сделав ее игрой мелких страстей и увлечений.

Осмысливая происходящее, Л.Н. Толстой писал: «Возьмите всю поэзию, живопись, скульптуру, начиная с любовных стихов и голых Венер и Афин, – вы видите, что женщина есть орудие наслаждения; она такова на Грачевке и на утонченном балу... Женщины устроили из себя такое орудие воздействия на чувственность, что мужчина не может спокойно обращаться с женщиной. Как только подошел к ней, так и попал под ее дурман, и ошалел... Всякая разодетая женщина представляет опасность для общества. Поэтому, когда я вижу разодетую женщину, я хочу кричать: «Городовой!»

«Отношение к женщине, – писал В.А. Сухомлинский, – тончайший измеритель чести, совести, порядочности, благородства, высокая школа воспитания чуткости». Возвышенное отношение к женщине в духе христианства характерно для многих русских писателей. «Женщина – великое слово. В ней чистота девушки, в ней самоотвержен-

ность подруги, в ней подвиг матери» (Н.А. Некрасов); «Женщину я люблю, женщину! Что есть женщина? Царица земли» (Ф.М. Достоевский); «Подумаем о красоте и приятности женской: возможно ли не дивиться, видя их вид величавый, смирение и приятную лепоту?» (А.Д. Кантемир); «Женщина творит мужчину не только актом физического рождения; женщина творит мужчину и актом рождения в нем духовности. Женщина оплодотворяет творчество гения» (А. Белый); «Женщины у нас подымаются и, может быть, многое спасут. Женщина – наша большая надежда, может быть, послужит всей России в самую роковую минуту» (Ф.М. Достоевский).

ГЛАВА 38. Брак. – Семья. – Отношения мужа и жены.

«В браке, – пишет Иоанн Златоуст, – души соединяются с Богом неизреченным неким союзом». По мнению св. Климента Римского и Тертуллиана, муж и жена созданы по образу Христа и Церкви. «Брак есть таинство любви», – говорит св. Иоанн Златоуст и поясняет, что «брак является таинством уже потому, что он превышает границы нашего разума, ибо в нем два становятся одним». С этим неразрывно связан и благодатный характер брачной любви, ибо Господь присутствует там, где люди объединены взаимной любовью (Мф. 18: 20). «Существовала любовь безмятежная к Богу и любовь взаимная супругов, живших в верном и искреннем сообществе, а вследствие этой любви великая радость, так как предмет любви не переставал быть предметом наслаждения» (Блж. Августин).

О браке как союзе любви свидетельствуют литургические книги Русской Православной Церкви. «О еже ниспослатися им любви совершенней, мирней», «соединение и союз любви положительный», – говорится в последовании обручения. «Друг к другу любовь», – возносится в последовании венчания. «Неразрешимый союз любви и дружества», – говорится о браке в молитве на разрешение венцов. В православном чине венчания брак – великая радость:

«О еже возвеселитися им...», «Да придет на ня радость оная...», «Возвеселиши я радостию...», «Соединяся в радость сию...» Христианская брачная любовь есть не только радость, но и подвиг, способность на самопожертвование, ибо христианин не знает иной брачной любви, кроме любви, подобной любви к своей Церкви Христа, «который предал себя за нее» (Еф. 5: 25).

В понятиях Святой Руси, в браке превыше всего не плотская связь, а отношения между двумя христианскими душами, для которых важнее всего – понятие любви, в смысле «Бог есть Любовь». Брачные отношения осуществляются только через посредничество Бога. «Любовь не связь, а отношение к человеку». «В древнерусском браке не пары подбирались по готовым чувствам и характерам, а характеры и чувства вырабатывались по подобранным парам» (В.О. Ключевский). «Нравственное значение брака состоит в том, что женщина перестает быть орудием естественных влечений, а признается как существо, абсолютно ценное само по себе, как необходимое восполнение человека до его истинной целостности. Без брака, как без хлеба и вина, без огня, без философии, человечество могло бы, конечно, существовать, но недостойным человека образом – обычаем звериным» (В.С. Соловьев). «Брак как условие есть обязательство двух людей разных полов иметь детей только друг от друга. Нарушение этого условия есть обман, измена и преступление. Какого великого блага могут достигнуть два любящих супруга, если они поставят своей целью совершенствование и будут помогать в этом друг другу: напоминанием, советом, примером» (Л.Н. Толстой). «В браке три четверти счастья человечества, а в остальном – едва ли четверть» (Ф.М. Достоевский).

«Семья, – писал И.А. Ильин, – первичная ячейка общества, естественный и в то же время священный союз, в который человек вступает в силу необходимости. Он призван строить этот союз на любви, на вере и на свободе, научиться в нем первым совместным движениям сердца; и подняться в нем к дальнейшим формам человеческого единения – родине и государству».

В понятиях Святой Руси семья – первое место, где человек должен научиться делать добро. Русский народный

идеал – добрая жена и крепкая дружная семья. На эту тему существует множество пословиц.

«Не ищи красоты, ищи доброты». «Добрая жена – веселье, а худая – злое зелье». «Добрая жена да жирные щи – другого добра не ищи!» «Не бери жену богатую, бери непечатую!» «Не с богатством жить, с человеком». «Дай Бог совет и любовь!» «Жить-поживать да добра наживать». «Своя семейка – свой простор». «Семейная каша погуще кипит». «В своей семье и каша гуще». «Семейный горшок всегда кипит». «Доброю женой и муж честен». «Добрую жену взять – ни скуки, ни горя не знать». «С доброй женой горе – полгоря, а радость вдвойне». «Не надобен и клад, коли у мужа с женой лад». «Живут рука в руку, душа в душу», – говорится о дружных супругах.

Муж и жена – две стороны в благодатных отношениях брака и семьи как таинства любви (Иоанн Златоуст). «Отношения мужа и жены в христианском браке строятся по образу Христа и Церкви» (св. Климент, Тертуллиан). Вступая в брак, муж принимает на себя всю ответственность за жизнь, здоровье и благополучие жены и их детей. Подобно Христу, который принял мучения за свою Церковь, муж должен быть готов положить свою жизнь за жену и детей. Муж не должен останавливаться ни перед какими мучениями и даже смертью, если это нужно для блага жены. «Я считаю тебя драгоценнее души своей», – говорит муж жене у Златоуста. Совершенная брачная мужская любовь, испрашиваемая в православном чине обручения, есть любовь мученическая, и глубокий смысл заключается в том, что в православных храмах в чин венчания входит церковная песнь «Святити мученици» (С.В. Троицкий).

Жена создана, по апостолу, для того, чтобы быть «славой мужа» (1 Кор. 11: 7), чтобы быть живым отображением богоподобия мужа. Такие отношения между мужем и женой являются выражением логики создания женщины из ребра мужчины. «Вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей; она будет называться женою, ибо взята от мужа» (Быт. 2: 23). «Сколько бы ни были нам полезны бессловесные, но помощь, оказываемая женою, гораздо превосходнее... Жена – целое, совершенное и полное существо – может и беседовать, и в силу единства природы

доставляет великое утешение. Ведь для его (мужа) утешения и создано это существо» (Иоанн Златоуст). «Жена добра и страдолюбива и молчалива – венец есть мужу своему» («Домострой»), а злая жена близка бесам. «Злая жена сведет мужа с ума». «Злая жена – засада спасению». «Злая жена – мирской мятеж!» «Злая жена – поборница греху». «Злая жена – та же змея». «Злая жена – злее зла». «Всех злыдней злее жена злая». «Лучше камень долбить, нежели злую жену учить». «Железо уваришь, а злой жены не уговоришь». В общем, по мнению русского человека, «от злой жены не уйдешь». «От злой жены одна смерть спасает да пострижение».

В православном народном сознании существует однозначно отрицательное отношение к разводу. Для человека Святой Руси жертвенность брачной любви не должна ограничиваться исключительно жертвой материальной. Каждый супруг несет ответственность за духовно-нравственное несовершенство и грехи другого. Слово Божие требует от супругов, чтобы любовь их была такою же, как и любовь Христа к своей Церкви, говорится, что Христос предал себя за Церковь именно для того, чтобы освятить ее и представить ее Себе, не имеющей ни пятна, ни порока, а следовательно, Христос признал своей невестой Церковь, которая имела пятна и пороки. Таким образом, «христианская брачная любовь включает в себя не только готовность отдать свою жизнь для другого, но и готовность взять на себя его нравственные недостатки. Характерно, что ап. Павел, дозволяя в смешанном браке развод нехристианской стороне, чуждой христианского понимания любви, не дозволяет его стороне христианской (1 Кор. 7: 13, 14), любовь которой должна освятить и нехристианскую сторону» (С.В. Троицкий).

Все виды многобрачия, как одновременного, так и последовательного, исключаются православной церковью. Развод и повторные браки в святоотеческой традиции не признаются и именуются «благовидным или тайным прелюбодеянием», «видом прелюбодеяния», «наказанным блудом», «нечистотой в Церкви», как потому, что они «идут вопреки определению Божию, так как Бог вначале сотворил одного мужа и одну жену» (Афинагор), так и

потому, что они не отвечают строению Церкви, «не имеющей скверны и порока», и «изгоняют нас из Церкви и Царства Божия», соединены с потерей «нормы таинства», также, наконец, и моральными мотивами, ибо новый брак доказывает, что в первом браке супруг не имел безграничной любви, которая требуется христианским учением, так как, вступая в новый брак, супруг отделяется от своего первого супруга, и новый брак всегда является некоторой изменой в отношении к первому.

«Брак по природе один, как одно рождение и одна смерть, – отвечала сестра св. Григория Нисского св. Макрина, когда по смерти жениха ей предложили выйти замуж за другого, – жених мой жив в надежде воскресения, и было бы нехорошо не сохранить ему верности».

В России вплоть до н. XX в. разводы были крайне редки. От дурной (злой) жены (мужа) избавляла смерть или пострижение в монастырь. Народная психология протестует против развода. Как говорит русская народная пословица: «Первая жена – от Бога, вторая – от человека, третья – от черта».

ЖИВОТНЫЕ И ПРИРОДА

ГЛАВА 39. Домашние животные. – Конь. – Корова. – Собака. – Кошка. – Петух.

Жизнь домашних животных, отмечал писатель В.И. Белов, никогда не противопоставлялась другой, высшей одухотворенной жизни – человеческой. Крестьянин считал себя составной частью природы, и домашние животные были как бы соединяющим звеном от человека ко всей грозной и необъятной природе¹.

Самыми распространенными домашними животными у русских были конь, корова, собака и кошка. К этим животным наши предки относились с почитанием еще в дохристианские времена.

В древнерусской языческой мифологии конь – одно из наиболее почитаемых священных животных, особые существа, связанные одновременно с производительной силой земли (воды) и умерщвляющей потенцией преисподней. В Древней Руси считали, что конь наделен способностью предвещать судьбу, и прежде всего смерть, своему хозяину. В языческие времена коня хоронили вместе с хозяином.

По языческим поверьям, конь считался одновременно детищем Белбога (стихии света и добра) и Чернобога (стихии мрака и зла). Доброму богу посвящался белый конь, а злему – черный. Соответственным образом в древнерусских сказаниях злая сила представлялась выезжающей на черном коне, добрая – на белом.

В русской мифологии образ всадника на белом коне, поражающего змея, стал одним из главных героических сюжетов. У русских существовал особый заговор против змея: «На море на Киане, на острове Буяне, на бел-горючем камне Алатыре, на храбром коне сидит Егорий Победоносец, Михаил Архангел, Илия Пророк, Николай Чудотво-

¹ Белов В.И. Лад. Очерки о народной эстетике. Изд. 2-е. М., 1989, с. 200.

рец, побеждают змея лютого, огненного, который летал в неверное царство пожирать людей; убили змея лютого, огненного, избавили девицу царскую и всех людей».

Почитание коня в России было таково, что даже в христианские времена ему были установлены особые святые покровители и конские праздники. Покровителями лошадей считались св. Николай Чудотворец, свв. Флор и Лавр, св. Георгий Победоносец и св. Илья Пророк. Особые «конские праздники» отмечали в день памяти свв. Флора и Лавра и на вешний Юрьев день. На лошадях в этот день запрещалось работать, их кормили досыта, подводили к церкви, кропили святой водой, украшали лентами хвосты и гривы, устраивали скачки (но без седел) и конские выставки. На Юрьев день в Рязанской губ. делали «ряженного коня», на котором ездил пастух; на выгоне этот «конь» вступал в потешный бой с «конем» из другой деревни. В Самарской губ. священник, стоя возле костра, зажженного от «живого огня», кропил св. водой прогоняемые через «земляные ворота» конские табуны.

В н. XX в. в России насчитывалось около 2,5 млн. лошадей, что составляло 41% мирового поголовья этих домашних животных. Русские коневоды вывели целый ряд русских лошадиных пород. Среди них особо следует отметить русского рысака, выведенного от арабского жеребца и русской верховой лошади на конном заводе графа Орлова-Чесменского в с. Хреновое Воронежской губ.

Другим наиболее почитаемым животным считалась корова. В древности славяне, по-видимому, не забивали коров на мясо¹. Да и в более позднее время на этот счет существовали большие ограничения.

В Древней Руси верили, что корова оплакивает смерть своей хозяйки. Существовал даже обычай сразу же после похорон дарить корову священнику или бедняку.

В древних свадебных обрядах корова отождествлялась с женщиной-невестой. Обязательная часть приданого невесты в русской деревне была корова. В народных поверьях у коровы сложные отношения с домовым и другими опекунами крестьянского хозяйства – лаской, ужом и петухом.

¹ Славянская мифология. М., 1995, с. 229.

Ласку и ужа нельзя убивать, так как вместе с ними сразу же погибает корова.

Корову следует заводить той же масти (окраса), что и у ласки, живущей в хлеву. Существовало верование, что уж сосет молоко у коровы. Убивать такого ужа нельзя: корова будет скучать по нему. Нельзя бить корову палкой, которой убили ужа, корова будет сохнуть.

В сознании крестьян Древней Руси злое существо, несущее смерть домашнему скоту, называлось Коровья Смерть. Представлялось чаще всего в виде черной коровы, кошки или собаки, а иногда безобразной и злобной старухи. По старинным поверьям, Коровья Смерть никогда сама по себе в село не приходила, а заносилась проезжим человеком.

Для борьбы с Коровьей Смертью русские крестьяне использовали следующие обряды: опаживание селения, умерщвление коровы, кошки, собаки или иного небольшого животного и петуха (чаще всего путем закапывания живьем), зажигание «живого», т.е. добытого трением, огня, перегон скота через ров или тоннель, вырытый в земле, тканье «обыденного», т.е. вытканного в один день, холста. При опаживании иногда пели, призывая Коровью Смерть выйти из села, т.к. в селе ходит св. Власий (покровитель скота).

Когда в Курской и Орловской губ. при опаживании попадалось навстречу какое-нибудь животное (кошка или собака), то его тотчас убивали, как воплощение Смерти, спешащее укрыться в виде оборотня. В Нижегородской губ. для отвращения заразы крестьяне загоняли весь скот на один двор, запирали ворота и караулили до утра, а с рассветом разбирали коров; при этом лишняя, неизвестно кому принадлежащая корова принималась за Коровью Смерть, ее взваливали на поленницу и сжигали живьем¹.

Собака, в представлении Древней Руси, служила олицетворением преданности и верности. По языческим поверьям, собакам покровительствуют добрые божества и через них помогают человеку защититься от злых сил. Бог Семарагл изображался в виде крылатой собаки, олицетворяя «вооруженное добро». Идол Семарагла был установлен кн. Владимиром в Киеве.

¹ Славянская мифология. М., 1995, с. 231.

На Руси собак держали почти в каждом крестьянском доме. С ними было связано множество примет: если собака качается из стороны в сторону – к дороге хозяину; воет пес, опустив морду вниз, или копает под окном ямку – быть в доме покойнику; воет, подняв морду, – ждут пожара; траву ест – к дождю; не ест ничего после больного – дни того сочтены на небесах; жметя к хозяину, заглядывает в глаза – к несчастью; мало ест, много спит – к ненастной погоде; собака катается – к дождю и снегу; собака перебежит дорогу, беды нет, но и большого успеха не будет.

О собаках существовало множество пословиц – «Не бей собаки: и она была человеком», «Собака – друг человека», «Гавкни, гавкни, собачка – где мой суженый? (гадали девушки на Святки)», «Собака старое добро помнит», «За собакой палка не пропадет», «Мужик и собака во двор, баба да кошка в избе» и др.

Кошка у русских людей считалась олицетворением домашнего покоя и уюта. В русских сказках кошка – оченьмышленное существо, способное даже говорить по-человечески. По народным поверьям, трехшерстная кошка приносит счастье тому дому, где живет; семишерстный кот является еще более верным залогом семейного благополучия.

По поведению кошек крестьяне предсказывали погоду и будущее. Кошка свертывается клубком – к морозу, крепко спит брюхом кверху – к теплу, скребет лапами стену – к непогоде, умывается – к хорошей погоде и приходу гостей, лижет хвост – к дождю, на человека тянется – обновку (корысть) сулит. На Руси говорили, что тому, кто убьет чье-нибудь любимого кота, семь лет ни в чем удачи не будет.

По старинным русским поверьям, кто любит кошек, того они охраняют от злых духов и нечистой силы. Это потому что кошки, особенно черные, сами связаны с колдунами. На черную кошку можно выменять у нечистой силы шапку-невидимку и неразменный червонец. Черная кошка нужна черту, чтобы прятаться в нее на Ильин день, когда грозный пророк сыплет с небес своими огненными стрелами.

Из домашних птиц у русских особо почитался петух. О нем говорили, что он способен противостоять нечистой силе, хотя и подозревали его в связях с ней.

Ночью после первого крика петуха у русских было принято креститься со словами «Слава Богу! Свят дух по земле, а дьявол сквозь земли, теперь бояться нечего». «Петух поет – значит нечистой силе пора пришла, – говорили в народе. – Петух поет – на небе к заутрене звонят». По русскому преданию, когда перестанут петь петухи, тогда и всему миру конец.

У русских людей петух считался опекуном хозяйства. Они полагали, что без него не будет водиться скот, у коровы станут безвкусными молоко и масло. Русские крестьяне любили, чтобы их петухи были бойкими и драчливыми. В русских хозяйствах, как правило, не заводили черных петухов, так как считалось, что супруги будут часто ссориться.

Петухов использовали во многих магических ритуалах. Как символ плодородия он являлся одной из главных принадлежностей свадебного обряда. Петуха резали, чтобы приготовить ритуальное блюдо после завершения жатвы. Считалось, что крик петуха предохраняет от эпидемии, болезней и градобития. Поэтому петуха носили с собой во время обрядового обхода села. Иногда петуха закалывали на границе села, веря, что его мистическая сила остановит злых духов. Во время холеры петуха купали в реке или колодце, считая, что таким образом он очистит воду и изгонит болезнь. К пению петуха прислушивались как к особой примете. По народному поверью, крик петуха на вечерней заре и в полдень предрекал смерть или перемену погоды. Неурочный крик петуха предвещал получение новостей. Когда петух пел на пороге, ждали гостей.

ГЛАВА 40. Лесные животные и птицы. – Медведь. – Волк. – Заяц. – Орел. – Ласточка. – Кукушка. – Ворон.

Самый распространенный персонаж русских поверий и сказок – медведь. По преданиям, он ведет свое происхождение от человека. Человек был обращен Богом в медведя в наказание за убийство родителей; за отказ страннику или монаху переночевать; за честолюбивое желание, чтобы

все люди его боялись и пр. По причине своего человеческого происхождения медведю не велено есть человека, а человеку – медвежатину. Подобно волку, медведь может задирать корову лишь с Божьего позволения, а на человека нападает лишь по указке Бога за совершенный грех. На женщин медведь нападает не для того, чтобы съесть, а чтобы увести с собой и сожительствовать. От такого сожительства, по народным поверьям, рождались люди, обладавшие богатырской силой.

Шерстью медведей окуривали больных. Сквозь медвежью челюсть протаскивали больного ребенка. Считалось, что тот, кто съест медвежье сердце, вылечится от всех болезней. Отвар из медвежатины пили от грудных болезней. Салом его натирались от обморожения и ревматизма, мазали лоб, чтобы иметь хорошую память. Когти и шерсть медведя использовали как оберег для защиты, от сглаза и порчи. Правый глаз медведя вешали ребенку на шею для храбрости.

В отличие от медведя волк в древнерусской мифологии символ всего темного, враждебного, чужого. «Пришел волк (темная ночь) – весь народ умолк; взлетел ясен-сокол (солнце) – весь народ пошел», – говорится в старой русской загадке. По языческим поверьям, волками могут оборачиваться злые духи, нечистая сила и даже боги, например, Перун.

Волкам приписывалось посредничество между людьми и нечистой силой, «этим и тем светом». Колдуны оборачиваются волками и напускают волков на людей и скотину. Вместе с тем, по народным представлениям, волки могут поедать чертей.

В лесу волки находятся в ведении леших, которые общаются с ними, как со своими собаками.

Волк противостоит человеку как нечистая сила: его отгоняют крестом, он боится колокольного звона, ему нельзя давать ничего освященного. Он может осмысляться и как инородец: например, стадо волков именуют «ордой», в заговорах волки называются «евреями» (А.В. Гура). Иногда волки могут сотрудничать с человеком («Иван-царевич и серый волк»), но такое сотрудничество чаще всего оборачивается предательством и гибелью.

Заяц, в русских народных представлениях, ведущих начало с глубокой древности, – животное, несущее в себе особые эротические свойства и близкое к нечистой силе (заячий хвост считался отличительным признаком ведьмы).

По данным А.В. Гура, на свадьбе исполнение песен про зайца нередко было связано с обрядом брачной ночи и определением «честности» невесты. Известны сказки о том, как заяц был свидетелем половой связи медведя с женщиной; как он обесчестил лису или волчиху; сказка о мужике, продавшем зайца попадье и поповнам, которые соглашались на его нескромное предложение. Метафорическими обозначениями совокупления являются в фольклорных текстах мотивы проскакивания зайца в дырочку, заламывания им капусты, заячий укус. Идея плодovitости выражена: в эпитетах зайца; в охотничьих заговорах («пчолые ярые заицы»); в объяснении детям, что их приносят зайцы, что заяц снес им пасхальные яйца; в использовании заячьей крови в качестве средства от бесплодия; в смазывании женских органов заячьим жиром при трудных родах; в кормлении кур заячьим пометом, чтобы они лучше неслись. Сон о пойманном зайце предвещает женщине беременность и рождение сына. Сонники толкуют сны о зайце как предстоящую женитьбу, блудодейство или «грех с женою». Фаллическая символика представлена в обрядовых пожеланиях новобрачным на свадьбе («Дарую зайца, чтоб у мароз стаяли яйца»), в эротических поговорках и частушках («Вышел заяц на крыльцо») ¹.

Среди диких птиц у русских людей главной считался орел. Его считали божьей птицей, владыкой небес, олицетворением гордого могущества и вольности. Орел, по русским поверьям и сказкам, божья птица, царь птиц, владыка небес, олицетворение гордого могущества и вольности.

В языческие времена считалось, что в образе орла воплощается сам бог Перун и другие грозные боги. Орел связан с небесными стихиями и управляет ими. Согласно более поздним поверьям, все орлы происходят от царей.

¹ Славянская мифология. М., 1995, с. 191.

В русских песнях орел как царь и хозяин устраивает свадьбу птиц.

Появление парящего орла над войском для русских воинов служило предзнаменованием победы.

Русские сказания приписывали орлу способность пожирать сразу по целому быку и по три печи хлеба, выпивать за раз по целому ушату хмельного меда. Орел разбивал своей грудью в мелкие щепки вековые дубы, а в гневе испускал из острого клюва огонь, испепеляя целые города.

По старинному поверью, в гнезде орла лежит волшебный «орлов камень», или «огневик», защищающий человека от порчи, огня и болезней.

Если орлу приписывалось могущество и вольность, то ласточку считали символом святости и доброты. По народному преданию, во время распятия Христа ласточки старались облегчить его страдания, похищали гвозди, вынимали колючие тернии из тернового венца, носили Спасителю воду.

В русских песнях ласточку называли ключницей, так как считалось, что она приносит из-за моря золотые ключи, которыми открывает лето и закрывает зиму. К Благовещенью, когда из теплых краев прилетали ласточки, русские крестьяне пекли «ластовочек» с раскрытыми крыльями, совершали особые обряды.

По народным поверьям, убивший ласточку не будет иметь счастья в разведении скота, а разоривший ласточкино гнездо сам лишится крова или ослепнет. Считалось, что гнездо ласточки оберегает дом от пожара. Существовала также примета, что девушка скоро выйдет замуж, если ласточка сошьет гнездо на ее доме, вьется возле окон или залетит к ней в дом. Считалось, что супружество будет счастливым, если во время свадьбы рядом будет летать ласточка, и ласточкины гнезда использовались в любовной магии. Тот, кто носит при себе сердце ласточки, будет счастлив в женской любви.

Среди других птиц в народных русских поверьях особое значение имели кукушка и ворона. Кукушка считалась вещей птицей, способной предсказывать жизнь и смерть. В русской деревне на кукушку гадали девушки, пытаясь определить, сколько им лет осталось до замужества. Куко-

вание часто рассматривалось как зловещее предсказание: «Кукушка кукует, горе вешает». Услышав кукушку, говорили: «Хорошо кукуешь, да на свою б голову!» Прилет кукушки в деревню, к дому, кукование на крыше дома считалось знаком смерти, болезни или пожара. Образ кукушки присутствовал во многих народных обрядах (Троицкие гуляния. Семик. Кумление).

Ворон, как и кукушка, считался вещей птицей. Но в отличие от кукушки ворону приписывали дьявольскую природу, видели в нем нечистую и зловредную птицу. Черный цвет ворона задуман самим чертом. В образе ворона черти летают ночью по дворам и совершают разные пакости. Души злых людей русские представляли в виде черных воронов.

По русским поверьям, ворон – вещая птица, живет до трехсот лет, владеет тайнами, предсказывает смерть, нападение врагов, дает советы былинным героям, указывает место, где зарыт клад, приносит родителям весть о гибели сына.

ГЛАВА 41. Лес. – Дуб. – Береза. – Осина. – Папоротник. – Плакун-трава.

Для русского человека лес представлялся громадным живым существом, населенным множеством добрых и злых духов. С леса начиналась жизнь наших предков, в лесной России были заложены основы русской государственности. Из леса русские строили свои жилища и отапливали их. Зверье, дичь, ягоды, грибы, лесные пчелы давали пищу. В лесах спасали душу и молились за Родину русские святые и подвижники.

Некоторые деревья в лесу отождествлялись с высшими началами и пользовались особым поклонением. Первым среди них был дуб – священное дерево, символизирующее мужское начало, мощь, силу, твердость. Под дубом совершались языческие ритуалы и жертвоприношения, особенно связанные с культом громовержца Перуна. О культовой

роли дубов свидетельствуют археологические находки: в 1975 со дна Днепра подняли древний дуб, в ствол которого было вставлено 9 кабаньих челюстей; в 1910 подобный дуб достали со дна Десны. В древнерусской грамоте 1302 упоминается местность Перунов дуб¹.

Почитание дубов сохранилось и после принятия христианства. В отдельных местностях возле них вплоть до XIX в. служили молебны, совершали бракосочетания, приписывали им целительную силу, обращались к ним в заговорах. Духовный регламент (1721) осуждает тот факт, что некие «попы с народом молебствуют перед дубом, и ветви оногo дуба поп народу раздает на благословение». В сер. XIX в. у старообрядцев-беспоповцев брачный союз заключался таким образом: парень, сговорясь с девушкой, отправлялся вместе с ней к заветному дубу и объезжал его три раза кругом. В Воронежской губ. пользовался уважением древний дуб: после венчания в церкви к нему направлялись молодые пары и трижды объезжали вокруг.

Другим священным деревом русские считали березу. В большинстве русских преданий береза выступает как доброе дерево, оберегающее от зла. В одном из преданий береза спасает св. Параскеву Пятницу от преследований черта. Березовые ветки использовались русскими людьми в качестве магического средства против нечистой силы, для защиты от молнии, грома, грозы, для исцеления от болезней. В языческие времена почитание березы было неотъемлемой частью русалий, в христианские – празднования Троицы и Семика.

Если дуб и береза считались священными деревьями, то осина пользовалась славой проклятого, «чертова» дерева. Наши предки полагали, что в местах, где растет осина, «вьются» черти. Они же прячутся и в кроне этого дерева. Поэтому, по народным поверьям, запрещалось во время грозы стоять под осиной, ибо Бог, стремящийся поразить молнией прятавшихся там чертей, случайно мог поразить и человека.

По народным поверьям, считалось, что из осины был сделан крест, на котором распяли Христа, а также гвозди и

¹ Славянская мифология. М., 1995, с. 170.

спицы, которыми мучили Спасителя. На осине повесился Иуда, отчего у нее и дрожат листья.

Осина часто использовалась в магических ритуалах, особенно в борьбе с нечистой силой, ведьмами и колдунами. На огне из осиновых дров сжигали колдунов, осиновый кол забивали в грудь вампирам и ведьмам. Ветки осины использовали в качестве оберега от порчи и болезни. При приближении эпидемии холеры в четырех концах села втыкали в землю срубленные деревья осины, ограждая тем самым село от проникновения болезни. Настой осины применялся в народной медицине.

Из лесных растений среди русских особым почитанием пользовался папоротник, считавшийся волшебным растением, наделенным особыми магическими свойствами. По народным поверьям, человек, которому удалось раздобыть ярко-красный цветок папоротника, получал сверхъестественные знания и умения. Считалось, что он будет счастлив всю жизнь, научится понимать язык животных, птиц и растений, из разговоров растений узнает, от какой болезни каждое помогает; ему станут видны спрятанные в земле клады; он сможет становиться невидимым, приобретет способность приворожить к себе любую девушку; над ним не будет иметь власть нечистая сила.

Цветок папоротника раскрывается раз в год, чаще всего в купальскую ночь, в одну из ночей Успенского поста, в канун Ильина или Петрова дня. Ярко-красный цветок почти невозможно найти и увидеть, а еще труднее сорвать и удержать в своих руках, ибо этому препятствуют ведьмы и черти. О поиске чудесного цветка сохранилось множество русских преданий.

Другим волшебным растением считалась плакун-трава, по поверьям выросшая из слез Богородицы, пролитых во время крестных мук Иисуса Христа.

Плакун-трава – «всем травам мати». Она позволяет повелевать духами, овладевать кладами. Она смирят сатанинские силы, делает их послушными воле человека, уничтожает чары колдунов и ведьм, спасает от дьявольского искушения и болезней, сделанный из этой травы крест, надетый на бесноватого, изгоняет из него бесов.

ТРУД

ГЛАВА 42. Трудолюбие. – Трудовые идеалы Святой Руси. – Уважение к труженику. – Выражение духовной жизни.

Трудолюбие – желание старательно и добросовестно работать – всегда было одной из главных добродетелей человека Святой Руси, определяющей жизнеспособность русского народа. Как пишет В.И. Белов: «Все начинается с неудержимого и необъяснимого желания трудиться... Уже само это желание делает человека, этническую группу, а то и целый народ предрасположенными к творчеству и поэтому жизнеспособными.

Такому народу не грозит гибель от внутреннего разложения. Творческое начало обусловлено желанием трудиться, жаждой деятельности»¹.

Трудолюбие, старательность, добросовестность – отличительные черты положительных героев русских народных сказок, и наоборот, отрицательные персонажи характеризуются чаще всего как ленивые, неумелые, стремящиеся урвать незаслуженные блага. Причем в сказках положительные черты героев определяют их победу в жизненной борьбе. «Терпение и труд – все перетрут», – говорит крестьянин.

В сказках о мачехе и бедных сиротах мачеха посредством трудных и, кажется, невыполнимых работ стремится извести сироту. «Но несчастье только воспитывает в сиротах трудолюбие, терпение и глубокое чувство любви ко всем страждущим и сострадания ко всякому чужому горю. Это чувство любви и сострадания, так возвышающее нравственную сторону человека, не ограничивается тесными пределами людского мира, а обнимает собой всю разнообразную природу... (эта) нравственная сила спасает сироту от всех козней; напротив, зависть и злоба мачехи

¹ Белов В.И. Лад. М., 1982.

подвергает ее наказанию», – пишет исследователь русских сказок А.Н. Афанасьев¹.

Трудолюбие как главная добродетель крестьянина, добросовестное отношение к труду, ставшее устойчивым обычаем и привычкой, потребность в труде, превратившаяся в один из главных мотивов жизнедеятельности, составили неотъемлемую часть мировоззрения крестьянина. Таким образом, сельский труд имел ценнейшую духовно-нравственную основу; стремление выполнить работу как можно лучше обуславливалось духовно-нравственной культурой крестьянина.

Среди многих тысяч русских пословиц нельзя найти ни одной, где бы труд воспринимался как проклятие. Бывает, жалуются на тяжелый труд, на господский труд, да и удивительно мало жалуются, хотя жизнь русского крестьянина была очень нелегка, но возвращенное с детства чувство подвижнического отношения к труду не позволяет крестьянину жаловаться. Зато пословиц, прославляющих трудолюбие и добросовестность в труде, великое множество.

«Скучен день до вечера, коли делать нечего», «Не то забота, что много работы, а то забота, как ее нет», «Будешь счастлив, паши не лениво», «Досуг будет, когда нас не будет», «Не убить бобра, не нажить добра», «Работать – день коротать, отдыхать – ночь избывать», «Маленькое дело лучше большого безделья», «Шевелись, работай – ночь будет короче» (то есть хорошо поспишь от усталости), «Покидай на утро хлеба, не покидай на утро дела», «С ночи сыт не будешь, не печь кормит, а руки», «Лень мужика не кормит».

Пословиц, прославляющих трудолюбие и трудолюбивого человека, многие десятки, всех не перечислишь.

«Сер мужичок, да сердит на работу. И серо, да сбойтливо», «Люблю серка за обычай: кряхтит да везет», «О добре трудиться, есть чем похвалиться», «Добывай всяк своим горбом! Нет мошны, так есть спина», «Работай до поту, так поешь в охоту», «Покуда цеп в руках, потуда и хлеб в зубах», «Глаза бояться, а руки делают», «Что потрудимся, то

¹ Афанасьев А. Предисловие ко второму изданию народных русских сказок // Народные русские сказки. В 3-х томах. М., 1985. Т. 1, с. 9.

и поедим», «Держись сохи плотнее, так будет прибыльнее», «Где работно, там и густо, а в ленивом доме пусто», «Кто пахать не ленится, у того и хлеб родится», «Что умолотишь, то и в засек положишь», «Работа лучший приварок. По работе еда вкуснее», «Одна забота – не стала бы работа».

В понятиях Святой Руси труд – главное богоугодное дело, одна из форм подвижничества и нравственного деяния, ведущая к спасению человеческой души.

«Бог труды любит», «С молитвой в устах, с работой в руках», – часто повторяет русский человек. «Бог повелел от земли кормиться», «Божья тварь Богу и работает», «Пчела трудится – для Бога свечка пригодится», «Не спрашивай урожай, а паши и молись Богу», «Богу молись, а сам трудись», «Богу молись, крепись, да за соху держись», «Молись Богу, землю паши, а урожай будет». В «Поучении» Владимира Мономаха (XII в.), значительно отразившем мировоззрение эпохи, труд – высшее мерило богоугодности человека.

Владимир Мономах не противопоставляет физический и умственный труд; хотя первый для него является необходимой предпосылкой успеха во втором. Знание облагораживает труд, делает человека уверенным и сильным. «Еже было творити отроку моему, – делится своим опытом с наследниками Мономах, – то сам есмь створил, дела на войне и на ловех, ночь и день, на зною и на зиме, не дая себе упокоя. На посаднике не зря, ни на биричи, сам творил, что было надобе, весь наряд, и в дому своем то, я творил есмь». Труд обогащает человека знанием; знание же плодит свободу, сообщает деяниям смысл и истину. Главное же – удовлетворенность собственной жизнью. Любой труд для человека – радость, а труд умственный – радость вдвойне: в нем человек обретает спокойствие духа и постигает величие божества¹.

Отношение наших предков к труду как добродетели, как к нравственному деянию ярко выразилось в замечательном памятнике русского быта и литературы XVI в. «Домострое». В этой книге создается настоящий идеал

¹ З а м а л е е в А.Ф. Философская мысль в средневековой Руси. Л., 1987, с. 127–128.

трудоу жизни русского человека – крестьянина, купца, боярина и даже князя (в то время классовое разделение осуществлялось не по признаку культуры, а больше по размеру имущества и числу слуг). Все в доме – и хозяева, и работники – должны трудиться не покладая рук. Хозяйка, даже если у нее гости, «всегда бы над рукоделием сидела сама». Хозяин должен всегда заниматься «праведным трудом» (это неоднократно подчеркивается), быть справедливым, бережливым и заботиться о своих домочадцах и работниках. Хозяйка-жена должна быть «добрая, и трудолюбивая, и молчаливая». Слуги хорошие, чтобы «знали ремесло, кто кого достоин и какому ремеслу учен». Родители обязаны учить труду своих детей, «рукоделию – мать дочерей и мастерству – отец сыновей».

Книга проповедует трудолюбие, добросовестность, бережливость, порядок и чистоту в хозяйстве. Очень тактично регулируются трудовые отношения между хозяином и работником.

Труд в хозяйстве русского человека приобретал характер сложного, многообразного ритуала, особенности которого определялись вплоть до мелочей – как мыть, тереть, сушить, скоблить, солить грибы, ухаживать за скотом и т.д. Во многих местах «Домострой» – настоящее пособие по научной организации труда русского крестьянина XVI в. (напр., гл. 32. Как порядок в избе навести хорошо и чисто) ¹.

Труд как добродетель и нравственное деяние: всякое рукоделие или ремесло, по «Домострою», следует исполнять приготовясь, очистясь от всякой скверны и руки вымыв чисто, прежде всего – святым образам поклониться трижды в землю – с тем и начать всякое дело. Делать работу надо добросовестно, сосредоточенно, не отвлекаясь. «А если во время дела какого раздастся слово праздное, или непристойное, или с ропотом, или со смехом, или с кощунством, или скверные и блудливые речи, – от такого дела Божья милость отступит, и вот уже дело и всякое ремесло и любое рукоделие не с Богом совершается, а Богу во гнев, ибо и людям неблагословенное не нужно и не мило,

¹ Домострой. Под ред. В. Колесова. М., 1990.

да и не прочно оно». «Домострой» осуждает недобросовестную работу и обман как грех перед Богом. «Кто в каком рукоделье нечисто готовит или в ремесле каком украдет что или соврет, и притом побожится ложно: не настолько сделано или не в столько стало, а он врет, – так и такие дела не угодны Богу, и тогда их запишут на себя бесы, и за это все взыщется с человека в день Страшного Суда». В общем, полное созвучие с народной мудростью: «Дело знай, а правду помни», «Дело делай, а правды не забывай». Проводимые в «Домострое» идеи праведного труда, доброты, честности, добропорядочности, любви к ближнему, заботы о жизни и условиях труда работников – отражают лучшие качества человека Святой Руси.

Вплоть до начала XX в. многие лучшие черты отношения к труду русского человека, по «Домострою», сохранялись в монастырях, давших идеальные образцы добросовестной, качественной и эффективной работы.

Истари русские монастыри (особенно пустынные монастыри) были религиозно-трудовыми братствами, в которых на практике реализовались трудовые идеалы русского общества.

Как отмечал еще историк В.О. Ключевский, древнерусский общежительный монастырь в XIII–XIV вв. в процессе своей эволюции превращался в трудовую земледельческую общину. По задачам иночества, писал В.О. Ключевский, «монахи должны питаться от своих трудов, свои труды ясти и пити, а не жить подааниями мирян». Среди основателей и собиравшихся к ним рядовой братии пустынных монастырей встречались люди из разных классов общества – бояре, купцы, промышленники и ремесленники, иногда люди духовного происхождения, очень часто крестьяне. Общежительный монастырь под руководством деятельного основателя представлял рабочую общину, в которой занятия строго распределялись между всеми; каждый знал свое дело, и работы каждого шли «на братскую нужду». Устав белозерских монастырей Кирилла и Ферапонта живо изображает этот распорядок монастырских занятий, «чин всякого рукоделия»: кто книги пишет, кто книгам учится, кто рыболовные сети плетет, кто кельи строит; одни дрова и воду носили в хлебню и

поварню, где другие готовили хлеб и варево, хотя и много было служб в монастыре, вся братия сама их поправляла, не допуская до того мирян, монастырских служек. Первой хозяйственной заботой основателя пустынного монастыря было освоение окрестной земли силами собирающейся в нем братии. Пока на монастырскую землю не садились крестьяне, монастырь самостоятельно обрабатывал ее «всем своим составом, со строителем во главе выходя на лесные и полевые работы»¹.

Еще в древности в народной жизни сложился образ крестьянина – богатыря, пахаря, труженика, неразрывно связанного с землей, получающего от нее свою силу. Из семей простых крестьян-тружеников рождаются главные русские богатыри, и прежде всего Илья Муромец и Микла Селянинович, которые если уж берутся за работу, то выполняют ее от зари до зари, с полной отдачей и добросовестно. Народное сознание, выражаемое в сказках, поговорах, песнях, былинах, рассматривает труд как нравственное деяние, а труженика-крестьянина – как главное действующее лицо государства.

«Человек рожден для труда», – говорят бесчисленные народные пословицы. «Без труда нет добра», «Труд человека кормит, а лень портит», «Праздность – мать пороков», «Кто не работает, тот не ест», «Без труда не вытащишь и рыбку из пруда», «Кто хорошо трудится, тому есть чем хвалиться», «Труду время, потехе час», «Без труда меду не едят», «Труд кормит и одевает», «Терпение и труд все перетрут», «Без хорошего труда нет плода», «Зажиточно жить – надо труд любить», «Работай до поту, так и поешь в охоту», «У работающего в руках дело огнем горит», «Работай боле – тебя и помнить будут доле», «Рукам работа, душе праздник», «Добрые люди день начинают работой», «Работай смелее, будешь жить веселее», «Сегодняшние работы на завтра не откладывай», «У кого работа, у того и хлеб», «Без дела жить – только небо коптить»².

Отношение русского человека к труду вырабатывалось в упорной борьбе за освоение новых земель с бесконечным

¹ К л ю ч е в с к и й В.О. Курс русской истории. М., 1904. Ч. II, с. 331.

² Пословицы русского народа. Сборник В.И. Даля. М., 1957.

дремучим лесом, в противостоянии ордам многочисленных кочевников. Именно в этой борьбе с лесом складывался его трудовой характер. Чтобы освоить пашню, «приготовить ее к новине», в первый год наши предки обдирали с деревьев кору, подсушивая деревья, в следующем – в один из зимних месяцев производились подсека, рубка леса. Было это очень тяжело. Леса тогда были не такие, как сегодня, а настоящая дремучая тайга. Как только сходил снег и подсыхала почва, срубленные деревья складывали в гигантские костры и поджигали. Время от времени костры передвигали огромными шестами, по всему палу, чтобы выжечь на нем все пни и колоды, а землю равномерно удобрить золою. «Эта адски тяжелая и трудоемкая работа в дыму и копоти, с которой люди каждый вечер возвращались домой обожженные и черные, как из пекла, – пишет очевидец, – а затем надо было еще убрать с расчисти все не успевшие сгореть остатки леса. Именно о такой вырубке и уборке подсеки, как о богатырском подвиге, поется в одной из былин об Илье Муромце:

*Пошел Илья ко родителям, ко батюшке
На тую на работу на крестьянскую,
Очистить надо пал от дубья-колоды.
Он дубье-колодые все повырубил...*

Распахивать такой нераскорчеванный пал с тысячами корневых оплетений не под силу было бы даже мощному трактору, а потому его и вовсе не распахивали, а просто сеяли по пожоге, расковыряв кое-где примитивной мотыгой и заделывая брошенные зерна «наволоком», бороной-суковаткой»¹.

Так наши предки жили не одну тысячу лет, ибо в самом древнем славянском календаре (замененном христианским в X в.) этапы этого труда были увековечены в названиях месяцев. Месяц февраль назывался тогда сечень, ибо именно в это время производилась рубка леса под пашню, а месяц апрель именовался березозоль – в это время сваленный и подсохший лес превращали в золу. Да и вообще

¹ Струмилин С.Г. Очерки экономической истории России. М., 1960, с. 132.

в названиях месяцев отражался трудовой характер наших предков. Так, месяц уборки урожая назывался серпень или жнивень.

Земледельческий труд в этих условиях – настоящий подвиг, требующий постоянного напряжения, самоотдачи и терпения. Конечно, все это рождало умение к тяжелому упорному труду, самостоятельность, энергичность и инициативу. Историк С.М. Соловьев отмечает дух предприимчивости, активности, умение концентрировать жизненные силы в борьбе с нелегкими условиями существования, проявляемые нашими предками на ранних этапах истории. Н.М. Карамзин свидетельствует о способности древних россиян искусно выполнять собственными руками многие виды работ, необходимые для хозяйства.

Русский человек, отмечал историк Д.И. Иловайский, представлял замечательный образец «характера деятельного, расчетливого, домовитого, способного к неуклонному преследованию своей цели, к жесткому или мягкому образу действия смотря по обстоятельствам»¹.

В силу природных особенностей нашей страны труд русских людей носил неравномерный характер. Как писал В.О. Ключевский, русский человек знал, «что природа отпускает ему мало удобного времени для земледельческого труда и что короткое великорусское лето умеет еще укорачиваться безвременным нежданым ненастьем. Это заставляет великорусского крестьянина спешить, усиленно работать, чтобы сделать много в короткое время и впору убраться с поля, а затем оставаться без дела осень и зиму. Так великоросс приучался к чрезмерному кратковременному напряжению своих сил, привыкал работать скоро, лихорадочно и споро, а потом отдыхать в продолжение вынужденного осеннего и зимнего безделья. Ни один народ в Европе не способен к такому напряженному труду на короткое время, какой может развить великоросс; но и нигде

¹ Иловайский Д.И. История России. СПб., 1880. Ч. 2, с. 227.

² Ключевский В.О. Курс русской истории. М., 1904. Ч. I, с. 385–386.

в Европе, кажется, не найдем такой непривычки к ровному, умеренному и размеренному постоянному труду»².

Трудовой характер русского человека в устойчивой традиционной семье культивировался созданием и поддержанием в сознании всех членов трудящейся семьи образа идеального трудолюбивого предка, своим примером прокладывавшего дорогу ныне живущим членам семьи. Поэтому трудовая деятельность русского человека всегда осуществлялась с оглядкой на этого идеального предка (или предков), отказаться от заветов которого было изменой и предательством. «Обособленность семьи, ее судьба и благополучие – все это олицетворялось в образе незримого домашнего духа – хранителя, неусыпно заботящегося о благосостоянии хозяйства. Однако он заботился о нем лишь в том случае, если члены семьи сами трудолюбивы и запасливы, если руководство хозяйством семьи в надежных руках. Незримый покровитель семьи, олицетворяющий благополучие, ассоциируется в сознании людей в образе предка»¹. Отсюда неискоренимое чувство связи русских крестьян с предками, почитание их, преклонение перед традициями и стариной.

Многие трудовые качества русского человека, и прежде всего его отношение к труду, сложились еще в дохристианский период. Орудия труда были с ним не только в жизни, но и брались в смертный путь. В древних славянских могильных курганах наряду с оружием, украшениями, различными предметами быта нередко находят и орудия труда (косы, молотки, серпы и т.д.), что значит: и на том свете наши древние предки не мыслили себя без работы.

Принятие христианства ознаменовало новый этап в развитии труда, внесло в него сильное организующее начало, укрепило его духовно-нравственное ядро. Вопреки формально-догматической трактовке труда как проклятия Божьего отношение к труду в Древней Руси, только что принявшей христианство, носило живой самоутверждающий характер. Идея труда как общепользующего дела, и в идеале – как служения мирским интересам, конечно,

¹ Токарев С.А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX – н. XX в. М.–Л., 1956, с. 97.

родилась в крестьянской общине. Спасение на Руси мыслилось через жизнь и покаяние на миру, через соборное соединение усилий и, наконец, через подвижничество, одной из форм которого был упорный труд.

Говоря о главном, что составляло сущность русского труда в эпоху его расцвета, следует подчеркнуть, что он никогда не сводился к совокупности действий или навыков, а рассматривался как проявление духовной жизни, причем трудолюбие было характерным выражением духовности. Очень верно сказано русским педагогом В.А. Сухомлинским, что «отношение к труду является важнейшим элементом духовной жизни человека. Было бы недостаточным и наивным сказать, что трудолюбие воспитывается в процессе труда. Трудолюбие как важнейшая черта морального облика воспитывается и в процессе духовной жизни – интеллектуальной, эмоциональной и волевой. Не может быть трудолюбивым человек, мало думающий, мало переживающий»¹.

Трудолюбие, добросовестность, старательность, которые мы отмечаем в наших предках, рождались не просто в процессе выполнения трудовых функций (хотя и это немаловажно), а являлись итогом их богатой духовно-нравственной жизни.

ГЛАВА 43. Время труда и отдыха. – Продолжительность рабочего дня. – Выходные дни и праздники. – Презрение к лодырям.

В понятиях Святой Руси вся жизнь русского человека от рождения до смерти, день за днем, в будни и праздники была действием, события и дела текли по руслу многовековых обычаев и традиций, высоких нравственных понятий, среди привычных, необходимых и зачастую доведенных до эстетического совершенства вещей: «Все было взаимосвязано, и ничто не могло жить отдельно друг без друга, всему предназначалось свое место и время. Ничто не могло существовать вне целого или появиться вне очереди...

¹ Сухомлинский В.А. О воспитании. М., 1975, с. 128.

Столетия гранили и шлифовали жизненный уклад, сформированный еще в пору язычества. Все, что было лишним, или громоздким, или не подходящим здравому смыслу, национальному характеру, климатическим условиям, – все это отсеивалось временем» (В.И. Белов).

Веками были выработаны незабываемый ритм и нормы труда – согласование отдельных этапов трудового процесса, режим дня, соотношение, начало и завершение сезонных работ. Работа крестьянина в поле велась со старанием и любовью и порой превращалась в настоящее священнодействие. Почти все трудовые дела сплетались у сельского жителя с природой, а природа ритмична: одно вытекает из другого, и все неразрывно между собой. Человек всегда ощущал свое единство с природой. Это в союзе с нею он создавал сам себя и высокую красоту своей души, обращенную к культуре труда.

Даже неграмотный крестьянин зачастую владел богатейшим миром высокохудожественных образов, накопленных поколениями его предков, из которых складывался трудовой календарь.

Воскресенье – свято, понедельник – черный, вторник – повторник, среда – постница, четверток – перечит, пятница – корячится, суббота – делу почин.

Высокое трудолюбие русского крестьянина вовсе не означало, что он был фанатик труда, готовый работать с утра до ночи, без передыху. Крестьяне в своей среде настороженно относились к таким, ибо знали, что от чрезмерного труда, от штурмовщины в работе неизбежно возникают срывы. Работать надо слаженно и ритмично. Лишнюю работу на себя не взваливать. «Ретивая лошадка недолго живет», «Ни на какое дело не называйся и ни от какого дела не отказывайся», «На дело не набивайся и от дела не отбивайся».

Труд и отдых должны ритмично чередоваться. «Делу время – потехе час». Каждому дню полагается свой труд – «Время времени не работает», «Сегодняшней работы на завтра не покидай», «За все братья – ничего не сделать».

Веками был установлен трудовой распорядок дня, недели, года, которому крестьянин неукоснительно следовал. Вехами и регуляторами трудового распорядка русского

крестьянина были народные приметы, привязанные, как правило, к дням памяти определенных святых или праздникам. Чуть ли не каждый день крестьянского года расписывался по делам, и «расписание» это было настоящей наукой – очень непростой, требующей грамотности, внимательности, сообразительности и, наконец, просто хорошей памяти, чтобы ориентироваться в сотнях примет, их последовательности и сочетаниях.

Русские крестьяне работали с восхода до захода солнца. Совсем не часто устраивались в работе небольшие перерывы. Высокая интенсивность труда поддерживалась установленным ритмом и чередованием работ. Напряженный труд в течение рабочего дня в значительной степени компенсировался праздниками и воскресеньями, общее количество которых составляло на селе, по данным министерства земледелия на начало XX в., 120–140, а то и более дней в году, причем порядка 74 выходных приходилось на время с.-х. работ – с апреля по сентябрь¹.

Больше всего праздников устанавливалось церковью. Если в сельской церкви было два-три престола, то число престольных праздников, отмечаемых окрестными деревнями, увеличивалось. Храмовый праздник на Русской земле всегда считали праздником всей общины.

Община организовывала пиршество по определенному ритуалу. Празднование храмовых праздников продолжалось несколько дней. Нередко продолжительность празднования находилась в зависимости от урожая. Так, Покров в урожайный год отмечался 5–6 дней, в обычный год – 2–3 дня, в неурожай – 1 день².

Особое место занимали так называемые заказные праздники в целях предотвращения какого-либо бедствия – града, болезни, пожара.

Кроме того, отмечались царские высокаторжественные дни, а также мирские праздники – молебствия на полях, гульба по случаю получения мирских доходов, проводы новобранцев, празднования свадеб и т.д.

¹ Временник живописной России. 1903, №130.

² Карышев Н. Труд. СПб., 1897, с. 305.

Число праздников и воскресных дней у ремесленников было, как правило, не меньшим, чем у крестьян, и подчинялось установленному ритму народной жизни.

Обилие праздничных дней в дореволюционной России не было чем-то особенным для христианской страны. Как свидетельствуют уставы средневековых ремесленных цехов, на протяжении всего западноевропейского католического мира треть года протекала в обязательном отдыхе для мастеровых¹.

Крестьянская трудовая культура выработала целую систему ограничений и запретов на работу в праздничные и воскресные дни. Нередко за нарушение налагался денежный штраф в пользу общины. В одни праздники категорически запрещалось работать, в другие – разрешались отдельные виды работы. Нередко в праздники разрешались совместные мирские работы, но запрещалась работа отдельно от мира. Чаще всего нельзя было делать любую работу вне дома, тогда как мелкие домашние работы допускались: шитье – женщинам, подготовка сельскохозяйственных работ – мужчинам.

Крепостные крестьяне, как правило, имели те же праздничные и выходные дни, что и государственные крестьяне. Принуждать крестьянина работать в праздничные и воскресные дни запрещалось законом и жестко осуждалось традицией. Помещик, осмелившийся на это, мог плохо кончить. Самой распространенной продолжительностью времени работы на помещика было два-три дня в неделю, хотя некоторые помещики пытались увеличить это число и до четырех дней².

Несколько иначе, чем на селе и среди ремесленников, обстояло дело в промышленности. Здесь число праздничных и выходных дней было меньше, составляя в разные времена 100–110 дней. На Совещании представителей петербургских машиностроительных и механических заводов (как частных, так и государственных, всего около 69), состоявшемся в январе 1905, через две недели после известных кровавых событий, был отмечен более короткий

¹ АИТР. Кн. 3, с. 97.

² Русская мысль. 1880, №6, с. 19.

рабочий год русских рабочих по сравнению с западноевропейским. На заводах по механическому производству продолжительность рабочего дня находилась в пределах от 57 до 67 часов в неделю, ниже 57 часов – единичные случаи, по 57 часов работало 13 заводов частных и 6 казенного артиллерийского ведомства, 57,5 часа – 8 заводов, в том числе два казенных морского ведомства, свыше 57,5 часа – 23 завода, то есть одна треть. При таких условиях общая годовая продолжительность рабочего времени, принимая во внимание большое число праздничных дней в России, составляла около 1775 рабочих часов. В Англии, при продолжительности рабочего дня в 9 часов, в механическом производстве число рабочих часов в год составляло около 2700, в Германии, где число праздничных дней было гораздо меньше, чем в России (6 праздничных дней, кроме воскресных), в то время только еще ставился вопрос о 10-часовом рабочем дне¹.

Все данные говорят о том, что продолжительность рабочего времени в России была не выше, а во многих случаях и ниже, чем в других странах.

В н. XX в. продолжительность рабочего года в России составляла в промышленности в среднем около 250, а в сельском хозяйстве – около 230 дней. Для сравнения: в Европе эти цифры были совсем иными – около 300 рабочих дней в год, а в Англии – даже 310 дней.

Чередуя напряженный труд и отдых, русский человек презирал лентяев и лодырей. В «Изборнике» 1076 говорится, что «лень – мать зла. Ленивый хуже больного: ведь больной, если лежит, то не ест, а ленивый и лежит, и ест».

Владимир Мономах (XII в.) почти буквально повторяет эти слова в своем «Поучении сыновьям»: «Леность всему злему мать, что человек умеет, то забудет, а чего не умеет, тому не научится. Добро же творя, не ленитесь ни на что хорошее. Пусть не застанет вас солнце в постели. В дому своем не ленитесь, но за всем наблюдайте, чтобы приходящие к вам не посмеялись ни над домом вашим, ни над обедом вашим».

«Ленивый человек в бессчетном покое сходен с неподвижною болотною водою, которая, кроме смраду и

³ АИТР. Кн. 4, с. 90.

презренных гадин, ничего не производит» (М.В. Ломоносов).

У русских людей сложилось устойчивое презрительное отношение к лентяям, к отлынивающим от работы, не желающим добросовестно трудиться. «Ленивый и могилы не стоит», «Лень добра не сеет», «Лень к добру не приставит», «Пахарю земля – мать, а лодырю – мачеха», «У лодыря что ни день, то лень», «За дело не мы, за работу не мы, а поесть, поплясать – против нас не сыскать», «Лень лени и за ложку взяться, а не лень лени обедать», «Леность наводит на бедность», «У лентяя Федорки всегда отговорки», «Лень перекатная: палец о палец не ударит», «Лентяй и шалопай два родных брата».

«Тит, поди молотить», – говорит лентяю трудящийся крестьянин. А в ответ: «Брюхо болит». – «Тит, пойдем пить!» – «Бабенка, подай шубенку». О таких лодырях крестьянин говорит: «У него лень за пазухой гнездо свила», «От лени распух», «От лени мохом оброс», «От лени губы блином обвисли», «Ленивому всегда праздник», «У него руки вися отболтались», «Пресная шлея (лентяй)», «Ест руками, а работает брюхом», «У него работа в руках плесневеет».

Трудовой крестьянин постоянно насмехается над лодырем. Чем он занимается? – спрашивают труженика о лодыре. «Кнуты вьет да собак бьет», – отвечает крестьянин. «Пошел баклуши бить», «Устроился слонов продавать», «Пошел черных кобелей набело перебивать», «На собаках сено косит», «На собаках шерсть бьет», «Слоном слоняется», «Спишь, спишь, а отдохнуть некогда», «На печи по дрова поехал», «Перековал лемех на свайку», «В лапоть звонит», «Хорошо ленивого за смертью посылать – не скоро придет», «Люди пахать, а он руками махать», «Люди жать, а мы с поля бежать».

Если судить по количеству народных пословиц, то к лентяю у русского крестьянина было больше неприязни и даже ненависти, чем к несправедливым нанимателям. Да это и понятно. В общинном российском хозяйстве был необходим слаженный труд; начало и окончание работ, вывоз навоза, общественное строительство требовали дружной работы, которой, конечно, мешали отдельные лодыри,

зачастую превращавшиеся в деклассированные элементы. Поэтому народная мудрость наставляет и предостерегает: «Станешь ленишься, будешь с сумой волочиться», «Ленивого и по платью узнаешь», «У ленивого что на дворе, то и на столе», «Спишь до обеда, так пеняй на соседа, что рано встает да в гости не зовет», «Проленишься, так и хлеба лишишься», «Отсталый и ленивый всегда позади», «Кто ленив сохой, тому весь год плохой».

ГЛАВА 44. Оплата за труд. – Идеал справедливого вознаграждения. – Уровень зарплаты.

По народным понятиям, за хорошо выполненный труд полагалась справедливая награда. При этом считалось само собой разумеющимся, что работа должна быть выполнена согласно традиционным нормам, обычаям и вековым привычкам крестьянина. Надо хорошо работать и не думать о вознаграждении, оно само собой следует тебе за старательный труд. Народное чувство выработало идеал справедливого вознаграждения, отступление от которого – попытка обмануть, надуть работника – осуждалось как нравственное преступление.

Народная сказка о батраке и купце (попе), пытавшемся его обмануть, во всех вариантах кончается торжеством справедливости и посрамлением нечестного нанимателя.

Если крестьянин, ремесленник – один или с артелью – нанимался (подряжался) на работу, с нанимателем заключался договор, чаще всего устный, но нарушить его было величайшим грехом, ибо «договор дороже денег».

Договору-уговору, или иначе ряде, придавалось очень большое значение. «Уговор – родной брат всем делам», «Уговорец – кормилец. Ряда – не досада», «Ряда дело хорошее, а устойка (то есть соблюдение уговора) того лучше».

«Язык на сговоре (то есть условия заключения)», «Рядись не торопись, – рассудительно говорит работник, – делай не сердись» или: «Рядись да оглядись, верши не спеши, делай не грешь».

О нечестном нанимателе говорят так: «Он на грош пятак хочет. С алтыном под полтину подъезжает». Поймав нанимателя на нечестности, работник не доверяет ему впредь.

Если в уговоре ошибочка выйдет по твоей вине, отпечатать будешь только сам. «Рядой не вырядишь, так из платы не вымозжишь». После уговора менять ничего нельзя. «Переговор не уговор. Недоряжено – недоплачено». В следующий раз умнее будешь.

«Что побьем (руками при договоре), то и поживем. Что ударишь, то и уедешь (увезешь с собой)».

И отсюда в конце договора обязательство: «Он в долгу не останется», то есть заплатит все без остатка, ведь так мы и сегодня говорим.

Справедливое вознаграждение за труд – дело непрерывное. И вот тут главную роль играют для крестьянина деньги как мера труда. «Без счета и денег нет. Деньги счет любят, а хлеб меру. Деньги счетом крепки». Деньги для крестьянина не золотой телец – объект поклонения, а средство счета.

«Счет не обманет. Счет всю правду скажет», «Доверять-то доверяй, но и проверяй», «Не все с верою – ино с мерою». Впрочем, «кому как верят, так и мерят».

«Мера – всякому делу вера, счет да мера – безгрешная вера». В расчетах не должно быть исключений. «Счет дружбы не портит. Дружба дружбой, а денежкам счет». «Чаше счет, крепче дружба».

Подчеркивая трудовой характер своего заработка, русский трудовой человек говаривал: «Трудовая денежка до века живет (кормит, служит)», «Трудовая денежка всегда крепка», «Трудовая денежка плотно лежит, незаработанная ребром торчит».

Преобладание моральных форм принуждения к труду над материальными совсем не предполагало уравниловки в распределении, а наоборот, исключало ее. Для крестьянина считалось безнравственным заплатить равную плату и мастеру, и простому работнику. Качественный труд должен вознаграждаться значительно выше. «Работнику полтина, мастеру рубль». Уравнительности в оплате труда народное сознание не принимало. Уравниловка допуска-

лась только тогда, когда все работники выполняли работу одного объема и одного качества в общине на помочах или общественных работах, а также в артелях. В таком случае крестьяне говорили: «Тем добро, что всем равно», «Всякому по Якову», «Что миру, то и Спири. Что миру, то и мирянину», «Что миру, то и бабину сыну», «Что тебе, то и мне. Что мне, то и тебе». «Что всем, то и одному. Что одному, то и всем», «Варлаам, пополам; Денис, поделись!».

В остальных случаях уравнильные отношения считались безнравственными, так как нарушали трудовые принципы крестьянства и поощряли лодырей.

«Каков работник, такова и плата», «По работе и плата», «По товару и цена», «Каждому да воздастся по делам его».

«За бесплатно» работник трудился только на общественных работах и помочах. В остальных случаях полагалось материальное вознаграждение. Работу «за спасибо» работник всерьез не принимал. «Спасибом сыт не будешь», «Спасибо не кормит, не греет», «Спасибо домой не принесешь», «Из спасибо шубы не сошьешь». Рабочий человек смеется: «Подали спасибо, да домой не донес!»

Работника надо заинтересовать и материально. Некоторые народные пословицы в этом очень категоричны. «Не бей мужика дубьем, бей его рублем», «Не бей мужика дубиной, попробуй полтиной», «Не учи дубцом, поучи рублем», «Не торопи ездой, торопи кормом» (то есть заинтересуй материально).

Больше всех зарабатывали мастера своего дела. Однако и мастеру заплатить просто так, не за дело не полагалось. Покажи работу, а потом проси плату. «Честь честью, а дело делом», «Честь по заслугам», «По заслуге молодца жалуют, а по отчеству чествуют». В общем – «по заслугам и почет. Каков есть, такова и честь». «Не место красит человека, а человек красит место».

Еще в древности в России сложился довольно высокий уровень оплаты труда. Митр. Макарий в своей «Истории русской церкви» приводит историческое предание о Ярославе Мудром, решившем в сер. XI в. построить Георгиевскую церковь в Киеве, но вначале не нашедшем достаточно строителей.

Князь спросил: отчего мало делателей? Ему ответили: люди боятся, что лишены будут платы. Тогда князь приказал возить куны на телегах к месту стройки и объявить на торгу, что каждый получит «за труд по ногате на день»¹. За ногату в те времена можно было купить целого барана. Подобный уровень оплаты подтверждается и в «Русской Правде». В статье «О поконе вирном», определяющей, сколько вирнику следовало взять деньгами и натурой при исполнении своих обязанностей, следует ссылка: «То ти урок Ярославль». А за ней читаем: «А сей урок мостыникам: аще помостившие мост, взяти от дела ногата, а от город – ничи ногата». Таким образом, работник получал за каждую городню одну ногату и одну куну, а сверх того на прокорм деньгами или натурой: хлеб, мясо, рыбу, пшено и солод (на пиво или брагу). Однако не только квалифицированные работники получали такую высокую плату. Батрачка в деревне XII в. получала за сезон (обычно с конца апреля и до октября), кроме содержания на хозяйских харчах, гривну кун, или 20 ногат, то есть могла купить 20 баранов². Для сравнения скажем, что оплата рядового поденщика в Англии XIII в. составляла в неделю 34 кг пшеницы³, то есть была (если рассчитать по эквиваленту) ниже оплаты русского рабочего.

В псковской летописи сохранились сведения о постройке каменной стены в г. Гдове. Зарплата работников на этой стройке составляла 1,5 новгородской деньги в день. По ценам новгородских писцовых книг XV в. за эти деньги можно было купить полбарана или около 24 кг ржи. Хотя уровень оплаты в два раза ниже, чем в XII в., но выше оплаты труда во Франции XV в. Здесь за дневную плату чернорабочего можно было купить либо около 4 кг говядины, или 22 кг ржи⁴.

З. фон Герберштейн, путешествовавший по России в 1-й четв. XVI в., писал, что рядовой поденщик получал 1,5 московской деньги, а ремесленник 2 деньги в день. За

¹ Макарий. История Русской церкви. СПб., 1868.

² Струмилин С.Г. Указ. соч., с. 30–32.

³ Роджерс Т. История труда и заработной платы в Англии. СПб., 1899, с. 270, 353.

⁴ Струмилин С.Г. Указ. соч., с. 62–84.

две деньги тогда можно было купить около 5 кг пшеницы, или около 8 кг ржи, или до одной четверти барана, что было в среднем намного выше заработка английского поденщика¹.

Имеющиеся сведения, относящиеся к 1674, говорят о том, что средний заработок в день рабочих-металлистов составлял для мастера 57 коп., для подмастерья – 38 коп., для работника – около 10 коп. В год это выражалось, считая 250 рабочих дней в году, для мастера – 145 руб., для подмастерья – 95 руб., для работника – 25 руб. По тем временам, учитывая дешевизну продуктов, такая оплата была достаточно высокой, пожалуй, одной из самых высоких в мире. Ведь на эти деньги даже работник мог купить в день не менее 50 кг ржи, а уж мастер был очень зажиточным человеком².

Достаточно высокий и устойчивый уровень оплаты труда (прерываемый, конечно, периодами засух, неурожая, войн и общественных смут) наблюдался в XVII в. и у сельскохозяйственных рабочих. Так, исследователь С. Тхаржевский определил, что поденная заработная плата наемных крестьянских работников-мужчин в 1640 в Курской и Воронежской обл. России при пахоте, жнитве и молотье составляла 10 денег (5 коп.) в день; а женщина-женя получала поденно 3 коп. На эти деньги крестьянин-мужчина мог купить 24 кг ржи, а женщина – 15 кг. Почти через триста лет – в 1909–23 – средняя заработная плата русского сельхозработного в этих же местах была 96 коп. в день у мужчин (поднимаясь во время уборки хлеба в Воронежской губернии до 1 руб. 10 коп.) и 61 коп. у женщин. Таким образом, рабочий-мужчина мог купить на свой дневной заработок (исходя из цены ржи в 1910–13 – 68,7 коп.) около 23 кг ржи, а женщина – около 14 кг. Итак, отмечает С. Тхаржевский, за 300 лет мы почти не видим перемены: поденный корм сельхозработника XVII в. приблизительно равен (чуть выше) поденной заработной платы сельхозработного н. XX в. в тех же самых местах³.

¹ Там же, с. 82.

² АИТР. Кн. 9, с. 79.

³ АИТР. Кн. 8, с. 71.

Теперь проанализируем положение крепостных крестьян. Ведь прежде всего к ним относится утверждение о нищенской плате труда в России.

Но и здесь данные свидетельствуют несколько об ином.

Экономическое и имущественное положение русских крепостных крестьян в среднем было лучше положения крепостных крестьян в странах Западной Европы, и прежде всего Германии и Франции.

Видный исследователь положения русского крестьянства В.И. Семевский провел подробное сопоставление повинностей, которые платили или отрабатывали крепостные крестьяне в России и зарубежных странах, и сделал вывод, что эти повинности были примерно одинаковыми. Однако русские крестьяне имели два важных преимущества – гораздо больше земли и различных угодий на душу сельского населения, а также определенную социальную защищенность в форме крестьянской общины. Как правило, крестьянин не мог быть обезземелен или стать нищим, ибо во многих случаях община помогала своим нуждающимся крестьянам. В России не было такого имущественного расслоения крестьянства, как в Европе, где богатство небольшой части сельского населения покупалось ценой батрачества и обезземеливания абсолютного большинства крестьян¹.

Русские крестьяне в отличие от западноевропейских имели гораздо больше земли. В сер. XVIII в. даже на помещичьих землях средний душевой надел составлял 12 десятин, куда входили пашни, покосы, усадебные земли, лес.

В 1-й пол. XIX в. среднедушевой надел крестьян снизился в связи со значительным ростом населения и составлял, по нашей оценке, не менее 7 десятин. Хотя колебания здесь были огромные. В разных уездах Новгородской губ. на душу приходилось от 5 до 16 десятин. Но в некоторых, даже густонаселенных районах, например в Тверской губ., крестьяне иных помещиков имели по 15–20 десятин на душу².

¹ Русская мысль, 1880, № 6, с. 20–34.

² Русская мысль, 1880, № 5, с. 129–130, 136.

Перед отменой крепостного права были собраны подробные сведения о количестве земли, находящейся в распоряжении помещиков и предоставленной в пользование крестьянам. Оказывается, что в 1860 в Европейской России из 105 млн. десятин земли, принадлежавшей помещикам, 36 млн. десятин было предоставлено крепостным крестьянам, а 69 млн. десятин находилось в распоряжении помещиков. Крепостных крестьян без дворовых считалось 9,8 млн. душ мужского пола, то есть на душу крепостного крестьянина приходилось в среднем по России 3–4 десятины земли, хотя по отдельным губерниям были и колебания. Так, в Курской губ. на душу крепостного крестьянина приходилось 2,8 десятины, в Тульской – 2,4, в Астраханской – 8, в Олонецкой – 7¹. Приведенные цифры на душу населения следует увеличить в 2–3 раза, и получаем средний размер земельного участка, приходящегося на хозяйство, – 6–12 десятин, что значительно превышало средний размер хозяйства, находящегося в личном пользовании, и было нередко равно и даже превышало размер фермерского хозяйства во Франции того же времени.

В XVIII в. самой высокой оплатой труда в западноевропейских странах славилась Англия. Однако уровень оплаты труда рабочих в ней значительно отставал от оплаты труда российских рабочих. Если в 1767 рядовой английский рабочий мог купить на свою дневную зарплату 6 кг зерна, то русский рабочий – 10–11 кг. Говядины на свой заработок английский рабочий мог купить в два раза меньше, чем русский. В целом уровень оплаты труда русского рабочего в XVIII в. был в два раза выше английского и почти в три раза выше французского².

В России сложилось так, что большинство рабочих на городских фабриках и заводах являлись членами сельских общин и имели землю. Фабриканту, чтобы привлечь их к работе на фабрике, нужно было платить больше, чем они могли заработать на земле.

Возьмем, к примеру, Сестрорецкий оружейный завод в Петербурге. Здесь в 1728 мастера получали 120–240 руб. в

³ Ч у п р о в А.И. Курс политической экономики. М., 1917, с. 318.

¹ С т р у м и л и н С.Г. Указ. соч., с. 86, 89.

год (а иностранные мастера намного больше), подмастерья – 60 руб., кузнецы – от 12 до 24 руб. Кроме того, большинство рабочих получали продукты – муку и крупу.

Почти через полтора столетия, в 1860–1867, заработок рабочих-металлистов Сестрорецкого завода составлял для стволodelов – 135 руб. в год (52 коп. в день), для кузнецов – 86–113 руб. в год (32–43 коп. в день), для замочников и литейщиков – 106 руб. в год (40 коп. в день), для шлифовальщиков – 128 руб. в год (48 коп. в день), для столяров – 116 руб. в год (44 коп. в день)¹.

Для к. XIX – н. XX в. у нас есть сведения о заработках рабочих-металлистов по 17 петербургским заводам. В среднем они составляли на одного рабочего за год (в 1891) 359 руб. (или 1 руб. 25 коп. в день), в 1901-м – 431 руб. (1 руб. 50 коп. в день) и в 1904-м – 471 руб. (1 руб. 60 коп. в день)².

В сер. XIX в. по России путешествовал немецкий ученый барон Гакстгаузен, посетивший большое количество российских предприятий и изучивший систему оплаты труда на них. Вывод его был таков – «ни в одной стране заработная плата (фабричных рабочих) не достигает такой высоты, как в России». «Даже денежная заработная плата в России, – писал он, – в общем выше, чем в Германии. Что же касается до реальной платы, то преимущество русского рабочего перед заграничным в этом отношении еще значительнее»³.

Перед самой революцией в феврале 1917 Обуховский сталелитейный завод в Петербурге определил минимальный прожиточный минимум среднего рабочего. Он равнялся для рабочего семейства из трех человек 169 руб., из которых 29 руб. шли на жилье, 42 руб. – на одежду и обувь, остальные 98 руб. – на питание.

Интересно привести перечень минимальных потребностей рабочего, на которые расходовался этот бюджет. Жилье

¹ АИТР. Кн. 9, с. 85–86.

² Там же, с. 92.

³ Г а к с т г а у з е н А. Исследование внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. М., 1870, т. 1, с. 98, 119.

состояло из одной жилой комнаты и кухни, причем оплата за квартиру включала стоимость освещения и отопления.

Одежда и обувь состояли из сапог – 20 руб. пара (из расчета по одной паре в год на человека), галош – 6 руб. (одна пара в год на человека), комплекта носильного платья – 60 руб. (полтора комплекта в год), верхнего платья – 120 руб. за комплект (по одному на три года).

Минимальный месячный бюджет на питание состоял из расходов: молоко – полторы бутылки в день по 35 коп. за бутылку; 2,1 кг сливочного масла по 6,5 руб. за кг; 2,1 кг других жиров по 3,2 руб. за кг; мясо или рыба (чередовались через день): 100 г мяса (20 коп.) на каждого члена семьи, 200 г рыбы (20 коп.); ежедневно на всех примерно 1 кг ржаного хлеба (17 коп.), ок. 600 г пшеничного хлеба (30 коп.), 820 г картофеля (20 коп.), около 600 г капусты кислой (20 коп.), около 600 г крупы разной (22 коп.), полтора яйца, около 3,7 кг сахара (2 руб. 70 коп.).

В бюджет не вошли расходы по стирке белья, передвижению, расходы на лечение, культурные цели, а также спиртные напитки и табак.

Для сравнения приведем размеры среднемесячных заработков, которые получали рабочие на Обуховском заводе в 1917: рабочие первой категории (самые квалифицированные) – 400 руб., II категории – 350 руб., III категории – 300 руб., IV категории – 225 руб. и V категории – 160 руб.¹.

Академику С.Г. Струмилину удалось также доказать, что и в н. XX в. заработки российских рабочих в крупной и средней промышленности были одними из самых высоких в мире, занимая второе место после заработков американских рабочих. Вот ход его рассуждений: «Средний годовой заработок в обрабатывающей промышленности США по цензу 1914 достигал 573 долл. в год, 11,02 долл. в неделю, или 1,84 долл. в день. В пересчете на русскую валюту по паритету дневной заработок американского рабочего составлял 3 руб. 61 коп. золотом. В России, по массовым данным 1913, годовой заработок рабочих де-

¹ АИТР. Кн. 9, с. 59.

ными и натурой достигал за 257,4 рабочих дня 300 руб., т.е. не превышал 1 руб. 16 коп. в день, не достигая, таким образом, и трети (32,2%) американской нормы. Отсюда и делались обычно выводы о резком отставании уровня жизни российских рабочих от американских стандартов. Но с учетом сравнительной дороговизны жизни в этих странах выводы получаются другие». При сравнении розничных цен на важнейшие пищевые продукты оказывается, что они стоят в США в три раза дороже, чем в России. Опираясь на эти сравнения, Струмилин делает вывод, что уровень реальной оплаты труда в промышленности России следует оценить не ниже 85% американского.

Таким образом, уровень оплаты труда в промышленности России был достаточно высок и опережал уровень оплаты труда в Англии, Германии, Франции¹.

Высокий уровень оплаты труда в промышленности вполне соответствовал сравнительно высокой (для того времени) доле оплаты труда в национальном доходе, составляя в 1908 около 55%, то есть опять-таки был близок американскому.

Кстати, весьма показательным для понимания экономического положения российских трудящихся является потребление мяса и мясных продуктов, составившее в 1913 70,4 кг в год на человека (в США – 71,8). Еще более высоким потребление мяса было в городах Российской империи – в среднем 88 кг на душу населения, при этом в Москве – 87, в Петербурге – 94, во Владимире и Вологде – 107, в Воронеже – 147. Еще больше мяса потреблялось в городах Сибири и Дальнего Востока².

ГЛАВА 45. Трудовое обучение. – Ремесло. – Мастерство. – Пахари и кузнецы.

Общеобразовательная подготовка труженников осуществлялась посредством церковного пастырства и учительства. Понятие труда как добродетели впитывалось

¹ Струмилин С.Г. Указ. соч., с. 122–123.

² США: экономика, идеология, политика, 1988, № 12, с. 13–17.

в сознание русского человека как со стороны семьи и коллектива, так и со стороны церковного наставничества, ибо каждый труженик был членом того или иного прихода. Традиция церковного наставничества не прерывалась и в период петровских преобразований, во время которых сам царь пытался даже усилить роль церкви в воспитании подрастающего поколения. Новгородский митрополит Иов сообщал в 1710, что государевы писцы неволили священников при каждой церкви школы строить¹.

Обучение трудовым навыкам совершенствования мастерства осуществлялось, с одной стороны, в семье крестьян и ремесленников, а с другой, – в общине и артели, непрерывно, в течение всей жизни.

«Передача трудовых традиций по иерархии родственных отношений, – отмечала М.М. Громыко, – осуществлялась: внутри семьи; через отпочковавшиеся от нее семьи – по фамильному (родственному) гнезду в пределах данной общины; через отселяющиеся семьи родственников – в другие общины. Распространение по этим каналам шло не только за счет непосредственной преемственности в семье между поколениями, естественно продолжавшейся и в отделившихся, и в отселившихся семьях, но и за счет общения родственников, в том числе живущих в разных деревнях»².

С ранних лет само собой разумелось, что ребенок должен помогать в доме и на дворе. Мальчик держался отца, перенимал его навыки, девочка – матери, помогая ей в работе. Еще свидетельства XVIII в. говорят о том, что «мальчики привлекаются к упражнениям в хлебопашестве с семи лет». Во время страды в XIX в. известны случаи работы на полях мальчиков и девочек с десяти лет. Местный священник Шадринского у. Пермской губ. рассказывает, что в 1850-х мальчики «с пяти лет начинают ездить верхом на лошади и гонять скот на водопой; с восьми лет мальчик зовется борноволоком и управляет лошадью при распашке и бороньбе земли; в четырнадцать – он хорошо уже владе-

¹ АИТР. Кн. 8, с. 36.

² Громыко М.М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири. Новосибирск, 1975, с. 290.

ет косою, серпом, молотилом, топором и принимается за соху. Бедные крестьяне отдают в эти лета детей в срочную работу. Дети женского пола с шести лет садятся за прялку и пасут цыплят; с десяти берутся за иголку и серп, возятся с зыбочными малютками и домовничают во время страды; с четырнадцати лет садятся ткать за кросна, проворно жнут и косят. Родители, не имеющие детей мужского пола, садят своих дочерей, моложе 14 лет, на лошадь, и они заменяют мальчиков-борноволок»¹.

Настоящей школой воспитания трудовых навыков в деревнях были общественные работы-помочи, которые собирались тем или иным крестьянином для быстрого совместного выполнения тех или иных работ – постройки дома, вывоза из леса бревен, приготовления пряжи, а нередко и совместной жатвы, сенокоса, уборки сена, перевоза хлеба с полей. На помочах подрастающее поколение имело возможность перенять трудовые навыки у лучших, сноровистых работников села.

Для подрастающего поколения помочи давали выработку трудовых навыков и воспитание трудовых ценностей: отношения к труду как добродетели и презрения к лодырничеству и паразитизму. Для более зрелых крестьян на помочах осуществлялся обмен опытом, перенимались и усваивались самые удачные приемы работы.

А для всего мира вырабатывались стандарты, образцы качественно лучшей работы, а также стандарты качества самой продукции. Исполнитель, незаметно складывался и превращался во влиятельную силу общественный контроль за качеством продукции. Снизить качество труда в этих условиях было для крестьянина позором.

Как и многие другие виды работ, общественные работы-помочи велись на началах соревновательности, стремлении показать себя с лучшей стороны. Лучшие работники поощрялись общественным мнением, приобретали уважение односельчан, и одновременно обидному осмеянию и осуждению подвергались лень, неумение, небрежность, недобросовестность в работе. Эмоциональный урок был так значителен, что в самом раннем детстве у ребенка

¹ Успенский Г. Пермский сборник. Кн. 1. М., 1859, с. 33.

складывалось уважительное, почтительное отношение к хорошему работнику, мастеру и пренебрежительное, презрительное отношение к лодырю и недобросовестному работнику.

Передача трудового опыта осуществлялась у крестьян путем «непрерывного трудового обучения» буквально с младенческих лет. У городских рабочих и ремесленников дело было поставлено так же. Отцы обучали сыновей своему мастерству. И это было не только их право, но их долг и обязанность, нарушение которых вело к наказанию. Нередко городские жители отдавали своих детей на обучение. Срок его составлял 8–9 лет, а ученик, согласно «типовому» договору об обучении, обязывался быть в это время «во всем послушен, покорен и безответен»¹.

Кроме того, московское правительство, например в XVII в., обязывало лучших мастеров брать на выучку назначенных им для этого мальчиков, преимущественно детей казаков и стрельцов. Мастерам на этих мальчиков выдавались деньги на одежду и на прокорм. Ученики жили или у своего учителя, или на частной квартире. От мастеров требовалось, чтобы они «ребят выучили мастерству доброму и открыли дела свои в ученье явно, ни в чем бы в делах своих не скрылись». Так, например, готовились квалифицированные строительные рабочие, которые после обучения заносятся в специальные списки и могли быть в любой момент привлечены на строительные объекты Российского государства.

В русской деревне почти каждый крестьянин владел каким-либо ремеслом. В народе говорили: «Ремесло вотчина, ремесло кормилец», «Ремесло за плечами не висит (не тяготит)», «Ремесло не коромысло, плеч не оттянет», «Ремесло пить, есть не просит, а само кормит», «Всяко ремесло честно, кроме воровства», «Знай одно ремесло да блюди, чтоб хмелем не поросло», «Вино ремеслу не товарищ».

Русский крестьянин был не только земледельцем. Истари занимался он разными ремеслами, которые давали ему неплохой приработок. «Живем не без промысла», – говорили крестьяне. Явление это без преувеличения можно

¹ АИТР. Кн. 8, с. 3.

назвать крестьянской ремесленной промышленностью, деятельность которой развивалась, как правило, после выполнения сельскохозяйственных работ, а спектр ее был необычайно широк.

В северных губерниях особенно сильно были развиты промыслы по обработке дерева. Крестьяне курили смолу, строили деревянные суда, резали деревянную посуду, прялки и многие другие нужные им вещи.

Многое зависело от места. В Олонецкой губ. повсеместно в деревнях встречались столярные, экипажные, смолодегтярные промыслы. В Каргопольском и Вытегорском уу. крестьяне были известны как хорошие гончары, но занимались также портняжеством, сапожным и кузнечным промыслами.

Пермские крестьяне в Верхотурском у. занимались изготовлением мебели, а в Красноуфимском – производством сельскохозяйственных орудий. В Шенкурском у. Архангельской губ. – кожевенно-овчинным промыслом, в Новоладожском у. Петербургской губ. – выделкой деревянной посуды, а также изготовлением рыболовных снастей и судовых принадлежностей. В Вятской губ. – столярными поделками, изготовлением игрушек, славящихся на всю Россию, ткачеством. Впрочем, ткачество было развито широко среди всех российских крестьянок.

В центральной России, ближе к Волге, в частности в Нижегородской губ., крестьяне занимались ложкарным, гвоздарным и валяльным промыслами, в Симбирской губ. – выделкой изделий из лесных материалов, в Саратовской – колесным, экипажным и сапожным делом, а также работали с гончарным кругом. В Оренбургской губ. выделывали многочисленные изделия из козьего пуха – прежде всего знаменитые оренбургские платки, шали, шарфы. Кроме того, вырабатывали кожу, валяли валенки, ткали ковры.

В Астраханской губ. крестьяне выделывали сукно, причем исключительно на самодельных ткацких станах (было оно очень дешево – 9–15 коп. за аршин). А еще большими мастерами были крестьяне этой губернии на варежки, чулки и носки.

Необычайное многообразие крестьянских ремесел можно было увидеть в Московской и примыкающих к ней губерниях. В Волоколамском у. крестьяне славились изготовлением марли и тканых одеял, сусального золота, столярным и цветочным ремеслами, в Звенигородском – изготовлением скрипок и гитар, столярным, слесарным, ткацким, а также щеточным ремеслом, в Гороховецком у. Владимирской губ. – вязанием варег и строчкой полотна, в Лихвинском у. Калужской губ. – изготовлением замков и слесарными работами, в Скопинском и Михайловском уу. Рязанской губ. – кружевоплетением, вышиванием, керамическими поделками, мастерством ладить дерево, экипажным и веревочным ремеслом, в Егорьевске и Спасском – изготовлением кульков и рогож. Впрочем, рогожный промысел, так же как и ткачество, был развит по всей крестьянской России.

Каждый ремесленник стремился стать признанным мастером в своем деле. «Не то дорого, что красного золота, а дорого то, что доброго мастерства». Среди русского народа существовал настоящий культ мастера.

«Мастерство везде в почете», – говорили люди. «Работнику полтина – мастеру рубль», «Не работа дорога – умение», «Мастер один – а подносчиков десять», «Не за шило платят, за правило», «По закладке мастера знать», «В добрую голову – сто рук», «Дело мастера боится», «Всякая работа мастера хвалит», «Мастерства за плечами не носят, а с ним добро».

О мастерах говорили всегда уважительно и с особой теплотой. «Он на все руки мастер», «Золотой человек, золотые руки», «К чему рук ни приложит, все кипит».

Об их необыкновенных возможностях создавались всяческие легенды, порой просто баснословные. Им приписывались сверхчеловеческие качества. Например, легенда о Левше, подковавшем блоху, у которого был реальный прототип. О таких говорили: «На обухе рожь молотит, зерна не уронит», «Комар носу не подточит. Иголки не подсунешь (не подобьешь)», «Он из песка веревки вьет».

Профессионализм и мастерство русских ремесленников были очень высоки. Древнерусские «кузнецы по злату и серебру» создавали золотые украшения с цветной эмалью,

изящные изделия из серебра со сканью и зернью, красивое оружие, художественную чеканку, высоко ценившиеся во всем мире. Немецкий знаток ремесел Теофил из Падеборна (XI в.), описывая в своих «Записках о различных искусствах» страны, прославившиеся в том или ином мастерстве, назвал на почетном месте и Русь¹. Мастера, как правило, были грамотны, о чем свидетельствует множество надписей на бытовых вещах, стенах церквей, а также дошедшие до нас берестяные грамоты. Кузнец-оружейник ставил свое имя на выкованном им клинке меча («Людота Коваль»); новгородский мастер великолепного серебряного кубка подписал его: «Братило делал»; Любечанин Иван, токарь по камню, изготовив миниатюрное, почти игрушечное, веретенное пряслице своей единственной дочери, написал на нем: «Иванко создал тебе (это) одина дща»².

Велико мастерство архитектурных сооружений Древней Руси, и прежде всего храмов. Для их возведения понадобилось создание целой системы подготовки квалифицированных строительных кадров, их учета, предоставление им целого ряда специальных льгот. Строительные мастера в XVII в. не платили податей с земли или добра и не несли никаких личных повинностей, обязательных для тяглова населения (хотя с 1684 эти льготы были отменены). Им было разрешено вести мелочный торг и курить вино для личного употребления, что было признаком доверия к ним со стороны правительства. Все дела строительных мастеров и их семей ведали и судили, кроме значительных уголовных преступлений, в Каменном приказе. Мастера и подмастерья, находившиеся на службе в Каменном приказе, разделялись на целый ряд специальностей – градодельцев, городских смышленников (занятых постройками военных сооружений), каменных дел здателей и пр. Некоторые мастера Каменного приказа получали постоянное жалованье, а кроме того, участвуя в какой-либо постройке – еще и поденную оплату.

¹ Рыбаков Б.А. Из истории культуры Древней Руси. М., 1984, с. 10.

² Там же, с. 12.

Больше всего мастеров было в плотничном деле. Об этом свидетельствовали деревянные храмы и дома, стоявшие в русских селах и городах еще в начале нынешнего века (сегодня сохранившиеся в основном на фотографиях). У плотников была своя проверка мастерства. «Клин тесать – мастерство казать» (сразу вытесать верный клин, без подтески, – такое же мастерство для плотников, как выточенный от руки правильной формы шар для токарей).

Мастерство и мастера ценились как среди ремесленников, так и среди крестьян. Древние, отточенные до совершенства приемы труда у некоторых крестьян приобретали эстетический характер. Такие мастера в крестьянской среде ценились особо. Григорий Потанин, известный русский путешественник, рассказывал, как на Алтае ему довелось познакомиться с одним из таких крестьян. «Особого совершенства этот крестьянин достигал на жнивье, где результат труда его облекался в отточенную форму, доставлявшую эстетическое удовольствие ему самому и зрителям... Он прекрасно вязал снопы, прочно и красиво, и никто не мог лучше его завершить стога. Пашню Петра Петровича тотчас можно было отличить от прочих по красоте конических сулонов, которая зависит от пропорциональной завязки верхнего снопа, опрокинутого вниз колосьями и служащего сулону крышей; если перевязка его сделана слишком далеко от жнива, сулон выйдет большеголовый, если слишком близко – наоборот. Петр Петрович избегал обоих недостатков. И шейки всех сулонов приходились у него на одной высоте»¹.

Если мастерство высоко почиталось в народной среде, то неумелость подвергалась насмешкам, рассматривалась как своего рода нравственный порок. «За безручье (за неуменье) по головке не гладят», «За все берется, да все не удается», – говорит о таких народ. «За прогул да за неумение нет платы», «Нечем хвалиться, как все из рук валится», «Швец Данило, что не шьет, то гнило», «Рук не наставишь», «Всему учён, только не изловчён», «Парень-то тороват, да дела не знат».

¹ Цит. по: М.М. Громыко. Трудовые традиции... С. 83.

О неумелых работниках говорили: «Ни в дышло, ни в оглоблю. Ни в корень, ни в пристяжку», «Зимой с бороной, а летом в извозе», а о работниках, делавших работу слишком медленно, – «Улита едет, когда-то будет». Крестьянин, который не мог выполнить крестьянской работы, считался последним человеком. Подростков, не умеющих плести лапти, дразнили безлапотниками. Девочек, не сумевших еще в детском возрасте научиться прясть, обзывали непряхами, не умевших ткать на кроснах – неткачами, не умевших самостоятельно поставить стан «без подсказки матери» – бесподставочными. Презрительное отношение к неумейкам сохранялось в крестьянской среде всегда, вплоть до сер. XX в.

В русских преданиях и сказках особое внимание уделялось пахарям и кузнецам. Пахари (оратаи), например, – одни из почитаемых эпических героев. В былинах образ пахаря Микулы Селяниновича представлен более привлекательно, чем образ самого князя. В древних, еще языческих легендах пахарь вытеснил с земли первобытных великанов, воплощения диких, необузданных сил природы. Орудия пахаря – соха¹, плуг – почитались священными. В XVII в. в Москве «в навечерие Богоявления... кликали плугу» – зывали к плугу. В Малороссии на Новый год обходили двory с сохой или плугом, изображая пахоту.

Несколько в ином свете представлялась личность кузнеца. Его ремесло считалось высшим умением, искусством, во многом связанным с помощью чудодейственных средств и нечистой силы. Согласно старинным поверьям, кузнец в его работе помогает черт, он замешан в колдовстве

¹ Соха – одно из древнейших в России орудий обработки земли. Соха не переворачивала почву, а дробила и рыхлила ее. Часто употреблялась для заделки семян. Соха состояла из колодки, в которую спереди врезались наглухо обжи (оглобли), а сзади рукоятка; под колодкой помещался полоз, подошва или рессоха с двумя рогами; на эти рога насаживались сошники (лемехи), а под ними помещалась палица, т. е. железная лопата, играющая роль отвала; палица переставлялась в стороны благодаря подтужникам (веревкам, привязывающим ее к сохе). Пахота с сохой требовала большой скорости и физической силы. В XIX в. постепенно заменяется плугом, который разрыхлял почву, переворачивал и перемалывал ее.

и чародействе. Связанное с колдовством слово «козни» происходит от понятия «кузнец».

В древнерусской языческой мифологии покровителем кузнецов был бог Сварог, который, в частности, в «Повести временных лет» отождествлялся с греческим богом-кузнецом Гефестом. Христианскими покровителями кузнецов были свв. Косма и Дамиан.

ГЛАВА 46. Рабочее самоуправление. – Объединение на артельных началах. – Дружины. – Черные сотни. – Черные слободы.

Крестьянство развивалось в рамках общинного самоуправления, аналогично ему происходило объединение ремесленников по профессиональным признакам на артельных началах.

Уже данные XII в. косвенно свидетельствуют о соединении русских ремесленников в корпорации, сходные с западноевропейскими цехами.

В XIV–XV вв. типичной формой организации ремесленников становится «дружина» – артель во главе со «старейшиной», или мастером. Причем дружина была одновременно и производственным коллективом, и общественной организацией, в чем было ее несомненное сходство с крестьянской общиной.

На Руси существовало большое количество различных форм объединения ремесленников, но все они тяготели к общинному самоуправлению, самоорганизации, порой даже обладали судебными правами. Часто ремесленники одной профессии селились рядом друг с другом, образуя, как, например, в Новгороде, «концы», «улицы», «сотни», «ряды», строили свои патрональные церкви, объединялись вокруг них в «братчины» или «обчины» с правами суда.

Подобные объединения (гильдии, сотни) существовали и у купцов, которые имели право суда и строили свои церкви.

Древними организациями самоуправления городских тружеников были черные сотни и черные слободы, имена которых до сих пор сохранились в названиях улиц (Мясницкая, Кузнецкий мост, Кожевники). Каждая черная сотня составляла объединение ремесленников или торговцев, управляемых подобно сельскому обществу выборными старостами или сотскими.

Как осуществлялось рабочее самоуправление ремесленными слободами в Древней Руси, видно на примере Кадашевской и Тверской-Константиновской хамовных слобод Москвы XVII в.

Слободы эти были ткацкими и изготовляли десятки видов тканой продукции. Каждый член слободы у себя дома обязан был выполнить работу определенного качества и количества. Мастерам и мастерицам выдавалось ежегодное жалованье, состоявшее из двух частей: хлебного жалованья и льняных денег. Хлебное жалованье было платой за их труд, который соответствовал размеру годового урока. Льняные деньги предназначались на покупку сырья – льна.

Собственно самоуправление в слободе осуществлялось 2 старостами, 4 целовальниками и 16 десятскими, избираемыми всем миром один раз в год (о чем составлялась бумага, которая скреплялась подписями избирателей).

Старосты были обязаны заботиться о слободских интересах – «наше слободское всего мира делати и радети», представлять интересы тяглецов перед вышестоящим органом «мастерской палаты» – «государю бити челом обо всем и ходити неоплошно»; разверстывать государевы подати и обложения на цели слободского самоуправления сообразно с жалованьем каждого тяглеца; назначать сборщиков для сбора податей, хранить собранные деньги и расходовать их на мирские нужды.

Со своей стороны слобода должна была слушаться своих выборных, исправно ходить на сходы «какого государева дела и мирского совета» (за неявку на мирской сход «за своим огурством» полагался штраф); платить без слушания разложенные старостами разметные деньги;

¹ Труд в России. Исторический сборник № 2. Пг., 1924, с. 9.

не оскорблять старост – «не бранити их некоторыми позорными словесами» и вообще «не подати их ни в чем, во всем им помогать»¹.

О деятельности рабочего самоуправления ремесленных слобод древней Москвы дошло до нашего времени немало документов. Как будто доносятся к нам голоса наших соотечественников, выбиравших старосту и целовальников Тверской-Константиновской слободы: «Быть им за нашим выбором... у полотняной казны и великим государем обо всех делах ходить, бить челом неоплошно... а они... люди добрые и с такое дело их будет и верить им в том мочно, то наш и выбор». Или еще запись о мирском сходе Казенной слободы в 1685: «...выбрали мы Кондратея Федора сына Шапошника в том, что быть ему Кондратью у всяких великих государей дел в Казенном приказе и у мирских дел той Казенной слободы в старостах... А он Кондратей человек добрый и пожиточный, и в таком деле верить ему мочно и ходить ему Кондратью за нашим выбором за их великих государевых и за мирским делом неоплошно и во всем мирском деле радети, а нам его ни в чем не выдать, а без мирского ведома никакова дела своим изволом не делать»¹.

Ремесленные самоуправляющиеся организации на Руси носили более демократичный характер, чем в Западной Европе. Цехи в России, писал в XVIII в. французский промышленник Фрибе, не подавляют талантов и не делают помех в труде². В русских ремесленных братчинах, дружинах, артелях нет следов цеховой принудительности, так распространенной на Западе, где запрещалось заниматься ремеслом тем, кто в цех не записан, с точным регулированием цен, количества и качества вырабатываемых каждым ремесленником товаров, с определенной регистрацией взаимоотношений мастеров, подмастерьев и учеников. В Древней Руси эти вопросы были внутренним делом самоуправляющейся организации, которая оставляла право другим организациям и отдельным ремесленникам решать их по-своему. Конечно, это совсем не означало,

¹ Труд в России. Исторический сборник № 2. Пг., 1924, с. 9.

² АИТР. Кн. 8, с. 136.

что некоторые мощные самоуправляющиеся организации ремесленников начинали оказывать негласный диктат в отношении внешнего мира, пользуясь своим монопольным положением.

Конечно, общинные и артельные формы народной хозяйственной и общественной жизни были свойственны не только русскому народу, вместе с тем они имели своеобразный, присущий только ему характер. Справедливо отмечал проф. Штер: «Общечеловеческое стремление к ассоциации ведет русского крестьянина преимущественно к определенной, особенной, не встречающейся более ни у какого другого культурного народа форме и роду союза».

В отличие от других народов, отмечал исследователь русской артели М. Слобожанин, русский народ неизмеримо дольше удерживает артельные формы, обращаясь к ним на всем протяжении времен от догосударственного быта и до наших дней. И это не потому, что он отстал в культурном и экономическом отношении от других народов. Артель не признает отсталости. Есть отсталые в социально-экономическом отношении народы, которые веками уже не пользуются артельными формами жизни и не возвращаются к ним. Многие европейские народы, находясь 50–100 лет тому назад приблизительно на той же ступени общественного развития, на которой находится русский народ в настоящее время, тоже не пользовались тогда артелями в своей жизни, как не пользуются и теперь, давно и прочно позабыв о них. Русский же народ удерживает их неизменно, несмотря на все происходящие перемены и в государстве, и в хозяйственном строе, и обращается к ним во все времена. Этот факт устанавливает несомненную склонность к артелям русского народа и побуждает признать за ними значение одного из устоев народной жизни¹. Соображения, высказанные Слобожаниным в отношении артели, в равной степени справедливы и для русской общины. Обе эти формы народной жизни составляли фундамент российской экономики и государственности, обеспечивая им стабиль-

¹ С л о б о ж а н и н М. Историческое развитие идей артельного движения. Боровичи, 1919, с. 13.

ность и устойчивость. Разрушение этих форм означало подрыв всего общественного устройства России.

Навыки общинных и артельных форм труда обеспечили русским людям приоритет самых передовых форм рабочего самоуправления. Исторические факты свидетельствуют, что рабочее самоуправление на предприятиях впервые в мире отмечено в России. Одно из известных, но не самых древних свидетельств относится к 1803, когда на Красносельской бумажной фабрике близ Петербурга рабочие заключили с владельцем договор, по которому фабрика в течение долгого срока находилась в управлении самих рабочих.

Всего их было 181 человек. Для руководства работ они выбирали из своей среды мастера, сами определяли продолжительность рабочего дня, порядок работы, распределение заработка.

Рабочие были обязаны выделывать из получаемого сырья бумагу установленного качества, которое контролировалось владельцем. Кроме того, рабочие производили за свой счет ремонт фабричных зданий и машин, «кроме знатных в машинах перемен», за это они получали шестую часть стоимости всей произведенной (и проданной) продукции.

Владелец не вмешивался в производственный процесс, но со своей стороны был обязан бесперебойно снабжать рабочих сырьем и дровами. Простой в работах из-за отсутствия сырья компенсировался рабочим за его счет.

Так фабрика просуществовала около 10 лет. Однако сменился владелец. И новому фабриканту – помещице Полторацкой – рабочее самоуправление не пришлось по душе. Она стала всячески притеснять рабочих. В ответ они подали жалобу царю с просьбой взять фабрику в казну, а им разрешить по-прежнему самостоятельно управлять фабрикой. Однако правительственные чиновники, ориентированные на Запад, отказали рабочим¹.

² АИТР. Кн. 10, с. 68.

НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО

ГЛАВА 47. Нравственная экономика. – Разумный достаток и самоограничение. – Автаркия. – Самоуправление общины и артели.

До XVIII в. России не существовало понятия «экономика». Самобытный хозяйственный строй, господствовавший на Руси, носил название «домостроительство». Домостроительство в понимании русского человека – наука вести хозяйство на духовно-нравственных началах для обеспечения достатка и изобилия. Хозяйство в русской науке домостроительства – это прежде всего духовно-нравственная категория, в рамках которой прибыль не самоцель, а хозяйственные отношения ориентируются на определенный нравственно-трудовой порядок, порицающий поклонение деньгам и несправедливую эксплуатацию. Многие основы этой науки выражены в «Домострое».

Главная экономическая идея «Домостроя» (XVI в.) – замкнутое саморегулируемое русское хозяйство, ориентированное на разумный достаток и самоограничение (нестяжательство), живущее по православным нравственным нормам. Духовное начало одухотворяет мир экономики. Экономика «оживает, когда все «благословенно», и благословенная денежка по милости Божией становится символом праведной жизни».

В «Домострое» приводится идея практической духовности, неразрывной с экономической стороной жизни, в чем и состоит особенность развития духовности в Древней Руси. Духовность – не рассуждения о душе, а практические дела по претворению в жизнь идеала, имевшего духовно-нравственный характер, и прежде всего идеала праведного труда.

Стремление к автономности, независимости, даже замкнутости хозяйства от внешней среды, стремление

обеспечить себя всем необходимым, чтобы не зависеть от других, было характерной чертой большей части хозяйственных единиц России. Именно оно служило импульсом автаркических тенденций русской экономики. Деревня, мир, артель, монастырь стремились все сделать своими руками, создать независимое от внешней среды самостоятельное хозяйство. В этой хозяйственной независимости русский человек чувствовал себя беззаботным, но это была беззаботность трудового человека, привыкшего надеяться только на свои руки. В этом смысле показательна заонежская сказка о беззаботном монастыре:

«Как-то раз Петр I проезжал по местности, как он любитель был ездить смотреть Россию. Пришлось ехать по одному месту, видит надпись: «Беззаботный монастырь». Его заинтересовало, что это такое – «Беззаботный монастырь»? Остановился, зашел, спрашивает игумена:

– Меня заинтересовала ваша надпись, что означает ваш «Беззаботный монастырь?»

Игумен отвечает:

– Пойдемте. Я вам разъясню, что такое Беззаботный монастырь.

В первую очередь провел по полям, по лугам, к скоту; что выращивают показал – в саду, в огороде.

– Ну, теперь посмотрим, что у нас по хозяйству есть: кузнецы, золотых дел мастера, богомазы. Вот у нас беззаботный монастырь. Мы никуда ни к кому ни за чем не обращаемся, все сами делаем, поэтому у нас и надпись такая, ни об чем не заботимся о другом».

Линия «Домостроя» и «беззаботного» монастыря проходит через всю русскую экономическую мысль. В книге А.Т. Болотова «Деревенское зеркало, или Общепризнанная книга, сочиненная не только, чтобы ее читать, но чтоб по ней и исполнять» (1798–99) говорится: «Смолоду приучай (детей) к трудам, чтобы были добрые хлебопашцы, а не лежаки... Крестьянская жизнь потовая: труды-то нас и кормят!», «Трудись до поту – после слюбится», «Ленивый хотя желает, да не получит». Упорный труд по 12–14 часов в день. «Работник должен летом вставать поутру в 4 часа и идти на работу. В 7 часов надобно завтракать; между 11 и 12 часов – обедать, в пятом часу полдничать, а ввечеру, в

8 часов, – ужинать. После можно еще что-нибудь поделывать до 9 часов, а потом ложиться спать. Таким образом можно зимою и летом поступать, особливо когда есть работа».

Строжайшая хозяйственная бережливость во всем: «Ешь то, чем можно быть сыту, пей то, чем можно утолить жажду, одевайся так, чтоб не быть нагу. Так твои расходы не будут свыше доходов». Идеальный хозяин экономен во всем и копит деньги про черный день. «Домоводство без денег стоять не может, и для того надобно хозяину деньги в запас копить».

Самообеспечение и самоограничение – важнейший хозяйственный принцип. «Что сам можешь сделать, за то денег не плати», «Не купи чего хочется, покупай, без чего обойтись нельзя». Для Болотова образцом для подражания служит трудолюбивый человек, который «во всю жизнь свою не пролакомился ни гроша, не ел ничего покупнова, сам с детьми не носил ни нитки, кроме наряденова и вытканова его женою и дочерьми». Ничего покупного – девиз самообеспечивающегося крестьянского хозяйства. И совсем не важно, если для этого придется себя ограничить в потреблении, главное – хозяйственная независимость, «беззаботность». Ведь, в самом деле: «От жареного не сытее наешься, как и щами с кашею», «Тонкое сукно не лучше греет сермяги», «Наработавшись, столько же сладко уснешь на соломе, как на перинах».

Русская модель хозяйственной деятельности принадлежит к общинному типу экономики. Она развивалась на традиционных ценностях крестьянской общины и «артели», взаимопомощи, рабочего самоуправления. Эффективный труд в ней мотивировался преимущественно духовно-нравственными, моральными, а не материальными стимулами.

Русская модель экономики существовала как определенный национальный стереотип хозяйственного поведения. Это была не жесткая доктрина, а постоянная развивающаяся устойчивая система представлений, опиравшихся на традиционные народные взгляды.

Изучение деятельности русской модели экономики, существовавшей как господствующий тип с X–XII вв. вплоть до начала XVIII в., а в усеченном виде даже до н. XX в.,

позволяет выявить ряд основополагающих принципов ее функционирования.

1. Хозяйство как преимущественно духовно-нравственная категория. Ориентация на определенный духовно-нравственный миропорядок.

2. Автаркия – тяготение хозяйственных единиц и системы в целом к замкнутости, самодостаточности, самоудовлетворенности. Основной поток эффективной хозяйственной деятельности направлен не во вне, а внутрь хозяйственной системы.

3. Способность к самоограничению (нестяжательство), направленность не на потребительскую экспансию (постоянное наращивание объемов и видов товаров и услуг как самоцель), а на обеспечение самодостаточности.

4. Трудовой характер хозяйственной деятельности. Взгляд на труд как на добродетель. Экономический процесс направлен не на максимизацию капитала и прибыли, а на обеспечение трудовой самодостаточности.

5. Собственность – функция труда, а не капитала. Капиталом является производительная часть собственности, направленная на производство; капитал, отдаваемый в рост, рассматривается как паразитический.

6. Самобытные особенности организации труда и производства – рабочее самоуправление общины и артели.

7. Самобытные особенности трудовой и хозяйственной мотивации – преобладание моральных форм понуждения к труду над материальными.

В рамках этой экономической модели была создана достаточно эффективная система народного хозяйства. Сам факт существования тысячелетнего Российского государства свидетельствует, что его хозяйственная система была высокоэффективной в рамках внутренних потребностей, обеспечивая экономическое освоение огромных территорий, строительство тысяч городов, армию и тыл в борьбе с полчищами захватчиков.

Серьезным ударом по русской модели экономики стало закрепление крепостного права. Этот процесс происходил в России сравнительно поздно, когда у крестьян уже сложились черты национального характера, выразившегося прежде всего самостоятельностью и инициативой в рамках

традиций и обычаев самоуправляющейся общины и артели. Закрепощение крестьян происходило по мере отказа правящего слоя от традиционных ценностей Древней Руси и принятия им в качестве образца социальных отношений, существовавших в западных государствах. Крепостное право, не свойственный для России институт, пришло к нам с Запада через Польшу, с которой близко соприкасалась правящая верхушка западнорусских земель. Именно по настоянию этого слоя феодалов в к. XVI в. отменяется Юрьев день, а во второй пол. XVII в. происходит закабаление около половины ранее свободных русских крестьян.

Правда, крепостное право в России носило относительно более мягкий характер, ибо даже для крепостных крестьян сохранялись общинные отношения. Закабалив крестьян, помещики не осмеливались посягать на общину, стараясь использовать ее как дополнительное средство управления крестьянами, позволяя им собираться на сходки и выбирать своих старост.

Отрицание русских форм хозяйствования широко проявилось со 2-й пол. XVII в., но неверно и несправедливо связывается с именем Петра I, ибо дело Петра носило народный характер. Однако деяния Петра стали своего рода отправным моментом, с которого интенсифицировались все народные и антинародные процессы в русском обществе. Изучение петровских преобразований позволяет понять, что Петр не копировал вслепую зарубежный опыт, а применял его к российской действительности, опираясь на уже сложившиеся общественные институты, общинное самоуправление и землепользование (которые он начал очень умело использовать при сборе подушной подати), самоуправление купцов и ремесленников, артельный дух русских тружеников. Но главное, на что делал ставку Петр Первый, – использование творческой инициативы и самостоятельности русского хозяина и работника. Петр создал благоприятные условия для реализации его лучших качеств и на основе этого осуществил свои реформы.

Русская экономическая мысль в этот период развивается в трудах И. Т. Посошкова (1652–1726), и прежде всего в его «Книге о скудости и богатстве». Из основополагающих ценностей Древней Руси он принимает почти все. Прежде

всего идею домостроительства (экономики, хозяйства), цель которого, по его мнению, – в достижении изобильного богатства, то есть определенного достатка человеческих вещественных и невещественных благ. Источником богатства является только труд, «безотносительно к его физическим и социальным особенностям».

Изобильное богатство понимается им не как средство к роскошной жизни, а как средство обеспечения некоторого достатка для прокормления своей семьи, церковного богослужения и выплаты царских налогов. Изобильное богатство может быть очень скромным, и дело совсем не в величине его, а в том, что каждый человек должен обязательно трудиться, приносить «прибыток». Трудом создается «всенародное богатство», состоящее из «домовых внутренних богатств». Некоторые «избытки» во «внутреннем домовом хозяйстве» предполагают продажу их вне хозяйства. Посошков стоял на позициях регулирования внешнеторговой деятельности в сторону таможенного ограничения вывоза за границу сырья. Он полагал, что продавать надо преимущественно готовые продукты. Ученый стоял за независимость русского хозяйства от иностранного рынка, предлагая использовать для этого таможенную политику, содействующую росту российской промышленности и созданию производств, продукты которых тогда закупались за границей. За рубежом следует покупать только то, чего нельзя сделать в России.

Посошков неоднократно высказывает идеи экономической автаркии, независимости русского хозяйства от внешних рынков. Богатство народа состоит не в том, что он получает из-за границы, а в том, что он создает внутри своего хозяйства, обеспечивая себя всем необходимым.

Во времена Посошкова крестьяне составляли не менее 95% всего населения страны. От их «изобильного богатства» зависело русское Царство. «Крестьянское богатство, – говорил Посошков, – царственное, а нищета – крестьянское оскудение царственное». Крестьянский экономист считал крестьян такими же землевладельцами, как и помещиков. «Под всеми ими земля вековая царева, а помещикам дается ради пропитания на время». Земля, которую обрабатывают крестьяне, принадлежит им по

обычному праву ее распределения и перераспределения, регулируется общиной. Для осуществления справедливого землевладения, по мнению Посошкова, нужно ввести всеобщий поземельный налог не только с крестьян, но и с других «чинов».

Властители после Петра I, может быть за исключением Елизаветы I и Екатерины II, не понимали необходимости развития народных форм хозяйствования. Общинные и артельные формы русского хозяйства, другие его основополагающие принципы в течение почти полутора веков оставались без творческого развития, вне внимания основной части русских ученых.

А жизнь требовала приведения их к новым условиям и совершенствования с учетом современных достижений науки. Забытые и интеллигенцией, и государством, народные формы труда и хозяйствования приобретали архаичный характер и постепенно деградировали, что воспринималось как признак их отмирания и приближения неизбежного конца. Однако требовалось другое – забота со стороны государства и реформирование применительно к новым условиям. Русская экономическая мысль об этом твердит постоянно. Однако ее голос заглушается сторонниками чужого пути, предлагающими реформы на западный манер.

Весь смысл реформ, проводимых в царствовании Александра II, носил западнический характер. Но, конечно, самой большой ошибкой этого царствования был порядок освобождения крестьян от крепостной зависимости, в результате которого крестьяне, освобождаясь с наделением их землей на началах общинного владения, по сути дела оставались без внимания со стороны государства.

Совершенно очевидно, что требовались широкая государственная программа помощи крестьянским хозяйствам, развитие и совершенствование национальных форм. Однако это не делалось. Отсутствовала поддержка государством создания на базе общины предприятий по обработке сельскохозяйственных продуктов и разных вспомогательных производств. Не было сделано ничего для повышения производительности труда в русле развития и совершенствования национальных форм труда.

Развитие промышленности в пореформенной России также осуществлялось в русле насаждения хозяйственных форм, существовавших на Западе. Русские формы хозяйствования и труда намеренно вытеснялись, заменяясь чуждыми для России потогонными индивидуалистическими системами. Если в 1-й половине XIX в. на средних и мелких предприятиях преобладали артельные формы организации труда, то к концу его удельный вес их значительно снизился.

Многие известные экономисты XIX в. просто игнорировали русскую экономическую мысль. Например, министры финансов Е.Ф. Канкрин и Н.Х. Бунге старательно и в практике, и в науке насаждали западноевропейские экономические представления, фактически не учитывая тысячелетний хозяйственный опыт великой страны.

В 1860–80-х в русской экономике идет острая борьба отечественных и западных начал хозяйствования. И нельзя сказать, что позиции отечественных начал были безнадежны. На каком-то этапе в 80-х годах даже наметилась тенденция к преобладанию народных форм жизни. Именно это дало основание русскому экономисту В.П. Воронцову сделать вывод об упадке капитализма в России.

Данные его основывались на анализе статистики развития мелкой и средней преимущественно кустарной народной промышленности, работавшей на отечественных хозяйственных принципах, и крупной промышленности, развившейся по западноевропейскому образцу. По приводимым Воронцовым данным, мелкая и средняя промышленность развивалась быстрее, чем крупная. Однако уже лет через десять эта тенденция изменилась на противоположную. Преобладание западных экономических форм обеспечивалось политикой правительства Александра II, создавшего предпосылки для дальнейшего прогрессирующего отторжения народных форм хозяйствования.

Одним из средств разрушения русской общины со стороны западнически настроенных правящих кругов была финансово-налоговая политика по отношению к крестьянству, когда оно было обложено грабительскими налогами и разными поборами. Нередко для выплаты налогов община прибегала к займу под круговую поруку.

Однако порой складывалось так, что община уже не могла получить кредита для выплаты займа и вынуждена была продавать средства производства. Влезая в долги, теряя средства производства, крестьянский мир терял и свою независимость, и способность сохранять свои национальные методы хозяйствования, что вело к упадку сельского хозяйства. Как справедливо отмечал В.П. Воронцов, «не ограниченность знания, энергии, вообще способностей народа и не общинное землевладение причиною низкого состояния русского земледелия, а неустранимые силами общины общественные и финансовые условия, созданные культурными слоями. Эти условия мешают народу даже применять на практике те правила обычной полевой системы, которые выработаны им долголетним опытом и наблюдением природы; поэтому-то между его теорией земледелия и практикой существует значительное противоречие». Урон самобытным основам русской экономики был нанесен так называемой Столыпинской реформой, которая заметно подорвала позиции общины, не найдя им равноценной замены. Экономически Россия вплоть до н. XX в. была единственной страной в мире, которая приближалась к автаркии, то есть имела такой хозяйственный уклад, который позволял ей самостоятельно и полнокровно существовать независимо от иностранного ввоза и вывоза. По отношению к внешнему миру Россия была автономна, обеспечивая себя всеми необходимыми товарами, и сама потребляла почти все, что производила.

Высокие заградительные пошлины на многие товары стимулировали внутреннее хозяйство. Зарубежный импорт не играл для страны жизненного значения. Долг России в мировом импорте в н. XX в. составлял немногим более 3%, что для страны с населением, равным десятой части всего человечества, было ничтожно. Для сравнения отметим, что большинство западных стран, обладая незначительной численностью населения, имело долю в мировом импорте во много раз большую, т.е. экономически зависело от импорта.

Традиционная русская экономика не ориентировалась на внешний рынок. В целом историческая Россия вывозила за рубеж не более 6–8% производимых товаров. И даже

этот незначительный вывоз вызывал беспокойство у русских экономистов. Конечно, протест русских экономистов вызывал не сам факт внешней торговли, а ее неравноправный характер, при котором экспортировали преимущественно сырье по заниженным ценам.

Неравноправный обмен продуктами труда между Россией и Западной Европой отмечали многие русские экономисты. Еще в сер. XIX в. предприниматель и экономист В.А. Кокорев¹ писал о передаче ресурсов России в пользу Запада. Созданная и поддерживаемая Западом система цен на сырьевые и топливные ресурсы сильно занижала их реальную стоимость, так как не учитывала прибыли от производства конечного продукта. Как писал М.О. Меншиков, торговля с Европой выгодна для нее и разорительна для России: «Народ наш обеднел до теперешней столь опасной степени не потому, что работает мало, а потому, что работает слишком много и сверх сил, и весь избыток его работы идет в пользу соседей. Энергия народная – вложенная в сырье – как пар из дырявого котла – теряется напрасно, и для собственной работы ее уже не хватает»².

¹ Кокорев В.А. (1817–1889), русский предприниматель и экономист, сторонник сохранения и развития самобытных начал русской экономики. Вышел из старообрядцев поморского толка г. Солигалича Костромской губ. Добился больших успехов в торговле, разбогател на винных откупах. В 1870 основал Волжско-Камский банк и Северное страховое агентство. Одним из первых русских предпринимателей вложил большие капиталы в развитие нефтяного дела. Вместе с П.И. Губониным построил уральскую горнозаводскую дорогу. В своих работах показал губительность для России механического заимствования западноевропейских финансовых и хозяйственных форм. На закате жизни, в 1887, он пишет книгу “Экономические провалы”, в которой дает оценку экономическим событиям за полвека. Анализируя экономические неудачи России, Кокорев убедительно доказывает, что они являются, как правило, результатом слепого копирования зарубежного опыта. Особо следует отметить правильность оценки Кокоревым кабальной природы внешних займов. Он справедливо замечает, что эти займы стали средством угнетения России и способом перекачки ее ресурсов в пользу иностранных капиталистов. Вместо внешних займов, ложащихся тяжелым бременем на российскую экономику, Кокорев предлагал идею “печатания беспроцентных денежных бумажных знаков на... производительные и общепользные государственные потребности”.

² М е н ш и к о в М.О. Из писем к ближним. М., 1991, с. 50.

Западники утверждали, что экономические отношения с Европой являются главным источником русского богатства. Однако факты говорили совсем о другом. За период с 1886 по 1913 из России было вывезено по крайне низким ценам товаров, преимущественно сырья, на 25,3 млрд. руб., а ввезено по очень высоким ценам товаров, многие из которых могли бы быть произведены в самой России, на 18,7 млрд. руб. В результате страна потеряла не менее 5–10 млрд. руб. народного труда.

«Сближение с Европой, – отмечал М.О. Меньшиков, – разорило Россию, разучило ее обеспечивать свои нужды, лишило экономической независимости. Правда, полвека назад сахар в деревне ценился чуть ли не на вес серебра, но зато мед был ни по чем. Теперь апельсины почти дешевле яблок, но странно то, что яблоки уже дороже апельсинов. Самые простые, когда-то почти ничего не стоящие продукты деревни – грибы, ягоды, молоко, масло, дичь, раки, орехи – сделались народу едва доступными».

Русская экономическая мысль выдвигает идеи независимости России от превратностей игры западного спекулятивного капитала с его хищническими тенденциями на эксплуатацию других народов. Здесь возражения русских экономистов касались проблем кабальных займов, иностранного капитала и золотой валюты.

Тогда же иностранные капиталы в русской промышленности увеличились со 177 до 1960 млн. руб., то есть более чем в 10 раз. Чистый доход на весь капитал, вложенный иностранцами в экономику России (составлявший 14% всего промышленного капитала), за вычетом промыслового налога составлял в 1913 2326,1 млн. руб., превысив сумму прямых иностранных инвестиций за 27 лет на 543,1 млн. руб. Средняя норма прибыли иностранного капитала составляла 13%, что было почти в три раза больше нормы прибыли, получаемой отечественным капиталом¹.

Займы западных государств, конечно, помогали развивать отечественную промышленность, но вместе с тем служили средством ее экономического закабаления. За

¹ Э в е н т о в Л.Я. Иностранные капиталы в русской промышленности. М.–Л., 1931, с. 38–41.

займы взимались большие проценты, и, чтобы заплатить старые долги, приходилось снова влезать в долг. Начиная с 1880-х, платежи по старым государственным и гарантированным правительством займам стали превышать поступления по новым. По расчетам американского историка П. Грегори, с 1881 по 1913 сумма платежей по займам превысила 5 млрд. руб.

В к. XIX в. большой уступкой Западу было введение золотой валюты. Введена она была за счет карманов русских людей, так как на одну треть осуществилась девальвация рубля. Конечно, эта операция позволила уменьшить на треть внутренний государственный долг, но вместе с тем и потребовала новых иностранных займов золотом для поддержания курса рубля. Но главное состояло в другом. В результате введения золотого обращения русская экономика была интегрирована в мировой экономический порядок, политику которого определяли западные страны.

Этот мировой порядок подразумевал неравноправный обмен между странами, продающими сырье, и странами, продающими промышленную продукцию. Цены на сырьевые ресурсы искусственно сдерживались, а на промышленную продукцию специально подстегивались. В результате страны-поставщики сырья были обречены на постоянную выплату своего рода дани. По мере введения золотой валюты цены на сырьевые товары падали. В результате происходил отток отечественных ресурсов за границу, и прежде всего «бегство» самого золота, ранее полученного в виде займов, но уже с многократной сторичей. «Россия, – справедливо писал М.И. Туган-Барановский, – поплатилась многими сотнями миллионов золотых рублей из золотого запаса, вполне непроизводительно растраченных нашим Министерством финансов при проведении реформы 1897 года»¹. Через год после введения золотой валюты государственный долг России по внешним займам превышал количество золота, находившегося в обращении, а также в активах Государственного банка в России и за границей².

¹ Туган-Барановский М.И. Бумажные деньги и металл. Пгд., 1917, с. 83.

² Хромов П.А. Экономическое развитие России. М., 1967, с. 392.

Одним из сторонников финансовой независимости России от стран Запада был П. Оль. Он справедливо отмечал, что финансово-экономическая структура связи между Россией и Западной Европой вела к обеспечению последней больших преимуществ в обмене. Введение золотой валюты привело к значительному оттоку золота за границу, ослабив систему денежного обращения в России.

ГЛАВА 48. Собственность. – Земля. – Капитал. – Богатство. – Осуждение ростовщичества.

Народное сознание на Святой Руси всегда считало, что единственно справедливым источником приобретения собственности и имущественных прав может быть только труд. Имущество, достаток и даже богатство, полученные в результате труда человека, его семьи и близких, считались праведными. «Работай – сыт будешь; молись – спасешься; терпи – взмилуются». Русский человек знал твердо: «Труд – отец богатства, земля – его мать». Но труд важнее богатства, ибо последнее (даже если оно добыто праведным путем) не вполне устойчиво: налетел разбойник или иноземный враг – и отобрал, вспыхнул пожар – и от богатства горстка пепла осталась. А труд, навык к нему придает жизни устойчивость, создает твердую основу. Все результаты жизни зависят от труда. «Что посеешь, то и пожнешь. Что пожнешь, то и смолотишь. Что смолотишь, то и смелешь. Что смелешь, то и съешь». «Кто посеял, тот и пожал». Добросовестный труд – нравственная гарантия благополучия человеческой жизни и получение «праведной собственности».

Среди русских людей гораздо в большей степени, чем на Западе, сохранялась непосредственная связь между трудящимся и продуктом его труда, сохранялись и юридические отношения особого трудового типа. С почти религиозным чувством крестьянин относился к праву собственности на те продукты, которые были результатом труда человека. Украсть что-либо с поля, будь то хлеб или сено, считалось величайшим грехом и позором. Причем крестьянин четко

разделял предметы, являвшиеся результатом человеческого труда, и дары природы. Если кто срубит бортяное дерево (где отдельные лица держали пчел), тот вор, ибо он украл человеческий труд; кто рубит лес, никем не посеянный, тот пользуется даром Божиим, таким же даром, как вода и воздух¹. Отношение русских людей к владению землей определялось особенностями народного мировоззрения, согласно которому единственно справедливым источником приобретения имущественных прав может быть только труд. Поэтому земля, которая не является продуктом труда, должна находиться не в индивидуальной собственности, а лишь во временном пользовании, право на которое может дать только труд. Большинство русских крестьян не знали частной собственности на землю. Отсюда древний трудовой идеал крестьянина, враждебно относящегося к частной собственности на землю. Земля в крестьянских общинах распределяется по тем, кто ее обрабатывает, кто может приложить к ней свою руку. Отсюда и всеобщая вера русского крестьянина в черный передел, когда вся земля будет вновь переделена между теми, кто ее фактически обрабатывает.

Россия была очень богата землей, и лесами, и другими природными ресурсами. Еще в XIV–XV вв. стояли огромные массивы незаселенных земель, оставалось много неосвоенных ресурсов. В этих условиях владение ресурсами зависело от возможности человека освоить их своим трудом или трудом своих близких и челяди.

Земля – Божья, считал крестьянин, и принадлежать она должна тому, кто ее обрабатывает. Это основа трудового мировоззрения крестьянина, вокруг которого формировались все его другие воззрения.

Как отмечал исследователь русской общины Ф.А. Щербина, до к. XVI в. обычай свободной заимки земель был главным господствующим обычаем в экономической жизни и отношениях русского народа. Трудовое право русского человека состояло в том, что он пользовался занятым им пространством по известной формуле: «Куда топор, коса и соха ходили». Затрата труда на месте заимки служила в

² Основа. 1862. № 6, с. 68–69.

большинстве случаев определяющим фактором владения этой землей¹.

Еще в XIX в. русский ученый П.С. Ефименко отмечал, что в Западной Европе имущественные отношения строились на завоеваниях, насильственном захвате одной частью общества прав другой. В России же было иначе – для большей части общества имущественные отношения носили трудовой характер. «Земля не продукт труда человека, следовательно, на нее и не может быть того безусловного и естественного права собственности, какое имеет трудящийся на продукт своего труда. Вот то коренное понятие, к которому могут быть сведены воззрения народа на земельную собственность». Аналогичные мысли высказывал кн. А.И. Васильчиков. В России, считал он, «с древних времен очень твердо было понимание в смысле держания, занятия, пользования землей, но выражение «собственность» едва ли существовало: в летописях и грамотах, как и в современном языке крестьянства, не встречаются выражения, соответствующие этому слову»².

Сложившийся общинный принцип ставится в России выше принципа частной собственности. Ф.А. Щербина рассказывает, как в Кадниковском у. умер крестьянин-собственник, оставив своей жене-старухе несколько десятин земли, приобретенных покупкой. Община, к которой принадлежала старуха, отобрала эту землю в общественное пользование, полагая, что старуха может содержаться за счет мира. «На что ей своя земля, – рассуждали крестьяне, – ее «мир» прокормит и без земли». Старуха пожаловалась в волость, где ей сказали, что мир поступил справедливо, ибо частная собственность превратилась в общинную из-за невозможности трудиться на ней старухе-хозяйке³.

Понятие «капитал» в России не употреблялось вплоть до XVIII в. В Древней Руси в этом смысле использовалось слово «истиник» (производное от устаревшего значения слова истина – наличность, наличные деньги).

¹ Русская мысль. 1880, № 6, с. 94.

² Слово. 1878, № 1, с. 154.

³ Земельная община. Ф. Щербина // Русская мысль, 1880, № 5, с. 15.

Русская экономическая мысль рассматривает капитал как излишек сверх определенного уровня потребления человека или общества, включающий в себя стоимость неоплаченного труда других людей. Он может быть достигнут частично в результате труда и бережливости, но все равно его основу составляет неоплаченный труд. Капитал может быть производительным, когда ориентируется на производство, или паразитическим, ростовщическим, когда ориентируется только на увеличение потребления его владельца сверх разумного достатка. Собираение капитала ради нового производства одобряется народной этикой и всячески порицается, когда это соби́рание осуществляется ради своекорыстного стяжания неоплаченного труда других людей. Касаясь традиционных факторов производства – труд, земля и капитал, – важно отметить разность позиций русской и западной экономической мысли.

Коренной русский человек рассматривал стоимость того или иного продукта с трудовой точки зрения, как количество труда, вложенного в его производство. Капитал допускался как дополнительный, не первостепенный фактор. Земля же для русского человека была не капиталом, а только средством приложения труда.

Традиционный русский взгляд на капитал наиболее последовательно выражен в экономических работах Д.И. Менделеева. В России сложилось иное, чем на Западе, отношение к деньгам и богатству. Для западного человека свобода олицетворяется в деньгах (в частности, известный афоризм Б. Франклина), для русского свобода – это независимость от денег. Западный мир чаще всего сводит понятие свободы к степени возможности покупать, стяжать все новые и новые товары и услуги, русский видит в этой «свободе» форму кабалы, опутывающей его душу и объединяющей жизнь.

«Беда деньгу родит», – настойчиво повторяет трудовой русский человек. «Деньги что камня – тяжело на душу ложатся», «Деньги прах», «Деньгами души не выкупишь» или еще вариант этой пословицы – «Деньги – прах, ну их в тартарах». Отсюда понятно, что дало право Ф.М. Достоевскому писать, что русский народ оказался, может быть, единственным великим европейским народом,

который устоял перед натиском золотого тельца, властью денежного мешка.

Деньги для трудового человека не являются фетишем. «Лучше дать, нежели взять», «Дай Бог подать, не дай Бог просить».

К богатству и богачам, к накопительству русский человек относился недоброжелательно и с большим подозрением. Как трудовой человек он понимал, что «от трудов праведных не наживешь палат каменных», «От трудов своих сыт будешь, а богат не будешь». Хотя было бы неправильным считать, что им руководило чувство зависти. Нет. Просто стяжание богатства выше своей потребности, накопительство всяких благ выше меры не вписывалось в его шкалу жизненных ценностей. «Не хвались серебром, хвались добром».

Многие в народе считали, что любое богатство связано с грехом (и, конечно, не без основания). «Богатство перед Богом – большой грех». «Богатому черти деньги куют». «Не отвернешь головы клячом (то есть ограбишь ближнего), не будешь богачом». «Пусти душу в ад – будешь богат». «Грехов много, да и денег вволю». «В аду не быть – богатства не нажить». «Деньги копил, да нелегкого купил». «Копил, копил, да черта купил!»

Отсюда выводы: «Лучше жить бедняком, чем разбогатеть со грехом», «Неправедная корысть впрок нейдет», «Неправедная нажива – огонь», «Неправедно нажитое боком выпрет, неправедное стяжание – прах», «Не от скудости скупость вышла, от богатства».

К богачам трудовой человек относится с большим недоверием. «Богатство спеси сродни» – говорит он. «Богатый никого не помнит, только себя помнит». «Мужик богатый гребет деньги лопатой». «У него денег – куры не клюют». «Рак клешнею, а богатый мошною». «Мужик богатый, что бык рогатый». «Богатый совести не купит, а свою погубляет».

Вместе с тем, крестьяне даже чем-то сочувствуют богатому, видя в его положении нравственное неудобство и даже ущербность. «Богатый и не тужит, да сучает». «Богатому не спится, богатый вора боится». А уж для нравственного воспитания ребенка богатство в народном

сознании приносит прямой вред. «Богатство родителей – порча детям». «Отец богатый, да сын неудатый».

Порой неприязнь к богачам доходит и до проклятий: «Бога хвалим, Христа величаем, богатого богатыню проклинаяем!» – гласит одна из народных пословиц.

Своего рода моральным кодексом коренных русских купцов стало поучение «О богатении», составленное владельцем Прохоровской Трехгорной мануфактуры Т.В. Прохоровым (1797–1854): «Человеку нужно стремиться к тому, чтобы иметь лишь необходимое в жизни; раз это достигнуто, то оно может быть и увеличено не с целью наживы – богатства для богатства, – а ради упрочения нажитого и ради ближнего. Благотворительность совершенно необходима человеку, но она должна быть непременно целесообразна, серьезна. Нужно знать, кому дать, сколько нужно дать. Ввиду этого нужно посещать жилища бедных, помогать каждому, в чем он нуждается: работой, советом, деньгами, лекарствами, больницей и пр. Наградою делающему добро человеку должно служить нравственное удовлетворение от сознания, что он живет «в Боге». Богатство часто приобретает ради тщеславия, пышности, сластолюбия и пр., это нехорошее, вредное богатство, оно ведет к гибели души. Богатство то хорошо, когда человек, приобретая его, сам совершенствуется нравственно, духовно; когда он делится с другими и приходит им на помощь. Богатство необходимо должно встречаться в жизни, оно не должно пугать человека, лишь бы он не забыл Бога и заповедей его. При этих условиях богатство неопределимо, полезно. Примером того, что богатство не вредит, служат народы, у которых при изобилии средств редки пороки. Не будь богатства, не было бы ни открытий, ни усовершенствований в различных отраслях знаний, особенно промышленных. Без средств, без труда, энергии не может пойти никакое промышленное предприятие: богатство – его рычаг. Нужды нет, что иногда отец передает большие средства сыну, сын еще более увеличивает их, как бывает в коммерческом быту. Это богатство хорошо, оно плодотворно, лишь только не надо забывать заветов религии, жить хорошей нравственной жизнью. Если богатство приобретено трудом, то при потере его оно сохранит от гибели человека: он

станет вновь трудиться и еще может приобрести больше, чем у него было, он живет «в Боге». Если же богатство случайно досталось человеку, то такой человек часто не думает ни о чем, кроме своей похоти, и такой человек при потере богатства погибает. Вообще частное богатение, даже коммерсантов или банкиров, полезно, если человек живет по-Божьему»¹.

Богатство должно служить и помогать людям. Если же богатство направлено на их эксплуатацию, то оно преступно. Особенно это касается ростовщичества и ростовщических банковских операций. На Руси ростовщичество считалось серьезным преступлением против заветов Господа Бога. В древности среди русских ростовщиков почти не было, занимались ростовщичеством в основном пришлые люди, что зачастую кончалось для них плачевно. Нетрудовой, паразитический характер такого ростовщического дохода вызывал широкий протест. Так, весной 1113 в Киеве разразилось народное восстание, во время которого были разгромлены дома евреев-ростовщиков, взимавших огромные проценты, а также занимавшихся скупкой и перепродажей по спекулятивным ценам продуктов широкого потребления. После этого восстания Владимир Мономах ввел Устав, который резко ограничивал сумму процента, выплачиваемого по кредиту (не более 20% в год), и тем самым подрывал позиции паразитического предпринимательства, наживавшегося на народной нужде². По сути дела, ростовщичество как паразитическое предпринимательство было запрещено и всячески осуждалось.

Среди русских бытовало презрительное отношение к ростовщикам, которых в народе прозвали «хриstopродавцами, жидами, гиенами немилосердными» (В.И. Даль). Такое отношение к ростовщичеству русский народ и государство пронесли через всю свою историю. Даже в Уголовном Уложении Российской империи (1903) ростовщичество считается преступлением. В нем приводятся следующие признаки ростовщических сделок: 1) если заемщик вынуж-

¹ Материалы к истории Прохоровской Трехгорной мануфактуры. М., 1915, с. 108–109.

² История СССР с древнейших времен до наших дней в 12 т. Т. 1, М., 1966, с. 553.

ден своими известными заимодавцу стеснительными обстоятельствами принять крайне тягостные условия ссуды; 2) сокрытие чрезмерности роста включением его в капитальную сумму под видом неустойки, платы за хранение; 3) ссуда в виде промысла на чрезмерно обременительных условиях «сельским обывателям» за вознаграждение частью хлебом, а также скупка хлеба у крестьян по несоразмерно низкой цене при заведомо тяжелых обстоятельствах продавца (этим обычно занимались еврейские факторы). Согласно закону, чрезмерным признавался рост выше 12% годовых. Ростовщики, чья вина была доказана, наказывались тюрьмой или исправительным домом.

ГЛАВА 49. Купечество. – Путь из варяг в греки. – Иваново сто. – Торговые пути. – Ярмарки. – Купеческие гильдии.

Купечество существует в России с древнейших времен. В записках византийского имп. Константина Багрянородного рассказывается о деятельности русских купцов еще в 1-й пол. X в. По его словам, с ноября месяца, как только подмерзала дорога и устанавливался санный путь, русские купцы покидали города и направлялись в глубь страны. Всю зиму они скупали по погостам товары, а также собирали с жителей дань в оплату за ту охрану, которую им давал город. Весной уже по Днепру с полой водой купцы возвращались в Киев и на подготовленных к тому времени судах отправлялись в Царьград. Труден и опасен был этот путь. И только большая охрана спасала караван смоленских, любечских, черниговских, новгородских, вышгородских купцов от многочисленных грабителей. Проплыв Днепр, выходили в море, держась берега, так как в любой момент утлые суденышки могли погибнуть от крутой волны.

В Царьграде русские купцы торговали шесть месяцев. Согласно договору, оставаться на зиму не могли. Размещали их не в самом городе, а у «святого Мамы» (монастырь св. Маманта). Во время пребывания в Царьграде русские

купцы пользовались различными льготами, предоставленными им греческим императором. В частности, продавали свои товары и покупали греческие, не платя пошлины; кроме того, им выделяли бесплатно продукты питания и разрешали пользоваться баней. По окончании торга греческие власти обеспечивали нашим купцам съестные товары и корабельные снасти. Возвращались домой не ранее октября, а там уже снова наступал ноябрь, и нужно было ехать в глубь страны, на погосты, распродавая то, что было привезено из Византии, и скупать товары для зарубежной торговли на следующий год. Такая предпринимательская деятельность велась Русью не одно столетие. Круговорот торговой жизни сыграл огромную роль в освоении и объединении русских земель. Все большее и большее число людей вовлекалось в эту экономическую деятельность, становясь кривно заинтересованным в ее результатах.

Впрочем, русские купцы вели торговлю не только с Царьградом, откуда вывозили шелковые ткани, золото, кружева, вина, мыло, губки, различные лакомства. Большая торговля велась с варягами, у которых покупали бронзовые и железные изделия (особенно мечи и топоры), олово и свинец, а также с арабами – откуда в страну поступали бисер, драгоценные камни, ковры, сафьян, сабли, пряности.

О том, что торговля велась очень большая, свидетельствует характер кладов того времени, которые до сих пор в изобилии находят близ старинных городов, на берегах больших рек, на волоках, возле бывших погостов. В этихкладах не редкость арабские, византийские, римские и западноевропейские монеты, в том числе даже отчеканенные в VIII в.

Вокруг русских городов возникало множество торговых и промысловых поселений. Сюда сходились для торговли, или, как тогда называли, «гостьбы», купцы, бобровники, бортники, звероловы, смолокуры, лыкодеры и другие тогдашние «промышленники». Места эти получали название погостов (от слова «гостьба»). Позже, уже после принятия христианства, в этих местах, как наиболее посещаемых, строились церкви и размещались кладбища. Здесь совершались сделки, заключались договоры, отсюда

пошла традиция ярмарочной торговли. В подвалах церкви хранился необходимый для торговли инвентарь (весы, меры), складывались товары, а также хранились торговые договоры. За это духовенство взимало с торговцев особую пошлину.

Первый русский свод законов «Русская Правда» был пронизан духом купечества. Когда читаешь его статьи, то убеждаешься, что он мог возникнуть в обществе, где важнейшим занятием была торговля, а интересы жителей тесно связаны с результатом торговых операций.

«Правда», – пишет историк В.О. Ключевский, – строго отличает отдачу имущества на хранение – «поклажу» от «займа», простой заем, одолжение по дружбе от отдачи денег в рост из определенного условленного процента, процентный заем краткосрочный – от долгосрочного и, наконец, заем – от торговой комиссии и вклада в торговое компанейское предприятие из неопределенного барыша или дивиденда. «Правда» дает далее определенный порядок взыскания долгов с несостоятельного должника при ликвидации его дел, умеет различать несостоятельность злостную от несчастной. Что такое торговый кредит и операции в кредит – хорошо известно «Русской Правде». Гости, иногородние или иноземные купцы, «запускали товар» за купцов туземных, т.е. продавали им в долг. Купец давал гостю, купцу-земляку, торговавшему с другими городами или землями, «куны в куплю», на комиссию для закупки ему товара на стороне; капиталист вверял купцу «куны в гостьбу», для оборота из барыша»¹.

Городские предприниматели, справедливо отмечает Ключевский, являлись то сотрудниками, то соперниками княжеской власти, что отражало их большую роль в обществе². Русское законодательство дорожило жизнью купца, за его голову полагался штраф вдвое больший, чем за голову простого человека (12 гривен и 5–6 гривен).

Успешный рост купеческой деятельности в Древней Руси подтверждался развитием кредитных отношений. Новгородский купец Климята (Климент), живший в к.

¹ Ключевский В.О. Указ. соч. Ч. 1, с. 299.

² Там же, с. 298.

XII – н. XIII в., сочетал свою широкую торговую деятельность с предоставлением кредитов (отдачей денег в рост). Климята был членом «купеческого ста» (союз новгородских предпринимателей), занимался он преимущественно бортным промыслом и скотоводством. К концу жизни ему принадлежали четыре села с огородами. Перед смертью он составил духовную, в которой перечислял свыше десятка различного рода людей, связанных с ним предпринимательской деятельностью. Из перечня должников Климяты видно, что он выдавал также и «поральское серебро», за что взимались проценты в виде наклада. Деятельность Климяты была такова, что он не только предоставлял кредиты, но и брал их. Так, он завещал в уплату долга своим кредиторам Даниле и Воину два села. Все свое состояние Климята завещал Новгородскому Юрьеву монастырю – типичный для того времени случай.

Одним из самых характерных купеческих городов был Новгород Великий. Торговлей здесь жила большая часть населения, а купец считался главной фигурой, о которой складывались сказки и легенды. Типичный пример – новгородская былина о купце Садко. Прообразом его, по мнению исследователей, был реальный человек Сотко Сытинец, упоминаемый в летописи в 1167 в качестве строителя церкви Бориса и Глеба в Новгороде. Купец Садко показан как герой-богатырь, причем подвигом представлена его торговая деятельность.

Никому не известный гуслияр Садко своей энергией и удачей выбивается в богатые купцы. Однажды на пиру Садко похвастал, что скупит все товары в Новгороде. Два дня в торговых рядах он скупает товары, но вот на третий день приезжают московские купцы, и Садко вынужден сознаться, что ему не скупить товары со всего белого света. После этого Садко снарядил 30 кораблей и вместе с другими купцами поехал торговать; по дороге корабль вдруг остановился как вкопанный, несмотря на попутный ветер. Понял Садко, что морской царь требует дани, бросил в море бочки золота, серебра, жемчуга. Однако водяной требует живой жертвы. Купцы бросают жребий, и он выпадает Садко. Берет Садко гусли, спускается в море на дубовой доске и попадает в палаты морского царя, который требует,

чтобы он поиграл ему на гуслях. Под звуки гуслей царь морской пустился плясать, море взволновалось, корабли стали тонуть, люди гибнуть. Тогда Николай Угодник под видом старца седого явился к Садко и велел ему прекратить игру, оборвав струны гуслей. Затем царь морской требует, чтобы Садко женился на морской девице. Садко вынужден согласиться. После свадебного пира Садко засыпает и просыпается в родных местах, и в это время по Волхову подъезжают его корабли с казной. В благодарность за спасение Садко строит церковь Николе Можайскому и Пресвятой Богородице.

Новгородские купцы вели свою торговлю и промысловую деятельность артелями, или компаниями, представлявшими из себя хорошо вооруженные отряды. Купеческих артелей в Новгороде насчитывалось десятки, в зависимости от товаров, которыми они промышляли, или местности, куда ходили торговать. Были, например, поморские купцы, торговавшие на Балтийском или Белом морях, низовские купцы, имевшие дела в Суздальской области, и т.п.

Самые основательные новгородские купцы объединялись в торгово-промышленную «ассоциацию», именуемую тогда «Иваново сто», имевшую свой центр около храма св. Иоанна Предтечи в Опоках. Здесь располагался общественный гостиный двор, где купцы складывали свои товары, а также находилась «гридница» (большая палата), своего рода зал для проведения деловых совещаний. На общем собрании «Иваново сто» купцы выбирали старосту, который руководил делами этой «ассоциации», наблюдал за общественной кассой и оформлением деловых документов.

Около церкви проходил торг, стояли специальные весы, при которых находились выборные присяжные чины, наблюдавшие за правильностью веса и торговли. За взвешивание, как и при продаже товара, взималась особая пошлина. Кроме больших весов, возле церкви стояли и малые, служившие для взвешивания драгоценных металлов, слитки которых заменяли монеты.

Возникавшие между купцами и покупателями противоречия решались в специальном торговом суде, председателем которого был тысяцкий.

Купцы, входившие в «Иваново сто», обладали большими привилегиями. В случае финансовых затруднений им предоставляли кредит или даже безвозмездную помощь. При опасных торговых операциях от «Иваново сто» можно было получить вооруженный отряд для охраны.

Однако вступить в «Иваново сто» мог только очень состоятельный купец. Для этого в кассу «ассоциации» нужно было внести большой взнос – в 50 гривен – и, кроме того, безвозмездно пожертвовать в пользу церкви св. Иоанна в Опоках еще почти 30 гривен (за эти деньги можно было купить стадо в 80 волов). Зато, вступив в «Иваново сто», купец и его дети (участие было наследственным) сразу занимали почетное положение в городе и получали все связанные с этим привилегии.

Большую взаимовыгодную торговлю новгородские купцы вели с Ганзейским союзом. Новгородские купцы скупали по всей России и продавали ганзейцам льняные ткани, выделанные кожи, смолу и воск высокого качества, хмель, строевой лес, мед, меха, хлеб. От ганзейцев новгородские купцы получали вино, металлы, соль, сафьян, перчатки, крашеную пряжу и разные предметы роскоши.

Сильно развитая система купеческого предпринимательства вкупе с народным самоуправлением были главными условиями экономического процветания Древнего Новгорода, которое неоднократно отмечалось иностранными купцами и путешественниками.

Кроме «Иваново сто» в русских городах существовали и другие профессиональные объединения купцов. В XIV–XVI вв. торговые предприниматели, имевшие лавки на городском торгу («ряды»), объединялись в самоуправляемые организации, члены которых назывались «рядовичами».

Рядовичи сообща владели отведенной под лавки территорией, имели своих выборных старост, обладали особыми правами на сбыт своих товаров. Чаще всего их центром была патрональная церковь (в подвалах ее хранились товары), нередко им также предоставлялись даже судебные функции. Имущественное положение купцов было неравное. Самыми богатыми были «гости-сурожане» – купцы, торговавшие с Суροжем и другими городами

Причерноморья. Состоятельными были и купцы суконного ряда – «суконники», торговавшие привозным с Запада сукном. В Москве патрональным храмом «гостей-сурожан» была церковь Иоанна Златоуста. Принадлежность к корпорации московских гостей обставлялась примерно теми же правилами, что и в новгородской «Иваново сто». Положение в этой корпорации было тоже наследственным. Гости возглавляли купеческие караваны, отправлявшиеся в Крым.

Уже в XV в. русские купцы ведут торговлю с Персией и Индией. Тверской купец Афанасий Никитин в 1469 посещает Индию и, по сути дела, открывает ее для России.

В эпоху Ивана Грозного символом русского купечества становится энергичная деятельность купцов Строгановых, стараниями которых начинается активное освоение русскими Урала и Сибири. Строгановы – выходцы из разбогатевших поморских крестьян. Федор Лукич Строганов обосновался в Соли Вычегодской. Его сын Аника Федорович (1497–1570) продолжил и развил солеваренное дело, доставшееся ему от отца. Аника не только довел до совершенства сольвычегодские варницы, но и построил множество варниц на Кольской губе. Аника Федорович ведет большую торговлю с иностранными купцами, скупает у них заморские товары и с выгодой перепродает их. Особую статью приобрела торговля Строгановых с народами Урала и Приуралья. Посредством этой торговли, по сути дела, начинается активное освоение русскими людьми Урала и Сибири.

Люди Строганова доходят вплоть до Оби и начинают бойкую торговлю с остяками и другими народами этого края, «весьма дружелюбно поступая и лаская их, выменивая у них на свои дешевые товары дорогие меха соболей, лисиц, белок». В 1557 Аника Федорович едет в Москву и объявляет при царском дворе о выгодах этой торговли и необходимости экономического и государственного освоения Урала и Сибири.

За свои труды Аника Федорович получает от царя огромную территорию малообитаемой, но «всем изобильной и к поселению весьма способной» земли по Каме в Перми Великой. Земли эти освоили уже его сыновья Яков и Гри-

горий – они строили там крепости, города, предприятия, множество храмов.

Еще один сын Аники, Семен, был главным инициатором отправления отрядов Ермака на завоевание Сибири, за что был награжден от Ивана Грозного Большой и Малой Солью на Волге. В Смутное время Строгановы проявили себя настоящими патриотами. Они всячески способствовали и деньгами, и людьми освобождению Руси от интервентов, а также избранию царя Михаила. Строгановы построили в России множество заводов, которые обеспечивали работой десятки тысяч людей¹.

В годы Северной войны 1700–21 Строгановы оказали большую денежную помощь Петру I. В XVIII в. Строгановы основали несколько железоделательных и медеплавильных заводов на Урале. В 1722 Александр, Николай и Сергей Григорьевичи Строгановы получили титул баронов, а позднее графов, стали занимать крупные государственные посты.

Кильбургер, побывавший в Москве в царствование Алексея Михайловича в составе шведского посольства, отмечал, что все москвичи «от самого знатного до самого простого любят купечество, чему есть причиной то, что в Москве помещается больше торговых лавок, чем в Амстердаме или хотя бы ином целом княжестве».

Некоторые города по внешнему виду напоминали пестрые торговые ярмарки. Широкое развитие торговли отмечалось и в более ранние времена. Иностранцы, побывавшие в Москве XV в., обращают особое внимание на изобилие съестных товарных продуктов, что свидетельствовало о широком развитии товарных отношений среди крестьян, а отнюдь не о господстве натурального хозяйства.

По описанию венецианца Иосафата Барбаро, «зимую привозят в Москву такое множество быков, свиней и других животных, совсем уже ободранных и замороженных, что за один раз можно купить до двухсот штук... Изобилие в хлебе и мясе так здесь велико, что говядину продают не на вес, а по глазомеру». Другой венецианец, Амвросий

¹ В е д е н с к и й А.А. Торговый дом XVI–XVII веков. М., 1924, с. 10.

Контарини, также свидетельствует о том, что Москва «изобилует всякого рода хлебом» и «жизненные припасы в ней дешевы». Контарини рассказывает, что каждый год в конце октября, когда река Москва покрывается крепким льдом, купцы ставят на этот лед «лавки свои с разными товарами и, устроив таким образом целый рынок, прекращают почти совсем торговлю свою в городе». На рынок, расположенный на Москве-реке, купцы и крестьяне «ежедневно, в продолжение всей зимы привозят хлеб, мясо, свиней, дрова, сено и прочие нужные припасы». В конце ноября обычно «все окрестные жители убивают своих коров и свиней и вывозят их в город на продажу... Любо смотреть на это огромное количество мерзлой скотины, совершенно уже ободранной и стоящей на льду на задних ногах».

Ремесленными изделиями торговали в лавках, на рынках и в мастерских. Уже в глубокой древности ряд дешевых массовых товаров, изготавливаемых городскими ремесленниками (бусы, стеклянные браслеты, крестики, пряслица), распространялись купцами-коробейниками по всей стране.

Русские купцы вели большую торговлю с другими странами. Известны их поездки в Литву, Персию, Хиву, Бухару, Крым, Кафу, Азов и др. Предметом торговли были не только сырье и продукция добывающих промыслов, вывозившаяся из Руси (пушнина, лес, воск), но также изделия русских ремесленников (юфти, однорядки, шубы, холсты, седла, стрелы, саадаки, ножи, посуда и др.). В 1493 Менгли-Гирей просит Ивана III прислать ему 20 тыс. стрел. Крымские царевичи и князья обращались в Москву с просьбой о присылке панцирей и других доспехов. Позднее, в XVII в., огромная торговля русскими товарами шла через Архангельск – в 1653 сумма вывоза через порт города за рубеж составляла свыше 17 млн. руб. золотом (в ценах н. XX в.).

Масштабы русской торговли поражали иностранцев, посещавших нашу страну. «Россия, – писал в самом начале XVII в. француз Маржарет, – весьма богатая страна, так как из нее совсем не вывозят денег, но они ввозятся туда ежегодно в большом количестве, так как все расчеты они производят товарами, которые имеют во множестве,

именно: разнообразными мехами, воском, салом, коровьей и лошадиной кожей. Другие кожи, крашенные в красный цвет, лен, пеньку, всякого рода веревки, кавиар, т.е. икру соленой рыбы, они в большом количестве вывозят в Италию, далее соленую семгу, много рыбьего жира и других товаров. Что касается хлеба, то, хотя его очень много, они не рискуют вывозить его из страны в сторону Ливонии. Сверх того, у них много поташа, льняного семени, пряжи и прочих товаров, которые они обменивают или продают, не покупая чужеземного на наличные деньги, и даже император... приказывает платить хлебом или воском».

В XVII в. в Москве торговое, купеческое сословие из разряда тяглых людей выделяется в особую группу городских, или посадских, людей, которая, в свою очередь, разделилась на гостей, гостиную и суконную сотни и слободы. Самое высшее и почетное место принадлежало гостям (их в XV в. было не более 30 человек).

Звание гостя получали самые крупные предприниматели, с торговым оборотом не меньше 20 тыс. в год – огромная по тем временам сумма. Все они были приближены к царю, свободны от уплаты пошлин, вносимых купцами рангом ниже, занимали высшие финансовые должности, а также имели право покупать в свое владение вотчины.

Члены гостинной и суконной сотен (в XVII в. их было около 400) пользовались также большими привилегиями, занимали видное место в финансовой иерархии, но уступали гостям в «чести». Гостиные и суконные сотни имели самоуправление, их общие дела вершили выборные головы и старшины.

Низший разряд купечества представляли жители черных сотен и слобод. Это были преимущественно ремесленные самоуправяемые организации, сами производившие товары, которые потом продавали. Этот разряд, условно говоря, непрофессиональных торговцев составлял сильную конкуренцию профессионалам-купцам высших разрядов, так как «черные сотни», торгуя собственной продукцией, могли продавать ее дешевле.

В крупных городах посадские люди, имеющие право вести торговлю, делились на лучших, средних и младших. Сфера деятельности русских купцов XVII в. была широка,

отражала всю географию экономического освоения России. Из Москвы брали начало шесть основных торговых путей – Беломорский (Вологодский), Новгородский, Поволжский, Сибирский, Смоленский и Украинский.

Беломорский (Вологодский) путь шел через Вологду по Сухоне и Северной Двине в Архангельск (ранее к Холмогорам) и на Белое море, а оттуда в зарубежные страны. К этому пути тяготели знаменитые центры русского предпринимательства: Великий Устюг, Тотьма, Сольचेвогодск, Яренск, Усть-Сысольск, давшие России тысячи купцов.

В сер. XVI в. русские предприниматели получили право беспошлинной торговли с Англией (она шла Беломорским путем), имели в Лондоне несколько зданий для своих нужд. Русские везли в Англию меха, лен, пеньку, говяжье сало, юфть, ворвань, смолу, деготь, а получали ткани, сахар, бумагу, предметы роскоши.

Важнейшим перевалочным центром на этом пути была Вологда, куда всю зиму свозились товары из Москвы, Ярославля, Костромы и других городов, а затем по воде направлялись в Архангельск, откуда, в свою очередь, осенью приходили товары для отправки в Москву санным путем.

Новгородский (Балтийский) торговый путь шел из Москвы на Тверь, Торжок, Вышний Волочек, Валдай, Псков, затем к Балтийскому морю. Этим путем в Германию шли русский лен, пенька, сало, кожи и красная юфть. Поволжский путь проходил по Москва-реке, Оке и Волге, а затем через Каспийское море в Персию, Хиву и Бухару.

Главным предпринимательским центром на этом пути был Нижний Новгород с располагающейся рядом с ним Макарьевской ярмаркой. Путь от Нижнего Новгорода до Астрахани преодолевался русскими купцами примерно за месяц. Шли караванами из 500 и более судов с большой охраной. И даже на такие караваны время от времени совершались разбойные нападения. Купцы плыли и останавливались в местных предпринимательских центрах – Чебоксарах, Свяжске, Казани, Самаре, Саратове.

Торговля с Хивой и Бухарой проводилась в Караганском пристанище, куда из Астрахани под охраной приходили купеческие суда, а на встречу с ними приезжали местные

купцы со своими товарами. Торговля велась около месяца. После этого часть русских судов возвращалась в Астрахань, а другая шла в Дербент и Баку, откуда купцы уже посуху добирались до Шемахи и торговали с персами.

Сибирский путь шел водой из Москвы до Нижнего Новгорода и до Соликамска. От Соликамска купцы волоком двигались до Верхотурья, где был большой торг с вогулами, а затем снова водой до Тобольска, через Туринск и Тюмень. Далее дорога шла на Енисейск мимо Сургута, Нарыма. В Енисейске был устроен большой гостиный двор.

От Енисейска путь пролегал в сторону Илимского острога по Тунгуске и Илимю. Часть купцов следовала и дальше, достигая Якутска и Охотска, проникая даже на Амур.

Главным предпринимательским центром Руси по торговле с Китаем был Нерчинск, где был построен специальный гостиный двор.

Основными товарами, которые покупали или выменивали на этом пути, были меха и звериные шкуры, из Центральной России в Сибирь везли железо, оружие, ткани.

Смоленский (Литовский) путь шел из Москвы через Смоленск в Польшу, но из-за постоянных войн этот путь для широкой торговли использовался сравнительно мало. Более того, в Москве очень неохотно привечали польских и еврейских купцов, имевшими плохую репутацию, а русские купцы избегали отношений с торговцами местечковой Польши.

Степной Малороссийский (Крымский) путь пролегал через рязанские, тамбовские, воронежские края, выходил к донским степям, а оттуда в Крым. Главными предпринимательскими центрами, тяготевшими к этому пути, были Лебедянь, Путивль, Елец, Козлов, Коротояк, Острогжск, Белгород, Валуйки.

Широкий размах основных путей торгово-предпринимательской деятельности наглядно свидетельствовал о гигантских усилиях, вложенных в экономическое освоение огромной территории России. В Древней Руси эта деятельность была связана и с путевыми трудностями. Осуществляя торговлю теми или иными товарами, русские

купцы нередко принимали участие в организации их производства, особенно это касалось выработки воска, сала, смолы, дегтя, соли, юфти, кож, а также добычи и выплавки металлов и производства различной продукции из них.

Русский купец из посадских людей Ярославля Григорий Леонтьевич Никитников вел крупную торговлю в Европейской России, Сибири, Средней Азии и Иране. Но основу его богатства составила торговля сибирской пушниной. Строил он ладьи и суда, перевозившие разные товары, хлеб и соль. В 1614 он получает звание гостя. С 1632 Никитников вкладывает капиталы в солеваренную промышленность. В к. 1630-х в Соликамском уезде Никитникову принадлежали 30 варниц, на которых, кроме зависимых людей, работало свыше 600 наемных работников. Никитников держит целый ряд для продажи соли в разных городах, располагавшихся по течению Волги и Оки и связанных с ними рек: в Вологде, Ярославле, Казани, Нижнем Новгороде, Коломне, Москве и Астрахани.

Долгое время центром торговой деятельности Никитникова был его родной город Ярославль с обширным двором, принадлежавшим его предкам. По старым описаниям, усадьба купца Никитникова превращается в настоящий торговый центр Ярославля, становится узловым торговым пунктом, в котором скрещивались волжские и восточные товары, приходившие из Астрахани, с западными товарами, привозившимися из Архангельска и Вологды. Здесь Никитниковым была построена в 1613 деревянная церковь Рождества Богородицы. Недалеко от усадьбы стоял знаменитый Спасский монастырь, рядом с которым находился рынок. Ближе к реке Которосли размещались соляные и рыбные амбары Никитниковых. В 1622 Никитников по приказу царя переезжает в Москву, туда же перемещается и его торговый центр. В Китай-городе Никитников строит богатые палаты и красивейшую церковь Троицы в Никитниках (она сохранилась до сих пор). На Красной площади Никитников обзаводится собственными лавками в Суконном, Сурожском, Шапочном и Серебряном рядах. Никитников возводит большие склады для ведения оптовой торговли. Его дом становится местом встречи богатых купцов и заключения сделок. В синодик церкви Троицы вписаны имена крупных

московских гостей XVII в., которые находились в личных и родственных взаимоотношениях с хозяином.

Купец Никитников прославился не только предпринимательством, но и своей общественно-патриотической деятельностью. В н. XVII в. он – молодой земский староста, подпись его стоит в списках участников первого и второго земских ополчений, созданных в Ярославле для борьбы с польскими и шведскими захватчиками. Никитников постоянно участвовал в несении государственных выборных служб, представлял на земских соборах, участвовал в составлении челобитных царю от гостей и купцов, искавших защиты интересов русской торговли и ограничения привилегий иностранных купцов. Он был смел и уверен в себе, бережлив и аккуратен в платежах, не любил должать, но и не любил давать в долг, хотя в долг приходилось давать довольно часто, даже самому царю, который жаловал его в награду серебряными ковшами и дорогой камкой. Исследователь жизни Григория Никитникова свидетельствует о нем как «о человеке деловом и практичном, глубокого проницательного ума, твердой памяти и воли, с крутым решительным характером и большим жизненным опытом. Через все его наставления неизменно проходит требование сохранения семейного и хозяйственного порядка таким, каким он был при нем. Такой же деловой тон звучит в наказах о поддержании благолепия в выстроенных им церквах и в распоряжении об аккуратных взносах пошлин в казну за соляные варницы».

Весь свой капитал Никитников завещал не дробить, а передал в совместное и нераздельное владение двум внукам: «...и внуку моему Борису, и внуку моему Григорию жить в совете и промышлять вместе, а буде который из них станет жить неистова и деньги и иные пожитки станет сородичам своим раздавать и сторонним людям, один без совету брата своего, и он благословения моего и приказу лишен, до дому моево и до пожитков ему дела нет». Умирая (в 1651), купец Никитников завещает: «...и церковь Божию украсить всякими лепотами, и ладан, и свечи, и вино церковное, и ругу священнику и иным церковникам давать вместе, чтоб церковь Божия без пения не была и не за чем не стала, как было при мне, Георгии». Кроме своей

московской церкви, он просил заботиться и о храмах, построенных им в Соли Камской и Ярославле¹.

Одним из характерных предпринимателей XVII в. был купец Гаврила Романович Никитин, по происхождению из черносошных крестьян русского Поморья. Свою торговую деятельность Никитин начинал в качестве приказчика гостя О.И. Филатьева. В 1679 он стал членом гостиной сотни Москвы, а в 1681 получил звание гостя. После смерти братьев Никитин сосредоточивает в своих руках большую торговлю, ведет дела с Сибирью и Китаем, его капитал в 1697 составлял огромную по тем временам сумму – 20 тыс. руб. Как и другие купцы, Никитин строит свою церковь.

В XVII в. в Москве строится церковь, ставшая святыней купечества всей России. Это – Никола Большой Крест, воздвигнутая в 1680 архангельскими гостями Филатьевыми. Церковь была одна из красивейших в Москве, да и во всей России. Ее взорвали в 1930-х.

Русские купцы, торговавшие с зарубежными странами, предлагали им не только сырье, но и продукцию высокой, по тем временам, технологии, в частности металлические устройства. Так, в инвентаре одного из чешских монастырей под 1394 документально зарегистрированы «три железных замка, в просторечии называемые русскими». В Богемии было, конечно, немало и своих прославленных мастеров по металлу из богатейших Рудных гор и Судетов. Но, очевидно, изделия русской промышленности были не хуже, если они пользовались известностью и успехом так далеко за рубежом. Это известие XIV в. подтверждается и позднейшими источниками. Так, из «Памяти, как продать товар русской в Немцах», известной по тексту «Торговой книги» 1570–1610, видно, что продажа русского «уклада» и других металлических изделий «в Немцах» была обычным делом и в XVI–XVII вв. Торговали и оружием. Например, в 1646 было вывезено в Голландию 600 пушек².

Рассказывая о знаменитых русских купцах XVII в., нельзя не упомянуть братьев Босовых, а также гостей

¹ О в ч и н н и к о в а Е.С. Церковь Троицы в Никитниках. М., 1970, с. 5–12.

¹ С т р у м и л и н С.Г. История черной металлургии. М., 1954, с. 14–15.

Надея Светешникова и Гурьевых. Босовы вели торговлю с Архангельском и Ярославлем, скупали товары и на местных рынках Приморья, покупали также деревни в расчете на получение большого количества хлеба для продажи, занимались ростовщичеством, но основой их предприятия являлась сибирская торговля. Босовы отправляли в Сибирь обозы в 50–70 лошадей, груженных как иноземными товарами, так и русским сермяжным сукном, холстом, железными изделиями. Вывозили они из Сибири пушнину. Так, в 1649–50 было вывезено 169 сороков и 7 штук соболей (6767 шкур); приобретали в большом количестве и другие меха.

На службе у Босовых было 25 приказчиков. Они организовывали в Сибири собственные ватаги, т.е. промышленные экспедиции в места, богатые соболем, а также приобретали их у местных жителей и у служилых людей, взимавших в Сибири ясак. Высокую прибыль давала также продажа в Сибири иноземных и русских изделий.

Богатейшие купцы несли казенную службу по финансам в качестве гостей, что давало им ряд преимуществ и предоставляло широкие возможности дальнейшего обогащения. Характер «первоначального накопления» имели также методы создания предприятий Надея Светешникова и Гурьева. Светешников вышел из ярославских посадских людей. Заслуги перед новой династией Романовых принесли ему пожалование в гости. Он вел крупные операции по торговле пушниной, владел деревнями с крестьянами, но также вкладывал свои средства в солепромышленность. Его богатство оценивалось в сер. XVII в. в 35,5 тыс. руб. (т.е. около 500 тыс. руб. на золотые деньги н. XX в.). Это пример крупного торгового капитала и перерастания его в промышленный. Важнейшее значение для обогащения Светешникова и развития его предприятий имели земельные пожалования. В 1631 ему были отданы громадные земельные владения по обоим берегам Волги и по реке Усу до позднейшего Ставрополя. Здесь Светешников поставил 10 варниц. К 1660 в Надеином Усолье было 112 крестьянских дворов. Наряду с наемными людьми он применял труд крепостных. Светешников построил крепость для защиты от кочевников, завел кирпичный завод.

Из богатой верхушки ярославского посада вышли также Гурьевы. В 1640 они завели рыбные промыслы в устье реки Яика, поставили здесь деревянный острог, затем заменили его каменной крепостью (г. Гурьев).

Развитие предпринимательства в России носило в значительной степени преемственный характер. Проведенное исследователем А. Демкиным изучение купеческих родов Верхневолжья показало, что 43% всех купеческих фамилий занимались купеческой деятельностью от 100 до 200 лет, а почти четверть – 200 и более лет. Три четверти купеческих родов, насчитывавших менее 100 лет, возникли в середине – 2-й пол. XVIII в. и действовали вплоть до конца столетия. Все эти фамилии перешли в XIX в.¹

В 1785 российские купцы получают от Екатерины II жалованную грамоту, которая сильно возвысила их положение. Согласно этой грамоте все купцы были разделены на три гильдии.

К первой гильдии относились купцы, владевшие капиталом не менее 10 тыс. руб. Они получали право оптовой торговли в России и за границей, а также право заводить фабрики и заводы. Ко второй гильдии принадлежали купцы с капиталом от 5 до 10 тыс. руб. Они получали право оптовой и розничной торговли в России. Третью гильдию составляли купцы с капиталом от 1 до 5 тыс. руб. Эта категория купцов имела право только на розничную торговлю. Купцы всех гильдий были освобождены от подушной подати (вместо нее они платили 1% с объявленного капитала), а также от личной рекрутской повинности.

Кроме купцов разных гильдий, вводилось понятие «именитый гражданин». По статусу он был выше купца первой гильдии, ибо должен был обладать капиталом не менее чем 100 тыс. руб. «Именитые граждане» получали право иметь загородные дачи, сады, заводы и фабрики.

Значительная часть русской торговли производилась на ярмарках, которые известны с древнейших времен. В к. XIX в России насчитывалось 18,5 тысяч ярмарок в семи тысячах населенных пунктах. Обычно ярмарки приурочивались к церковным праздникам. Каждая ярмарка играла

¹ Демкин А. В. Русское купечество... XVII–XVIII. М., 1990, с. 55.

роль экономического регулятора и распределителя местного сельского хозяйства, ремесла и промышленности. Одна ярмарка следовала за другой, перерастала в третью – на Николу, на Спас, на Успение, на Покров в губернских, уездных, штатных, заштатных городах, а также в больших селах при монастырях. Зимой – сибирская ярмарка в Ирбите, осенью – Крестовско-Ивановская в Пермской губернии, весной – Алексеевская в Вятской, летом – Караванная в Казанской.

Главной ярмаркой России, своего рода связующим центром русской экономики, являлась Нижегородская-Макарьевская ярмарка. Она была главным регулятором экономической жизни, отражая общий тонус хозяйственного развития страны. Именно здесь в большей степени формировался баланс между спросом и предложением, производством и потреблением главных российских продуктов. На ярмарке отдельные самостоятельные части, отрасли, виды деятельности гигантского хозяйственного механизма России связывались в одно целое, координировались, получали общественное признание или недоверие, определялись направления развития по крайней мере на год вперед.

Современники подчеркивают совершенно исключительную роль этой ярмарки, которая по своему значению и размаху сравнивалась только со всемирными выставками, нередко опережая их по масштабу торговых оборотов «своим значением как в торговле, так и вообще в народном хозяйстве, – и не только в русском, но и всемирном хозяйстве. Нижегородская ярмарка, без сомнения, далеко превосходит все ныне существующие во всем свете подобные ярмарочные или временные торжища. Такова она и в качественном отношении, своей экономической силой в движении народного хозяйства (своим влиянием на развитие разных его отраслей и на все его обороты), а также в количественном отношении – размерами своих торговых оборотов и ценностью всех здесь покупаемых и продаваемых, сюда привозимых и отсюда развозимых товаров, количеством своих посетителей и, наконец, величиной своего географического района действия»¹.

¹ Безобразов В.П. Очерки нижегородской ярмарки. М., 1865.

Значительная часть российской интеллигенции XVIII–XIX вв. не любила русского купечества, презирала его, гнушалась им. Она представляла купцов закоренелыми плутами и мошенниками, нечистыми на руку, по-волчьи алчными. С ее легкой руки в обществе создается миф о грязных и подлых «Тит Титычах», ничего общего не имевший с действительностью. «Если бы торговое сословие и в прежней Московии, и в недавней России, – отмечал П.А. Бурыйшкин, – было бы на самом деле сборищем плутов и мошенников, не имеющих ни чести, ни совести, то как объяснить те огромные успехи, которые сопровождали развитие русского народного хозяйства и поднятие производительных сил страны. Русская промышленность создавалась не казенными усилиями и, за редкими исключениями, не руками лиц дворянского сословия. Русские фабрики были построены и оборудованы русским купечеством. Промышленность в России вышла из торговли. Нельзя строить здоровое дело на нездоровом основании. И если результаты говорят сами за себя, торговое сословие было в своей массе здоровым, а не таким порочным, как его представляли легенды иностранных путешественников»¹.

«В московской неписаной купеческой иерархии, – писал В.И. Рябушинский, – на вершине уважения стоял промышленник-фабрикант, потом шел купец-торговец, а внизу стоял человек, который давал деньги в рост, учитывал векселя, заставлял работать капитал. Его не очень уважали, как бы дешево его деньги ни были и как бы приличен он сам ни был. Процентщик»².

Отношение к этой категории двух первых было крайне отрицательно, как правило, их на порог не пускали и по возможности пытались всячески наказать. Большая часть дельцов третьей группы происходила из западных и южных губерний России.

Перед революцией звание купца приобреталось уплатой за гильдейское свидетельство. До 1898 гильдейское свидетельство было обязательно для права торговли. Позднее – необязательно и существовало лишь для лиц,

¹ Б у р ы ш к и н П.А. Москва купеческая. М., 1990, с. 21.

² Там же, с. 110.

желающих пользоваться некоторыми преимуществами, присвоенными купеческому званию, или участвовать в сословном управлении. Преимущества: освобождение от телесного наказания (для торговцев крестьянского сословия очень важное), право при известных условиях получать звание почетного и потомственного почетного гражданина (дарующее преимущества купеческого звания без выбора и гильдейского свидетельства), возможность получить звание коммерции советника (чин с титулом превосходительства), некоторые права по образованию детей, право участия в городском самоуправлении (независимо от обладания недвижимой собственностью), участие в сословном самоуправлении. Сословное купеческое самоуправление заключалось в заведовании купеческими благотворительными учреждениями, в раскладке некоторых сборов, в заведовании купеческими капиталами, банками, кассами, в выборе должностных лиц (купеческие старосты, купеческие старшины, купеческие управы, члены сиротского суда от купечества).

**ГЛАВА 50. Промышленность. –
Древнейшие ремесла. – Металлообработка
и пушечное дело. – Индустриальное
предпринимательство. – Мануфактуры
и фабрики. – Высокие темпы
промышленного роста.**

Допетровское народное хозяйство России долгое время рисовалось многими историками как сонное, застойное царство темноты и невежества, населенное заспанными лентяями, дикарями-варварами и соловьями-разбойниками. Считалось, что настоящая экономическая история страны началась с преобразований Петра, что русская промышленность носит «колониальный характер» и «перенесена сюда с Запада». Пережитки этих воззрений сохраняются до сих пор в произведениях некоторых писателей и публицистов. Эти представления глубоко

ошибочны. Исторические источники свидетельствуют о древнем происхождении русской промышленности. Самой населенной частью каждого древнерусского города был промышленно-ремесленный посад, обслуживавший разнообразной ремесленной продукцией не только горожан, но и жителей окрестных сел и деревень. В крупных городах уже в XI–XII вв. насчитывалось более сотни различных ремесленных производств – кузнечных, гончарных, кожевенных, ювелирных, сапожных, прядильных, оружейных и многих других. Названия промышленно-ремесленных специальностей запечатлелись в именах городских улиц и районов: Щитная улица (Новгород), Кожемяк (Киев), Гончарный конец (Новгород), Бронные улицы (Москва) и др.

Академик Б.А. Рыбаков в книге «Ремесло Древней Руси» отмечает, что в XIV–XV вв. русские ремесленники работали как на заказ, так и на рынок, то есть уже тогда ремесло превращалось в мелкое товарное производство. Большинство ремесленников работало в мастерских. «Ремесленники, работавшие по найму, составляли только часть (и притом меньшую) городских ремесленников».

Археологические раскопки свидетельствуют о значительных масштабах и ассортименте промышленно-ремесленных производств. Комментируя новгородские раскопки ремесленных мастерских XIV–XV вв., Л. Черепнин пишет: «О массовом характере продукции новгородских сапожников свидетельствует обилие кусков кожи, найденных при раскопках (свыше ста тысяч). На массовый сбыт, по-видимому, было рассчитано и ювелирное производство (выделка украшений из меди и ее сплавов). Об этом можно судить по большому количеству обнаруженных в Новгороде обрезков листовой, полосовой и проволоочной меди. Открыты также тигли (30 с лишним), литейные формы (15 штук), ювелирные молотки, зубила, пинцеты, бородки, волочила. Широко распространены кузнечные изделия: серпы, косы, ножницы, напильники, пилы, долота, скобели, стамески, сверла, топоры, тесла, ножи и т.д. Стандартизация наблюдается в косторезном деле (очень однородны гребни, которых найдено несколько сотен). Хотя не вскрыты мастерские новгородских стеклоделов, но большое количество бус среди материалов

новгородских раскопок говорит о значительном масштабе их производства».

К XVII в. русские ремесленные предприятия в основном обеспечивали страну изделиями металлообрабатывающей, деревообрабатывающей, кожевенной, гончарной, легкой и пищевой промышленности. Медленно, но неуклонно осуществлялось развитие технического прогресса, выражавшееся в росте специализации, выделении деталей операций в самостоятельные производства. По далеко не полным данным, в XVII в. в Москве насчитывалось не менее 259 ремесленных специальностей, в Ярославле – 218. Так, среди мастеров кузнечного дела выделялись такие узкие специалисты, как ножовщики, замочники, шильники, косари, гвоздари, часовщики. В Устюжне-Железнопольской на посаде еще в к. XVI в. насчитывалось 119 мастеровых, занятых делом железа, в том числе 66 молотников, 34 кузнеца, 12 угольников, железники, укладники, гвоздари, котельники, сковородники, замочники. В древних источниках перечисляются многочисленные кузнечные мастерские: в Москве (ок. 1641) – 152, в Новгороде (1583) – 112, в Серпухове (1552) – 63, в Холмогорах (1620) – 63, в Нижнем (1620) – 49, в Вологде (1627) – 49, в Сольвычегодске (1653) – 48, в Великом Устюге (1626) – 47, в Калуге (1626) – 44, в Туле (1625) – 38, в Переславле (1597) – 38, в Муроме (1637) – 17, в Соликамске (1623) – 16. Как правило, по нескольку кузнечных мастерских было в самых маленьких городах, по крайней мере по одной во всех селах. Металлообрабатывающие мастерские использовали отечественное кричное железо и в редких случаях – шведское или английское. Существовали многие сотни кустарных домниц, некоторые из которых были оснащены по последнему слову техники своего времени – «вододействующими» самоковками.

История доносит до нас сведения о русских часовых мастерах, создававших по тем временам настоящие чудеса техники – часы псковского Святогорского монастыря XV в., часы Соловецкого монастыря, изготовленные в XVI в. мастером Семеном Часовиком, часы в царском селе Коломенском, изготовленные в 1637 мастером Оружейной палаты Петром Высоцким. Зачастую были такими мастера-

ми простые кузнецы: например, поморский кузнец Федор Юдин или устюжский кузнец Шумило Вырачев, которые прославились тем, что построили в разных городах Руси сложные механизмы башенных часов с боем.

На тульских металлургических заводах в сер. XVIII в. используется сверлильный стан (сверлили «водою» пушечные стволы), что на много десятилетий опередило изобретение зарубежных механиков.

В 1479 в Москве был построен литейный пушечный завод, просуществовавший несколько столетий. В 1637 в нем работало 136 рабочих (что по тем временам было очень много), отливавших ежегодно до 200 и более пушек и разной другой продукции. По сообщению посла Максимилиана II Кобенцеля, в XVI в. в Москве имелось всегда наготове не менее двух тысяч орудий, так что московская артиллерия уже тогда, по его оценке, занимала первое место среди других европейских государств. «Наша артиллерия, – писал акад. С.Г. Струмилин, – не впервые является лучшей в европейском и мировом, пожалуй, масштабе. Такое количество орудий предполагает уже довольно значительное их производство в стране, тем более что они не только не ввозились в Россию, но даже вывозились за границу». В частности, в 1646 было вывезено в Голландию 600 пушек. В историю вошли прославленные мастера пушечных дел Андрей Чохов, Григорий Наумов, Яков Дубинин, Мартьян Осипов и другие. Кроме Москвы пушечные заводы существовали и в других городах, в частности в Пскове.

Наряду с пушечным делом существовало развитое оружейное дело, центром которого в XVII в. была Оружейная палата, изготавливавшая многие тысячи мушкетов, карабинов, пистолетов. Издавна в России существовали и пороховые заводы, некоторые из них очень большие. Во время пожара одного из них в XVI в. погибло 200 человек рабочих.

Все это свидетельствует, что уже в XV–XVI вв. в России возникли первые русские предприятия, которые в XVII в. приобретают более широкое распространение. Создание крупных предприятий осуществлялось на базе уже имевшихся ремесленных и рабочих кадров.

На Урале в 1630–40-е действовал Пыскорский медеплавильный завод, где использовалось вододействующее колесо, а в 60-х – железоделательный завод братьев Тумаших на реке Нейве. Появляется целый ряд заводов металлургической и металлообрабатывающей промышленности в Тульско-Каширском районе, а также возле Олонца. В Казани, Ярославле, Тобольске возникают кожевенные мануфактуры, в районе Соликамска – свыше 200 солеваренных предприятий. Развивается ряд мануфактур, принадлежащих царскому двору: Хамовный, Печатный, Монетный дворы, «Мастерская палата».

По ориентировочным заниженным оценкам, из более полумиллиона жителей, живших в городах в сер. XVII в., по крайней мере 150–200 тысяч составляли ремесленники (включая членов их семей). Кроме того, сюда следует добавить тысячи сельских кузнецов. Конечно, сюда не относят еще по крайней мере сотни тысяч крестьян, занятых различными видами кустарных промыслов.

Новый период промышленного развития России начался в царствование Петра I. Главное, на что делал ставку Петр, – на использование творческой инициативы и самостоятельности русского предпринимателя и работника. Петр создал благоприятные условия для реализации лучших качеств и не ошибся. Конечно, он не стеснялся, когда было нужно, привлекать к делу и иностранцев, но их вмешательство носило второстепенный, вспомогательный характер. При прочих равных условиях царь предпочитал отечественных специалистов и для этого посылал их учиться за границу. «Своими реформами и творческой инициативой, – отмечал акад. Струмилин, – Петр Великий впервые открывал широкую дорогу индустриальному предпринимательству. И на этот путь, вполне естественно, прежде всего вступили твердой ногой выходцы из тех самых трудовых низов, которые получили свою подготовку в области так называемых «народных» ремесленно-кустарных промыслов Московской Руси. Вот почему во главе петровских заводов и мануфактур оказалось так много бывших кузнецов и всякого иного рода тяглецов». Как, например, целовальник Тимофей Филатов, комнатный истопник Алексей Милютин, дворцовый слу-

житель Родион Воронин, посадский человек И. Комаров, кожевенный мастер Пахомов, «красносельцы» Симоновы и другие. Среди более мелких предпринимателей встречалось немало крепостных крестьян на оброке. Из двух сотен петровских заводов, в том числе сорока крупных мануфактур, только единицы возглавлялись иностранцами или дворянами.

Прав был историк С.М. Соловьев, отмечавший, что петровские преобразования есть дело «народное, а не лично принадлежащее одному Петру».

Весьма характерно, что большая часть русских промышленников Петровского времени, как и в более поздний период, вышла из крестьян или посадских людей, тогда как в западноевропейских странах – из дворян. И это прежде всего самые выдающиеся фамилии русских предпринимателей – Морозовы, Рябушинские, Прохоровы, Горелины, Грачевы, Шорыгины, Бардыгины, Разореновы, Зимины, Коншины, Балины, Горбуновы, Скворцовы, Миндовские, Дербеневы, Локаловы, Дордоновы, Сеньковы, Ключниковы, Елагины, Заглодины и мн. др. За каждым из этих предпринимателей – организация огромных производств, снабжавших своей продукцией десятки, а то и сотни тысяч людей в России и за границей.

Для развития индустриального предпринимательства при Петре I создаются специальные правительственные органы – Берг-коллегия и Мануфактур-коллегия, которые разрабатывают программу мероприятий содействия промышленному развитию, осуществляемую не административными методами, а путем предоставления различных привилегий и льгот. Частные предприниматели для устройства фабрик и заводов получали ссуды без процентов; их снабжали инструментами и орудиями производства; освобождали от государственной службы; предоставляли временные льготы от податей и пошлин, беспошлинный привоз из-за границы машин и инструментов; обеспечивали гарантированными государственными заказами.

Поддерживание народной инициативы и предприимчивости в XVIII в. шло по пути отмены ограничений. Если при Петре еще существовали некоторые ограничения и стеснялась свобода торговли, то уже при Екатерине II лик-

видируется необходимость получения «разрешительных указов на открытие нового предприятия, и устройство всякого рода промышленных заведений объявлено совершенно свободным для всех».

Екатерина II создает самые благоприятные условия для развития русской промышленности. Она отменяет любые ограничения, объявив, что теперь «всем подданным нашим к заведениям станом и рукоделий столь беспредельная от нас дана свобода, что не стесняются они уже ни частым на то испрошением дозволения, ни надзиранием за делом рук их, где собственная каждого польза есть лучшее и надежнейшее поощрение».

Одновременно объявляется об уничтожении монополий («за вредни») и введение полной свободы торговли («всякому торгу свободну быть надлежит»). Историки отмечают «исключительную яркость» этого периода по «необычайной интенсивности процесса индустриализации» и по роли в нем частного предпринимательства.

Опора на лучшие качества русского предпринимателя и работника, использование инициативы и предприимчивости дали поразительные результаты, которые с полным основанием можно назвать промышленной революцией. Количество промышленных предприятий (без ремесленных мастерских) только за XVIII в. увеличилось в 10–12 раз, достигнув в 1801 2 423 предприятий с числом занятых почти 100 тыс. человек. По ряду экономических показателей Россия вышла на самые передовые рубежи. Прежде всего это относилось к металлургической промышленности.

Предприятия уральских предпринимателей, и прежде всего демидовские заводы, продукция которых была известна во всей Европе, стали материальной базой стремительного рывка России в XVIII в., и, более того, уральский металл создал основу для промышленного переворота в Англии.

Особо следует сказать о роли русских предпринимателей в развитии технического прогресса. Вопреки утверждениям некоторых исследователей о незаинтересованности русских предпринимателей во внедрении технических новшеств, факты говорят об их огромных успехах в техни-

ческой области. В частности, черная металлургия России XVIII в. была самой передовой в мире. Уже первые уральские домны, построенные на заводах Демидовых, оказались значительно крупнее и продуктивнее английских, которые в то время считались лучшими. «И это превосходство, несмотря на огромный рост зарубежной техники, нам удалось удержать за собой в течение всего XVIII века» (С.Г. Струмилин). Немецкий историк металлургии Л. Бек, говоря об уральских домнах на рубеже XIX в., называл их не только «величайшими древесноугольными доменными печами континента», но и наиболее производительными и экономичными по расходу топлива на единицу продукта, более производительными, чем любые другие печи, не исключая английских. Франция пыталась отгородиться от русского металла высокими пошлинами. В этой стране перед войной 1812 года писали, что русское железо «дешевле и лучше французского, и если оно свободно будет доставляться во Францию», то местная железоделательная промышленность, не выдержав конкуренции, «погибнет совершенно».

Активным внедрением технических новшеств характеризовалось русское промышленное предпринимательство и в других отраслях, нередко опережая лучшие достижения мировой технической мысли. Если в Англии первая паровая машина Уатта двойного действия, обеспечивающая собою целый промышленный переворот в этой стране, была построена только в 1785, то в России аналогичная двухцилиндровая паровая машина была создана гениальным механиком-самоучкой Иваном Ползуновым на 20 лет раньше, в 1765. Если в Англии изобретение Генри Моудсли суппорта к токарному станку, увенчавшее промышленную революцию XVIII в., обеспечив возможность и машины строить посредством машин, датируется 1797, то у нас замечательный механик Андрей Нартов создавал самые совершенные копировальные токарные станки с механическим суппортом, заменяющим руку человека, еще в Петровскую эпоху. Токарные станки с водным приводом, так же как и сверлильные, применялись нередко и в заводской практике; например, на «токарной фабрике» Невьянского Демидовского завода в 1767 значилось пять

таких «точильных станов водяных». В легкой промышленности можно отметить чесальную и прядильную машины в заведении Родиона Глинкова с 1760-х, на много десятилетий опередившие механическое льнопрядение в Англии. В тяжелой промышленности следует отметить раннее появление у нас прокатных валков и станков.

Известно, что в Англии первые прокатные вальцы Дж. Пейна для отжатого железа появились лишь в 1728, а более совершенные прокатные станы запатентованы Г. Кортон и пущены в обращение не раньше 1783. В России же простейшие плющильные машины для проката шинного железа были в ходу на Урале уже в 1723. Но и более сложные вальцы с калиброванными ручьями для сортового проката применялись на Урале еще до 1765, а листопрокатные станы – с 1782. В частности, у нас еще до 1765 «с великою пользою, под плющильной машиной делали разные карнизы, вырезывая для сего фигуру их в нижнем валу и стачивая столько же верхнего, так чтоб выходил на нем против той вырезки поясок, с такою же фигурую. Железо, пропускаемое между сим пояском и вырезкою, получало подобную им форму»¹.

Русское предпринимательство было крепко своей родовой преемственностью и сословной сплоченностью. Купеческие роды поддерживали друг друга, роднились между собой, создавая своеобразные родовые унии. Об этом рассказывают росписи купеческих фамилий. Вместе с тем следует отметить, что русские предпринимательские роды не были замкнутой кастой, а постоянно подпитывались и обновлялись снизу, преимущественно из крестьянской среды.

Широкое развитие частной инициативы снизу породило мощное промышленное движение. Так, в районах старинного ткачества Ярославской, Костромской, Владимирской губерниях – посадские и крестьянские дети (в том числе большое число крепостных), начиная с кустарной светелки ручного ткача или набойщика, постепенно создают крупные текстильные предприятия.

¹ Струмилин С.Г. История черной металлургии. М., 1954, с. 398–399.

Крепостной графа Шереметева Григорий Иванович Бутримов в 1741 основал текстильную мануфактуру, на которой работали вольнонаемные работные люди из крестьян-оброчников. Мануфактура при нем быстро расширялась. Так, если в 1744 в ней было 30 станов, то в 1755 – уже 69. После его смерти мануфактура переходит в руки другого крепостного крестьянина – предпринимателя Грачева¹.

Основатель предпринимательского дела Грачевых крепостной крестьянин Иван родился в 1706, вначале занимался торговлей, а в 1748 создал полотняную мануфактуру, выпускавшую продукцию высшего качества, которая через Петербургский порт шла за рубеж. Капиталы Ивана росли, и в 1756 у него уже было 216 станов. Его наследники продолжали расширять мануфактуру. Ефим Иванович Грачев (1743–1819) имел в 1789 – 455 станов, 3034 десятины земли, 381 душу крепостных крестьян. Все это богатство было юридически оформлено на имя помещика. В 1795 Грачев выкупается на волю, отдав помещику все предприятия и земли, заплатив 135 тыс. рублей. Став вольным, Е.И. Грачев записывается в купцы I гильдии и становится арендатором своих же фабрик².

Крепостной крестьянин села Иваново Иван Матвеевич Горелин (Гарелин) – основатель династии предпринимателей текстильных мануфактур – вначале занимался посреднической торговлей полотнами. К 1765 он накопил достаточно денег, чтобы перекупить у таких же, как он, крестьян-предпринимателей Грачевых полотняную мануфактуру Бутримова. В 1780-х на мануфактуре действовало 200 ткацких станов. Иван Матвеевич умер в н. XIX в., но его наследники значительно приумножили дело, и уже в 1817 в мануфактуре работали 1021 стан и 85 набивных столов. Чистая прибыль предприятия приближалась к 50 тысячам рублей. Горелины, будучи сами крепостными, покупали землю и даже крепостных (для работы на фабрике) на имя своего помещика. В 1820-х среди крестьян ходили слухи о скором освобождении. Когда Горелины

¹ Советская историческая энциклопедия. М., 1962. Т. 2, с. 866.

² Там же, с. 705.

убедились в неосновательности этих слухов, то решили выкупиться на волю и в 1828 так и поступили, хотя были принуждены помещиком оставить в его собственности и мануфактуру, и дома с хозяйственными постройками, и более 700 десятин земли. Кроме того, помещик потребовал с них еще 25 тысяч наличными. Тем не менее упорным трудом Горелины поправили свои дела и в 1837 выкупили у помещика свое предприятие, переоборудовали его, сделав одним из самых передовых в России и Европе.

В промышленности сложилось своего рода разделение сфер предпринимательства – с одной стороны, развитие крупной промышленности, ориентированной преимущественно на зажиточного и богатого горожанина, дворянство, царский двор, вывоз за границу; с другой – бурный рост мелкой крестьянской и кустарно-ремесленной промышленности, ориентированной на широкие народные массы, на все многообразие их потребительского спроса с огромным ассортиментом продукции.

Со 2-й пол. XIX в. крупная промышленность резко расширяет свой рынок, еще глубже проникая в толщу крестьянства, но домашняя крестьянская и кустарно-ремесленная промышленность удерживает значительную часть покупательского спроса простого народа, потребности которого крупная промышленность не могла выполнить или считала невыгодным. Крестьянство с огромным многообразием традиционной культуры зачастую предпочитало более близкую по выполнению кустарно-ремесленную продукцию обезличенной и усредненной фабричной.

Между крестьянской и крупной промышленностью постоянно шла конкурентная борьба, многие фабриканты вопили истошным голосом о своей гибели и невозможности работать при низких ценах на кустарные изделия.

Гжатский купец Жуков писал в слезной записке Николаю I: «...в уезде образовались промышленники, называемые прасолами, разносчиками, ходебщиками и мужиками-фабрикантами, которые производят, не платя никакой гильдейской повинности, торговлю... Сверх того, в уезде существуют крестьяне-подрядчики, которые берут для выделки миткаля и плисов... При дворах они имеют рабочие светлицы, а за недостатком таковых раздают

основу по деревням... а потому фабриканты, старавшиеся об улучшении изделий, производством своим почти вовсе теперь не занимаются, ибо дело их перешло в руки крестьян... Подобными же промыслами занимаются и в разных уездах Москвы, и во Владимирской губернии, особенно в Шуйском уезде: там почти все крестьяне – или фабриканты, или разносчики. В одном селе Иваново крестьяне привозят на рынок до 50 тысяч штук миткалей. Теперь прибылых торговцев, вышедших из крестьян и мальчиков, гораздо больше двух третей против пригородных московских жителей».

Крестьяне, работавшие на дому, и кустари зачастую были и продавцами своих изделий, что позволяло им еще более успешно конкурировать с крупной промышленностью.

Развитие частной инициативы путем отмены различных ограничений и запретов сопровождалось активной государственной политикой таможенного тарифного регулирования, имевшей преимущественно охранительный характер. Это означало ограничение допуска на русский рынок товаров, которые были способны серьезно конкурировать с отечественными. Конечно, это ослабляло волю к действию русских промышленников, но вместе с тем было неизбежно в условиях сохранения феодальных пережитков, не всегда позволяющих на равных конкурировать с западными товарами.

В 1829 в Санкт-Петербурге была открыта Первая Всероссийская мануфактурная выставка, в которой приняли участие сотни русских предприятий. Вплоть до революции эта выставка проходила раз в четыре года попеременно в разных городах. Со 2-й пол. XIX в. Россия начала принимать активное участие во всемирных выставках с разнообразным ассортиментом своих изделий, международное жюри всегда высоко отзывалось о наших промышленных успехах. Экспертиза всемирных выставок показывала, что по качеству многих товаров, например изделий бумагопрядильного и бумаготкацкого производств, парчи, глазета, кумача, изделий из серебра и золота, Россия не только не уступала другим странам, но и превосходила их.

Символом русской промышленности XIX в. стали фабрики Морозовых. Родоначальник семьи Савва Васильевич Морозов (1770–1862), крепостной помещика Н.Г. Рюмина, прошел длинный путь от пастуха, извозчика, наемного ткача на фабрике Кононова до владельца собственного шелкоткацкого заведения в селе Зуево Богородского у. в 1797. В 1820 Савва Морозов вместе с сыновьями выкупается на волю за 17 тыс. руб. В 1820–40-е годы Морозовы создали четыре хлопчатобумажные фабрики, которые уже тогда оценивались в 200–300 тыс. руб. Во 2-й пол. XIX в. фабрики вырастают в четыре огромные фирмы: «Товарищество Никольской мануфактуры Саввы Морозова сын и К^о», «Товарищество мануфактур Викулы Морозова с сыновьями в местечке Никольском», «Компания Богородско-Глуховской мануфактуры», «Товарищество Тверской мануфактуры бумажных изделий». Перед революцией собственные капиталы семьи составляли более 110 млн. руб., на предприятиях Морозовых 54 тыс. рабочих производили продукции примерно на 100 млн. руб.¹

Другим ярким выразителем промышленного предпринимательства XIX в. была семья предпринимателей Мальцовых. Ее основатель Василий Мальцов создал свой первый стекольный завод еще в 1724. Следующие представители Мальцовых, Аким и Фома, построили ряд стекольных заводов и парусно-полотняных предприятий. Сын Акима Иван Мальцов купил металлургический завод в с. Людинове.

Возникает целый мальцовский промышленный район (смежные уезды Орловской, Калужской, Смоленской губерний), который уже руками замечательного русского предпринимателя Сергея Ивановича Мальцова превращается в центр российского машиностроения. На мальцовских предприятиях были изготовлены первые в России рельсы, паровозы, пароходы, винтовые двигатели. В 1875 С.И. Мальцов организовал акционерное общество, включающее 30 предприятий – чугуно- и сталелитейные, стекольные, фаянсовые, механические, а также ряд дру-

¹ Шишмарев Д.И. Краткий очерк промышленности... СПб., 1892, с. 27–32.

гих производств – лесопильное, кирпичное, полотняное, бумажное¹.

В целом темпы развития русского предпринимательства были просто поразительны. С 1802 по 1881 численность фабрик (без мелкого и кустарного производства) увеличилась с 2 423 до 31 173, а численность рабочих – с 95 до 771 тысяч. Только за 1804–63 (даже при наличии крепостного права) производительность труда увеличилась почти в пять раз².

Особый этап русской промышленности приходится на к. XIX – н. XX вв. Он связан с коренной структурной перестройкой российского торгового и промышленного потенциала. В стране наблюдается чувство подъема, созидательного энтузиазма.

Происходит обновление предпринимательства. Лидерство в промышленном мире начинает постепенно переходить от фабрикантов традиционных отраслей (текстильных, переработки сельхозпродуктов и т.п.) к фабрикантам передовых технологий – машиностроения и металлообработки. Начинает преобладать акционерная форма предпринимательства.

Русские предприниматели осуществляют коренное техническое перевооружение промышленности. Доля производственного накопления в к. XIX – н. XX в. составляла 15–20% национального дохода³. Капитальные вложения в промышленность росли гигантскими темпами. Только за 1885–1913 крупные акционерные предприятия увеличили свои фонды в 11 раз, несколько медленнее росли фонды в мелких и средних предприятиях. Средний рост производственных фондов составлял 596%, или 7,2% в год, выше, чем, например, в США⁴.

Ускоренными темпами идет механизация производства: если в 1860 в нашей промышленности действовало механического оборудования на 100 млн. руб., в 1870 – на

¹ Живописная Россия. 1903, № 126, с. 249–252.

² Струмилин С.Г. Очерки экономической истории России. М., 1960, с. 426–427.

³ Вайнштейн А. Л. Народное богатство и народно-хозяйственное накопление предреволюционной России. М., 1960, с. 8.

⁴ Струмилин С.Г. Избранные произведения. М., 1963. Т. 1, с. 382.

350 млн. руб., то в 1913 – почти на 2 млрд. руб., то есть ежегодно обновлялось около пятой части технического парка машин¹.

Вопреки устоявшемуся мнению о каком-то особом зависимом положении России от иностранного капитала, общий объем зарубежных вложений в промышленность составлял не более 9–14% всех промышленных капиталов, то есть не больше чем в основных западноевропейских странах, что было связано с общей тенденцией к интернационализации капитала. Отечественные предприниматели определяли всю промышленную политику России. Иностранцы, как правило, допускались лишь в те отрасли, куда отечественная буржуазия еще побаивалась вкладывать свои капиталы. В стране было достаточно внутренних средств, чтобы вложить их в промышленность. Так, за 1885–1913 прибыль по отношению к основному капиталу составляла 16%, а реальный прирост основных капиталов – 7,2%, кроме прибыли, существовали и другие источники образования основного капитала в промышленности². Начиная с 1876–80 вплоть до 1913 Россия имела непрерывный активный торговый баланс. С 1886 по 1913 она вывезла товаров на 25,3 млрд. золотых руб., а ввезла только на 18,7 млрд. руб., т.е. обеспечила приток золота и валюты в страну на 6,6 млрд. руб.³. В этих условиях русский рубль был устойчивой конвертируемой валютой, которую высоко ценили иностранцы.

Темпы роста производства средств производства на частных русских предприятиях были в два раза выше темпов роста легкой и пищевой промышленности. В результате удельный вес производства средств производства достиг 43% всей промышленной продукции, 63% оборудования и средств производства, необходимых в промышленности, производились внутри страны, и только немногим более трети ввозилось из-за границы.

¹ Струмилин С.Г. Очерки экономической истории России. М., 1960, с. 490.

² См. Платонов О.А. История русского народа в XX веке. В 2-х томах. М., 1997. Т. 1, с. 22.

³ Мотылев В.Е. Проблемы темпа развития СССР. М., 1929, с. 87.

По темпам роста промышленной продукции и по темпам роста производительности труда Россия вышла на первое место в мире, опередив стремительно развивающиеся США.

За 1880–1910-е темпы роста российской промышленности превышали 9% в год. С момента отмены крепостного права по 1913 объем промышленного производства вырос в 10–12 раз, а по отдельным показателям темпы роста были просто гигантскими – выплавка стали увеличилась в 2234 раза, добыча нефти – в 1469 раз, добыча угля – в 694 раза, производство продукции машиностроения и металлообработки – в 44 раза, производство химической промышленности – в 48 раз¹.

ГЛАВА 51. Крепостное право и принудительный труд в России и на Западе. – Огосударствление. – Противостояние насилию.

До XVII в. хозяйствование в русской деревне осуществлялось вольным трудом крестьян, у которых имели возможность перейти с одного места на другое. Крепостное право утвердилось в России в к. XVI–XVII вв., т.е. гораздо позднее, чем во многих других западноевропейских странах (Германии, Австрии, Франции, Венгрии и др.), и охватило около половины всех крестьян, остальные продолжали оставаться свободными.

Крестьяне, расселившись в северных и восточных областях страны, «сидели», как правило, на государственных землях, платя подати в 4–6 раз больше, чем крепостные, крепостного ярма здесь почти не было.

Иное дело центральные области, где значительная часть земель принадлежала феодалам; здесь крестьяне постепенно попадали в зависимость, хотя вплоть до к. XVI в. имели право уйти. Окончательное закрепощение крестьян, живших на землях феодалов, произошло в сер. XVII в., когда в неволю попали, кроме самих тяглых крестьян,

¹ Подсчитано автором по статистическим ежегодникам Российской империи за 1912–1915.

«сидевших» на владельческих землях, и их дети, ранее считавшиеся свободными.

Особенностью русского крестьянства являлось то, что земли было много, а рабочих рук мало. Это, кстати, было одним из главных препятствий для насаждения крепостного права. Феодал чаще всего охотно ссужал крестьян деньгами на обзаведение на своей земле, но и крестьянин смотрел на это как на выгодную сделку. «Заем под работу, – писал В. Ключевский, – был для бедного человека в Древней Руси наиболее выгодным способом помещения своего труда». Позднее наличие этой ссуды сделалось одним из главных факторов закрепощения.

В к. XVI–XVIII вв. в России была закрепощена половина крестьянского населения страны, попавшая в зависимость от отдельных феодалов, вторая половина крестьян платила подати государству и вела свободное хозяйство. Неясно, почему крепостное состояние (принудительный труд) объявлено чуть ли не характерной чертой развития именно русского общества, хотя ни для кого не секрет, что через крепостничество прошли все европейские народы. Во Франции и Италии крепостное право просуществовало до к. XVIII в., в Германии и Австрии – почти до сер. XIX в., а в США до 60-х годов XIX в. существовало рабовладение. Кстати говоря, Россия – единственная страна, в которой не существовало феодального обычая «первой ночи». Эротические подвиги помещиков нередко кончались плохо¹.

Говоря о влиянии крепостничества на народное хозяйство, прежде всего следует отметить, что экономическая психология и поведение народа, отношение к труду и многие черты русского труженика – трудолюбие, самостоятельность, самодеятельность, инициатива – сложились задолго до утверждения крепостного права и приобрели к XVII в. устойчивый характер. Понятно, что крепостническое насилие над народной традицией и идеалом вело к подрыву общественных устоев, дестабилизации общества,

¹ Половина из помещиков, убиваемых своими крепостными, писал Герцен, погибали вследствие своих эротических подвигов. Процессы по таким подвигам были редки: «Крестьянин знает, что суды не уважают его жалоб; но у него есть топор; он им владеет мастерски и знает это тоже». Герцен А.И. Собр. соч. в 30 т. М., 1956. Т. 7, с. 328.

вызывало протест широких масс крестьянства. Недаром начало распространения крепостного права совпадает со смутным временем, окончательное закрепощение крестьянских детей – с восстанием Степана Разина, односторонние дарования вольностей дворянству (освобождение их от обязательной службы государству, тогда как крестьянам такое освобождение от службы в пользу дворян не было даровано) – с народным восстанием Пугачева. До 1848 от 60 до 70 помещиков ежегодно оказывались убитыми своими крестьянами – «ибо таково национальное средство, к которому прибегает русский крестьянин, чтобы выразить свой протест»¹.

Крепостничество, посягавшее на народные традиции и идеалы, оставило заметный рубец в душе русского крестьянина. Но было бы в корне ошибочно утверждать, как это делают некоторые историки, что дух курепостной неволи стал чертой национального характера, а желание слепо подчиняться начальнику-господину – неотъемлемым импульсом русского человека. Сегодня они предлагают русским по капле выдавливать из себя раба, не удосуживаясь разобраться: «А был ли раб?», неправомерно распространяя черты, свойственные отдельным личностям, на всю страну. Идеалом русского крестьянина всегда была самостоятельность и воля. На произвол и насилие крестьяне отвечали восстаниями, разгромом усадеб, убийствами извергов-помещиков, разными пассивными, скрытыми формами неповиновения. Наша история многократно показывает, что попытки навязать крестьянину чуждую ему психологию слепого подчинения и диктата всегда вызывали в нем чувство протеста, парализовали его творческую активность, которая проявлялась в условиях самоуправления, самостоятельности и права на инициативу.

Существование принудительного труда в промышленности России было также связано с определенным историческим этапом, который прошли все европейские страны.

Создание условий для развития российской промышленности совсем не означало ее принудительного огосу-

¹ Герцен А.И. Указ. соч., с. 262.

дарствления, как представляют это некоторые современные историки, видевшие в петровских реформах чуть ли не корни военного коммунизма советского времени, а в деяниях Петра – истоки тоталитаризма, которые коренятся в русской истории, в вековой темноте и невежестве населения, отсталости общественных институтов, реакционных чертах характера русского народа.

Факты свидетельствуют об обратном. Огосударствление производительных сил в России было не выше, чем в странах Западной Европы, распространяясь, как и в них, преимущественно на предприятия военной промышленности, а также на предприятия, имеющие стратегическое значение или обслуживающие двор монарха. Более того, государственная поддержка экономической деятельности пришла в Россию с некоторым опозданием. Предприятия его величества в Великобритании, многочисленные казенные фабрики и заводы времен Колбера во Франции, множество государственных предприятий германских княжеств – обычное дело для XVII–XVIII вв., и почему-то никто не говорил об огосударствлении производительных сил этих стран.

Развитие промышленных ремесел и предприятий на Руси носило свободный, инициативный характер. Продукция русской кустарной промышленности домонгольского периода была известна во многих странах мира. Только небольшая часть из многих российских предприятий принадлежала царскому двору (государству).

Петр I начинал свою деятельность в стране, уже достигшей определенного развития кустарно-ремесленной и мануфактурной промышленности, а не на пустом месте, как пытаются представлять дело некоторые публицисты. Достигнутые Петром результаты основывались на предыдущих экономических успехах России. Абсолютно неверно утверждение о создании русской промышленности государственными декретами Петра I. В 1718 – в период самого бурного развития государственной промышленности – доля ее в общей продукции страны составляла несколько процентов. Да и в последующее время, вплоть до 1917, доля государственных предприятий в промышленности России возросла незначительно. Даже по произ-

водству самого «государственного продукта» – чугуна – на долю казенных заводов приходилось 869 тыс. пудов из 6641 тыс. пудов общей добычи страны, а меди – 28 тыс. пудов из 197 тыс. пудов всей добычи, т.е. 13–14% общего производства этой продукции¹.

Исследования академика Струмилина показывают, что на первых русских мануфактурах преобладал вольнонаемный труд². Хотя с привлечением рабочей силы возникали трудности, крестьянство было занято земледельческим трудом, большая часть ремесленников продолжала заниматься своим делом; свободных рук, которые можно было нанять на заводы, в стране было крайне мало. На первых порах предприниматели вынуждены были набирать рабочих из «убогих людей», «из бедных и малолетних, которые ходят на улицу и просят милостыню», «из баб и девок, которые... по делам за вины свои наказаны», из разных уголовных преступников, наказанных по суду, и т.п.

В этих условиях государство начинает приписывать для выполнения заводских работ государственных крестьян, а владельцы крепостных привлекают их к промышленной работе, отрывая от земли.

Однако приписанные к заводу государственные крестьяне обязаны были отработать в принудительном порядке только свой подушный оклад и казенный оброк, что занимало обычно не более 3–4 недель, а весь остальной год работали в своем собственном укрестьянском хозяйстве. Крепостные крестьяне частных лиц могли привлекаться в порядке феодальной повинности по обычному праву не свыше 2–3 дней в неделю, а остальное время работали на себя. Отработав официальные повинности, крестьяне далеко не всегда соглашались трудиться на этих же заводах в порядке вольного найма («доброхотно, а не по принуждению») за оплату, в чем часто их пытались заинтересовать заводчики.

Таким образом, даже при наличии приписных или крепостных крестьян заводчики должны были иметь пос-

¹ Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон. СПб., 1899. Т. 27 А.

² Струмилин С.Г. Очерки экономической истории России. М., 1960, с. 132.

тоянный вольнонаемный персонал заводских мастеровых и работных людей, общее количество которых составляло в сер. XVIII в. более половины всех работающих, а столетием позже достигло 80%. Причем вольнонаемные составляли основное ядро предприятия, а приписные и крепостные крестьяне зачастую выполняли вспомогательные работы (заготовка дров, подвозка угля, руды и т.п.).

Принудительный труд, который антирусские историки хотят сделать неременной чертой русского человека, вообще никогда не был свойствен только России. Как и крепостное право, принудительный труд в промышленности (кстати, непосредственно связанной с ним) был определен фазой развития, которую в XVII–XVIII вв. прошло большинство государств Европы. Вся крупная промышленность на Западе, возникшая в XVII–XVIII столетиях, носила такой же характер производства предметов вооружения или обмундирования армии или изготовления предметов роскоши для двора и придворных, вся она создавалась при помощи «искусственных» мер, вроде выдачи денежных пособий, беспроцентных ссуд, исключительных привилегий, освобождения от налогов, вызова иностранцев для насаждения новых отраслей производства, установления высоких запретительных пошлин на изготавливаемые в стране товары. Последние две меры, отмечает Кулишер, практиковались даже в Англии, хотя других мер она не применяла, не снабжала предпринимателей деньгами, ибо у них имелись достаточные собственные капиталы, полученные в период так называемого первоначального накопления. Другие страны, в отличие от Англии, применяли самые разные меры, чтобы подтолкнуть развитие промышленности, разбудить предприимчивость и инициативу. Кстати говоря, и в результатах деятельности первых российских и первых западноевропейских крупных промышленных предприятий было много общего. И те и другие стали хиреть после того, как «твердая рука» отпустила их. Так, с таким трудом созданная Фридрихом Великим шелковая промышленность к концу его царствования почти совершенно погибла, так как индустрия, насажденная им во вновь приобретенной Силезии, являлась мертворожденной, и сообщаемые ему в донесениях цифры относительно

числа предприятий и рабочих имелись лишь на бумаге, но отнюдь не в действительной жизни. Столь же медленно и плохо прививалась новая крупная промышленность в Австрии XVIII в. В этой стране существовало большое количество предприятий, применявших труд собственных крепостных крестьян – текстильная промышленность в деревнях в значительной мере покоилась на таком несвободном труде. Труд арестантов, преступников, бродяг, сидельцев работных домов, сирот из приютов, который использовался в российской промышленности, был широко распространен во всех западноевропейских государствах. Тюрьмы, отмечает И. Кулишер, недаром именовались «прядельными домами», они превращались в построенные на коммерческих основаниях и сдаваемые промышленникам в аренду предприятия. Нищих и бродяг всюду ловили и сажали в работные дома, чтобы таким путем создавать новую крупную промышленность. Те приходские ученики, ужасную эксплуатацию которых мы находим в Англии в начале машинной эры и в защиту которых был издан первый фабричный закон 1802, и задолго до того трудились в кустарных мастерских и мануфактурах. Вообще, поскольку мы находим в XVII–XVIII столетиях в Западной Европе централизованные мануфактуры, они в значительной мере работали при помощи принудительного труда¹.

Широкое распространение принудительного труда в странах Западной Европы отмечалось в XVIII в. и многими другими исследователями. Так, историк Юрген Кучинский, рассказывая об условиях труда во Франции, пишет: «В 1715 г. большинство рабочих в мануфактурах находилось в феодальной крепостной зависимости»². «Рабочий персонал германских мануфактур того времени, – отмечает Туган-Барановский, – состоял преимущественно из разного рода несвободных людей»³.

¹ АИТР. Кн. 1, с. 30–31.

² Кучинский Ю. История условий труда во Франции. М., 1950, с. 14.

³ Туган-Барановский М.И. Крепостная фабрика // Великая реформа. М., 1911. Т. 3, с. 141.

ТРАДИЦИИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ

ГЛАВА 52. Дом. – Изба. – Красный угол. – Трапеза. – Винопитие. – Блины. – Баня.

Для русского человека дом служил не просто жилищем, а «средоточием основных жизненных ценностей, счастья, достатка, единства семьи и рода», связи предков и потомков. Само сооружение жилища сопровождалось многочисленными символическими действиями, специальные обряды совершались при закладке фундамента, подъеме балки-матицы, установлении первого венца крыши¹.

Еще с языческих времен при строительстве резали петуха или курицу. Закладывая избу, клали под угол деньги – для богатства, шерсть – для тепла, ладан – для святости (В. Даль). После завершения строительства дом освящался батюшкой. И только после этого в нем можно было жить.

Крестьянское жилище обычно именовалось избой. Она рубилась из бревен. В состав избы, кроме 1–2 жилых помещений, входили сени, иногда клеть с подклетом. Если подклета не было, нижние венцы прикрывались земляной завалинкой. Избы на русском Севере заметно отличались от жилищ в центре России.

«Строительство жилья, – писал В.И. Белов, – можно сравнить с писанием икон. Искусство живописца и плотника с древних времен питало истоки русской культуры. Нет совершенно одинаковых икон на один и тот же сюжет, хотя в каждой из них должно быть нечто обязательное для всех.

То же с домами. Типы жилья на русском Севере достаточно многообразны. Для большинства домов характерны общая крыша над жилыми и хозяйственными помещениями, наличие зимнего и летнего жилья. Соблюдение хотя бы только одного из этих условий заставляло строить

¹ Т о п о р к о в А.Л. Дом // Славянская мифология. М., 1995, с. 168.

большие, обширные хоромы, каких не строили в других местах Отечества»¹.

Планировка избы была связана с расположением печи относительно входа: челом ко входу в ближнем углу, челом ко входу в дальнем углу, челом от входа в ближнем углу, челом к боковой стене. Печь, служившая домашним очагом, местом поддержания огня и приготовления пищи, считалась у крестьян одним из главных центров дома. На ней проходила первая брачная ночь, рождались младенцы, умирали старики. Огонь в печи постоянно поддерживался и сохранялся ночью в виде горячих углей. Эти угли старались не давать никому, так как, по народным поверьям, семью могли покинуть достаток и благополучие. Над входом между печью и боковой стеной настилались полати.

Изба делилась на четыре угла: по одну сторону – стряпной бабий кут и печь; по другую – мужской, хозяйский кут, или коник; прямо против печи – печной, или жернов, угол; прямо напротив коника, наискось против печи – красный, верхний угол.

Красный угол в русской избе был наиболее почетным местом, в котором вешались иконы и стоял стол. Иконы (божницы) в красном углу отождествлялись с алтарем православного храма, а стол – с церковным престолом. В божнице, кроме икон, хранили сосуд с богоявленской водой и веточкой освященной вербы. Войдя в избу, человек прежде всего крестился на иконы в красном углу, а затем уже здоровался с хозяевами. В красном углу сажали самых почетных гостей, а всем остальным полагалось сидеть поодаль.

В почитании красного угла прослеживались и древние языческие корни. В Древней Руси считалось, что именно там в определенные дни пребывают души предков. Покойника клали на стол и лавку головою к красному углу.

Русская трапеза имела характер особого ритуала. За столом в красном углу все рассаживались в определенном порядке. На место во главе стола под иконами садился хозяин. Если в семье не было отца, то его место занимал старший сын, если же он не был женат, то главное место

¹ Белов В.И. Лад. 2-е изд. М., 1989, с. 193.

занимала мать. По сторонам ближе к хозяину садились старшие мужчины, за ними младшие, на другом конце стола – женщины.

Прием пищи начинался с молитвы и благодарения Богу, ибо любая пища – дар Божий. По «Домострою», вкус пищи зависит от достойного поведения участников трапезы. Если едят с благоговением и в молчании или ведя духовную беседу, то еда и питье бывает в сладость, а если похулят их, то они словно превращаются в отбросы. Нужно хвалить дар Божий и есть с благодарностью, тогда Бог пошлет благоухание и превратит горечь в сладость¹. Трапеза заканчивалась благодарением Богу.

Особый ритуал на Руси существовал для винопития. Его начало уходит еще в языческие времена, когда винопитие было частью культа поклонения идолам. Во время пиров и возлияний язычники пускали вкруговую жертвенную чашу, произнося заклинания от имени богов. Обычай ритуального винопития в почитании языческих богов был так распространен, что в старинных требниках обычным исповедным вопросом было: «Молился бесам или чашу их пил?»

Ритуальный характер выпивок пережил языческие времена и стал неотъемлемой частью застолий во время христианских праздников. На Руси существовали особые сосуды – чары, братины – для питья вкруговую. На Севере России братины использовались вплоть до н. XX в. Кн. Владимир отвергал исламский запрет на употребление вина, заявляя, что на «Руси есть веселье питье, не можем без того быти». При этом князь имел в виду не поощрение винопития вообще, а неразрывную связь праздничного застолья с ритуальным винопитием, ставшим народным обычаем. Однако винопитие в обычные будничные дни считалось недопустимым, преследовалось властями, осуждалось общественным мнением. Появление пьянства на Руси началось в Малороссии с развития кабачества иудейскими арендаторами.

Древнейшей русской пищей, употребление которой носило ритуальный характер, были блины. Без них были

¹ Домострой. Под. ред. В. Колесова. М., 1990, с. 45.

немыслимы многие праздники, поминки и свадьбы. Языческая символика блинов отражала ритуал связи человека с небом, солнцем и загробным миром.

По материалам А.В. Гура, на похороны и поминки блины пекли как поминальное блюдо, посвящаемое умершим. В день погребения на стол ставили кипу блинов, и старший из присутствующих мужчин разламывал первый блин и клал на окно для покойника. На похоронах и поминках первый горячий блин, как и хлеб, не резали, а рвали на части и раскладывали на окнах, чтобы паром от него питалась душа умершего. Блины иногда клали на грудь умершему, в гроб, на могилу. Блинами поминали на могиле, а остатки отдавали нищим странникам. На следующий день носили завтрак покойному, тоже оставляя блины на могиле. Блины пекли на девятый, сороковой день и в последующие поминальные дни, а также в календарные поминальные («родительские») праздники: на Фоминой неделе (на «дедовую неделю», Красную Горку, Радоницу), в Дмитровскую субботу и т.д. Считалось, что кто «печет» блины на поминки, «печется» о насыщении души умершего. Поминальные блины разносили по домам, приносили на могилу, в церковь, раздавали нищим.

В Белоруссии блины пекли на «деды» – чтоб «дедам» (предкам) «пара пошла». Блины использовались и как оберег от мертвых, которые часто являлись во сне. Для этого с горячим блином садились на порог и приглашали к себе умерших обедать.

Блины на масленицу – повсеместное угощение, пекли их всю неделю. Первый блин посвящался Власию или умершим. Его клали «родителям» на слуховое окно, божницу, крышу или могилу, давали нищим в память о предках или съедали за упокой усопших. В Прощеное воскресенье или в субботу шли с блинами на кладбище «прощаться с родителями». В обряде похорон Масленицы блин давали в руки чучелу Масленицы. Блины пекли также на Вознесение. Их называли «Христу онучи», «христовы (или «божьи») онучи». Их пекли на счастье, брали с собой в поле. Наряду с другими видами хлеба блины пекли на Рождество. Первый блин в Сочельник давали овцам – от мора, скоту отдавали остатки блинов и рождественской

кутьи. Под Рождество хозяин с кутьей и блинами ходил звать мороз на ужин. Блины также специально пеклись для колядников. Блины были составной частью угощения на дожинках и в начале жатвы¹.

В северо-восточной России блины использовали в свадебных обрядах. Угощение блинами сопровождалось в некоторых местах символическими «похоронами» невесты или упоминанием покойника. Невеста в это время должна как бы «умереть» как девушка, чтобы потом «воскреснуть» в новом качестве. После брачной ночи молодых кормили блинами, совершали шуточный обряд «блин продолбить», устраивали «блинный стол», мать невесты присылала блины к выходу молодых из бани. Повсеместно у русских теща угощала зятя блинами в конце свадьбы. Во время угощения невеста старалась вырвать у жениха первый блин, чтобы получить власть над мужем. По способу поедания женихом блинов судили о девственности невесты: если она оказалась «нечестной», жених ломал блин, перекусывал у него середину, откладывал взятый блин и больше не ел, дарил теще дырявый блин или клал на блин не целый рубль, а мелочь, если молодая «не цела». В некоторых местах и сама невеста в конце свадьбы пекла блины и угощала ими мужа и гостей, иногда устраивали шуточную продажу невестиных блинов².

Важнейшей частью русской бытовой культуры была баня. Главные составляющие русской бани: калильная печь с булыжником (каменка) или с ядрами и чугунным боем (чугунка), или с колодою, в виде запрокинутого котла с завороченными краями; затем полок с приступками и подголовьем, на котором парятся; лавки вокруг стен, на которых моются; чаны с горячей и холодной водой; шайки для мытья и оката; вехотки (мочало) для мылки; веники (дубовые или березовые) для парки. При бане бывает предбанник, где раздеваются, отдыхают, запивают баню квасом³. Как пишет Н. Костомаров, «русские ходили в баню очень часто: она была первую потребностью в домашней

¹ Г у р а А.В. Блины // Славянская мифология. М., 1995, с. 53.

² Там же, с. 54.

³ Д а л ь В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978. Т. 1, с. 45.

жизни, как для чистоплотности, так и для какого-то наслаждения. Почти в каждом зажиточном доме была своя мыльня; сверх того, для простонародия и для приезжих везде по городам существовали общественные, или царские, мыльни, где за вход платили деньги, составлявшие во всем государстве ветвь царских доходов. По известию Котошихина, ежегодно собирались таким образом до двух тысяч рублей со всех мылен, находившихся в ведомстве конюшенного двора. Мыльни вообще топились каждую неделю один, а иногда и два раза. В летние жары запрещалось их топить в предупреждение пожаров, с некоторыми исключениями для больных и родильниц, по воле воевод. Тогда-то особенно наполнялись царские мыльни; впрочем, запрещение топить свои собственные касалось более посадских и крестьян; люди высшего значения всегда пользовались исключением. Баня для русского была такою необходимостью, что по поводу запрещения топить их жители грозили правительству разбрестись врознь из своих домов.

Обыкновенно ходили в мыльню после обеда, не страшась от этого вредных последствий. Жар был нестерпимый. На скамьях и полках постилалось сено, которое покрывали полотном. Русский ложился на него и приказывал себя бить до усталости, потом выбегал на воздух и бросался летом в озеро или реку, подле которых обыкновенно строились мыльни, а зимою катался по снегу или обливался холодною водою на морозе. Всегда кто ходил в мыльню, тот и парился: это было всеобщим обычаем. В общественных мыльнях было два отделения: мужское и женское; они отделялись одно от другого перегородками, но вход и в то, и в другое был один; и мужчины, и женщины, входя и выходя в одну дверь, встречались друг с другом нагишом, закрывались вениками и без особенного замешательства разговаривали между собою, а иногда разом выбегали из мыльни и вместе катались по снегу. В более отдаленную старину было в обычае и мужчинам, и женщинам мыться в одной мыльне, и даже чернецы и черницы мылись и парились вместе.

Баня была самым главным лекарством от всяких болезней: коль скоро русский почувствует себя нездоровым,

тотчас выпьет водки с чесноком или перцем, закусит луком и идет в баню париться»¹.

Во многих деревнях России редкая семья не имела бани². Строились они рядом с рекой, озером, прудом. По народным поверьям, в бане за каменной или под полком живет дух бани – банник. Когда нет людей, он моется, и поэтому ему следует оставлять воду, мыло и веник, иначе он будет брызгать на всех кипятком, кидать раскаленные камни, напускать угару. Входя в баню, следовало сказать: «Крещеный на полок, некрещеный с полка».

ГЛАВА 53. Православные и народные праздники. – От Пасхи до Рождества. – От Крещения до Покрова. – Семик, Радуница, Троица. – Иванов день. – Три Спаса. – Святки и Масленица. – Никольщина и Егорий.

Напряженные трудовые будни русского человека периодически сменялись праздниками, служившими своеобразными вехами народной жизни. Они упорядочивали быт, вносили разрядку в тяжелый труд, давали массу положительных впечатлений, ощущение радости и веселья. Каждый православный считал своим долгом ознаменовать праздничное время делами благочестия и христианской благотворительности. Главным делом в празднике было посещение церковного богослужения. Многие приглашали к себе священников и служили в доме молебны. Существовал также обычай кормить нищих и подавать милостыню.

Трудиться в праздники и воскресные дни возбранялось. Даже в будни по случаю храмовых праздников и крестных ходов запрещалось работать и торговать до окончания богослужения.

Самым великим и торжественным праздником для русских людей является Пасха – Светлое Христово Вос-

¹ Костомаров Н. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI–XVII столетия. СПб., 1860, с. 98–99.

² Правда, были в России отдельные места, где бань не ставили, а мылись в большой русской печке.

кресение. Этому празднику предшествует семинедельный Великий пост. За неделю до Пасхи в Вербное воскресенье в церкви освящались веточки вербы, которыми потом украшали иконы в красном углу.

Приближение Пасхи ждали с нетерпением. Ночь на Пасху проходила в торжественном богослужении. Рядом с церквями жгли костры и смоляные бочки, стреляли из ружей, торжествуя тем самым победу Христа над силами тьмы. Утром в Светлое воскресенье православные разговлялись, христосовались, обменивались крашеными яйцами. По домам ходили священники. Считалось, что с первого дня Пасхи открываются райские врата и остаются отворенными до последнего дня. По народным поверьям, тот, кто умирает в Пасху, идет прямой дорогой в рай. Поэтому многие старики молили Бога, чтобы он их забрал на Пасху. По древнему обычаю, умершего в Пасху хоронили с красным яичком в правой руке. Всю Светлую неделю по всей России с утра до ночи били колокола. Со светлой среды во многих местах начинали водить хороводы, хором петь песни. Пасхальная суббота называлась в народе хороводницей. В воскресенье со Светлой седмицы на Фомину неделю совершались проводы Пасхи.

После Пасхи начинались народные праздники, ведущие свои корни еще с языческих времен. В Фомино воскресенье, именовавшееся Красной горкой, русские люди собирались на возвышенности и славили Христа Бога. В древности в этот день возжигались священные костры в честь языческих идолов.

Фомин понедельник у русских назывался «Радоницей», в этот день устраивались тризны, поминки по всем усопшим предкам. Следующий вторник именовался «Навьим днем». На нем продолжалось поминовение умерших. На той же Фоминой неделе совершалось заклинание весны, водились ритуальные хороводы. Поминовение умерших перерастало в праздник жизни. Песни и хороводы сочетались со смотринами невест.

Последний четверг перед Троицей, седьмой четверг после Пасхи назывался Семик. В этот день девушки вили венки, пели песни и водили хороводы – отголосок языческого праздника весны. Неделя, на которую прихо-

дился Семик, называлась семицкой, русальной, зеленой, клечальной. По христианскому обычаю в этот день было принято ухаживать за могилами странников и неизвестных, не имевших в данном месте родных и близких. Еще в XVII–XVIII вв. русские люди в Семик совершали погребения и поминовение по убитым и скоропостижно умершим в убогих или скудельничьих домах. В этот день всякий мог идти в «божий дом» (божедом), куда мертвых доставляли с улиц и проезжих дорог и хранили до Семика в леднике, и совершить богоугодное дело – похоронить усопшего по христианскому обычаю, на особых местах, называемых скудельницами, которые обсаживались деревьями и обращались в зеленые рощи.

Еще в н. XX в. празднование Семика было почти всеобщим. Например, в Саратовской губ. для празднования Семика избирался особый дом, куда приносили разных припасов для пира, не забывая солода и хмеля; варились брага, затираемая, заквашиваемая и сливаемая при пении веселых песен. В самый же Семик, в полдень, начиналось торжество. Посреди двора было воткнуто срубленное с ветвями и листьями дерево, под которым стоял горшок с водою. Девушки ходили по двору или сидели, а мальчуганы держали в руках заготовленные кушанья, другие – ведро с пивом на палке. Более веселая, бойкая девушка подходила к дереву, опрокидывала горшок с водою, выдергивала дерево из земли и затягивала песню, под которую все присутствовавшие шли в лес, где устраивали пир. Затем между девушками происходил обряд кумления. По завивании венков, после кумления, выбирали подбрасыванием вверх платков старшую куму, которая и носила это название в продолжение целого дня. Потом возвращались веселым хороводом в село с тем, чтобы в Троицын день снова прийти в тот же лес развить свои венки. Каждая пара рассматривала, завял или еще свеж ее венок; по нем судили о своем счастье или несчастье. Кроме того, свивали еще венки и для своих родных, испытывая и их судьбу.

Иногда веселая толпа отправлялась к реке, чтобы гадать. Чей венок принесется водою первым к берегу, та думала, что она прежде своих подруг выйдет замуж; чей венок приплывет вторым, та выйдет замуж после своей

подруги; но если веночек начнет качаться на одном месте и не выплывет, то считалось, что обладательнице его не выйти замуж; чей веночек потонет, той девушке или жениху ее суждено вскоре умереть¹.

На Троицын (Пятидесятницы) день церкви и дома украшались цветами, ветками березок или даже целыми березами. Начинаясь с торжественного богослужения, он перерастал в широкие народные гуляния, непременной принадлежностью которых были хороводы, пение, пляски под открытым небом – в рощах, лугах, на холмах. Здесь же угощались пирогами и обязательным блюдом из яиц. На Троицын день было принято завивать венки на березах. В лесу совершался обряд кумления. Девушки и молодые женщины собирались на поляне вокруг березы, вешали на нее и рядом с ней свои кресты. Затем все пели песни, а решившие покумиться женщины обменивались крестами и целовались через шнурок креста, называя друг друга «кумами».

Следующий за Троицей понедельник именовался Духовым днем. По народным преданиям, на этот праздник – во время Божественной службы – сходит с неба священный огонь, испепеляющий всех злых духов, попадающихся ему. Считалось также, что на Духов день с восходом Мать Сыра Земля открывает свои тайны.

Во время летнего солнцестояния русские люди отмечали Иванов день, иначе именовавшийся Иваном Купалой. Продолжался он два дня и совпадал с днем св. Агриппины и с праздником Рождества Иоанна Предтечи. В ночь на Ивана Купалу совершались особые купальские обряды. Главной идеей праздника была борьба с нечистой силой, изгнание и уничтожение ее. Этой идее подчинялись ритуальные праздничные действия: сбор трав и цветов, плетение венков, украшение зеленью домов. В рощах, на полянах в лесу разводили костры, на них сжигали чучело, символизирующее нечистую силу, после чего присутствовавшие прыгали через огонь. Девушек, отказавшихся прыгнуть через костер, называли ведьмами. Чтобы испугать и уничтожить нечистую силу, устраивали сильный шум,

¹ Г р о м ы к о М.М. Мир русской деревни. М., 1991, с. 350–351.

звонили в колокола, стреляли из ружей, громко кричали. На Иванов день собирали травы для изготовления лекарственных снадобий. Травы в этот день считались особенно целебными. Особенное значение придавалось поиску цветка папоротника, по народным поверьям имевшего магическую силу.

На Петров день – праздник свв. апп. Петра и Павла – во многих местностях после церковной службы русские люди шли к ключам-родникам умываться «петровой водицей» и угощаться белым и сладким вином. Вокруг родников пелись хоровые песни, многие пускались в пляс, водили хороводы. В некоторых местах парни гуляли среди девушек, закрыв лицо платками. Считалось, что угадавшей девушке скоро суждено выйти замуж.

На Ильин день – праздник св. Ильи Пророка – русские крестьяне не работали в поле, не выгоняли скот на пастбище. После церковной службы еще в XIX в. православные собирались всем приходом возле храма и сгоняли туда рогатый скот. Священник окроплял его святой водой. После обедни выбиралось одно животное, его хозяину уплачивали «с каждой души деньги». Затем животное закалывали, варили в общем котле и раздавали за деньги присутствовавшим. Собранные деньги передавали в пользу церкви. С Ильина дня запрещалось купаться в реках и водоемах.

В августе православные праздновали три Спасовых дня. Первый Спас, иначе называемый Медовым Спасом, приходился на церковный праздник Происхождения Честных Древ Креста Господня. В этот день начинался первый посев озимого хлеба и выемка первого меда из ульев. После обедни священник выходил к паперти, благословлял «новую новину» от пчел и святил принесенные соты. Часть меда выделялась церкви, а часть передавалась нищим, по обычаю собиравшимся поздравить пчеловодов с Медовым Спасом. Вечером было принято угощать медом детей и подростков, которые с чашечками в руках собирались толпой возле пчельников.

Второй Спас, именуемый также Яблочным Спасом, праздновался в день Преображения Господня. В этот день русские садоводы приносили в храм яблоки и другие фрук-

ты для освящения. После службы плоды эти раздавались священником всем прихожанам. Яблоками наделялись бедняки, нищие и больные. Существовало поверье, что желание, задуманное в ту минуту, когда проглатывается первый кусочек Спасова яблока, обязательно сбудется. Вечером в поле собиралась молодежь, водила хороводы и веселилась.

Третий Спас совпадал с Успеньевым днем¹ и имел еще одно название – Спожинки (Госпожинки). Это был православный земледельческий праздник урожая. До этого дня в России полагалось успеть дожать последний сноп. Существовал обычай обвязывать серпы на Третий Спас последними колосьями и класть под иконами. После службы шли крестным ходом в поле, где на меже устраивали благодарственный молебен, затем устраивали «мирскую складчину», варили «братское пиво», пекли праздничные пироги из новой муки, иногда варили купленного на мирские деньги барана.

Частью праздника в Спасов день на Успенье было освящение нового хлеба. Это происходило во время службы, на которую каждый хозяин приносил в церковь свежее испеченный каравай. До возвращения с ним из храма не разрешалось ничего есть. После службы разговлялись освященным хлебом, а остаток его, завернутый в чистую холстину, клали под образа.

Праздник Покрова Пресвятой Богородицы отмечался у русских с особым размахом. Русские люди верили в особое покровительство, покров Божьей Матери над Россией. В этот день крестьяне подводили свои земледельческие итоги, заканчивали работы в поле и на гумне, и наступала на деревне пора свадеб. После службы начинались гуляния. По народным преданиям, снег, упавший на землю в этот праздник, предвещал много свадеб и хорошую зиму. Девушки выходили на крыльцо и произносили ритуальную фразу: «Батюшка-Покров, покрой ты Мать Сыру Землю и меня, молодую!», или «Батюшка-Покров, покрой землю снежком, а меня женишком».

¹ В некоторых местностях он отмечался в следующий после Успения день празднования перенесения Образа Спаса Нерукотворенного.

Вторым по значению православным праздником после Пасхи было Рождество Христово, знаменовавшее приход в мир Спасителя. Празднику предшествовал длительный пост. В последний день – Сочельник – не полагалось принимать никакой пищи вплоть до «звезды». С благоговейным чувством православные ожидали, когда загорится на небе первая вечерняя звезда, которая две тысячи лет назад возвестила волхвам о рождении Сына Божия в Вифлееме. После появления звезды по уставу церковному разрешалось вкушать только сочиво (взвар рисовый или ячменный – с медом) с хлебом пшеничным, оладьи медовые да пироги постные. Разговенье полагалось только утром после службы. В этот же день начинались Святки, которые продолжались вплоть до Крещения. На Святках устраивали массовые гуляния и игры. Молодежь ходила колядовать – славить Христа, исполняя песнопения, посвященные Рождеству Христову, величать хозяина, хозяйку и их детей. Хозяева награждали славильников пирогами и лакомствами, которые потом делились между всей компанией.

Колядование чаще всего сочеталось с обычаем ряжения – обрядовым переодеванием. Ряжеными ходили по домам и потешали всех неожиданными выходками. В памятниках Древней Руси, начиная с XII в., упоминаются ряженные, надевающие на себя «личины» и «скураты», участвующие в игрищах с «дьявольскими обличьями», с косматыми козьими «харями». Одевались ряженные в костюмы животных (коза, медведь, волк и т.п.), святых (св. Андрея, св. Николая), ангелов, чертей, ведьм, покойников, представителей других национальностей и социальных групп (цыгана, жида, арапа, немца, барина, нищего). Все ряженные, кроме одетых в святых, старались выглядеть пострашней, устраивали шуточные дебоши и даже потасовку.

Несмотря на всеобщее веселье, ряжение рассматривалось среди русских людей как дело греховное и опасное. По данным, собранным на русском Севере, сами участники переодеваний редко соглашались на свои роли добровольно, предпочитая бросать жребий. Роли чертей, покойников и прочей нечистой силы разрешалось играть

только взрослым мужчинам, женщинам и детям этого делать не полагалось. После праздника все принимавшие участие в ряжении должны были пройти обряд церковного очищения.

На Святках устраивали также «игрища» и посиделки молодежи в избах. На посиделках беседовали, пели, занимались гаданием (девушки гадали на женихов). После посиделок выходили на улицу, жгли костры, водили хороводы.

На Крещение в самые суровые морозы русские люди собирались на службу, во время которой освящалась вода в реках и водоемах. От Крещения до Пасхи в жизни русского народа был еще один веселый, массовый праздник – Масленица. Так именовалась сырная неделя, предшествовавшая Великому посту. В эту неделю мясо исключалось из пищи, а творог и молочные продукты разрешались. На Масленицу каждая семья пекла блины, обильно маслила их и до отвала наедалась, памятуя, что впереди семь недель строгого поста. Множество народных обычаев, обрядов, игрищ, шестивий ряженных, связанных с масленицей, свидетельствует о языческом происхождении праздника. На масленичную неделю катались с песнями на лошадях, устраивали шумные свалки на ледяных горах, водили хороводы, веселились на посиделках, устраивали кулачные бои.

Из других народных праздников, широко отмечаемых русскими, следует отметить дни, посвященные памяти особо почитаемых русских святых Николая Чудотворца и Георгия Победоносца. Память этих святых празднуется два раза – зимой и весной.

На Николу Зимнего крестьяне часто собирали «братчину». Это был обетный праздник, к которому готовилась вся деревня. На общий счет варилось пиво, которое выпивалось на праздники до последней капли. В некоторых местностях на Николу крестьяне приносили в церковь жареных петухов, баранину, каравай хлеба. Часть съестного отдавалась церковному причту, остальное поедалось на братчине. «Никольщина красна пивом да пирогами! – говорили крестьяне. – На Никольщину едут мужики с поглядкой, а после Никольщины валяются под лавкой». Русские

крестьяне считали Николая Чудотворца своим особым покровителем. Ему приписывалась защита хлебородных полей. Русским людям святой Николай представлялся то в образе доброго деда (Никола Милостивый), то в виде сурового старца, то в облике богатыря, напоминающего Микулу Селяниновича. Во всех случаях они верили в доброту, покладистость и снисходительность святого к простым труженикам. Неумеренное употребление вина в его день считалось своего рода ритуалом.

Св. Георгий Победоносец в сознании русских крестьян был добрым, заботливым хозяином полей и лугов. Крестьяне считали, что именно он покровительствует хлеборобам, «отмыкает землю», «выпускает на белый свет росу», «дает силу-мочь всходам». Поэтому празднование св. Георгия (Егория) в русской деревне было великим событием, на которое собирались все от мала до велика. Отстояв службу, хозяева шли выпускать скот на пастбища, вместе с ними туда направлялись священники и устраивали молебен. Нередко скот собирали прямо около церкви, а затем освящали. Особый почет в этот день оказывали пастухам с подпасками. Им готовили мирское угощение, большую яичницу и в достатке вина. В некоторых местностях на праздник св. Георгия Победоносца крестьяне окатывали пастуха водой, а затем уж устраивали ему угощение.

ГЛАВА 54. Сказочный и былинный мир. – Вера в победу добра. – За Русскую Землю. – Галерея народных героев. – Голубиная книга.

Неотъемлемой частью традиционной народной культуры были сказки и былины. С древнейших времен они пронизывали жизнь русского человека, учили его нравственному отношению к миру, напоминали ему о героических деяниях предков, развивали его ум и фантазию. Вплоть до XVII в. сказки и былины были широко распространены во всех слоях общества, в избах и дворцах. Распространялись они, как правило, изустно, переходя от деда к отцу, от отца к сыну, создавая особый мир, образы которого были оди-

наково близки всем русским людям. В русских сказках и былинах всегда побеждает добро. Положительный герой в них – трудящийся человек, добывающийся успеха, правды и справедливости собственными руками. Русские сказки исполнены искреннего чувства, и прежде всего сострадания к несчастным и бедным. Зло, нечестность, криводушие обречено на поражение. «Народ не выдумывал, – писал исследователь русских сказок А.Н. Афанасьев, – он рассказывал только о том, чему верил, и потому даже в сказаниях своих о чудесном – с верным художественным тактом остановился на повторениях, а не отважился дать своей фантазии произвол, легко переходящий должные границы и увлекающий в область страшных, чудовищных представлений»¹. В этом смысле у русских не могло быть сказок вроде «Тысячи и одной ночи».

Распространенным сказочным сюжетом является история о трех братьях, из которых двое старших – умные, а третий, младший, – дурак. Младший брат, которого обычно называют Иван-Дурак (или Иванушка-Дурачок), – выразитель народного христианского идеала скромности, нестяжательства, «нищеты духа» и юродства. Ивану-Дураку совершенно чуждо стремление к успеху и благополучию. Подчеркиваются его «дурость» и нелепые бессмысленные поступки. Именно эта кажущаяся с бытовой точки зрения «дурость» спасает Ивана-Дурака, когда он попадает в опасное положение, а все «умные» вокруг него гибнут. Благодаря своей «дурости» Иван-Дурак проходит все испытания и достигает высшего успеха – побеждает противника, женится на царской дочери, получает богатство и славу, становится Иваном Царевичем.

Иван Царевич – образец наивысшего успеха. Однако достигается он вопреки обычному здравому смыслу и с полным пренебрежением к материальным благам. По своей сути образ Ивана Царевича является одним из вариантов образа Ивана-Дурака.

В сказке о заколдованной невесте девушка, не согласившаяся на близость с темной силой, превращается в лягуш-

¹ Афанасьев А.Н. Народные русские сказки в 3-х томах. М., 1985. Т. 1, с. 8.

ку. Темная сила, несмотря на все свои старания, не может сломить заколдованную девушку, которая силой любви и верности своему милому и с его помощью рассеивает колдовские чары и становится Еленой Прекрасной.

В русских сказках существует множество персонажей, большинство из которых были известны почти всем русским людям. Некоторые из них олицетворяли естественные силы природы. Так, персонажи русских сказок Вечорка, Зорька, Полуночка выражали основные моменты суточного солнечного цикла, представлялись они в виде богатырей, побеждавших силы колдовства и зла. Существуют они также под другими названиями – Вечер, Вечерник; Заря-богатырь, Светозор (Световик), Иван Утренней Зари и Иван Полночной Зари; Полночь-богатырь, Полночник.

Естественные силы природы выражали Горыня, Дубыня и Усыня – три богатыря-великана русских сказок. Они были наделены сверхъестественной силой. Горыня захватывает целую гору, несет в лог и верстает дорогу или «на мизинце гору качает, горы сворачивает». Дубыня «дубье верстает: который дуб высок, тот в землю пихает, а который низок – из земли тянет» или «дубье рвет». Усыня «спёр реку ртом, рыбу ловит усом, на языке варит да кушает», «одним усом реку запрудил, а по усу, словно по мосту, пешие идут, конные скачут, обозы едут».

Такой же мощью обладал герой Вернигора. Он был так могуч, что свободно двигал горы. Вместе с тремя другими могучими героями Покатигоршком, Вернидубом и Верниводом совершал великие подвиги.

Положительным героям русских сказок, добрым, честным и справедливым, всегда противостояли темные, нечистые силы: Кашей Бессмертный, Баба Яга, Соловей-Разбойник. Последний изображался либо в виде человека, либо в виде загадочного громадного существа с птичьими крыльями, под которым сгибается дуб.

К русским сказкам о героях и богатырях близко примыкали народные эпические песни о богатырях и добрых молодцах. В народе они носили название «старин» или «старинушек», а в XIX в. в литературных кругах обрели новое наименование былин. По справедливому замечанию митрополита Иоанна (Снычева), былины были зеркалом

народного сознания¹. Выведенные в былинах образы русских богатырей составили галерею героев, ставших на многие столетия примером героического служения Церкви, Родине и народу для целых поколений русских людей. Любой былинный богатырь – это прежде всего борец за Землю Русскую. Любимым богатырем русского эпоса был Илья Муромец, крестьянский сын, защитник Русской земли от врагов. Пролежавши в параличе до 33 лет, он получает силу от ангелов-странников. Борется с Соловьем-Разбойником, идолищем, жидовином, татарами. Выступает на арену боевых подвигов с постоянным эпитетом «старый казак», хотя превосходит прочих богатырей силою и храбростью. Образ его олицетворяет собой спокойное, уверенное в своей мощи мужество, благоразумие и сознание своего достоинства. Стоя на страже общерусских земских интересов и служа выразителю их кн. Владимиру, Илья Муромец в то же время не дает ему проявлять над собою свой подчас крутой и своенравный характер, каким он рисуется в некоторых былинах, и смело ссорится и даже покидает его на некоторое время. Былины изображают Илью Муромца добродушным, чуждым зависти или недоброжелательства; к жестоким действиям он прибегает только в случаях необходимости. Деятельность его чрезвычайно разнообразна: он освобождает Черниговскую землю от разбойников, охраняет веру христианскую от покушений басурманских и языческих; он же атаманствует на заставе в степи. По отношению к другим богатырям он старший брат, первый дружинник и советник.

В русских преданиях Илья Муромец порою сливался с образом св. Илии Пророка. Подвиги этого богатыря Земли Русской, связанные с памятью о преподобном Илье Муромском, почивающем в Киево-Печерской лавре, приписываются Илье Пророку. Во многих местностях, где, по преданию, конь Илья Муромца выбивал копытом родники, поставлены часовни во имя св. Ильи. В некоторых губерниях даже громовые раскаты объяснялись поездкой богатыря Муромца на шести конях по небу².

¹ Иоанн (Снычев), митрополит Санкт-Петербургский и Ладонский. Русская симфония. СПб., 1998, с. 37.

² Коринфский А. Народная Русь. Смоленск, 1995, с. 312.

Рядом с Ильей Муромцем можно поставить Микулу Селяниновича, чудесного пахаря, несущего «тягу земную», олицетворявшего русское крестьянство; биться с ним нельзя, так как «весь род Микулов любит Матушка Сыра Земля». Микула Селянинович иногда отождествлялся со св. Николаем Чудотворцем, защитником и покровителем хлебобобов и полей. Главное в жизни Микулы Селяниновича, согласно былинам, – труд, пахота. В его образе олицетворяется сам народ, ибо только Микула может поднять те «сумочки переметные», в которых обретаются «тяга земли». Мощь Микулы Селяниновича подавляет и посрамляет черные силы колдовства. Былина рассказывает, как богатырь Волх Всеславьевич, известный своей силой и «вежеством» (то есть владеющий колдовскими тайнами), при рождении которого «подрожала Мать Сыра Земля, сотрясалось славно царство Индейское, а и сине море сколебалось», вынужден был уступить пахарю Микулушке первенство в труде. Волх Всеславьевич увидел в поле пахаря, который пашет, да с таким размахом, что «ехал Волх до ратая день с утра до вечера, а не мог до ратая доехать». Не утерпел Волх, зовет Микулу Селяниновича поехать с собою в побратимах, и Микула соглашается, но когда пришло время вынимать из земли соху, то ни сам Волх, ни вся его дружина не могли с ней справиться, а только Микула Селянинович одной рукою выдергивает соху из земли и перебрасывает ее за ракивов куст.

Святогор – один из старших богатырей русского эпоса, великан, неодолимый никем, находящий смерть в волшебном гробу. В древнерусском сознании олицетворял силу природы. Известны две былины. Обе повествуют о его гибели, но различно. В одной он погибает потому, что желает поднять тягу земную и вместо этого погружается в землю; в другой – он ложится в гроб и закрывается крышкой, но снять ее уже не может ни сам, ни с помощью Ильи Муромца.

Богатырь Добрыня Никитич служил при дворе князя Владимира. Он считался самым грамотным и образованным, умел красиво говорить, играть на гусях. Известен его подвиг в битве со Змеем Горынычем, от которого он освободил племянницу князя Владимира Забаву Путятичну.

Былины также повествуют о поездке Добрыни Никитича в качестве свата князя Владимира к польскому королю за его дочь Апраксой.

Былины рассказывают о богатырской заставе на границе Русской Земли. В состав ее, кроме Ильи Муромца и Добрыни Никитича, входил также богатырь из Ростова Алеша Попович. Последний отличается изощренным умом и хитростью. Алеша Попович смело бросается на чудовище Тугарина Змиевича и отрубает ему голову. Алеша Попович известен также своим женолюбием и даже соблазняет жену князя Владимира.

Богатырь Вольга Святославич, согласно былинам, обладает особой «хитростью-мудростью», способностью оборачиваться серым волком, лютым зверем, ясным соколом, муравьем. В момент «рождения богатырского» задрожала «сыра земля», всколебалось «сине море». Вольге Святославичу князь Владимир дает особые поручения в разных странах. С храброй дружиной богатырь совершает походы в Индию, Золотую Орду, Турецкую землю. В одну из таких поездок Вольга Святославич встречается и братается с богатырем-пахарем Микулой Селяниновичем.

Былины не идеализируют богатырей, не скрывают их отрицательных черт, честно показывая их со всех сторон.

Так, боярский сын Василий Буслаев, связавшийся с новгородской вольницей, бесшабашный пьяница и ушкуйник, вступает в бой со всем Новгородом. Богатырь Иван Гостинный сын, происхождением из купцов, смело бьется за Русскую Землю. Но тем не менее былины сообщают, что Иван хвастлив, любитель вина и женщин, в торговле способен зарваться до того, что спускает все свое состояние. У Ивана возникает серьезная ссора с кн. Владимиром из-за чудесного коня – «бурушки косматого», который превосходил всех коней князя.

В истории традиционной народной культуры наряду со сказками и былинами особое место принадлежит так называемой Голубиной книге, памятнику древней русской духовной поэзии. Хотя в основе книги, по-видимому, лежат литературные источники, вольная обработка ее стихов за многие столетия придавала им воистину народный характер.

Стихи из этой книги читали наизусть сказители и калики перехожие, приходя в крестьянские избы и дворянские хоромы. Свое название Голубиная книга получила от слова «глубина», так как в ней содержалась «глубинка», премудрость знаний о происхождении мира, объяснялись сложные явления природы. Название «Глубина» нередко давалось Псалтири. Будучи первоначально книгой дозволенной, эта «Глубина», или Голубиная книга, в XIII в. переходит в разряд запрещенных, или т. н. апокрифических. Последнее объясняется тем, что в книге объединились как христианские, так и языческие мотивы.

Голубиная книга известна в нескольких списках. Несмотря на некоторые их различия, книгу можно разделить на три части. В первой части, служащей эпическим введением, рисуется обстановка события – появления необыкновенной книги. По одним вариантам, «из-под тучи темная», по другим – «на славную на Фавор гору, ко чудну кресту животворящему, ко Алатырю белу камню, ко честной главе ко Адамовой»; по третьим – «на матушке на святой Руси» выпадает книга голубиная, голубиная, лебединая, божественная книга евангельская. «И не малая, не великая, долины книга сорок сажен, поперечины двадцать сажен». Около этой книги собираются различные лица: сорок царей, сорок князей, сорок попов и т.д. Вторая часть включает разговор двух лиц: Волот Волоотович (иначе Володимер Володимерович) предлагает вопросы, а Давид Есеевич отвечает. Первый ряд вопросов касается космогонии. Волот спрашивает, отчего произошли свет, солнце, месяц, зори, звезды, ночи, росы, ветры, гром и дробен дождик. Ответы даются в духе христианского мирозерцания. Источник всех этих явлений – или Бог (Отец), или Христос – Царь Небесный, или Дух Святой Саваоф. В некоторых вариантах дальше идут вопросы о создании человека и сотворении каст. На вопрос о создании человека Давид отвечает: «у нас ум-разум самого Христа; наши помыслы – от облац небесных; мир-народ от Адамия; кости крепкия – от камня; тела наша – от сырой земли; кровь-руда наша – от Черна моря». Ответы на вопросы о создании сословий, – по всей вероятности, позднейшая вставка: «оттого у нас в земле цари пош-

ли от святой главы, от Адамовой; оттого зачадилась князья-бояры – от святых мощей от Адамовых; оттого крестьяны православные – от свята колена от Адамова». Далее во всех списках идут вопросы о первенстве, или старейшинстве, различных предметов. «Какой царь над царями царь, какой город всем городам отец», и так далее в такой же форме вопросы о Церкви, о горе, море, реке, озере, о рыбе, птице, звере, о древе, траве и камне. Ответы дают следующие указания на первенство: белый царь, Иерусалим, Церковь соборная, или Святая святых Иерусалимская, гора Фавора, Окиян море (в одних списках, потому что обошло вокруг земли; в других, потому что на нем выходит раз в год Церковь соборная, а в ней мощи Клима, Климентьева, папы Римского), Иордань-река, кит-рыба, потому что на ней держится вся сыра земля, птица Страфиль, или Естрафиль; зверь-индрик, или единорог, или лев; трава-плакун, пошедшая от слез Богоматери; и, наконец, всем камням мати – камень Алатырь, или Латырь, на котором сидел Христос. Третья часть стиха в Голубиной книге передает сон, рассказанный Волотом: спорят правда и кривда, в образе или двух зверей лютых, или двух юношей, или двух зайцев, белого и серого. В некоторых вариантах излагается другой сон, пророческий: у Волота должен родиться сын, а у Давида – дочь Соломония, и они должны сочетаться браком¹.

Голубиная книга сыграла большую роль в развитии русского национально-православного самосознания и начал философской мысли.

¹ Большая энциклопедия под ред. С.Н. Южакова. СПб., 1902. Т. 7, с. 165.

НАУКИ И ИСКУССТВА

ГЛАВА 55. Русский язык. – Письменность и книга. – Отношение к печатному слову. – Самая читающая страна в мире.

Появление протославянского языка, из которого впоследствии выделился праславянский, а затем и древнерусский восточнославянский язык, ученые лингвисты относят ко II–I тысячелетию до нашей эры. Древнерусский язык просуществовал как единое целое с XII по XIV вв. В Киевской Руси древнерусский язык был средством общения большого количества финно-угорских, тюркских, балтийских племен и народностей, а в XVI–XVII вв. – государственным языком не только самой Руси, но и Великого княжества Литовского и Молдавского княжества.

В XIII–XIV вв. часть русского народа подпала под оккупацию татаро-монгольских и польско-литовских завоевателей. В результате разрушается единство древнерусского языка. Возникают новые этноязыковые центры. Особенность существования некоторых частей русского народа приводит к возникновению трех главных наречий русского языка, имевших каждое свою особую историю: северное (северновеликорусское), среднее (позже белорусское и южновеликорусское) и южное (малорусское).

В XVIII – 1-й пол. XIX вв. происходит создание общероссийского литературного языка. Большую роль здесь сыграла языковая теория и практика М.В. Ломоносова, автора первой обстоятельной грамматики русского языка, предложившего распределить различные речевые средства в зависимости от назначения литературных произведений на высокие, средние и низкие стили.

С эпохи Ломоносова, В.К. Тредиаковского, Г.Р. Державина, В.А. Жуковского, Н.М. Карамзина и др. начинается органичное слияние церковно-славянского и русского народного языков, которое нашло свое высшее выражение в литературном языке А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова,

Н.В. Гоголя, а впоследствии И. С. Тургенева, Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого.

К н. XX в. по словарному запасу, многообразию значений и возможностей передачи самых тонких оттенков человеческих переживаний, описания природы и общественных отношений русский язык принадлежал к числу богатейших литературных языков, что, естественно, вело к полному вытеснению из культурной сферы устаревших наречий и диалектов. Все культурные люди России, где бы они ни жили – в Сибири или в Белоруссии, на Урале или в Малороссии – использовали русский литературный язык.

Как в VII–XIV вв. древнерусский язык был одним из важнейших факторов национального единства, так в XIX – н. XX вв. этим фактором стал общерусский литературный язык Пушкина, Гоголя, Достоевского и Толстого. Объединял все ветви и части русского народа русский литературный язык, создавая благоприятные условия для развития общероссийской культуры и взаимопонимания между русскими и другими народами России. Разрушение Российской Империи, разделение русского народа приводит к насильственному вытеснению общероссийского языка с территории Малороссии и Белоруссии и ряда национальных районов. Производится эксгумация давно устаревших, архаичных наречий, насаждаются искусственные языки.

Вместе с русским языком подобный же путь стремительного возвышения в мировой культуре проделали русская письменность и книга.

Первые русские книги, как и на Древнем Востоке и в Египте, представляли собой свитки или деревянные дощечки с процарапанными на них письменными знаками, сохранявшими, как правило, языческие ритуалы и заклинания.

Время возникновения первоначальной славянской письменности относится к 1-й пол. I тысячелетия н.э. «Отнюдь не являлось бы смелым предположением, – писал академик С.П. Обнорский, – о принадлежности каких-то форм письменности уже русам антского периода»¹. Иностранцы

¹ Обнорский С.П. Культура русского языка. М., 1948, с. 9.

путешественники, посещавшие славянские племена в этот период, свидетельствуют о виденных ими подписях в языческих капищах.

Ученым известны древние письменные знаки славянских племен, в том числе:

1. «Причерноморские знаки», открытые в сер. XIX в. в Херсоне, Керчи, Ольвии и в других местах греческого поселения на территории нашей страны. Знаки эти по своему рисунку имеют довольно сложную линейно-геометрическую форму. Некоторые из них напоминают одну из древнеславянских азбук – глаголицу. Большинство знаков относятся к III–IV вв. н.э. и представляют собой, по видимому, родовые, племенные или личные знаки, знаки собственности и магические культовые знаки;

2. Знаки на предметах быта, на различных ремесленных изделиях – горшках, медных бляхах, свинцовых пломбах, пряслицах и монетах и т.п. Значительный интерес представляет так называемая «алекановская» надпись. Она была нанесена на глиняный сосуд X–XI вв., обнаруженный в 1847 во время раскопок у с. Алеканово под Рязанью, и состоит из 14 знаков;

3. Изобразительный символический орнамент, обнаруженный на вазах и кувшинах, найденных при раскопках на территории Волыни и близ Киева и относящихся к памятникам «черняховской культуры» (II–IV вв. н.э.). По мнению акад. Б.А. Рыбакова, орнаментированные вазы и кувшины «черняховской культуры» представляют собой древнеславянские сельскохозяйственные календари¹.

В «Сказании о письменах» болгарского монаха Храбра (IX–X вв.) сообщается, что еще в древности славян умели записывать свою речь «чертами и резами». По мнению известного русского ученого И.И. Срезневского, существовали книги и документы, написанные «русскими письменами», которые представляли собой греческие буквы, приспособленные к славянской речи.

О достаточно широком развитии письменности еще до Крещения Руси свидетельствуют тексты договоров русских князей с Византией, относящиеся к 1-й пол. X в.,

¹ Баренбаум Е., Давыдова Т. История книги. М., 1971, с. 28.

которые писались на двух языках – греческом и славянском. Из договора кн. Олега с греками (911) явствует, что давняя «дружба» между христианами-греками и русскими язычниками многократно подтверждалась «не только словом, но и писанием». В том же договоре сказано об обычае русских купцов делать письменные завещания на случай смерти.

На основании ранее существовавших «русских письмен» свв. монахи Кирилл и Мефодий в 863 создали упорядоченную славянскую азбуку. Как сообщается в «Паннонском житии» св. Кирилла, он в к. 850-х – н. 860-х в Корсуни (Херсонесе) нашел Евангелие и Псалтирь, написанные русскими буквами. Там же он встретил человека, говорившего по-русски, беседовал с ним и вскоре сам начал читать и говорить по-русски. В одной из русских рукописей «Толковой Палеи» (XV в.) приводится факт, подтверждающий это. «А грамота русская, – говорится в «Палее», – явилась, Богом дана, в Корсуни русину, от него же научился философ Константин (св. Кирилл) и оттуда сложив и написав книги русским языком»¹.

С помощью своей азбуки свв. Кирилл и Мефодий перевели на славянский язык основные богослужебные книги. Древнейшие славянские надписи и рукописи были выполнены двумя графическими разновидностями славянского письма. Одна известна под названием кириллица (названа в честь Кирилла – Константина Философа); название второй, глаголица, происходит от старославянского «глагол», что значит «слово».

С принятием новой славянской азбуки книжное дело широко распространилось по всей Руси. С X до сер. XIII вв. на Руси было построено и снабжено книгами около 10 тыс. церквей, для которых требовалось не менее 90 тыс. книг. С учетом четьей и светской литературы книжное богатство Древней Руси следует определить в 130–140 тыс. томов².

Широкое распространение берестяных грамот, найденных при раскопках в Новгороде в 1951, позволили русским исследователям сделать вывод о достаточно широком

¹ Труды славянской комиссии. Т. 1, Л., 1930, с. 37.

² Сапунов Б. Книга в России в XI–XIII вв. Л., 1978, с. 83.

распространении грамотности не только среди высших слоев, но и среди простых людей. Берестяные грамоты и писала были обнаружены в 40 русских городах. Русские люди переписывались между собой и просили «да пришли мне чтения доброго» (берестяная грамота от Якова к Максиму, XIV в.). Русский исследователь А.И. Соболевский подсчитал, что в XV–XVII вв. грамотными были примерно половина служилого класса, около 15% крестьян и подавляющая часть купечества¹.

Уже в XI–XIII вв. в русском обществе сложилось возторженное отношение к книге как к источнику мудрости и духовного, философского осмысления мира. В «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку (1037) находим настоящий гимн книге: «Велика бо бывает польза от ученья книжного, книгами бо кажеми и учими есьми пути покаяню, мудрость бо обретаем и воздержанье от словес книжных, се бо суть реки, напояющие вселенную, се суть исходиша мудрости, книгам бо есть несчетная глубина, сими бо в печали утешаеми есмы, си суть узда воздержанью... Аще бо поищеши в книгах мудрости прилежно, то обрящеши великую ползу души своей; иже бо книги часто чтет, то беседует с Богом, или святыми мужи, почитая пророческие беседы и Евангельские ученья и апостолская жития святых отец восприемлет души великую ползу».

«Изборник» (1076) начинался «Словом некоего монаха о чтении (святых) книг»: «Добро есть, братие, почитание книжное... Когда читаешь книгу, не торопись быстро дойти до другой главы, но поразмысли, что говорят книги и словеса те и трижды обращайся к одной главе... Узды коню правитель есть и воздержание, праведнику же книги, не построить корабль без гвоздей, ни праведника без почитания книжного... Красота воину оружие, кораблю – ветрила, также праведнику почитание книжное».

Далеко не полный список древнерусских писателей XI–XIII вв., составленный И. И. Срезневским, свидетельствует о том, что уже в это время русская литература и книжное дело достигло огромных успехов:

¹ С о б о л е в с к и й А. Образованность московской Руси XV–XVII вв. СПб., 1894, с. 3–14.

XI век

1. Иоаким, епископ Новгородский, до 1030 г. Возможно, он составил летопись.
2. Лука, епископ Новгородский, до 1030 г. Поучения.
3. Иларион, митрополит Киевский, 1051 г. «Слово о законе и благодати».
4. Феодосий, игумен Киевского Печерского монастыря. 1068–1073 гг. Поучения, Послания учительные, обличения латынян, молитвы.
5. Иаков, черноризец киевский, до 1078 г. Сказание о Борисе и Глебе, Житие и Похвала кн. Владимиру, Послания.
6. Георгий, митрополит Киевский, до 1079 г. Обличение латынян.
7. Иоанн II, митрополит Киевский. 1086–1089 гг. Обличение латынян, Правило церковное, Служба Борису и Глебу.
8. Григорий, епископ, игумен Киево-Печерский в 1074–1078 гг. Каноны.
9. Нестор, черноризец киевский, до 1093 г. Чтения о св. муч. Борисе и Глебе, Житие препод. Феодосия, летопись.
10. Василий, после 1097 г. Сказание об ослеплении Василька Тербовльского.

XII век

11. Даниил, игумен, ок. 1114 г. Странник в Иерусалиме.
12. Сильвестр, игумен киевский, 1119–1123 гг., епископ Переяславский. Повесть временных лет.
13. Никифор, митрополит, до 1121 г. Поучения, Послания учительные и обличительные.
14. Владимир Мономах, великий князь Киевский, до 1125 г. Поучение.
15. Кирик, дьякон и domestик Новгородского Антониева монастыря. Учение о числах, 1136 г.
16. Феодосий, митрополит до 1142 г. Слово о Халкидонском соборе. Переводы эпистолии Льва Римского.
17. Климент Смолятич, митрополит, 1147–1155 гг. Поучения.
18. Кирик, священник Новгородский, до 1116 г. Вопроснение о правилах церковных с ответами новгородского епископа Нифонта.

19. Андрей, игумен Новгородского Антониева монастыря, 1147–1157 гг. Житие Антония Римлянина.

20. Кирилл, епископ Туровский, до 1174 и после 1182 г. Церковные правила.

21. Илья, архиепископ Новгородский, до 1188 г. Церковные правила.

22. Даниил Заточник, до 1199 г. Слово к новгородскому князю Ярославу Владимировичу.

23. Моисей, игумен Киевского Михайловского монастыря, около 1200 г. Поучение.

24. Авраамий Смоленский, около 1200 г. Слово о мытарствах.

XIII век

25. Добрыня Андрейкович (затем епископ Новгородский), до 1211 г. Паломник, Сказание мест святых в Царьграде.

26. Симон, епископ Владимирский, 1215–1226 гг. Учительное сказание о подвижных Киево-Печерского монастыря.

27. Досифей, архимандрит киево-печерский, до 1226 г. Записка об Афоне.

28. Поликарп, черноризец киево-печерский, около 1235 г. Повесть о киево-печерских подвижниках.

29. Ефрем, инок, до 1240 г. Житие Авраамия Смоленского.

30. Андрей, черноризец, до 1245 г. Слово о мученике Михаиле и Федоре воеводе.

31. Кирилл, епископ Ростовский, 1231–1262 гг. Поучения.

32. Серапион, игумен киево-печерский до 1274 г., а после – епископ Владимирский до 1275 г. Поучения.

33. Кирилл II, митрополит Киевский, 1243–1280 гг. Поучения, Правила Владимирского собора 1274 г.

34. Симеон, епископ Тверской, 1271–1289 гг. Поучения¹.

¹ С р е з н е в с к и й И.И. Древнерусские книги. СПб., 1864, с. 37–38.

В Троицком списке Новгородской первой летописи сохранилось «Слово святого Ефрема Сирина о том, како достоин со всем прилежанием чести святые книги без лености». «Брате... Имея в утробе место книги божественныя, тацим же образом труба въпиющи, сзывает ны, тако божественныя книги чтомы, збирают помыслы на страх Божий... Тако и святыя книги вставятти ум, прилежаты на благое и укрепят ти на страсти. Там же, брате мои, понужал себя часто почитати я, да получим истинный разум писания почитанием. Черпающе от него воду живу, могущую устудити, ражжения наши страсти и наставят ны на всю истину. Муж мудр, не имея книг, подобен есть оплоту без подпор стоящу: аще будет ветер, то падется. Тако и мудрии: пахнувши на нь ветру греховному, падется не имещи подпоры книжных словес. Аще ли мудрость книги, то свершен есть. Иван Богослов рече: птицам того ради даны крылья, да сети чловецьи избежать, а чловекам же книги, аще всю неприязную леть отгоняют. Менандр рече: именье книг паче злата, в множестве злата души помощи нет».

В «Пчеле» (1199) читаем: «Ум без книги, аки птица опешена. Якож она взлетети не может, тако же и ум недомыслится свершена разума без книг. Свет дневной есть слово книжное, его же лишився, безумный, аки во тьме ходит и погибнет вовек».

Блестящий оратор и проповедник Древней Руси (1160-е) Кирилл Туровский утверждал: «Сладко бо медвеный соть и добро сахарь, обоего же добрье книгий разум». В «Златой цепи» – весьма распространенном в средние века сборнике – говорилось, что если «вежа» – это человек духовный, книжный, то «невежа» в противоположность ему – человек не книжный, не духовный.

Новая эпоха в истории русской книги открылась с возникновением книгопечатания. Первые печатные книги кирилловского шрифта выпущены были Ш. Фиолем в Кракове в 1491. Книгопечатание в Москве началось в 1550-х. Первая точно датированная русская печатная книга выпущена Иваном Федоровым и Петром Мстиславцем в 1564 («Апостол»). В 1574 Иван Федоров во Львове издает первые малороссийские печатные книги («Азбука» и

«Апостол»). Еще раньше Франциск Скорина выпускает первую белорусскую печатную книгу «Псалтирь» (1517), а затем приступает к изданию «Библии русской», «абы братия моя Русь люди посполитые, чтучи могли яснее разумети».

К н. XX в по числу выпускаемых книг Россия стала одной из ведущих книгоиздательских держав мира, выгодно отличаясь от других стран по качеству книг и количеству духовной, научной и учебной литературы. Еще через 60 лет, по данным ЮНЕСКО, Россия была признана самой читающей страной мира.

ГЛАВА 56. Величие русской науки. – Достижения отечественных ученых. – Крупнейшие мировые открытия.

По словам М.В. Ломоносова: «Наука есть ясное познание истины, просвещение разума, непорочное увеселение в жизни, похвала юности, старости подспорье». На Руси наука возникла и развивалась с древности. Об этом свидетельствуют памятники письменности и техники. Особенно высокий уровень знаний был достигнут в зодчестве и строительном деле, а также в различных ремеслах и металлообработке. Центрами древнерусской науки были монастыри, при которых нередко существовали школы. Монашествующие стали первыми русскими учеными и интеллектуалами. «Повесть временных лет» монаха Нестора и «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона заложили основы русской исторической и философской науки.

Св. Нил Сорский был не только религиозным деятелем, но и выдающимся ученым, создавшим целую научную школу из числа своих последователей (Вассиан Косой, Иннокентий Вологодский и др.). В произведении Нила Сорского «Устав монастырский» дается развитие таким наукам, как философия, психология, педагогика. Серьезным историческим, философским и педагогическим трудом является книга «Прсветитель» св. Иосифа Волоцкого.

В архитектурных сооружениях зодчих Бармы, И.Я. Постника и Ф.С. Коня развивалась русская строительная наука.

В XV в. русский купец и путешественник А. Н. Никитин первым из русских людей с научными целями посетил Индию. Он оставил записки «Хожение за три моря» (1468–74). Из этих записок следует, что русские купцы вели широкую торговлю с разными странами, находились в дружественных отношениях с иностранными купцами. Афанасий Никитин представляет собой образ настоящего русского купца, соединявшего в себе коммерческую хватку с глубокой религиозностью, совестливостью и патриотизмом. Увлеченный рассказами иностранных купцов о богатствах Индии, Афанасий Никитин, несмотря на все трудности, пробирается в неведомые земли, чтобы привезти оттуда товары, полезные для своей Родины. Из записок видно, что Афанасий Никитин – человек общительный, наблюдательный, быстро усваивавший языки, тщательно знакомился с предметами торговли каждого города, а попутно и с природой и с жителями каждой страны. В своем «Хожении за три моря» – Каспийское, Индийское и Черное – Афанасий Никитин преодолевает полный смертельных опасностей путь, может быть самый длинный по тем временам – от Твери до южных берегов Каспийского моря, через всю Персию, Индию, Африку (Сомали), Маскат, Турцию, а затем возвращение на Русь. Он посещает Индию, почти за тридцать лет до Васко да Гама и, по сути дела, открывает Индию для России.

В к. XVI в. Борис Годунов собирается учредить в Москве университет, однако преждевременная смерть царя не позволила осуществиться замыслу. К идее этой возвращаются уже после Смутного времени, когда в Москве учреждается Славяно-греко-латинская академия.

Новый импульс русской науке дает Петр I. При нем возникает целый ряд научных учреждений, и прежде всего Петербургская Академия наук. Академия разрабатывает широчайший по тем временам круг научных проблем. Гений М.В. Ломоносова выдвинул русскую науку на передовые мировые рубежи. Ломоносову принадлежит ряд величайших открытий XVIII в. Он впервые на опыте доказал

закон сохранения вещества, разработал атомистическую теорию газов, создал новую науку – физическую химию, дал мощный импульс развитию отечественной науки в таких ее областях, как география, геология, астрономия, приборостроение, история, языкознание. Достигнутое им одним в этих областях достойно было бы деятельности целой академии. По выражению Пушкина, Ломоносов был «русским университетом».

В XVIII в. Петербургская Академия наук внесла фундаментальный вклад в отечественную и мировую науку. Здесь была создана атомистическая теория строения вещества, открыт закон сохранения вещества при химических процессах, складывалась физическая химия как особая наука, опровергнута теория флогистона, открыто существование атмосферы у планеты Венера.

Ученые Петербургской Академии С.П. Крашенинников, И.И. Лепехин, Н.Я. Озерецковский, В.М. Севергин, П.С. Паллас, С.Г. Гмелин сделали важные открытия в области изучения флоры, фауны, географии и этнографии России. Громадное значение для развития русской науки имели исторические исследования В.Н. Татищева, М.В. Ломоносова, И.Н. Болтина, филологические изыскания В.К. Тредиаковского.

Однако русская наука развивалась не только в столице. Основателем русской агрономической науки стал великий русский ученый и писатель А.Т. Болотов, в своем имении в Тульской губ. разработавший приемы агротехники в зависимости от зональных почвенно-климатических условий. Впервые в мировой практике Болотов создал помологическую систему, разработал научные принципы лесоразведения и лесопользования и мн. др.

Болотов оставил глубокий след и в русской экономической мысли. Не считая погоню за прибылью главной целью развития хозяйства, Болотов вместе с тем во главу своих предприятий ставил экономичность и рациональность, основанные на точном научном расчете. Целью своей жизни он считал преобразование сельскохозяйственного производства на основе собственных научных достижений. Активно работал над новыми видами растений и формами сельскохозяйственного производства. Болотов

выступал против некритического переноса на русскую почву иностранных видов и сортов растений, чужеземной практики возделывания полевых культур без учета местных условий. Болотову принадлежит множество открытий мирового значения, среди которых обоснование выгонной системы земледелия. Научные разработки в этой области позволили ему заложить основы учения о системах земледелия, дать практические рекомендации по организации и землеустройству территории, а также по введению многопольных севооборотов.

Продолжая развивать русские национальные традиции домостроительства, он совмещал крайнюю бережливость с готовностью затрачивать значительные средства на создание новых сортов и видов сельскохозяйственного производства, заботу о своих крестьянах со строгим отношением к ним, многопрофильность хозяйства со специализацией его по ряду передовых культур. В подведомственной ему деревне Болотов за счет внутреннего производства обеспечивал почти все потребности населения.

Книга Болотова «Деревенское зеркало, или Общепонятная книга, сочиненная не только, чтобы ее читать, но чтобы по ней и исполнять» стала первым русским пособием по организации труда в сельском хозяйстве.

В Нижнем Новгороде развивал русскую науку И.П. Кулибин. Он изобрел машинное судно, приводившееся в движение течением воды, трехколесную самокатку (прототип велосипеда) и мн. др. В Екатеринбурге русский теплотехник И.И. Ползунов изобрел тепловой двигатель, создал первую в России паросиловую установку. В Нижнем Тагиле русские машиностроители отец и сын Черепановы создали машиностроительный завод, оснащенный полным комплексом металлорежущих станков, построили первый в России паровоз.

С к. XVIII в. особое значение в русской науке, наряду с Петербургской Академией, стала играть Москва. В 1855, когда Московский университет праздновал свою столетнюю годовщину, в списке его профессоров за столетие числилось уже 254 имени. Среди них было немало выдающихся ученых по всем отраслям знаний. Теорию словесности и историю литературы в университете преподавали

воспитанник университета, поэт и ученый А.Ф. Мерзляков, академики С.П. Шевырев и Ф.И. Буслаев; всеобщую историю читали академик М.П. Погодин и профессор Т.Н. Грановский. Среди профессоров, преподававших русскую историю, был знаменитый С.М. Соловьев. Физико-математические науки были представлены известным астрономом Д.М. Перевошиковым, математиком, механиком и физиком Н.Д. Брашманом, талантливым физиком, философом и специалистом по сельскому хозяйству М.Г. Павловым, выдающимся физиком и метеорологом М.Ф. Спаским. Среди биологов особенно выделялся зоолог К.Ф. Рулье.

Из Казанского университета вышел гениальный русский математик, часто называемый в мире «Коперником геометрии», Н.И. Лобачевский. Он так далеко зашел в разработки истин математической науки, что многие его мысли оставались непостижимыми в течение десятилетий для крупнейших математиков всего мира. В Казанском университете сложилась научная школа русских химиков, среди которых особо следует отметить Н.Н. Зинина, открывшего анилин, В.В. Марковникова, А.М. Зайцева.

Кроме Н.И. Лобачевского, огромный вклад в мировую математическую науку внесли М.В. Остроградский, С.В. Ковалевская, П.Л. Чебышёв. В России были осуществлены выдающиеся открытия в области технической физики, и в частности, впервые в 1802 осуществлена вольтова дуга (В.В. Петров). Академик Б.С. Якоби открыл и разработал гальванотехнику, построил оригинальный телеграф, первую моторную лодку, разработал систему электрического минирования.

Русские ученые первыми в мире открыли электрический источник света. В 1847 А.Н. Лодыгин изобрел первую лампочку накаливания, а в 1876 П.Н. Яблочков – дуговую свечу («русский свет»), использованную на Всемирной выставке в Париже в 1878. Академик Э.Х. Ленц стал одним из основоположников классического электромагнетизма (закон и правила Ленца). А.Г. Столетов открыл ряд основных законов фотоэлектрических явлений, названных его именем (закон Столетова, константа Столетова), построил первый в мире фотоэлемент и разработал экспериментальную методику изучения разряда в газах.

Величайшим событием в мировой химии XIX в. было открытие периодического закона химических элементов, сделанное великим русским ученым Д.И. Менделеевым. Он предсказал существование неизвестных до него элементов и сделал описание их физических и химических свойств. Открытие Менделеева реформировало всю мировую химическую науку, изменило само химическое мышление. Периодическая система Менделеева стала путеводной картой при изучении неорганической химии. Периодический закон явился фундаментом, на котором Менделеев создал свою книгу «Основы химии» (1869–71). По богатству и смелости научной мысли, оригинальности освещения материала, влиянию на развитие и преподавание химии этот труд не имел равного в мировой литературе. Книга Менделеева издавалась десятки раз на разных языках мира.

Крупные открытия Менделеев сделал и в области физики. В частности, он указал на существование «температуры абсолютного кипения» жидкостей (1860–61), позже названной критической температурой. В 1887 Менделеев совершил (без пилота) подъем на воздушном шаре для наблюдения солнечного затмения и изучения верхних слоев атмосферы.

Менделеев создал точную теорию весов, предложил точнейшие приемы взвешивания. При участии и под руководством Менделеева в Главной палате мер и весов были возобновлены прототипы фунта и аршина, произведено сравнение русских эталонов мер с английскими и метрическими. Менделеев считал необходимым введение в России метрической системы мер.

Менделеев был также выдающимся экономистом, обосновавшим главные направления хозяйственного развития России. «Русские, – писал ученый, – готовятся стать народом передовым, владыками природы и истории, а не их рабами».

Менделеев выступал горячим сторонником протекционизма и хозяйственной самостоятельности России. В своих работах «Письма о заводах», «Толковый тариф...» Менделеев стоял на позициях защиты русской промышленности от конкуренции со стороны западных стран, связывая

развитие промышленности России с общей таможенной политикой. Ученый отмечал несправедливость экономического порядка, позволяющего странам, осуществляющим переработку сырья, пожинать плоды труда работников стран-поставщиков сырья. Этот порядок, по его мнению, «имущему отдает весь перевес над неимущим».

Будущее русской промышленности Менделеев видел в развитии общинного и артельного духа. Конкретно он предлагал реформировать русскую общину так, чтобы она летом вела земледельческую работу, а зимой – фабрично-заводскую на своей общинной фабрике. Внутри отдельных заводов и фабрик предлагалось развивать артельную организацию труда. Фабрика или завод при каждой общине – «вот что одно может сделать русский народ богатым, трудолюбивым и образованным».

Богатство и капитал Менделеев считал функцией труда. «Богатство и капитал, – записывал он для себя, – равно труду, опыту, бережливости, равно началу нравственному, а не чисто экономическому». Состояние без труда может быть нравственно, если только получено по наследству. Капиталом, по мнению Менделеева, является только та часть богатства, которая обращена на промышленность и производство, но не на спекуляцию и перепродажу. Выступая против паразитического спекулятивного капитала, Менделеев считал, что его можно избежать в условиях общины, артели и кооперации.

Построенная в сер. XIX в. Пулковская обсерватория оставалась в течение нескольких десятилетий «астрономической столицей мира». С именем Пулковской обсерватории связаны знаменитые имена русских астрономов Ф.А. Бредихина, развившего учение о кометах и метеорах, заложившего основы всей звездной спектроскопии и астрофизики, и А.А. Белопольского, ведущего мирового ученого по исследованию Солнца.

С именами великих русских биологов К. Бэра, А.О. Ковалевского, И.И. Мечникова, С.Н. Виноградского, И.М. Сеченова, И.П. Павлова связаны основные открытия в области эмбриологии, микробиологии и физиологии.

Трудами А.О. Ковалевского заложены основы сравнительной эмбриологии. И.И. Мечников дал эксперимен-

тальные доказательства единства развития позвоночных и беспозвоночных животных, создал учение о защитных факторах организма (фагоцитоз). Это замечательнейшее достижение науки явилось поворотным моментом в развитии медицины.

Гениальным физиологам И.М. Сеченову и И.П. Павлову принадлежит честь разработки научных основ физиологии. Учение о рефлексах головного мозга И.М. Сеченова предопределило пути развития физиологии нервной системы на многие десятилетия вперед и создало предпосылки к построению научной психологии. Вершиной творческих достижений И.П. Павлова было созданное им учение об условных рефлексах, открывшее путь к исследованию тончайших функций головного мозга и всего сложного поведения животного организма.

Ботанику К.А. Тимирязеву принадлежит решение одной из важнейших проблем естествознания – проблемы фотосинтеза. К.А. Тимирязев внес существенный вклад в разработку учения о причинах и закономерностях развития органического мира.

С именем В.В. Докучаева связано создание научного почвоведения. В.В. Докучаев дал точное определение понятия почвы как особого тела природы, а не как простого скопления веществ, служащих лишь опорой растениям и средой для их питания. Он показал, что почвы имеют свое особое строение, свои признаки и свойства, позволяющие различать среди них природные типы или виды, разработал учение о «русском черноземе». В.В. Докучаев сделал Россию родиной научного почвоведения, как особой ветви естествознания. Мировое почвоведение складывалось и развивалось на основе русской почвоведческой науки; в мировую почвоведческую терминологию вошли многие русские слова и понятия.

Другой выдающийся русский ученый В.Р. Вильямс обогатил учение о почве обобщением новых данных об эволюции почв, раскрыв роль биологических процессов в почвообразовании. Он создал научные основы полеводства, дал строгую научную критику так называемого «закона убывающего плодородия» и разработал теорию устойчивого плодородия почв.

А.И. Воейков развил учение о климате и разработал сравнительно-комплексный метод исследования климата.

В ботанике прославился русский ученый А.Н. Бекетов, организатор русской школы ботанико-географов, который почти одновременно с выходом в свет «Происхождения видов» Ч. Дарвина, но независимо от него объяснил целесообразное устройство органических форм.

Русский ученый Б.Б. Голицын стал основателем новой науки – сейсмологии. В 1911 он был избран президентом Международной сейсмологической ассоциации.

Большой вклад в мировую науку внес отец русской авиации Н.Е. Жуковский, который определил подъемную силу крыла самолета и установил метод ее вычисления, тем самым заложил прочную основу теории и практики воздухоплавания.

Стремительным прорывом в науке стали исследования гениального русского ученого К.Э. Циолковского, разработавшего основы науки полетов в космическое пространство, сосредоточившегося на теории движения ракет и реактивных приборов. Выходом в свет работы Циолковского «Исследования мировых пространств реактивными приборами» (1903) был совершен переворот в представлениях о ракетах и создана прочная основа для создания космических ракет для межпланетных полетов.

Русские ученые были в числе первых лауреатов Нобелевской премии еще до того, как владыки западного мира превратили ее в политическое мероприятие. Нобелевскими лауреатами стали И.П. Павлов – за труды по изучению процессов пищеварения (1904), И.И. Мечников – за исследования проблем иммунологии и инфекционных заболеваний (1908).

Революция еврейских большевиков затормозила развитие русской науки, но не смогла ее остановить. Даже в тяжелейших условиях русские ученые продолжали свои исследования.

Вклад Русского народа в мировую науку в этот период очень велик. Прежде всего следует отметить К.Э. Циолковского, ставшего основоположником теории межпланетных сообщений, Его исследования впервые показали возможность достижения космических скоростей, обосно-

вали осуществимость межпланетных полетов. Он первым решил вопрос о ракете – искусственном спутнике Земли и высказал идею создания околоземных станций как искусственных поселений, использующих энергию Солнца и промежуточных баз для межпланетных сообщений.

Труды Циолковского послужили исходной точкой в организации Группы изучения реактивного движения (ГИРД) под руководством С.П. Королева. В 1934 Королев издает работу «Ракетный полет в стратосфере». Им был разработан ряд проектов, в т.ч. проекты управляемой крылатой ракеты (летавшей в 1939) и ракетоплана (1940).

Не менее велик вклад русских в развитие радиотехники и телевидения. Изобретение радио и первые опыты радиовещания были произведены в России. С сер. 1920-х стали осуществляться телевизионные передачи. Вначале они выполнялись с помощью механических систем (разработки П.В. Шмакова), а в 1930-х – при посредстве более совершенных электронных систем, созданных русскими учеными В.К. Зворыкиным¹ в США и П.В. Тимофеевым в СССР.

В области химии большое открытие сделано русским ученым С.В. Лебедевым, впервые в мире решившим задачу разработки промышленного метода производства синтетического каучука.

Первым в области создания автоматических станочных линий стало изобретение рабочего-рационализатора И.П. Иночкина. В 1937 первая такая линия из пяти станков, последовательно выполнявших различные операции обработки деталей и связанных между собой транспортными устройствами, была осуществлена в тракторостроительной промышленности СССР.

Значительных успехов добилась русская математическая школа. В ряде областей (теория функций, топология, абстрактная алгебра, теория чисел, теория вероятностей, дифференциальные уравнения и др.) были получены

¹ Зворыкин создал первый в мире иконоскоп – передающую трубку, которая сделала возможным развитие электронных телевизионных систем. Известен также своими работами по созданию фотоэлементов, электронных умножителей, микроскопов, а также электронных систем управления транспортными средствами.

результаты мирового значения. В развитии математики наряду с русскими учеными старшего поколения (Н.Н. Лузиным, И.М. Виноградовым и др.) плодотворно участвовали более молодые исследователи (П.С. Александров, М.В. Келдыш, А.Н. Колмогоров, М.А. Лаврентьев, П.С. Новиков, И.Г. Петровский).

Великий русский математик, академик И.М. Виноградов разработал ряд классических методов, широко используемых математиками всего мира. С 1932 и до конца своей жизни он был директором Математического института АН СССР, ставшего одним из главных мировых центров математической науки. Им были решены проблемы, которые считались недоступными математике н. XX в. Соратник И.М. Виноградова, выдающийся русский ученый-математик, акад. Л.С. Понтрягин в топологии открыл общий закон двойственности и в связи с этим построил теорию характеров непрерывных групп.

Огромный вклад в исследование физиологии и высшей нервной деятельности внес И.П. Павлов. Разработанная им теория условных рефлексов позволила раскрыть связь между внешней средой и ответной деятельностью организма.

Русский ученый В.И. Вернадский, один из основоположников геохимии и биогеохимии, продолжал углубленные исследования в области учения о биосфере. Согласно теории Вернадского, живое вещество, трансформируя солнечное излучение, вовлекает неорганическую материю в непрерывный круговорот. Биосфера под влиянием научных достижений и человеческого труда постепенно переходит в новое состояние – ноосферу.

Русская научная мысль проявилась и в успехах советской агробиологии, объединившей учение К.А. Тимирязева и И.В. Мичурина о развитии растений с учением В.В. Докучаева, П.А. Костычева и других о почвообразовании и приемах обеспечения высокого плодородия. В трудах Д.Н. Прянишникова и других русских естествоиспытателей сделано множество открытий в вопросах питания растений, применения удобрений и химических средств защиты растений.

Серьезным тормозом развития русской науки было наличие в ней высокого удельного веса лиц еврейской нацио-

нальности, нередко приносивших в нее дух космополитизма, национальной обособленности, кастовой замкнутости, высокомерного отношения к простым русским людям, а главное – нетерпимый догматизм в сочетании с научной бесплодностью и авантюризмом. Например, с подачи подобного рода «ученых» И.И. Презента и М.Б. Митина было теоретически обосновано «учение» Т.Д. Лысенко, ставшее бичом русской биологии и с.-х. науки тех лет, пытавшееся перечеркнуть замечательные достижения великого русского ученого-генетика Н.И. Вавилова. Хотя в лысенковских экспериментах было не только отрицательное, да и составляли они небольшую часть сельскохозяйственных исследований, враги России создали из «лысенковщины» антирусский жупел, стремясь таким образом перечеркнуть или замолчать достижения русской науки того времени. Сам факт государственной поддержки шарлатанов имел место не только в России, но и в США, Англии, Франции. Однако враждебные нашей стране критики пытаются представить его как «чисто русское явление».

Большие достижения русской науки в годы Великой Отечественной войны связаны с именем И.В. Сталина, придававшего научным исследованиям особое значение для укрепления государства. За годы войны организуется 240 новых научных учреждений; среди них институты Академии наук СССР – Тихоокеанский (1942) и кристаллографии (1943), лаборатории вулканологии, гельминтологии и др. Были основаны Академия медицинских наук СССР (1944) и Академия педагогических наук РСФСР (1943).

Послевоенный период русской науки связан прежде всего с овладением ядерной энергией, созданием ЭВМ, комплексной механизацией и автоматизацией производства, разработкой проблем электроники и ракетной техники, получением материалов с заданными свойствами.

В 1947 создается Государственный Комитет по внедрению новой техники, который возглавил работу по применению достижений науки и техники в экономике и по организации важнейших научно-технических исследований отраслевого и межотраслевого характера.

В послевоенные годы в системе Академии Наук СССР возникают 30 новых институтов: физической химии (1945),

геохимии и аналитической химии имени В.И. Вернадского (1947), высокомолекулярных соединений (1948), точной механики и вычислительной техники (1948), высшей нервной деятельности (1950), радиотехники и радиоэлектроники (1953), научной информации (1952), языкознания (1950), славяноведения (1946), а также Восточно-Сибирский филиал АН СССР (1949).

База научных достижений СССР в области космических исследований, ядерной энергетики и электроники была заложена еще при Сталине. В к. 1940-х – н. 50-х создаются предприятия, выпускавшие продукцию высоких технологий, не уступавшую лучшим мировым образцам.

В 1950–60-е Россия преимущественно пожинала плоды осуществления научных программ, разработанных и начатых еще при жизни Сталина.

Прежде всего это относится к исследованиям русских ученых по атомной энергетике, изучению космического пространства.

Созданный в 1943 русским ученым И.В. Курчатовым Институт атомной энергии (Ленинград) стал одним из главных мировых научных центров. Под руководством Курчатова были сооружены первый в Москве циклотрон (1944) и первый в Европе атомный реактор, созданы первая русская атомная бомба (1949) и первая в мире термоядерная бомба (1953), построены первая в мире атомная электростанция (1954, Обнинск) и крупнейшая установка для проведения исследований по осуществлению регулируемых термоядерных реакций (1958).

Русские ученые (Д.И. Блохинцев и др.) создают важную отрасль науки – физику высоких и сверхвысоких энергий, нашедшую самое широкое промышленное применение в строительстве атомных электростанций и технических средств с атомными двигателями. В к. 1957 спускается на воду первый в мире ледокол с атомным двигателем, по советской традиции получивший название «Ленин». В 1958 вступает в эксплуатацию АЭС в Сибири мощностью 100 тыс. киловатт. В 1957 Объединенный институт ядерных исследований (Дубна) под руководством Д.И. Блохинцева построил крупнейший в мире (для того времени) синхрофазотрон.

Корнями в сталинский период уходят и русские достижения в ракетостроении и космонавтике. Еще в 1930-е под руководством С.П. Королева возникла исследовательская группа по изучению реактивного движения. В предвоенные годы русская наука сформировала основные направления в ракетостроении. В войну создаются многозарядные самоходные пусковые установки с реактивными снарядами – «катюша» и др. (В.П. Бармин, В.А. Рудницкий, А.Н. Васильев), ведутся работы по созданию жидкостных ракетных ускорителей для серийных боевых самолетов (В.П. Глушко и С.П. Королев).

В 1946–55 наша страна делает резкий рывок в исследованиях по ракетостроению, намного опережая все другие страны, и прежде всего США. По сути дела, именно Россия закладывает основы современного ракетостроения. По настоянию Сталина в к. 1940-х над вопросами проектирования и изготовления ракет работали 13 научных институтов и конструкторских бюро, 35 заводов. Создается ряд различных типов ракет, осуществляется последовательная программа изучения верхних слоев атмосферы с помощью зондирующих ракет. Под рук. С.П. Королева происходит промышленное воплощение многих идей и разработок теории космонавтики, разработанной русскими учеными во главе с М.В. Келдышем.

С н. 1950-х русская наука начинает вести разработку по созданию межконтинентальных баллистических ракет (МБР) и ракет-носителей.

Для запуска этих ракет в 1955 начинается строительство космодрома Байконур, где 21 августа 1957 происходит испытание первой в мире межконтинентальной баллистической ракеты, имевшей важное военное значение.

4 октября 1957 модифицированным вариантом этой ракеты был запущен первый в мире искусственный спутник Земли. Таким образом, Россия начала космическую эру.

На втором искусственном спутнике Земли, запущенном в ноябре 1957, русские ученые впервые в истории науки проводят биологические исследования, а также исследования космических лучей и коротковолновой радиации Солнца. Русские ученые создают новую область науки – космическую физику.

В мае 1958 был запущен третий искусственный спутник Земли, на котором в качестве источника энергии используются солнечные батареи. Этот искусственный спутник стал первой в мире автоматической научной станцией, с помощью которой впервые проведены прямые измерения магнитного поля Земли, радиации Солнца, химического состава и давления атмосферы, плотности распределения метеорного вещества вокруг Земли.

Достижения передовой русской науки и промышленности впервые в истории человечества позволили направить человека в космос. 12 апреля 1961 русский человек, летчик-космонавт Ю.А. Гагарин, на корабле-спутнике «Восток» совершил орбитальный полет вокруг Земли. Дальнейшее планомерное изучение околоземного пространства при помощи искусственных спутников, планет Солнечной системы – Луны, Марса, Венеры – при помощи автоматических спускаемых аппаратов, длительное пребывание человека в космосе на борту орбитальных научных станций – лабораторий серии «Салют» и выполнение русскими космонавтами-исследователями широкого круга работ по освоению космоса прочно закрепили за Россией первенство в области ракетной техники, доказали превосходство многих направлений русской науки.

Вслед за Гагариным суточный полет вокруг Земли совершил Г.С. Титов, трое суток продолжался совместный групповой полет космонавтов А.Г. Николаева и П.Р. Поповича. В 1963 совершены многосуточные полеты В.Ф. Быковского и первой женщины-космонавта В.В. Терешковой.

В 1959 русские ученые начали подготовку полетов космических ракет к планетам Солнечной системы. В этом году первая автоматическая межпланетная станция вышла из поля тяготения Земли, прошла на расстоянии около 7500 км от поверхности Луны и вышла на орбиту вокруг Солнца, став его первым искусственным спутником. В 1961–62 русские межпланетные станции направляются на исследования Венеры и Марса.

Русские ученые явились пионерами в области создания квантовой электроники. В 1951 в Физическом институте АН СССР по инициативе А.М. Прохорова начались фун-

даментальные исследования по квантовой электронике. В 1952–55 Прохоров совместно с Н.Г. Басовым доказал возможность создания усилителей и генераторов принципиально нового типа. Первый молекулярный генератор был построен ими в 1955. Басов впервые в мире указал на возможность использования полупроводников в квантовой электронике и совместно с сотрудниками развил методы создания полупроводниковых лазеров. Квантовая электроника, разработанная русскими учеными, оказала большое влияние на развитие физики в целом. Лазеры нашли применение в спектроскопии, зондировании атмосферы, исследовании плазмы, локации, космической связи, вычислительной технике, медицине. За свои открытия Прохоров и Басов получили Нобелевскую премию по физике (1964).

Русская наука и промышленность достигли огромных успехов и в области создания реактивных самолетов, практическое начало которому было положено в 1946 выпуском самолетов «МиГ-9» и «Як-15». С 1947 началось серийное производство реактивных истребителей «МиГ-15». В к. 1940-х – н. 50-х русские ученые получают важные результаты в области исследований больших скоростей. Теоретические и практические разработки М.В. Келдыша, Г.И. Петрова, М.Д. Миллионщикова, Г.П. Свищева и др. русских ученых позволили создать новые формы крыльев и управления самолетов. В области прочности самолетных конструкций работали А.И. Макаревский, В.Н. Беляев, А.М. Черемухин и др. В 1950-х русская авиация становится сверхзвуковой. Первый русский серийный сверхзвуковой самолет «МиГ-19» имел скорость до 1450 км/ч.

В гражданской авиации русские ученые и конструкторы во главе с А.Н. Туполевым создали в 1955 турбореактивный самолет «Ту-104». К началу 1960-х годов в России эксплуатировалось 7 типов пассажирских самолетов с реактивными двигателями. В 1957–61 появились самолеты «Ил-18», «Ан-10», «Ан-24» с двигателями А.Г. Ивченко, «Ту-114» с двигателями Н.Д. Кузнецова, «Ту-124» и «Ту-134» с двигателями В.Н. Соловьева. В сер. 1960-х был запущен в производство один из самых больших в мире

транспортных самолетов конструкции О.К. Антонова «Ан-22» («Антей»).

Не менее внушительных результатов русские ученые достигли и во многих других областях науки.

В теоретической механике (В.А. Трапезников, Б.Н. Петров) были решены многие вопросы автоматизации работы машин и их систем на основе использования электронной техники.

В биологии русские ученые А.И. Опарин, Ю.А. Овчинников и другие получили важнейшие результаты и сделали новые открытия в области генетической теории, в изучении структуры и механизма деятельности клетки, в изучении физико-химических и биологических основ и закономерностей жизненных процессов живой материи, в изучении проблем экологии и рационального использования биологических ресурсов.

В середине 1950-х русская наука открывает методы создания новых веществ с заданными химическими свойствами. Теория цепных химических реакций Н.Н. Семенова легла в основу создания новых полимеров, заменивших дорогие и естественные материалы. Вклад русского ученого в мировую науку был отмечен в 1956 присуждением ему Нобелевской премии.

С сер. 1960-х разрабатываются многоместные космические корабли-спутники «Союз», предназначенные для маневрирования, сближения и стыковки на орбите искусственных спутников Земли. С 1967 по 1977 на орбиту выводятся 23 корабля «Союз», в том числе 21 – с космонавтами.

В апреле 1971 начался новый этап в исследовании космоса – запущена первая тяжелая орбитальная станция «Салют», позволяющая проводить длительные эксперименты в космосе. Русские ученые впервые в мире разработали системы космического телевидения и космической связи, позволявшие надежно контролировать деятельность космических аппаратов и передачу научной информации на землю. Важную роль в развитии системы информации стали играть разработанные в СССР спутники связи «Молния-1» (выводятся на орбиту с 1965), «Молния-2» (с 1971), «Молния-3» (с 1974), «Радуга» (с 1975), телевизи-

онный спутник «Экран» (с 1976), а также сеть наземных приемных станций «Орбита».

На 1 января 1977 количество запущенных искусственных спутников Земли, Солнца, Луны, Марса и Венеры достигло около 1100.

Среди русских ученых, внесших в 1960–70-х особый вклад в ракетостроение и космонавтику, следует отметить М.В. Келдыша, М.К. Янгеля, Г.Н. Бабакина, В.П. Глушко, В.Н. Челомея, А.М. Исаева, Н.А. Пилюгина, В.П. Бармина, Б.В. Раушенбаха, А.П. Виноградова, В.В. Парина.

С пуском первой в мире атомной электростанции (АЭС) в Обнинске развитие ядерной энергетики шло по нарастающей. От первых опытно-промышленных энергоблоков атомных электростанций русские ученые приступают к созданию и освоению промышленных энергоблоков, которые по выработке электроэнергии и мощности были сопоставимы с показателями обычных тепловых электростанций. В 1970-е вводятся новые реакторы на Нововоронежской АЭС, производится серийное строительство АЭС с двумя реакторами, а также создаются и запускаются в эксплуатацию еще более мощные реакторы на Калининской и Игналинской АЭС.

Продолжалось использование ядерной энергетики на флоте. Вслед за первым в мире атомным судном – ледокол «Ленин» – в 1957 создается почти в два раза более мощный ледокол «Арктика», а в 1977 – ледокол «Сибирь». С использованием ядерных установок строятся атомные подводные лодки, имеющие большую автономность и практически неограниченную дальность плавания под водой, что значительно способствовало укреплению обороноспособности России.

Достижения русских ученых поставили отечественную науку на передовые рубежи мирового научно-технического развития, обеспечив ей приоритет во многих ключевых областях соперничества с западными странами.

ГЛАВА 57. Русская философия. – Наука о душе. – Духовная цельность и добротолюбие. – Нестыжательство и соборность. – Богоизбранность. – Галерея русских мыслителей.

Главным понятием русской философии с древнейших времен является душа и связанные с ней духовно-нравственные категории. Русская философия – это прежде всего духовная философия, наука о душе, ее развитии и связи с Богом.

В языческий период русской цивилизации душа представлялась как отдельная субстанция, существующая вместе с телом в разных формах. В книге А.Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» суммируются древнеславянские представления о душе, составляющие по своей сути сложную философскую систему:

«1. Славяне признавали в душе человеческой проявление той же творческой силы, без которой невозможна на земле никакая жизнь: это сила света и теплоты, действующая в пламени весенних гроз и в живительных лучах солнца. Душа – собственно частица, искра этого небесного огня, которая и сообщает очам блеск, крови – жар и всему телу – внутреннюю теплоту.

Если душа понималась как огонь, то жизнь возможна была только до тех пор, пока горело это внутреннее пламя; погасало оно – и жизнь прекращалась. У нас уцелело выражение: «Погасла жизнь»; выражение это в народной песне заменено сравнением смерти человека с погасшею свечою. Неумолимая смерть тушит огонь жизни и остается один холодный труп...

По другому представлению, смерть не погашает животворного огня жизни, а исторгает его из тела, которое после того обращается в труп. Народные легенды рассказывают о том, как умирающие испускают свою душу в пламени.

2. Душа представлялась звездой, что имеет самую близкую связь с представлением ее огнем, ибо звезды древний человек считал искрами огня, блистающими в

высотах неба. В народных преданиях душа точно так же сравнивается с звездой, как и с пламенем; а смерть уподобляется падающей звезде, которая, теряясь в воздушных пространствах, как бы погасает.

Падающая звезда почитается в русском народе знаком чьей-либо смерти, поэтому, увидя такое, обыкновенно говорят: «Кто-то умер!», «Чья-то душа закатилась!»

3. Как огонь сопровождается дымом, как молниеносное пламя возгорается в дымчатых, курящихся парах облаках, так и душа, по некоторым указаниям, исходила из тела дымом и паром.

4. Душа поднималась как существо воздушное, подобное дующему ветру. Такое представление совершенно согласно с тем физиологическим законом, по которому жизнь человека обусловлена вдыханием в себя воздуха. Глаголы «из-дыхать», «за-душить», «за-дохнуться» означают умереть – то есть потерять способность вдыхать в себя воздух, от чего существование делается невозможным. Об умершем говорят: «Он испустил последнее дыхание», «последний дух».

По смерти человека тело его разлагается и обращается в прах, и только в сердцах родных, знакомых и друзей живет воспоминание о покойнике, о его лице и привычках; это тот бестелесный образ, который творит сила воображения для отсутствующих и умерших и который с течением времени становится все бледнее и бледнее. Образ умершего хранится в нашей памяти, которая может вызывать его пред наши внутренние очи; но образ этот не более как тень некогда живого и близкого нам человека. Вот основы древне-языческого представления усопших бестелесными, воздушными видениями, легкими призраками – тенями.

По русскому поверью, кто после трехдневного поста отправится на кладбище в ночь накануне Родительской (поминальной) субботы, тот увидит тени не только усопших, но и тех, кому суждено умереть в продолжение года.

5. В отдаленные века язычества молниям придавался мифический образ червя, гусеницы, а ветрам – птицы; душа человеческая родилась с теми и другими стихийными явлениями и, расставаясь с телом, могла принимать те же образы, какие давались грозовому пламени и дующим

ветрам. К этому воззрению примыкала следующая мысль: после кончины человека душа его начинала новую жизнь; кроме естественного рождения, когда человек являлся на свет с живою душою, эта последняя в таинственную минуту его смерти как бы снова, в другой раз нарождалась к иной жизни – замогильной. Оставив телесную оболочку, она воплощалась в новую форму; с нею, по мнению наблюдательного, но младенчески неразвитого язычника, должна была совершаться та же метаморфоза, какая замечается в живом царстве. Фантазия воспользовалась двумя наглядными сравнениями: уже раз рожденная гусеница (червяк), умирая, вновь воскресает в виде легкокрылой бабочки (мотылька) или другого крылатого насекомого; птица рождается первоначально в форме яйца, потом, как бы нарождаясь вторично, вылупливается из него цыпленком. Это обстоятельство послужило поводом, почему птица названа в санскрите дважды рожденною; тот же взгляд встречаем и в наших народных загадках: «Дважды рождается, один раз умирает»; «Два раза родился, ни разу не крестился, а черт его боится» (петух). Младенца же народная загадка называет метафорически яйцом. . . И птица, и бабочка, и вообще крылатые насекомые, образующиеся из личинок (муха, сверчок, пчела и пр.), дали свои образы для олицетворения души человеческой. Некоторые из славянских племен считают светящихся червячков душами кающихся грешников, а чехи принимают червяка, который точит стены деревянного дома, за душу покойного предка. Это – любопытные отголоски того старинного верования, по которому низведенная с неба, пламенная душа обитала в теле человеческом светящимся червем или личинкою, а в минуту смерти вылетала оттуда как легкокрылая бабочка из кокона. . .

6. Народный язык и предания говорят о душах как о существах летающих, крылатых. По мнению крестьян, душа усопшего, после разлуки своей с телом, до шести недель остается под родною кровлею, пьет, ест, прислушивается к изъявлениям печали своих друзей и родичей и потом улетает на тот свет.

Наравне с другими индоевропейскими народами, славяне сохранили много трогательных рассказов о превра-

щении усопших в легкокрылых птиц, в виде которых они навещают своих родичей.

7. Понимая душу как пламя и ветер, наши предки должны были сроднить ее со стихийными существами, населяющими небо и воздух. Толпы стихийных духов, олицетворяющих небесные лучи, молнии и ветры, ничем не отличались от отцов, предков, то есть от усопших родителей и дедов».

В представлениях древних славян душа отдельного человека есть выражение божества и связана с ним бесконечной цепью поколений предков-родичей. Особым божеством наших предков были Род и рожаницы, олицетворявшие рождающие начала, поколения предков, родоначальником которых русские люди считали светоносное божество Дажьбога. Души многих поколений предков связаны с душой божества и поэтому каждый живущий человек несет в своей душе частицу божественного. В земной жизни эти характеристики божества воплощены в благо, добро и красоту. Поэтому древнерусский человек поклонялся не только божеству, но и предкам, и добрым началам жизни.

По свидетельству Прокопия Кесарийского, древние славяне не признавали судьбу и ее силу над человеком, а верили «в единого Бога, творца молний, владыку над всем». Чтобы спасти себя от смерти и болезни, они приносили «Богу жертву за свою душу».

Древние славянские язычники верили в особое покровительство божеств над славянским родом. Геродот (V в. до н.э.) пересказывает скифскую (сколотскую) легенду о первом жителе юго-восточной Европы Таргитае, которому божество подарило с неба плуг для обработки земли, ярмо для скота, секиру для войны и чашу для еды. Эти священные предметы скифские цари тщательно охраняли и с благоговением почитали их, принося небесному покровителю богатые жертвы.

Древнерусские языческие философские представления о мироздании рисуют такую картину: земля держится на воде, вода на камне, камень на четырех китах, киты на огненной реке, та на вселенском огне, огонь на «железном дубе, посаженном прежде всего другого, а все корни его опираются на Божью силу».

Дуб, именуемый по-разному: мировое дерево, центр мира, мировая ось, стоит на камне Алатырь... Ветви этого дуба достигают небес, корни – преисподней. Место, где растет мировое дерево, у русских язычников называлось Ирье (Ирий). Считалось, что оно находится на востоке по ту сторону облаков у самого моря. Из Ирья приходит солнце, туда же в вечные лета уходят души умерших.

Хранителями философских знаний в языческую пору были жрецы, волхвы, народные поэты-сказители. Сведения об одном из них – Бояне, сохранила в память народа. Боян пел о божествах, богатырях, князьях, воспевал добро, верил в победу добрых начал и особое покровительство божества над русскими людьми. С принятием христианства духовно-нравственные представления о душе, добре и зле, особом покровительстве божества над русским народом в преображенном, облагороженном виде органично сливаются с православным мировоззрением. По учению Св. Писания о душе (Быт. 26: 7; Мф. 10: 28), которое было принято в к. X в. русскими, душа оживляет тело, одухотворяет его, без него тело – прах. Душа согласно Библии – дыхание жизни, дух жизни или просто дух. Душа не происходит от тела, а представляет особую силу, которая имеет свой источник в Боге и превращает прах в живое существо. Бог создал душу человека своим вдуновением (Быт. 2: 7), отчего она получила совершенные качества, которые делали ее родственной Богу, и прежде всего качества духовности и бессмертия. Языческое представление об особом покровительстве божества над русским народом после принятия христианства обретает совершенно новый смысл в особой миссии русского народа, его богоизбранности в борьбе с мировым злом за утверждение добра. Обо всем этом свидетельствует благословение Русской Земле, данное в I в. н.э. Андреем Первозванным, установление особого праздника Покрова Пресвятой Богородицы, вера православных людей в Русь как Дом Пресвятой Богородицы.

Русское православное мирозерцание и философское осмысление жизни выработывались в острой борьбе с иудаизмом и католичеством. Попытки внедрить в сознание русских людей иудейскую веру и потребительское отношение к жизни предпринимались еще со времен Хазарского

каганата, а позднее через иудейскую общину (квартал) в Киеве. Ареной борьбы с иудеями становится Ветхий Завет, в который представители народа, считающего себя избранным, пытаются внести талмудическое содержание. Отвергая ценности Нового Завета, принесенные Богом-сыном – Иисусом Христом, Мессией и Спасителем человечества, иудеи пытаются жить по фарисейским законам «ветхого человека», тем самым отвергая христианство. Первые русские философы, например упоминаемый в Киево-Печерском Патерике затворник Никита, с почтением принимающий Ветхий Завет, тем не менее стремится убедить иудеев, что главное для христиан сказано только в Новом Завете. Сын Божий в лице своем соединил Божество с человечеством, чтобы все прочее человечество примирить и соединить с Божеством. Господь наш Иисус Христос пострадал и умер, чтобы умертвить нашего ветхого человека, то есть возбудить благодатную духовную силу, жившую в нас прежде греха Адамова.

Впервые суть духовной русской философии раскрывает первый русский митрополит Иларион в своем труде «Слово о Законе и Благодати». Писанный закон веры, данный в Ветхом Завете, без благодати, принесенной в мир Новым Заветом, мало что значит. «Закон дан на «приуготовление» Благодати, но он не сама Благодать: закон утверждает, но не просвещает. Благодать же живит ум, ум познает истину. Благодать у Илариона понимается не только в чисто литургическом смысле, а как духовно-нравственная категория победы добра в душе человека и вытеснение зла. Закон, по мнению Илариона, разобщает народы, так как выделяет среди них один народ. Благодать дана всем народам, она соединяет их в одно целое, дает оправдание земному существованию человека. Говоря о христианах, имея в виду, конечно, прежде всего русский народ, Иларион пишет: «Иудеи в Законе ищут свое оправдание, христиане на Благодати основывают свое спасение; и если иудейство оправдывается тенью и законом, то христиане Истиной и Благодатью не оправдываются.

Иудеи веселятся о земном, христиане же пекутся о небесном. И кроме того, оправдание иудейское скупое и завистливо, оно не простирается на другие народы, но остается

в одной Иудее; напротив, христианское спасение щедро и благостно, растекается на все земли». Таким образом, русская духовная мысль не принимает формальное следование Закону и оправдание им, а рассматривает истину как постоянное стремление к добру, к высшему благу. Суть духовной философии нарождающейся Святой Руси – во всеобщей победе Благодати, добра, отрицании ветхого формального закона и ветхого человека, погруженного в суету страстей и плодящего зло.

Мощный толчок развитию русской духовной философии дали великие русские подвижники, основатели отечественного монашества Антоний и Феодосий Печерские. Они внесли в русскую духовную мысль осознание православной цельности – понимание неразрывности веры и жизни, соборное растворение личности в православном народе и церкви.

Русская духовная философия иначе осмысливает и само христианское благочестие: благочестивым считается не тот, кто проводит время только в постах и молитвах, но тот, кто добродетелен в жизни. «Слово о мытарствах» (XII в.) относит к греховным нравственным преступлениям: ложь, клевету, зависть, гнев, гордость, насилие, воровство, блуд, скупость, немилосердие. Считалось, что для спасения недостаточно одного аскетического следования заповедям Христа; необходимо, чтобы деяния человека были полезны всем, общественно значимы; лишь перед теми откроются «врата небесные», кто сознательно творит добрые дела, приносит благо ближним, ибо само неведение добра «злое есть согрешение».

В это время складывается и русская политическая философия. По учению монаха Нестора, русская духовная философия это выражение борьбы добра со злом, вечных добрых начал человеческой души с бесовским соблазном сил зла. Св. монах проводит мысль о славянском (русском) единстве, единении Руси, богоизбранности славянского (русского) народа. При чем богоизбранность не как противопоставление другим народам, не как стремление господствовать над ними, а как особая миссия борьбы с мировым злом, миссия добротолубия. В этой борьбе у русского народа пробудилось национальное самосозна-

ние, проявилась его природа, «сверхвременной идеал и сверхвременное существо народа» (Л.П. Карсавин). В «Повести временных лет» земная жизнь рассматривается как противостояние добрых и злых людей. Последние опаснее бесов, ибо «беси бо Бога боятся», а зол человек ни Бога не боится, ни человека. Именно посредством их множится мировое зло. Борьба за добро, любовь к добру, добротолубие существовали как своего рода культ в дохристианский период, после Крещения Руси они получают дополнительное обоснование и высшее освящение, но вместе с тем кое-где вступают в противоречие с христианской догматикой. Так, Иаков Мних (XI в.) восхвалял добро, считая, что святость достигается и чудотворением, а добрыми делами. Критерий истинной христианской жизни и святости – добрые дела, добротолубие.

Древнерусские языческие представления о мироздании, и прежде всего о мировом царстве, с принятием христианства приобретают совершенно иную, новозаветную, христианскую трактовку, полностью вытесняя всякие упоминания о языческих божествах. В Голубиной книге (Глубинной книге), считавшейся дозволенной вплоть до XIII в., содержалась «глубина премудрости», объяснялись космогонические вопросы о происхождении мира. «На матушке на Святой Руси» выпадает книга голубиная, евангельская. Находят книгу под мировым деревом. В книге открывается «премудрость», от чего произошли свет, солнце, месяц, зори, звезды, ночи, ветры и мн. др. Источником всех явлений, согласно «Голубиной книге», является или Бог-Отец, или Христос-Царь Небесный, или Дух Святой Сафаоф. О создании человека говорится: «у нас ум-разум самого Христа; наши помыслы от облац небесных; мир-народ от Адамия; кости крепки от камня; телеса наши от сырой земли; кровь – руда наша от Черна моря». Всем камням камень – Алатырь или Латырь, на котором сидел Христос.

Русская духовная философия была не просто философией Русской Церкви, а философией обыденной жизни многих русских людей, в которой Новый Завет и Православный храм составляли ядро существования. Русская духовная философия являлась не умозрением, а действитель-

ной силой. Она приносила человеку духовную цельность. Православная вера считалась началом и основанием всего сущего. Жизнь согласовывалась с верой. На ней строились и личная и государственная жизнь, возникало соборное единение. На бескорыстной любви к общим духовным ценностям личность растворялась в православном народе, обществе и государстве. Отдельный человек не мыслил себя вне православного народа. Примером жизни для русских людей служили святые. Еще до татарского нашествия прославились чудесами около ста русских святых. Более сорока чудотворных икон Божьей Матери прославились чудесами, совершавшимися по молитвам верующих.

С эпохи Возрождения, по определению русского философа А.Ф. Лосева, начинается разворачивание сатанинского духа, выражаемого в двух ипостасях: капитализм (буржуазность) и социализм. В основе Возрождения лежало иудаизированное (т.е. умерщвленное) христианство – католицизм, ориентированный на потребительское отношение к жизни, потворство страстям и плотским желаниям, почему-то названное гуманизмом. Христианское духовное понятие свободы теряется, заменяясь иудейским взглядом на свободу как беспредельную возможность удовлетворять свои страсти и желания. Русские мыслители и книжники с брезгливостью относились к западной церкви, справедливо не признавая ее адептов христианами, а видя в них латинян, еретиков, «выродков некогда великой веры».

Ответом русской духовной философии на западноевропейское Возрождение было усиление тяги к духовному подвигу, порыв к истинной духовной свободе. Путь этот показал русским людям великий святой прп. Сергий Радонежский. Его жизнь и деятельность стали практическим претворением русской духовной философии, духовного созерцательного подвига, полноты и цельности духовной жизни. Созданный преподобным Св.-Троицкий монастырь стал духовной школой для многих тысяч русских подвижников. Учениками и последователями прп. Сергия было основано 50 обителей, от которых пошло еще сорок монастырей. Ученик Сергия иеромонах Никон указывает на 100 имен святых, духовно связанных с прп. Сергием.

XIV и XV вв. в истории русской мысли отличаются высоким духовным подъемом. Духовно-нравственная философия Святой Руси приобретает совершенство в трудах Нила Сорского, Иосифа Волоцкого, Геннадия Новгородского, художественных образах Андрея Рублева. Материалистическому, в основе своей иудейскому пониманию свободы и полноты жизни русская духовная мысль противопоставляет стремление к Богу, духовному совершенству и преображение души по учению Христа. Вместо Ренессанса русские мыслители на практике развивают учение исихазма, требовавшего внутреннего духовного сосредоточения, самосовершенствования, непрестанной «умной» молитвы, внутреннего «умного» делания. В жизни Святой Руси исихазм означал углубление русской духовной философии – жизнь как духовный подвиг, а не наслаждение. Бог существует вне тварного, видимого мира, а потому недоступен для познания человека, который может познавать Бога только в его проявлениях – Его благодати, силе, любви, мудрости.

Виднейшим представителем этого направления русской духовной философии был прп. Нил Сорский (ск. 1508). «Кто об уме небрежет, тот молится воздуху: Бог уму внимает, – писал Нил Сорский. – Без мудрствования и добро на злобу бывает ради безвременья и безмерья. Егда же мудрование благим меру и время уставит, чуден прибыток обретается. Время безмолвию и время немятежной мольбе, время молитвы непрестанная и время службы нелицемерная». Умное делание необходимо, чтобы очистить ум от греховных помыслов и страстей. Преподобный изучает развитие страстей. Поведение человека зависит от того, что формирует его страсть – «бесовское» хотение или «страх Божий».

Человек должен настраивать свой ум на мечтание о Божественном, вечном, и тогда в нем победит духовное начало и он приблизится к Богу.

Нил Сорский одним из первых формулирует принципы нестяжательства, которое понимал не просто как отказ монастырей от владения землями и имуществом, но гораздо шире: как жизненную установку на преобладание духовного над материальным, отказ от соблазна собствен-

ности, отягощающего душу человека и препятствующего ее спасению.

В трудах другого выдающегося мыслителя этого времени прп. Иосифа Волоцкого (ск. 1515) русская духовная философия приобретает особенно острую полемичность. Преподобный убедительно разбивает все попытки действующей тогда секты жидовствующих навязать России иудаизм, отрицать Новый Завет и великую миссию Спасителя Иисуса Христа. Иудеи отрицали Христа Спасителя как Бога, потому что он «нестяжатель и нищ, и вочеловичився». Иосиф Волоцкий доказывает, что эти качества Христа особенно близки православным людям. В отличие от иудеев, для которых плоть и ее утечи суть воплощение жизни и Божественности, для истинного христианина плоть есть мертвое, видимое «покрывало». Настоящая жизнь – это душа, слово и дух. Душа есть ум, имя ему Отец. Душа рождает слово, которое есть Сын. Дух, вместе со словом обитающий в душе, исходит из нее и живет слово. Настоящий христианин духовно подобен Богу, а душа его бессмертна. «Как Отец и Сын и Дух Святой бессмертен и бесконечен, – пишет преподобный, – так и человек, по образу и подобию Божию созданный, носит в себе Божие подобие: душу, слово и ум».

В XV–XVI вв. завершает формирование основных идей русской политической философии. Сформулированная еще монахом Нестором идея особой миссии русского народа в борьбе с мировым злом в трудах другого православного монаха старца Филофея приобретает еще более определенный характер в учении «Москва – Третий Рим». Он сумел обосновать, что русский царь является наследником величия римских и византийских императоров, а Москва по своему духовному значению является Третьим Римом и главным хранителем христианской веры. Обращаясь к Царю, старец писал, что «все царства православной веры сошлись в тое единое царство, во всей поднебесной ты один христианский Царь». Власть самодержцу нужна не сама по себе, а чтобы быть щитом «правой веры», защищать Православие, сохранять духовные ценности Святой Руси – добротолубие, нестяжательство, соборность от посягательств сил мирового зла. Филофей подчеркивает

преемственность русского самодержавия от Владимира Святого и Ярослава Мудрого, считая русского Царя духовным наследником дел, начатых им.

С сер. XVI в. основные идеи русской духовной философии сформированы в следующем виде:

1. Духовная цельность – неразрывность веры и жизни.

2. Добротолубие – критерий истинной христианской жизни и святости.

3. Нестяжательство – преобладание духовно-нравственных мотивов жизни над материальными.

4. Соборность – любовь к общим духовным ценностям, растворение личности в православном народе, церкви и государстве.

5. Богоизбранность – особая миссия русского народа в борьбе с мировым злом.

Все эти идеи были ключевыми направлениями русской мысли вплоть до к. XVII в. С началом петровских реформ русская духовная философия уходит на второй план отечественной жизни и постепенно вытесняется из народного мировоззрения, становясь принадлежностью узкого круга церковных деятелей. Отечественная духовная мысль заменяется вульгарными философскими заимствованиями с Запада. Плохо понятые западные философы более чем на столетие выступают законодателями философской мысли в России. Философское эпигонство становится нормой. Только немногие подвижники благочестия, такие как Митрофан Воронежский (ск. 1703) и Тихон Задонский (ск. 1783), продолжали развивать русскую философию.

Новый подъем русской философии начинается в к. XVIII–1-й пол. XIX в. Он связан с духовными трудами Серафима Саровского, Паисия Величковского и старцев Оптиной пустыни.

По учению Серафима Саровского, цель жизни христианской есть стяжание благодати Святого духа. Он говорил: «Истинно решившиеся служить Господу Богу должны упражняться в памяти Божией, говоря умом: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». Благодатные дарования получают только те, которые имеют внутреннее делание и бдят о душах своих...» Истинно

православный делает добро по вере своей, ради Христа. Лишь только ради Христа делаемое доброе дело приносит плоды Святого Духа. Спасение приходит к человеку через добродетели, делаемые Христа ради, доставляющие ему благодать Святого Духа.

Паисий Величковский (ск. 1794) возрождает учение о духовной молитве и умном деланье. В его переводах выходит сборник трудов святых отцов «Добротолюбие». Книга эта сыграла большую роль в развитии мощных духовных движений, возникающих вокруг старцев Оптиной пустыни, возродивших всю полноту и цельность духовной жизни, сочетания аскетического подвига умного делания и служения миру. Русская духовная философия нашла в трудах старцев Оптиной пустыни высшее выражение. Как отмечал духовный писатель И.М. Концевич: «Как на вершине горы сходятся все пути, ведущие туда, так и в Оптиной – этой духовной вершине, сошлись и высший духовный подвиг внутреннего делания, венчаемый изобилием благодатных даров, стяжание Духа Святого, и служение миру во всей полноте как его духовных, так и житейских нужд». Последователь Паисия Величковского, иеросхимонах Лев начинает старческое служение. Его ученик и сотаинник старец Макарий возглавляет группу ученых и писателей, которые подготавливают переводы писаний величайших аскетов древности Исаака Сирина, Макария Великого, Иоанна Лествичника. «Под влиянием о. Макария русский философ И.В. Киреевский закладывает основание философии «Цельности духа», которая должна была лечь в основу русской самобытной культуры» (И. Концевич). Учение Оптинских старцев дало мощный толчок развитию русской самобытной философии славянофилов – И.В. Киреевский, А.С. Хомяков, К.С. Аксаков, Ю.Ф. Самарин и др.

И.В. Киреевский возрождает основные принципы русской философии – цельность (неразрывность веры и жизни), соборность, добротолюбие, нестяжательство, осознание особой духовной миссии русского народа. По учению Киреевского, существуют две формы познания – отвлеченно-рациональная (характерная для западного мира) и цельная, живая, включающая в себя кроме раци-

онального, в первую очередь, духовный, нравственный, эстетический элементы. Совокупность моментов этого «цельного знания» подчинена высшему познавательному акту – вере в Бога. Эта форма познания в чистом виде свойственна только православно-славянскому миру. Жизнь человека, народа, нескольких народов полноценна только на основании веры, которая придает человеку и обществу законченное содержание. Гибель западной цивилизации, пораженной рационализмом, а фактически отсутствием веры, неизбежна. Существование западной цивилизации опасно для мира.

А.С. Хомяков, развивая русскую философию, учил, что на основе православных начал и цельного знания русского народа можно перестроить всю мировую культуру. Россия должна встать впереди всемирного просвещения. Хомяков разработал учение о соборности – особом духовном принципе, описывающем множество, собранное силой любви в свободное органическое единство. Все должно быть едино в свободном единстве живой веры, которая есть проявление Духа Божьего.

К.С. Аксаков призывает русский народ «сойти с ложной дороги Запада на дорогу Святой Руси». Излагая идеи славянофильства, Аксаков фактически формулирует основные практические принципы русской духовной философии:

«1) Вера православная – единое главное начало и основание. 2) Согласие жизни с верою. 3) Существование человека в обществе, другими словами – союз естественный, живой, проникнутый единым духом, на одних началах воздвигнутый – союз народный. 4) Поглощение лица в народе. 5) Построение народной жизни на началах веры православной, поэтому исключение всех общественных соблазнов, как балов, театров и т.п. Сюда относится и отношение государственной власти к народу и жизни народной».

Несмотря на многообещающее начало, мыслителям-славянофилам не удалось полностью возродить русскую духовную философию во всей ее цельности. Многие идеи славянофилов погасли в косной космополитической среде, в некоторых случаях выродившись даже в либерализм. Тем не менее идеи славянофилов вплоть до настоящего времени продолжают оставаться важным элементом русской

мысли. Именно славянофильство оплодотворило учение о цивилизациях Н.Я. Данилевского. В своей теории культурно-исторических типов Данилевский доказал, что не существует единой цивилизации, а существует множество ее типов, каждый из которых носит замкнутый характер. Господство одного типа цивилизации, распространенное на весь мир, неизбежно привело бы его к деградации и гибели. Данилевский выделяет особенно славянскую цивилизацию, принципы существования которой, по его учению, во многом совпадает с принципами русской духовной философии.

Важной вехой развития коренной русской философии стали труды Л.А. Тихомирова, особенно книги «Религиозно-философские основы истории» и «Монархическая государственность». В них он исследовал всемирную историю с точки зрения русского православного человека. «Царство мира соделывается Царством Господа. Все созданное приходит к той гармонии, в которой было создано». В мире идет борьба двух мировоззрений – дуалистического и монистического. Дуалистическое мировоззрение признает сущим два бытия – бытие Божие и сотворенное Богом бытие тварное. Монистическое мировоззрение проповедует идею самонасущей природы.

Проследив пути национальной русской мысли, невозможно пройти мимо такого противоречивого явления 2-й пол. XIX – н. XX вв., как религиозно-философские искания русской интеллигенции. В этих исканиях отразились ее самые лучшие и самые худшие стороны, желание общественного блага и разрушение общественных устоев, сила мысли и национальная обреченность.

Давая оценку русской религиозной философии к. XIX–XX вв., с горечью следует отметить, что русским в ней был только выбор главных тем и обостренное внимание к проблемам добра и зла, нравственным аспектам веры, сама же трактовка многих вопросов отходила от традиций русской православной церкви и носила скорее западный характер, а у некоторых философов, например у В.С. Соловьева, смыкалась с католическим богословием.

Нет никаких сомнений в искренности религиозных исканий, усиленной мощью ума и глубокой эрудиции, таких

философов, как В.С. Соловьев, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, Н.Ф. Федоров, П.А. Флоренский и целого ряда других, но, воспитанные и получившие образование в среде, лишенной русского национального сознания, эти люди были духовно обречены. Обреченность их состояла в том, что они не чувствовали органической связи с православной церковью, подходили к ней преимущественно критически и даже пытались научить ее религиозному знанию. По сути дела, они ее не принимали, так как связывали с российской отсталостью и реакционностью, и пытались создать своего рода новую веру для образованных слоев. Вся глубина национальной святоотеческой традиции была отрезана от них их собственной гордыней. Религиозные идеи, которые создавались ими, скорее были представлениями этих философов о том, какой должна быть христианская вера, чем отражением святоотеческой православной традиции, переданной нам в наследие от предков.

Русская религиозная философия этого времени отражала духовный распад русской интеллигенции. Русская интеллигенция не смогла выполнить свой долг перед Отечеством, а этот долг интеллигенции в любом государстве состоит в сохранении, творческом развитии и совершенствовании национальных основ, традиций и идеалов. В России произошло чудовищное. Значительная часть образованного общества была сторонниками не сохранения и развития, а разрушения национальных основ, рассматривая их как реакционные и отсталые. Русская православная церковь была главной мишенью разрушителей. Она не подходила им из-за своей «реакционности». В этой «духовной» обстановке и начинают возникать религиозные учения, которые в древности бы назвали еретическими, целью которых было создать веру, подходящую для интеллигентов, лишенных национального сознания, или хотя бы приспособить Православие к нуждам этих интеллигентов.

Совершенным примером национальной глухоты и отсутствия национального сознания был философ В.С. Соловьев. Этот философ, несмотря на огромную эрудицию и мощный ум, никогда не понимал идей Святой Руси, сводя их к какой-то абстрактной религиозности и мистицизму,

рабскому самоотречению и покорности. Главная причина такой глухоты – тенденциозная католическая, западная заданность, обесценивающая его глубоко оригинальный ум. Внешне могло показаться, что Соловьев является продолжателем И.В. Киреевского. В своей магистерской диссертации «Кризис западной философии» он взял у Киреевского целиком его мировоззрение. «Синтез философии и религии, взгляд на западную философию как на развитие рационализма, идея о цельности жизни. Но он исключил все русские мессианские мотивы и западной мысли противопоставил не русское Православие, а туманные умозрения нехристианского Востока» (И.М. Концевич).

Преклонение национальных русских философов Киреевского, Хомякова, Аксакова перед Святой Русью рассматривается Соловьевым как «преклонение перед татарско-византийской сущностью». В самом этом термине видно его непонимание особенностей духовной культуры и истории России, сведение их к каким-то мифическим внешним влияниям. Поверхностна и убога его критика работ Данилевского. Она недостойна его философского ума и только свидетельствует, на какую обочину может быть выкинут мыслитель, лишенный национального сознания и живущий эрзац-духовностью, привнесенной с Запада.

Идеи христианского универсализма и вселенской правды в интерпретации Соловьева – это подчинение Православия католицизму. Отсутствие национального сознания толкало Соловьева на утопический проект соединения Православия и католичества в «свободную теократию», в рамках которой русский народ (который, по Соловьеву, лишен особых талантов) должен пойти на самоотречение и признать папу главой вселенской церкви. Место русского народа в этой «теократии» – служить другим народам и всему человечеству (чем не идея мирового коммунизма!).

Тем не менее в философии Соловьева есть ряд моментов, которые совершенно очевидно связаны с идеями русской цивилизации. Это прежде всего его этическое учение.

Задача человека, считает Соловьев, в развитии добра, которое изначально присуще ему, в преодолении всех проявлений зла и несовершенства, являющегося следствием

грехопадения и связанных с непроницаемой вещественностью. Путь к этому идет через жертву ради любви к Богу и цельному миру. Существуют три абсолютные ценности – благо, истина и красота, которые суть просто различные формы любви, если под этим словом понимать «всякое внутреннее единство, всякое изнутри идущее соединение многих». Эти абсолютные ценности соответствуют трем ипостасям Святой Троицы, которые есть высший идеал, достигнутый на основе совершенной любви – Бог есть Любовь. Недаром св. Сергей Радонежский, пишет Соловьев, посвятил Святой Троице церковь в своем монастыре, чтобы созерцающие истину Божественного триединства монахи имели возможность сделать все, что было в их силах, для воплощения этой истины в жизнь. Совершенное добро, к которому мы должны стремиться, есть добро не для отдельной личности, а для всего человечества.

И все же В.С. Соловьев во многом был далек от Православия.

«Исповедуемая мною религия Св. Духа, – писал он, – шире и вместе с тем содержательнее всех отдельных религий...» Такое «религиотворчество» было свойственно не только Соловьеву, оно проявлялось и у многих российских интеллигентов, лишенных национального сознания.

Собрать из всех религий все лучшее, отказаться от всего «плохого» в Православии – весьма характерно для отношения интеллигенции к религии.

Беспочвенность рождала дикие религиозные сочетания, религия приобретала эстетский характер, причем из нее бралось только то, что нравилось эстету, и добавлялось – тоже по вкусу.

«Мы зачарованы, – писал Н.А. Бердяев в 1907, – не только Голгофой, но и Олимпом, зовет и привлекает нас не только Бог страдающий, умерший на Кресте, но и бог Пан, бог стихии земной, бог сладострастной жизни, и древняя богиня Афродита, богиня пластичной красоты и земной любви... И мы благоговейно склоняемся не только перед Крестом, но и перед божественно прекрасным телом Венеры».

Превосходную, хорошо аргументированную критику многих русских религиозных философов дал о. Георгий

Флоровский в своей работе «Пути русского богословия». Он совершенно справедливо отмечал, что многим из этих философов присуще отсутствие понимания смысла истории или церковной жизни. Он отмечал целый ряд моментов в их трудах, которые прямо противоречат Православию и, в частности, учение о Боге как о всеединстве, учение о перевоплощении, а также софиологию П.А. Флоренского и С.Н. Булгакова.

Вера в трудах этих философов приобретала абстрактный характер, создавались сложные умозрительные построения, наполненные противоречиями. Христианские идеи приобретали абстрактно универсальный характер, терялась качественная ткань русского Православия, намеренно стирались его самобытные национальные черты. Говоря об универсальности христианских ценностей, забывалось о разных путях их воплощения у разных народов, особый путь русского Православия почти не рассматривался, а если и рассматривался, то только с точки зрения отрицательного опыта.

Такая религиозная философия не могла удовлетворить настоящего православного человека, который рассматривал ее как заумь. Вместе с тем она и не способствовала возвращению к православной вере русской интеллигенции. А если вообще и приводила к вере, то скорее к католицизму, протестантизму или даже буддизму, – настолько абстрактны, неопределенны и далеки от Православия были умозаключения этих философов. Даже лучшие из них, такие, как о. Павел Флоренский, остались чужды православному миру. Об этом пишет в книге «Пути русского богословия» о. Георгий Флоровский. Дух философии Флоренского, отмечает он, по существу западнический. Это философия западника, который мечтательно и эстетически ищет спасения на Востоке.

В своей работе Флоренский делает, по-видимому, шаг назад, отступая от христианства к платонизму и религии древности или в царство оккультизма и магии. Такое обращение к другим культам и слабое изучение духа Православия характерно было для большинства философов этого времени, даже некоторых из тех, кого считали славянофилами.

У К.Н. Леонтьева, например, по мнению Флоровского, была религиозная тема жизни, но вовсе не было религиозного мировоззрения. В работах Леонтьева чувствуются западные, латинские мотивы, его тянет к католичеству, он близок к идее Соловьева о мировой теократии. В национальном смысле Леонтьев был далек от русского Православия, так как не верил в идею преображения мира, христианство было для него религией конца. К.Н. Леонтьев сводит религиозно-культурные корни России к некоему упрощенному византизму, которые, по его мнению, суть царь плюс церковь.

Н. Ф. Федоров опровергает христианскую идею личного спасения и разрабатывает еретическое утопическое учение всеобщего спасения – преодоление смерти, воскрешение умерших поколений, воскрешение отцов, достижение физического бессмертия. Это учение он назвал философией общего дела, противопоставив ее христианскому вероучению.

Русский интеллигент, потерявший национально-религиозное чувство и ощущающий внутри свою духовную неполноценность вне веры в Бога, стремится на своем языке убедить себя в его существовании. Но так как это убеждение идет не от души, а от ума, его рассуждения о Боге – скорее лекция по философии, чем живое религиозное чувство. Истинная Вера всегда неотрывна от национального святоотеческого сознания и предания, передаваемого из поколения в поколение. Там, где Вера отрывается от национального сознания, там она превращается в абстракцию, отвлеченное понятие, которое не может тронуть и зажечь человеческую душу.

Еретический характер имели интеллигентские мудрствования о Софии. Почти каждый русский «религиозный философ» считал своим долгом внести свой вклад в разработку этой темы, причем каждый по-разному. Получилась удивительная по своему абсурду и оторванности от живой веры система схоластических рассуждений о высшей мудрости, расположенной между Богом и человеком. А на деле – не имеющей отношения ни к Богу, ни к человеку.

Оторванная от национальной жизни, философия нередко порождала философские нелепости.

Идеал личности, по Соловьеву и Бердяеву, – некое двуполое существо, «цельная личность, сочетающая мужчину и женщину», соединяющая мужские и женские добродетели. Этот идеал полностью осуществим в Царстве Божием, в котором преображенные тела не имеют половых органов или сексуальных функций. Следовательно, по мнению этих философов, в Божием Царстве личности сверхсексуальны и не двуполы.

Развитие русской философии после 1917 носило трагический характер. В советский период коренная русская мысль беспощадно преследовалась. В тисках марксистско-ленинской схоластики даже западное эпигонство казалось откровением. За чтение духовной литературы и трудов славянофилов людей сажали в тюрьмы, расстреливали. Русская мысль в эмиграции, оторванной от почвы, была в основном бесплодна и малосамостоятельна. Даже такие блестящие философы, оказавшиеся в эмиграции, как Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Н.О. и В.Н. Лосские, С.Л. Франк и др., не смогли преодолеть неправославного, западнического духа религиозно-философских исканий н. XX в.

Более полно традиции коренной русской философии в XX в. сохранились в трудах таких русских философов как Г.В. Флоровский, И.А. Ильин, Л.П. Карсавин, А.Ф. Лосев.

Г.В. Флоровский в своей книге «Пути русского богословия» проследил движение отечественной мысли в христианский период, неразрывность веры и жизни, крушение духовных основ жизни с ослаблением и падением веры.

И.А. Ильин наиболее последовательно проводит идею цельности человеческого духа как условие полноты человеческой жизни, «личного духовного состояния человека». В трудах «Религиозный смысл философии» и «Аксиомы религиозного опыта» Ильин углубляет традиционные принципы русской философии, неразрывности веры и жизни, становление человека через «религиозный акт».

Л.П. Карсавин развивал учение о всеединстве, пытался связать русскую духовную философию с неоплатоническим направлением западной философии, впадал в искушение религиозно-философских искателей н. XX в. Тем не менее в своем анализе он приходит к важному выводу,

непосредственно смыкающему его с традицией коренной русской философии: государство, если оно действительно стремится к осуществлению христианских идеалов, в конечном счете должно слиться с церковью.

А.Ф. Лосев в «Истории античной эстетики» рассматривает сущность бытия вообще. «Его любимой идеей всегда была сущность, которая проявляется. Он любил, чтобы сущность как можно больше проявлялась вовне, почему он и называл свою историю философии историей эстетики» (А. Тахо-Годи). Как христианский мыслитель А.Ф. Лосев наиболее точно сформулировал явление последнего тысячелетия – с эпохи Возрождения осуществляется развертывание сатанизма в форме капитализма и социализма.

В к. XX в. идеал русской философии пробуждается в трудах подвижника Русской Церкви, православного мыслителя и писателя митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева) «Самодержавие Духа (Очерки русского самосознания)» и «Русь Соборная».

ГЛАВА 58. Красота спасет мир. – Отношение к прекрасному. – Русское искусство. – Духовное преображение. – Икона и церковное зодчество.

Представление о красоте для русского человека всегда было связано с представлением о Боге. В красоте выражается божественная сущность мира. Источник ее в самом Боге, Его целостности и совершенстве. «Красота на земле не возникает сама собой, а посылается рукой и мыслию Божией» (Афиногор). «Некто, возрев на красоту, весьма прославил за нее Творца и от одного взгляда погрузился в любовь Божию и источник слез» (св. Иоанн Лествичник).

Важнейшим образцом прекрасного для русского человека XII–XVII вв. была красота православной иконы. «Самая мысль о целящей силе красоты, – писал Е.Н. Трубецкой, – давно уже живет в идее явленной и чудотворной иконы. Среди той многотрудной борьбы, которую мы ведем, среди бесконечной скорби, которую мы испыты-

ваем, да послужит нам эта сила источником утешения и бодрости. Будем же утверждать и любить эту красоту!»

В народном сознании красоту связывают с правдой и добром. Не всякая правда – красота, но всякая красота – правда. Красота на добро не смотрит, но люди от нее становятся добрее.

По мнению Ф.М. Достоевского, красота спасет мир. Вместе с тем, имея в виду ее божественный первоисточник, писатель предостерегает людей от опасности подмены красоты божественной лжекрасотой дьявола. Красота, считает он, не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется и поле битвы – сердца людей. Будущий антихрист будет пленять красотой. Помутятся источники нравственности в глазах людей.

Первые памятники искусства, обнаруженные на территории России – фигурки людей и животных из глины, дерева и рога, различные образцы гравировки на кости и камне, – восходят к верхнему палеолиту. К эпохе мезолита и неолита (к 6–2 тыс. до н.э.) относится расписная керамика Приднепровья.

При раскопках древних скифских курганов (VII–III вв. до н.э.) обнаружено своеобразное прикладное искусство скифов (частью которых в то время являлись и восточнославянские племена). Многие скифские вещи из металла и кости были выполнены в т. н. «зверином стиле». Стилизованные изображения животных или их частей, сцены борьбы животных, характерные для искусства скифов, имели не только декоративное, но и культовое значение, используя в языческих ритуалах. Собственно русское искусство уходит в глубину I-го тысячелетия, развиваясь параллельно с первыми зачатками русской письменности. С древнейших еще антских времен (III–VII вв. н.э.) до наших дней дошли найденные в археологических раскопках остатки высокоразвитого гончарства, ювелирного ремесла, изделия из камня и кости. По сообщениям древних писателей Прокопия, Иордана, Менандра и др., славянские языческие храмы были украшены богатыми орнаментами, а идолы богов (из дерева, камня и даже металла) являли собой произведения искусства. Представление об этом дает художественно выполненный т.н. Збручский идол

(V в.), представляющий собой четырехгранный столб из серого известняка (высота 2,67 м) с тремя ярусами искусно сделанных рельефов разных языческих богов. Скульптура эта была найдена в р. Збруч рядом с небольшим селением. Можно представить, какие скульптурные изображения и рельефы создавались в столице Руси и больших городах. Расцвет антского государства в эпоху царя Божа (VI–VII вв.), упоминаемого в «Слове о полку Игореве», можно, по-видимому, считать и временем расцвета антского (восточнославянского) искусства.

К моменту принятия христианства древнерусское искусство уже имело свои устоявшиеся приемы и традиции. Поклонение силам добра и света в мировоззрении восточных славян после Крещения Руси усилило духовные начала христианства, создав условия для развития могучего жизнеутверждающего искусства. На месте порушенных языческих капищ и сброшенных идолов строятся православные храмы, до сих пор поражающие своей гармонией и совершенством.

Мрачные, тяжелые образцы византийского храмоздательства на Руси приобретают новое содержание и пропорции. Бог – добро, смысл жизни – служение Богу, добротолубие. Все лучшее должно быть отдано Богу. В отличие от многих других стран, где цари и вельможи прежде всего строили гигантские дворцы для себя, русские князья сооружают храмы для Бога. Светские, мирские постройки создавались хоть и не без изящества и искусства, вплоть до XVII в. представляли собой бревенчатые срубы (клет). Богатство и знатность различались между собой по количеству объединенных между собой срубов. Таким, например, был даже уже в XVII в. дворец царя Алексея Михайловича.

Искусство Древней Руси впитало в себя культурные традиции славянской древности, своеобразно перевоплотило влияние Византии, изысканно облагородив его. Для древнерусских храмов, в которых использовался византийский тип крестово-купольного здания, характерна ступенчато-пирамидальная композиция, величавые пропорции, гармоничная уравновешенность пространства и массы. В первые два века после принятия христианства

русские зодчие построили храмы, до сих пор непревзойденные по своему совершенству. Мировыми образцами духовного зодчества стали такие древнерусские памятники, как Софийский собор в Киеве (1037) и Софийский собор в Новгороде (1045–50). В XII–XIII вв. сложились самобытные архитектурные школы в Новгороде, Пскове, Владимире, Галиче, Полоцке и др. городах и княжествах. Среди выдающихся творений этого периода: «отмеченные пластической мощью и лаконизмом объемов» новгородские соборы н. XII в. – Николо-Дворищенский, Георгиевский Юрьева монастыря, собор Антониева монастыря; «более изысканные по пропорциям, стройные, украшенные богатым архитектурным и рельефным декором» храмы владими́ро-суздальской школы 2-й пол. XII в. – Дмитриевский и Успенский соборы Владимира, церковь Покрова на Нерли и мн. др. Мозаики и фрески Софии Киевской, фрески церкви Спаса на Нередице в Новгороде (1199) и иконы свидетельствуют о высоком уровне живописи Киевской Руси. По учению Отцов Церкви «икона небесное явление», «подобие Божественного». В ней нет ничего мирского и телесного, ее отвлеченные образы открывают тайну высших сил. Русская икона превзошла все мыслимые границы постижения духовного мира, и создала совершенно сверхъестественную возможность приближения к Божеству. Иконописание стало священной формой русского искусства, главным его жанром. Иконы изображали священные события и лица, не только отражая их мистическую реальность, но и символизируя значение этих событий в Священной истории. Детали материального мира, воплощавшие образ на иконе, имели второстепенное значение. Высший смысл имел только символ Божественного, сгусток духовной энергии, заряжавший человека на служение Богу. Согласно преданию, первая икона – Богоматерь с Младенцем Христом – написана ап. Лукой. Первым выдающимся русским иконописцем был прп. Алипий (ск. 1114), монах Печерского монастыря в Киеве. Платы за свои труды он не брал, а если случалось, что ему платили, то отдавал эти деньги нищим. Одна из его икон – образ Богородицы Свенской-Печерской – хранится ныне в Третьяковской галерее.

Высшего расцвета русское иконописание достигло в XIV–XVI вв. в произведениях Феофана Грека, Андрея Рублева, Даниила Черного, Дионисия. Главная особенность русской иконы этого времени – внутренняя духовность, светоносность. Свет здесь носит не внешний характер, как в западноевропейской живописи, а истекает изнутри духовного образа иконы, создавая ощущение, близкое музыкальному.

В «Троице» Андрея Рублева вписанная в круг композиция пронизана глубокими круговыми ритмами, подчиняющими себе все линии контуров, согласованность которых производит почти музыкальный эффект. Гармония всех элементов формы является художественным выражением основной идеи «Троицы» – жертвенность как высочайшее состояние духа, созидающего гармонию мира и жизни¹.

Развитие искусства в Древней Руси – это стремление к духовно-нравственному возвышению, движение к Богу. Подчинение человеческого «я» Божественному совершенству рождало необыкновенно прекрасные произведения, создание которых было немислимо в понятиях материалистического сознания. Искусство преобразовывалось в молитву, а молитвенное состояние давало высшие художественные результаты.

В к. XIII–XV в. переживала расцвет новгородская школа (своеобразные типы одноглавых церквей; росписи Феофана Грека, 2-я пол. XIV в.; островыразительные иконы и памятники книжной миниатюры). На одно из ведущих мест выдвинулась Псковская школа. Развивались также архитектурные и живописные школы Ростова, Ярославля, Твери, Вологды. С XIV в. на первое место постепенно вышла художественная школа Москвы. Величайшими достижениями русского и мирового искусства XV–XVI вв. явились московские памятники, «отличающиеся особым пространственным размахом композиционных решений, живописностью силуэта, богатством декора» (ансамбль Московского Кремля – XVII в.; церковь Вознесения в Коломенском, 1532; храм Василия Блаженного в Москве, 1555–60).

¹ Б е т и н Л.В. Андрей Рублев // Большая советская энциклопедия. Изд. 3-е. Т. 22, с. 344.

Наряду с церковным зодчеством и иконописью, выдающимися памятниками русского искусства являлись рукописи с их художественным письмом, миниатюрами и ювелирной отделкой переплета («Изборник Святослава», «Остромирово Евангелие», «Мстиславово Евангелие» и мн. др.), а также многочисленные памятники декоративно-прикладного искусства (художественное шитье, резьба по дереву, изделия из металла).

Совершенство форм и содержания русского духовного искусства начинает разрушаться с XVI в. по мере проникновения в него западного, католического и протестантского влияния. Прежде всего это влияние поражает русскую икону. Она утрачивает обращенность к внутреннему миру человека – светоносность. Вместо этого в икону приходит внешний свет, нарядность, многосоставность и перегруженность композиции. То же самое происходит и в церковном зодчестве. Оно теряет ясность, уравновешенность пространства и массы, величавость пропорций, обмирщается. В XVII в. еще более усиливаются светские тенденции, фольклорное и декоративное начала. Эти процессы заметно усиливаются как в зодчестве, где пространственные решения сочетались с интересом к пестрому «узорчатому» внешнему убранству (церкви Покрова в Филях, Уборах, соборы в Рязани, Астрахани и др.), так и в живописи (насыщенные реалистическими элементами иконы и парсуны Симона Ушакова; росписи церквей Москвы, Ярославля, Костромы).

В XVIII–XIX вв. русское духовное искусство вытесняется. На его место приходит господство светского начала, западноевропейских и католических установок. Русские города постепенно теряют свой национальный облик. Главными художественными стилями становятся сначала барокко, а затем классицизм. В 1757 в Петербурге создается Академия художеств, ставшая официальным центром русского искусства. Развитое барокко в русской архитектуре завершилось в сер. XVIII в. творчеством В.В. Растрелли (Большой дворец в Петергофе, 1747–52; Смольный монастырь, 1748–54, и Зимний дворец, 1754–62, – оба в Петербурге, перестройка Большого Екатерининского дворца в Пушкине, 1752–57, и др.) и С.И. Чевакинского (Никольский

Морской собор в Петербурге, 1753–62). Русский классицизм претворял на национальной почве художественные принципы античности. Классицистическое направление представлено творчеством выдающихся русских архитекторов XVIII в. – 1-й пол. XIX вв.: в Москве и ее окрестностях – В.И. Баженова (дом Пашкова, ныне старое здание Румянцевской библиотеки, 1784–86, и др.), М.Ф. Казакова (здание Сената, 1776–87, и др.), а также Д.И. Жилярди, А.Г. Григорьева, О.И. Бове; в Петербурге и его окрестностях – А.Ф. Кокоринова и И.Е. Старова (Таврический дворец, 1783–89, и др.).

Тем не менее духовные начала русского искусства продолжали сохраняться в творчестве русских портретистов И.Н. Никитина, А.М. Матвеева, Ф.С. Рокотова, В.Л. Боровиковского, Д.Г. Левицкого, а также скульптора Ф.И. Шубина.

Русские духовные начала проявлялись также в поэтически-одухотворенной классицистической скульптуре М.И. Козловского, И.П. Мартоса (памятники Козьме Минину и кн. Пожарскому), И.П. Прокофьева, Ф.Г. Гордеева, в исторической живописи А.П. Лосенко и Г.И. Угрюмова.

Еще в большей степени жажда духовности ощущается у художников русского романтизма – В.А. Тропинина и О.А. Кипренского (портретная живопись), С.Ф. Щедрина (пейзажи), А.Г. Венецианова (поэтический крестьянский жанр). Особых духовных высот в русском искусстве 1-й пол. XIX в. достигли К.П. Брюллов, А.А. Иванов («Явление Христа народу») и П.А. Федотов.

Во 2-й пол. XIX в. большинство лучших русских художников объединяются в рамках Товарищества передвижных художественных выставок – В.Г. Перов, И.Н. Крамской, Н.Н. Ге, Г.Г. Мясоедов, Н.А. Ярошенко, В.В. Верещагин, В.Е. Маковский, А.К. Саврасов, И.И. Шишкин и др. В значительной степени их объединил протест против навязываемого Академией художеств классицизма и космополитизма. Однако стремление вернуться к народным духовным основам у передвижников извращалось ложно понимаемым чувством народного блага, воспринимаемого многими из них вне Православия и самодержавного государственного строя. И в этом они тесно смыкались с

классицизмом, также отрицавшим их, но только с позиции дохристианской античности.

Академизм и передвижничество, господствовавшие в русском искусстве в XVIII–XIX вв., безусловно, внесли свой вклад в его развитие, но вместе с тем отклонили его от национальной почвы. И академизм, и передвижничество усматривали настоящее русское искусство только с Петра I, а до него видели лишь подражательность и примитивность. Прервалась преемственность в развитии духовных начал, которые в любой стране носят прежде всего национальный характер. Извращается само понятие духовности. У академистов оно представляется в идеальных античных образцах, у передвижников – в идейности и тенденциозности. По сути дела, передвижничество было оппозиционным, антиправительственным течением русской художественной интеллигенции, зачастую лишенной национального сознания и стремившейся показать русскую жизнь односторонне, только в темных тонах – если крестьянина, то обязательно бедного и забитого, если купца, то обязательно толстого и пьяного, если чиновника, то обязательно отвратительного и жалкого. Обличительная тенденциозность, очернение «цветущей сложности» русской жизни считались «славнейшей традицией русского искусства».

На самом же деле такое мировосприятие духовно обедняло русских художников, вымывало из-под них национальную почву. С к. XIX в. в русском искусстве происходит отторжение передвижнического духа.

Мощным толчком для национального возрождения в живописи и архитектуре стало «открытие» русской иконы и церковного зодчества, долгое время считавшихся в образованном обществе жалкими подражательными примитивами. После расчистки русских икон и реставрации древних русских церквей стало совершенно очевидно, что речь идет о памятниках искусства мирового значения. Перед взором русских людей открылся целый океан великого искусства Древней Руси, носящего духовный характер. Это открытие расширило духовное поле и национально-культурный кругозор деятелей русского искусства. Произошло возвышение их духовного потенциала.

Только великий подъем мог родить таких титанов русской национальной живописи, как В.М. Васнецов, М.В. Нестеров, М.А. Врубель, И.Е. Репин, В.И. Суриков, К.А. Коровин, А.И. Куинджи, В.А. Серов, И.И. Левитан, В.Д. Поленов. Росписи В.М. Васнецова во Владимирском соборе в Киеве являются высочайшим образцом русской духовной живописи. Образы русских святых и картины «Страшного суда» и «Всадника Апокалипсиса» поражают своей цельностью и мощью духа. В картинах Васнецова «Три богатыря», «Аленушка», «Три царевны подземного царства», «Иван-царевич» и во многих других оживает эпический мир Древней Руси, духовно тесно связанный с современной жизнью.

Вершиной русской духовной живописи стали произведения М.В. Нестерова. Прежде всего, конечно, его участие в росписи того же Владимирского собора – Рождество Христово, Воскресение, Святые Кирилл и Мефодий, Константин и Елена, Филарет и Варвара, Борис и Глеб, Михаил и Ольга. Чарующей духовной мощью полны картины Нестерова «Видение отроку Варфоломею» и «Пустынник».

М.А. Врубель, создавший также целый ряд икон и стенных росписей, поражает обостренным ощущением величия древнерусского искусства, его высокой духовности, монументальности и пластической выразительности. Тяготея к древнерусскому искусству, Врубель не подражает ему, а развивает. Великолепны его оформления спектаклей Римского-Корсакова «Садко», «Царская невеста», «Сказка о Царе Салтане». В картинах «Демон» и «Демон поверженный» Врубель по-новому ставит главный русский вопрос добра и зла, показывает трагическое одиночество личности вне национальной жизни.

Историческая живопись В.И. Сурикова раскрывает глубокую цельность и полноту духовной жизни России на разных этапах ее развития. «Боярыня Морозова», «Утро стрелецкой казни», «Покорение Сибири Ермаком», «Переход Суворова через Альпы» и другие его картины стали изобразительной антологией русской жизни.

В целом же период царствования Николая II по количеству великих национальных художников не знал себе равных в русской истории. Существовали целые художе-

твенные центры, поставившие своей целью возрождение народного искусства и возвращение к истокам: в частности, Абрамцево, Талашкино, Поленово.

Художественный кружок в Абрамцево, душой которого был русский предприниматель и меценат С.И. Мамонтов, увлекавшийся пением, музыкой и ваянием, объединял целую плеяду талантливых художников, скульпторов, композиторов, музыкантов, актеров, певцов. Здесь создавались живописные полотна, возводились здания в древнерусских архитектурных формах, возрождалось гончарное производство, разрабатывались и декорировались предметы повседневного быта, ставились самобытные спектакли. Через этот кружок прошли многие из великих русских художников, обогатив друг друга и русское искусство глубоким национальным порывом.

В Талашкине старанием кн. М.К. Тенишевой были организованы художественные мастерские: столярная, резьбы и росписи по дереву, чеканки по металлу, керамическая, окраски тканей и вышивания. Княгиня собирала «стародавние образцы неугасимой красоты» русского быта и давала им творческое развитие в своих мастерских, превратившихся «в заповедное место, в тот живой родник, у истоков которого взаимно обогащались и декоративно-прикладное профессиональное искусство прославленных корифеев, и народное творчество». В мастерских участвовали тысячи человек.

В поиск новых форм русского искусства большой вклад внесла группа художников, примыкавших к журналу «Мир искусства», душой которого был художник А.Н. Бенуа. Они обогатили русское искусство новыми формами и приемами, создали красочные образы русской жизни и природы. Н.К. Рерих, А.Я. Головин, В.Э. Борисов-Мусатов, Е.Е. Лансере, И.Я. Билибин, И.Э. Грабарь, К.Ф. Юон, Б.М. Кустодиев стали своего рода вторым кругом русских художников, вольно или невольно формировавшимся вокруг духовного центра русской живописи, рассмотренного нами выше.

В царствование Николая II новое дыхание и стремительный порыв к национальным русским формам приобретает и архитектура. Разрозненные проявления русского

стиля предыдущего царствования в 1890-х сливаются в широкое художественное движение, объединенное поисками монументального национального стиля под началом и при явной гегемонии архитектуры. Русские архитекторы эпохи национального возрождения отказываются от буквалистского использования чисто внешних форм древнего русского зодчества, но творчески развивают его дух и мотивы – пластичность, силуэтность, богатырско-эпический строй. Заметными вехами на пути русского возрождения стали сооружения павильона русского прикладного искусства на Всемирной выставке 1900 в Париже (худ. К.А. Коровин и арх. И.Е. Бондаренко), павильоны русского отдела на Международной выставке в Глазго (1901) и Ярославский вокзал в Москве (1904, арх. Ф.О. Шехтель), доходный дом Перцова в Соймаоновском пер. в Москве (1907) и постройки в Талашкине («Теремок», театр, собственный дом, 1902, арх. С.В. Малютин), дом для вдов и сирот художников в Лаврушинском переулке (арх. Н.С. Курдюков) и старообрядческие церкви в Москве (2-я пол. 1900-х – 1910-е, арх. И.Е. Бондаренко).

Великолепные образцы русского зодчества были созданы архитектором А.В. Щусевым – Казанский вокзал на Каланчевской площади в Москве, церкви в Почаевской лавре и Марфо-Мариинской обители.

Даже стиль модерн в архитектуре и искусстве, получивший распространение в самом к. XIX в., носил в России сугубо национальный характер. Недаром у его отечественных истоков стояли Е.Д. Поленова, В.М. Васнецов и К.А. Коровин.

Блестящим выражением возрождения древнерусского зодчества стали сооружения арх. В. А. Покровского, сумевшего развить декоративные мотивы и конструктивные особенности традиционной русской архитектуры применительно к новым условиям и создавшего функционально удобные и эстетически совершенные постройки: здания Ссудной кассы в Москве и Государственного казначейства в Нижнем Новгороде, ряд других строений, которые поражали совершенством форм и современными удобствами. Самым выдающимся произведением Покровского стал Федоровский собор в Царском Селе (1910–15),

нижний – пещерный – храм которого особенно любила посещать царская семья. При Федоровском соборе был воздвигнут Русский городок. В его строительстве и отделке, кроме Покровского, принимали участие и другие архитекторы, лучшие художники и скульпторы. Городок состоял из трех основных зданий и был окружен сказочнокрасивой кремлевской стеной с башнями и тремя воротами, опоясанными «скульптурным кружевом древней русской росписи». Стена прерывалась фронтоном трех больших зданий, выступавших вперед. Главным зданием была так называемая Трапезная государя, состоявшая из многочисленных комнат, включая двухсветный трапезный зал со сводами, украшенными гербами всех российских губерний и областей.

После захвата власти в России еврейскими большевиками русское национальное искусство оказалось в трагическом положении. Русским художникам и зодчим фактически запрещалось национально мыслить и творить в традиционных формах. Им навязывают различные формы псевдоискусства – вроде конструктивизма или абстракционизма, призванных разрушать русскую духовность. В 1920-е – 30-е были снесены десятки тысяч памятников архитектуры, и прежде всего церквей, уничтожены миллионы икон, фресок, картин, предметов декоративно-прикладного искусства.

Русскому искусству был нанесен невосполнимый урон. Тем не менее русское духовное искусство продолжало жить в произведениях художников М.В. Нестерова, П.Д. Корина («Русь уходящая»), А.А. Пластова, К.С. Петрова-Водкина, К.Ф. Юона, Б.М. Кустодиева, скульпторов С.Т. Коненкова, В.И. Мухиной, архитекторов А.В. Щусева, И.В. Жолтовского, И.А. Фомина. Члены художественного объединения «Маковец» (С.В. Герасимов, М.С. Родионов, В.Н. Чекрыгин, Н.М. Чернышев и др.) даже обращаются к традициям русской иконописи.

По мере космополитизации жизни после смерти Сталина деградирует и искусство. Русские художники и зодчие вытесняются, их место занимают посредственные ремесленники, преимущественно из евреев. Художественный уровень резко снижается. Начиная с 1950-х на территории

России не было создано значительных художественных произведений, которые можно было поставить рядом с лучшими образцами русского искусства XVIII–XIX вв. Снова осуществляются варварские сносы архитектурных памятников (даже в Кремле), а на их месте возводятся серые, безликие, лишённые какого-либо своеобразия постройки. В изобразительном искусстве преобладают кич, нелепые заимствования западных авангардных форм. Среди этого художественного упадка встречаются редкие островки духовного русского искусства, которое, в частности, продолжает жить в произведениях таких русских мастеров, как И.С. Глазунов, В.М. Клыков, Ф.В. Викулов, Г.М. Коржев, К.А. Васильев.

СТОЛКНОВЕНИЕ С ИУДЕЙСКО-МАСОНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИЕЙ

ГЛАВА 59. Русофобия. – Юрий Крижанич. – Чужебесие. – Отрицание народной культуры.

В XVII в. после позорного поражения папы римского, не сумевшего завладеть Россией посредством польских королей, в западном мире начинают усиливаться настроения русофобии. Во второй половине этого века они особенно возрастают после возвращения в состав России малороссийских земель, которые во время польской оккупации были заселены иудеями, безжалостно эксплуатировавшими живший здесь русский народ. Политика царя Алексея Михайловича резко ограничила возможности иудеев поживиться за счет русских. В Польше и связанных с ней католических странах усиливается антирусская пропаганда¹. Ненависть к русскому народу со стороны определенной части западного мира и еврейства является результатом коренных религиозных и цивилизационных различий между Россией и Западом. Если для России Бог – Господь наш Иисус Христос, смерть поправый и дьявола упраздненный, пришедший в мир грешных спасти, то у Запада бог совершенно иной – это князь мира сего, бог наживы и беспредельного эгоизма, бог тщеславия и корысти, о котором Священное Писание предупреждает: «Да не обольстит вас никто никак: ибо день тот не придет, доколе не придет прежде отступление и не откроется человек греха, сын погибели, противящийся и превозносящийся выше всего, называемого Богом или святынею, так что в храме Божиим

¹ По своей сути Польша являлась скорее не христианским, а иудайзированным государством. Большая часть ее правящей элиты и сам король находились под контролем богатых иудейских кланов, составивших огромные состояния на аренде шляхетских поместий, кабаков и даже православных церквей. Подробнее об этом в моей книге «Тайна беззакония». 2-е изд. М., 2004.

сядет он, как Бог, выдавая себя за Бога» (2 Сол. 2: 3—4). Борьба антихриста против Христа – такова в последней своей духовной глубине первопричина антагонизма между Западом и Россией (митр. Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн).

Русофобия имеет древние корни. Еще в высказываниях иностранцев, посещавших Русь в XV–XVII вв., чувствуется нескрываемая ненависть и недоброжелательность. Приписывая русским все общечеловеческие пороки и слабости, свойственные и им самим, иностранные путешественники насыщали свои путевые очерки массой фактических выдумок, сплетен и клеветнических слухов, вызывавших у их соотечественников неприязнь и отвращение к России. Как писал А.С. Хомяков: «И сколько во всем этом вздора, сколько невежества! Какая путаница в понятиях и даже в словах, какая бесстыдная ложь, какая наглая злоба! Поневоле родится чувство досады, поневоле спрашиваешь: на чем основана такая злость, чем мы ее заслужили? Вспомнишь, как того-то мы спасли от неизбежной гибели; как другого, поработленного, мы подняли, укрепили; как третьего, победив, мы спасли от мщенья и т.д. Досада нам позволительна; но досада скоро сменяется другим, лучшим чувством – грустью истинной и сердечной. В нас живет желание человеческого сочувствия; в нас беспрестанно говорит теплое участие к судьбе нашей иноземной братии, к ее страданиям, так же как к ее успехам; к ее надеждам, так же как к ее славе. И на это сочувствие, и на это дружеское стремление мы никогда не находим ответа: ни разу слова любви и братства, почти ни разу слова правды и беспристрастия. Всегда один отзыв – насмешка и ругательство; всегда одно чувство – смешение страха с презрением. Не того желал бы человек от человека. Недоброжелательство к нам других народов, очевидно, основывается на двух причинах: на глубоком сознании различия во всех началах духовного и общественного развития России и Западной Европы и на невольной досаде перед этою самостоятельной силою, которая потребовала и взяла все права равенства в обществе европейских народов, отказать нам в этом праве они не могут, но и смириться с тем – тоже».

Впервые явление русофобии вполне осознал славянский ученый и писатель Юрий Крижанич (1618–83). Он не только освятил опасность русофобии, но и сумел найти ответ как бороться с ней.

В своих исследованиях Крижанич приходит к выводу о необходимости объединения славян путем просвещения и литературного сближения. Крижанич увлекся изучением истории России и считал ее родиной всех славян. «Русский народ, – писал он, – и имя всем прочим, начало и корень». Чтобы объединить все славянские племена, считал Крижанич, необходимо прежде всего создать единый «всеславянский» язык и написать на этом языке книги, доступные всем славянам. Крижанич лично показывает пример такой работы: в Тобольске он создает свой вариант всеславянского языка, представлявшего собой смесь церковнославянского, русского и хорватского языков. Именно на этом языке написана его книга «Политика». Крижанич одним из первых подверг критике летописные легенды о «призвании варягов» на Русь, дарах Мономаха, вскрыл грубые искажения русской действительности в современных ему иностранных сочинениях о России (Адама Олеария, П. Петрея).

Славянский ученый доказывал необходимость упрочения связей Великороссии и Малороссии. Для укрепления могущества России Крижанич предлагал усилить государственный аппарат, реформировать армию, законодательно закрепить права всех сословий русского общества, перестроить организацию внутренней и внешней торговли, стимулировать развитие российской промышленности и ремесел. Крижанич резко выступал против низкопоклонства перед всем иностранным, дав этому явлению свое название – чужебесие. Не исключая возможности использования положительного зарубежного опыта, Крижанич призывал сделать главную ставку на «высвобождение» богатейшего внутреннего потенциала русского народа. «Ничто не может быть более губительным для страны и народа, – писал Крижанич, – нежели пренебрежение своими благими порядками, обычаями, законами, языком и присвоение чужих порядков и чужого языка и желание стать другим народом». Главной опасностью для любого государства, считал он, является «чужебесие» – «бешеная

любовь к чужим вещам и народам и чрезмерное доверие к чужеземцам». Живший еще до эпохи петровских преобразований, Крижанич справедливо подметил эту роковую особенность общественной жизни Руси XVII в., ставшую впоследствии главной причиной разрушения русской цивилизации.

Эпизодически с XIV–XVII вв., нарастая в XVIII и приобретая угрожающий характер в XIX в., рядом с традиционной народной культурой, народными основами жизни и хозяйствования возникает идущее сверху движение за их отрицание, которое мы назовем парадигмой чужебесия. Сначала незначительная, а затем преобладающая часть высшего правящего слоя и дворянства России начинает предпочитать народным основам жизни заимствованные преимущественно из Западной Европы формы и представления.

Первые известные случаи связаны с попытками проникновения в Россию католической церкви. С легкой руки католических иерархов, потерпевших в России XV в. крушение надежд на господство, создаются мифы о безнадежной темноте и невежестве русских, сыгравшие свою роль в становлении правящего класса западнорусских земель, находившихся тогда под литовско-польской оккупацией. Отрицание народной культуры, как явление широко проявившееся со второй пол. XVII в., неверно и несправедливо связывалось с именем Петра I (ибо дело Петра носило народный характер). Но деяния Петра стали своего рода отправным моментом, с которого интенсифицировались все народные и антинародные процессы русского общества.

«С Петра I, – писал видный русский социолог П.Л. Лавров, – московское служивое сословие преобразовалось в чиновничество по внешнему европейскому образцу, но без европейского содержания... Для русского крестьянства этот служивый класс московского царства и петербургского императорства все решительнее закрывался с дальнейшим ходом истории. Крестьянство было все более закрепощено и при отсутствии возможности политического развития принуждено было все тщательнее сохранять в себе традиции сельского мира и сельской громады, тради-

ции артельной солидарности как единственное средство отстоять, хотя бы в некоторой мере, свое экономическое благосостояние. Крестьянство все более отделялось от господствующего класса не только экономическими интересами, не только легальным бесправием, но самыми формами культуры... Оно было и осталось единственным сословием в государстве, сохранившим традицию элементарной местной организации, общины, громады, мира, артели, но эта организация обращалась все более в фискальное средство, в орудие деморализации масс; она все суживалась и атрофировалась».

Высший правящий слой и дворянство все более стремились опереться на внешний авторитет западноевропейского политического, экономического и социального опыта, порой просто механически копируя некоторые западные представления и формы.

«У нас... более чем где-нибудь, – пишет В.И. Даль, – просвещение сделалось гонителем всего родного и народного... ревнители готового чужого, не считая нужным изучить сперва свое, насильственно переносили к нам все в том виде, в каком оно попадалось им на чужой почве, где он было выстрадано и выработано, тогда как тут могло приняться только заплатами и лоском»¹.

Крепостное право пришло в Россию сравнительно поздно, когда у крестьян уже сложились черты национального характера, выражаемого прежде всего самостоятельностью и инициативой в рамках традиций и обычаев самоуправляющейся общины. Чтобы удержать в узде крестьян, правящие слои должны были вступить в настоящую войну с народом. А на войне как на войне – культура противника отвергается. Правящий слой шаг за шагом отказывается от многих ценностей народной культуры, отечественных обычаев и идеалов, заменяя их представлениями и понятиями, заимствованными из-за рубежа. Причем речь шла не о стремлении к творческому освоению и взаимному обогащению равноценных культур России и западноевропейских стран, а о вытеснении народной культуры как якобы отсталой и отжившей. Процесс это был тяжелым и

¹ Д а л ь В.И. Пословицы русского народа. М., 1957, с. 8.

болезненным, утраты катастрофическими. На несколько столетий для многих поколений были «закрыты» допетровская литература и музыка, древнерусская архитектура, иконопись, живопись – шедевры мирового значения, которые считались бледными примитивами, заимствованиями, жалкой мазней, и только во второй пол. XIX в. начали снова «открываться» как произведения великого искусства. Самобытная русская культура на несколько веков становится Золушкой в родном доме, ей отказывается в праве на общечеловеческое значение, признавая его только за западноевропейской культурой. Такое явление не могло не вызвать протеста.

«Русский народ, – писал К.С. Аксаков, – имеет прямое право, как народ, на общечеловеческое, а не через посредство и не с позволения Западной Европы. К Европе относится он критически и свободно, принимая от нее лишь то, что может быть общим достоянием, а национальность европейскую откидывая... Европеизм, имея человеческое значение, имеет свою и очень сильную национальность... Итак, с одной стороны, так называемые славянофилы стоят за общечеловеческое и за прямое на него право русского народа. С другой стороны, поборники Западной Европы стоят исключительно за европейскую национальность, которой придают всемирное значение и ради которой они отнимают у русского народа его прямое право на общечеловеческое».

Привычка видеть в русской жизни только отсталость сказалась в неменьшей степени и в отношении народной культуры труда и хозяйствования. Правящие круги, особенно с к. XVIII в., относились ко многим народным формам жизни и хозяйствования, в частности к общине и артели, как к чему-то варварскому, архаичному и скорее терпели их, чем признавали.

Так сложились в российской жизни два параллельных течения, которые сосуществовали и даже взаимодействовали друг с другом, редко пересекаясь, но если уж пересекались, то почти всегда трагически.

ГЛАВА 60. Начало разрушения. – Раскол русской церкви. – Пагуба католичества и униатства. – Протестантское влияние.

Точкой отсчета начала разрушительных процессов на Святой Руси следует считать раскол в Русской церкви, подорвавший духовное единство русского народа. С этого момента православный монолит начинает дробиться. В сознание русских людей входит соблазн духовной раздвоенности, соблазн «выбора» веры.

Раскол породил движение старообрядчества, которое было первым массовым движением народного протеста против принятия правящим классом чужеземных порядков и отказа от традиций родной старины. Исследуя требования старообрядцев, становится ясно, что они боролись, прежде всего, за ценности русской цивилизации. Сохранение церковных обрядов было только общим символом национальной борьбы за сохранение отечественной самобытности, диапазон которой был очень широк, включая быт и культуру. Старообрядцы ставили во главу угла спасение души, но это не отвлеченное понятие, сводимое к религиозному догмату, а спасение душевной целостности и чистоты в том виде, как это понималось предками. Старообрядчество – народное движение национального сохранения, реакция на отход значительной части правящего и образованного слоя общества от национальных основ бытия.

Конечно, раскол церкви был страшным злом, он разрушил соборное единство, но в этом расколе были виноваты не старообрядцы, а правящие и образованные слои, создавшие условия для такой общественной реакции. Раскол в тех условиях был неизбежен в силу инстинкта национального самосохранения, толкнувшего наиболее нравственно здоровые силы на противостояние официальным структурам.

Церковная реформа, начатая Никоном, с еще большим темпераментом проводилась после его низложения с патриаршества. Это говорит о том, что дело было не в Никоне, а в создавшейся обстановке.

Большой Собор 1667 года, на котором был низложен Никон, вынес решения, которые были сочинены приезжими греками. Иностранцы епископы, значительная часть которых получила образование на Западе, выступают как «судьи всей русской жизни», многие стороны русской церковности объявляются «немысленным мудрованием» или даже просто ересью. Отменяются многие клятвы и решения Стоглавого собора: «... и той собор не собор, и клятву не в клятву, и ни во что вменяем, якоже и не бысть, зане той Макарий митрополит и иже с ним мудрствоваша невежеством своим безрассудно...» Но здравый русский человек не мог с безразличием отнестись к подобным оценкам, не мог вынести хулу на всю русскую жизнь, которую позволяли иноземные «судьи», договорившиеся до того, что, якобы, с тех пор, как русская церковь обрела самостоятельность, она начала скатываться к ереси (как это утверждал архимандрит с Афонской горы грек Дионисий).

Старообрядчество дало прекрасные примеры, каких высоких культурных и экономических результатов можно достигнуть, следуя идеалам Святой Руси. Прежде всего это процветание знаменитой Выговской пустыни, это замечательные русские предприниматели из старообрядцев. Однако отрыв от основной части народного тела давал о себе знать с каждым годом все больше, абсолютизировалось старое, отрицалось новое, что впоследствии вызвало вырождение некогда мощного организма народных верований.

Первым серьезным ударом по русской цивилизации была церковная уния, т.е. подчинение западнорусской церкви римским католикам. Опершись на предательские, изменнические элементы русского общества в западных землях, католицизм потаенно, путем темных интриг разрушил духовное единство русского народа, создав противоречие между народом и правящим слоем, в значительной части пошедшим на отступничество, отход от идеалов русской цивилизации. Как справедливо отмечал Г. Флоровский, уния расколола западнорусскую церковь, разъединила иерархию и народ.

Это было прежде всего клерикальное движение. Уния была делом епископов, действовавших в отрыве от цер-

ковного народа, без его свободного соборного согласия и совета, «скрыто и потаенно, без поразумления народу хрестьянского»¹. И создавалось странное положение: во главе православного народа оказывалась униатская иерархия, подобострастно подчиняющаяся всем унизительным антирусским решениям Рима. Подавляющее большинство русского народа в западных землях не приняло унию, а к униатским священникам относилось как к предателям и отступникам от веры.

С этих пор западные русские земли стали оплотом разрушения русской цивилизации. Католицизм и его политический агент, униатство, подтачивали ее ценности, отравляя сознание правящего класса и духовенства этих земель.

К к. XVI в. часть правящего класса западнорусских земель окатоличилась, а часть подпала под униатство. Только твердый протест простого народа удерживал остальную часть правящего класса от духовного разложения, но даже в эту, оставшуюся, часть вливался яд западной цивилизации, выражавшийся в презрении к традиционной культуре своего народа.

Даже православные священники и иерархи в западных землях вольно или невольно подпадают под разлагающее влияние чуждых духовных представлений. Прежде всего это отражается в сочинениях западнорусских писателей того времени, которые были преимущественно духовного сана. «Всего важнее и опаснее было то, что русские писатели привыкли обсуждать богословские религиозные вопросы в их западной постановке» (Г. Флоровский). Именно с тех времен «известный налет протестантизма навсегда остался на украинском народном складе».

Язва униатства сохранялась и поддерживалась в западных землях с помощью католического золота, воспитывая тысячи отступников от русского народа и Православия. Именно используя униатство, части русского народа, жившего в западных землях, удалось внушить, что он не русский, а какой-то особый, украинский народ.

Другая струя вредоносного влияния западной цивилизации шла на Россию из Греции. С потерей государствен-

¹ Ф л о р о в с к и й Г. Пути русского богословия. Киев, 1991, с. 38.

ной самостоятельности многие образованные греки, на которых в России по традиции смотрели как на светочей веры, становятся зависимы от ценностей, складывающихся в то время на Западе, ибо свое образование и многие культурные навыки получали именно там. «Греческие учителя, – пишет Г. Флоровский, – обычно приходили с Запада, где учились сами, в Венеции или Падуе, или даже в Риме, или в Женеве, или в Виттенберге, и приносили оттуда не столько византийские воспоминания, но чаще западные новшества. В XVI в. это бывали обычно протестантские симпатии, позже, напротив, прикрытый латинизм».

Внешне католицизм ни на йоту не ущемил формальной канонической стороны западнорусской церкви. Все обряды и каноническая независимость были сохранены, а главный удар католицизма пришелся на духовно-нравственную сферу русского народа, поразив его мировоззрение и язык. Католики были готовы закрывать глаза на религиозно-догматическое расхождение, но за это требовали власти над русским народом. Католики стремились поработить душу народа, что им из-за предательства правящего класса в значительной степени и удалось.

«Внутренняя свобода и независимость были потеряны, и было утрачено и самое мерило для самопроверки... Восточные связи были прерваны. Утверждается чуждая и искусственная, не органическая традиция, и она как бы перегораживает творческие пути... На опустевшем месте строится латинская и латинствующая школа, и латинизации подвергаются не только обряд и язык, но и богословие, и мировоззрение, и сама религиозная психология. Латинизируется сама душа народа» (Г. Флоровский).

Латинизация народного сознания в западных землях имела трагические последствия не только для западнорусского народа. После возвращения западных земель в состав России эта латинизация начинает проникать и в центральные области страны, отравляя национальное сознание правящего класса, хотя практически не затрагивает сознания широких народных масс.

Сочинения Петра Могилы, Мелетия Смотрицкого, а позднее Симеона Полоцкого получают признание среди некоторых представителей образованного слоя в сердце

России. Созданная в Москве Славяно-греко-латинская академия повторяла учебные программы, разработанные в Киево-Могилянской коллегии, строившейся по образу католических духовных учреждений, да и преподаватели в московской академии в значительной части были из западных земель.

Западное влияние затрагивает даже таких выдающихся деятелей церкви, как свт. Димитрий Ростовский и Стефан Яворский.

Главный труд свт. Димитрия Ростовского «Жития Святых» составлен преимущественно по западным источникам, в основу его положены латинский сборник Л. Сурия, а также труды кардинала Барония и П. Скарги. Западнический характер носили и его проповеди.

Ректор Киевской Духовной академии С. Яворский учился у иезуитов, принял римское послушание и лишь позднее вернулся в Православие. Его книга «Камень веры» – компиляция из многих латинских книг.

Так называемое украинское барокко, часто связываемое с именем предателя Мазепы, несло в себе нерусскую западническую струю и оказало разрушительное влияние на русскую цивилизацию. Даже в западных землях оно было бесплодно, так как имело заимствованный нетворческий характер.

Как отмечал Г. Флоровский, «сложилась школьная традиция, возникла школа, но не создано духовного творческого движения. Сложилась подражательная и провинциальная схоластика, именно «школьное богословие». Это обозначало некую новую ступень религиозно-культурного сознания. Но в то же время богословие было сорвано с его живых корней. Возникло болезненное и опасное раздвоение между опытом и мыслью. Кругозор киевских эрудитов был достаточно широк, связь с Европой была очень оживленной, и до Киева легко доходили вести о новых движениях и исканиях на Западе. И однако, была некая обреченность во всем этом движении. Это была псевдоморфоза религиозного сознания, псевдоморфоза православной мысли...»¹

¹ Флоровский Г., с. 56.

Русская икона, столетиями воплощавшая высшие духовные начала русской жизни, ее целостность и стремление к добру, теряет многие из этих качеств. Мощные, глубокие образы Бога и святых заменяются их описательными изображениями, в которых видишь не Бога или подвижника, а портрет человека-современника. Духовный образ вытесняется рисунком с подробностями. Русская икона, тревожившая духовные начала человека, шедшая к его сердцу через духовные представления о Боге, сейчас ищет этот путь через чувственно-плотские представления о Нем. Бог и святые на иконах становятся похожи на нарядных бояр или даже немцев, картины мироздания или подвижнической жизни святых теряют обобщенность и начинают походить на бытовые рисунки.

Вырождение русской иконы – результат разрушения духовных начал русской цивилизации. Меняется все: и духовные представления, и средства их художественного выражения. Однако нельзя рассматривать вырождение русской иконы как абсолютный процесс. На самом деле ему противостояло многое, и даже в образах новой иконописи так или иначе сохранялись элементы прежних представлений.

Власть церкви в России была духовно-нравственной, отчасти экономической, но почти никогда политической. До к. XVI в. Россия не имела своих патриархов, а русская церковь управлялась митрополитами, поставленными Константинопольским патриархом, чаще всего по рекомендации царя. Эти митрополиты пользовались огромным уважением и духовным авторитетом, но политической власти и влияния на государственные дела не имели. То же было и с введением в России патриаршества (просуществовавшего тогда не более ста лет). Исключение, может быть, составляли патриарх Филарет, отец царя Михаила Федоровича, и патриарх Никон, возжелавший политической власти. В России сложилась традиция, что по всем важнейшим вопросам руководители церкви принимали точку зрения царя. Царь – помазанник Божий, его разумом и устами говорит сам Бог. В лице царя олицетворялось Российское православное государство, значение которого было абсолютно в сознании русских людей.

Царь, церковь, государство – неразрывные понятия, и ни у кого из русских людей не могло возникнуть мысли рассматривать их в отдельности. Царь – воля, церковь – дух, государство – тело, и все это вместе православное государство. Неразрывность этих понятий придавала устойчивость и стабильность могучему организму России, но вместе с тем повреждение одного из этих составляющих вело к глубокому кризису всей целостности, это хорошо понимали враги России. С ненависти «к царю и попу» (революционный лексикон) начинались все попытки разрушения российской державы.

Существует мнение, что царь Петр I своей церковной реформой ввел в русскую церковь протестантские элементы, произвел раскол между властью и церковью (Г. Флоровский). Это чисто формальный и поверхностный взгляд. Напротив, царь Петр довел до логического завершения целостность «царь, церковь, государство», изъяв из нее все возможности противоречий. Что бы ни говорили о Петре, но он мыслил национально, заботился об интересах Российского государства и если и проводил реформу церкви, то на основе сложившихся традиций. Введением нового «Духовного Регламента», упразднением патриаршества Петр юридически узаконил уже реально существовавшее положение дел, ведущую роль православного царя – хранителя государства в церковной жизни. Возвеличивание царской власти, главенство царя в духовной, церковной жизни не изобретение Петра, а факт национальной жизни, существовавший задолго до него. Петр придал этому факту юридическую определенность.

Национальному духу страны соответствует мысль Феофана Прокоповича, принадлежащая, по своей сути, самому Петру, что «Государь – власть высочайшая, есть надсмотритель совершенный, крайний, верховный и вседействительный, то есть имущий силу и повеления, и крайнего суда, и наказания над всеми себе подданными чинами и властью, как мирскими, так и духовными. И понеже и над духовным чином государское надсмотрительство от Бога установлено есть, того ради всяк законный Государь в Государстве своем есть воистину Епископ Епископов».

Образование Святейшего Синода, фактически возглавляемого самим царем, и упразднение патриаршества только укрепили позиции русской церкви; не раскол духовной и царской власти произошел, а, наоборот, их объединение. Церковь была и осталась частью православного государства, ее литургическая сторона сохранялась без изменений. Разрушение церкви осуществлялось не в результате петровских реформ, а по мере разрушения Российского государства, с которым она была связана неразрывно, а также с появлением на российском престоле неправославных государей. Эрозия национального государства, космополитизация его в XVIII–XIX вв., западноевропейский чиновничий дух, насаждаемый в госаппарате, омертвили многие естественные связи православной церкви и государства, превращая священников в своего рода государственных служащих, сводя на нет духовно-нравственный авторитет Православия.

Еще больший вред русской церкви нанесло внутреннее разложение значительной части ее священников. Речь идет о внедрении в сознание западноевропейских религиозных представлений и потребительского мироощущения. В мыслях, в выборе тем, слов, богословских обсуждений все сильнее чувствуется западный дух. В проповедях и богословских трудах все чаще используются сочинения католических и протестантских клириков и все реже – русских мыслителей и подвижников.

Во 2-й пол. XVII в., а особенно при Петре, из западных земель хлынуло в российские столицы большое количество священников и монахов, просто отравленных католическими и протестантскими представлениями. Вера для них – обрядовая формальность, церковь – роскошь, священники – духовные дворяне, стоящие над толпой. Духовно-нравственные представления Православия, добротолубия, соборность им непонятны и чужды, подвижническое служение добру – пустая фраза.

Пришельцы с западных земель несли не духовную культуру, а ее суррогат, состоящий из примитивно-школьного освоения католических и протестантских духовных мотивов. Оторванность от народной культуры, школярство, духовная беспочвенность, умноженные на редкое

самоуверенность малороссийских учителей-чужаков, вели к перерождению русского Православия и деградации части православных священников.

«Все эти наставники были для учеников в собственном смысле слова люди чужие, наезжие из какой-то чужой земли... с своеобразными привычками, понятиями и самой наукой, со своей малопонятной, странной для великорусского уха речью; притом же они не только не хотели приноровиться к просвещаемому ими юношеству... но даже явно презирали великороссов как дикарей, над всем смеялись и все порицали, что было непохоже на их малороссийское, а все свое выставляли и навязывали, как единственно хорошее» (Г. Флоровский).

Эту мутную волну псевдопросвещения русской культуре удалось преодолеть только во 2-й пол. XVIII, отчасти даже н. XIX вв.

Прекрасная оценка этого «просветительства» была дана М.В. Ломоносовым, который из своего учения в подобной школе не смог вынести полезных знаний, кроме мертвой латинской схоластики и отчасти некоторого знания слов латинского языка. Ученики бежали из этих школ, ибо они были чужды и почти бесполезны. Была поломана традиционная система подготовки священников.

Учителя из западнорусских земель, воспитанные в католическом или протестантском духе, предлагали своим ученикам прежде всего знание мертвой латыни, латинскую грамматику, риторику, пиитику, заучивание латинских вокабул и флексий, бессмысленную зубрежку. Сами учителя в этой латыни чаще всего были не вполне тверды и заставляли своих учеников заучивать просто варварскую тарабарщину. В национальном смысле это обучение носило антирусский характер, ибо все коренное и самобытное объявлялось этими учителями темнотой и невежеством. Обучение вопросам веры велось формально по латинским учебникам, бессмысленными силлогизмами, прерывалась отечественная традиция религиозного сознания как добротолубия. Богословие приобретает латинский, западный характер, богословские диспуты ведутся на латыни, в неуклюжих, примитивных, схоластических формах. Главным становился не поиск истины, а выбор формы изложения,

стандартных выражений. Язык богословия, если его сравнивать с языком богословских произведений Древней Руси, стал беден и примитивен.

В общем, как справедливо отмечает Г. Флоровский, «это «школьное» богословие было в собственном смысле беспочвенным. Оно взшло и возросло на чужой земле... Точно надстройка над пустым местом... и вместо корней свай... Богословие на сваях – вот итог XVIII века».

Но это богословие не ушло без следа, его образцы в той или иной форме проявлялись в духовных учреждениях России и в XIX в. Беспочвенное богословие рождало беспочвенное духовенство, а от беспочвенного духовенства один шаг к атеизму и революционным представлениям.

В рассуждениях русских священников появляются мысли и суждения, противоречащие православной традиции. Древняя традиция русской цивилизации, русского Православия, заключавшаяся в мысли, что вера без дел мертва, что только через подвижничество, через практическое добротолубие можно получить спасение, начинает вытесняться протестантским представлением о спасении только верой. В этом отношении весьма характерна мысль Феофана Прокоповича, одного из ближайших сотрудников Петра I, что «совершается спасение верою и дела человека не имеют никогда совершительной силы».

Протестантские и католические влияния сильно колебали духовную целостность русского Православия. Конечно, этого бы не произошло, если бы на престоле царствовали истинно православные государи, но с Петра I только Елизавету, Николая I, Александра III и Николая II можно назвать истинно православными государями, верховными руководителями русской церкви. Все остальные были нетверды в Православии, некоторые в своей гордыне даже пытались его «улучшить». С национальной точки зрения для особы, возглавляющей русскую церковь, это было непростительно и вело к разрушению духовного ядра Православия. Екатерина II, например, не видела разницы между Православием и лютеранством. При Анне Иоанновне и Бироне гонение на Православие приобрело безобразные формы. Чем сильнее склонялись к Западу русские императоры, тем больше Святейший Синод напоминал

некую канцелярию. Хотя сам принцип главенства царя в духовной жизни был верен, дело было не только в самом царе. Отделить церковь от царя и государства значило то же, что и произвести большевистскую реформу.

В XVIII в. в духовном сословии целенаправленно формируется слой людей, своего рода «орден», из которого в основном формируются епископы русской православной церкви – «Орден ученого монашества», западническое включение в русскую церковь. Как пишет Г. Флоровский: «Это «ученое монашество» возникает впервые на Юге в XVII в. в связи с заведением новых латинских школ. И вместе с этими школами переходит и на Север. От живых монастырских преданий это новое монашество вполне отрывается. Между монашеством «ученым» и монашеством монастырским не было взаимного понимания, и рознь между ними достигала иногда трагической остроты... И главный парадокс в судьбе «ученого монашества» связан с тем, что организуется оно под властью и верховенством оберпрокурора... Это было не только омирщение, но бюрократизация монашества. «Орден» создается светской властью, как средство властвовать и в церкви. В сущности, то было только номинальное монашество, кроме видимого «образа» или одежды здесь мало оставалось монашеского. Это ученое «черное» духовенство всегда меньше было носителем аскетического начала. Обеты молчаливо преступались по невыполнимости. Монашество для «ученых» перестает быть путем послушания и подвига, становится для них путем власти, путем ко власти и чести...» (Г. Флоровский).

XVIII–XIX вв. нанесли русскому национальному сознанию, русскому духовному религиозному сознанию огромный и, можно сказать, невосполнимый урон. Это сознание, отмечает Г. Флоровский, «так часто съеживалось, сжималось, укрывалось в молчании, в отмалчивании и замалчивании вопроса для самого себя... Утрачивался единый и общий язык, терялась та симпатическая связь, без которой взаимное понимание невозможно. И этому еще более содействовали те насмешки и издевательства, в которых так любовно изощрялись русские культуртрегеры и просветители XVIII в. В истории русского богословия и

русского национального сознания вообще все эти противоречия и ушибы XVIII в. отозвались и сказались с большей силой и болезненностью».

ГЛАВА 61. Деградация правящего слоя. – Дворянское преклонение перед иностранным. – Отчуждение «господ» от русского народа. – Разрушительная роль еврейства.

Атрофия национального сознания в России имеет начало в атрофии этого чувства у значительной части русского дворянства, особенно происходящего из западнорусских земель. В XVIII в. в дворянской среде складывается традиция искать себе зарубежных предков, ибо отечественные считаются недостаточно почтенными.

Дворяне с усердием сочиняют себе родословные, нередко легендарные (а попросту говоря, липовые), в которых выискивают себе родственников если не из самого Рима, то обязательно откуда-то из Европы, на худой конец из татарских мурз.

Если русский дворянин еще в к. XVII в. по формам культуры, мировоззрению и воспитанию (преимущественно церковному) ничем не отличается от крестьянина и городского ремесленника (различие состояло только в богатстве и количестве слуг), то дворянин XVIII в. стремится отгородиться от простого народа. Он ориентируется на европейскую культуру, черпает оттуда образование, язык, одежду и уже к к. XVIII в. становится для своих простых соотечественников иностранцем. Конечно, были и исключения, но не они определяли тонус дворянского сословия. Дворяне продолжали оставаться на службе России, но ее интересы начинали понимать весьма своеобразно, как интересы своего сословия. Возникает влиятельный слой, живущий с оглядкой на Европу и культурно связанный больше с ней, чем с Россией, которая оставалась для них преимущественно местом службы и доходов и которую они охотно покидали, по мере возможности проводя многие годы за границей.

«Как ни близко знал я своих земляков – крепостных рязанских крестьян, – писал П.П. Семенов-Тянь-Шанский, – как ни доверчиво относились они к своему... барину, но все-таки в беседах об их быте и мировоззрениях, в заявлениях об их нуждах было что-то недоговоренное и несвободное, и всегда ощущался предел их искренности»¹. Русские же крестьяне смотрели на своих господ как на чужаков, и зачастую весьма недружелюбно.

Границы русской общины становятся тем естественным бастионом, за которым русский крестьянин пытался сохранить свою национальную культуру. Естественно, в условиях противостояния, защиты своего национального уклада крестьянин, по словам Герцена, видел «в полицейском и в суде – врага», «в помещике – грубую силу, с которой ничего не может поделать», разве в самом крайнем случае убить.

Подавляющая часть российской интеллигенции, противопоставляющая себя национальной России и громадному большинству ее народа, была лишена национального сознания и безразлична к национальным интересам России. По формам своей культуры и образованию она была ближе к европейскому обывателю, чем к русскому народу. Понятие «европейски образованный человек» эта интеллигенция воспринимала как похвалу, как критерий личного достоинства. Воспитанная на понятиях западноевропейской культуры, она в значительной степени не понимала многих ценностей национальной русской культуры, оставалась глуха к национальным нуждам народа. Точнее и справедливее сказать, что российская интеллигенция эти народные нужды воспринимала слишком общо, через абстрактные и общечеловеческие представления (скроенные по западноевропейской мерке). Трудно назвать другую страну, где разрыв между великой народной культурой и культурой значительной части интеллигенции был так резок и глубок, как в России. Кстати говоря, великие представители русской интеллигенции – Гоголь, Тургенев, Толстой, Достоевский – этот разрыв остро ощущали. Хотя,

¹ Семенов - Тянь - Шанский П.П. Путешествие в Тянь-Шань. М., 1946, с. 41–42.

конечно, их самих нельзя обвинить в отрыве от народа. Великие русские писатели всегда противостояли интеллигентской «массовке», жадно глядящей на Запад, протестовали против бессмысленного разрушения национальной культуры именем европейской цивилизации.

«Вы говорите, что спасение России в европейской цивилизации, – писал Н. В. Гоголь Белинскому. – Но какое это беспредельное и безграничное слово. Хоть бы Вы определили, что такое нужно разуметь под именем европейской цивилизации, которое бессмысленно повторяют все. Тут и фаланстерьен, и красный и всякий, и все готовы друг друга съесть, и все носят разрушающие, такие уничтожающие начала, что уже даже трепещет в Европе всякая мыслящая голова и спрашивает невольно, где наша цивилизация?»

Но отрицание национальной русской культуры именем европейской цивилизации продолжалось весь XIX в. Именно поэтому в глазах народа многие представители российской интеллигенции, как и дворяне, представлялись народу вроде иностранцев, «немцев». Народ продолжал жить своим укладом, следовал своим традициям, обычаям и идеалам, а интеллигенция существовала в своем узком, оторванном от жизни, «сектантском» мирке. Недаром понятия «нигилизм» и «нигилисты» родились именно в России. Идеи бессмысленного мракобесного разрушения национальных основ развивались в среде интеллигенции, жившей под знаменем западной цивилизации.

Вместе с тем не следует считать, что русское образованное общество полностью порвало с ценностями русской цивилизации. Это невозможно хотя бы в силу генетической заданности, которую нельзя свести на нет даже в течение нескольких поколений нигилизма. Подспудно многие представители интеллигенции при всем западном воспитании не ощущали себя внутренне людьми западной культуры, ибо на уровне бессознательного обладали другим психологическим стереотипом. Этот стереотип включал в себя такие характеристики, как обостренное восприятие понятий добра и зла, правды и справедливости, высших целей бытия. Но то, что для коренного национально мыслящего человека было органично и естественно, выражаясь в стройном православном мировоззрении добротолубия и

соборности, у интеллигента, лишённого национального сознания, выражалось максималистски, абстрактно, с жадной разрушения, не соразмеряясь с действительностью. Да, этого интеллигента тоже интересовало понятие добра и зла, но у него они превращались в абстракции, отталкиваясь от которых он на основе западных представлений делил людей на хороших и плохих, исходя из западного критерия прогрессивности и реакционности. Правду и справедливость он тоже воспринимал категорически, отталкиваясь от этого же критерия, но без национальной конкретности. И наконец, лишённый национальной почвы, высшие цели бытия он воспринимал по схеме западноевропейского прогресса, как почти автоматический переход от отсталых форм к передовым. По существу, из всего богатства духовных ценностей русской цивилизации русский интеллигент сохранял только нравственный настрой (и то не всегда), а в остальном жил идеями западной цивилизации. Это предопределяло его внутреннюю раздвоенность, отсутствие цельности и определенности жизненных позиций, его постоянную внутреннюю неудовлетворенность своей жизнью и всем окружающим, ибо нравственный настрой требовал от него других мыслей и поступков. Русский интеллигент не мог быть духовным вождём своего народа, а потому объединял вокруг себя только себе подобных.

Оторванный от национальных корней, русский интеллигент нередко воображает себя свободным и сильным, но это только иллюзия. На самом деле он раб своих беспочвенных идей, освободиться от которых не может из-за отсутствия национальной опоры. В своем выдуманном своеволии он мечется как рыба, выброшенная на берег, обреченная после ряда судорог погибнуть.

Свобода как возможность жить полноценной национальной жизнью во всем богатстве ее проявлений превращается для него в свободу в понимании разбойника – как возможность грабить и убивать, творить любой произвол. Именно такой свободы желали «бесы» Достоевского, именно к такой свободе для себя привели Россию большевики. Рабство человека вне национального бытия – худшее из рабств. Его свобода потенциально преступна для всех других.

Лучше всего деградацию личности, избравшей такую свободу, показал Ф.М. Достоевский: убийство старушки-процентщицы русским интеллигентом ради великой цели явилось как бы прообразом миллионов преступлений в застенках большевистской ЧК. Достоевский показал саморазрушение свободы вне национального бытия. «Упорство в своем самоопределении и самоутверждении отрывает человека от преданий и от среды и тем самым его обессиливает. В беспочвенности Достоевский открывает духовную опасность. В одиночестве и обособлении угрожает разрыв с действительностью. «Скиталец» способен только мечтать, он не может выйти из мира призраков, в который его своевольное воображение как-то магически обращает мир живой. Мечтатель становится «подпольным человеком», начинается жуткое разложение личности. Одинокая свобода оборачивается одержимостью, мечтатель в плену у своей мечты... Достоевский видит и изображает этот мистический распад самодовлеющего дерзновения, выходящего в дерзость и даже мистическое озорство. Показывает, как пустая свобода ввергает в рабство, — страстям или идеям. И кто покушается на чужую свободу, тот и сам погибает» (Г. Флоровский). Достоевский предсказал модель поведения русского интеллигента, лишённого национального сознания, ставшего «подпольным человеком» и могущим объединяться с другими людьми только по принципу подпольности. «Подпольные» люди объединяются друг с другом, чтобы бороться против русских людей, живущих согласно национальному сознанию. «Подпольные» люди ненавидят настоящих людей и готовы на все, чтобы их уничтожить.

Жизненные интересы народа, замечал русский историк академик В.П. Безобразов, не прикасаются к «движению идей», которое происходит в живущем над их головами «оторванном от них мире «интеллигенции»; народ оставался чуждым этому миру, узнавая только изредка из газет «о злобах дня» в этом мире. Своих злоб и язв у них (как мы увидим) немало, но они совсем другого рода. Иначе было, например, в Германии, где реальный рабочий вопрос, действительные условия быта рабочих масс служили жизненной почвой для социально-демок-

ратической агитации. Безобразов замечает, как чуждость народа интеллигенции после убийства 1 марта 1881 царя Александра II переросла в настоящую враждебность. С тех пор народ, отмечал Безобразов, даже неграмотный, стал обращать на «нигилистов» серьезное внимание, которым прежде их не удостаивал. После этого убийства крестьяне в деревнях стали озираться по сторонам, подозревая каждого неизвестного приезжего, чтобы как-нибудь не пропустить «злодеев». «Но все-таки вся эта мрачная сфера революционной агитации и политических преступлений остается для нашего народа совсем посторонним, как бы чужеземным миром; из него происходят как бы только насильственные вторжения в народную жизнь и посягательства на ее святыню, совершенно непонятные народу иначе, как какие-то иноземные набеги»¹.

«Длительным будничным трудом, – писал И.А. Бунин, – мы (интеллигенция. – *О.П.*) брезговали, белоручки были, в сущности, страшные. А вот отсюда, между прочим, и идеализм наш, в сущности, очень барский, наша вечная оппозиционность, критика всего и всех: критиковать-то ведь гораздо легче, чем работать. И вот:

– Ах, я задыхаюсь среди всей этой николаевщины, не могу быть чиновником, сидеть рядом с Акакием Акакиевичем, – карету мне, карету!

...Какая это старая русская болезнь (интеллигентов. – *О.П.*), это томление, эта скука, эта разбалованность – вечная надежда, что придет какая-то лягушка с волшебным кольцом и все за тебя сделает: стоит только выйти на крылечко и перекинуть с руки на руку колечко!»

Жажда все совершить одним махом, критиканский зуд, жажда разрушить все – «до основанья, а затем...» определяли многие черты образованного общества.

С болью в сердце пишет Бунин об оторванности значительной части интеллигенции от народа, о ее безразличии к народным нуждам. Ибо им, «в сущности, было совершенно наплевать на народ, – если только он не был поводом для проявления их прекрасных чувств, – и которого они

¹ Безобразов В.П. Народное хозяйство России. СПб., 1882. Ч. I, с. 11–112.

не только не знали и не желали знать, но даже просто не замечали лиц извозчиков, на которых ездили в какое-нибудь Вольно-экономическое общество. Мне Скабичевский признался однажды:

– Я никогда в жизни не видел, как растет рожь. То есть, может, и видел, да не обратил внимания.

А мужика, как отдельного человека, он видел? Он знал только «народ», «человечество». Даже знаменитая «помощь голодающим» происходила у нас как-то литературно, только из жажды лишний раз лягнуть правительство, подвести под него лишний подкоп. Страшно сказать, но правда: не будь народных бедствий, тысячи интеллигентов были бы прямо несчастнейшие люди. Как же тогда засесть, протестовать, о чем кричать и писать? А без этого и жизнь не в жизнь была».

Оторванность интеллигенции от народа, а точнее, от России национальной, ощущалась во многом, и это особенно проявилось в период революции, хотя совершенно неверно считать, что в образованном обществе не было искреннего движения в сторону крестьянства, рабочих. Мы знаем многочисленные случаи беззаветного служения и жертвенности. Но тем не менее разность культурных установок и «языков», разность образов и представлений, которыми жили образованное общество и национальная Россия, препятствовала их плодотворному диалогу. И немало представителей образованного общества это чувствовали и понимали, горько ощущая свою неспособность к такому диалогу.

«Со своей верой при своем языке, – писал видный русский этнограф С.В. Максимов, – мы храним еще в себе тот дух и в том широком и отвлеченном смысле, разумение которого дается туго и в исключение только счастливым, и лишь по частям и в частности. Самые частности настолько сложны, что сами по себе составляют целую науку, в которой приходится разбираться с усиленным вниманием и все-таки не видеть изучению конца и пределов.

Познание живого сокровенного духа народа во всей его цельности все еще не поддается, и мы продолжаем бродить вокруг да около. В быстро мелькающих тенях силится уяснить живые образцы и за таковые принимаем

зачастую туманные обманчивые признаки, и вместо ликов пишем силуэты».

В к. XIX в. в глазах многих представителей российской интеллигенции деревня представляется в безнадежно черном цвете как царство темноты, невежества, отсталости, а крестьяне – как какие-то непонятные существа. Даже для самых талантливых литераторов российский мужик – нечто странное и незнакомое.

Однако наиболее характерным примером непонимания крестьянской культуры может служить изображение деревни в рассказе А. П. Чехова «Мужики». Здесь крестьяне наделены самыми отрицательными чертами, какие можно найти в человеческой природе. Крестьянские труженики представлены в рассказе безнадежно грубыми, тупыми, нечестными, грязными, нетрезвыми, безнравственными, живущими несогласно, постоянно ссорящимися, подозревающими друг друга. Рассказ вызвал восторг легальных марксистов и интеллигентов либерального толка и резкий протест патриотически настроенных деятелей русской культуры. Крайняя тенденциозность, односторонность и ошибочность оценок образа русского крестьянства отмечались еще в момент выхода этого рассказа, тем не менее, написанный талантливым писателем, он стал своего рода хрестоматийной иллюстрацией крестьянина и всегда приводится в пример людьми, враждебными русской культуре, когда заходит речь о российской дореволюционной деревне.

Рассказы, подобные чеховским «Мужикам», вызывали резкий протест в русском обществе. Лев Толстой оценивал рассказ Чехова «Мужики» как «грех перед народом. Он (Чехов) не знает народа». «Из ста двадцати миллионов русских мужиков Чехов взял только темные черты. Если бы русские мужики были действительно таковы, то все мы давно перестали бы существовать». Да, это был грех перед народом, но и величайшая трагедия значительной части российской интеллигенции, составившей «малый народ», отвернувшейся от интересов национальной России.

Нигилизм заразил, конечно, не всю русскую интеллигенцию. Пушкин, Гоголь, Толстой, Достоевский, тысячи других истинно русских людей отреклись от этой

духовной чумы. Тогда их объявляли «противниками прогресса». Удивительно актуально читаются сегодня слова Ф.М. Достоевского: «Не против прогресса мы, Боже сохрани, но дело в том, что в прогресс-то идут стертые пятнадцатые люди, люди без предания, с ненавистью, а ненависть есть явление ненормальное».

Особую роль в разрушении русской цивилизации играли евреи. Национально крепко сплоченному еврейству, жившему тогда преимущественно в западнорусских землях и постепенно проникавшему в главные города России, были абсолютно чужды ценности русской цивилизации. Более того, в силу исторических особенностей национального развития многим евреям были более близки ценности западной цивилизации, чего они, впрочем, никогда и не скрывали. Мироощущение и мировосприятие русского народа было совершенно иным, чем мировосприятие евреев, это отмечал еще в XI в. митрополит Иларион.

Черта оседлости, установленная русскими царями для евреев, конечно, обозляла последних, но по сути носила не дискриминационный, а национально охранительный характер.

Русское правительство не ставило своей целью ущемлять права евреев, а защищало права абсолютного большинства простого русского крестьянства, воспитанного на иных нравственных началах и поэтому беззащитного перед буржуазным духом, который, по справедливому замечанию К. Маркса, несла в себе значительная часть еврейства. Правительство как бы разводило границы разных цивилизаций, стремясь избежать их противостояния. Однако большинством евреев это воспринималось как акция, направленная против них, усиливая в их сознании антирусские настроения. Эти настроения усиливались живущей в душах многих евреев хилиастической утопией (хилиазм – золотой век, тысячелетнее царство святых на земле), смешанной с представлением о конце света. Еще русский мыслитель С. Н. Булгаков отмечал, что путаница из эсхатологических и хилиастических планов придает апокалиптике (ожиданию конца света) «специфический характер, благодаря которому она сыграла такую роковую роль в истории иудейского народа, притупляя в нем чувс-

тво действительности, исторического реализма, ослепляя утопиями, развивая в нем религиозный авантюризм, стремление к вымогательству чуда».

Еврейство стало одной из самых активных сил по разрушению ценностей русской цивилизации. С понятием «русский царь» оно не связывало никаких чувств, кроме ненависти. И не случайно, что представители именно этой популяции «малого народа» были организаторами и исполнителями злодейского убийства царской семьи. Евреи составляли около половины так называемых революционеров и подавляющую часть руководителей разных подрывных антирусских организаций.

Среди других противников русской цивилизации евреи были меньше всего «закомплексованы». Если для русских интеллигентов, лишенных национального сознания, существовали генетически границы добра и зла, то для многих евреев таких границ по отношению к России и ее народу практически не было. Россия для них была то же самое, что для испанцев империя инков или для англичан – Африка – отсталая страна, населенная темным народом, которую необходимо было цивилизовать в западном духе.

Коммунистическая утопия, сторонниками претворения которой были многие евреи, ближе и яснее всего воспринималась еврейским национальным сознанием, склонным к таким утопиям «ожидания чуда». Не сомневаюсь, что большая часть евреев совершенно искренне вкладывала в претворение этой утопии все национальные склонности и способности, а когда убедилась в ее неосуществимости, стала объяснять это отсталостью русского народа.

Какие бы силы ни противостояли русской цивилизации, все они были рождены или инициированы на Западе. Нажим на Россию был естественным проявлением развития западной цивилизации, которая смотрела на нашу страну глазами голодного хищника. Этот образ зверя, нависшего над Русью, постоянно тревожит сознание русского человека с XV–XVI вв., выражаясь в разных литературных произведениях.

Западной экспансии в России противостоял прежде всего простой народ (в основном крестьянство) и часть

священства и купечества. Среди правящего слоя и образованного общества убежденных защитников ценностей русской цивилизации было сравнительно мало. Но все же многие из них не торопились с разрушением отечественной самобытности, так как интуитивно понимали, что это разрушение пагубно для Российского государства, от которого зависело их благополучие. Большая часть правящего класса и образованного общества скорее мирилась, чем поддерживала ценности русской цивилизации.

ГЛАВА 62. Идеология босяков. – Апология тунеядства. – Челкаши и романтики «дна».

Праздношатающийся человек без ремесла и без дела, по-нашему, тунеядец, был для Святой Руси явление довольно редкое. Такой человек мог жить либо на милостыню, либо воровством. О таких говорили: «На нем креста нет». Как закон, так и народное нравственное чувство давило его со всех сторон, не давая развиваться. Именно поэтому на Руси таких лиц было сравнительно мало.

Хотя, конечно, исторические источники доводят до нас сведения о многочисленных нищих, живших при церквях и монастырях в больших городах и получавших по христианскому обычаю обильную милостыню. Как правило, это были увечные инвалиды, калеки, убогие, неспособные работать люди. Но вот к ним, эксплуатируя христианское чувство народа, примазываются настоящие лодыри и тунеядцы, не желавшие работать. Этой категории людей государство объявляет войну. Царь Федор Алексеевич повелел нищих, способных трудиться, определять на работу, а их детей учить всяким ремеслам. В 1691 законы указывают забирать «гулящих» людей, которые, «подвязав руки, тамож и ноги, а иногда глаза завеса и зажмуря, и притворным лукавством просят на Христово имя» и отправлять их по месту жительства и определять к делу, а если они снова нарушат, то бить кнутом и ссылать в дальние сибирские города на казенные работы. В 1718 выходит новый указ, в котором говорится, что тунеядцев, пойманных в первый раз, бить батожем нещадно, в другой раз бить на площади

кнутом, посылать в каторжные работы (на шахты, рудники и т.п.), а баб – в шпингауз, а ребят – учить мастерствам¹.

В 1736 против тунеядства выходит еще один указ. «Ежели из купечества и из разночинцев подлые неимущие пропитания и промыслов мужеска пола, кроме дворцовых Синодальных и Архиерейских и монастырских и помещиковых людей и крестьян, а женска пола, хотя бы чьи они ни были, скудные без призрения по городам и по слободам и по уездам между двор будут праздно шататься и просить милостыни, таких брать в губернские и воеводские канцелярии, записывая по силе прежних указов, отдавать на мануфактуры и фабрики; кого те фабриканты принять похотят, и давать им фабрикантам на них письма, дабы там за работу или за учение пропитание получали и напрасно не шатались... и тем отданным на мануфактурах и фабриках быть мужеска пола до 5 лет, а по происшествии 5 лет отпускать их с пашпортами». По указу 1753 года «шатающихся и бродящих по миру» мужчин-тунеядцев, годных в военную службу, велено отдавать в солдаты, а негодных – на фабрики без указания срока их пребывания там².

Но никакие репрессии не могли остановить процесс собирания в больших городах лодырей и бездельников, не желающих трудиться, предпочитающих праздность. Чувствуя себя неуютно в трудовой среде на селе, эти люди в городах тоже объединялись, и нередко в особые артели.

Известны артели нищих, бурлаков и даже разбойников («ножевые» артели). Например, в Москве хорошо были организованы артели нищих, которые, как рассказывал И. Прыжов, жили в отдельных домах или в подвалах и чердаках домов, имели общий стол и часто едва ли не жен. По милости ежедневных сборов, которые, по пословице «досыта не накормят, а с голода не уморят», нищие вели более или менее обеспеченную жизнь. У них есть чай, а придешь в гости – угостят и водочкой (эту сторону дела Прыжов хорошо знал, так как, занимаясь историей кабаков в России, часто их посещал, так сказать, с «научными целями»), у иных водятся и денюжки. Артелью управляет

¹ Прыжов И.Г. Очерки. Статьи. Письма. М.–Л., 1934, с. 151–152.

² АИТР. Кн. 4, с. 39.

избранный общим голосом староста. Доступ в артель имеют свои да знакомые, а чужого не пустят¹.

Именно в этой нетрудовой и босяцкой среде рождалась и развивалась своя нетрудовая «босяцкая» культура со своим языком и фольклором и, естественно, неистребимым презрением к труду.

Если подавляющее большинство трудящихся России восхваляло труд, то нетрудовые босяцкие элементы ненавидели его и издевались над ним.

«Работа не волк – в лес не убежит», – характерный пример их фольклора. Или тут же еще несколько вариантов: «Дело не медведь, в лес не уйдет», «Дело не сокол, не улетит», «Работа не черт, в воду не уйдет».

Да, говорили они: «Птица не сеет, не орет, а сыта живет», «Всех дел не переделаешь», «Гулять – не устать, а дней у Бога вперед много», «Запьем, так избу запрем, а что в избе – в кабак снесем», «Пьем да посуду бьем; кому не мило – тому в рыло».

Именно в их среде родилась надежда на авось: «Эх, куда кривая не выведет», а также рассуждения типа: «Рыба ищет, где глубже, а человек – где лучше».

Это о себе они говорили: «Пьян да умен – два угодя в нем», «Пей да людей бей, чтобы знали, чей ты сын», «Русский человек и гульлив и хвастлив», «Русский крепок на трех сваях: авось, небось да как-нибудь».

Где-то в сер. XIX в. происходит в известном смысле сближение идеологии босячества и некоторой части российской интеллигенции, ибо те и другие стояли на основах отрицания народной трудовой культуры. Именно в этом сближении и сочетании родились уголовно-троцкистские воззрения на русский народ.

Впрочем, в формировании этих воззрений приняли участие два сравнительно узких слоя российской интеллигенции.

С одной стороны, слой людей, не знавших России, не понимавших ее богатейшей культуры, не чувствовавших родства с ней, видевших в ее истории только примеры своих национальных обид и утеснений. Причем ошибки или

¹ Прыжов И.Г. Указ. соч. С. 180.

даже преступления царского правительства объяснялись представителями этого слоя отсталым характером русского народа, его темнотой, дикостью и невежеством.

С другой – слой российских интеллигентов, сблизившихся с босяцкой нетрудовой средой, выразивший мировоззрение деклассированных элементов страны, по-своему романтизируя эти паразитические элементы общества (босяков, обитателей хитровых рынков и даже уголовных преступников, видя в них жертву социальной системы). В любой нации существуют паразитические элементы, не желающие работать и постоянно противопоставляющие себя творческому большинству населения. Любая нация всегда сдерживает рост этих элементов, пресекая их развитие. У нас же произошло иначе. Разочаровавшись в трудящемся крестьянстве, не принявшем чужую социальную философию – «разрушения именем европейской цивилизации», некоторые российские социалисты начали делать ставку на те малочисленные слои населения, которые, по их мнению, были более отзывчивы на «революционную пропаганду». Да и идти к ним было недалеко. В любом кабаке или ночлежке можно было найти готовых «революционеров» (челкашей, обитателей хитровок, романтиков «дна»), всей своей жизнью отрицавших общественные устои. Именно с тех времен для определенной части российских социалистов деклассированные и уголовные элементы стали «социально-близкими». Именно ими были созданы условия наивысшего благоприятствования, и именно они стали опорой троцкистско-сталинского уголовного режима на островах ГУЛАГа под тем же названием «социально близких». Трудовой паразитизм деклассированных элементов воспринимался в подобной среде как героический социальный протест; нежелание работать – как своего рода забастовка; пьяное прожигание жизни – как жертва за какую-то неосознанную идею.

Именно такую мысль несла пьеса М. Горького «На дне», которой так восхищались представители российского образованного общества. Лодыри, бездельники, расточители становятся положительными героями. Их немного, но вокруг них создается ореол мучеников. Девяносто процентов населения, настоящие труженики, крестьяне России,

представляются темной массой по сравнению с челкашами. И – о парадокс! – наступает момент, и о трудовых качествах русского работника начинают судить именно по этим деклассированным элементам, искусственно созданным «положительным героям». Дешева романтика «дна» сбивала с толку даже выдающихся литераторов, заставляя видеть в обитателях «дна» типичных представителей трудовой России. Так, например, И. Бунин писал: «Ах эта вечная русская потребность праздника! Как чувственны мы, как жаждем упоения жизнью, – как тянет нас к непрестанному хмелю, к запою, как скучны нам будни и планомерный труд»¹. Говоря о «русской потребности праздника» применительно к русскому народу можно говорить только о двух его слоях – дворянстве и интеллигенции.

Создателем мифа о героической сущности презираемых народом челкашей, певцом романтики «дна» и восхваления «социально-близких» элементов стал Максим Горький.

Трудно найти более антирусские книги, чем произведения Горького «Несвоевременные мысли» или «Если враг не сдастся, его уничтожают».

Во время великого голода в России в 1921 Горький заявил, что «из 35 миллионов голодных большинство умрет». В его понимании это была реализация принципа «все, что ни делается, все к лучшему». В книге, выпущенной в Берлине в 1922 году, он писал: «...вымрут полудикие, глупые, тяжелые люди русских сел и деревень... И место их займет новое племя – грамотных, разумных, бодрых людей»².

Нужно ли более убедительное объяснение со стороны «инженера человеческой души» Горького для обоснования предстоящего в 30-х годах геноцида – «раскрестьянивания». Да, для чего беречь этих глупых и диких людей! Русский народ, по Горькому (наблюдение из его общения с деклассированными элементами), – азиатская стихия, жестокий и хитрый травленный зверь, вечно бунтующий раб, который из отупения и покорности выходит не в свободу,

¹ Бунин И. Сочинения в 9-ти томах. Т. 6, с. 83.

² Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. Лондон, 1986, с. 126.

а в анархический разгул, в хамство, обалдение и гульбу. Русский человек, полагает Горький, тяготеет к равенству в ничтожестве – из дрянной азиатской догадки, что быть ничтожеством проще, легче. Поэтому русский головоотяп вечно ищет виноватых на стороне. Он ищет врагов где угодно, только не в бездне своей матерой глупости.

Воззрения «романтиков дна» на русскую культуру обуславливаются общим отношением к народу – к его «жуткой темноте», «невежественности», «культурному идиотизму». И вот его вывод: «...русский человек в огромном большинстве плохой работник. Ему неведом восторг строительства жизни, и процесс труда не доставляет ему радости; он хотел бы – как в сказках – строить храмы и дворцы в три дня и вообще любит все делать сразу, а если сразу не удалось – он бросает дело. На Святой Руси труд... подневолен... отношение (русского человека) к труду – воловье»¹. Этот приговор был с радостью подхвачен и разнесен представителями той самой праздной или паразитической среды, против которой он, по сути дела, был направлен. Более того, этот ошибочный вывод стал точкой отсчета для теоретических построений российских социал-демократов, задав заранее ложные предпосылки, – мол-де русские лентяи, – их еще надо учить работать, учить добросовестному отношению к труду.

Сразу после революции Горький выдает еще целый ряд глобальных обобщений такого рода. Все беды не в том, что народу навязывают чужой ему уклад жизни и формы хозяйствования, а в том, что русские не умеют добросовестно работать. «Костер зажгли, – пишет Горький, – он горит плохо, воняет Русью, грязненькой, пьяной и жестокой. И вот эту несчастную Русь тащат и толкают на Голгофу, чтобы распять ее ради спасения мира... А западный мир суров и недоверчив, он совершенно лишен сентиментализма... В этом мире дело оценки человека очень просто: вы... умеете работать?.. Не умеете?.. Тогда... вы лишний человек в мастерской мира. Вот и все. **А так как россияне работать не любят и не умеют** (выделено мною. – *О.П.*) и западноевропейский мир это их свойство

¹ Полвека для книги. М., 1916, с. 29–30.

знает очень хорошо, то нам будет очень худо, хуже, чем мы ожидаем»².

Горький был очень далек от понимания исконной русской культуры – для него она сводилась к церковности, к какому-то бессмысленному бунту или волшебству. Весьма примечательно его отношение к мыслям известного нижегородского миллионера старообрядца Н.А. Бугрова, своим трудом и предприимчивостью сколотившего большие капиталы.

Даже Горький подметил, что в отношении Бугрова к труду было что-то религиозное: «О работе он (Бугров) говорил много, интересно, и всегда в его речах о ней звучало что-то церковное, сектантское. Мне казалось, что к труду он относится почти религиозно, с твердой верой в его внутреннюю силу, которая, со временем, свяжет всех людей в одно необоримое целое, в единую разумную энергию – цель ее: претворить нашу грязную землю в райский сад». Не понимая духовной сущности отношения этого старообрядца к труду как святому делу, характерному для мировоззрения Древней Руси, Горький пытается объяснить это по-своему, со своих каких-то поверхностно-западноевропейских технических позиций. Бугров для Горького – «фанатик дела» (то есть дело ради дела, создание вещи ради вещи – западное представление о прогрессе), человек, «которому необходимо с достоинством заполнить глубокую пустоту своей жизни». На этом примере видна вся глубина пропасти, которая разделяла Горького и коренную крестьянскую Россию, непонимание им коренных ценностей Святой Руси, на месте богатства которой он видел только пустоту. Недаром Бугров отметил характерную черту рассказов Горького: «...как будто о чужих вам, не русских людях, но как будто и родственно». Пожалуй, это было противоречие, свойственное немалой части российских интеллигентов – вроде бы и свои, а думают и пишут о своих соотечественниках как о чужих.

¹ Цит. по: Дружба народов, 1989, 35, с. 238.

**ГЛАВА 63. Разрушение общины. –
Космополитический контроль. –
Копирование западных форм
хозяйствования. –
Потеря самостоятельности.**

Первые известные мне попытки разрушить общину относятся к 60-м годам XVIII столетия. Они осуществляются агрономами, ссылавшимися на пример европейских государств, особенно на Пруссию. Возражения этих агрономов против общины, и прежде всего общинного владения землей, основывались на общих соображениях о вреде общины с агрономических позиций без понимания внутреннего содержания этой древней формы народной жизни.

Известный исследователь русского крестьянства Семеновский в очерках истории крепостного права приводит рассказ о событиях, происшедших в 1792 в некоторых государевых вотчинах, крестьяне которых жаловались на беспорядки. Когда жалобы крестьян в некоторых имениях дошли до Великого князя Павла Петровича (будущего Павла I), он приказал поставить их в такое же положение, в каком находятся английские фермеры, и взыскивать с них ничтожную арендную плату; крестьяне были снабжены всеми орудиями для хозяйства, и к ним назначили наставников для обучения земледелию. От такой жизни и учения крестьяне взвыли, умудрились в течение двух лет продать свою собственность, после чего не смогли уже платить арендную плату и просили позволить им жить по-старому¹.

Внук Павла Первого Александр Первый 20 февраля 1803 издал Указ о свободных хлебопашцах, смысл которого носил либерально-западнический характер и не отвечал общественным и хозяйственным условиям жизни страны.

Согласно этому Указу крестьяне по добровольному договору с помещиком за выкуп или как-то иначе получали

¹ Русская мысль, 1880. № 5, с. 113.

свободу, но не на правах общинной собственности, как жили многие столетия их предки, а на правах частной собственности. Предусматривалось, что раздел земли между крестьянами будет осуществлен с выдачей каждому плана его участка с подписью уездного землемера. Таким образом, крестьянин получал право свободно распоряжаться землей (завещание, продажа, дарение и т.д.) с единственным ограничением: не дробить участки менее 8 десятин, а также право залога недвижимости и вступления во всякого рода залоговые обстоятельства. Свободные хлебопашцы становились подчиненными местным властям и административно, и судебно, выходя из подчинения общины. Все это неизбежно вызывало конфликт между индивидуальным и общинным началом. Как справедливо отмечалось, «взнос денег за выкуп земли внедрял в сознание крестьянина мысль, что он является собственником земли, пропорционально величине взноса». С этим убеждением не могла согласовываться уравнительная разверстка земли, практикующаяся в русской деревенской общине. Оно исключало равное распределение земли при неравенстве взносов и устройство переделов по мере прироста душ¹. Отказ от привычных форм жизни вызывает у крестьян много вопросов и конфликтов по поводу разверстки повинностей, уплаты долгов, поставки рекрутов. Больше всего смущало крестьян нарушение принципа уравнительности в пользовании землей.

К сороковым годам XIX века Указ о свободных хлебопашцах фактически потерпел полный крах – западноевропейский принцип индивидуалистической хозяйственной деятельности «разбился об общинный порядок крестьянского хозяйства».

Особой страницей среди попыток разрушения русской общины было введение военных поселений при том же Александре Первом. Почти за сто лет до Троицкого была сделана попытка милитаризовать русское село, превратив крестьян в солдат трудовых армий. Попытки эти, естественно, потерпели неизбежный крах. Крестьяне яростно сопротивлялись навязыванию им чужеродных форм жизни.

¹ АИТР. Кн. 2, с. 55.

В дело пошли штыки и картечь, деревни брали приступом, непокорных запарывали шпицрутенами.

Однако не только государственный механизм пытался посягаться на древние обычаи крестьян. А.И. Герцен рассказывает, как дворяне, по большей части прибалтийских губерний, пытались ввести европейскую парцеллярную систему раздела земель и частную собственность. Но все эти попытки проваливались и обыкновенно заканчивались убийством помещика или поджогом его усадьбы¹.

Посягновения на древние обычаи общины продолжались весь девятнадцатый век, но, как правило, кончались безуспешно, разбиваясь о крестьянскую солидарность. Хотя, конечно, немалую роль в сохранении традиционного крестьянского уклада играл здравый смысл многих русских ученых и организаторов сельского хозяйства, которые восставали против бездумного копирования западного опыта, предлагая учитывать национальную самобытность.

Менделеев и Вернадский, Ермолов и многие другие отмечают необходимость сохранения общинных форм хозяйствования, предупреждают о страшной беде, которая может последовать с их уничтожением.

«Ничего не надо делать, – говорил в 1903 знаток русской общины А.В. Еропкин, – ничего не предпринимать, а предоставить общине правильное естественное развитие; начальный опыт западноевропейских государств на родине и на Востоке пусть послужит поучительным уроком неудачных правительственных реформ землепользования. Современная поземельная община в России, несмотря на давнишнее изучение ее, доселе остается, однако, неисследованной статистически на пространстве всей империи. Этот существенный пробел сам по себе является достаточным, чтобы признать всякие решительные реформы по отношению к общине преждевременными и малообоснованными»².

Общинные крестьянские хозяйства, по мнению Д.И. Менделеева, могли представить незаменимые выгоды

¹ Герцен А.И. Указ. соч., с. 261–262.

² Временник живописной России. 1903, №113.

при коренных улучшениях нашего крестьянского хозяйства, потому что при нем могут вводиться улучшения на сравнительно больших площадях, а на малых запашках сделать этого нельзя, без коренного же улучшения, вроде травосеяния, разведения корнеплодов, глубокой вспашки и т.п., нельзя ждать крупных успехов в нашем крестьянском хозяйстве¹.

О пагубности бездумного копирования западноевропейских форм хозяйствования писал министр земледелия России крупнейший ученый А.Е. Ермолов. «На Западе, – указывал он, – нам можно заимствовать только частности, отдельные приемы и способы культур, вывозить из-за границы машины, скот и т.п., пользоваться основными началами сельскохозяйственной науки, которые – одни для целого мира, но затем мы должны создавать свой собственный строй хозяйства, сочетая отдельные элементы производства так, как того требует относительное значение их при наших условиях, и стремясь к установлению между этими элементами нормального взаимодействия, которое одно может повести к достижению возможно высшего в данное время чистого дохода».

Успешно может существовать только то хозяйство, которое организовано сообразно местным условиям, а не то, которое ведется на заграничный лад по образцу западноевропейских. Самые лучшие образцы ведения хозяйства, переносимые на российскую почву, приходили к неминуемому банкротству.

Ермолов в качестве примера бесплодности перенесения на российскую почву западноевропейских систем хозяйствования рассказывает нам об имении англичанина Джонсона в Самарской губернии.

В к. 70-х годов XIX в. этот богатый англичанин во время путешествия по Волге прельстился естественными богатствами края и купил большое имение при селе Тимашево. В нем он решил завести образцовое имение на английский лад. Ермолов рассказывает, как радовались многие, высказывая свое мнение в газетах, что наконец-то русские помещики и крестьяне увидят, как можно вести

¹ Менделеев Д.И. Собр. соч. М., 1950. Т. XX, с. 272.

дело на «правильных, рациональных основаниях». Богатый англичанин вложил в хозяйство огромные капиталы, купил и послал в имение несколько паровых молотилок, жатвенных машин, всевозможных плугов различных усовершенствованных систем, построил сахарный завод. Хотя прежде чем дело было пущено в ход, Джонсон засомневался в успешности предприятия и уступил его другому не менее богатому англичанину. На вспаханной плугом чуть не до аршина глубины и затем искусственно орошенной самарской почве, рассказывает Ермолов, пошли могучие бурьяны, которые заглушали посевы, а свекла погибала от морозов то весной, то осенью. Денег в имение вкладывалось все больше и больше, но вместо прибыли получали только убыток и вместо образцового ведения хозяйства, которое ожидалось от англичан, получился только образец того, как не следует вести дело. В конце концов сахарный завод закрылся, плуги, скот и машины, а затем и само имение были проданы с молотка и куплены удельным ведомством, которое возобновило хозяйство уже на основе учета местных особенностей. Таким образом, подчеркнул Ермолов, не помогли ни паровой плуг, ни английские капиталы, когда дело было поставлено неправильно, без знания местных условий¹.

В 1889 Министерство внутренних дел и Государственный Совет обеспокоились «фактическим безвластием в сельских местностях», «призрачностью» правительственного надзора за крестьянским общественным управлением и нашли, что «без ущерба для спокойствия и порядка в государстве» крестьянское самоуправление впредь «не может быть оставлено без бдительного надзора правительственных органов».

А посему, чтобы обуздать самоволие крестьянских общин и в лице их создать «близкую населению твердую правительственную власть, самодержавие распорядилось ввести в деревне должность земского начальника, контролирующего жизнь общины»².

¹ Ермолов А. Организация полевого хозяйства. СПб., 1914, с. 16–17.

² Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. М., 1988, с. 210.

Была нарушена многовековая традиция своего рода суверенитета крестьянской общины. Уезд разбивался на земские участки, и в каждый участок назначался земский начальник, подбиравшийся, как правило, из местных, получивших образование дворян-помещиков, и утверждаемый министром внутренних дел по представлению губернатора. Земский начальник начинает осуществлять надзор над теми сторонами жизни крестьян, которые раньше не подвергались вмешательству центральной власти – крестьянское общественное управление, волостной суд, состояние мирских денег, хозяйственное благоустройство и нравственное преуспеяние крестьян. Земский начальник приобретал невиданную прежде административную власть и, более того, становился судьей для всего местного населения, решал дела по спорам и искам не свыше 500 рублей, а также дела об обидах и оскорблениях. Земские начальники являлись частью бюрократической машины царского режима, совсем не зависели от населения, над которым они надзирали. Отсюда многочисленные злоупотребления властью с их стороны и недовольство их деятельностью.

В 1903 специальным законом был отменен один из основополагающих принципов общины – круговая порука, ослабляя зависимость крестьян от решения мирского схода и крестьянского самоуправления, и вместе с тем усиливая зависимость крестьян от местных административных властей.

По новому закону сельское общество освобождалось не только от ответственности по платежам своих неисправных членов, но и от всякого участия во взимании окладных сборов. Роль, которую ранее выполняли органы крестьянского самоуправления, взял на себя назначаемый государством земский начальник с подвластным ему волостным старшиной и сельским старостой. Земский начальник был поставлен даже выше уездного крестьянского съезда.

Крестьяне, отвечавшие за свои долги перед миром, теперь были поставлены лицом к лицу с государственной властью, от чиновников которой зависело, какие меры и взыскания принять по отношению к недоимщику. Сход является на сцену только в том случае, когда власти уже

решили ликвидировать хозяйство недоимщика. За общиной признавалось лишь преимущественное право аренды полевого надела недоимщика; во всем остальном и эта крайняя мера взыскания недоимок всецело зависит от уездного крестьянского начальства.

Умаление прав общины привело к значительному территориальному расширению полномочий местной администрации в 62 тысячах селений в 46 губерниях Европейской России¹.

Ну а следующим актом была столыпинская реформа, которую, однако, не следует интерпретировать только в отрицательном смысле.

По-видимому, замысел П.А. Столыпина реформировать земельные отношения в русском сельском хозяйстве имеет корни в исследованиях его старшего брата Д.А. Столыпина, который еще в 70-х годах XIX в. высказал соображения, ставшие главной идеей столыпинской реформы.

В 1906 был принят Указ 9 ноября (ставший с некоторыми изменениями законом 14 июня 1910 года), согласно которому каждый домохозяин, владеющий надельной землей в общине, имел право требовать укрепления в его личную собственность причитающейся ему части земли. Выделенная земля становилась не семейным владением, как прежде, а личной собственностью домохозяина, который мог распорядиться ею по собственному усмотрению. Однако продавать землю крестьянин мог только лицам, приписанным к общине, закладывать только в крестьянском банке, а завещать по обычному праву – ближайшим наследникам².

Отмена переделов и передача земли в личное владение (а подчеркиваем, не в частную собственность) домохозяев, конечно, не означали разрушение общины. Ведь земельные переделы были не главным и не единственным признаком общины. Еще в XVII–XVIII вв. во многих местах земельных переделов не было, отсутствовала необходимость в них, ибо земли было много. И тогда в течение многих веков и после 1906 община была в чистом виде демократичес-

¹ Временник живописной России. 1903, № 118, с. 109.

² История СССР. М., 1968, с. 349–350.

ким союзом местного самоуправления и взаимопомощи, хотя, конечно, всегда испытывала посягательства на эти свои права.

Привыкший жить в своей среде среди представлений и взглядов, ему понятных, крестьянин болезненно воспринимал любые отклонения от них. В условиях отказа от народных основ, традиций и идеалов, привычной ему шкалы ценностей, лишения самостоятельности, крестьянин становился медлителен и непонятлив, что воспринималось как косность, темнота и забитость.

Община угасала. «Дорожка глохнет, так и мир (община) сохнет», – говорили крестьяне.

Потеря самостоятельности и «суверенитета» общины способствовали ее разложению, развитию в ней разных негативных явлений. В некоторых общинах крестьянские сходы превращаются в проформу, а порой становятся оружием в руках небольшой части богачей. «Крестьянская сходка – земская водка», – замечает новая крестьянская пословица. «Мир сутки стоял, небо подкоптил и разошелся», – жалуется крестьянин на неспособность самостоятельно решать дела в новых условиях.

А отсюда новый элемент крестьянской жизни. «Мир на дело сошелся виновного опить» (гибельный обычай): вместо правосудия, например, за потраву, приговаривают поставить миру ведро водки. «Эта вина стоит полведра вина» (присужденное на сходке).

Тем не менее, несмотря на огромные трудности, русская община продолжала существовать, оставаясь вплоть до 1917 вместе с Православием и Монархией одной из главных основ народной жизни.

Великий русский ученый Д.И. Менделеев писал: «Ближайшим русским идеалом, отвечающим наибольшему благосостоянию нашего народа, по мнению моему, должно считать общину, согласно – под руководством лучших и образованнейших сочленов – ведущую летом земледельческую работу, а зимой фабрично-заводскую на своей общинной фабрике или на своем общественном руднике... Фабрика или завод около каждой почти деревни, в каждой почти помещицкой усадьбе – вот что одно может, по моему крайнему разумению, сделать русский народ богатым,

трудолюбивым и образованным. И к постепенному достижению этого идеала я не вижу ни одного существенного препятствия ни в быте народном, ни в общих русских условиях...»¹

ГЛАВА 64. Выступления против артели. – Капиталистическая организация труда. – Искажение артельных основ.

Разрушение народного уклада жизни во имя «европейской цивилизации» еще более активно, чем на селе, осуществляется в городах. Артель и артельные формы организации труда рассматриваются многими предпринимателями и интеллигентами с позиции западноевропейских представлений: в лучшем случае с этнографическим любопытством. Без творческой поддержки со стороны образованного общества артельные формы «ветшали», теряли способность к совершенствованию и обновлению применительно к новым условиям. Не то было на Западе. Там народные формы производства и труда поддерживались образованным обществом, совершенствовались исходя из требований времени. Лишенная возможности постоянного обновления, русская артель ставилась в условия неблагоприятные по сравнению с западноевропейскими формами хозяйствования, что давало еще один повод говорить об ее отсталости и архаичности.

Прежде всего и государство, и предприниматели пытаются ограничить главный принцип артели – ее самостоятельность и автономность на производстве.

Еще в 1706 некоторые артели, связанные с выполнением государственных заказов или работавшие на государственных заводах, были жестко регламентированы, особенно в вопросах дисциплины. В наказе старосте тульских казенных кузнецов говорится: «А буде кто из тульских кузнецов или из оружейных мастеров тебе, старосте со товарищи, в чем послушен не будет, таковых брать на братцкий

¹ Менделеев Д.И. Собр. соч. Т. XX, с. 273.

(артельный. – *О.П.*) двор и чинить наказание батоги»¹. Так возникает противоречие между свободными ремесленниками и старостами артели, делившимися частью государственного аппарата, – противоречия, рождающие неминуемый конфликт.

Артели, существовавшие в 30-х годах XIX в. в золотой промышленности, подвергаются давлению со стороны администрации и государства. Согласно закону 1838 хозяин предприятия мог назначить в артель старосту, рабочие же выбирали в помощь ему двух выборных. Артельное руководство из старосты (по сути дела приказчика хозяина) и двух выборных имело право подвергать расправе – «умеренного домашнего исправления» (посечь) – рабочих, составляющих артель, которые были виновны в лени, нетрезвости, участии в запрещенной карточной игре, а также буйных и пытавшихся бежать. Кроме розог в количестве не более ста ударов, предусматривалось удержание в пользу артели части платы виновных².

В годы бироновщины в России был принят указ о том, что все мастеровые, обученные какому-нибудь мастерству и находившиеся со времени издания указа на фабриках, прикреплялись «вечно» к своим настоящим владельцам. «А буде кто из... определенных ныне на фабрики явятся невольдержанные и ни к какому учению не прилежные, тех самим фабрикантам по довольном домашнем наказании объявлять в Коммерц-Коллегию или в Контору, откуда по свидетельству фабрикантскому и мастеров за такое их непотребное житье ссылатъ в ссылки в дальние города или на Камчатку в работу, чтобы другим был страх; а ежели в ссорах или драках или пьяные где взяты будут... тех не держать нигде ни одного дня и не убытча отсылать на фабрики и оным фабрикантам самим чинить им наказание при других их братья»³. Насильственное прикрепление мастеровых к фабрикам, попытка стимулировать труд страхом взывали волну возмущения и протеста по всей промышленной России. Однако даже в этих условиях

¹ АИТР. Кн. 5, с. 98.

² Там же, с. 102.

³ Там же, с. 104.

правительство не осмелилось посягнуть на народные, артельные формы организации труда. Они продолжали существовать на большинстве фабрик и заводов Российской империи, в определенной степени смягчая смысл названного выше антинародного закона. Решение значительной части дел оставалось в ведении самой артели и решалось демократическим путем на артельных сходках.

Искажение артельной идеи, спекуляции на артельном навыке русского народа всячески используются разными капиталистическими элементами. «Рядом с артелью, – отмечает знаток народных форм хозяйствования Ф. Щербина, – существуют и другого рода формы, уклонившиеся от своего чисто артельного характера и представляющие, так сказать, одну внешнюю оболочку безо всякого содержания. В таком виде эти формы служат только средством для наживы различного рода кулаков и рядчиков... Дело в том, что большинство описываемых артелей (лжеартелей. – *О.П.*) ютятся главным образом в городах, как, например, в Одессе, Николаеве, Севастополе, Херсоне, Таганроге, Ростове-на-Дону, Екатеринославе, Керчи и пр., а городские работы отдаются большей частью с подряда». То есть размывание, искажение артельной идеи происходит прежде всего не в центре, а на русских окраинах. Хотя было бы неправильным считать, что эти процессы не происходили и в центре.

Я уже приводил мнение Д.И. Менделеева о необходимости передачи российских заводов на Урале в руки артельно-кооперативного хозяйства. Такого же мнения придерживался Берви-Флеровский. Спасти Россию от экономических и социальных неурядиц, писал Флеровский относительно горной промышленности, можно только передачей промыслов и заводов в руки заводских артелей. Между различными артелями будет конкуренция. Капиталист тут совершенно излишний, от него нужно избавиться при первой возможности¹.

Но, к сожалению, большинство российских промышленников стояли на иных позициях. Развитие капиталисти-

¹ П а ж и т н о в К.А. Положение рабочего класса в России. СПб., 1906, с. 11.

ческого предпринимательства в России носило особо хищнический характер. Как бы ощущая свою нестабильность и близость конца, капиталистические предприниматели нередко стремились сорвать куш любой ценой, зачастую экономя на условиях труда и быта рабочих. Положение рабочего класса России во 2-й пол. XIX в. стало «притчей во языцех» не без оснований. Условия жизни и быта некоторых слоев рабочих, особенно неквалифицированных, были очень плохи (хотя, если сравнивать их с условиями труда в аналогичный период развития капитализма в западных странах, они мало отличались от них, и более того, как мы уже убедились, по уровню оплаты были даже несколько выше). Число смертельных случаев на производстве в горной промышленности в России конца девятнадцатого века значительно превышало соответствующие показатели Франции, Бельгии, Великобритании, но не намного отличались от такой страны, как Пруссия. Вместе с тем производственный травматизм и смертность на предприятиях России к. XIX в. были не выше Англии сер. XIX в., то есть были связаны с определенной степенью развития промышленности.

Система штрафов, налагаемых на рабочих, была почти не известна в России до XVIII–XIX вв. Она принесена и получила развитие вместе с насаждением индивидуалистических форм организации производства и труда. В самом деле, в артельных формах организации труда многие проблемы решались круговой порукой, и самой страшной карой было исключение из артели на мирском сходе. Русский работник, вырванный из привычных ему общинных, артельных форм существования, терялся в новых, чуждых ему хитросплетениях производственной жизни. Штрафы обрушивались на него со всех сторон.

На фабрике Пешкова в Московской губ. на стенах висело такое объявление: «Кто поступил на фабрику, тот не имеет права выхода за ворота, за нарушение правила штраф 1 рубль»; или: «Так как фабричные дозволяют себе беспокоить хозяина – просить денег, то предупреждаю – выдача денег ранее (установленного срока) не будет; осмелившийся спросить раньше будет разочтен совсем». На заводе Мартына опоздавший на 15 минут штрафовался в

десятикратном размере стоимости этого рабочего времени, а опоздавший на 20 минут и более – в пятидесятикратном. На писчебумажной фабрике Панченко за каждый час опоздания вычиталось как за два дня, а в 3 типографиях – за каждый час как за три дня. На одной фабрике – штраф в 3 рубля за неприличные слова. На кирпичном заводе Якунчикова за опоздание на 15 минут вычиталась плата за целый день; если рабочий ляжет не в «назначенном для того месте» – штраф от 50 копеек до 1 рубля. Во Владимирской губ. встречались штрафы за перелезания через фабричный забор, за охоту в лесу, за сборище нескольких человек в одну кучу. А на многих фабриках встречалась только одна лаконичная статья – «замеченные в нарушении фабричных правил штрафуются по усмотрению хозяина»¹. Какое отношение могли вызывать эти штрафы у русского работника? Только протест, устойчивую неприязнь к администрации, в которой рабочие видели не просто отвлеченных эксплуататоров, но настоящих личных врагов.

Фабрика, построенная на западноевропейских основах, разрушала не только привычный уклад работников, но и ломала, уродовала самих работников – нарушала жизненный ритм, ослабляла здоровье.

Если при артельных формах хозяйствования и труда работники – плотники, пильщики, землекопы, возчики дров и чернорабочие – зимой работали по 7–8 часов, летом по 13–14 часов, а в среднем за год около 10 часов в сутки, то на фабриках и заводах, устроенных по западноевропейскому образцу, рабочих заставляли работать по 12 часов в сутки. Распределение этих часов, писал Пажитнов, таково, что после 6 часов работы – 6 часов отдыха. Спать днем в условиях жилищной скученности рабочий не мог, при ночной же смене из 6 часов можно было урвать часа 4, не более. Поэтому получалось, что в большинстве случаев рабочие спали настоящим сном в одну неделю 4 часа в сутки, а в другую только урывками, случайно и не всегда. А ведь потребность человека во сне составляет в среднем 8 часов в сутки. Результатом недосыпания было ослабление всех жизненных сил рабочего, плохой аппетит, потеря спо-

¹ Пажитнов К.А. Указ. соч, с. 86–87.

койствия, нервность, раздражительность, вспыльчивость. Можно ли удивляться картине трудовой жизни русской фабрики не из худших, которая была нарисована в докладе на торгово-промышленном съезде в 1896. При входе на бумагопрядильную фабрику свежий человек поражается двум, на первый взгляд несовместимым, явлениям: это, с одной стороны, опрятность и чистота фабричных зал, доходящая иногда до изысканности, блеск машин, теплый и сухой воздух, а главное – такая легкость работы, что даже женщины и дети работают без особого напряжения физических сил, это скорее гулянье, чем труд. Другое поражающее явление – это вид рабочих; они худосочны, ростом малы, корпус недостаточно развит, все части тела как-то миниатюрны... Словом, это какие-то пожилые дети или молодые старики. Первое впечатление свежего человека, к сожалению, оказывается не случайным явлением, а повсеместной действительностью. Фабрично-заводской рабочий, действительно, всегда и везде один и тот же; таким вы увидите его на любой фабрике¹.

Наступление на сложившиеся у русского населения традиции и обычаи осуществлялось и путем запрещения праздновать вошедшие в жизнь народа праздники. Правящие круги и образованное общество считало, что их слишком много и что большую часть следует отменить, оставив, как в Англии, всего несколько праздников, а число рабочих дней в году довести с 230–250 до 300 (как в Западной Европе). При этом забывалось, что в народе сложился определенный трудовой ритм и то, что большое количество праздников компенсировалось более продолжительным и интенсивным трудом в течение рабочего дня.

Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности России предлагает вопреки установившимся традициям и православным обычаям в праздничные дни разрешать работу.

В решениях совещания говорилось, что «необходимо синодальному обер-прокурору обратиться с предложением к Святейшему Синоду, чтобы он обязал священников вести среди народа пропаганду за отказ от праздников, чтобы

¹ П а ж и т н о в К.А. Указ. соч., с. 110–111.

священники всеми средствами старались «располагать прихожан к труду, отклоняя всячески от разорительных для их хозяйств празднований»¹. Однако церковь на это не пошла.

ГЛАВА 65. Противостояние «тайне беззакония». – Серафим Саровский. – Стяжание Духа Святого. – Паисий Величковский. – Оптиная пустынь.

Более столетия духовную мощь Святой Руси сковывали темные силы, порожденные тайной беззакония. Космополитическое дворянство и интеллигенция, пропитанные враждебным православию масонским духом, привели Россию на грань духовной катастрофы, пытались превратить Русскую Церковь в бюрократическое учреждение, а священников – в простых клерков по исполнению обрядов, отстранив их как пастырей от души народа. Закрыты были сотни монастырей, делами церкви в Синоде нередко занимались чиновники-масоны. Вынашивались даже планы придать ей вид протестантской ереси. Планы эти врагам Святой Руси не удались. Против повреждения веры выступил весь простой народ, крестьянство, купечество, посрамляя своей православной чистотой и красотой дворянство и интеллигенцию, за внешней просвященностью которых часто скрывались духовные нищета и невежество. Из глубины народа в защиту Святой Руси встали великие Святые и подвижники – Серафим Саровский и Паисий Величковский, Оптиные старцы и Иоанн Кронштадтский. Их подвигами и молитвами Святая Русь вновь поднялась на недостижимую духовную высоту.

Серафим Саровский (в миру Прохор Мошнин), 1753–1833, вышел из простой русской семьи. Мать его не имела школьного образования, но хорошо знала Закон Божий. Она научила сына высшей христианской науке, привила ему любовь к богослужению. В семилетнем возрасте

¹ Временник живописной России. 1903, № 115, с. 82.

будущий святой упал с лесов строившегося храма, но остался невредим. Господь и дальше являл ему чудесные знамения, духовное понимание которых подвигло его посвятить свою жизнь Богу. Монах Китаевской обители Досифей направляет будущего святого в Саровскую пустынь, где 1786 его постригают в иноки с именем Серафим. Любимым чтением Серафима Саровского были труды святых отцов, собранные в книге «Добротолюбие». Пройдя все ступени монашеского подвига (включая многолетнее молчание), прп. Серафим получил от Бога особый дар учительства, поставивший его в один ряд с великими святыми древности.

В беседах со своим духовным чадом Н.А. Мотовиловым старец Серафим учил, что цель христианской жизни состоит в стяжании (обретении) Духа Святого. Осуществить это можно через трезвение души и духа, через чистоту плоти посредством поста, молитвы и добрых дел.

Однако «молитва, пост, бдение и всякие другие дела христианские, – излагает учение св. Серафима Саровского Н.А. Мотовилов, – служат лишь необходимыми средствами для достижения ее. Истинная же цель нашей христианской жизни состоит в стяжании Духа Святого Божиего... Добро, ради Христа делаемое, не только в жизни будущего века венец правды ходатайствует, но и в здешней жизни преисполняет человека благодати Духа Святого...» – «Как же стяжание? – спросил Мотовилов батюшку Серафима. – Я что-то не понимаю». – «Стяжание – все равно что приобретение, – отвечал ему святой. – Ведь вы разумеете, что значит стяжание денег. Так вот все равно и стяжание Духа Божиего. Ведь вы, ваше боголюбие, понимаете, что такое в мирском смысле стяжание? Цель жизни мирской обыкновенных людей есть стяжание денег, получение почестей, отличий и других наград. Стяжание Духа Божия есть тоже капитал, но только благодатный и вечный, и он, как денежный, чиновный и временный, приобретает почти одними и теми путями, очень сходственными друг с другом. Бог Слово, Господь наш Богочеловек Иисус Христос уподобляет жизнь нашу торжищу и дело жизни нашей на земле именуется куплею... Земные товары – это добродетели, делаемые Христа ради, доставляющие нам благодать

Всесвятого Духа, без которого и спасения никому нет и быть не может. Сам Дух Святой вселяется в души наши, и это самое вселение в души наши Его, Вседержителя, и сопребывание с духом нашим Его Тройческого Единства и даруется нам лишь через всемерное с нашей стороны стяжание Духа Святого, которое и предуготовляет в душе и плоти нашей престол Божию Всетворческому с духом нашим сопребыванию, по непреложному Слову Божию: «Вселюся в них, и похожду, и буду им в Бога, и тии будут людие Мои». Конечно, всякая добродетель, творимая ради Христа, дает благодать Духа Святого, но более всего дает молитва, потому что она как бы всегда в руках наших как орудие для стяжания благодати Духа... Молитвою мы с Всеблагим и Животворящим Богом и Спасом нашим беседовать устаиваемся...» – «Батюшка, – спросил Мотовилов, – вот вы все изволите говорить о стяжании благодати Духа Святого как о цели христианской жизни, но как же и где я могу ее видеть? Добрые дела видны, а разве Дух Святой может быть виден? Как же я буду знать, со мной Он или нет?» – «Благодать Духа Святого, – отвечал святой, – есть свет, просвещающий человека. Господь неоднократно проявлял для многих свидетелей действие благодати Духа Святого в тех людях, которых он освящал и просвещал великими наитиями Его. Вспомните Моисея... Вспомните преобразование Господа на горе Фаворе». – «Каким же образом, – спросил Мотовилов батюшку отца Серафима, – узнать мне, что я нахожусь в благодати Духа Святого?» – «Это, ваше боголюбие, очень просто! – отвечал он ему, взял его крепко за плечи и сказал: – Мы оба теперь, батюшка, в Духе Божием с тобой!.. Что же ты не смотришь на меня?» Мотовилов отвечал: «Я не могу, батюшка, смотреть, потому что из глаз ваших молнии сыплются. Лицо ваше сделалось светлее солнца, и у меня глаза ломит от боли!» О. Серафим сказал: «Не устрашайтесь, ваше боголюбие, и вы теперь сами так же светлы стали, как и я сам. Вы сами теперь в полноте Духа Божиего, иначе вам нельзя было бы и меня таким видеть». И, преклонив к нему свою голову, он тихонько на ухо сказал мне: «Благодарите же Господа за неизреченную к вам милость Его. Вы видели, что я не

перекрестился даже, а только в сердце моем мысленно помолился Господу Богу и внутри себя сказал: «Господи, удостой его ясно и телесными глазами видеть то сошествие Духа Твоего, которым Ты достаиваешь рабов Твоих, когда благоволишь являться в свете великолепной славы Твоей». И вот, батюшка, Господь и исполнил мгновенно смиренную просьбу убогого Серафима... Как же не благодарить Его за неизреченный дар нам обоим! Этак, батюшка, не всегда и великим пустынноикам являет Господь Бог милость Свою. Это благодать Божия благоволила утешить сокрушенное сердце ваше, как мать чадолюбивая по предстательству самой Матери Божией... Смотрите просто и не убойтесь – Господь с нами!» – «Что же чувствуете вы теперь?» – спросил ученика о. Серафим. «Необыкновенно хорошо!» – сказал он. «Да как же хорошо? Что именно?» Ученик отвечал: «Чувствую я такую тишину и мир в душе моей, что никакими словами выразить не могу!» – «Это, ваше боголюбие, – сказал батюшка о. Серафим, – тот мир, про который Господь сказал ученикам Своим: «Мир Мой даю вам, не яко же мир дает, Аз даю вам. Аще бы от мира бысте были, мир убо свое любил бы, но Аз избрах вас от мира, сего ради ненавидит вас мир. Но дерзайте, яко Аз победих мир». Вот этим-то людям, избранным от Господа, и дает Господь тот мир, который вы в себе теперь чувствуете. «Мир», по слову апостольскому, «всякий ум преимуший» (Флп. 4: 7). Что же еще чувствуете вы?» – «Необыкновенную сладость!» – отвечал Мотовилов. «Что же еще вы чувствуете?» – «Необыкновенную радость во всем моем сердце!» Батюшка о. Серафим продолжал: «Это та самая радость, про которую Господь говорит в Евангелии Своем: «Жена, егда рождает, скорбь имать... егда же родит отроча, ктому не помнит скорби за радость». Но как бы ни была утешительна радость эта, которую вы теперь чувствуете в сердце своем, она ничтожна в сравнении с тою, про которую Сам Господь устами Своего апостола сказал, что радости той «ни око не виде, ни ухо не слыша, ни на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Бог любящим Его» (1 Кор. 2: 9). Предзадатки этой радости даются нам теперь, и если от них так сладко, хорошо и весело на душах наших, то что сказать о той

радости, которая уготована на небесах плачущим здесь на земле?.. Что же вы чувствуете, ваше боголюбие?» Ученик отвечал: «Теплоту необыкновенную!» – «Как, батюшка, теплоту? Да ведь мы в лесу сидим. Теперь зима на дворе, и под ногами снег, и на нас более вершка снегу, и сверху крупа падает... Какая же может быть тут теплота?» Ученик отвечал: «А такая, какая бывает в бане, когда поддадут на каменку...» – «И запах, – спросил он Мотовилова, – такой же, как из бани?» – «Нет, – отвечал ученик, – на земле нет ничего подобного этому благоуханию...» Батюшка о. Серафим, приятно улыбнувшись, сказал: «И сам я, батюшка, знаю это точно так же, как и вы, да нарочно спрашиваю у вас – так ли вы это чувствуете?.. Ведь ни на вас, ни на мне снег не тает и над нами тоже, стало быть, теплота эта не в воздухе, а в нас самих. Она-то и есть та самая теплота, про которую Дух Святой словами молитвы заставляет нас вопиять ко Господу: «Теплотою Духа Святого согрей мя!» Так ведь и должно быть на самом деле, потому что благодать Божия должна обитать внутри нас, в сердце нашем, ибо Господь сказал: «Царство Божие внутри вас есть». Ну, уж теперь нечего более, кажется, спрашивать, ваше боголюбие, каким образом бывают люди в благодати Духа Святого!»

Чудо преображения в сиянии фаворского света, открытое Мотовилу по молитве преподобного Серафима, открыло ему и всем православным христианам всю полноту Святого Духа, мудрость и глубину познания Святой Руси.

Почти одновременно со св. Серафимом Саровским начинают свой путь к стяжанию Духа Святого св. Паисий Величковский и оптинские старцы. Последователь умной молитвы и духовного делания от Григория Паламы до Нила Сорского, выходец из Полтавской губ., Паисий Величковский начинал труд по переводу с греческого языка трудов отцов церкви «Добротолюбие». Его ученики во главе со старцем Львом продолжают его труд, перекладывая сделанные им переводы на литературный язык. Впоследствии «Добротолюбие» становится тем основанием, на котором И.В. Киреевский под духовным окормлением старца Макария разработал свою философию цельности

духа, которую он представлял как ядро русской самобытной культуры.

С сер. XIV в. вплоть до 1917 Оптина пустынь была духовным центром православной России. В ней процветала особая форма святости – старчество, переходя от духовного отца к сыну в духе истинного послушания. Свв. Оптинские отцы своим опытом прошли школу послушания, трезвения, умносердечной молитвы и стяжали многие благодатные дары.

Прп. Лев (1814) – нелицеприятный, иногда резкий в слове и юродствующий.

Прп. Макарий (1860) – имел деликатный, скромный характер, привлекающий в Оптину духовных писателей.

Прп. Моисей (1862) – исполнял послушание настоятеля.

Прп. Антоний (1865) – также исполнял послушание настоятеля.

Прп. Иларион (1873) – кроме старчества, имел дар хозяйственной деятельности.

Прп. Амвросий (1891) – «столп старчества» Оптиной.

Прп. Анатолий I (1894) – редкий делатель Иисусовой молитвы, страстотерпец.

Прп. Исаакий I (1894) – настоятель Оптиной.

Прп. Иосиф (1911) – в смирении таивший особенные посещения Господа и Божией Матери.

Прп. Варсонофий (1913) – долго жил в миру, знал «знамения времени».

Прп. Анатолий II (1922) – любвеобильный батюшка, утешивший великое множество страждущих.

Прп. Нектарий (1924) – прозорливость свою облекший в юродство.

Прп. Никон (1931) – исповедник, возросший в меру старцев к тридцати годам.

Прп. Исаакий II (1936) – последний настоятель Оптиной, новомученик.

**ГЛАВА 66. Новая попытка завоевать Россию. –
Победа над Наполеоном. – Патриотический
и духовный подъем в русском обществе. –
Разгром декабристов-масонов. – Анафема
Серафима Саровского. – Уваров. – Реформа
народного просвещения. – Православие,
Самодержавие, Народность.**

В н. XIX в. западный мир предпринимает еще одну попытку завоевать Россию. Воинственная русофобия приобретает новые очертания в лице французского императора-масона Наполеона Бонапарта. Объединив вокруг Франции Австрию, Пруссию и итальянские королевства, Наполеон вынашивает планы мирового господства, в которых главное место занимало завоевание России, расчленение ее территории, отторжение от нее некоторых земель и создание на оставшейся части марионеточного режима, возглавляемого одним из родственников императора. Своим союзникам по агрессии Наполеон обещал значительные территориальные приобретения: Австрии – часть Малороссии, Пруссии – часть Белоруссии и русской Прибалтики.

Из 640 тыс. солдат, вторгнувшихся 12 июня 1812 на территорию России, около половины составляли немцы, австрийцы, итальянцы, испанцы, поляки, швейцарцы, хорваты, португальцы. Подобно гитлеровскому, вторжение было осуществлено внезапно, без объявления войны. Бонапарт рассчитывал, используя внезапность нападения и перевес своих сил (три к одному в пользу оккупантов), разгромить русские войска в приграничных сражениях и вынудить Александра I заключить позорный мир. Определенный расчет у Бонапарта был и на «пятую колонну» внутри России – членов масонских лож, значительная часть которых была связана масонской дисциплиной с французскими вольными каменщиками. Как писал генерал-губернатор Москвы граф Ф.В. Ростопчин: «Я уверен, что Наполеон покровительствует масонам и когда-нибудь

найдет сильную опору в этом обществе, столь же достойном презрения, сколь и опасном».

Однако надежды Бонапарта разбились о патриотизм русского народа и искусство русских военачальников. На первых этапах войны русские войска отступили к Смоленску, уклоняясь от попыток втянуть их в сражения неравными силами. Попытки врага наступать на Санкт-Петербург и Ригу были отбиты. В ходе кровопролитного Смоленского сражения (4–8 августа) русская армия оставила город и, сохранив свои силы, отошла к Дорогобужу.

Уже на первых этапах войны русский царь обратился к народу с манифестом о народном ополчении. На всех оккупированных врагом территориях разгорается партизанская война. Крестьяне объединяются в вооруженные отряды и беспощадно громят французов, уничтожают их снабженцев и связных. Патриотический подъем охватил все слои русского общества, предатели, лица, заподозренные в сотрудничестве с врагом, уничтожались без суда и следствия. Патриотический подъем опрокинул надежды масонов на победу Наполеона и установление в России удобного им режима.

8 августа главнокомандующим русской армией был назначен М.И. Кутузов. 26 августа произошло Бородинское сражение. Бонапарт рассчитывал разгромить в генеральном сражении русскую армию, вступить в Москву и продиктовать царю условия мира. Однако оккупанты не достигли своей цели. Русская армия в кровопролитном сражении показала свое мужество и стойкость. В результате враг потерял 50 тыс. солдат. Но и русские потери были тоже велики (44 тыс. чел.). Чтобы сохранить армию, Кутузов решил отступить и оставить Москву. Вместе с армией ушла половина москвичей. С первого дня вступления в Москву армии захватчиков в городе начались грабежи и бесчинства, перепившаяся солдатня устроила пожары, в результате которых огнем было уничтожено две трети домов, торговые ряды, лавки, фабрики, пострадал Кремль.

Захватчики смогли продержаться в Москве только около месяца. Русские войска и партизаны уничтожали французских фуражиров, среди оккупантов начался голод. 6 октября Бонапарт отдает приказ об отступле-

нии, предварительно распорядившись взорвать Кремль и поджечь оставшиеся дома. Он направляет армию в сторону Калуги, но после сражения при Малоярославце (12 октября) принужден отступить по разоренной им же Старой Смоленской дороге. 14–16 ноября русская армия дает Бонапарту решительное сражение при Березине, в результате которого французская армия была полностью уничтожена, а ее остатки позорно бежали из России. На Русской земле полегло 550 тыс. оккупантов, был развеян миф о непобедимости Бонапарта. Русская армия с триумфом прошла всю Европу, взяла Париж и окончательно низложила Наполеона.

Победа над иноземными захватчиками вызвала патриотический и духовный подъем в русском обществе. Атмосфера подъема создала благоприятные условия для развития русской духовности. Пушкин, Лермонтов, Гоголь, славянофилы стали выражением величия и уверенности национального духа. Происходит кристаллизация многих основополагающих национальных понятий. Сформулированная Николаем I формула: «Православие, Самодержавие, Народность», становится знаменем Русского Православного Царства.

Через тринадцать лет после победы над Наполеоном Россия сталкивается с новым испытанием. В течение многих лет в тиши масонских лож подготавливается заговор против русской государственности. Масоны-декабристы планировали свержение монархии, убийство царской семьи и установление республики. Ими предполагалось расчленить Россию на ряд самостоятельных государств, уничтожить Православную церковь, установить вместо нее масонскую «религию Разума». Планы преступников были разрушены решительными действиями Николая I и объединившихся вокруг него русских людей. 25 декабря 1825 мятежники, вышедшие на Сенатскую площадь, чтобы захватить власть и убить Царя, были расстреляны картечью, а их главарь после суда повешен¹. Для Русской Православной державы разгром декабристов-масонов имел

¹ Подробнее о заговоре декабристов-масонов см. в моей книге «Тайная история масонства». т. 1–3 М., 2000.

не меньшее значение, чем победа над Наполеоном. Победы декабристы – и Русское царство перестало бы существовать. Декабристы и масоны были подвергнуты анафеме Русской церковью и самим св. Серафимом Саровским.

Николай I осознал огромную опасность, которую несет России космополитическое образование дворянства и интеллигенции, делающее их чужаками в родной стране. Им предпринимается реформа народного просвещения на русских национальных началах. Главным сотрудником в этом деле становится граф С.С. Уваров (1786–1855), которого он назначает министром народного просвещения. Уваров считал необходимым ввести в преподавание, имевшее прежде во многом космополитический характер, «дух русский под тройственным влиянием Православия, Самодержавия и Народности, возбуждая в умах уважение к Отечественной истории, к Отечественному языку, к Отечественным учреждениям». Образование должно носить общественный характер, из него следует удалить частное воспитание и иноземных воспитателей.

Главное для России – сохранить Православие, творческая духовная сила которого определяет всю русскую культуру. «Без любви к вере предков – считал Уваров, – народ, как и частный человек, должны погибнуть; ослабить в них веру – то же самое, что лишить их крови и вырвать сердце. Это было бы готовить им низшую степень в моральном и политическом предназначении». Самодержавие – по мнению Уварова, – является определяющей формой нашего державного бытия, «представляет главное условие политического существования России». Любое, даже малозаметное, поползновение к его ограничению неминуемо повлечет снижение могущества, ослабление внутреннего мира и спокойствия страны. «Русский колосс – писал он, опирается на самодержавии, как на краеугольном камне; рука, прикоснувшаяся к подножию, потрясает весь состав Государственный. Эту истину чувствует неисчислимое большинство между Русскими; они чувствуют оную в полной мере, хотя и поставлены между собой на разных степенях и различествуют в просвещении, и в образе мыслей, и в отношениях к Правительству. Эта истина должна присутствовать и развиваться в народном воспитании».

Во всеподданнейшем отчете за 1837 граф, в частности, докладывал Николаю I: «В заключение этого быстрого обзора я приемлю смелость прибавить, что не в одном стройном развитии умственных сил, не в одном неожиданном умножении статистических чисел, даже не в возбуждении общего стремления умов к цели, правительством указанной, может найти свое ближайшее начало удовлетворительное чувство, с коим эта картина успехов будет уповательно принята благомыслящими. Другие виды, высшая цель представлялись совокупно министерству, обновленному в своих основаниях, возвышенному непрестанным участием Вашего Императорского Величества. При оживлении всех умственных сил охранять их течение в границах безопасного благоустройства, внушить юношеству, что на всех степенях общественной жизни умственное совершенствование без совершенствования нравственного – мечта, и мечта пагубная; изгладить противоборство так называемого европейского образования с потребностями нашими; исцелить новейшее поколение от слепого и необдуманного пристрастия к поверхностному и иноземному, распространяя в юных умах равнодушное уважение к отечественному и полное убеждение, что только приноровление общего, всемирного просвещения к нашему народному духу может принести истинные плоды всем и каждому; потом обнять верным взглядом огромное поприще, открытое пред любезным отечеством, оценить с точностью все противоположные элементы нашего гражданского образования, все исторические данные, которые стекаются в обширный состав империи, обратить сии развивающие элементы и пробужденные силы, по мере возможности, к одному знаменателю; наконец, искать этого знаменателя в тройственном понятии «Православия, Самодержавия и Народности» – вот в немногих чертах направление, данное Вашим Величеством министерству народного просвещения с того времени, когда Вам, Всемилостивейший Государь, благоугодно было возложить на меня трудное, но вместе с тем важное и лестное поручение – быть при этом преобразованием орудием высоких видов Ваших».

По мнению Уварова, главным предметом в воспитании гражданственности и патриотизма является история, преподавание которой есть дело государственное. «История об-

разует граждан, умеющих чтить обязанности и права свои, судей, знающих цену правосудию, воинов, умирающих за Отечество, опытных вельмож, добрых и твердых Царей».

Реформа Уварова вызвала переполох в масонско-космополитических кругах. Против него организуется кампания травли и клеветы. Тем не менее многие достижения реформы образования успели укорениться, воспитав поколение людей, которые «лучше знали Русское и по-русски». Среди них был, например, Н.П. Гиляров-Платонов (1824–1887), который так сформулировал жизненное кредо коренного русского человека:

«Жизнь есть подвиг, а не наслаждения.

Труд есть долг, а не средство своекорыстия.

Верховный закон междулических отношений есть всеотдающая любовь, а не зависть.

Люби ближнего, как самого себя: вот в двух словах все начало должных общественных отношений, истинно христианских и истинных во всяком другом значении этого слова.

Лицо, сохрани свою инициативу, владей своей свободой, какою одарено, употребляя всю энергию, к какой способно, но клони все свои действия на благо человечества, на пользу братьев.

Представьте, что это соблюдается всеми, и никакого противоречия, никакого неудобства нет: общество сохраняется, труд увеличивается, счастье всех и каждого достигается».

ГЛАВА 67. Славянофилы. – От Киреевского до Данилевского. – Галерея подвижников Святой Руси. – От Нилуса и Шарапова до Тихомирова и Розанова.

В русском общественном движении 1-й пол. XIX в. особое значение принадлежит славянофилам. Они были истинными выразителями идей Святой Руси. Славянофилы обоснованно и твердо объявили об особом пути России, утвердились в мысли о спасительной роли Православия

как единственно истинного христианского вероучения, отметили неповторимые формы общественного развития русского народа в виде общины и артели. «Все, что препятствует правильному и полному развитию Православия, – писал И.В. Киреевский, – все то препятствует развитию и благоденствию народа русского, все, что дает ложное и не чисто православное направление народному духу и образованности, все то искажает душу России и убивает ее здоровье нравственное, гражданское и политическое. Поэтому, чем более будут проникаться духом Православия государственность России и ее правительство, тем здоровее будет развитие народное, тем благополучнее народ и тем крепче его правительство и, вместе, тем оно будет благоустроеннее, ибо благоустройство правительственное возможно только в духе народных убеждений». Общинность и артельность, по мнению славянофилов, являются основой государственного и общественного строя России. Община гарантирует равенство жизненных условий массе народа, земледелец является и землевладельцем. В то время как Запад обманывает низшие классы призраком формальной свободы, Россия обеспечивает их лучше, а именно – фактической свободой и самостоятельностью в рамках традиций и обычаев самоуправляемой общины. Так как русский народ, благодаря общине, навеки обеспечил для себя землю, то в противоположность разьедаемым социальной болезнью западноевропейским народам он является юным носителем будущего. Община – самое ценное наследие, удержанное русским народом от истории. С ним народ вступил на мировую сцену, чтобы выполнить свою историческую миссию: установить общественную организацию на место общественной анархии, которую оставит сходящая со сцены Европа.

Главная задача славянофилов в том, что они с полной определенностью поставили вопрос об использовании национальных особенностей и самобытности народа, выражаемых в его традициях, обычаях и идеалах, как обязательном условии успешного культурного и социально-экономического развития страны.

Славянофильство зародилось в к. 1830-х, а в 1840–50-х собрало вокруг себя самые мощные национальные силы.

Круг единомышленников-славянофилов был широк и объединял вокруг себя выдающихся русских писателей и ученых. Наиболее крупными выразителями славянофильских идей были И.В. Киреевский, А.С. Хомяков, К.С. Аксаков, Ю.Ф. Самарин. Вокруг них группировались И.С. Аксаков, И.Д. Беляев, Д.А. Валуев, А.Ф. Гильфердинг, Н.Д. Иванишев, П.В. Киреевский, А.И. Кошелев, В.И. Ламанский, В.Н. Лешков, Н.А. Попов, В.А. Черкасский, Ф.В. Чижов. Славянофилов поддерживали и являлись выразителями их идей русские писатели С.Т. Аксаков, В.И. Даль, А.А. Григорьев, А.Н. Островский, Ф.И. Тютчев, Н.М. Языков и др. Мировоззренческие учения славянофилов оплодотворяли научную деятельность русских ученых Ф.И. Булаева, О.М. Бодянского, Г.П. Галагана, В.И. Григоровича, И.И. Срезневского, М.А. Максимовича, Н.А. Ригельмана.

Славянофилы чаще всего собирались в московских литературных салонах А.А. и А.П. Елагиных, Д.Н. и Е.А. Свербеевых, Н.Ф. и К.К. Павловых. Здесь в горячих спорах со своими либерально-космополитическими противниками славянофилы пропагандировали идеи русского возрождения и славянского единства.

Космополитические силы в правительственных кругах долгое время препятствовали деятельности славянофилов. Им не позволяли иметь свой печатный орган.

Статьи славянофилов выходили в «Москвитяине», а также в различных сборниках – «Синбирский сборник» (1844), «Сборник исторических и статистических сведений о России и народах ей единоверных и единоплеменных» (1845), «Московские сборники» (1846, 1847, 1852). Свои газеты и журналы славянофилы стали издавать только с середины 1850-х, но и тогда подвергались разным цензурным ограничениям и притеснениям. Славянофилы издавали журналы: «Русская беседа» (1856–60), «Сельское благоустройство» (1858–59); газеты: «Молва» (1857), «Парус» (1859), «День» (1861–65), «Москва» (1867–68), «Москвич» (1867–68), «Русь» (1880–85).

Своим творчеством славянофилы создали мощное общественное и интеллектуальное движение, сильно пошатнувшее и идущее еще с эпохи Петра I космополитическое мировоззрение и низкопоклонство перед Западом. Славя-

нофилы показали тупиковый, ущербный, бездуховный характер западноевропейской цивилизации. Призывая людей обратиться к своим историческим основам, традициям и идеалам, славянофилы способствовали пробуждению национального сознания. Много ими было сделано для собирания и сохранения памятников русской культуры и языка (Собрание народных песен П.В. Киреевского, Словарь живого великорусского языка В.И. Даля). Славянофилы-историки (Беляев, Самарин и др.) заложили основу научного изучения русского крестьянства, в том числе его духовных основ. Огромный вклад славянофилы внесли в развитие общеславянских связей и славянское единство. Именно им принадлежала главная роль в создании и деятельности славянских комитетов в России в 1858–78.

Несмотря на огромный вклад в развитие русского самосознания, славянофилы не смогли выработать целостного мировоззрения, что в значительной степени объяснялось характером той космополитической среды, из которой многие из них вышли и которая толкала их в сторону либерализма.

Как писал русский мыслитель, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев): «Несмотря на стремление вернуться в лоно чистой русской церковности, слиться с истоками народной жизни, основами бытия России – ясного понимания сущности русского пути, русского служения славянофильство в целом так и не достигло. По-разному понимали члены кружка природу и цель Самодержавия, по-разному оценивали современные события. Эта разноголосица мешала движению, а с кончиной его основоположников оно окончательно утеряло мировоззренческое единство, распавшись на несколько самостоятельных, весьма различных между собой течений, частично выродившись в чистый либерализм».

Тем не менее, все, что было создано славянофилами в 1840–50-е, до сих пор продолжает оставаться важным фактором русской национальной жизни и мысли, оплодотворяя все новые и новые ее течения. Именно славянофильская мысль дала миру учение о цивилизациях Н.Я. Данилевского¹.

¹ Подробнее об учении Н.Я. Данилевского см. в предисловии к этой книге.

Во 2-й пол. XIX в. в России появляется новый тип общественных деятелей-мыслителей, соединявших в себе непоколебимость в православной вере и твердую убежденность в национальные начала русского народа. Именно они стали самыми последовательными защитниками Святой Руси. Их общественная жизнь была непроста. Космополитическое дворянство и интеллигенция приклеивали им ярлыки реакционеров и черносотенцев, всячески преследовали и поносили их.

К числу наиболее известных представителей этого нового типа общественных деятелей следует отнести С.А. Нилуса, С.Ф. Шарапова, Л.А. Тихомирова, Г.В. Бутми, В.В. Розанова.

Особое место среди этих подвижников Святой Руси занимает С. А. Нилус, сыгравший большую роль в формировании православно-патриотического сознания русских людей. Следуя народной духовной традиции, Нилус доходчиво и убедительно предостерегал Русский народ о деяниях грядущего антихриста, на конкретных примерах показывал, что спасение Отечества возможно только на путях твердой беззаветной веры и покаяния в грехах. Наряду со святым Иоанном Кронштадтским С.А. Нилус в своих книгах «Близ есть, при дверех», «Великое в малом», «На берегу Божьей реки» наиболее зримо видел будущие испытания России и раскрывал перед всеми ее злейших врагов.

В 1901 ему была передана рукопись на французском языке, рабочие документы – не то тайной масонской ложи, не то съезда сионистов (Нилус сам не знал точно). Смысл и характер документов раскрывался в их содержании – до мелочей разработанная программа достижения мирового господства неким тайным правительством. В планы тайного правительства входили полный контроль над финансовыми центрами мира, создание послушных закулисе марионеточных «демократических» правительств, ликвидация всех национальных движений, кроме еврейского, манипуляция средствами массовой информации, развязывание мировых войн для разрушения национальных государств, подмена Христианской Церкви суррогатами веры и сатанинскими культами.

Обнародование этого документа, получившего впоследствии название «Протоколы сионских мудрецов», имело огромное значение для информации русских людей и всего православного мира об опасности, которая нависла над ним и Россией.

Впервые документ¹ был широко опубликован русским писателем П.А. Крушеваном в 1903 в петербургской газете «Знамя» (28 августа – 7 сентября) под названием «Программа завоевания мира евреями», а затем перепечатан русским ученым Г.В. Бутми в 1905.

Однако широкий общественный резонанс документы тайного правительства получили после публикации их в книге С.А. Нилуса «Великое в малом», вышедшей в декабре 1905 в Царском Селе при содействии фрейлины Императрицы Е.А. Озеровой (ставшей впоследствии женой писателя). Книгу эту прочитала царская семья, она хранилась в библиотеке Николая II, а отправляясь в тобольскую ссылку, Царь взял ее с собой. Издание С.А. Нилуса оказалось наиболее влиятельным и впечатляющим, так как было органично связано с русской православной традицией – ставило замыслы тайного правительства в прямую связь с «деющейся тайной беззакония» – с библейскими и церковными пророчествами о конце мира и истории и наступающем царстве антихриста. События XX в. явили собой наглядную и убедительную иллюстрацию исполнения программы тайного правительства, в свете чего не имеет никакого смысла вступать в полемику о степени подлинности этих документов².

С.А. Нилус внес огромный вклад в исследование роли и значения масонства в борьбе сил тьмы против Русской

¹ Незначительным тиражом для очень узкого круга документ этот размножался и ранее. Первые сто экземпляров были отпечатаны на гектографе Московской синодальной конторы Ф.П. Сухотинным уже в 1895-м или 1896 году. Годом позже его размножили в Московской губернской типографии по заказу А.И. Клеповского, состоявшего тогда чиновником особых поручений при великом князе Сергее Александровиче. Однако для широкой публики документ этот оставался неизвестен вплоть до 1903 года (Неизвестный Нилус. М., 1995. Т. 2. С. 347).

² Н и л у с С. На берегу Божьей реки. Ч. 2. Издание Свято-Троицкой Сергиевой лавры. 1992, с. 193.

Церкви. В книге «Близ есть, при дверех» он дает определение масонства с позиции православной веры:

«1) франкмасонство есть тайное общество христиан-отступников вместе с язычниками, негласно руководимое вождями еврейского народа и имеющее целью разрушение Церкви Христовой и монархической государственности, преимущественно же христианской;

2) франкмасонство есть анти-Церковь, или церковь сатаны, преддверие церкви грядущего антихриста;

3) франкмасонство есть «Вавилон», «блудница великая, сидящая на водах многих» (Откр. 12: 13);

4) франкмасонство есть «тайна беззакония» (2 Сол. 2: 7);

5) франкмасонство есть продолжение на земле начатого на небе бунта сатаны против Бога».

Одним из ярких выразителей русского патриотического движения к. XIX в. (понимавшим, подобно Нилусу, корни зловещего заговора против России) был С.Ф. Шарапов (1856–1911), замечательный русский мыслитель и публицист, издатель ряда печатных органов, и в частности «Русское дело» и «Русский труд», автор многочисленных книг и статей. Шарапов выступал за сохранение и развитие коренных начал Русского народа, и прежде всего общины, артели, местного самоуправления, отстаивая плодотворную идею приходского самоуправления, которое должно прийти на смену городским и земским учреждениям. Большое место в деятельности Шарапова занимали борьба с чужеродным засилием и противостояние откровенно антирусским силам.

Шарапов, без преувеличения, является классиком русской экономической мысли, еще до конца не понятым и не оцененным. Шарапов – автор монографии, в которой концентрируются важнейшие основы русской экономической мысли. Хотя сам автор скромно назвал ее «Бумажный рубль (его теория и практика)», по существу, это обобщающий труд, который правильнее назвать «Экономика в русском самодержавном государстве».

Шарапов постоянно подчеркивает самобытность русской хозяйственной системы, условия которой совершенно противоположны условиям европейской экономики. Наличие

общинных и артельных отношений придает русской экономике нравственный характер. Русские крестьяне являются коллективными землевладельцами. Им не грозит полное разорение, ибо земля не может быть отчуждена от них.

Отмечая нравственный характер русской общины, Шарапов связывает с ней развитие возможностей хозяйственного самоуправления, тесной связи между людьми на основе Православия и церковности. Главной единицей духовного и хозяйственного развития России, по мнению Шарарова, должен стать церковный приход, который может быть не только вероисповедной, но и административной, судебной, полицейской, финансовой, учебной и почтовой единицей, обладающей общественным имуществом, своими учреждениями и предприятиями.

Идеалом Шарарова была не зависимая от западных стран развитая экономика, регулируемая сильной самодержавной властью, имеющей традиционно нравственный характер. Даже покупательная стоимость рубля, по мнению Шарарова, должна оставаться на нравственном начале всенародного доверия к единой, сильной и свободной верховной власти, в руках которой находится управление денежным обращением.

Самодержавное государство должно играть в экономике ту роль, какую на Западе играют крупнейшие банки и биржи. Государство ограничивает возможности хищной, спекулятивной наживы, создает условия, при которых паразитический капитал, стремящийся к мировому господству, уже не сможет существовать.

Вместо шаткой и колеблющейся золотой валюты, связанной со всеми неурядицами мирового рынка, Шараров предлагает введение абсолютных денег, находящихся в распоряжении центрального государственного учреждения, регулирующего денежное обращение. Введение абсолютных денег ликвидирует господство биржи, спекуляцию, ростовщичество. Шараров не был противником частного предпринимательства, но считал, что оно должно носить не спекулятивный, а производительный характер, увеличивая народное богатство.

Близко к Шарарову стояли Г.В. Бутми и А. Фролов. Бутми один из первых в 1905 опубликовал «Сионские

протоколы» со своими комментариями и добавлениями (впоследствии эта публикация выдержала несколько изданий).

Как экономист активно выступал против финансовой политики С.Ю. Витте. В книге «Капиталы и долги» (1898) Бутми раскрывает сущность паразитического капитала, создавшего такой мировой хозяйственный порядок, который позволяет кучке банкиров управлять абсолютным большинством человечества. Бутми доказывает, что финансовые манипуляции с золотой валютой обогащают небольшую группу банкиров за счет остального человечества. Природные ресурсы страны переходят под власть международных банкиров, промышленность несет большие убытки. Экономические ресурсы страны автоматически перекачиваются в пользу западных владык, остановить которых может только твердая власть самодержавного государства.

А. Фролов – автор книги «Деньги земледельческой страны» (1898). Валютный курс рассматривал как отражение устойчивости экономического строя страны. Считал, что для России валютный курс определяется преимущественно ценами на хлеб, предлагал организацию государственных хлебных запасов, за счет которых могли бы поддерживаться устойчивые цены на хлеб в неурожайные годы. Предлагал создание внутренней кредитной валюты, независимой от зарубежных рынков.

Идеи Святой Руси возродили к жизни бывшего революционера-террориста Л.А. Тихомирова (1852–1923). Из государственного преступника он становится верным сыном православной церкви, выдающимся мыслителем и общественным деятелем русского народа. Порвав с преступниками, Тихомиров в 1888 обратился к Александру III с покаянным письмом, в котором подводил главный итог русской патриотической мысли к XIX в.: «Чрезвычайную пользу... я извлек из личного наблюдения республиканских порядков и практики политических партий. Нетрудно было видеть, что Самодержавие народа, о котором я когда-то мечтал, есть в действительности совершенная ложь и может служить лишь средством для тех, кто более искушен в одурачивании толпы. Я увидел, как невероятно трудно

восстановить или воссоздать государственную власть, однажды потрясенную и попавшую в руки честолюбцев. Развращающее влияние политиканства, разжигающего инстинкты, само бросалось в глаза. Все это осветило для меня мое прошлое, мой горький опыт и мои размышления и придало смелости подвергнуть строгому пересмотру пресловутые идеи французской революции. Одну за другой я их судил и осуждал. И понял, наконец, что развитие народов, как всего живущего, совершается лишь органически, на тех основах, на которых они исторически сложились и выросли, и что поэтому здоровое развитие может быть только мирным и национальным...

Таким путем я пришел к власти и благородству наших исторических судеб, совместивших духовную свободу с незыблемым авторитетом власти, поднятой выше всяческих алчных стремлений честолюбцев. Я понял, какое драгоценное сокровище для народа, какое незаменимое орудие его благосостояния и совершенствования составляет верховная власть с веками укрепленным авторитетом».

Царь разрешает Тихомирову вернуться в Россию, чтобы искупить свои грехи перед русским народом.

На родине Тихомиров становится ведущим сотрудником «Московских Ведомостей» и «Русского Обозрения». Важнейшие из статей он выпускает отдельными изданиями: «Начала и концы», «Духовенство и общество в современном религиозном движении», «Конституционалисты в эпоху 1881 года», «Демократия либеральная и социальная», «Единоличная власть, как принцип государственного строения», «Знамение времени. Носитель идеала», «Земля и фабрика» и т.п. В 1905 он выпускает свой основной труд – «Монархическая Государственность».

Анализируя исторические формы устройства России и многих зарубежных стран, Тихомиров делает вывод, что верховная власть в лице монарха даже в средних своих образцах действует более разумно и твердо, чем т.н. «демократия». «При очевидных преимуществах монархии немудрено, что она составляла до сих пор как бы естественную норму государственной жизни человечества. В истории чаще всего мы встречаем именно ее, и величайшие

эпохи национального творчества в большинстве случаев отмечаются именами монархов... Трудность возникновения и поддержания монархии зависит лишь от того, что она требует присутствия в нации живого и общеразделяемого нравственного идеала».

Тихомиров высоко оценивал значение русской общины и артели, видя в них главную возможность самобытного развития русских рабочих и крестьян. В отличие от предлагаемых либералами и леворадикалами планов объединения рабочих в тред-юнионы по западноевропейскому образцу Тихомиров выдвигает идею сплочения и развития рабочих путем создания рабочих общин. «Рабочие союзы, – писал он, – должны были бы явиться у нас не узкопрофессионально экономическим учреждением, но некоторой общиной, объединяющей фабрично-заводских рабочих во всех главных отраслях их нужд. Крестьянин, являясь в город из своей деревни, попадал как бы в ту же привычную ему общину, но только более развитую... Эта цель не включает в себе ничего революционного, она не требует какого-либо переворота в России, только, наоборот, требует достройки... Будущее рабочее сословие, естественно, должно состоять из рабочих общин. Цель рабочих союзов состоит в том, чтобы послужить постепенным переходом в рабочие общины». По мнению Тихомирова, рабочие общины должны находиться в постоянной связи с сельскими крестьянскими общинами для совместного устройства в деревне хороших приютов для «нуждающихся в воздухе, отдыхе и поправке». В сельские общины можно устраивать вдов и сирот городских рабочих и, наконец, направлять их самих на заслуженный отдых. «Такая связь городских рабочих с деревенскими братьями усилит независимость городских рабочих...»

В 1909–14 Тихомиров редактирует патриотическую газету «Московские Ведомости». Незадолго до гибели Столыпина, с которым он сблизился в последние годы, Тихомиров направил ему записку, где обращался с просьбой взять на себя инициативу государственной реформы, которая вернула бы царской власти свободу законодательного творчества, сделала бы Думу совещательным учреждением по образцу Земского Собора.

Перед Первой мировой войной Тихомиров отошел от общественной деятельности, поселился рядом с Троице-Сергиевой лаврой, а в 1918 признал «убийственную правду» «Сионских протоколов». Регулярно приходил к гробнице Сергия Радонежского с молитвой о спасении России.

Писатель В. В. Розанов (1856–1919) по своим воззрениям был близок к славянофилам, разделял с ними веру в начала соборности, общинности, совместного владения землей и склонности к артельной форме труда, видя в полном развитии этих начал обещание жизни «более высокой, гармоничной и примерной, нежели в какой томится Европа». Важнейшим вопросом общественной жизни считал семью, тесно связывая ее с темой пола. Именно через пол, полагал Розанов, человек связан со всей природой. Пол – нечто мистическое, глубинная тайна его не может быть познана. «Связь пола с Богом – большая, чем связь ума с Богом, даже чем связь совести с Богом». В ряде случаев Розанов позволяет себе неосновательную, довольно поверхностную критику христианства, превращая свою религиозную философию в апологию земных радостей обыденной жизни.

Особое внимание Розанов уделял еврейскому вопросу, считая его важнейшим вопросом всемирной истории. В своей книге «Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови» Розанов раскрывает тайны иудейских ритуалов, умертвляющих христианских детей. Исследовав убийство Андрея Ющинского, Розанов делает вывод, что мальчик стал «жертвой ритуала и еврейского фанатизма», имевшего для иудеев высший религиозный смысл. «Как мало мы знаем еврейство и евреев! – делает вывод из своего исследования Розанов. – Мы ведь совсем их не знаем. Как они умело скрывают под фиговым листом невинности силу громадную, мировую силу, с которой с каждым годом приходится все больше и больше считаться».

Имена всех выдающихся последователей Святой Руси 2-й пол. XIX – н. XX вв. здесь перечислить невозможно¹. Все они могли повторить вслед за Глинкой-Волжским:

¹ Отсылаю читателя к нашей книге «Святая Русь. Энциклопедия русской цивилизации». Т. 1–2. М., 2000.

«Вся русская история – история Святой Руси – только все еще тянущаяся и доселе страстная Седмица; путь грядущих судеб, чаемых, идет все дальше, но дальше – в глубь святых страстей, в тишину тайны Голгофы, – и суждено ей воскресение в последний день».

ГЛАВА 68. Пророчества русских святых. – Предостережение Иоанна Кронштадтского. – Грех русского народа. – Измена Божию призванию.

Повествуя о подвижниках Святой Руси, ставших на пути иудейско-масонской цивилизации, особо следует сказать о духовном подвиге русских святых – Иоанна Кронштадтского, Владимира, митрополита Киевского, и близкого к ним по духу и негибаемой вере архиепископа Никона Рождественского. Под их учительством Русская земля могла бы одолеть всех врагов. Святые предостерегали русский народ о грядущих событиях, молили их оставить мелкое и суетное и положить все силы на спасение Церкви и Отечества. Большая часть русского народа не вняла молитвам святых.

Святой Иоанн Кронштадтский еще в 1903 предостерегал русский народ: «Уже близко время, что разделится народ на партии, восстанет брат на брата, сын на отца, отец на сына и прольется много крови на Русской земле. Часть русского народа будет изгнана из пределов России; изгнанники вернутся в свои родные края, но не так скоро, своих мест не узнают и не будут знать, где их родные похоронены». Для наших современников наиболее прискорбно то, что богоборцы до неузнаваемости изменили не только русский пейзаж, но и сам остававшийся под их властью 74 года русский народ. О сем также имеется предсмертное пророчество о. Иоанна (1908): «Русский народ и другие населяющие Россию племена глубоко развращены, горнило искушений и бедствий для всех необходимо, и Господь, не хотящий никому погибнуть, всех пережигает в этом горниле» («Новые слова»).

Будучи изранен врагами Христовыми в 1905 и лежа на ложе болезни и смерти своей, о. Иоанн Кронштадтский составил и записал в своих последних книгах немало молитв о России, которые не мешает употреблять и современным православным христианам. Из слов Государя видно, что эти молитвы находились в непрерывном употреблении до самой его смерти:

1) Господи, спаси народ Русский, Церковь Православную, в России погибающую: всюду разврат, всюду неверие, богохульство, безначалие! Господи, спаси Самодержца и умудри его! Господи, все в Твоих руках, Ты—Вседержитель.

2) Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится Имя Твое в России! Да будет воля Твоя в России! Ты насади в ней веру истинную, животворную! Да будет она царствующей и господствующей в России, а не уравненной с иноверными исповеданиями и неверными. Да не будет сего уравниения с неравными, истинного исповедания не имеющими! Истина не может быть сравнена с ложью и правда веры с неправыми исповеданиями: «Истина Господня пребывает во век» (Пс. 116: 2).

3) Господи всемогущий, всеблагий, премудрый Царь царств земных. Устрой и утверди Русское Царство с Русскою Православною Церковью на Непокколебимом Камне, Каковой еси Ты, Иисусе Христе, Боже наш! Покори, Господи, все народы, составляющие Россию, Тебе—верховному и единственному Главе Церкви Своей. Да не поколеблют Державы Российской инородцы и иноверные и инославные! Сохрани целостность Державы и Церкви всемогущею Твоею Державою и правдою Твоею! Господи, умиротвори Россию ради Церкви Твоей, ради нищих людей Твоих, прекрати мятеж и революцию! Святое воинство Небесной Церкви, ополчись, ополчись за Церковь Божию, на земле сущую: бедствует Она, возлюбленная Невеста, нападения лютыя терпит. Ей, Господи, даруй восторжествовать всячески Церкви Твоей над всеми безчисленными Ея врагами. Аминь («Созерцательное подвижничество»).

Еще до опубликования пророчества прп. Серафима Саровского об убийстве Царской Семьи в 1890 св. Иоанн Кронштадтский предрек это событие. Когда к нему под

благословение подошли кунгурские паломники Пермской губ., он прорек им, что над Пермью висит черный крест. Совершенное через 28 лет злодеяние действительно имело место в их губернии.

Будучи уже смертельно больной, пред кончиной, о. Иоанн предрек в Леушинском женском монастыре (СПб): «Кайтесь, кайтесь, приближается ужасное время, столь ужасное, что вы и представить себе не можете!» Он не говорил, а кричал, подымая руки кверху. Впечатление было потрясающее, ужас овладел присутствующими, в храме раздавались плач и рыдания. 80-летняя игуменья Таисия спросила у святого, когда же это будет? О. Иоанн отвечал ей: «Мы с тобой, матушка, не доживем, а вот они – он указал рукой на монахинь – доживут»¹.

Обращаясь к русским людям, Иоанн Кронштадтский говорил: «Помните, что Отечество земное с его Церковью есть преддверие Отечества небесного, потому любите его горячо и будьте готовы душу свою за него положить... Господь вверил нам, русским, великий спасительный талант Православной веры... Восстань же, русский человек! Перестань безумствовать! Довольно! Довольно пить горькую, полную яда чашу – и вам, и России».

Святой Владимир Богоявленский, митрополит Киевский и Галицкий, занимал последовательно три важнейшие кафедры – Московскую, Петербургскую и Киевскую, за что был назван «всероссийским архипастырем». В тяжелые для России времена октября 1905 распорядился прочитать во всех московских церквах составленное им (при участии Никона Рождественского) слово «Что нам делать в эти тревожные наши дни?». В этом слове рассказал православным людям Москвы о преступных антихристианских замыслах составителей Сионских протоколов. «Главное гнездо их за границей, – сообщал пастве митрополит, – они мечтают весь мир поработить себе; в своих тайных секретных протоколах они называют нас, христиан, прямо скотами, которым Бог дал, говорят они, образ человеческий только для того, чтобы им, якобы избранникам, не противно было пользоваться нашими услугами. С сатанинской хитростью

¹ Православная жизнь, 1999, № 3, с. 2–3.

они ловят в свои сети людей легкомысленных, обещают им рай земной, но тщательно укрывают от них свои затаенные цели, свои преступные мечты. Обманув несчастного, они толкают его на самые ужасные преступления якобы ради общего блага и действительно обращают его в послушного раба. Они всячески стараются вытравить из души или, по крайней мере, извратить святое Учение Христово».

Слово митр. Владимира, зачитанное в московских церквях и содержавшее оценку Сионских протоколов, произвело сильнейшее впечатление на православных людей. Сам владыка выступил с этим словом в Успенском соборе Московского Кремля. Закончил он свою проповедь такими словами: «Братья возлюбленные! Чада Русской земли! В те дни, когда мы вспоминаем, как Матерь Божия по молитвам предков наших спасла землю Русскую в тяжелую годину междуцарствия, как освободила Она нашу первопрестольную Москву своею иконою Казанскою от нашествия поляков и литовцев, – сегодня прольем пред нею и Ее Божественным Сыном пламенные мольбы о спасении Родной Земли нашей от крамольников. Поплачем пред Нею о грехах наших. Помолимся Ей о несчастных братьях наших, смутой увлеченных на погибельный путь». Давая оценку Сионским протоколам, владыка прямо связывал чудовищные планы их составителей с революционными событиями в России, рассматривал возникшую смуту не с политических, а с религиозных позиций, призывал православных людей выполнить свой долг перед Богом и стать «на брань с антихристом».

В составлении слова святого Владимира Богоявленского участвовал архиепископ Никон Рождественский. «Главное гнездо врагов России, – указывал архиепископ Никуон, – за границей. Они мечтают весь мир поработить себе; в своих тайных секретных протоколах они называют нас, христиан, прямо скотами, которым Бог дал, говорят они, образ человеческий только для того, чтобы им, якобы избранным, не противно было пользоваться нашими услугами... С сатанинской хитростью они ловят в свои сети людей легкомысленных, обещают им рай земной, но тщательно укрывают от них свои затаенные цели, свои преступные мечты. Обманув несчастного, они толкают его

на самые ужасные преступления якобы ради общего блага и действительно обращают его в послушного раба».

Либеральные и революционные журналисты («прелюбодеи печатного слова») и интеллигенты, писал Никон, разрушают Россию. «Соблазн идет от интеллигенции», – справедливо считал владыка. Именно интеллигенция своими делами способствовала «крушению духовных основ нашего исторического бытия». Авторитет Никона Рождественского среди коренных русских людей был очень высок, его очень любили в простом народе. Зато либерально-масонская интеллигенция, иудеи и революционеры люто его ненавидели, подвергали клеветническому поношению, грозили физической расправой.

Революцию 1917 Никон расценил как «торжество сатаны». В послании к Всероссийскому церковному Собору (от 15 августа 1917) он писал, что если не спасет Россию «особенное чудо Божия Милосердия, то она в качестве великой державы должна сойти в могилу всеобщей истории, опозоренная клеймом измены Божию призванию».

ГЛАВА 69. Организации для защиты Святой Руси. – «Священная дружина». – «Русское собрание». – «Союз Русского Народа».

К к. XIX в. противостояние Святой Руси и враждебных ей сил, как в стране, так и за рубежом, достигло апогея. Государственные учреждения России, костяк которых в значительной степени составляли космополитизированные дворяне, чиновники и интеллигенция, не могут справиться с напором организованных сил иудейско-масонской цивилизации. Теракты, политический бандитизм, антирусская информационная война, которые развернули против русского народа революционные, либеральные и прочие иудейско-масонские организации, вынуждают последователей Святой Руси искать собственные формы и организации.

Первой такой организацией для защиты Святой Руси от преступных посягательств революционеров, масонов,

иудеев стала «Священная дружина». Она возникла летом 1881 после злодейского убийства царя Александра II. В ее состав входили придворные русского императорского двора. Руководил деятельностью Священной дружины граф П.П. Шувалов. Она имела двойную конспирацию – не только от революционных бандгрупп, но и от полиции. Основная деятельность «Священной дружины» проходила за границей, где скрывалась большая часть революционных бандитов. В Женеве издавались газеты «Вольное слово» и «Правда». Прекратила свою деятельность в к. 1882, когда все причастные к делу преступники были схвачены и наказаны.

Рост антирусского революционного движения в н. XX в. дает толчок к созданию патриотической организации «Русское собрание», поставившей своей целью «содействовать выяснению, укреплению в общественном сознании и проведению в жизнь исконных творческих начал и бытовых особенностей Русского народа».

В процессе деятельности «Русского собрания» кристаллизуются и приобретают завершенную форму основополагающие принципы русской патриотической мысли, давшие толчок развитию всего общественного движения и ставшие основой программы многих патриотических организаций.

Принципы эти были таковы:

– Православная Церковь должна сохранить в России господствующее положение. Ей должна принадлежать свобода самоуправления и жизни. Голос ее должен быть выслушиваем законодательной властью в важнейших государственных вопросах;

– в основании церковного и государственного строительства должно быть положено устройство прихода как правоспособной и дееспособной церковно-гражданской общины;

– Царское Самодержавие, будучи главным залогом исполнения Россией ее всемирно-исторического призвания, в то же время является залогом внешнего государственного могущества и внутреннего государственного единства России. Российское Самодержавие основывается на постоянном единении Царя с народом. Царь не тождественен

в глазах Русского народа с правительством, и последнее несет на себе ответственность за всякую политику, вредную Православию, Самодержавию и Русскому народу;

– верховным мерилom деятельности государственного управления под самодержавным Царем в единении его с народом должно быть народное благо, причем государство, открывая достаточный простор для местного самоуправления, должно блюсти, чтобы это самоуправление нигде не клонилось к ущербу русских народных интересов – религиозных, умственных, хозяйственных, правовых и политических;

– просвещение в России должно расти и крепнуть на тех же началах, на которых выросла русская государственность, а поэтому и государственная школа, не посягая на культурное самоопределение народностей России, должна быть русской школой;

– русский язык есть государственный язык, и все правительственные учреждения обязаны пользоваться государственным языком;

– вооруженные силы и оборона границ должны быть доведены до совершенства, соответствующего величию России, причем все необходимое для государственной обороны должно создаваться внутри страны ее средствами и трудом ее народа, а бремя содержания военных сил должно лечь равномерно на население всего государства;

– национальные вопросы в России разрешаются соответственно степени готовности отдельной народности служить России и Русскому народу в достижении общегосударственных задач. Управление окраинами должно ставить на первое место общегосударственные интересы и поддержку законных интересов русских людей. Все попытки к расчленению России под каким бы то ни было видом не должны быть допускаемы. Россия едина и неделима. Еврейский вопрос должен быть разрешен законами и мерами управления особо от других национальных вопросов ввиду продолжающейся стихийной враждебности еврейства к христианству и нееврейским национальностям и стремления евреев к всемирному господству;

– финансовая и экономическая политика должна быть направлена на освобождение зависимости России от инос-

транных бирж и рынков, и должна покровительствовать возникновению промышленных предприятий и содействовать производительному труду. Сельскохозяйственная политика предполагает благоустройство крестьянства путем улучшения культуры земледелия, развития кустарных промыслов и увеличения площади крестьянского землевладения. Особенное внимание должно быть обращено на подъем коренного русского центра.

Первоначальная численность «Русского собрания» составляла не более двухсот человек, однако уже к 1906 его ряды выросли до 4,5 тыс. человек. Кроме Москвы и Петербурга, отделения «Собрания» имелись в 15 городах (Пермь, Харьков, Одесса, Варшава, Вильно, Казань и др.). «Собрание» избирало Совет из 17 человек, в состав которого входили князь Д.П. Голицын (председатель), граф П.Н. Апраксин, князь В.В. Волконский, камергер И.С. Леонтьев (товарищ председателя), граф Н.Ф. Гейден, Н.А. Энгельгардт.

Ближайшими задачами общества стало изучение русской и славянской народной жизни, разработка вопросов русской словесности, художеств, народоведения, права и народного хозяйства, а также сохранение чистоты и правильности русской речи.

«Русское собрание» устраивало заседания, вечера, разные зрелищные мероприятия, выставки. Проводились конкурсы и присуждались награды, издавались книги и сборники, организовывались путешествия по России¹.

«Русское собрание» сыграло определенную роль в развитии русского самосознания, пропаганде идей Святой Руси. Однако оно было малочисленно и почти не имело влияния на массы простого русского народа. Усиление революционной активности требовало создания массовой патриотической монархической организации, способной объединить сотни тысяч, миллионы русских людей. Такой организацией стал «Союз Русского Народа». Его основателем был детский врач А.И. Дубровин (председатель Главного Совета). «Союз» объединил наиболее сознательную, национально мыслящую часть русского народа – горожан,

¹ ГАРФ, ф. 1467, д. 861, л. 181.

помещиков, интеллигенцию. В патриотической деятельности «Союза Русского Народа» принимали участие выдающиеся общественные и государственные деятели, ученые, писатели, люди искусства. Среди них сам царь Николай II, свв. Иоанн Кронштадтский и будущий патр. Тихон, архим. Антоний (Храповицкий), протоиер. Иоанн Восторгов, протоиер. Михаил Алабовский, архим. Почаевской лавры Виталий (Максименко), архим. М. Гневушев; государственные деятели (министры, члены Государственного Совета и Государственной Думы) – И.Г. Щегловитов, Н.А. Маклаков, А.А. Римский-Корсаков, кн. А.А. Ширинский-Шихматов, Н.П. Муратов, Е.К. Климович, кн. В.М. Волконский, А.С. Стишинский; ученые: академики Д.И. Менделеев и А.И. Соболевский, профессора Б.В. Никольский, А.В. Стороженко, А.С. Вязигин, Д.И. Иловайский, В.Ф. Залесский, С.В. Левашов, Ю.А. Кулаковский, И.П. Сазонович; С.Ф. Шарапов, И.Е. Забелин, Г.В. Бутми, А. Фролов, Г.Г. Замысловский, Л.А. Балицкий, А.С. Будилович; писатели и публицисты: С.А. Нилус, В.В. Розанов, Л.А. Тихомиров, М.О. Меньшиков, П.Ф. Булацель, К.Н. Пасхалов, П.А. Крушеван, Н.Д. Жевахов, Н.Д. Тальберг, И.И. Дудниченко, А.П. Липранди, А. Муратов, Н.Д. Облеухов, В.А. Балашов, Н.П. Тихменев, С.А. Кельцев, Д.Е. Куделенко, М.А. Орфенов («Рязанец»), С.К. Глинка-Янчевский; художники: В.М. Васнецов, М.В. Нестеров, П.Д. Корин. В Совет «Союза» входили Н.Е. Марков, А.И. Коновницын, Э.И. Коновницын, Е.Д. Голубев, А.И. Трищажный, В.М. Пуришкевич, Б.В. Никольский, И.О. Оборин, С.И. Трищажный, А.А. Майков, В.А. Андреев, С.Д. Чекалов, Е.А. Полубояринова. Членами «Союза» могли быть только природные русские вне зависимости от пола, возраста, сословий и состояния, но обязательно христиане – православные, единоверцы, старообрядцы. Вступление в члены «Союза» лиц некоренного русского происхождения и инородцев могло быть разрешено по единогласному постановлению членов руководящего «Союзом» Совета. Категорически запрещался прием в «Союз» евреев, даже в том случае, если они принимали христианство.

Верховной целью «Союза» было развитие национального русского самосознания и прочное объединение русских

людей всех сословий и состояний для общей работы на благо Отечества – России единой и неделимой. В программе «Союза» провозглашалось, что благо Родины – в незыблемом сохранении Православия, русского неограниченного Самодержавия и Народности. Русский народ, говорилось в программных документах «Союза», – народ православный, а потому Православной Христианской Церкви, которая, по мнению членов «Союза», должна быть восстановлена на началах соборности и состоять из православных, единоверцев и воссоединенных с ними на одинаковых началах старообрядцев, должно быть предоставлено первенствующее и господствующее в государстве положение. Самодержавие русское создано народным разумом, благословлено церковью и оправдано историей; самодержавие – в единении царя с народом.

В документах «Союза» специально подчеркивалось, что члены «Союза» не отождествляют царскую власть и современный бюрократический строй, который заслонил светлую личность русского царя от народа и присвоил себе часть прав, составляющих исконную принадлежность Русской самодержавной власти.

Именно этот бюрократический строй привел Россию к тяжелым бедствиям и потому подлежит коренному изменению.

При этом члены «Союза» стояли на той точке зрения, что изменения действующего строя должны совершаться не путем ограничения прав царской власти в форме каких бы то ни было конституционных или учредительных собраний, а посредством создания Государственной Думы как органа, осуществляющего связь между державной волей царя и национальным сознанием народа. Причем Государственная Дума не должна пытаться ограничить верховную царскую власть, а обязана правдивым осведомлением о действительных нуждах народа и государства помогать царю – верховному законодателю – осуществлять назревшие преобразования во благо русскому народу. Для этого Государственная Дума должна быть чисто совещательной и национально русской.

Важно подчеркнуть, что «Союз Русского Народа», говоря о Государственной Думе, вкладывал в нее значе-

ние чисто русской организации Земского Собора. Думу, которая существовала в 1906–07, «Союз Русского Народа» считал чужеродной и не признавал; свое присутствие в Государственной Думе, руководство которой осуществляли преимущественно масоны, русские патриоты рассматривали как работу в стане врага, считая необходимым упразднение этой чужеродной России организации и создание на ее месте представительного органа русского духа – Земского Собора.

В документах «Союза Русского Народа» проводится мысль о господствующем значении русского народа в строительстве, развитии и сохранении государства.

Русской народности (объединяющей великороссов, белорусов и малороссов), собирательнице земли Русской, создавшей великое и могущественное государство, принадлежит первенствующее значение в государственной жизни и в государственном строительстве. Все учреждения Российского государства объединяются в прочном стремлении к неуклонному поддержанию величия России и преимущественных прав русской народности, но на строгих началах законности, «дабы множество инородцев, живущих в нашем Отечестве, считали за честь и благо принадлежать к составу Российской империи и не тяготились бы своей зависимостью».

По земельному вопросу «Союз Русского Народа» стоял на позиции расширения крестьянского землевладения на началах неприкосновенности земельной собственности.

«Союз» предлагал целый ряд мероприятий для улучшения положения крестьян, в том числе:

1) уравнивание имущественных и семейных прав крестьянского и прочих сословий, не принимая при том никаких насильственных мер ни против общины, ни против иных местных бытовых особенностей устройства крестьян;

2) передача земли малоземельным крестьянам на выгодных для них условиях и по доступным ценам, в том числе путем покупки за счет государства у частных владельцев;

3) увеличение помощи переселенцам для переезда на новые места;

4) создание государственных зернохранилищ для покупки крестьянского хлеба и выдачи под него ссуд;

5) учреждение и развитие мелкого государственного сельского кредита для поддержки мелких землевладельцев;

б) создание условий для облегчения крестьянам приобретения скота и улучшения сельскохозяйственных орудий.

По рабочему вопросу «Союз Русского Народа» стремился всеми мерами способствовать облегчению труда и улучшению быта рабочих, сокращению рабочего дня, страхованию рабочих на случай смерти, увечий, болезни и старости. «Союз» настаивал на необходимости организации Русского государственного промышленного банка с целью облегчения образования рабочих и промышленных артелей и товариществ и снабжения их дешевыми продуктами.

Свою программу деятельности «Союз Русского Народа» имел в области народного хозяйства. Здесь он ставил своими задачами всеми мерами способствовать развитию русской торговли и промышленности, освобождению их от иностранной зависимости и засилья евреев и переводу в русские руки. В числе главных экономических мероприятий, предлагаемых «Союзом», в частности, значились:

– увеличение количества денежных знаков путем уничтожения золотой валюты и введения национального кредитного рубля;

– освобождение русских финансов из подчинения иностранным рынкам;

– организация русских капиталистов на борьбу с еврейским и иностранным капиталом, чтобы вызвать приток государственных капиталов на арену борьбы русских предпринимателей с еврейскими и иностранными;

– уничтожение частных земельных банков, служащих эксплуатации населения, и образование общегосударственного земельного банка;

– создание такой хозяйственной системы, при которой все без исключения государственные заказы исполнялись бы в России, а не за границей и чтобы на промышленные и мореходные предприятия, получающие государственную поддержку, не допускались бы иностранцы;

– упорядочение внешней торговли посредством учреждения русских арбитражных комитетов и посреднических контор.

«Союз Русского Народа» требовал введения бесплатного всеобщего народного образования, и прежде всего земледельческого и ремесленного. Школа в России должна быть национально русской и воспитывать юношество в духе православных христианских начал: любви к Царю, Отечеству и преданности долгу.

В части осуществления русского порядка «Союз» ставил себе задачу добиваться всеми возможными методами устранения служебного произвола, судебной волокиты и восстановления правосудия.

«Союз» настаивал на введении смертной казни за преступления против государства и человеческой жизни, а также за грабеж; недозволенное приготовление, хранение, перевозку, ношение и употребление взрывчатых веществ и снарядов революционерами; укрывательство террористов-боевиков; насильственное снятие с работ и закрытие промышленных и торговых заведений; порчу мостов, путей и машин с целью прекращения движения или остановки работы; вооруженное сопротивление властям и революционную пропаганду в войсках.

«Союз Русского Народа», признавая, что русский суд находится иногда под влиянием евреев и благодаря этому весы правосудия пристрастно наклоняются в их пользу, брал на себя обязательство отстаивать интересы русского правосудия и русского народа на суде.

«Союз» настаивал на том, чтобы в судебном ведомстве прекратились случаи покровительства революции. Поэтому члены «Союза» настаивали на устранении от должности тех чинов судебного ведомства, которые принимали участие в политических партиях, враждебных Православию, Самодержавию и Русской народности.

Особое значение «Союз Русского Народа» придавал решению так называемого еврейского вопроса.

«Евреи, – отмечалось в 1906 в одном из документов «Союза», – в течение многих лет, и особенно в последние два года, вполне высказали непримиримую ненависть к России и ко всему русскому, свое невероятное человеко-

навистничество, свою полную отчужденность от других народностей и свои особые иудейские воззрения, которые под ближним разумеют одного только еврея, а в отношении христиан допускают всякие беззакония и насилия, до убийств включительно.

Как известно и как заявляли неоднократно сами евреи в своих «манифестах» и прокламациях, переживаемая нами смута и вообще революционное движение в России – с ежедневными убийствами десятков верных долгу и присяге слуг Царя и Родины, – все это дело рук почти исключительно евреев и ведется на еврейские деньги.

Русский народ, сознавая все это и имея полную возможность, пользуясь своим правом хозяина земли Русской, мог бы в течение одного дня подавить преступные желания евреев и заставить их всех преклониться перед его волей, перед волей державного хозяина земли Русской, но, руководствуясь высшими задачами христианского вероучения и слишком сознавая свою силу для того, чтобы отвечать им насилием, избрал другой путь для решения еврейского вопроса, являющегося одинаково роковым вопросом для всех цивилизованных народов».

Чтобы решить еврейский вопрос мирным путем, «Союз Русского Народа» предлагает способствовать организации еврейского государства в Палестине и всячески помогать евреям переселиться в «свое государство».

Руководствуясь этим и веря в успешное осуществление данного проекта, идущего навстречу желанию самих евреев, «Союз Русского Народа» полагал, что поспешность осуществления этой задачи несомненно бы отразилась на нормальном выполнении евреями их гражданских обязанностей в странах, оказавших им гостеприимство, во вред народам, среди которых они живут. А потому «Союз Русского Народа» обязал своих представителей в Государственной Думе требовать, чтобы все проживающие в России евреи были немедленно признаны иностранцами, но без каких бы то ни было прав и привилегий, предоставляемых всем прочим иностранцам. Такая мера в связи с другими ограничительными мерами, несомненно, поддержала бы энергию евреев в деле скорейшего переселения в собственное государство и обзаведения собственным хозяйством.

«Союз Русского Народа» настаивает на введении целого ряда ограничений для евреев. С трибуны Государственной Думы члены «Союза» требуют следующего:

1. Чтобы евреи не могли быть допущены ни в армию, ни во флот, ни военнослужащими, ни по вольному найму, ни в интендантство. Чтобы евреи не могли быть военными врачами, фельдшерами и фармацевтами. (С другой стороны, справедливо и необходимо заменить для евреев отбывание воинской обязанности денежной; непрерывное же поступление этой денежной повинности возложить на еврейское население с круговой порукой).

2. Немедленного восстановления строгой черты еврейской оседлости в прежних пределах, с предоставлением подлежащим обществам, входящим в черту оседлости, права делать постановления о недопущении евреев в свои пределы, а равно и о выселении из них.

Отмены всех законов, расширяющих черту оседлости евреев, дабы были восстановлены законы, действовавшие по ограничению евреев до 1903 года.

Отмены привилегий для евреев по образованию, ремеслам, предоставляющих им право повсеместного жительства.

Воспрещения евреям проживать и пребывать в портовых городах.

3. Недопущения евреев во все учебные заведения, где обучаются дети христиан, и лишения их права основывать учебные заведения высшие и средние.

Воспрещения евреям быть преподавателями и начальниками (директорами, инспекторами и т.п.) в казенных, общественных и частных учебных заведениях.

Воспрещения евреям быть домашними и сельскими учителями (воспрещение это распространяется и на евреек).

4. Недопущения евреев на государственные и общественные службы.

Воспрещения евреям получать какие бы то ни было концессии и участвовать в каких бы то ни было общественных и казенных подрядах и поставках.

Воспрещения евреям быть судовладельцами и судоводителями и вообще службы в торговом флоте и на железных дорогах.

Воспрещения евреям принимать участие в выборах в общественные учреждения и самоуправление, а равно иметь в оных своих представителей по назначении административной власти.

5. Недопущения евреев под каким бы то ни было видом в Государственный Совет и Государственную Думу, ни к выборам в оные.

6. Воспрещения содержать аптеки и аптекарские магазины, быть провизорами, управлять и служить в оных.

Воспрещения евреям производить торговлю медикаментами и медицинскими продуктами.

7. У евреев, уличенных в участиях в революционных действиях, – конфискации всякого имущества, каковое поступает в казну.

8. Недопущения евреев ни в редакторы, ни в издатели периодических изданий.

Воспрещения евреям иметь книжные магазины, типографии, литографии.

9. Воспрещения евреям – иностранным подданным пребывать в России.

«Союз Русского Народа» предлагал еврейским организациям оказать даже материальную поддержку, чтобы ускорить процесс переселения евреев в Палестину. Представители «Союза» обращались к правительству с просьбой – войти в сношение с иностранными правительствами о всяческом содействии евреям в переселение.

Идеи «Союза Русского Народа» приобрели широкую популярность.

В короткий срок «Союз» превратился в самую большую партию в России с собственной газетой «Русское знамя» (выходила с ноября 1905). Делая упор на массовую просветительскую работу путем открытия школ, устройства чтения, собраний, бесед, распространения книг и брошюр, издания своих газет и журналов, «Союз» вместе с тем превратился в активную, наступательную политическую силу. Для борьбы с революционерами члены «Союза» объединяются в вооруженные дружины, участвуют в подготовке выборов в Государственную Думу и органы местного самоуправления. «Союз» участвует в строительстве церквей, открывает больницы и приюты, дома

трудолюбия, учреждает кассы взаимопомощи и промышленно-сберегательные товарищества для материальной поддержки своих членов.

К концу 1907 «Союз Русского Народа» насчитывал около 400 местных отделений, половина которых приходилась на сельскую местность. Число членов «Союза» доходило до 400 тыс. человек, но это был только патриотический актив. Общее число русских людей, связанных в деятельность «Союза Русского Народа», составляло не менее 2 млн. человек.

В 1908–10 «Союз Русского Народа» разделился на три самостоятельных патриотических организации: «Всероссийский дубровинский Союз Русского Народа», «Союз Михаила Архангела» (под руководством В.М. Пурришкевича) и «Союз Русского Народа» (под руководством Н.Е. Маркова).

**ГЛАВА 70. Царствование Николая II. –
Духовность государя. –
Благотворное влияние Победоносцева. –
Столыпин и его аграрная реформа. –
Миф о Распутине. –
Ритуальный характер убийства Царя.**

Царь-мученик Николай II принадлежит к числу величайших духовных личностей XX в., воплотивших в себе твердое христианское сознание и готовность отдать жизнь за православную веру. Воспитание и образование Николай II получил под личным руководством своего отца, на традиционной религиозной основе, в спартанских условиях. Преподавание предметов велось выдающимися русскими учеными К.П. Победоносцевым, Н.Н. Бекетовым, Н.Н. Обручевым, М.И. Драгомировым и др. Большое внимание было уделено военной подготовке будущего царя.

На престол Николай II взошел в 26 лет, раньше, чем ожидалось, в результате преждевременной смерти отца. Николай II сумел достаточно быстро оправиться от

первоначальной растерянности и стал проводить самостоятельную политику, чем вызвал недовольство части своего окружения, рассчитывавшей влиять на молодого царя. Основой государственной политики Николая II стало продолжение стремления его отца «придать России больше внутреннего единства путем утверждения русских элементов страны».

В своем первом обращении к народу Николай Александрович возвестил, что «отныне Он, проникшись заветами усопшего родителя своего, приемлет священный обет пред лицом Всевышнего всегда иметь единой целью мирное преуспеяние, могущество и славу дорогой России и устройство счастья всех Его верноподданных». В обращении к иностранным государствам Николай II заявлял, что «посвятит все свои заботы развитию внутреннего благосостояния России и ни в чем не уклонится от вполне миролюбивой, твердой и прямотушной политики, столь мощно содействовавшей всеобщему успокоению, причем Россия будет по-прежнему усматривать в уважении права и законного порядка наилучший залог безопасности государства».

Образцом правителя для Николая II был царь Алексей Михайлович, бережно хранивший традиции старины.

Однако время, в которое выпало царствовать Николаю II, сильно отличалось от эпохи первых Романовых. Если тогда народные основы и традиции служили объединяющим знаменем общества, которое почитали и простой народ, и правящий слой, то к н. XX в. российские основы и традиции становятся объектом отрицания со стороны образованного общества. Значительная часть правящего слоя и интеллигенции отвергает путь следования российским основам, традициям и идеалам, многие из которых они считают отжившими и невежественными. Не признается право России на собственный путь. Делаются попытки навязать ей чужую модель развития – либо западноевропейского либерализма, либо западноевропейского марксизма.

Трагедия жизни Николая II состояла в неразрешимом противоречии между его глубочайшим убеждением хранить основы и традиции России и нигилистическими попытками значительной части образованных слоев страны разрушить их. И речь шла не только о сохранении

традиционных форм управления страной, а о спасении русской национальной культуры, которая, как он чувствовал, была в смертельной опасности. События последних восьмидесяти лет показали, насколько был прав российский Император. Всю свою жизнь Николай II чувствовал на себе психологическое давление этих объединившихся враждебных российской культуре сил. Как видно из его дневников и переписки, все это причиняло ему страшные моральные страдания. Твердая убежденность хранить основы и традиции России в сочетании с чувством глубокой ответственности за ее судьбу делала императора Николая II подвижником идеи, за которую он отдал свою жизнь.

«Вера в Бога и в свой долг Царского служения, – пишет историк С.С. Ольденбург, – были основой всех взглядов императора Николая II. Он считал, что ответственность за судьбы России лежит на нем, что он отвечает за них перед Престолом Всевышнего. Другие могут советовать, другие могут Ему мешать, но ответ за Россию перед Богом лежит на нем. Из этого вытекало и отношение к ограничению власти – которое Он считал переложением ответственности на других, не призванных, и к отдельным министрам, претендовавшим, по Его мнению, на слишком большое влияние в государстве. «Они напортят – а отвечать мне».

Воспитатель наследника Престола Жильяр отмечал сдержанность и самообладание Николая Александровича, его умение управлять своими чувствами. Даже по отношению к неприятным для него людям император старался держать себя как можно корректней. Однажды министр иностранных дел С.Д. Сазонов высказал свое удивление по поводу спокойной реакции императора в отношении малоприятельного в нравственном отношении человека, отсутствия всякого личного раздражения к нему. И вот что сказал ему император: «Эту струну личного раздражения мне удалось уже давно заставить в себе совершенно замолкнуть. Раздражительностью ничему не поможешь, да к тому же от меня резкое слово звучало бы обиднее, чем от кого-нибудь другого».

«Что бы ни происходило в душе Государя, – вспоминает С.Д. Сазонов, – он никогда не менялся в своих отношениях к окружающим его лицам. Мне пришлось видеть его близко

в минуту страшной тревоги за жизнь единственного сына, на котором сосредоточивалась вся его нежность, и, кроме некоторой молчаливости и еще большей сдержанности, в нем ничем не сказывались пережитые им страдания».

«Во внешности Николая II, – писала жена английского посла Бьюкенена, – было истинное благородство и обаяние, которое, по всей вероятности, скорей таилось в его серьезных, голубых глазах, чем в живости и веселости характера».

Характеризуя личность Николая II, немецкий дипломат граф Рекс считал царя человеком духовно одаренным, благородного образа мыслей, осмотрительным и тактичным. «Его манеры, – писал дипломат, – настолько скромны и он так мало проявляет внешней решимости, что легко прийти к выводу об отсутствии у него сильной воли; но люди, его окружающие, заверяют, что у него весьма определенная воля, которую он умеет проводить в жизнь самым спокойным образом». Упорную и неумолимую волю в осуществлении своих планов отмечает большинство знавших царя людей. До тех пор, пока план не был осуществлен, царь постоянно возвращался к нему, добиваясь своего. Уже упомянутый историк Ольденбург замечает, что у «государя, поверх железной руки, была бархатная перчатка. Воля его была подобна не громовому удару. Она проявлялась не взрывами и не бурными столкновениями; она скорее напоминала неуклонный бег ручья с горной высоты к равнине океана. Он огибает препятствия, отклоняется в сторону, но в конце концов с неизменным постоянством близится к своей цели».

Долгое время было принято считать, что царь подчинял свою волю царице, поскольку она обладала более твердым характером, духовно руководила им. Это неправильный и очень поверхностный взгляд на их взаимоотношения. Можно привести множество примеров, в их письмах они встречаются часто, как государь неуклонно проводил свою волю, если чувствовал правильность своего решения. Но его можно было убедить отменить свое решение, если он обнаруживал свою ошибку и справедливость утверждений царицы. Государыня не давила на супруга, а действовала убеждением. И если она чем-то и влияла на него, то доб-

ротой и любовью. Царь был очень отзывчив на эти чувства, так как среди многих родственников и придворных он чаще всего ощущал фальшь и обман. Читая царские письма, убеждаемся, с какой настойчивостью Николай II проводил свои планы и отвергал предложения любимой им жены, если считал их ошибочными.

Кроме твердой воли и блестящего образования Николай обладал всеми природными качествами, необходимыми для государственной деятельности, прежде всего, огромной трудоспособностью. В случае необходимости он мог работать с утра до поздней ночи, изучая многочисленные документы и материалы, поступавшие на его имя. (Кстати говоря, он охотно занимался и физическим трудом – пилил дрова, убирал снег и т.п.) Обладая живым умом и широким кругозором, царь быстро схватывал существо рассматриваемых вопросов. Царь имел исключительную память на лица и события. Он помнил в лицо большую часть людей, с которыми ему приходилось сталкиваться, а таких людей были тысячи.

Император Николай II, отмечал Ольденбург, да и многие другие историки и государственные деятели России, обладал совершенно исключительным личным обаянием. Он не любил торжеств, громких речей, этикет ему был в тягость. Ему было не по душе все показное, искусственное, всякая широковещательная реклама. В тесном кругу, в разговоре с глазу на глаз, он умел обворожить собеседников, будь то высшие сановники или рабочие посещаемой им мастерской. Его большие серые лучистые глаза дополняли речь, глядели прямо в душу. Эти природные данные еще более подчеркивались тщательным воспитанием. «Я в своей жизни не встречал человека более воспитанного, нежели ныне царствующий император Николай II», – писал граф Витте уже в ту пору, когда он, по существу, являлся личным врагом императора.

Наиболее значительным министром на первом этапе царствования Николая II был К.П. Победоносцев (1827–1907). Бескомпромиссный последователь Святой Руси, Победоносцев в течение четверти века с 1880 по 1905 возглавлял Святейший Синод, оказывая благотворное влияние на личность молодого Николая II. За эти годы он

значительно усилил позиции Русской церкви, способствовал возведению тысяч церквей, улучшению положения сельских священников и монашествующих, развитию церковного образования и особенно церковно-приходских школ. Большие заслуги принадлежат ему в борьбе с раскольниками и сектантами.

Как правовед Победоносцев отстаивал нерушимость царской власти, выступал против любых попыток ее ограничения. Его перу принадлежит манифест 1881 об укреплении самодержавия. Победоносцев выступал за государственную поддержку всех сословий Русского государства. Он считал необходимым защитить простой народ от западных верхов, сохранить крестьянину общину, народные традиции и обычаи.

Как христианский мыслитель Победоносцев полагал, что философия и наука имеют статус вероятностных предположений, не могущих содержать в себе абсолютного, безусловного и цельного знания. Лишь православная вера, которую русский народ «чувствует душой», способна давать целостную истину. С позиции Православия Победоносцев убедительно критиковал иудейско-масонскую идеологию, материализм и позитивизм. Он последовательно отстаивал идеал монархического государственного устройства, называя современную ему западную демократию «великой ложью нашего времени».

После того как Николай II в октябре 1905 подписал Манифест о «даровании свобод» и созыве законодательной Думы, ограничивающей самодержавную власть Царя, Победоносцев категорически высказался против порядков «России не свойственных» и сразу же подал в отставку.

Второй период царствования Николая II ознаменован деятельностью Столыпина (1862–1911). Это был выдающийся русский государственный деятель с сильной державной волей, превыше всех своих интересов ставивший интересы России. Однако в силу воспитания и образования многие жизненные воззрения Столыпина имели западный оттенок, и поэтому его политические взгляды не всегда отражали интересы России. Столыпин родился в Дрездене. Детство и раннюю юность провел в основном в Литве, на лето выезжая в Швейцарию. Учился в Виленской гимназии.

Окончил Петербургский университет. Служил в западных губерниях вплоть до сорока лет, то есть большую часть жизни прожил вне центральной исторической России и, когда в 1903 стал саратовским губернатором, чувствовал себя там как бы иностранцем. В самом деле, в коренной России Столыпин был не чаще, чем в Германии, которую считал «идеалом для многих культурных стран».

Большие организаторские способности и решительность Столыпина проявились во время революции 1905. Твердо и энергично он подавил все бандитские выступления революционеров и навел порядок в своей губернии. 26 апреля 1906 царь назначает Столыпина министром внутренних дел, а менее чем через три месяца Председателем Совета Министров, сохранив за ним и прежний пост. Всю свою государственную политику Столыпин предлагал строить на аграрной реформе, на умиротворении крестьянства и улучшении его жизни. Аграрная реформа, получившая впоследствии название столыпинской, основывалась на разрушении одного из главных устоев русской жизни – крестьянской общины.

9 ноября 1906 вышел Указ, согласно которому каждый домохозяин, владеющий надельной землей в общине, имел право требовать укрепления в его личную собственность причитающейся ему части земли. Выделенная земля становилась не временным семейным владением, как прежде, а личной собственностью домохозяина, который мог распорядиться ею по собственному усмотрению. Однако продавать землю крестьянин мог только лицам, приписанным к общине, закладывать только в Крестьянском банке, а завещать по обычному праву ближайшим наследникам.

Столыпинская реформа подготавливалась плохо, в спешке, сам ее творец сельского хозяйства почти не знал, таким же было большинство людей, проводивших новую аграрную политику. Так, главным теоретиком нового столыпинского землеустройства стал датчанин А.А. Кофорд, приехавший в Россию в возрасте 22 лет и не знавший русского языка. Ближайшим сподвижником Столыпина в аграрной реформе считался А.В. Кривошеин, юрист по образованию, до своего назначения практически не владевший спецификой русского сельского хозяйства.

Разрушение общины велось как государственная кампания без соответствующей подготовки и напоминало большевистскую коллективизацию. Появился даже лозунг: «Уничтожьте общину!» Демонтаж тысячелетнего института осуществлялся как политическое мероприятие.

Несмотря на государственный натиск, общее число крестьянских хозяйств, вышедших из общины за 1907–15, составило немногим более 2 млн., или 16% всех хозяйств. Часть из этих крестьян (в беспредельных общинах) объявлена собственниками по закону 1910. Однако только 13% потребовало документов на закрепление за собой участков, а подавляющее большинство осталось в общине. Крестьяне северных русских губерний реформы не приняли совсем.

В центральных русских губерниях доля крестьян, вышедших из общины, составляла не более 2–5 %. Более высокие показатели наблюдались в Нижнем Поволжье, Новороссии и местностях, граничивших с Прибалтикой, то есть в тех регионах, где общинные отношения исторически были слабы.

Самые высокие показатели выхода из общины наблюдались в годы правления Столыпина, а после его гибели снизились чуть ли не в двадцать раз, еще раз подтверждая, что разрушение общины носило характер политической кампании и почти сошло на нет с уходом ее руководителя. Столыпинская реформа не улучшила положение крестьян и вместе с тем выработала в них еще более осторожное и недоверчивое отношение к правительству, посягнувшему на их вековые устои.

Главная заслуга Столыпина состояла не в аграрной реформе (здесь итог его деятельности был отрицательным), а в энергичных действиях для подавления революционеров, в укреплении государственного аппарата, выдвижении на передний план государственной работы коренных национальных интересов. За короткий срок он сумел наладить эффективную систему борьбы с террористическими бандами. К 1908 более 90% террористов либо были ликвидированы, либо бежали за границу. Введенные по его инициативе военно-полевые суды стали мощным орудием возмездия для всех антирусских сил, посягавших

на сотрудников русского государственного аппарата. Так же решительно он ввел в положенные рамки деятельность думской оппозиции, умерив пыл ее неконструктивной критики, давая понять, что ее злопыхательные и клеветнические нападки не останутся безнаказанными.

Ядром государственных мероприятий Столыпина стала твердая национальная политика, ориентированная на придание справедливых преимуществ коренному русскому населению как хозяину Русской земли. Одновременно Столыпин содействует консолидации всех активных государственных сил в России, имея в виду создание мощной национальной русской партии, способной противостоять натиску всех противников русского порядка.

Первым шагом после наведения государственного порядка в исторических русских губерниях становится государственная реформа в Финляндии. После событий 1905 установлено, что эта часть России во время антирусской революции готовилась путем вооруженного восстания добиться полного отделения от нее. Русская разведка представила неопровержимые доказательства сотрудничества финских революционеров с иностранными, прежде всего японской, спецслужбами и получения от них денег для борьбы с русским правительством. Столыпин справедливо поставил вопрос о правомерности существовавшей в Финляндии конституции, позволявшей ей вести враждебную для России политику и иметь на своей территории центры антирусских революционных партий и террористических формирований.

Согласно новому закону из сферы финляндского законодательства были исключены вопросы налогообложения, воинской повинности, защиты прав русских подданных, проживающих в Финляндии, суд, охрана государственного порядка, уголовное законодательство и некоторые другие статьи, свободное распоряжение которыми финляндскими властями наносило ущерб российскому Самодержавию. Закон утвердил единство и целостность России, сделав Финляндию равноправной частью исторической Русской Державы.

Другой закон, принятый по инициативе Столыпина, ограничил возможности немецкой колонизации западных

губерний. Он позволил остановить скупку помещичьих земель немцами-колонистами.

Высшим государственным актом для укрепления позиции Русского государства был закон о земствах в западных губерниях – Витебской, Минской, Могилевской, Киевской, Волынской, Подольской. Русское население этих губерний, несколько веков находившихся под польской оккупацией, подвергалось дискриминации со стороны местных польских землевладельцев, которые владели большей частью земли, составляя лишь несколько процентов населения. Если бы земства в этих губерниях вводились по общероссийскому закону, то большая часть мест в них досталась бы полякам, и представлять за русских людей стали бы люди другой национальности. Чтобы этого не произошло, по инициативе Столыпина в общероссийский закон о земствах применительно к западным губерниям вносятся поправки. Чтобы лишить крупных польских землевладельцев преимуществ перед русскими людьми, избирательный ценз снижен вдвое против общерусского. Все избиратели были распределены по двум куриям – русской и польской, причем русская избирала большее число гласных. Кроме того, русским давались преимущества в управах и в составе земских служащих. Закон позволял постепенно покончить с колонизацией этого края поляками и вернуть исконно русские земли в руки русского народа. Закон этот, поддержанный Царем, вызвал бурю ненависти к Столыпину со стороны антирусских сил, которые начали бешеную кампанию против него, втянув в нее даже некоторых патриотов. Либерально-масонское подполье провело сложную интригу, конечной целью которой было свалить Столыпина. В результате 1 марта 1911 Государственный Совет отклонил предложенный Столыпиным и уже одобренный Государственной Думой закон о введении земских учреждений в Западном крае. Тогда Столыпин решился на рискованный шаг. Испросив повеления Царя на временный роспуск законодательных палат, Столыпин, используя 87 статью Основных законов, подписал законопроект у Царя, минуя Государственный Совет. Разразился скандал. Хотя формально Столыпин мог так поступить, законодательные палаты сочли незаконным использование статьи

87. Государственный Совет счел себя оскорбленным, а масон А.И. Гучков, якобы в знак протеста, сложил с себя полномочия председателя Государственной Думы. Скандал был раздут искусственно, но его организаторы достигли главного – они поколебали положение Столыпина и вызвали недовольство к нему со стороны Царя.

Важным государственным делом Столыпина стал подготовленный еще при нем, но заверченный уже после его смерти законопроект о создании Холмской губернии. Это был важнейший государственный акт восстановления исторической справедливости. Согласно ему, из восточных уездов двух польских губерний – Люблинской и Седлецкой, населенных преимущественно русскими крестьянами, – создавалась особая губерния, которая превращалась во внутреннюю русскую губернию. Большую роль в продвижении этого законопроекта, утвержденного Царем летом 1912, сыграл глава всего думского духовенства епископ Люблинский и Холмский Евлогий.

Столыпин решительно осуждал «партийное политиканство» октябристов, направленное на захват Думой прав Верховной власти Царя. Многократно убедившись в двуличности и ненадежности Гучкова и других лидеров партии октябристов, он исподволь подготавливает создание в Думе настоящей правящей партии, на которую мог бы опереться в своей политике. В 1909 значительная часть октябристов, разочаровавшись в своем лидере Гучкове, пришла к Столыпину, чтобы договориться с ним об «организации центра из правых октябристов и умеренно-правых». В апреле 1909 состоялось учредительное собрание новой патриотической партии – «умеренно-правых», на котором был избран комитет во главе с П.Н. Балашовым. В 1910 произошло создание партии русских националистов, лидером которой и стал Балашов. Таким образом, при содействии Столыпина рядом с ненадежным для правительства октябристским центром стал действовать консолидированный патриотический центр партии русских националистов – прообраз будущей правящей партии. Стремление Столыпина опереться на русское патриотическое движение становится главным элементом его политики. Незадолго перед смертью он выдвигает идею «национализации капитала», предполагая

создать особый государственный фонд, который будет предоставлять кредиты русским людям. Зная, какие гигантские средства выделяют на развитие своей печати антирусские силы, Столыпин по мере возможности стремится помочь патриотической печати.

Столыпиним были подготовлены также проекты реформы организации правопорядка в России. В частности, планировалось повысить численность полицейских в стране до норм, принятых в мировой практике. Однако силы разрушения всячески препятствовали прохождению этого проекта в законодательном органе страны.

В последний год жизни Столыпин по поручению царя лично следит за подготовкой специального доклада о деятельности российских масонских организаций и их связях с международным иудейским и масонским центрами. На осень 1911 планировалось специальное совещание по масонскому вопросу. Однако 1 сентября 1911 в Киеве Столыпин был тяжело ранен иудеем Д.Г. Богровым и скончался в больнице.

Истинную подоплеку событий, развивавшихся в царствование Николая II, невозможно понять без оценки личности Г.Е. Распутина (1869–1916). Крестьянин по происхождению, Распутин был убежденным последователем Святой Руси. Много лет, не бросая занятий крестьянским трудом, он странствовал по православным монастырям и святым местам, неизменно возвращаясь домой на посевную и уборку урожая. Во время одного из странствий в 1906 познакомился с Царской семьей и стал для нее близким человеком. Сближение Николая II и царицы с Распутиным носило глубоко духовный характер, в нем они видели старца, продолжающего традиции Святой Руси, умудренного духовным опытом, способного дать добрый совет. И вместе с тем они видели в нем настоящего русского крестьянина – представителя самого многочисленного сословия России, с развитым чувством здравого смысла, народного понимания полезности, своей крестьянской интуицией твердо знавшего, что хорошо, а что плохо, где свои, а где чужие.

«Я люблю народ, крестьян. Вот Распутин, действительно, из народа», – говорила царица, а царь считал, что

Григорий – «хороший, простой, религиозный русский человек. В минуты сомнения и душевной тревоги я люблю с ним беседовать, и после такой беседы мне всегда на душе делается легко и спокойно». Эту мысль он неоднократно повторяет в переписке и беседах.

Царь с царицей уважительно называли Распутина «наш Друг» или «Григорий», а Распутин их – «Папой и Мамой», вкладывая в это понятие «отец и мать народа». Беседовали друг с другом только на «ты».

В жизни Царской семьи, по мнению Вырубовой, Распутин играл такую же роль, как св. Иоанн Кронштадтский. «Они так же верили ему, как о. Иоанну Кронштадтскому, страшно ему верили и, когда у них горе было, когда, например, наследник был болен, обращались к нему с просьбой помолиться».

До последней минуты царская чета верила в молитвы Григория Распутина. Из Тобольска они писали Анне Вырубовой, что Россия страдает за его убийство. Никто не мог поколебать их доверие, хотя им приносили враждебные газетные статьи и все старались им доказать, что он дурной человек. Не следует думать, что царь и царица были наивными людьми. По обязанности своего положения они неоднократно устраивали негласные проверки достоверности полученной информации и каждый раз убеждались, что это клевета.

Более того, царская семья знала, с каким глубоким уважением к Распутину относились многие почтенные люди.

Известный исследователь русских религиозных движений В.Д. Бонч-Бруевич считал Григория Распутина одной из самых ярких личностей своей эпохи. Передавая свои впечатления от встреч с Распутиным, ученый, в частности, рассказывал: «Много мне приходилось видеть восторженных людей из народной среды, – ищущих чего-то, мечущихся, «взыскующих града», куда-то стремящихся, что-то строящих и разрушающих, но Г.Е. Распутин какой-то другой, на них непохожий. Не имея никакой политической точки зрения, он что-то стремится сделать. Для кого?..

– Для народушка жить нужно, о нем помыслить... – любит говорить он».

Св. Иоанн Кронштадтский верил в Григория Распутина, считая его выдающимся странником и молитвенником, т.е. человеком, чья молитва Богу всегда угодна.

Множество людей приходило к Распутину с просьбой помолиться за их дела, присылали телеграммы и письма. В архивах сохранилось немало телеграмм, содержащих эту просьбу. Но больше всего ценился прямой контакт с ним. Непредвзятые источники свидетельствуют, что в личной встрече он просто очаровывал людей своей особой уверенностью, умением поставить себя, доброжелательностью и просто добротой. Многие старики из его родного с. Покровского в Тюменской обл. говорили, что главное в нем – доброта: «Он был добрый и хороший человек, зло о людях не говорил». Это подтверждают показания министра внутренних дел Протопопова: «...зло не говорил про людей, это мне нравилось...», а также впечатления других людей, встречавшихся с ним.

Граф С.Ю. Витте сказал о Распутине: «Поистине, нет ничего более талантливое, чем талантливый русский мужик, какой это своеобразный, какой самобытный тип! Распутин абсолютно честный и добрый человек, всегда желающий творить добро...»

Примерно с 1910 против Распутина в печати начинается организованная кампания клеветы. Его обвиняют в конокрадстве, принадлежности к секте хлыстов, распутстве, пьянстве. Несмотря на то что ни одно из этих обвинений при расследовании не подтвердилось, клевета в печати не прекращалась. Опубликованные в наше время документы свидетельствуют, что кампания клеветы против Распутина была организована масонами с целью дискредитации царя.

Все нападки, клевета, ложь, которые обрушились на Распутина, на самом деле предназначались не ему, а царю, символизирующему собой Родину и Русское государство. Нащупав самое тонкое, самое нежное, самое интимное место в жизни царской семьи, враги царя и России стали с методической старательностью и изощренностью бить по нему, как в свое время они били по Иоанну Кронштадтскому, находившемуся в дружеских отношениях с Александром III.

«Зачем это понадобилось? – спрашивали «Московские ведомости» и отвечали: – Он нужен был лишь для того, чтобы скомпрометировать, обесславить, замарать наше время и нашу жизнь. Его именем хотели заклеить Россию...» Как справедливо отмечал царский врач Е.С. Боткин: «Если бы не было Распутина, противники царской семьи и подготовители революции создали бы его своими разговорами из Вырубовой, не будь Вырубовой – из меня, из кого хочешь».

Убийство Распутина было организовано масонами во главе с одним из их вождей В.А. Маклаковым с целью деморализовать царя и царицу. Перед самой революцией в декабре 1916 старец был предательски завлечен в дом масона Ф. Юсупова и зверски убит. После захвата власти масонским временным правительством тело Распутина подверглось ритуальному осквернению, а затем по приказу А.Ф. Керенского сожжено.

Царствование Николая II – самый динамичный период в росте численности русского народа за всю его историю. Менее чем за четверть века население России увеличилось на 62 млн. человек. Быстрыми темпами росла экономика. За 1885–1913 промышленная продукция выросла в пять раз, превысив темпы промышленного роста наиболее развитых стран мира. Была построена Великая Сибирская дорога, кроме того, ежегодно строилось 2 тыс. км железных дорог. Народный доход России, по самым преуменьшенным расчетам, вырос с 8 млрд. руб. в 1894 до 22–24 млрд. в 1914, т.е. почти в три раза. Среднедушевой доход русских людей удвоился. Особенно высокими темпами росли доходы рабочих в промышленности. За четверть века они выросли не менее чем в три раза. Общие расходы на долю народного образования и культуры выросли в 8 раз, более чем в два раза опережая затраты на образование во Франции и в полтора раза – в Англии.

Личность Николая II играла огромную роль в церковной жизни России, гораздо большую, чем роль его царственных предшественников. Глубокая вера царя, его постоянные паломничества к православным святыням сближали его с коренным русским народом. В царствование Николая II было прославлено больше святых, чем за

весь XIX в. И, прежде всего, канонизирован св. Серафим Саровский. Были построены тысячи новых церквей. Число монастырей увеличилось с 774 в начале царствования до 1005 в 1912.

Время Николая II – это не только период национального подъема, но и время энергичной организации антирусских сил, проникновения их во многие жизненно важные центры России. Воспользовавшись навязанной России войной и трудностями, связанными с нею, внутренние враги России совершили государственный переворот. Царь был принужден отречься от престола и попал в заточение, содержащийся сначала в Царском Селе, затем в Тобольске и Екатеринбурге, где был вместе с семьей злодейски убит еврейскими большевиками.

Как видно из материалов следствия, проведенного по указанию А.В. Колчака следователем Н.А. Соколовым, убийство последнего русского царя носило ритуальный характер и имело для его организаторов мистический смысл как особое действие в акте разрушения Русского Православного государства¹.

¹ Подробнее об этом в моей книге "Заговор цареубийц". 2-е изд. М., 2005.

НА ПУТЯХ ВОЗВРАЩЕНИЯ К СЯТОЙ РУСИ

ГЛАВА 71. Революция против русской цивилизации. – Геноцид русского народа. – Осквернение святынь. – Бог не попустил гибели Святой Руси. – Явление чудотворной иконы Божией Матери «Державная».

К 1917 был нарушен баланс сил между национальной Россией и антирусскими силами, составляющими значительную часть образованного и правящего слоя страны. Под влиянием войны, при активной подрывной деятельности левых партий, немцев и масонских лож произошел трагический прорыв в плотине национальной России.

Так называемая революция 1917 имела скорее не социальный, а национальный антирусский характер. Она была направлена против Святой Руси, русской цивилизации. В этой революции хорошо организованные антирусские силы, умело используя социальные противоречия, дали бой национальной России подрывным, предательским путем, предварительно уничтожив (развалив изнутри) ее главные центры.

Антирусская революция 1917 имела два этапа – либерально-масонский и еврейско-большевистский¹. Причем на первом этапе были созданы окончательные условия для развития второго. Погром национальной России был начат масонским правительством Львова – Керенского. В течение нескольких месяцев этим правительством было сделано все по разрушению русской армии и государственного аппарата, расчищен путь для большевистского погрома.

² Название этапов дано мной в соответствии с составом руководящих органов этой революции. На первом этапе руководящие органы формировались преимущественно из масонов, к масонским ложам принадлежало все временное правительство и почти все губернские комиссариаты; на втором этапе подавляющее число большевистских руководителей в центре и на местах были евреями. Подробнее об этом в моей книге "Тайная история масонства". т. 1–3 М., 2005.

Еврейским большевикам благоприятствовало напряжение в обществе, главная суть которого состояла в недоверии большей части народа к правящему слою и интеллигенции ибо для народа они были чужаками, людьми другой культуры, несправедливыми и лукавыми. В глазах народа абсолютен был только авторитет царя и царской власти, остальная же часть правящей системы доверием не пользовалась. После дискредитации и свержения царя правящий режим потерял всякое оправдание своего существования. Без имени царя он стал просто чужим для большинства русских людей. Троцкий, Ленин и другие еврейские большевики очень хорошо сумели использовать это настроение.

Большевики имели возможность черпать кадры практически неограниченно из среды правящего слоя и интеллигенции, лишенной национального сознания. Они сумели организовать все антирусские силы. Без активной поддержки со стороны всех антирусских сил большевистский режим пал бы через несколько дней. Все интеллигенты, сотрудничавшие с большевиками, военспецы из числа офицеров, совслужащие из числа чиновников предали Святую Русь, Россию и ее национальные интересы.

С приходом к власти еврейских большевиков основная часть образованного общества стала сознательным и активным проводником самой кровавой большевистской политики.

При большевистском режиме образованное общество трансформируется, его антирусский характер становится абсолютным. Уничтожаются миллионы священнослужителей, монашествующих, самых стойких в православии людей, носителей Святой Руси. Преследуются все православно и национально мыслящие, а вера в Бога и национальное сознание относятся к разряду опаснейших государственных преступлений, караемых смертной казнью.

Общее число лиц, умерших в России не своей смертью от массовых репрессий, голода, эпидемий, войн, составило за 1918–55 более 87 млн. (в том числе около 70 млн. русских, включая белорусов и малороссов). За 1918–55 в России не своей смертью умер каждый пятый, когда-либо живший в нашей стране после революции. Для сравнения

скажем, что 1861–1917 удельный вес лиц, умерших не своей смертью, был менее двух процентов, а во Франции, Великобритании, Италии, США в 1920–60 – менее одного процента.

Кроме умерших не своей смертью, в убыль страны пошло пять миллионов жителей, покинувших Россию после 1917. Но и это еще не полная сумма человеческих потерь. Ведь насильно выведенные из жизни люди могли иметь детей и внуков и продолжать человеческий род. Самые заниженные подсчеты подсказывают, что «недобор» рождений и «эхо» недобора рождений составит 64 млн. человек.

А если суммировать число лиц, умерших не своей смертью, покинувших родину, а также число детей, которые могли бы родиться у этих людей, то общий людской ущерб страны составит 156 млн. человек (нынешняя численность населения Англии, Франции, ФРГ, взятых вместе). Таким образом, при ином стечении исторических событий в нашей стране могло бы жить не 280 млн., как в середине 1970-х, а не менее 400–430 млн. человек. Общий же ущерб только русского населения (включая белорусов и малороссов) – 125–130 млн. человек. Погибла и не смогла дать потомство не просто часть населения, а генетически лучшая его часть – самые активные, честные и трудолюбивые представители коренного крестьянства и купечества, а также национальная интеллигенция – главные творцы материальной и духовной культуры страны, носители лучших трудовых традиций и идеалов.

По самым заниженным подсчетам, погибло или превращено в руины 25–30 тыс. церквей и соборов, около 500 монастырей, не менее 50 тыс. ценных городских зданий (палат, особняков и т.д.), ок. 2 тыс. усадеб. Только в Москве разрушено около 7 тыс. памятников архитектуры и ок. 8 тыс. зданий исторической застройки. Уничтожены сотни тысяч предметов прикладного искусства, десятки тысяч художественных живописных произведений, фресок, росписей, не менее 20 млн. икон. По ориентировочной денежной оценке, стоимость утраченных культурных сокровищ России составляет десятки триллионов рублей (в ценах 1985), что, по мировым меркам, равно культурным ценностям большого европейского государства.

Трагедии, которая постигла русскую нацию в XX в., не знал ни один другой народ за всю историю человечества. Масштабы геноцида, который еврейские большевики с распаленным талмудическим сознанием развязали против русского народа, во много раз превзошли преступления испанцев против инков, североамериканцев против индейцев, немецких фашистов против народов СССР, поляков, евреев, цыган¹. Ущерб, нанесенный православной церкви, русской нации и ее святыням, был таков, что многим казалось, что Святая Русь, Россия, русский народ погибли навечно.

Однако святыня поругаема не бывает, ее можно уничтожить физически, но не духовно. Бог не попустил гибели Святой Руси. Сразу же после отречения Николая II Бог явил русскому народу чудо. 2 марта 1917 в подмосковном селе Коломенском русским людям явилась чудотворная икона Божьей Матери «Державная». На этой иконе Божья Мать, Царица Небесная была изображена как Царица земная, символизируя таким образом переход функции Удерживающего из рук низвергнутого монарха богоизбранного народа в Дом Богородицы.

Условия, при которых явилась святая икона, были следующие. Одной женщине, крестьянке Бронницкого у., Жироскинской вол., д. Починок, Евдокии Андриановой, проживавшей в слободе Перерве, были два сновидения. 13 февраля Андрианова слышала таинственный голос: «Есть в селе Коломенском большая черная икона. Ее нужно взять, сделать красной и пусть молятся». Сильное впечатление произвело на Андрианову это таинственное сообщение и, как женщину религиозную, побудило ее к усиленной молитве о получении более ясных указаний Воли Божией. Как бы в ответ на усердную молитву 26 февраля Андриановой снится белая церковь, и в ней величественно восседает Женщина, в Которой своим сердцем

¹ Для сравнения приведу пример. Число жертв так называемого Холокоста, по оценкам добросовестных исследователей, составляет от 600 тыс. до 1 млн. человек, то есть в десятки раз меньше числа убитых и мученных русских людей за период правления еврейских большевиков. Подробнее о трагедии русской нации в последнем столетии см. мою книгу «История русского народа в XX веке» (т. 1–2).

Андреанова признает и чувствует Царицу Небесную, хотя и не видит Ее святого лика. Не имея возможности забыть и отрешиться от своих сновидений, Андреанова решает идти в село Коломенское, чтобы успокоить себя. 2 марта, перед исполнением христианского долга исповеди и св. причащения, она отправилась из Перервы к настоятелю белой церкви в село Коломенское. При виде дивной Вознесенской церкви Евдокия сразу же узнала в ней ту самую церковь, которую она видела во сне.

Настоятелем церкви Вознесения был священник о. Николай Лихачев. Придя к нему в дом, Андреанова сообщила ему о своих сновидениях и просила совета, как поступить. О. Николай собирался служить вечерню и пригласил Андреанову вместе с собой в церковь, где показал ей все старинные иконы Богоматери, находящиеся в храме и на иконостасе, но Андреанова ни в одной из них не обнаружила какого-либо сходства со своим сновидением. Тогда по совету сторожа церкви и еще одного прихожанина, случайно зашедшего в церковь, о. Николай стал усердно искать икону повсюду: на колокольне, на лестнице, в чуланах и, наконец, в церковном подвале. И вот именно в подвале, среди старых досок, разных тряпок и рухляди, в пыли, была найдена большая узкая старая черная икона. Когда ее промыли от многолетней пыли, то всем присутствующим в храме представилось изображение Божией Матери как Царицы Небесной, величественно восседающей на царском троне в красной царской порфире на зеленой подкладке, с короной на голове и скипетром и державой в руках. На коленях находился благословляющий Богомладенец. Необычайно для лика Богоматери был строг, суров и властен взгляд Ее скорбных очей, наполненных слезами. Андреанова с великой радостью и слезами повернулась ниц перед Пречистым Образом Богоматери, прося о. Николая отслужить молебен, так как в этом образе она увидела полное исполнение своих сновидений. Весть о явлении новой иконы именно в день отречения Государя от престола быстро пронеслась по окрестностям, проникла в Москву и стала распространяться по всей России. Большое количество богомольцев стало стекаться в село Коломенское, и перед иконой были явлены чудеса исцеления телесных

и душевных недугов. Икону стали возить по окрестным храмам, фабрикам и заводам, оставляя ее в Вознесенской церкви только на воскресные и праздничные дни.

Зная исключительную силу веры и молитвы Царя-мученика Николая II и его особенное благоговейное почитание Божией Матери (вспомним собор Феодоровской иконы Божией Матери в Царском Селе), русские люди не сомневались в том, что это он умолил Царицу Небесную взять на Себя Верховную царскую власть над народом, отвергшим своего Царя-помазанника. И Владычица пришла в уготованный Ей всей русской историей «Дом Богородицы» в самый тяжкий момент жизни богоизбранного народа, в момент его величайшего падения и приняла на Себя преемство власти державы Российской, когда сама идея Православно-самодержавной народной власти была попорана во имя самовластия сатаны. Потому и строг, и суров, и скорбен взгляд Ее дивных очей, наполненных слезами гнева Божественной и Материнской любви, потому и пропитана мученической русской кровью Ее царская порфира и алмазные слезы русских истинных мучеников украшают Ее корону.

Символ этой иконы ясен для духовных очей: через неисчислимые страдания, кровь и слезы, после покаяния русский народ будет прощен, и Царская власть, сохраненная Самой Царицей Небесной, будет России несомненно возвращена. Иначе зачем же Пресвятой Богородице сохранять эту власть?

С радостным страхом и покаянным трепетом начал народ русский молиться перед «Державной» иконой Божией Матери по всей России, а сама икона в бесчисленных копиях стала украшать все русские храмы¹.

Таким образом, явление «Державной» иконы Божией Матери в день отречения Государя свидетельствовало о том, что в духовном смысле Самодержавие не покинуло Россию. Изображение Божией Матери, увенчанной царским венцом, облаченной в царскую порфиру, держащую в руках скипетр и державу, означало новый этап в развитии

¹ Акафист Пресвятой Богородице явление... чудотворная Ея иконы Державная в селе Коломенском, близ града Москвы 2 марта 1917. Джорданвилль, 1984. С. 37–40.

Русской цивилизации и Святой Руси. Этап страшных нечеловеческих испытаний. Однако в силу чудесного явления этап этот не был концом Великой России, а напротив, путем ее исцеления и возрождения. Как писал перед большевистским переворотом С.Н. Булгаков: «Россия спасена, раздалось в моем сердце... как откровение Богоматери (во Владычной ее иконе), и я верен и верю этому завету... Россия... спасается через гибель и смерть, воскресая»¹.

ГЛАВА 72. За идеалы Святой Руси. – Приамурский Земский Собор. – Новые мученики Российские. – Последователи русской цивилизации.

Революция, отмечал князь Н.Д. Жевахов, была не выражением «народного гнева против царя и его правительства», а лишь плодами безверия, самомнения и гордости людской. Осмысливая свою эпоху, Жевахов писал, что люди настолько ушли от правды, что перестали узнавать ее. «Если (люди) в явлениях повседневной жизни не прозревают промыслительных путей Божьих, ведущих к предопределенным Господом целям; если ниспосылаемые Богом испытания для пробуждения и вразумления людей всегда застают их врасплох и кажутся тем более неожиданными, чем более они ужасны, то кто не способен рассмотреть признаки приближения кончины мира, явления антихриста и Суда Божия над миром?! И кто же поверит пророку, если бы он даже явился в наше время?!» Такие пророки, пишет кн. Жевахов, есть, один из них – С.А. Нилус. Каждый православный человек обязан знать наизусть его книгу «Великое в малом» и опубликованные там документы тайного правительства.

Темные силы иудейства и масонства стремятся господствовать над миром. На пути к этому стоит православная Россия. «Великая столько же пространством, сколько и своей духовной мощью, но смиренная и кроткая Россия

¹ Вестник РХД. 1979. № 129. С. 238–239.

прозревает грядущие судьбы Европы, видит неумную и близорукую игру Англии и Франции, но не осуждает ни той, ни другой, ибо знает, что эти несчастные страны обречены на гибель, в порядке очереди, установленной интернационалом, так же, как и Россия, что программы интернационала столь же необъятны, как и гениальны, и сводятся к одной цели – ликвидации христианства как единственного препятствия для завоевания мира...» Нужно пристальнее всмотреться в грядущие перспективы, пророчески писал Жевахов, чтобы содрогнуться от ужаса при мысли и возможности порабощения христиан иудаизмом и масонством, которым чужда и ненавистна христианская мораль.

Кн. Жевахов раскрывает сокровенные планы врагов русского народа. Задача антирусской революции 1917 заключалась в «уничтожении России» и образовании на ее территории «царства» антирусского интернационала как опорного пункта для последующего завоевания других христианских государств. Планы темных сил «имели в виду развалить Россию в наикратчайший срок».

Белое движение предпринимает попытку спасти Россию от еврейских большевиков. Однако оно было обречено изначально, ибо вожди его по убеждениям являлись республиканцами, а многие члены белых правительств состояли в масонских ложах. И белые, и красные боролись не за Россию и Святую Русь, а за власть над русским народом. И те, и другие были чужды Святой Руси. В борьбе за симпатии русских людей красные смогли обратить в свою пользу народное стремление к справедливости, правде, соборности.

Белые могли победить, если бы сделали знаменем своей борьбы царя. Однако в силу убеждений их вождей они не пошли на это и были разбиты.

Только летом 1922, когда белое движение было разгромлено красными по всей России и только на Дальнем Востоке теплились очаги сопротивления, во Владивостоке собирается Приамурский Земский Собор представителей русской земли. Проходил он с 23 июля по 10 августа.

Почетным председателем Собора был избран Святейший патриарх Тихон. Участники Земского Собора объяви-

ли, что «Верховная Всероссийская власть принадлежит Царскому Дому Романовых и должна осуществляться в порядке законного престолонаследия». Собор постановил «просить Царский Дом соблаговолить возглавить Приамурский край и русское национальное движение Верховным правителем из членов Царского Дома по его усмотрению и воле». «Здесь, на краю земли Русской, в Приамурье, – говорилось в одном из документов Собора, – вложил Господь в сердца и мысли всех людей, собравшихся на Земский Собор, едину мысль и едину веру: России Великой не быть без Государя, не быть без преемственно наследственного Помазанника Божия. И перед собравшимися здесь, в маленьком телом, но сильном верой и национальным духом Приамурском объединении, последними людьми земли Русской стоит задача, долг и благой крест направить все служение свое к уготованию пути Ему – нашему будущему Боговидцу. Скрепим, соединим в одну силу оставшиеся нам от исторического символа святыя заветы – Веру и Землю, отдадим им беззаветно свою жизнь и достояние; в горячей молитве очищенных от земных слабостей сердцах вымолим милость Всемогущего Творца, освободим святую нашу Родину от хищных интернациональных лап зверя и уготовим поле будущему собору «всея земли». Он завершит наше служение Родине, и Господь, простив своему народу, увенчает родную землю своим избранником – Государственным Помазанником».

«Правителем и воеводой земской рати», «Правителем приамурского земского края» был избран генерал Дитерихс. Монархическая власть на Дальнем Востоке просуществовала всего три месяца.

Святая Русь уходит в глубокое подполье. Очаги борьбы за ее идеалы тлеют вокруг православной церкви. Многие тысячи священников и монахов продолжают нести свое служение. Часть православных иерархов во главе с митрополитом Антонием Храповицким уезжают за границу и всюду, где живут изгнанные с Родины русские люди, создают там православные приходы. Русская Церковь за рубежом, как и на Родине, становится хранительницей идеалов Святой Руси, мужественно противостоит сатанинским учениям иудаизма и масонства.

В 1932 Русская Церковь за рубежом направляет всем своим духовным чадам соборное послание, в котором масонство осуждалось как преступная организация, а нераскаявшиеся члены ее подлежали отлучению от церкви. На запрос судьи Бернского процесса о «Сионских протоколах» митрополит Антоний Храповицкий ответил: «Смысл и направления Протоколов Сионских мудрецов во многих отношениях соответствуют учению и мировоззрению мирового еврейства... Линия поведения соответствующего направления имеется в руководящих кругах мирового еврейства и что, как собственно показала русская революция, действия и устремления еврейства часто вполне соответствуют содержанию так называемых Протоколов Сионских мудрецов».

Эпоха гонений на Святую Русь порождает новый тип подвижников и мучеников, ярким примером которых стал патриарх Тихон, умученный в 1926. В отличие от других эпох и даже времени первых веков христианства мученичество за веру становится не единичным, а массовым явлением. Как считал убитый еврейскими большевиками епископ Вязниковский Герман (Ряшенцев), на крови сотен тысяч мучеников создается и кристаллизуется невиданная духовная сила, вознесшая Русскую Церковь на недостижимую высоту по сравнению с другими христианскими конфессиями. «Мне кажется, – писал он из арзамасской ссылки, – происходит не только одно разрушение твердыни и того, что для многих святее святых, но происходит очищение этих святынь, их освящение через огонь жестоких испытаний и проверок, разрушение форм, подавляющих своеобразной, но часто во многом земной красотой действительность закованного в них смысла и содержания, образуются новые формы, облегчающие проникновение в них и заполнение именно таким духом и жизнью, какие отрицаются часто их творцами и часто во имя осознанной и преднамеренной борьбы с Ним принципиально отрицаются, чтобы как бы через Голгофу уничтожения воскреснуть в силе. Посмотрите, как жизнь фактически стала аскетична, как самоотреченна, небывалое самоотречение становится не исключением, а правилом всякого человека, как необходимость, все разрозненное и почти во

всех самых разнородных по содержанию областях жизни идет к единству через коллективизм... Вы скажете, но все это не во имя Его, а против Него. Да, это верно. Сейчас с Его печатью в скорби, в Гефсимании и на Голгофе. Это верно, но так же несомненно, что все усилия и творчество направлены на создание таких форм жизни, какая в своей принципиальной идейной части вся им преуказана, без Него не может быть осуществлена и неминуемо приведет к Нему».

В большевистском лагере оказался и один из высших выразителей идеалов Святой Руси, близкий сотрудник патриарха Тихона, архиепископ Верейский Иларион (Троицкий). В декабре 1923 он был арестован и отправлен на Соловки. В лагере его полюбили все: не только собратья по священству, но и интеллигенция, дворяне, офицеры, невинно сосланные крестьяне и даже отпетые уголовники. Владыка создал на Соловках рыболовецкую артель, которая, по воспоминаниям очевидцев, была и настоящей духовной школой. «Соловки, – говорил он, – это замечательная школа – нестяжания, кротости, смирения, воздержания, терпения и трудолюбия».

Владыка Иларион нес в себе все высшие ценности Русской цивилизации. Люди, сидевшие с ним в лагере, вспоминали, что за обыкновенной, простой внешностью можно было увидеть детскую чистоту, великую духовную опытность, доброту и милосердие, сладостное безразличие к материальным благам, истинную веру, подлинное благочестие, высокое нравственное совершенство, не говоря уже об умственном, сопряженном с силой и ясностью убеждении. Этот вид обыкновенной греховности, юродство, личина светскости скрывали от людей внутреннее делание и спасали его самого от лицемерия и тщеславия. Он был заклятый враг лицемерия и всякого «вида благочестия», совершенно сознательный и прямой. В «артели Троицкого» (так называлась рабочая группа архиеп. Илариона) духовенство прошло в Соловках хорошее воспитание. Все поняли, что называть себя грешным или только вести долгие благочестивые разговоры, показывать строгость своего быта, не стоит. А тем более думать о себе больше, чем ты есть на самом деле.

Те, кто провел с ним годы в совместном заключении, были свидетелями его полного монашеского нестяжания, глубокой простоты, подлинного смирения, детской кротости. Он просто отдавал все, что имел, что у него просили. Своими вещами он не интересовался. Поэтому кто-то из милосердия должен был все-таки следить за его чемоданом. И такой послушник находился у него и на Соловках. Этот чарующий дух нестяжания и был подлинно от митрополита Антония, школой которого многие хвалятся. Этого человека можно оскорбить, но он на это никогда не ответит, даже, может быть, и не заметит сделанной попытки. Он всегда весел и если даже озабочен и обеспокоен, то быстро попытается прикрыть это все той же веселостью. Он на все смотрит духовными очами и все служит ему на пользу духа. Благодушие его простиралось на самую советскую власть, и на нее он мог смотреть незлобивыми очами.

В 1926 архиеп. Иларион сумел передать на волю обращение к архиереям, в котором говорилось, что ввиду церковных нестроений и невозможности созвать Собор следует провести избрание патриарха путем сбора подписей от архиереев. Кандидатом в патриархи он предложил митр. Кирилла. Было собрано 72 подписи. Однако еврейские большевики не позволили осуществить идею архиеп. Илариона, арестовав многих архиереев.

Подвижники Святой Руси, не только среди священников и монахов, но и среди мирян, пытаются противиться богоборческой власти. В этом смысле характерна судьба полковника Ф.В. Винберга (1868–1927). Еще в марте 1917 он был уволен из армии за отказ принести присягу масонскому Временному правительству. В 1917 арестован большевиками за протесты против иудейско-масонской революции. Преданный суду революционного трибунала, Винберг громогласно исповедует со скамьи подсудимых свои убеждения, за что приговаривается к пяти годам принудительных работ. «Я был верен моему царю в счастье – тем более остаюсь ему верен в несчастье. Голова моя может скатиться на вашей плахе, но перед революцией она никогда не преклонится. Иду всегда путем прямым, единым. Как мне велит Господь и Государь».

В книге «В плену у обезьян» (1918), написанной Винбергом во время заключения в советской тюрьме, впервые прозвучал призыв к национальному возрождению как единственно победному оружию против иудейско-масонской революции. «Ныне потоками проливаемая кровь, – писал Винберг в 1918, – ляжет на палачей и неизбежно приведет к расплате, от которой им уйти будет некуда. Россия переживает еще свой десятый Термидор. Многие из палачей, ныне злобно торжествующих во славу кровавого Израиля, в борьбе за власть будут беспощадно уничтожены своими же товарищами.

Победит Народность. И не только в России, но и в тех других государствах, которым вскоре предстоит пройти через те потрясения, что и России. Из недр народных явятся еще никому не ведомые вожди, глашатаи идей национально-народных, и они, а не иудо-марксисты, не золотой и красный интернационал, не масонские гротесмейстеры и не Сионские тайные мудрецы – пойдут во главе отрезвевших масс».

Винбергу удалось вырваться из советской тюрьмы и уехать в Киев, где во главе 2-го отдела Дружины графа Келлера он ведет борьбу с бандами масона Петлюры, чудом избегает расстрела от рук бандитов.

Из Киева Винберг уезжает в Германию. В Берлине он издает антимасонский журнал «Луч света» и газету «Призыв». В «Луче света» он публикует привезенные им из России «Сионские протоколы», мало кому тогда известные за границей. Его усилиями эти протоколы появляются на немецком и др. языках.

Даже зарубежные русские патриоты продолжают бороться с еврейскими большевиками. В 1922 друг Винберга П.Н. Шабельский-Борк вместе с С. Таборицким решаются казнить злейшего врага исторической России масона П.Н. Милюкова. Однако предназначавшаяся ему пуля поразила другого масона – В.Д. Набокова. Другой русский патриот Б.С. Коверда в 1927 от имени русского народа осуществляет казнь еврейского большевика Войкова, одного из убийц царской семьи. На вопрос полицейского, зачем он это сделал, Коверда ответил: «Я отомстил за Россию, за миллионы людей».

В начале 30-х годов в Харбине создается Всероссийская фашистская партия. Ее руководителем становится К.В. Родзаевский. Партия эта имела мало общего с итальянским и германским фашизмом, носившим антихристианский характер. Родзаевский и его соратники были православными монархистами, преклонялись перед личностью Николая II и видели будущее Родины в возрождении традиционного русского Самодержавия. Родзаевский выпускал газету «Наш путь» и журнал «Нация», выходившие под девизами «Русский русскому друг и брат» и «Бог, Нация, Труд».

«Февральская революция, – писал Родзаевский, – обессилила Россию. Октябрьская отдала Россию международному еврейскому капиталу. Обе эти революции были, по существу, двумя актами одной страшной драмы, имя которой – интернациональная революция, отвратительное порождение иудо-масонов. На смену интернациональной революции мы выдвигаем национальную революцию, которая будет победой российской нации над иудейско-масонским интернационалом»¹.

В те же 30-е годы другой русский патриот А.А. Вонсяцкий создает такую же партию в США. «Эта организация в силу тогдашних условий жизни и веяний времени получила название фашистской, но была совершенно свободна от каких-либо влияний итальянского фашизма, или тем более немецкого национал-социализма, с которыми никакого идейного родства не имела»².

Вонсяцкий всегда был монархистом и не мыслил возрождения России иначе как монархической, под властью законного монарха. В своем имени в Томпсоне он организовал большой музей Исторической России. Вонсяцкий направлял значительные средства на организацию борьбы против еврейских большевиков, на помощь Русской церкви и патриотическим организациям.

¹ Наш путь, 14 марта 1937.

² «Владимирский вестник». Буэнос-Айрес, 1965, № 103.

ГЛАВА 73. Развитие идеологии Святой Руси. – Учение И. А. Ильина. – «Народная монархия» И. А. Солоневича.

Несмотря на катастрофу, постигшую русский народ, идеология Святой Руси не останавливалась в развитии, а продолжала свое движение в будущее применительно к новым условиям существования русской цивилизации. В 1-й пол. XX в. русские мыслители формируют новые подходы к пониманию современных проблем русской цивилизации. Ведущее место среди них принадлежало И.А. Ильину и И.Л. Солоневичу. «Мы должны сказать всему остальному миру, – говорил Ильин, – что Россия жива, что хоронить ее – близоруко и неумно; что мы – не человеческая пыль и грязь, а живые люди с русским сердцем, с русским разумом и русским талантом; что напрасно думают, будто мы все друг с другом «перессорились» и пребываем в непримиримом разномыслии; будто мы узколобые реакционеры, которые только думают сводить свои личные счета с простолюдином или «инородцем».

В России грядет всеобщая национальная судорога, которая, по мнению Ильина, будет стихийно мстительной и жестокой. «Страна вскипит жаждой мести, крови и нового имущественного передела, ибо поистине ни один крестьянин в России ничего не забыл. В этом мнении встанут десятки авантюристов, из коих три четверти будут «работать» на чьи-нибудь иностранные деньги, и ни у одного из них не будет творческой и предметной национальной идеи».

Чтобы преодолеть эту национальную судорогу, русские национально мыслящие люди должны быть готовы генерировать эту идею применительно к новым условиям. Она должна быть государственно-исторической, государственно-национальной, государственно-патриотической. Эта идея должна исходить из самой ткани русской души и русской истории, из их духовного лада. Эта идея должна говорить о главном в русских судьбах – и прошлого, и будущего, она должна светить целым поколениям русских людей, осмысливая их жизнь и вливая в них бодрость.

Главное – воспитание в русском народе национального духовного характера. Из-за его недостатка в интеллигенции и массах Россия рухнула от революции. «Россия встанет во весь рост и окрепнет только через воспитание в народе такого характера. Это воспитание может быть только национальным самовоспитанием, которое может быть проведено самим русским народом, то есть его верной и сильной национальной интеллигенцией. Для этого нужен отбор людей, отбор духовный, качественный и волевой».

Процесс этот, по мнению Ильина, уже начался «незримо и бесформенно» в России и более или менее открыто за рубежом: «отбор несоблазненных душ, противопоставивших мировой смуте и заразе – Родину, честь и совесть; и непреклонную волю; идею духовного характера и жертвенного поступка». Начиная с меньшинства, возглавляемого единоличным вождем, русский народ в ближайшие 50 лет должен одолеть и перешагнуть все преграды совокупным, соборным усилием духа.

В работах Ильина (и прежде всего в сборнике статей 1948–54-х «Наши задачи») выкристаллизовывается идея русского духовного патриотизма, который «есть любовь».

Патриотизм, по Ильину, – высшая солидарность, сплоченность в духе любви к Родине (духовной реальности), есть творческий акт духовного самоопределения, верный перед лицом Божиим и поэтому Благодатный. Только при таком понимании патриотизм и национализм могут раскрыться в их священном и непререкаемом значении.

Патриотизм живет лишь в той душе, для которой есть на земле нечто священное, и прежде всего святости своего народа. Именно национальная духовная жизнь есть то, за что и ради чего можно и должно любить свой народ, бороться за него и погибнуть за него. В ней сущность Родины, та сущность, которую стоит любить больше себя.

Родина, отмечает Ильин, есть Дар Святого Духа. Национальная духовная культура есть как бы гимн, всенародно пропетый Богу в истории, или духовная симфония, исторически прозвучавшая Творцу всяческих. И ради создания этой духовной музыки народы живут из века в век, в работах и страданиях, в падениях и подъемах. Денационализируясь, человек теряет доступ к глубочай-

шим колодцам духа и к священным огням жизни, ибо эти колодцы и эти огни всегда национальны.

По Ильину, национализм есть любовь к исторически-духовному облику своего народа, вера в его Богоблагодатную силу, воля к его творческому расцвету и созерцание своего народа перед лицом Божиим. Наконец, национализм есть система поступков, вытекающих из этой любви, из этой веры, из этой воли и из этого созерцания. Истинный национализм не темная, антихристианская страсть, но духовный огонь, возводящий человека к жертвенному служению, а народ к духовному расцвету. Христианский национализм есть восторг от созерцания своего народа в плане Божием, в дарах Его Благодати, в путях Его Царствия.

Правильные пути, ведущие к национальному возрождению России, по Ильину, следующие: вера в Бога; историческая преемственность; монархическое правосознание; духовный национализм; российская государственность; частная собственность; новый управляющий слой; новый русский духовный характер и духовная культура.

В своей статье «Основная задача грядущей России» Ильин писал, что после прекращения коммунистической революции основная задача русского национального спасения и строительства «будет состоять в выделении кверху лучших людей, – людей, преданных России, национально чувствующих, государственно мыслящих, волевых, идейно-творческих, несущих народу не месть и не распад, а дух освобождения, справедливости, сверхклассового единения». Этот новый ведущий слой – новая русская национальная интеллигенция должна будет прежде всего осмыслить заложенный в русском историческом прошлом «разум истории», который Ильин определяет следующим образом:

– ведущий слой не есть ни замкнутая «каста», ни наследственное или потомственное «сословие». По своему составу он есть нечто живое, подвижное, всегда пополняющееся новыми, способными людьми и всегда готовое освободить себя от неспособных – дорогу честности, уму и таланту!

– принадлежность к ведущему слою – начиная от министра и кончая мировым судьей, начиная от епископа и

кончая офицером, начиная от профессора и кончая народным учителем – есть не привилегия, а несение трудной и ответственной обязанности. Ранг в жизни необходим, неизбежен. Он обосновывается качеством и покрывается трудом и ответственностью. Рангу должна соответствовать строгость к себе у того, кто выше, и беззавистная почтительность у того, кто ниже. Только этим верным чувством ранга воссоздадим Россию. Конец зависти! Дорогу качеству и ответственности!

– новая русская элита должна «блюсти и крепить авторитет государственной власти... Новый русский отбор призван укоренить авторитет государства на совсем иных, благородных и правовых основаниях: на основе религиозного созерцания и уважения к духовной свободе; на основе братского правосознания и патриотического чувства; на основе достоинства власти, ее силы и всеобщего доверия к ней».

– указанные требования и условия предполагают и еще одно требование: новый русский отбор должен быть одушевлен творческой национальной идеей. Безыдейная интеллигенция «не нужна народу и государству и не может вести его... Но прежние идеи русской интеллигенции были ошибочны и сгорели в огне революции и войн. Ни идея «народничества», ни идея «демократии», ни идея «социализма», ни идея «империализма», ни идея «тоталитарности» – ни одна из них не вдохновит новую русскую интеллигенцию и не поведет Россию к добру. Нужная новая идея – «религиозная по истоку и национальная по духовному смыслу. Только такая идея может возродить и воссоздать грядущую Россию». Эту идею Ильин определяет как идею русского Православного Христианства. Воспринятая Россией тысячу лет тому назад, она обязывает Русский народ осуществить свою национальную земную культуру, проникнутую христианским духом любви и созерцания, свободы предметности.

Русский народ, считал Ильин, нуждается в покаянии и очищении, и те, кто уже очистился, «должны помочь неочитившимся восстановить в себе живую христианскую совесть, веру в силу добра, верное чутье к злу, чувство чести и способность к верности. Без этого Россию не

возродить и величия ее не воссоздать. Без этого Русское государство, после неминуемого падения большевизма, расползется в хлябь и в грязь».

Ильин, конечно, отдаст себе отчет в том, насколько трудна эта задача, весь процесс покаяния и очищения, но через этот процесс необходимо пройти. Все трудности этого покаянного очищения должны быть продуманы и преодолены: у религиозных людей – в порядке церковном (по исповеданиям), у нерелигиозных людей – в порядке светской литературы, достаточно искренней и глубокой, и затем в порядке личного совестного делания.

Покаянное очищение – только первый этап на пути к решению более длительной и трудной задачи: воспитание нового русского человека.

Русские люди, писал Ильин, должны обновить в себе дух, утвердить свою русскость на новых, национально-исторически древних, но по содержанию и по творческому заряду обновленных основах. Это значит, что русские люди должны:

- научиться веровать по-новому, созерцать сердцем – цельно, искренно, творчески;

- научиться не разделять веру и знание, вносить веру не в состав и не в метод, а в процесс научного исследования и крепить нашу веру силою научного знания;

- научиться новой нравственности, религиозно-крепкой, христиански-совестной, не боящейся ума и не стыдящейся своей мнимой «глупости», не ищущей «славы», но сильной истинным гражданским мужеством и волевой организацией;

- воспитать в себе новое правосознание – религиозно и духовно укорененное, лояльное, справедливое, братское, верное чести и Родине;

- воспитать в себе новое чувство собственности – заряженное волею к качеству, облагороженное христианским чувством, осмысленное художественным инстинктом, социальное по духу и патриотическое по любви; – воспитать в себе новый хозяйственный акт – в коем воля к труду и обилию будет сочетаться с добротой и щедростью, в коем зависть преобразится в соревнование, а личное обогащение станет источником всенародного богатства.

Взгляды Ильина во многом перекликались с программой национального возрождения на основах Народной Монархии, которую обосновал И.Л. Солоневич. Он разрабатывает учение о народной монархии, изложенное в его главном труде «Народная монархия» (опубл. во время войны). По мнению Солоневича, народная монархия (в отличие от сословной) является идеалом русского государственного устройства. Она существовала в России до реформ Петра I и характеризовала соединение самодержавия и самоуправления. После свержения большевиков именно она должна стать самой эффективной формой государственного устройства России. «Никакие мерки, рецепты, программы и идеологии, заимствованные откуда бы то ни было извне, – неприменимы для русской государственности, русской национальности, русской культуры». Русская политическая мысль, по мнению Солоневича, может быть русской политической мыслью тогда и только тогда, когда она исходит из русских исторических предпосылок. Отсюда вывод: «Политической организацией Русского народа на его низах было самоуправление, а политической организацией народа в его целом было Самодержавие». Это исключительно русское явление – не диктатура аристократии под вывеской «просвещенного абсолютизма», не диктатура капитала, подаваемая под соусом «демократии», не диктатура бюрократии, реализуемая в форме социализма, а «диктатура совести, диктатура православной совести». Предложенное Солоневичем понятие «соборная монархия» обозначало «совершенно конкретное историческое явление, проверенное опытом веков и давшее поистине блестящие результаты: это была самая совершенная форма государственного устройства, какая только известна человеческой истории. И она не была утопией, она была фактом». По справедливому выводу Солоневича, превосходство царской власти неоспоримо: «Царь есть прежде всего общественное равновесие. При нарушении этого равновесия промышленники создадут плутократию, военные – милитаризм, духовные – клерикализм, а интеллигенция – любой «изм», какой только будет в книжной моде в данный исторический момент». В трудах Солоневича русская общественная мысль возвращалась к идее монархии.

После войны Солоневич разрабатывает программу национального возрождения России на принципах народной монархии, которая публикуется в газете «Наша страна» в форме агитационного материала:

«Нам нужно вести монархическую агитацию.

Нам нужно знать и то, как ее следует вести, и то, как ее вести не следует.

Мы анализируем прошлое России, и мы говорим: были такие-то явления, происходившие в таких-то условиях, и при наличии этих явлений Россия – под эгидой Монархии – достигла таких-то результатов. И при ослаблении или гибели монархии попадала в такие-то и такие-то катастрофы.

Мы подводим некий принципиальный фундамент под неоспоримые факты нашего прошлого.

Мы не строим никаких воздушных замков.

Мы представляем собою политический реализм, и мы боремся против всякого политического утопизма.

Прежде всего мы что-то строим: строим основное – идею Русской Народной Монархии. Строят ее очень разные люди: и белорусский крестьянин Иван Солоневич, и сибирский «землепроходец» Борис Башилов, и профессор Борис Ширяев. Как и всегда в этом мире случается, некоторые точки зрения не совпадают – мы о них слегка спорим. Но основное совпадает вполне: Народная Монархия.

Мы рассеиваем мифы, опутывающие сознание монархической эмиграции, и мы из-под обломков старины пытаемся воссоздать тот момент, когда Монархия Российская была ближе всего к ее идеалу.

Наша задача – задача чисто агитационная.

Или, быть может, – миссионерская.

До России и в России мы должны проповедовать Монархию. Нам навстречу подымется великая волна народного инстинкта, народной боли, народных страданий. Подымется и волна народной надежды на лучшее будущее.

Эта волна – она будет – в этом не может быть никаких сомнений. Но могут быть сомнения – окажемся ли мы на высоте?..

Нам, монархистам, остается только один путь, путь «демократического» завоевания русских масс – масс, ко-

торые к этому «завоеванию» подготовлены и тысячелетней традицией России, и своим национальным инстинктом, и переживаниями послефевральского периода.

Этот путь не исключает наших стремлений к тому, чтобы будущая Русская Национальная Армия не попала бы в руки заговорщиков и утопистов, авантюристов и хамелеонов, чтобы в ней было создано по крайней мере монархическое ядро.

Для того чтобы завоевать общественное мнение России и для того чтобы создавать монархическое ядро в Русской Национальной Армии – мы все, настоящие монархисты, монархисты для России, а не для карьеры, – должны честно проанализировать все русское прошлое, без всякой оглядки на то, что скажут эмигрантские «княгини Марьи Алексеевны».

Монархическая литература должна иметь в виду не служилые и привилегированные слои старой России, а конкретный Русский народ, который жил на Руси Алексея Михайловича, в России Императора Петра Алексеевича и в СССР Сталина.

В России нет и не будет того социального слоя, который так характерен для монархической эмиграции.

Делайте для Монархии все, что вы только можете сделать: это единственная гарантия против абрамовичей и социалистического рая.

Нужно уметь обороняться и нужно уметь нападать.

И обороняясь и нападая, нужно по мере возможности ясно знать, чем идея Русской Народной Монархии отличается от идеи русской сословной Монархии и от социалистов и от солидаризма.

Какие доводы имеются в распоряжении противника. Какие доводы являются фальшивкой и какие неоспоримы.

И как следует справиться с тем и с другим.

«Народная Монархия» предназначается для того же, для чего в свое время предназначался «Капитал» Карла Маркса.

«Народная Монархия» – схема.

Ее нужно разрабатывать дальше. Ее нужно пропагандировать.

Слово стало нашим оружием.

Научитесь им пользоваться. Это зависит от нас. Это зависит от вас.

«Дух» народа. Реальная жизнь страны определяется соотношением сил, в нашем русском историческом случае – моральных сил.

На стороне сепаратизма никакой реальной силы нет.

Российская империя выросла главным образом на базе стремления к объединению всех народов этой империи.

И мы, честные русские политики, морально обязаны предупредить США: если дело дойдет до насилия – то сила будет на стороне России, и такая сила существует.

Эта сила («дух» народа) прошла века, и века беспримерных в человеческой истории жертв во имя общего блага всех народов Российской империи.

Из двухсот миллионов населения России по меньшей мере 190 миллионов за единство страны будут драться, т.е. применять силу.

И основным пунктом любого соглашения должно быть официальное признание государственной суверенности России в пределах 1940 года, оставляя все остальные территориальные вопросы компетенции будущего.

Исторический опыт доказал, что Россия – это не империя в римском или британском смысле этого слова. Это 196 сиамских близнецов, которые срослись в политическом, экономическом, бытовом, культурном и всяком ином смысле этого слова.

«Силой» в будущей России будет ее сегодняшняя внутренняя эмиграция, а никак не те остатки потонувшего мира, которые называют себя «монархистами в эмиграции».

Для меня внутренняя эмиграция означает значительно больше: это не только скрытый внутренний протест, это также накопление сил для борьбы.

Внутренняя эмиграция состоит из очень сильных людей.

В какой степени «сильные люди» противоречат «сильной Монархии»? – Ни в какой степени.

Государь Император Николай Александрович был очень сильным человеком, но очень сильным человеком был и П.А. Столыпин.

Сегодняшняя Россия – это очень молодая страна, ее люди упорны, закалены, обуяны ненасытной жадой знания.

Культурный отбор этих людей и будет правящим слоем России, независимо от того, будет ли у нас Монархия или республика, или судьба тяпнет нас какой-то новой диктатурой.

Нравится ли нам это ли не нравится – это есть новое поколение. И не только хронологически, но и социально.

Новое поколение России, закаленное, упорное, жизнеспособное, молодое, ни при каких обстоятельствах не позволит «пузырям потонувшего мира» командовать собою.

Оно позволит себя убеждать, но как раз этого «пузыри» делать не умеют.

Нынешнее – советское – поколение вышло из иной социальной среды, со всеми политическими, психологическими и прочими предпосылками и последствиями.

С этим поколением эмиграция обязана считаться как с решающим фактором в жизни России.

Новая Россия будет новой Россией, с новой промышленностью, новым крестьянством, новым пролетариатом, новым правящим слоем и с новыми методами управления.

Россия будет страной чудовищной силы и великой, еще невиданной в истории мира, человечности».

ГЛАВА 74. Сталин как вождь русского народа. – Спасение России от еврейских большевиков. – Великая Отечественная война против агрессии западной цивилизации. – Великая победа.

Волею и чудом Божиим первый шаг к спасению России от еврейских большевиков был сделан не белой армией, не из зарубежья, а из самого штаба антирусских сил – Центрального Комитета Всесоюзной коммунистической партии большевиков. Шаг этот совершил Генеральный секретарь коммунистической партии Сталин. Жизнь Сталина имеет два взаимоисключающих этапа. На первом этапе – к XIX в. – 1-я пол. 1930-х – Сталин – активный пособник

преступной деятельности Ленина и так называемой ленинской гвардии, еврейских большевиков, уничтоживших миллионы русских людей, на втором этапе со 2-й пол. 1930-х – русский государственный деятель, усилиями которого, по сути дела, была осуществлена национальная революция, свергнувшая власть еврейских большевиков, в значительной степени (но далеко не полностью) возродившая былое значение русского народа.

Преобразование (хотя и неполное и несовершенное) «Савла в Павла» – Сталина как одного из руководителей антирусского движения в Сталина как национального вождя русского народа – происходило не сразу, процесс этот, начавшийся еще в к. 1920-х, растягивается на все тридцатые годы, приобретя итоговое завершение лишь во время Великой Отечественной войны. Могучая русская цивилизация духовно подчиняет себе большевистского вождя, освятив его деятельность положительным содержанием. Гений Сталина состоял в том, что он сумел коммунизм из орудия разрушения России превратить в инструмент русской национальной политики, укрепления и развития русского государства.

Можно предположить, что фундамент русской государственной идеологии, пробудившейся у Сталина в 1930–40-е, был заложен у него во время обучения в духовном училище и православной семинарии. Сталин, единственный из крупных большевистских вождей, имел духовно-религиозное (хотя и не законченное) образование. Как справедливо отметил русский духовный писатель о. Димитрий Дудко: «Если с Божеской точки посмотреть на Сталина, то это в самом деле был особый человек, Богом данный, Богом хранимый... Сталин сохранил Россию, показал, что она значит для всего мира. Сталин с внешней стороны атеист, но на самом деле он верующий человек. Не случайно в Русской Православной Церкви ему пропели, когда он умер, даже «Вечную память», так случайно не могло произойти в самое безбожное время. Не случайно он и учился и в Духовной Семинарии, хотя и потерял там веру, но чтоб по-настоящему ее приобрести. А мы этого не понимаем... Но самое главное все-таки, что Сталин по-отечески заботился о России». Сталин самоучкой ос-

воил большое количество схоластической марксистской литературы, а в более зрелые годы не переставал читать труды по истории, философии и некоторым естественным наукам. Будучи еще юношей, «романтиком революции», он как никто другой знал настоящую суть революционной работы и, по-видимому, в зрелые годы возненавидел ее.

В квартире Сталина в Кремле и на его дачах были большие библиотеки, содержавшие преимущественно литературу по истории, философии, экономике. Книги постоянно использовались, Сталин читал и делал пометки на полях. Люди, которым довелось видеть написанные его рукой письма, статьи и постановления, высоко оценивали его интеллектуальные возможности. Правка Сталина на текстах многих документов была точна и позволяла видеть в нем тонкого политического деятеля, хорошего стилиста, отлично владевшего русским языком. Пометки Сталина на страницах сотен книг его библиотеки свидетельствовали о широте его знаний, о том, что он читал не только труды марксистов, но и произведения многих зарубежных ученых. С большим презрением Сталин относился к атеистической литературе. В одной из своих записок 1920-х он называет ее «антирелигиозной макулатурой».

Сталин любил старинные русские песни и нередко их пел. В отличие от еврейских большевиков генсек ВКП (б) не выносил, когда в кино показывали сексуальные сцены. Это его коробило и возмущало.

Еще в 1-й пол. 1920-х Сталин мало чем отличался от других большевистских руководителей, разве что вел незаметный и более скромный образ жизни. Однако уже после смерти Ленина усилившаяся борьба за власть в стране вынудила его блокироваться с Каменевым и Зиновьевым против Троцкого, затем – с Бухариным и Рыковым против Каменева и Зиновьева, а позднее прийти к выводу, что единственным путем укрепления государства являются национальные начала (в том смысле, как это понимал Сталин, – государственный патриотизм, национальная гордость великороссов, использование положительных исторических примеров).

Зверства гражданской войны, геноцид 1920-х, в том числе и собственную вину за участие в этих чудовищных

антирусских актах, Сталин списывал на «врагов народа». А ведь и в самом деле, большая часть репрессированных в 1937 и позднее были врагами русского народа.

Уничтожая большевистскую гвардию, Сталин не только разделялся с соперниками в борьбе за власть, но и в какой-то степени искупал свою вину перед русским народом, для которого казнь революционных погромщиков была актом исторического возмездия.

Сталин эффективно боролся со многими проявлениями антирусского национализма, который агрессивно проявлял себя по отношению к русскому народу под видом культурных автономий и разных национальных учреждений, представители которых открыто стремились принизить значение русского народа. Особо это касалось еврейского национализма, приобретшего в СССР совершенно нетерпимый характер.

За 1930–40-е под руководством Сталина было уничтожено не менее 800 тыс. еврейских большевиков, цвет иудейской антирусской организации, рассчитывавших превратить Россию в еврейское государство. Были уничтожены почти все иудейские вожди, а шансы оставшихся на власть в России сведены к минимуму.

Во время правления Сталина русский народ столкнулся с самым тяжелым испытанием за всю историю русской цивилизации. Ряд западных стран во главе с Германией, стремившихся устанавить «новый мировой порядок», совершают агрессию против России. Великая Отечественная война 1941–1945 стала схваткой двух противостоящих цивилизаций, в которой западный мир ставил своей целью полное уничтожении России-СССР как государства и нации, захват значительной части ее территорий и образования на остальных ее частях подвластных Германии марионеточных режимов. К войне против России Германию подталкивали иудейско-масонские режимы США и Англии, видевшие в Гитлере орудие осуществления своих планов мирового господства и разрушения России.

22 июня 1941 германские вооруженные силы в составе 103 дивизий, в том числе 10 танковых, вторглись на территорию России. Общая численность их насчитывала пять с половиной миллионов человек, из которых более 900 тыс.

составляли военнoслужашие западных стран-союзников Германии – итальянцы, испанцы, французы, голландцы, финны, румыны, венгры и др. Этому вероломному западному интернационалу было придано 4300 танков и штурмовых орудий, 4980 боевых самолетов, 47200 орудий и минометов.

Противостоящие агрессору российские вооруженные силы пяти западных приграничных военных округов и трех флотов вдвое уступали врагу в живой силе, причем в первом эшелоне наших армий имелось только 56 стрелковых и кавалерийских дивизий, которым было трудно тягаться с танковыми корпусами немцев. Большое преимущество агрессор имел и по артиллерии, танкам и самолетам новейших конструкций.

По национальности более 90% противостоящей Германии советской армии составляли русские (великороссы, малороссы и белорусы), почему она без преувеличения может называться русской армией, что нисколько не умаляет посильного вклада и других народов России в противостояние общему врагу.

Вероломно, без объявления войны, сосредоточив на направлении ударов подавляющее превосходство, агрессор прорвал оборону русских войск, захватил стратегическую инициативу и господство в воздухе. Враг оккупировал значительную часть страны, продвинулся вглубь до 300–600 км.

23 июня была создана Ставка Главного Командования (с 6 августа – Ставка Верховного Главнокомандования). Вся полнота власти была сосредоточена в созданном 30 июня Государственном Комитете Оборона (ГКО). С 8 августа И.В. Сталин стал Верховным Главнокомандующим. Он собрал вокруг себя выдающихся русских полководцев Г.К. Жукова, С.К. Тимошенко, Б.М. Шапошникова, А.М. Василевского, К.К. Рокоссовского, Н.Ф. Ватутина, А.И. Еременко, К.А. Мерецкова, И.С. Конева, И.Д. Черняховского и многих других. В своих публичных выступлениях Сталин делает ставку на чувство патриотизма русского народа, призывает его следовать примеру героических предков. Основными военными событиями летне-осенней кампании 1941 были Смоленское сражение,

оборона Ленинграда и начало его блокады, военная катастрофа советских войск на Украине, оборона Одессы, начало обороны Севастополя, утрата Донбасса, оборонительный период Московской битвы. Русская армия отступила на 850–1200 км, однако враг был остановлен на основных направлениях под Ленинградом, Москвой и Ростовом и перешел к обороне.

Зимняя кампания 1941–42 началась контрнаступлением русских войск на западном стратегическом направлении. В ходе ее осуществлены контрнаступление под Москвой, Любанская, Ржевско-Вяземская, Барвенковско-Лозовская и десантная Керченско-Феодосийская операции. Русские войска сняли угрозу Москве и Северному Кавказу, облегчили положение Ленинграда, полностью или частично освободили территорию 10 областей, а также свыше 60 городов. Стратегия «блицкрига» рухнула. Было разгромлено около 50 вражеских дивизий. Большую роль в разгроме врага сыграл патриотизм русских людей, широко проявившийся с первых дней войны. Тысячи народных героев, подобных А. Матросову и З. Космодемьянской, сотни тысяч партизан в тылу врага уже в первые месяцы сильно поколебали моральный дух агрессора.

В летне-осенней кампании 1942 основные военные события развернулись на юго-западном направлении: поражение Крымского фронта, военная катастрофа советских войск в Харьковской операции, Воронежско-Ворошиловградская, Донбасская, Сталинградская оборонительные операции, сражение на Северном Кавказе. На северо-западном направлении русская армия провела Демянскую и Ржевско-Сычѳвскую наступательные операции. Противник продвинулся на 500–650 км, вышел к Волге, захватил часть перевалов Главного Кавказского хребта. Была оккупирована территория, где до войны проживало 42% населения, производилась треть валовой продукции, находилось более 45% посевных площадей. Экономика переводилась на военные рельсы. В восточные районы страны было перебазируется большое количество предприятий (только во 2-м полугодии 1941 – 2593, в т. ч. 1523 крупных), вывезено 2,3 млн. голов скота. В 1-м полугодии 1942 было выпущено 10 тыс. самолетов, 11 тыс.

танков, ок. 54 тыс. орудий. Во 2-м полугодии их выпуск увеличился более чем в 1,5 раза.

В зимней кампании 1942–43 основными военными событиями были Сталинградская и Северо-Кавказская наступательные операции, прорыв блокады Ленинграда. Русская армия продвинулась на запад на 600–700 км, освободив территорию свыше 480 тыс. кв. км, разгромила 100 дивизий (40% сил врага на советско-германском фронте). В летне-осенней кампании 1943 решающим событием была Курская битва. Важную роль сыграли партизаны (операция «Рельсовая война»). В ходе битвы за Днепр было освобождено 38 тыс. населенных пунктов, в т. ч. 160 городов; с захватом стратегических плацдармов на Днестре созданы условия для наступления в Белоруссии. В битве за Днепр партизаны провели операцию «Концерт» по разрушению коммуникаций врага. На других направлениях осуществлены Смоленская и Брянская наступательные операции. Русская армия прошла с боями до 500–1300 км, разгромила 218 дивизий.

В зимнюю кампанию 1943–44 русская армия провела наступление на Украине (10 одновременных и последовательных фронтовых операций, объединенных общим замыслом). Завершила разгром группы армий «Юг», вышла за границу с Румынией и перенесла боевые действия на ее территорию. Почти одновременно развернулась Ленинградско-Новгородская наступательная операция; Ленинград был окончательно деблокирован. В результате Крымской операции освобожден Крым. Русские войска продвинулись на запад на 250–450 км, освободили ок. 300 тыс. кв. км территории, вышли на государственную границу с Чехословакией.

В июне 1944, когда США и Англия поняли, что Россия может победить в войне и без их участия, они открыли 2-й фронт во Франции. Это ухудшило военно-политическое положение Германии. В летне-осеннюю кампанию 1944 русские войска провели Белорусскую, Львовско-Сандомирскую, Восточно-Карпатскую, Яско-Кишиневскую, Прибалтийскую, Дебреценскую, Восточно-Карпатскую, Белградскую, частично Будапештскую и Петсамо-Киркенесскую наступательные операции. Было завершено осво-

бождение Белоруссии, Малороссии и Прибалтики (кроме некоторых районов Латвии), частично Чехословакии, принуждены к капитуляции и вступили в войну против Германии Румыния и Венгрия, освобождены от оккупантов Советское Заполярье и северные области Норвегии.

Кампания 1945 в Европе включала Восточно-Прусскую, Висло-Одерскую, завершение Будапештской, Восточно-Померанскую, Нижнесилезскую, Верхнесилезскую, Западно-Карпатскую, Венскую и Берлинскую операции, которые завершились безоговорочной капитуляцией фашистской Германии. После Берлинской операции русские войска совместно со 2-й армией Войска Польского, 1-й и 4-й румынскими армиями и 1-м чехословацким корпусом провели Пражскую операцию. 24 июня в Москве состоялся Парад Победы.

Победа в войне сильно подняла дух русского народа, способствовала росту его национального самосознания и веры в собственные силы. В результате победы Россия вернула себе большую часть того, что было отторгнуто у нее в результате революции (кроме Финляндии и Польши). В ее состав возвратились исторические русские земли в Галиции, Буковине, Бессарабии и др. Большая часть русского народа (включая малороссов и белорусов) снова стала единым целым в одном государстве, что создавало предпосылки соединения их в единой Церкви. Выполнение этой исторической задачи стало главным положительным итогом войны. Победа русского оружия создала благоприятные условия для славянского единения. На каком-то этапе славянские страны объединились с Россией в нечто вроде братской федерации. Народы Польши, Чехословакии, Болгарии, Югославии на какой-то период осознали, насколько важно славянскому миру держаться вместе в борьбе с посягательствами Запада на славянские земли.

По инициативе России Польша получила Силезию и значительную часть Восточной Пруссии, из которой город Кенигсберг с окружающей его территорией перешел во владение Русского государства, а Чехословакия вернула себе захваченную ранее Германией Судетскую область.

Великая миссия по спасению человечества от «нового мирового порядка» далась России огромной ценой: русский

народ и братские ему народы нашего Отечества заплатили за это жизнями 47 млн. людей (включая прямые и косвенные потери), из них примерно 37 млн. человек составляли собственно русские (включая малороссов и белорусов).

Больше всего погибло не военных, непосредственно участвовавших в боевых действиях, а гражданских лиц, мирного населения нашей страны. Безвозвратные потери русской армии (убитые, умершие от ран, пропавшие без вести, погибшие в плену) составляют 8 млн. 668 тыс. 400 человек. Остальные 35 млн. – это жизни мирного населения. За годы войны было эвакуировано на восток около 25 млн. человек. На территории, оккупированной Германией, оказалось примерно 80 млн. человек, или около 40% населения нашей страны.

Все эти люди стали «объектами» претворения в жизнь человеконенавистнической программы «Ост», подвергались зверским репрессиям, гибли от организованного немцами голода. Около 6 млн. человек были угнаны в германское рабство, многие из них умерли от невыносимых условий существования.

В результате войны был значительно подорван генетический фонд наиболее активной и жизнеспособной части населения, ибо в ней гибли прежде всего самые сильные и энергичные члены общества, способные дать наиболее ценное потомство. Кроме того, из-за падения рождаемости страна недосчиталась десятка миллионов будущих граждан.

Огромная цена победы тяжелее всего легла на плечи русского народа (включая малороссов и белорусов), ибо главные боевые действия велись на его этнических территориях и именно к нему враг был особенно жесток и беспощаден.

Кроме огромных человеческих потерь нашей стране был нанесен колоссальный материальный ущерб. Ни одна страна за всю свою историю и во Второй мировой войне не имела таких потерь и варварских разрушений от агрессоров, какие обрушились на Великую Россию. Общие материальные потери России в мировых ценах составили более триллиона долларов (национальный доход США за несколько лет).

В 1940-е заметно улучшается положение Русской Церкви. Во время войны она была активным организатором патриотической работы православных людей на помощь фронту. 8 сентября 1943 Сталин вызывает в Кремль митрополитов Сергия (Страгородского), Алексия (Симанского) и Николая (Ярушевича) и объявляет им о своем согласии созвать Собор для выбора патриарха. На этом Соборе патриархом был избран Сергий (Страгородский). Началась трудная работа по восстановлению патриархии и приходов русской церкви, открытию церквей и монастырей.

На праздновании по поводу победы России в войне над Германией Сталин поднял тост за русский народ, назвав его определяющей и решающей силой Великой Победы.

После войны, понимая, что стабильность Русскому государству может создать только русский народ, Сталин проводит последовательную политику преимущественной поддержки русских кадров не только в центре, но и в союзных республиках.

Русские кадры составляли костяк всей системы управления СССР. Самые малейшие проявления местечкового национализма жестоко пресекались.

Многие духовно-нравственные основы русского народа становятся идеологическим ядром государственности и открыто провозглашаются в органах партийной печати. На повестку дня встал жизненно важный для русского государства вопрос о трансформации правящей в СССР коммунистической партии в национально-российскую или даже национально-русскую партию. Есть основание утверждать, что на какое-то время Сталин сделал партию национально объединяющей силой, чувство патриотизма приобрело высокое гражданское звучание и стало мощным орудием укрепления государства. Причем патриотизм носил безусловно великорусский характер, чему способствовал прежде всего сам Сталин, который в 1947 писал, что «у нас все еще не хватает достоинства, патриотизма, понимания той роли, которую играет Россия». Как рассказывал В.М. Молотов, Сталин говорил: будет Россия, будет и Советский Союз, и всем будет хорошо. Интерес Сталина к вопросам языкознания был связан с тем, что он считал, что, когда во всем мире победит советская власть, глав-

ным языком на Земном шаре, языком межнационального общения станет русский язык.

По сути дела, Сталиным предпринимается попытка из советской власти, основанной на диктатуре коммунистической партии, создать советскую национальную систему, от которой был один шаг к полному возрождению национального русского государства.

На этом пути Сталин делает ряд решительных шагов к очищению госаппарата от космополитических элементов, привлечению в него честных, работающих и бескорыстных русских людей, развитию чувства русского патриотизма, проведению традиционной русской внешней политики.

Однако эта политика Сталина не устраивала иудейские и космополитические силы большевистской партии. Против Сталина и его ближайших сподвижников (Жданова, Кузнецова, Вознесенского и др.) был организован заговор, в результате которого сначала были ликвидированы самые верные ему люди («Ленинградское дело»), а затем, по сведениям ближайшего окружения (Молотов, Каганович, сын Сталина Василий), тайно умышлен и он сам.

ГЛАВА 75. Новые гонения на церковь. – Рост числа верующих. – Канонизация святых. – Прославление Царственных мучеников. – Борьба с экуменизмом.

Гибель Сталина остановила ростки национального возрождения. Вместе с Хрущевым в страну возвратились космополитизм еврейских большевиков, воинствующий атеизм и русофобия. Усиливалось гонение на духовенство и верующих. Тысячи людей попадают в лагеря за свои религиозные убеждения (только за 1961–64 за это осуждено 1234 человека). Хрущев лично обещает народу показать по телевизору «последнего попа».

Во время одного из приемов этот малограмотный Первый секретарь подошел к русскому Патриарху и полупьяным голосом изрыгнул: «Ты, поп, долго будешь морочить голову народу?»

Количество церковных приходов за 1954–63 было принудительно сокращено с двадцати до восьми тысяч, закрыты 31 монастырь и 5 семинарий.

Под предлогом ремонта и реставрации в 1963 закрыли древнюю святыню Русского народа – Киево-Печерскую лавру, на поклонение которой ежегодно приходили до полумиллиона паломников. Делалась попытка закрыть и Почаевскую Успенскую лавру, однако она не удалась.

Под страхом тюрьмы запрещается паломничество к святым местам на поклонение святым мощам. Священников и епископов запугивают и нередко избивают.

После смещения Хрущева прямые репрессии против церкви заметно уменьшились, но положение ее продолжало ухудшаться. Тем не менее ростки семян православного и национального возрождения, брошенные в почву в последнее десятилетие правления Сталина, начинают давать побеги.

Несмотря на огромные трудности и непрекращающуюся атеистическую пропаганду, роль Церкви в общественной жизни страны во 2-й пол. 60-х–70-х заметно увеличивается. Более частыми становятся случаи прихода в храм людей (особенно интеллигенции), выросших в атеистических семьях. В больших городах заметно выросло число крещений взрослых людей. Все это свидетельствовало о том, что попытки партийных и советских органов отвратить русских людей от Церкви оказывались в основном безуспешными. По данным социологических опросов, число сознательно верующих в конце 70-х достигало 30–40 млн. Крещенных по православному обряду было больше 100 млн.¹ Церковные праздники собирали огромное количество людей. И что характерно для этого времени – в церковь потянулась интеллигенция.

В храмах шла напряженная духовная жизнь. Впервые за советское время продолжались канонизации святых Русской Церкви. В апреле 1970 Священный Синод причислил к лику общерусских святых православного просветителя Японии равноапостольного Николая (Касаткина), в 1977 – просветителя Америки и Сибири митрополита Московс-

¹ История Русской Православной Церкви 1917–1990. С. 188.

кого Иннокентия (Вениаминова), в 1979 – местночтимого Харьковского святителя Мелетия (Леоновича).

За период после Поместного Собора 1971 установлено празднование соборов святых – Тверских (1979), Новгородских (1981), Радонежских (1981), Владимирских (1982), Смоленских (1983), Белорусских и Сибирских (1984), Костромских (1986), Рязанских (1987) и Крымских (1988). Церкви были переданы мощи святителя Феодосия Черниговского, преподобного Феодосия Тотемского и гробница святителя Питирима Тамбовского.

Служение многих русских священников носило подвижнический характер. Под неусыпным наблюдением и давлением атеистической власти любой батюшка вне церкви чувствовал себя, как в стане врагов. В проповедях и публикациях священникам запрещалось упоминать слова «Страшный Суд», «Конец света», «Крестный ход»; употреблять имена отца Иоанна Кронштадтского, Серафима Саровского, ну и, конечно, Царственных Мучеников и других новомучеников Русской Церкви. Тот, кто отказывался выполнять этот запрет, подвергался гонениям.

Известный духовный писатель и общественный деятель отец Димитрий Дудко, великий подвижник Православия и русской национальной идеи, многократно подвергался гонениям, арестам, заключению в ГУЛАГ (9 лет). Победить смерть еще при жизни и идти крестным путем этой победы – так выражался в его книгах духовный, жизненный, исповеднический опыт православного священника. Единственный ход для спасения души – «нести свой крест, принимать трудности, даже искушения... И только тот, кто победит всякие искушения, может следовать дальше»¹.

Продолжала свое православное служение и Русская Зарубежная Церковь. Еще в конце войны монастырь прп. Иова Почаевского, находившийся под ее юрисдикцией, покинул Чехословакию и образовал три монастырских издательских центра в Джорданвилле (США), Монреале (Канада) и Мюнхене (ФРГ). На базе этих центров Русская Зарубежная Церковь организовала выпуск периодических изданий духовной литературы. Многие духовные произ-

¹ Д и м и т р и й Д у д к о, свящ. Христос в нашей жизни. М., 1992.

ведения печатались впервые. Так, «Великая Дивеевская тайна» преподобного Серафима Саровского была обнаружена в Джорданвилле лишь в 1969 по благословению архиепископа Русской Зарубежной Церкви Аверкия Сиракузского и Троицкого. Еще в 1-й пол. 1930-х публикацию благословил архиепископ Феофан Полтавский. В 60-е–70-е – н. 80-х Зарубежная Церковь совершила ряд прославлений русских подвижников: св. Иоанна Кронштадтского (19), прп. Германа Аляскинского (1970), св. блж. Ксении Петербургской (1978), прп. Паисия Величковского (1982), Новомучеников и исповедников Российских (1981); среди которых были Царь Николай и его семья).

Канонизация Царственных Мучеников Русской Зарубежной Церковью явилась огромным событием не только для наших соотечественников за границей, но и прежде всего для истинно православных людей в самой России, среди которых почитание царской семьи никогда не прекращалось.

Событие это стало началом нового духовного этапа в жизни страны, первой ступенью к покаянию Русского народа за то, что он попустил иноплеменикам «умучить своего Царя». «Грех цареубийства, происшедшего при равнодушии граждан России, народом нашим не раскаян. Будучи преступлением и Божеского, и человеческого закона, этот грех лежит тяжелейшим грузом на душе народа, на его нравственном самосознании»¹. Прославление Царственных Мучеников способствовало возрождению русского национального сознания.

Относительное усиление роли Православной Церкви в духовной жизни Русского народа вызывало беспокойство антирусских, космополитических сил как в России, так и на Западе. Делается все, чтобы придать русскому Православию протестантский характер, превратив его в одну из декоративных, псевдохристианских религий, пронизанных масонско-экуменическим духом, какими в Европе и Америке стали, например, католицизм, лютеранство, кальвинизм.

¹ «Послание Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II и Священного Синода Русской Православной Церкви к 75-летию убиения Императора Николая II и Его семьи». 1993.

Западные центры целенаправленно всяческим образом поощряют любые ростки протестантизма, экуменизма и религиозного реформаторства в среде русского духовенства.

В 60-е протестантское движение было отмечено такими именами, как священники Н. Эшлиман и Г. Якунин (впоследствии лишен сана и отлучен орт Церкви). Они выступали с письмами, переполненными развязными, несправедливыми и провокационными обвинениями по адресу Патриарха, епископата и духовенства Русской Церкви. Письма эти с помощью западных спецслужб и средств массовой информации широко распространялись по всему миру, служили целям клеветнической кампании против России и иерархов Русской Православной Церкви, вносили раздор в среду духовенства.

Серьезный вред незыблемым основам православного вероучения наносили религиозные реформаторы – экуменисты, имевшие тогда серьезную поддержку в лице митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима (Ротова), ставшего одним из президентов Всемирного Совета Церквей, насаждавшего экуменический дух в среде русского духовенства. Верно служа целям масонско-экуменических кругов, этот иерарх даже скончался в 1978 в Ватикане, на приеме у папы римского. Продолжателем экуменического дела митрополита Никодима стал один из руководителей Отдела внешних церковных сношений Московской Патриархии священник Виталий Боровой.

Наиболее последовательным выразителем экуменического реформаторства был священник А. Мень, еврей по национальности, по собственным словам, никогда не забывавший «о той ответственности и призвании, которые возлагает на меня принадлежность к Израилю»¹. Мень открыто заявлял, что «русская православная дореволюционная литература не всегда понятна нынешним читателям» и что «не следует страдать ностальгией прошлого». Вместо «устаревшей» православной литературы нужно создавать новую на современном языке. Вместо традиционных основ Православия Мень предлагает собственную трактовку христианского вероучения, модернизируя его в протес-

¹ Столица. 1991, № 31/32.

тантском и католическом духе. В книге Меня «Сын Человеческий» Бог – некое универсальное, одинаковое для всей конфессии существо, вроде Универсального Архитектора Вселенной у масонов. Меня объявляет шовинистами всех противников экуменического движения, уравнивающего правоту Православия с отпавшими от истинной веры другими христианскими конфессиями. Экуменический реформатор настаивал на отмене почитания некоторых русских святых, канонизацию которых он считал следствием «средневекового антисемитизма».

Несмотря на все усилия, поддержанные Западом, представителей масонского экуменизма и протестантского реформаторства, им не удалось замутить чистоту православной веры. Для подавляющего большинства клириков и мирян экуменисты и протестанты были простой кучкой раскольников, презираемых и отвергаемых Церковью как еретики.

Православные русские люди продолжали жить идеалами Святой Руси, убежденные в том, что она жива и незримо присутствует рядом с нами. Как писал в 1972 православный мыслитель и публицист Г. Шиманов: «Святая Русь не исчезла, не закопана; она вечна и победоносна, и это последнее слово принадлежит истории нашего народа... Святая Русь исчезла только с поверхности современной жизни, но она продолжает жить в ее скрытых глубинах, произрастая до того времени, когда будет угодно Богу, и переживая зиму, она опять появится на поверхности и украсит образ земли Русской, которую хлестали свирепые и ледяные ураганы и бури»¹.

¹ Наша страна. 22.11.1972.

**ГЛАВА 76. Русская литература. –
Великие писатели из крестьян. –
Тоска по Святой Руси. – Любовь к
Родине и вера в ее духовные основы.**

Русская Церковь вольно или невольно влияла на сердца и души наших соотечественников, и прежде всего деятелей русской культуры. Для большинства из них (даже невоцерковленных) образ страдающей Родины всегда ассоциировался с широким полем и Церковью с крестом на холме. Именно этот образ так или иначе проходит через многие произведения русских писателей, поэтов, художников, возбуждая их национальное сознание, наталкивая на русские по духу темы творчества.

Ядро русской литературы 60–70-х составляли писатели, чьи корни были связаны с православной деревней, с крестьянской жизнью, ибо только здесь по-настоящему сохранились живые роднички исконного русского сознания, особого отношения к окружающему миру, природе, труду. Именно эти роднички дали жизнь Ф. Абрамову, В. Астафьеву, В. Распутину, В. Белову, Б. Можяеву, Е. Носову, В. Солухину, В. Тендрякову, В. Шукшину. Как справедливо отмечал А. Солженицын, характеризуя многих из этих писателей, «такого уровня во внутреннем изображении крестьянства, как крестьянин чувствует окружающую свою землю, природу, свой труд; такой ненадуманной, органической образности, вырастающей из самого народного быта; такого поэтического и щедрого народного языка... – к такому уровню стремились русские классики, но не достигли никогда: ни Тургенев, ни Некрасов, ни даже Толстой. Потому что они не были крестьянами. Впервые крестьяне пишут о себе сами. И сейчас читатели могут наслаждаться тончайшими страницами у этих авторов»¹.

Огромным событием русской литературы стали произведения В.Г. Распутина. Этот писатель с первого своего сборника рассказов «Человек с этого света», вышедшего в

¹ Кубань. 1984, № 4. С. 93.

1967 в Красноярске, завоевал души многих русских людей. Ряд его повестей – «Деньги для Марии» (1967), «Последний срок» (1970), «Живи и помни» (1975), «Прощание с Матёрой» (1976) – стали вершинами не только русской, но и мировой литературы. В образах его героев выражается огромное душевное богатство русского человека – доброта, совестливость, любовь к Родине, отзывчивость, сострадание, взаимопомощь, сердечность, душевная щедрость, нестяжательство.

Человек может жить полноценно только с любовью к Родине, сохраняя в душе вековые традиции своего народа. В повести «Прощание с Матёрой» Распутин показывает, как русский человек относится к разрушению своего национального мира «именем прогресса». По приказу сверху должна исчезнуть с лица земли, быть затоплена одна из многих русских деревень. Крестьян фактически насильственно переселяют в другое место – «перспективное» село, построенное бездарными, чуждыми Русскому народу «специалистами» «без любви к людям, которым тут жить». Простая русская женщина Дарья пять лет сопротивляется, защищая свой старый дом и всю деревню от погрома. Для нее Матёра и ее дом – воплощение Родины. Отстаивает Дарья не старую избу, а Родину, где жили ее деды и прадеды, и каждое бревно не только ее, но и пращуров ее. Сердце ее русское болит – «как в огне оно, христовенькое, горит и горит, ноет и ноет». Как точно отмечал выдающийся русский критик Ю. Селезнев: «Название острова и села – Матёра – не случайно у Распутина. Матёра, конечно же, идейно образно связана такими родовыми понятиями, как мать (мать – Земля, мать – Родина), материк – земля, окруженная со всех сторон океаном (остров Матёра – это как бы «малый материк»).

Космополитическое наступление так называемого мирового прогресса, превращение человека в бездушный винтик потребительского мира разрушает духовную цивилизацию, подрывает основы православного мировоззрения, которое так стойко защищает Дарья. Предавая свою малую Родину, человек теряет истоки самого главного в жизни, деградирует как личность, жизнь его становится серой и бесцельной.

Тема малой Родины, из которой рождается и вырастает наша Великая Родина, Великая Россия, проходит красной нитью через все творчество другого выдающегося русского писателя этого времени В.И. Белова. «Здесь и начинается для нас, – говорил писатель устами одного из своих героев, – большая Родина. Да человек счастлив, пока у него есть Родина. Как бы ни сурова, ни ласкова была она со своим сыном, нам никогда от нее не отречься». Совестьливость, беззлобность, доброжелательность, трудолюбие, жизнелюбие – главные черты героев рассказов Белова. Герой повести «Плотницкие рассказы» Олеша Смолин убежден, что нет большего наказания, чем суд собственной совести. В рассказах и повестях Белова отражается влюбленное, поэтическое отношение русского человека к природе и животным.

Классическим образом простого русского человека стал Иван Африканыч из повести В. Белова «Привычное дело». В нем раскрываются «важные черты русской души, не лишённые известных противоречий. Он стойкий, терпеливый, работающий день и ночь, честный, любящий глубоко и сильно свою жену, добрый, но вместе с тем есть у него и незадачливость, бездумность, безалаберность, есть и привычка не перечить начальству»¹. В чутком, добром отношении к жизни открывается любящая душа русского человека, живущего по совести, кровно ощущающего свою связь с людьми и природой. Мучительно переживает Иван Африканыч каждый свой поступок, не согласующийся с совестью. А совесть его как тот родничок, в котором «вода была так прозрачна, что казалось, что ее нет вовсе, этой воды».²

Особо значительной страницей творчества В.И. Белова стали его очерки русской народной эстетики «Лад». С любовью и глубоким пониманием писатель рассказал об эстетическом отношении к жизни русского крестьянина, раскрыл красоту его бытовых и трудовых традиций.

Лучшим русским поэтом этого времени был, бесспорно, Н.М. Рубцов, трагически погибший в возрасте 35 лет в 1970 и не успевший осуществить многие из своих замыс-

¹ О г н е в А. Русская деревня в жизни и литературе // Молодая гвардия. 1991, № 6. С. 257.

² Б е л о в В. Повести и рассказы. М., 1984, с. 5.

лов. Обостренным чувством Родины и критическим отношением к так называемому прогрессу (который «может быть крушением») Рубцов близок к творчеству Распутина и Белова. Выбитые на его надгробии строки «Россия, Русь! Храни себя, храни!» выражают главную духовно-нравственную линию в стихах этого поэта. Уважительное и любовное отношение к деревне, восприятие человека и природы как гармонично целого, верность отчужденному дому, Родине, духовным ценностям предыдущих поколений русских людей сделали поэзию Рубцова преемственницей творчества Есенина, объединяя ее со стихами Тютчева, Фета, Бунина. «До конца, до тихого креста. Пусть душа останется чиста» – главная заповедь коренного русского человека. В стихотворении «Душа хранит» поэт писал:

*О, вид смиренный и родной!
Березы, избы по буграм
И, отраженный глубиной,
Как сон столетий, Божий храм.
 О, Русь – великий звездочет!
 Как звезд не свергнуть с высоты,
 Так век неслышно протечет,
 Не тронув этой красоты,
Как будто древний этот вид
Раз навсегда запечатлен
В душе, которая хранит
Всю красоту былых времен.*

Патриотический подъем выражался и во многих стихах выдающегося русского писателя и поэта В.А. Солоухина, некоторые из них распространялись в списках, так как не могли быть опубликованы, как, например, стихотворение «Друзьям».

*Россия еще не погибла
Пока мы живы, друзья!
Могилы, могилы, могилы,
Их сосчитать нельзя...
 Россия! Одна могила!
 Россия под глыбой тьмы,
 И все же она не погибла,
 Пока еще живы мы.*

*Держитесь, копите силы,
Нам уходить нельзя,
Россия еще не погибла,
Пока мы живы, друзья!*

Тема любви к Родине, русского патриотизма в 60—70-е продолжается и даже усиливается в произведениях М. Шолохова («Они сражались за Родину», 1943–69), Ю. Бондарева («Горячий снег», 1969; «Берег», 1975), А. Иванова («Вечный зов», 1971–77), И. Стаднюка («Война», 1970–74), П. Проскурина («Судьба», 1972; «Имя твое», 1977), В. Чивилихина («Память», 70-е). Разрабатывается русская патриотическая тема и в книгах таких русских писателей и поэтов, как В. Крупин, С. Викулов, Д. Жуков, В. Сорокин, И. Шевцов, С. Куняев, В. Личутин, И. Кобзев, Г. Серебряков, А. Передреев, Ю. Кузнецов и др.

Большое общественное значение для воспитания русского патриотизма имела книга В. Чивилихина «Память», открывшая перед многими русскими людьми широкую панораму отечественной истории и показавшая, наследниками какого великого духовного богатства они являются. Не менее важную роль в этом сыграл выход в свет книги Д. Жукова «Владимир Иванович» (1977), в которой автор создал живой образ современного подвижника, защитника отечественной культуры, посвятившего жизнь сохранению русского духовного наследия.

**ГЛАВА 77. Русское сопротивление. –
Возрождение национального сознания. – Клуб
«Родина». – «Молодая гвардия». – Национал-
большевики. – «Наш современник». –
ВООПИК. – «Русский клуб». – Рост
патриотического движения. – «Вече». –
Развитие отечественной мысли.**

Возрождение русского национального сознания в 60–70-е осуществлялось по нарастающей от извращенных и усеченных форм отечественной идеологии в виде национал-коммунизма и национал-либерализма к традиционным

формам духовности, воплощенным в вечные ценности Православной Церкви, великодержавности и русской народности. Национальное сознание, отчужденное десятилетиями террора еврейских вождей и космополитов по сути дела зарождалось, росло и зрело в душах многих русских людей. В условиях почти полного отсутствия правдивой информации о духовных корнях нашей Родины и запретов на выдачу в библиотеках сочинений отечественных мыслителей русским патриотам приходилось как впервые открывать многие очевидные национальные истины. Зато какую радость испытывали они, прорвавшись через все препятствия и запреты в сферу вечных ценностей Отечества!

Еще в 50-е возникают отдельные очаги русского сопротивления и национального возрождения. Они имели почти подпольный характер и существовали в форме небольших кружков единомышленников при православных храмах, в университетах, институтах, библиотеках, музеях и даже школах (среди преподавателей). Встречи проходили, как правило, на частных квартирах, обсуждались волнующие проблемы, из рук в руки передавались редкие книги русских мыслителей – Н. Данилевского, К. Леонтьева, И. Киреевского, В. Розанова и др., а также православная литература, труды отцов Церкви и святых русских подвижников. В домах русских людей начинают снова появляться иконы, сначала как модное увлечение, но постепенно перерастая в более глубокое чувство, удовлетворяющее духовную потребность. В деревню двинулось множество молодых людей, собиравших иконы, церковные книги, предметы старого русского быта и одежду. Все больше русских людей стали проводить свои отпуска в деревне, во многих пробуждается интерес к русской старине.

Возникновение в 1962 клуба любителей памятников истории и культуры «Родина» как бы легализовало этот широкий общественный интерес, узаконив тем самым некоторые процессы возрождения русского национального сознания. Инициаторами клуба «Родина» стали художник И.С. Глазунов и архитектор-реставратор П.Д. Барановский. Создание клуба поддержали целый ряд выдающихся деятелей русской культуры, в частности, художники П. Корин и А. Коробов, академики Н. Воронин и Б. Рыбаков, писатель

Л. Леонов, архитектор П. Ревякин. Председателем клуба был А. Садов. «Одной из важнейших задач клуба, – писал впоследствии Глазунов, – была пропаганда отечественного культурного и исторического достояния, привлечение как можно большего числа людей к его защите от окончательного большевистского разгрома. Эта тема постоянно звучала на наших вечерах, в организуемых нами газетных и журнальных публикациях. С этой же целью совершались экскурсии по историческим местам и древним русским городам»¹. Кроме лекционной и экскурсионной работы члены клуба участвовали в реставрации памятников, и в частности Крутицкого подворья в Москве и Болдинского монастыря под Смоленском. Вокруг П.Д. Барановского сформировался круг архитекторов-реставраторов, искусствоведов, бывших не просто превосходными специалистами, но прежде всего истинными патриотами России. Высокое духовное чувство, которое они несли в себе, стало своего рода катализатором пробуждения национального сознания для сотен русских людей. К наиболее замечательным представителям круга Барановского следует отнести Л.И. Антропова, Н.И. Иванова, В.А. Десятникова, В.И. Федорова, Н.Н. Свешникова, А.И. Пономарева, М.П. Кудрявцева, О.И. Журина, В.А. Виноградова.

При клубе возникла первая в советской России общественная комиссия по охране памятников, председателем которой стал главный редактор журнала «Техника – молодежи» В.Д. Захарченко. Клуб имел свой герб – на червленом щите сияла взятая из древней церковной рукописи буква «Р», которую как свечу или меч, крепко держала рука. «Р» – Родина, Россия.

Клуб воспитал целую плеяду замечательных русских патриотов, сыгравших в будущем большую роль в возрождении русского национального сознания, среди них В.Н. Ганичев, Ю.А. Бычков, Н.Д. Глущенко, Ю.П. Копусов, Н.И. Розов, В.Д. Ляпков. «Эти люди, – вспоминает Глазунов, – стали тогда основной ударной силой нашего, нового для тех лет патриотического движения, вдохновляясь и загораясь ежедневно от все более и более открываемого

¹ Наш современник. 1996, № 11. С. 211–212.

нами мира русской культуры, а также встречаясь, как они говорили, с «последними из могикан», исповедующими беззаветную стойкость не только в охране памятников, но и в каждом живом проявлении русской души»¹. Клуб «Родина» просуществовал до августа 1968 и был закрыт советскими властями во время событий в Чехословакии. Однако к тому времени его эстафету перехватили другие, еще более мощные патриотические организации, и прежде всего ВООПИК и «Русский клуб».

С 1963 мощным легальным центром русского духовного возрождения и сопротивления постепенно становится журнал «Молодая гвардия», возглавляемый тридцатилетним энергичным русским журналистом А. В. Никоновым. Новый редактор начинает помещать в журнале статьи по истории и культуре Русского народа, о его духовных деятелях, святынях и памятниках. В «Молодой гвардии» впервые увидели свет замечательные образцы русской национальной публицистики – «Письма из Русского музея» В.А. Солоухина, записки-воспоминания художника И.С. Глазунова, статьи о русской духовной культуре М.П. Лобанова («Просвященное мещанство», 1968), В. Чалмаева («Великие искания», «Неизбежность», 1968), «Господин Великий Новгород» Д. Балашова, стихи В. Фирсова, Ф. Чуева, И. Савельева, В. Сорокина и др.

Через «Молодую гвардию» к русской молодежи с письмом-напутствием обращаются писатели Л.М. Леонов, художник П.Д. Корин, скульптор С.Т. Коненков, призывая беречь святыни нашего народа, любить свою землю. Публицисты журнала делают попытки осмыслить опыт прошедших десятилетий и с позиций современного патриотического сознания понять историю России до 1917 года. Чтобы как-то защитить себя от нападков властей и доносов «Нового мира», авторы «Молодой гвардии» использовали фиговый листок «марксизма-ленинизма». Это в некоторых случаях вело к досадным погрешностям в форме и изложении, которые были совершенно простительны с высоты национального подвига, совершаемого на страницах русского журнала.

¹ Наш современник. 1996, № 11. С. 214.

«Молодая гвардия» необыкновенно смело (по тем временам) заговорила о трагической судьбе русской культуры, и прежде всего Православной Церкви, в эпоху еврейских большевиков. Авторы журнала предпочитали русских духовных подвижников Сергия Радонежского, Серафима Саровского, Иоанна Кронштадтского революционным демократам вроде Чернышевского. В русской деревне и земле они видели основу русской духовности, явно симпатизировали национальной культуре XX в. (например, церковной живописи Врубеля и Нестерова), не боялись критиковать кумира либеральных демократов М. Горького, показывать «просвещенное мещанство» интеллигенции «малого народа». Журнал фактически призывал русских людей открывать, изучать, охранять и беречь свое великое духовное наследие, противостоять «американизации духа». В борьбе «Молодой гвардии» за сохранение русской культуры и против «американизации духа» главным оппонентом выступил леволиберальный «Новый мир». Еврейских авторов и редколлегию этого издания «возмущала наглость» русских патриотов, осмелившихся возрождать то, что, по «новомировским» взглядам, давно уже умерло и глубоко похоронено. Статьи «Нового мира» против русского возрождения напоминали обычные доносы, а по злости и концентрированной ненависти к русскому оставляли далеко позади официальные поношения журнала «Коммунист». Так, в статье против «Молодой гвардии» в «Новом мире» члена его редколлегии еврейского публициста А.Г. Дементьева чувствуется просто звериная злоба к «добрым храмам» и «грустным церквям», «пустынножителям и патриархам», к русской крестьянской культуре (ее ценителей критик называет «мужиковствующими»). Взамен всего этого еврейский большевик предлагает бодрое строительство коммунистического общества по директивам ЦК КПСС, симпатизируя на самом деле космополитизму и американизации духа.

На антирусский выпад Дементьева в июле 1969 последовало письмо одиннадцати известных русских писателей, в их числе – М. Алексеев, С. Викулов, А. Иванов, П. Прокурин, С. Смирнов, В. Чивилихин. Русские писатели отметили космополитический характер направления, заданного

«Новым миром», стремление этого журнала извратить и очернить развиваемую «Молодой гвардией» программу воспитания русского патриотизма, беззаветной любви к Отечеству. В открытом письме показывалась лживость и фальшивость позиции Дементьева и, по сути дела, предсказывалась его будущая предательская роль, а фактически измена Родине в годы так называемой перестройки.

Несмотря на поддержку известных русских писателей, травля «Молодой гвардии» продолжалась непрерывно. У «новомировских» русофобов была солидная поддержка в высших партийных органах. Доносительская критика сделала свое дело: журналом «занялся» Секретариат ЦК КПСС. На одном из его заседаний при активном участии Сулова и Брежнева А.В. Никонов был снят с поста главного редактора, а чуть позднее уволен и заведующий отделом критики «Молодой гвардии» В.В. Петелин.

Тем не менее журнал сделал огромное дело в консолидации русских духовных сил. Так, со второй половины 60-х в окрестностях Троице-Сергиевой лавры в Радонежье, прежде всего возле станции Семхоз, начали селиться русские писатели-патриоты – А. Иванов, С. Куняев, В. Фирсов, И. Шевцов, И. Кобзев, Г. Серебряков, Ф. Чуев, В. Сорокин, И. Акулов, Н. Камбилов, С. Высоцкий, Б. Орлов, В. Чалмаев, В. Шугаев и др. – многие из них были авторами «Молодой гвардии». Возник своего рода союз единомышленников, объединенных общими духовными устремлениями. Так как почин этому объединению дал писатель И. Шевцов, то Би-би-си в одной из радиопередач объявило, что «черносотенец Шевцов создал под Загорском в поселке Семхоз анти-Переделкино». Как прокомментировал сообщение Би-би-си сам Шевцов, «эти слова надо понимать так, что в подмосковном Переделкине обитают в подавляющем большинстве писатели-евреи»¹.

Духовная струя журнала «Молодая гвардия» стала живительной силой при возникновении еще одного центра формирования и развития русского национального сознания. Им становится журнал «Наш современник» во главе с

¹ Шевцов И. Великое служение Отечеству // Молодая гвардия. 1996, № 10, С. 175.

замечательным русским поэтом С.В. Викуловым (до этого занимавшим пост зам. главного редактора «Молодой гвардии»), который впоследствии писал: «Новая команда «Нашего современника» с самого начала была одержима целью пробуждать в народе национальное сознание, угнетенное тяжелым прессом «пролетарского интернационализма», а через него – патриотизм (причем не только советский, как требовали от нас идеологи партии), воспитывать в русских чувство человеческого достоинства, готовность немедленно дать сдачу тем, кто это достоинство унижит или оскорбит»¹. Викулов сделал ставку на талантливую русскую молодежь, живущую в глубине России. В журнал потянулись писатели, имена которых позднее стали знаменитыми по всей России, – В. Белов, В. Распутин, Е. Носов, Ф. Абрамов, В. Лихоносов, О. Фокина, В. Астафьев, А. Знаменский, В. Шукшин. Национальное патриотическое направление сделало журнал самым популярным русским журналом в стране. Только за первые годы издания журнала под руководством С. Викулова его тираж вырос более чем в 5 раз – с 20 до 103 тыс. экземпляров².

Событием в духовной жизни России стала подвижническая деятельность замечательного русского публициста, заместителя главного редактора журнала «Наш современник» Ю.И. Селезнева, сумевшего объединить вокруг журнала лучших отечественных критиков и публицистов. Селезнев стал одним из духовных вождей русского национального возрождения, авторитет которого был высок и непререкаем, а боевая напористость притягивала к нему сотни русских патриотов. Как позднее вспоминали его соратники, «он был похож на воина, на витязя Древней Руси. Высокий, подтянутый, со слегка откинутой назад головой, обрамленной густой кудрявой волной волос и аккуратной острой бородкой. А главное – глаза! Удивительно ясные, чуть прикрытые, устремленные вдаль. Ни дать ни взять – витязь в дозоре, озирающий рубежи родной земли»³. С духовной прозорливостью он предсказывал грядущие потрясения нашей Родины, пытался разбудить пребывав-

¹ Наш современник. 1996, № 6. С. 27.

² Там же, с. 7.

³ Там же, с. 120.

шее в летаргии национальное сознание Русского народа. Нельзя терять ни минуты, торопил Селезнев, каждый, кто способен постоять за державу, должен быть мобилизован. Третья мировая война началась в идеологической сфере, и первой ее жертвой может стать Россия, если патриоты не сумеют мобилизоваться. «Быть человеком – значит быть патриотом» – так ставили и ставят вопрос все лучшие люди России в прошлом и настоящем.

Все антирусские силы от функционеров ЦК до космополитических литераторов объединились в единой кампании против русского публициста-патриота, не уставая травить и преследовать Селезнева и, наконец, добились его увольнения из журнала.

В 1970 вышли в свет романы И. Шевцова «Во имя отца и сына», «Любовь и ненависть», в которых писатель-патриот разоблачал подрывную деятельность западных спецслужб и сионистского подполья в нашей стране. Романы были хорошо приняты многими русскими людьми, но вызвали злобные нападки со стороны врагов России, космополитов, масонов. Агент влияния США еврейский большевик А.Н. Яковлев, занимавший тогда руководящий пост в Агитпропе ЦК КПСС, пытался сделать все, чтобы не допустить их опубликования, а когда у него это не вышло, организовал клеветническую кампанию против русских патриотов.

За статью русского поэта И.И. Кобзева, опубликованную в газете «Советская Россия» в поддержку романов И. Шевцова, по указанию Суслова и Яковлева были уволены главный редактор газеты и его заместитель, а также ответственный работник ЦК Дмитрук, придерживающийся патриотической ориентации.

Во второй половине 60-х годов создаются все условия для более организованной консолидации русских патриотических сил. Под легальным флагом сохранения памятников истории и культуры, как в свое время клуб «Родина», возникает организация, ставшая на многие годы главной патриотической структурой, объединившей вокруг себя миллионы рядовых русских людей, неравнодушных к судьбе отечественного наследия. Образование в 1966 Всероссийского общества охраны памятников истории

и культуры (ВООПИК) вывело процесс патриотического объединения на качественно новый этап, на котором уже начиналось рождение общерусских политических организаций, отстаивающих национальные интересы России. Первыми духовными возглавителями этого движения были замечательные русские ученые, художники, писатели, музыкальные работники – академики Б.А. Рыбаков и И.В. Петрянов-Соколов, П.Д. Корин, И.С. Глазунов, Л.М. Леонов, В.Д. Иванов, В.А. Солоухин, В.Н. Иванов (он стал первым фактическим председателем Центрального Совета ВООПИК) и, конечно, архитектор-реставратор П.Д. Барановский. Именно последний в сотрудничестве со своими соратниками по клубу «Родина» Л.И. Антроповым, Г.И. Гунькиным и В.А. Десятниковым составили устав ВООПИК, провели первоначальную подготовительную и организаторскую работу по созданию этой патриотической организации.

Забота о памятниках и святынях Отечества, чтение лекций по русской культуре и искусству стали главным смыслом жизни тысяч русских людей. К чтению лекций привлекаются лучшие отечественные силы. Тесные залы общества не вмещали всех желающих. При ВООПИКе создается комиссия по шефству над памятниками истории и культуры, являющаяся добровольческим движением за спасение памятников истории и культуры России. Возникают реставрационные отряды из добровольцев-энтузиастов, костяком которых становятся кадры специалистов, подготовленных П.Д. Барановским еще во времена клуба «Родина». Вокруг них собираются сотни подвижников, в течение многих лет бесплатно участвовавших в реставрации памятников в основном на подготовительных работах. В выходные дни и летние отпуска эти люди отправлялись спасать памятники от разрушения. Впоследствии они составили костяк многих патриотических организаций, в том числе «Памяти» в начале ее деятельности.

В мае 1968 в Новгороде прошла организованная ВООПИКом конференция «Тысячелетние корни русской культуры», ставшая вехой в возрождении отечественного самосознания. На конференции выступили десятки видных деятелей русской культуры, среди них И.В. Петрянов-

Соколов, П.В. Палиевский, В.В. Кожин, О.В. Волков, С.Н. Семанов и др.

При ВООПИКе образуется секция по комплексному изучению русской истории и культуры, получившая среди ее членов негласное название «Русский клуб». В этом клубе впервые за многие годы начинают обсуждаться животрепещущие вопросы формирования и развития русской культуры и духовности. В национальный оборот снова включаются ранее запрещенные даже упоминать имена выдающихся русских деятелей и мыслителей прошлого: Данилевского, Каткова, Розанова, Леонтьева, Победоносцева, Иоанна Кронштадтского и Серафима Саровского. «Русский клуб» возглавляли писатель Д.А. Жуков (председатель), историк С.Н. Семанов и П.В. Палиевский (заместители), а от аппарата ВООПИКа клуб курировал И.А. Белоконов. В течение нескольких лет клуб был центром формирования и развития русской патриотической мысли. Лучшие умы России пытаются осмыслить причины трагедии, постигшей Отечество. Клуб собирался в Высокопетровском монастыре в Москве. На его заседаниях, кроме уже перечисленных выше деятелей ВООПИКа и участников конференции в Новгороде, активно работали: В.А. Чивилихин, В.А. Чалмаев, В.В. Сорокин, И.И. Кобзев, И.С. Глазунов, Ю. Л. Прокушев, Г.В. Серебряков, С.Г. Котенко, И.А. Кольченко, О.Н. Михайлов, Н. Сергованцев, А.И. Байгушев, О.И. Журин, В.А. Виноградов, М.П. Кудрявцев, В.Д. Захарченко, Л.П. Кабальчик, Н.А. Сверчков, З.А. Ткачук, А.П. Ланшиков, Е.И. Осетров, А.В. Никонов, С.Ю. Куняев.

«Организационно, – писал один из членов «Русского клуба» А.И. Байгушев, – мы приняли церковную структуру. Монастырь, Петровка, 28, был у нас чистилищем. Здесь был как бы открытый храм, и сюда свободно в любой день, в любой час могли зайти на постоянную службу, то есть на любое мероприятие, любой творческий вечер, русские миряне. Здесь мы приглядывались к новым лицам, отбирали, кого какими интересами привлечь, а кого постараться под тем или иным предлогом отшить (...) Постоянные и проверенные (в общении, в «соблазнах», мы не гнушались и анкетой) попадали под негласный статус оглашенных.

Их мы уже сами начинали настойчиво приглашать на русские мероприятия, давали несложные, больше для проверки, просветительные поручения. Из «оглашенных» лучшие попадали в «верные» и уже могли посещать наши «русские вторники», на которых шла основная духовно-строительная работа. Здесь поочередно каждым из наиболее активных членов «Русского клуба» делался доклад на предложенную им самой русской теме¹.

«Мы, – сообщает тот же член клуба, – не решались начинать хотя бы закрытые собрания «Русского клуба» с молитвы. Хотя священники и появлялись рядом с нами на наших «светских» собраниях впервые не замаскировано, не стыдливо, а гордо, в облачении и при регалиях, но нам только еще предстояло вернуть... самим себе собственное русское достоинство, чтобы не дрожать перед иудо-атеистами, а гордо осенять себя на людях нашим православным крестом. Однако «безмолвие» (исихазм) и благородный «византизм» сразу стали духовными знаменами «Русского клуба». Валентин Дмитриевич Иванов, знаменитый исторический писатель, автор «Руси изначальной», стал его иереем. После многих лет преследования и травли он с особенным жаром отдавался клубу, найдя здесь самую благородную, затаив дыхание слушающую его аудиторию. И то же надо сказать об Олеге Васильевиче Волкове, не сломленном многолетним ГУЛАГом публицисте, дворянине самых высоких кровей, вдруг радостно увидевшем, что Россия еще жива, что идет молодая здоровая смена, в которой не убит масонским интернационализмом православный русский дух»².

Несмотря на возвышенный «византизм» и внешне почти церковные формы организации «Русского клуба», большинство его членов оставались практически неверующими и невоцерковленными людьми, хотя все они осознавали огромную созидательную и жертвенную роль Православной Церкви в русской истории и культуре. Осуждая еврейский большевизм за геноцид Русского народа, они вместе с тем не смешивали его с русским государствен-

¹ Байгушев А.И. Сатанинские признания закулисного человека. М., 1996, с. 291.

² Там же., с. 287–288.

ным направлением, которое придал коммунистической власти И.В. Сталин. Более того, некоторые члены клуба были горячими почитателями этого великого человека. Положительный опыт сталинских национальных реформ 1940-х – начала 1950-х, остановленных космополитическим режимом Хрущева, подталкивал их к абсурдной мысли о возможности соединения большевизма с Православием (С.Н. Семанов) или, как иначе выражались Г. Шиманов и М. Антонов, «соединения Нила Сорского и Ленина», Православия с ленинизмом. Конечно, такие мысли могли возникнуть только в атеистическом сознании. По мере его изживания и воцерковления взгляды «национал-коммунистов» менялись в сторону традиционной русской идеологии.

Деятельность «Русского клуба» внесла огромный вклад в возрождение национального сознания и в воспитание сотен, а может быть, даже тысяч русских людей в духе любви к традиционным духовным ценностям Отечества и беззаветном служении им. Однако в своем стремлении обратиться к более широкой русской аудитории члены клуба наталкивались на глухую стену запретов, что вынуждало их искать другие, подпольные формы распространения национальных знаний.

Исконно русская мысль продолжала развиваться как бы в подполье и распространялась по потаенным каналам и изданиям. Что не могли (или не хотели) сделать члены «Русского клуба» – совершали смельчаки, стоявшие идейно рядом с ним.

С января 1971 в течение четырех лет выходит русский патриотический журнал «Вече». Печатался он на машинке тиражом в несколько десятков экземпляров. Его редактор В.Н. Осипов сумел собрать вокруг себя группу прекрасных авторов, превративших «Вече» в высокопрофессиональный журнал, освещавший на своих страницах не только общеидеологические, но и исторические, экономические, политические, экологические, архитектурно-градостроительные, литературные и этнографические вопросы существования Русской нации. С первых номеров (а вышло их всего 9) журнал занял православно-христианскую позицию, последовательно проводя славянофильские идеи,

что впоследствии на суде было вменено редактору как преступление. Тем не менее и здесь некоторые авторы пытались соединить Православие и большевизм (ленинизм). Так, М. Антонов в статье о славянофильстве рассматривал его как высший взлет народного самосознания в России, но только в «доленинский период»! Соответственным образом «ленинский период» в развитии России, по мнению М. Антонова, был значительнее и положительнее, чем вся предшествующая история страны (!).

Среди авторов «Вече» особого упоминания заслуживают писатели Л.И. Бородин (отсидевший по делу ВСХСОН), О.В. Волков (многолетний узник ГУЛАГа) и Д.А. Жуков, архитектор-реставратор В.А. Виноградов, отец Димитрий Дудко, публицист А.М. Иванов-Скуратов, искусствовед М.П. Кудрявцев, православный мыслитель и публицист Г.М. Шиманов. Большинство из них писали под псевдонимами.

Наиболее ярким и последовательным выразителем коренной русской идеологии среди авторов журнала был Г.М. Шиманов, издавший в начале 70-х годов на Западе книгу «Записки из красного дома». В отличие от многих идеологов «Русского клуба» типа Палиевского и Кожинова, занятых в основном «пережёвыванием» традиционных славянофильских трудов и взглядов (и поэтому топчущихся на месте), Г.М. Шиманов придавал русской идеологии определенное развитие применительно к новым условиям. Шиманов смело и глубоко понял главное – корень мирового зла (и в том числе трагедии в России) в катастрофическом тупике западной цивилизации, по сути дела отказавшейся от христианства и заменившей полностью духовной жизни фальшивым блеском материального благополучия. «Я скажу, – писал православный мыслитель, – что теперь, после опыта тысячи лет, загнавшего человечество в невыносимый тупик, разве не ясно, что только подлинное, возрожденное христианство может быть выходом из тупика? Что необходима новая, не языческая – буржуазная, но аскетическая и духовная цивилизация?» Такая цивилизация может возникнуть на русской духовной основе. Судьба России – не только ее судьба, но судьба всего человечества, которое сумеет выйти из

тупика, опираясь на традиционные духовные ценности Русского народа. Русским нужно объединяться на своих духовных основах, чтобы выполнить свою миссию перед Отечеством и миром. И в этом объединении атеистическая советская власть не является препятствием, ибо она может быть преобразована изнутри в совершенно иное качество, главное же – возродить в себе коренное русское самосознание.

«Нам надо вспомнить, – декларировал Г. Шиманов, – о том, что мы русские, вспомнить, не для того чтобы через минуту снова забыть об этом, но для того, чтобы уже навсегда соединить свое сердце с сердцем народным, соединить судьбу свою с судьбою Отечества, соединить надежды свои с надеждами лучших русских людей о РЕЛИГИОЗНО-НАЦИОНАЛЬНОМ ВОЗРОЖДЕНИИ РОССИИ...

Но мы обязаны трезвыми, мы обязаны православными глазами смотреть на вещи. Величайшее зло – не искать Божией правды и не созидать свою жизнь по этой правде. Будешь искать и будешь строить – и никакая власть тебе в этом помешать не сможет. Советская власть – это не только безбожие и величайшая в мире гроза, это также и некая тайна и орудие Божьего Промысла... Процесс возвращения русского духа в себя, процесс возвращения РУССКОГО СОЗНАНИЯ уже начался, и остановить его ничто не сможет. Теперь нам крайне важно восстановить здоровое и подлинно православное отношение к своему Государству. Смущаться, что оно является ныне официально атеистическим, по-моему, не нужно (и Павел был до своего обращения, как известно, Савлом), а нужно верить и работать на благо Церкви и на благо русского общества и советского государства. Не подлежит никакому сомнению, что православные христиане должны быть лучшими гражданами нашей Родины... В нынешней атмосфере внутренней ПУСТОТЫ и внутреннего ОДИЧАНИЯ они должны явиться подлинной СИЛОЙ, подлинным ЗДОРОВЬЕМ, подлинной ОПОРОЙ нашего Русского народа и нашего государства, – и так оно несомненно и будет во славу Божию и к торжеству нашей Православной Церкви!»

**ГЛАВА 78. Россия перед вторым
пришествием. – Великая миссия
митрополита Санкт-Петербургского и
Ладожского Иоанна. – Его учение о Святой
Руси и вселенском значении русского
народа. – Время покаяния и прозрения. –
Воссоздать державу Святорусскую.**

На рубеже второго и третьего тысячелетия Россия переживает самое трудное время в своей истории. Фактически внутренними и внешними врагами России поставлен вопрос о самом существовании Православия, Святой Руси, русской цивилизации. Торжество тайны беззакония, апостасия, массовая космополитизация и иудаизация всех сторон жизни современного человека усугубляются появлением пятой колонны экуменистов и обновленческих реформаторов в самой православной церкви, грозящих взорвать ее изнутри¹. Но Господь Бог и Пресвятая Богородица всегда были милостивы к России. В каждую тяжелую эпоху из глубин православного народа являлись учителя и подвижники. Они указывали правильный путь. Их имена становились духовным знаменем эпохи. В н. XX в. Бог дал России для духовного водительства, назидания и пророческого служения св. праведного Иоанна Кронштадтского. В наше время такая же великая миссия легла на плечи митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева). Во 2-й пол. XX в. он стал высшим выразителем идеалов Святой Руси, русской цивилизации.

Подобно Серафиму Саровскому, Иоанну Кронштадтскому и Оптинским старцам митрополит Иоанн вышел из самых глубин православного русского народа.

Превозмогая физическую немощь, владыка Иоанн непрерывным, кропотливым трудом получил блестящее образование, стал магистром богословия и доктором церковной истории. Мудрый, предельно простой в общении,

¹ Подробнее об этом в моих книгах "История русского народа в XX веке", т. 1–2 М., 1995. "Тайна беззакония" 2-е изд. М., 2004. и "Загадка Сионских протоколов" 2-е изд. М., 2004.

глубокий и тонко чувствующий человек, владыка Иоанн стал для миллионов верующих источником чистоты православной веры, лучом света посреди тьмы, надеждой на возрождение Святой Руси. С первых выпущенных им книг мощно и убежденно над всей нашей страной зазвучал голос Духовника, Проповедника России, истинного сына нашего Отечества.

С того момента, когда владыка прибыл на служение в Санкт-Петербургскую епархию, он стал главным духовным наставником и водителем современной России, в проповедях и книгах которого содержались ответы практически на все вопросы, которые тревожат русского человека.

В 1994–95 петербургское издательство «Царское Дело» опубликовало главные труды митр. Иоанна: «Самодержавие Духа (Очерки русского самосознания)», «Голос вечности (Проповеди и поучения)», «Одоление смуты (Слово к Русскому народу)», «Стояние в вере (Очерки церковной смуты)», «Русь Соборная (Очерки христианской государственности)».

Каждая из этих книг является бесценным достоянием русской национальной идеологии. Вслед за св. Иоанном Кронштадтским владыка Иоанн провозглашал, что «родиться русским есть дар служения», русский народ – народ-Богоносец. Смысл русской жизни окончательно и навсегда сосредоточился вокруг Богослужения в самом высоком и чистом значении этого слова – служения Богу как средоточию Добра и Правды, Красоты и Гармонии, Милосердия и Любви. Цель народной жизни окончательно определилась как задача сохранения в неповрежденной полноте этой осмысленности личного и общественного бытия, свидетельствований о ней миру, защите ее от посягательств и искажений. Церковь благословила русский народ на высокое служение. Благословение это облеклось в форму пророчества о будущей великой судьбе России, Москвы как Третьего и последнего Рима, последнего оплота истинной Православной веры в страшные предантихристовы времена всеобщей апостасии и всемирной смуты. Православная Россия, указывал митрополит Иоанн, стоит на страже духовного мира всего человечества. Ей определено Господом «до конца времен стоять преградой

на пути зла, рвущегося к всемирной власти. Стоять на смерть, защищая собой Божественные истины и спасительные святыни Веры». Земное величие России всегда было связано с ее духовной мощью и здоровьем, с крепостью и живостью веры.

Святая Русь, учил владыка Иоанн, испокон веков удерживала рвущееся в мир сатанинское зло. Врагу рода человеческого и его земным слугам нелегко пришлось в борьбе с могучей российской государственностью, всей своей мощью надежно защищавшей животворные истины веры, бережно хранимые Церковью и народом в его нерушимом соборном единстве. За девять столетий с момента крещения Руси ни козни иноземцев, ни нашествия иноплеменников, ни внутренние гражданские смуты, ни ересь жидовствующих, ни старообрядческий раскол не смогли замутить чистоту церковной Истины, не сумели разобщить народ.

Все это время душой русского народа, его соборной совестью была Православная Церковь. Она, как заботливая мать, воспитала в нем его лучшие черты. Она сурово обличала его грехопадения и давала силы восстановить утраченное. Евангельское учение Церковь вложила в душу народа как совершеннейший образец, по которому каждый в меру сил должен строить жизнь личную, а все вместе – общественную и государственную.

Именно Церковь стала центром святоотеческой государственности – не насилующей народ, не создающей рабства, следящей за духовным возрастанием и нравственным самосовершенствованием каждого. Церковная идея служения легла в основу сословного строя России, основанного на разделении общих обязанностей, а не на иерархии прав, как это было на Западе. Здесь берет начало весь уклад русской жизни, как бы ни изменялись его формы с течением времени. Православность – непереносимое качество всего русского в его историческом развитии. Понятия «русский» и «православный» слились воедино. Так было, пока Россию не разъединили насильно – с умыслом, злонамеренно и расчетливо. Знали – чтобы убить Россию, начать надо с осквернения души¹.

¹ Пастырь добрый. Венок на могилу митрополита Иоанна. СПб., 1996.

Религиозный смысл русской истории, указывал митрополит Иоанн, выходит далеко за рамки национального значения. «На костях мучеников, – пророчествовал задолго до революции о. Иоанн Кронштадтский, – как на крепком фундаменте, будет воздвигнута Русь новая – по старому образцу; крепкая своей верой в Христа Бога и Святую Троицу; и будет по завету святого князя Владимира – как единая Церковь». Именно эта роль России, как последнего убежища истинной веры, последней, всеми гонимой Церкви времен общей апостасии и воцарения антихриста придает русской истории вселенское, космическое значение.

На протяжении десяти веков соответствие внешней судьбы страны внутреннему состоянию народного духа заставляло русских людей с сугубым вниманием относиться к поучениям, предсказаниям и пророчествам об особой судьбе России, тщательно и благоговейно доискиваясь – в чем же неповторимый смысл русской истории, какое служение уготовал Господь для русского народа? Результаты этого кропотливого, осененного молитвами труда владыка Иоанн изложил в виде нескольких положений, определяющих церковный взгляд на родную историю:

1. Понимание русской судьбы – истории России с ее взлетами и падениями, благодатными прозрениями и соблазнами богоборчества возможно лишь в рамках исторического осмысления извечной борьбы, ведущейся падшим духом против человеческого рода. Оторвать душу человека от спасительной церковной благодати, исказить Евангельские истины, уничтожить Православную Церковь и ее ограду – русскую государственность, эти богоборческие порывы сатаны были теми внутренними толчками, которые на поверхности русской жизни отражались войнами и смутами, революциями и «перестройками».

2. Русская история – лишь часть общей истории человечества, начавшейся с момента грехопадения первых людей и изгнания их из рая. Концом ее станет второе славное пришествие Христово с последующим Страшным Судом и преображением мира. Главное событие истории – воплощение Иисуса Христа, Сына Божия, «нас ради человек и нашего ради спасения сшедшаго с небес и воплотившагося от Духа Свята и Марии Девы и вочеловечшася», основавшего на

земле с целью усвоения людьми дарованного Им спасения «едину святую соборную и апостольскую Церковь».

3. Отношение людей и народов к дару спасения (принятие или отвержение) в конечном счете определяет судьбу как отдельного человека, так и целого народа. В своем отношении к Церкви, хранящей дар спасения, человек свободен. Свобода заключается в выборе между добром и злом, добродетелью и страстью, законом Божиим и беззаконием, христианским долгом служения и своеволием, произволом. «Поток истории» есть лишь реализация этого религиозно-нравственного выбора в событиях и поступках.

4. Народы, как и люди, неповторимы. Дарования Божии каждому из них определяют его роль и место в истории человечества. Русскому народу определено Богом особенное служение, составляющее смысл русской жизни во всех ее проявлениях. Это служение заключается в обязанности народа хранить в чистоте и неповрежденности нравственное и догматическое вероучение, принесенное на землю Господом Иисусом Христом. Этим русский народ призван послужить и всем другим народам земли, давая им возможность вплоть до последних мгновений истории обратиться к спасительному, неискаженному христианскому вероучению.

5. Понятие «русский» в этом смысле не является исключительно этнической характеристикой. Соучастие в служении русского народа может принять каждый, признающий Богоустановленность этого служения, отождествляющий себя с русским народом по духу, цели и смыслу существования, независимо от национального происхождения.

6. История русского народа есть история его призвания к этому служению, история осознания и добровольного вступления в служение, история борьбы народа с искушениями, соблазнами и гонениями, грозившими извратить идею служения или воспрепятствовать ему.

Только осознав свое место в истории русского народа, определив в этой связи понятия своих нравственных обязанностей, своего религиозного долга, русский человек сможет существовать осмысленно и полноценно, преемственно продолжить исповедническое служение своих предков, не прекращавших его в самые лютые времена,

чему свидетели перед престолом Божиим – сонмы новомучеников российских, за веру Христову и Русь Святую от богоборцев мученический конец приявших.

Только так русские сумеют удалить из своей жизни отраву богоборчества и космополитизма, отличить друзей от врагов, возродить Святорусскую державу и примириться с Богом.

Православная церковь воспитала в русском народе чувство соборности. Русская соборность – это сознание духовной общности народа, коренящейся в общем служении, общем долге. Смысл этой общности – в служении вечной правде, той Истине, которая возгласила о Себе словами Евангелия: «Я есмь путь и истина и жизнь» (Ин. 14: 6). Это осмысленность жизни как служения и самопожертвования, имеющих конкретную цель – посылить приблизиться к Богу и воплотить в себе нравственный идеал Православия.

С соборностью народа, отмечал владыка Иоанн, неразрывно связано его второе драгоценное качество – державность. Воплощение нравственного идеала требует соответственной социальной организации. Такая организация немислима без державного сознания, формирующего в человеке чувство долга, ответственности и патриотизма. Державность – это сознание каждым ответственности за всех, ответственности отдельной личности за нравственное здоровье общества и крепость государства. Не принудительной ответственности «за страх», а добровольного религиозного служения «за совесть». Державность – это государственное самосознание народа, принявшего на себя церковное послушание «удерживающего» (по слову апостола Павла, см. 2 Сол.2: 7), стоящего насмерть на пути рвущегося в мир сатанинского зла.

Церковь, учил владыка Иоанн, не может делать вид, что не замечает того шабаша, который сегодня устроили на Руси христоненавистники, растлители и сатанисты разных мастей. Нынешние реформаторы – экстремисты, унаследовавшие худшие черты террористического большевистского самосознания, уже стоившего России невероятных жертв, ведут дело к созданию чудовищной по своему цинизму системы власти – коррумпированной и бесконтрольной,

скрывающей за псевдодемократической риторикой полное презрение к закону.

Подводя итоги космополитической реформы, митр. Иоанн писал: «Сегодня мы имеем возможность оценить первые плоды такого реформирования. Единое государство разрушено. Русский народ расчленен на части границами новоявленных «независимых государств». Россия отброшена в своем территориальном развитии на триста пятьдесят лет назад. Общество оказалось совершенно беззащитным перед шквалом безнравственности и цинизма, обрушившимся на людей со страниц «свободной» прессы и экранов телевизоров. Церковь подвергается бешеным атакам еретиков и сектантов, понаехавших в Россию со всего света, чтобы «просветить» русских варваров. Ростки здорового национально-религиозного самосознания погребены под грудой нечистот «масскультуры» и фальшивых ценностей «общества потребления». Страной по-прежнему правят богоборцы, космополиты и русоненавистники».

На вопросы многих людей, как бороться с космополитическим режимом, владыка неизменно отвечал, что единственный путь спасения – путь объединения вокруг русских вековых святынь, путь спасения русской соборности и державности, путь духовного прозрения и очищения. «Сумеем пробиться к Богу сквозь толщу лжи и клеветы, нагроможденную христоненавистниками, – учил владыка, – значит, сумеем возродить Святую Русь. Отступимся – Россия погибнет».

Как вернуться к Святой Руси? Как восстановить в себе черты народа-богоносца, с бесовским упорством вытраваивавшиеся богоборческой властью? Как обезопасить себя от духовной заразы потребительства, этой поистине мировой чумы, растлившей и погубившей уже многие народы, бывшие некогда христианскими? – спрашивает владыка Иоанн и сам же дает на эти вопросы ответ: Прежде всего – надо вернуться в Церковь. Надо очистить место святое – душу человека – от тряпок и побрякушек, от навязанных ей ложных ценностей и восстановить в правах попранный и оплеванный смысл жизни человека. Жизни как служения Богу, зовущему нас к Себе: «Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы»

(Мф. 11: 28). Надо откликнуться на этот Отчий зов, прийти с покаянием, не скрывая внешнего своего убожества и срамоты, прийти с молитвой и верой, и тогда – силен Бог очистить наши сердца и восстановить в них мир и покой осмысленного бытия.

Восстановив истинные ценности внутри себя, надо восстановить их и вовне. Жизнь общества, государства требует осмысленности так же, как и жизнь отдельного человека, не может материальное благополучие быть целью всех стремлений. Сытое брюхо еще не значит – чистая совесть. Критерием государственного устройства должна стать его богоугодность, соотнесенность с тысячелетними святынями веры. Нужно во всей полноте использовать богатейший опыт русской государственности. Нужно осознать, что у Православной России есть враги, ненавидящие наш народ за его приверженность Истине, за верность своему религиозному служению, своим христианским истокам и корням. Осознать, что если мы хотим выжить – нам надо научиться защищать себя, свою веру, свои святыни.

Пришло время покаяния и прозрения. Россия допивает последние капли из чаши гнева Божия. Теперь, обладая огромным трагическим опытом десятилетий сатанинского пленения, русским особенно важно заново осмыслить пройденный путь, научиться отличать добро от зла, истину от лжи, настоящую духовность от лукавой подделки. Так заново учится ходить больной после долгой и тяжелой болезни. Лишь восстановив благодатную преемственность русского религиозно-национального самосознания, можем мы рассчитывать на успешное выздоровление. Иного пути – нет!

Великая судьба России зависит от воли и терпения русского народа. Мы, русские, можем и должны воссоздать державу Святорусскую.

Так учил русский народ митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский ИОАНН. Его учение стало заветом для всех коренных русских людей. Русский путь еще не пройден, история церкви еще не кончена.

СОДЕРЖАНИЕ

«Во умножении любви к Святой Руси» — 5

ДОРОГА ДЛИНОЙ В ЧЕТЫРЕ ТЫСЯЧИ ЛЕТ

ГЛАВА 1

Зарождение. – Культура праславянских племен. – Сколоты-пахари. – В скифском царстве. – Свидетельства древних историков. – Появление письменности. – Любезность, справедливость и простота. — 17

ГЛАВА 2

Становление. – От союзов племен к государственному единению. – Новгород и Киев. – Уничтожение Хазарии. – Принятие Христианства. – Община и артель. – Хозяйство и ремесла. – Литература и искусство. – Столкновение с татаро-монголами — 26

ГЛАВА 3

Расцвет. – Сергей Радонежский и торжество Православия. – Разгром татаро-монгол. – Укрепление Русского государства. – Собираание земель. – Рост духовности. – Святые старцы. – Москва – Третий Рим. – Враждебная деятельность католиков и еретиков — 36

НА ПУТИ К ИСТИННОМУ БОГУ

ГЛАВА 4

Древние верования славян. – Обоготворение добрых начал. – Приближение к единобожию. – Духовно-нравственный характер религиозных представлений — 46

ГЛАВА 5

Пантеон древнеславянских божеств. – Огонь и солнце. – Сварог. – Дажьбог. – Перун. – Велес. – Мокошь. – Добрые и злые начала — 51

ГЛАВА 6

Мировоззрение человека дохристианской Руси. – Поэтический взгляд на природу. – Одухотворение леса и животных. – Добрые и злые духи — **58**

ГЛАВА 7

Языческий календарь. – Годовой круг обрядов. – Смена времен года в сознании язычников — **63**

ТОРЖЕСТВО ПРАВОСЛАВИЯ

ГЛАВА 8

Святая Русь. – Благодатные свойства русского народа. – Богоизбранность. – Великая миссия добра. – Преображение души — **68**

ГЛАВА 9

Русское Православие. – Истинная вера. – Пресвятая Троица. – Жизнь вечная. – Нагорная проповедь. – Лестница райская. – Богослужение. – Страх Божий. – Царство Небесное. – София – «Премудрость Божия» — **76**

ГЛАВА 10

Подвиг русского монашества. – Пещерные монастыри. – Обители в дремучих лесах. – Сергей Радонежский и ученики. – Умное делание. – Нил Сорский и нестяжатели. – Иосиф Волоцкий. – Благодатное старчество — **84**

ГЛАВА 11

Русское Православие против иудаизма. – Стригольники. – Секта жидовствующих. – Отрицание Христианской веры и иконоборчество. – Иудей Схария. – Проникновение еретиков в духовенство и царское окружение. – Борьба русских людей против жидовства. – Геннадий Новгородский и полный перевод Библии. – Обличительные сочинения Иосифа Волоцкого. – Антиеретические сборники Нила Сорского. – Осуждение жидовствующих на Соборах 1490 и 1504 годов. – Казнь еретиков — **96**

ГЛАВА 12

Почитание Русской Церковью христиан, умученных
иудеями в ритуальных целях. –
Святой Евстратий. – Святой Димитрий-царевич. –
Святой Гавриил Белостокский — **106**

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА СВЯТОЙ РУСИ — 111

РОССИЯ, РОДИНА, РУССКИЙ НАРОД

ГЛАВА 13

Родина. – Отечество. – Русский патриотизм — **154**

ГЛАВА 14

Русские земли. – Великая, Малая и Белая Русь. –
Закарпатская Русь. – Буковина. – Крым. – Урал и
Сибирь. – Прибалтика. – Кавказ. – Аляска. — **157**

ГЛАВА 15

Русский народ. – Великороссы. – Малороссы. –
Белорусы. – Национальное строительство. –
Объединение более 100 народов в едином государстве. –
Страна милости, а не ненависти — **169**

ЦАРЬ И РУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПОРЯДОК

ГЛАВА 16

Сочетание сильной центральной власти с местным
самоуправлением. – Царь. –
Идея самодержавной власти — **178**

ГЛАВА 17

Удерживающий. – Москва –
Третий Рим. – Степенная книга — **183**

ГЛАВА 18

Русское самоуправление. – Вече. –
Дружина. – Земские соборы. – Губная
организация. – Земские учреждения — **186**

ГЛАВА 19

Закон по правде и справедливости. – Русская
Правда. – От Судебника 1497 до Соборного
уложения 1649. – Отношение к смертной
казни. – Герб государства Российского — **192**

ГЛАВА 20

Война и мир. – Христоролюбивое воинство — **198**

СОБОРНОСТЬ, ОБЩИНА, АРТЕЛЬ

ГЛАВА 21

Соборность. – Единение в любви, вере и
жизни. – Основа духовной цельности — **201**

ГЛАВА 22

Община. – Духовное и общественно-
производственное объединение. – Мир как одна
семья. – Сходка. – Соблюдение справедливости. –
Взаимопомощь. – Помочи — **203**

ГЛАВА 23

Артель. – Складничество. – Братства. –
Ватага. – Дружины. – Товарищества. –
Справедливость. – Круговая порука — **220**

ДУХОВНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СВЯТОЙ РУСИ

ГЛАВА 24

Душа. – Сердечность. – Совесть. – Стыд — **247**

ГЛАВА 25

Добро. – Доброта. – Добротолюбие — **251**

ГЛАВА 26

Добродетели. – Блаженство. – Благодать. –
Боголюбие. – Благочестие — **255**

ГЛАВА 27

Главные православные добродетели. – Вера. –
Надежда. – Любовь. – Дружба. – Мудрость. –
Мужество. – Воздержание. – Справедливость — **260**

ГЛАВА 28

Нестыжательство. – Преобладание духовно-
нравственных мотивов над материальными
интересами. – Идеалы скромного
достатка. – Осуждение богатства — **268**

ГЛАВА 29

Смирение. – Кротость. – Долг. – Верность. –
Честь. – Честность — **272**

ГЛАВА 30

Ум и нрав. – Нравственность. – Истина и
Правда. – Свобода и воля к действию — **275**

ГЛАВА 31

Познание добра и зла. – Страдание. –
Беда. – Страх. – Жалость — **281**

ГЛАВА 32

Смертные грехи. – Человеческие пороки. – Гордость. –
Гнев. – Жадность. – Ложь. – Предательство. – Лесть. –
Осуждение. – Мечь. – Самоубийство — **285**

ГЛАВА 33

Счастье. – Радость. – Веселье. – Смех — **291**

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ

ГЛАВА 34

Вселенная. – Земля. – Вода. – Воздух. – Огонь — **295**

ГЛАВА 35

Время. – Жизнь. – Вечность. –
Бессмертие. – Смерть — **298**

ГЛАВА 36

Русский календарь. – От сотворения мира до
Рождества Христова. – Двенадцать месяцев. –
Народные приметы на каждый месяц — **305**

МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА

ГЛАВА 37

Мужское и женское начала. – Слово и дело. –
Положение русской женщины — **323**

ГЛАВА 38

Брак. – Семья. – Отношения мужа и жены — **326**

ЖИВОТНЫЕ И ПРИРОДА

ГЛАВА 39

Домашние животные. – Конь. – Корова. –
Собака. – Кошка. – Петух — **331**

ГЛАВА 40

Лесные животные и птицы. – Медведь. – Волк. –
Заяц. – Орел. – Ласточка. – Кукушка. – Ворон — **335**

ГЛАВА 41

Лес. – Дуб. – Береза. – Осина. –
Папоротник. – Плакун-трава — **339**

ТРУД

ГЛАВА 42

Трудолюбие. – Трудовые идеалы Святой Руси. – Уваже-
ние к труженику. – Выражение духовной жизни — **342**

ГЛАВА 43

Время труда и отдыха. – Продолжительность рабочего дня. – Выходные дни и праздники. – Презрение к лодырям — **351**

ГЛАВА 44

Оплата за труд. – Идеал справедливого вознаграждения. – Уровень зарплаты — **357**

ГЛАВА 45

Трудовое обучение. – Ремесло. – Мастерство. – Пахари и кузнецы — **366**

ГЛАВА 46

Рабочее самоуправление. – Объединение на артельных началах. – Дружины. – Черные сотни. – Черные слободы — **375**

НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО

ГЛАВА 47

Нравственная экономика. – Разумный достаток и самоограничение. – Автаркия. – Самоуправление общины и артели — **380**

ГЛАВА 48

Собственность. – Земля. – Капитал. – Богатство. – Осуждение ростовщичества — **392**

ГЛАВА 49

Купечество. – Путь из варяг в греки. – Иваново сто. – Торговые пути. – Ярмарки. – Купеческие гильдии — **399**

ГЛАВА 50

Промышленность. – Древнейшие ремесла. – Металлообработка и пушечное дело. – Индустриальное предпринимательство. – Мануфактуры и фабрики. – Высокие темпы промышленного роста — **418**

ГЛАВА 51

Крепостное право и принудительный труд
в России и на Западе. – Огосударствление. –
Противостояние насилию — **433**

ТРАДИЦИИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ

ГЛАВА 52

Дом. – Изба. – Красный угол. – Трапеза. –
Винопитие. – Блины. – Баня — **440**

ГЛАВА 53

Православные и народные праздники. – От Пасхи
до Рождества. – От Крещения до Покрова. – Семик,
Радуница, Троица. – Иванов день. – Три Спаса. – Святки
и Масленица. – Никольщина и Егорий — **446**

ГЛАВА 54

Сказочный и былинный мир. – Вера в победу
добра. – За Русскую Землю. – Галерея народных
героев. – «Голубиная книга» — **454**

НАУКИ И ИСКУССТВА

ГЛАВА 55

Русский язык. – Письменность и книга. –
Отношение к печатному слову. – Самая
читающая страна в мире — **462**

ГЛАВА 56

Величие русской науки. – Достижения отечественных
ученых. – Крупнейшие мировые открытия — **470**

ГЛАВА 57

Русская философия. – Наука о душе. – Духовная
цельность и добротолюбие. – Нестыжательство
и соборность. – Богоизбранность. – Галерея
русских мыслителей — **488**

ГЛАВА 58

Красота спасет мир. – Отношение к прекрасному. –
Русское искусство. – Духовное преображение. –
Икона и церковное зодчество — **509**

СТОЛКНОВЕНИЕ С ИУДЕЙСКО-МАСОНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИЕЙ

ГЛАВА 59

Русофобия. – Юрий Крижанич. – Чужебесие. –
Отрицание народной культуры — **522**

ГЛАВА 60

Начало разрушения. – Раскол Русской
Церкви. – Пагуба католичества и униатства. –
Протестантское влияние — **528**

ГЛАВА 61

Деградация правящего слоя. – Дворянское преклонение
перед иностранным. – Отчуждение «господ» от русского
народа. – Разрушительная роль еврейства — **539**

ГЛАВА 62

Идеология босяков. – Апология тунеядства. –
Челкаши и романтики «дна» — **549**

ГЛАВА 63

Разрушение общины. – Космополитический
контроль. – Копирование западных форм
хозяйствования. – Потеря самостоятельности — **556**

ГЛАВА 64

Выступления против артели. – Капиталистическая
организация труда. – Искажение артельных основ — **564**

ГЛАВА 65

Противостояние «тайне беззакония». –
Серафим Саровский. – Стяжание Духа Святого. –
Паисий Величковский. – Оптина пустынь — **570**

ГЛАВА 66

Новая попытка завоевать Россию. – Победа над Наполеоном. – Патриотический и духовный подъем в русском обществе. – Разгром декабристов-масонов. – Анафема Серафима Саровского. – Уваров. – Реформа народного просвещения. –
Православие, Самодержавие, Народность — **576**

ГЛАВА 67

Славянофилы. – От Киреевского до Данилевского. –
Галерея подвижников Святой Руси. –
От Нилуса и Шарапова до Тихомирова и Розанова — **581**

ГЛАВА 68

Пророчества русских святых. –
Предостережение Иоанна Кронштадтского. –
Грех русского народа. –
Измена Божию призванию — **593**

ГЛАВА 69

Организации для защиты Святой Руси. –
«Священная дружина». – «Русское собрание». –
«Союз Русского Народа» — **597**

ГЛАВА 70

Царствование Николая 2. – Духовность государя. –
Благотворное влияние Победоносцева. – Столыпин
и его аграрная реформа. – Миф о Распутине. –
Ритуальный характер убийства Царя — **609**

НА ПУТЯХ ВОЗВРАЩЕНИЯ К СВЯТОЙ РУСИ

ГЛАВА 71

Революция против русской цивилизации. –
Геноцид русского народа. – Осквернение святынь. –
Бог не попустил гибели Святой Руси. –
Явление чудотворной иконы
Божией Матери «Державная» — **625**

ГЛАВА 72

За идеалы Святой Руси. – Приамурский Земский Собор. – Новые мученики Российские. – Последователи русской цивилизации — **631**

ГЛАВА 73

Развитие идеологии Святой Руси. – Учение И.А. Ильина. – «Народная монархия» И. Л. Солоневича — **639**

ГЛАВА 74

Сталин как вождь русского народа. – Спасение России от еврейских большевиков. – Великая Отечественная война против агрессии западной цивилизации. – Великая победа — **648**

ГЛАВА 75

Новые гонения на церковь. – Рост числа верующих. – Канонизация святых. – Прославление Царственных мучеников. – Борьба с экуменизмом — **658**

ГЛАВА 76

Русская литература. – Великие писатели из крестьян. – Тоска по Святой Руси. – Любовь к Родине и вера в ее духовные основы — **664**

ГЛАВА 77

Русское сопротивление. – Возрождение национального сознания. – Клуб «Родина». – «Молодая гвардия». – Национал-большевики. – «Наш современник». – ВООПИК. – «Русский клуб». – Рост патриотического движения. – «Вече». – Развитие отечественной мысли — **668**

ГЛАВА 78

Россия перед вторым пришествием. – Великая миссия митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна. – Его учение о Святой Руси и вселенском значении русского народа. – Время покаяния и прозрения. – Воссоздать державу Святорусскую — **682**